

П.С. Гуревич

ПСИХОАНАЛИЗ

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений*

Москва • 2017

УДК 159.964.2(075.8)
ББК 88я73-1
Г95

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Гуревич, Павел Семенович.
Г95 Психоанализ: учеб. пособие для студентов вузов /
П.С. Гуревич. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 479 с. —
(Серия «Актуальная психология»).

ISBN 978-5-238-01244-5

Агентство СІР РГБ

Почему люди подвержены разным комплексам? Отчего невротические расстройства обусловлены культурой? Почему живое тело функционирует, словно омертвевшее? Где, вообще, можно пройти курс психологической коррекции? На эти и другие вопросы, такие, как типы характеров, психосексуальное развитие, психологические особенности людей и способы их приспособления к миру, архетипы коллективного мышления, можно найти ответ в книге профессора П.С. Гуревича, который рассказывает об опыте клинического психоанализа. Написанная ярко и образно, книга поможет читателю добиться личностного роста, избавиться от психических отклонений, решить психосексуальные проблемы, понять свой внутренний мир.

Для студентов вузов и колледжей, а также широкого круга читателей.

ББК 88я73-1

ISBN 978-5-238-01244-5

© П.С. Гуревич, 2007

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2007

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в Интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2007

Введение

Я звоню из дома в свою клинику. Видимо, какая-то цифра не совпала. Я слышу незнакомый голос. Спрашиваю удивленно:

— Это Клиника глубинной психологии?

В ответ саркастическое, отчужденное:

— Слава Богу, нет...

Именно так — «слава Богу...». Слово «клиника» вызывает у многих ассоциации с мутными глазами, рассогласованными телодвижениями, неконтролируемой агрессией. Иллюзорные формы из облаков, старых стен с разводами. Бред ничтожества, убогости, греховности. Или, может быть, наоборот — иллюзия высокого происхождения, мессианства, особой избранности. «С ума схожу или восхожу к высокой степени безумства». Но все равно испуганный, фанатичный взгляд. Душа, лишенная крыльев, разорванность восприятия, неадекватность поведения.

Люди издавна боялись безумия больше, чем смерти. Жить, но лишиться рассудка — нет, только не это... Вероятно, миллионы людей в стране с облегчением отеклись бы от слова «клиника». А уж от той, что называет себя психологической, — тем более. Страх как раз глубинный, не всегда потаенный. Почти как у Пушкина: «Не дай мне Бог сойти с ума! Уж лучше посох и сума!» Иной, пожалуй, думает: «Все что угодно, но клиника — это не для меня, а для вас, граждане с пограничной психикой...»

Представьте себе, кто-то говорит: «Иду в Клинику глубинной психологии» — и ловит на себе быстрый взгляд, в котором звериное любопытство смешивается с сочувственным подозрением. Если бы позволяли обстоятельства, можно было бы со значением покрутить пальцем вокруг виска. Дескать, что, совсем уже? Однако приличия обязывают, и собеседник произнес с подтекстом:

Ну, или, или...

Многие люди игнорируют, скрывают, отрицают унижительные аспекты жизни, не придают им значения или идут с ними на открытое столкновение. Унизительно ощущать боль от раны, нанесенной любимым человеком или родителем, поражение от врага или друга. У человека периодически возникают приступы стыда при осознании, что его без колебаний использовала любовница, друг, начальник или компания или что он оказался в плену своей или чужой жадности или слепоты. Утраченные надежды, постыдные воспоминания ведут к деградации личности, в кризисные моменты проявляется слабость. Кроме того, существует унижение от физической и эмоциональной боли, болезни и в конце — возрастающее в своих масштабах унижение от окончательного поражения — смерти.

Многие люди полагают, что их жизнь сторонится, избегает всего отвратительного, низкого. Сравнивая себя с другими людьми, они говорят себе в утешение: я никого не убивал, не истязал, зачем мне идти к психологу? Но ведь у каждого человека есть ошибки, слабости, стыд, муки совести. Впрочем, у каждого ли? Многие философы, этики, публицисты с горечью пишут о том, что в наши дни как-то мигом слетели все нравственные опоры. Лю-

ди стали переступать через запретное, утратили чувство вины и раскаяния. Известный литератор пишет: не пришло ли время начать все сначала?.. Объяснять окружающим простые истины. Говорить, к примеру, это мама, ее надо любить. А это папа, он тоже близкий и родной человек... Совсем как в букваре: «Мама мыла раму».

В Санкт-Петербурге шел судебный процесс. Преступник, совершивший кровавые злодеяния, сидел на скамье, наголо обритый, поигрывая желваками. Полуприкрыв веки, он разглядывал прокурора, который только что произнес обвинительную речь. Какая мысль терзала сознание изобличенного? Возможно, он ощущал страх или муки раскаяния... А может быть, в его воображении жила неотвязная картина: он, еще не схваченный ментами, натывается на прокурора в безлюдном темном переулке. А потом я видел этого преступника, когда читали смертный приговор. Теперь его взгляд казался бессмысленным, остановившимся. Прозвучали последние слова о неотвратимой казни, и зал разразился аплодисментами.

Что меня поразило в этом разбирательстве? Не кровавые злодеяния садиста, не мертвенная тишина зала, не прокурорская непреклонность... Я был потрясен неожиданными рукоплесканиями... Только что в зале мелькнула зловещая тень с косой. Прозвучало слово о насильственном прерывании жизни. Возможно, я не прав, но мне кажется, было бы уместнее, если бы люди сидели молча, размышляя о странной цепочке событий, в которые мы вовлечены. Или, удрученные ликом смерти, без слов продвигались бы к выходу, чтобы вернуться к житейским делам. Но радостное освобождение присутствующих выразилось иначе — они рукоплескали казни.

Иной сразу выразит недоумение: что тут особенного, так было всегда. Разве толпы в Древнем Риме не рукоплескали, когда гладиаторы убивали друг друга? Не доставляли ли язычникам неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завернутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Человеческая жизнь редко в истории представляла собой особую ценность.

Миг современности и пласты вечности. Мы вглядываемся в пучину истории. Мы вызываем в сознании образ древней прародительницы. Ищем изображение человеческого лица в наскальных рисунках, в миниатюрах иссохшего пергамента. Во фресках величественной усыпальницы фараона. Мы разглядываем предметы утвари, орудия погребения, украшения. Вот он — человек...

А это кто же? Кровавая месть метит жертвы. Еще живых, дышащих засыпают землей. Пленников бросают в пламя. По сигналу хана неудобным переламывают позвоночник. Потом кошмарное изобретение — гильотина... Окровавленная голова вызывает восторженный рев толпы. Изодранные пытки в подвалах. Фабрики смерти. Убийство, поставленное на конвейер. Цивилизованное зверство, не имеющее аналогов в истории...

В сознание людей давно проникла мысль: не проникли ли в людское сообщество некие человекоподобные существа? Нет ли среди нас чудовищ в людском обличье? Человек необъясним, загадочен. У некоторых, возможно, вообще нет ни совести, ни сострадания. В психике этих людей есть врожденный изъян. Схваченные на месте преступления, они не понимают,

чем так обескуражены люди. Возможно, так вел бы себя волк, если бы его судили за съеденных зайцев. Он, вероятно, признал бы: да, нападал и терзал жертвы. Да что тут необычного?

Поначалу философы задались вопросом: была ли совесть, например, у древних греков? Ведь многие античные герои поступали преступно, потому что к этому их приговорил рок. Например, мифический Эдип убил своего отца. Но ведь он всячески старался избежать этого поступка. Однако случилось все, что предсказал оракул. Выходит, Эдип без вины виноватый... Потом немецкий философ Георг Гегель поставил диагноз душегубам: «морально немняемы...» Пушкин напишет об одном из таких персонажей, что он не ведаст святыни, что он не помнит благостыни...

Однако, как справедливо отмечает американская исследовательница Лин Коуэн, «вообще начать терапию, попросить терапевтической помощи — всегда унизительно; если человек признается в том, что ему нужна терапия, то это означает, что он накладывает на себя клеймо, которое лишь много времени спустя, когда смысловатятся боги, станет ожествленной печатью, знаком их благосклонности»¹.

Между тем идти к психологу так же естественно, как обращаться к кардиологу, урологу, дантисту. Разве в ухе нуждается только тело? А если душа болит? Ну и что же — поноет и пройдет. Кто ее видел, душу-то эту? А вот если прихватит сердце... Иногда говорят: ну что, пойду я к психологу, а он мне наговорит всяких банальностей. Да я и сама все это знаю, представляю, как надо жить, только у меня это не получается...

Представление о том, что психолог вооружит разными банальностями, во многом расхожий предрассудок. На самом деле психология — удивительная наука, сделавшая множество поразительных открытий. Ведь это только кажется, будто достаточно обладать здравым смыслом или иметь некий собственный опыт, чтобы раздавать советы другим. Одна моя сотрудница, которая прежде была методистом юридического факультета, перешла на психологический факультет. Она сказала мне: вот послушаю вашу лекцию, если мне понравится, перейду учиться на психолога. Но после лекции сотрудница приняла другое решение:

— Ну что вапа психология? Я, например, была замужем и про коварство мужчин все знаю...

Многим людям кажется, что их собственный жизненный опыт не только поучителен, но и раскрывает все тайны психики. Они полагают, что все должны воспринимать мир таким, каким он открывается ему самому. Они искренне удивляются: почему ты так рано встаешь, ведь утром надо поспать. Но ведь фенотипы-то разные. Они возмущаются: почему ты не можешь запомнить, что твоя шетка светлее моей? Но при этом не знают, что для отдельных людей это действительно не так просто. Они уходят от близких только потому, что их собственный внутренний мир — иной. Но потом нередко скорбят...

В Институт философии, где я работаю, в свое время назначили нового директора. До этого он занимал крупный пост в ЦК партии и поэтому имел

¹ Коуэн Л. Мазохизм. М., 2005. С. 57.

собственное представление о том, как должны работать ученые. Однажды он вызвал секретаршу и сказал: пусть зайдет ко мне философ имя рек. Та ответила, что сегодня не присутственный день и сотрудники трудятся дома или в библиотеках. Изумлению директора не было границ. Позвоните этому философу домой, и пусть немедленно прибудет, распорядился директор. Секретарша ответила: я уже звонила, он всю ночь работал, а сейчас спит. У него вообще такая привычка, взять кофе и отправиться на кухню в ночное творчество, когда никто не мешает:

— Вот что я вам скажу, — повелел директор, — передайте ему, чтобы он работал, как все люди — днем, а ночью спал...

Психология показывает, что люди не только разные. Она также раскрывает сложный спектр жизни: нельзя пройти путь по одной возвышенной дороге судьбы. По этому поводу Лин Коуэн прибегает к следующему образу. Слово «humiliation» («унижение») обладает очень богатым смыслом, оно происходит от латинского слова humus, что означает «земля» или «основ». Гумус — органический материал темного цвета, содержащийся в почве и образованный в результате органического разложения растительной и животной ткани. Он играет огромную роль в повышении плодородия земли. Унижение («humiliation») представляет собой процесс распада и разложения, физическое опущение гниения чувства. Весь наш внутренний черный перегой, все, что разлагается у нас внутри и вызывает изменение нашей внутренней структуры, становится плодородным материалом, порождающим жизнь и жизнедеятельность¹.

Роль психологии в современном мире решительно преобразуется. Рождается новая цивилизация, и она несет с собой множество проблем, которые невозможно понять и скорректировать без психологии. Необычайная скорость социальных и культурных преобразований, неспособность многих людей адаптироваться к новым реальностям, распад идентичности (т.е. способности правильно осознавать и воспринимать себя), обнаружение новых антропологических (т.е. присущих именно людям) свойств — все это выдвигает психологию на передний край современного знания.

Мы являемся свидетелями своеобразного психологического бума. Поток литературы по психологии оказывается все более и более значительным. Расширяется радиус психологического знания. Психологию преподают сегодня во всех вузах — государственных и коммерческих. В наши дни психология оказывается востребованной в сфере бизнеса и управления, политики и экологии, права и рекламы, образования и воспитания. Бурно развивается трансперсональная (интегральная) психология. Властно заявляет о себе политическая психология, психология чрезвычайных ситуаций.

Психология как наука паразитически молода. Ее история предельно коротка. Есть все основания полагать, что она сформировалась в XIX в. Однако у нее удивительно долгая предыстория. Поэтому приходится постоянно уточнять, что считать за главенствующий фактор при определении судьбы психологии. От древнего колдуна до наших дней нас прельщает и манит загадоч-

¹ Коуэн Л. Указ. соч. С. 57.

ный феномен — психика... Психикой обладают животные и люди. Но для человека это арсенал чувств, разума, воли, переживаний, интуиции и прозрений, всевозможных фобий (фобия, слово греческое, означает страх) — навязчивое состояние страха, которое развивается при некоторых психических заболеваниях), импульсов и вожделений. Мир психики человека неисчерпаем и парадоксален.

Название «психика» происходят от греческого слова *psyche* — душа, дыхание, бабочка. Психея — в древнегреческой мифологии душа. Это, вообще говоря, олицетворение человеческой души и дыхания. Психею обычно изображали в виде дыма и испарений. Она покидала тело человека после его смерти. В более поздние времена Психею представляли в виде бабочки или девушки, иногда с крыльями бабочки. Попробуем разглядеть в древнегреческом мифе о Психее мир человеческих чувств. Здесь любовь и зависть, тайна и болтливость, красота и ее отражение — безобразие, радость и страдание, успех и крушение, мечта и реальность, жизнь и желание уйти из этого мира, очарование и разочарование. Поистине, в этом мифе — весь наш внутренний мир...

Героиня мифа Психея и само слово *psyche* подарили нам целый рой понятий, которые теперь так привычны нам всем. Мы уже не можем обойтись без них: «психика», «психология», «психиатрия», «психогигиена».

Античные трагики раскрыли мир человеческой субъективности, т.е. сферу человеческих переживаний. У человека есть разум, воля и эмоции. Но что парадоксально? Они вовсе не находятся в состоянии гармонии. Напротив, мы получаем более полное представление о психике только тогда, когда ощущаем внутренние коллизии, борения интеллекта, переживаний и человеческой воли.

Немецкий философ и психолог *Вильгельм Вундт* (1832—1920) одним из первых пытался провести различие между природными законами и законами духа. Вместе с тем именно он стремился придать психологии строго научный характер. Во второй половине XIX в. открылись первые лаборатории экспериментальной психологии. Исследователи пытались выйти из-под покровительства философии. Они полагали, что до сих пор психологическая реальность постигалась умозрительно, через философскую рефлексию. Теперь же настала пора придать психологии собственный статус. Перед психологами были поставлены конкретные задачи — сформулировать законы психологии, опираясь на точные исследования, на психологические методы.

С середины XIX в. науки о культуре, или исторические науки, стали называть науками о духе. Они изучали творения человеческого духа, таких сфер, как искусство, религия, право, этика. Однако психология заняла промежуточное положение между науками о природе и науками о духе. Почему так? Потому что психологи стремились обрести точное, конкретное, эмпирически обоснованное знание. Психология в XIX в. отвоевывает собственное поле, собственное пространство, на котором она могла бы раскрыть свой потенциал. При этом она не утрачивает связи с философией. Многие философские идеи сохраняют в психологии свою значимость. И эту связь мы пытались сохранить в словаре.

Итак, психология (от греч. *psyche* + *logos* — наука, учение) — наука о строении и закономерностях возникновения, развития и функционирования психики и сознания как высшей формы психического отражения.

Слово «психология» означает изучение психики, а слово «психика» можно истолковать как разум или душу. В толковом словаре Microsoft Thesaurus содержатся такие определения «психики»: «самость: атман, душа, дух; субъективность: высшее я, духовное я, дух». Таким образом, корни психологии лежат в глубине души и духа человека. Слово «психика» имеет древнее происхождение. Различные смысловые значения этого слова появились, по меньшей мере, за несколько тысячелетий до нашей эры. В то время они выражали оживляющую силу или дух в теле или материальной оболочке. Примерно в XVI в. в Германии слово «психе» было соединено со словом *логос* (слово или учение). Так появился термин «психология» — изучение души или духа человека. До сих пор неясно, кому принадлежит этот термин. Называют такие имена, как Меланхтон, Фрейгнус, Гокленнус Марбургский. К 1730 г. это слово использовали в современном смысле Х. Вольф в Германии, Хёртели — в Англии, Бонне — во Франции. Однако и в то время термин «психология» означал «изучение психе, или души».

Предшественниками научной психологии считаются Фрэнсис Гэлтон, Герман фон Гельмгольц, Густав Фехнер. *Густав Фехнер* (1801—1887) считал, что закон взаимосвязи между разумом и телом можно выразить в виде количественного соотношения между чувственным восприятием и материальным стимулом. Вскоре эта формулировка стала известна как *закон Фехнера*: $S = K \log I$ (интенсивность чувственного восприятия пропорциональна логарифму материального стимула). По словам В. Вундта, именно Фехнер впервые ввел в психологию научные методы, точные принципы измерения и наблюдения для психических явлений, тем самым открыв перспективы психологической науки в строгом смысле этого слова.

Главное достоинство Фехнера состоит в том, что он отошел от философии и не связывал свое учение со сменой философских систем. Фехнер действительно внес необычайный вклад в развитие эмпирической и «измеряемой» психологии. Его «*Elements of Psychophisics*» («Начала психофизики») справедливо считаются первым выдающимся трудом по психометрии. Суть психофизики Фехнера заключалась в том, что дух и материя неразделимы, будучи двумя сторонами одной великой реальности, и его попытки измерять аспекты ума были призваны показать эту неразделимость, а не сводить дух или душу к материальным объектам и уж конечно не отрицать само существование духа или души. Таким образом, подход Фехнера к психологии был разновидностью интегрального подхода: он стремился использовать методы эмпирического анализа и научного измерения не для того, чтобы отрицать дух и душу, но чтобы помочь пролить на них свет.

Историки психологии выделяют период примерно от времени Фехнера до *Уильяма Джеймса* (1842—1910) и *Джеймса Болдуина* (1861—1934), когда зарождающаяся наука психология еще считалась с вечной философией. Эти первопроходцы современной психологии умели быть одновременно полностью научными и полностью духовными и не находили ни малейшего противоречия в таком всестороннем подходе.

Психология представляет собой изучение человеческого сознания и его обнаружений в поведении. К функциям сознания относят восприятие, желание, воление и действие. Структуры сознания, некоторые аспекты которых могут быть бессознательными, включают в себя тело, ум, душу и дух. В число состояний сознания входят нормальные (например, бодрствование, сон со сновидениями, глубокий сон без сновидений) и измененные формы сознания (например, неординарные состояния, медитативные состояния). В число модусов входят эстетический, моральный и научный. Развитие сознания охватывает весь спектр от доличностного к личностному и надличностному, от подсознательного к самосознанию и сверхсознательному, от Оно к Эго и Духу. Соотносительные и поведенческие аспекты сознания относятся к его взаимодействию с объективным внешним миром и социокультурным миром общих ценностей и восприятий.

В ходе исторического развития психологии разные ее школы зачастую выбирали один из этих аспектов необычайно богатого и многогранного феномена сознания и объявляли, что это единственный аспект, достойный изучения. Бихевиоризм сводил сознание к его наблюдаемым поведенческим образцам. Психоанализ сводил сознание к структурам Эго и их взаимодействию с бессознательным, т.е. с Оно. Экзистенциализм редуцировал сознание к его личностным структурам и модусам интенциональности. Многие школы трансперсональной психологии изучают лишь измененные состояния сознания, не имея связанной теории развития структур сознания. Восточная психология, как правило, хорошо описывает развитие сознания от личностного к надличностным уровням, но не располагает глубоким истолкованием более раннего развития от до-личностного к личностному. Когнитивная психология нелюбопытно применяет научные эмпирические методы, но зачастую сводит сознание к его объективным аспектам, нейронным механизмам и биокомпьютерным функциям, разрушая таким образом жизненный мир самого сознания.

Специалисты отмечают, что претворять психическое в жизнь можно разными способами. Легче всего это сделать через освобождение психических феноменов от проклятия аналитического разума. Это процесс включает превращение самого аналитического разума в объект рефлексии и осознание его пристрастия к психопатологии. Многие исследования показывают, что с психическим что-то «не в порядке». Поэтому необходим анализ представлений о психическом в диагностических категориях.

Моя первая книга о психоанализе «Клиническая психология» вышла в 2001 г. Вот уже более десяти лет я читаю лекции о психоанализе студентам различным московским университетам, главным образом в Московском государственном университете технологии и управления, в котором я веду кафедру психологии. Я веду также образовательные курсы по психоанализу. Многие приходят на курсы не только, чтобы получить знания. Мы невольно становимся свидетелями различных жизненных судеб, которые

интересны именно в клиническом аспекте. Кроме того, в Клинику глубинной психологии обращаются люди, которые нуждаются в психологической коррекции. Словом, читатель нашел в том издании не только теоретические рассуждения, но и различные практические иллюстрации.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, также включает весьма значительное число клинических историй. Кто же ее герои и персонажи? Часто спрашивают: существует ли тайна психологической исповеди? Можно ли рассчитывать, что приватная беседа не станет достоянием других людей? Разумеется, секретность информации, которую сообщает пациент, должна быть гарантирована. Но не случится ли так, что кое-кто из моих пациентов узнает себя в том или ином образе, в тех или иных обстоятельствах? Отвечу сразу: этика психолога неукоснительно соблюдается в этой книге. Но ведь и без конкретных историй тоже нельзя.

Лет двадцать назад я написал пьесу «Клиника неврозов». Главным персонажем ее был Борис Маркович. Близкие люди знали, что прототипом моего героя был известный академик Марк Борисович (без фамилии). Когда отрывок из пьесы был напечатан в «Литературной газете», мне стали звонить и допытываться, кто скрывается за каждой фамилией персонажей. Рождались невероятные предположения и допущения. И был звонок главного редактора журнала «Вопросы философии» Вадима Сергеевича (без фамилии). Он был разгневан:

- Почему вы изобразили меня в пьесе в таком саркастическом виде? С чего вы взяли, что это вы?
- Но ведь у председателя профкома фамилия Семенов.
- И что же?
- Значит, вы имели в виду меня.
- А какие фамилии, — спросил я, — нужно давать литературным персонажам? Как ни назови, все равно фамилии могут совпасть.

Итак, все клинические истории, рассказанные в этой книге, подлинны, а вот фамилии и имена изменены до полной узнаваемости, так что читатель легко догадается, о ком идет речь.

Вы почувствовали иронию?..

Часть I

Фрейд в потоке истории

Что такое психоанализ?

Как сердцу высказать себя?

Другому, как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?..

Ф.И. Тютчев

В 2006 г. исполнилось 150 лет со дня рождения отца-основателя психоанализа Зигмунда Соломона Фрейда. 16—17 декабря в Москве прошла Международная конференция «Зигмунд Фрейд — основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике», организованная Русским психоаналитическим обществом. Накануне конференции состоялось интервью проф. П.С. Гуревича с ответственным редактором приложения «НГ-наука» Андреем Геннадьевичем Вагановым.

— Павел Семенович, определения, которые давал психоанализу сам Фрейд, зачастую весьма противоречивы. А как вы, известный философ, который много занимался и продолжает заниматься «анализом психоанализа», могли бы определить его базисные положения?

— Во-первых, я не уверен, что психоанализу нужно давать какое-то окончательное и единственное определение. В принципе это одно из пяти направлений мировой психологии (бихевиоризм, гештальт-психология, психоанализ, гуманистическая психология, трансперсональная психология). Слово, которое Фрейд впервые употребил в статье об этиологии неврозов, опубликованной на французском языке в 1896 г., я считаю неудачным. Речь шла о лечении нового метода изучения и лечения психических расстройств. Фрейд тогда полагал, что достаточно подвергнуть мыслительному анализу истоки неврозов, чтобы они исчезли. Позже оказалось, что без эмоционального, катарсического переживания ничего подобного по существу не происходит. Однако слово закрепилось, и сейчас бессмысленно менять данное понятие.

Фрейд действительно давал разные определения психоанализу. Порой он рассматривал его как часть психологии. Иногда как оружие, которое дает возможность Я овладеть бессознательным. Нередко в работах Фрейда психоанализ играет роль вспомогательного средства исследования различных областей духовной жизни. Получалось что-то промежуточное между медициной и наукой. Сегодня мы мо-

жем говорить о трех смыслах данного понятия. Во-первых, психоанализ — это своеобразная психологическая теория. Причем каждое направление мировой психологии можно назвать по основной компоненте. Скажем, бихевиоризм — это психология поведения. Гештальтпсихология — психология восприятия. Гуманистическая психология — психология личности. Трансперсональная психология — психология необычных состояний психики. В этом случае психоанализ — это психология бессознательного. У Фрейда было много учеников. Многих он считал еретиками и предателями. Однако была известная лакмусовая бумажка, которая помогала определить, остался ли исследователь в рамках психоанализа. Если он не признавал феномен бессознательного, значит, он отдрейфовал в другие сферы. В ином случае он сохранял свое первородство в психоанализе.

— Но ведь психоанализ не только изучает бессознательное, он является еще и арсеналом терапевтических приемов?

— Это, разумеется, так. Но ведь психология во всем мире существует в двух вариантах — теоретическом и практическом. Свои «целительские», или — лучше сказать, коррекционные — практики имеет любое психологическое направление. В этом отношении психоанализ не является исключением.

— Но вот, скажем, разгадывание снов. Это же не лечение и не психология. А ведь Фрейд в начале прошлого века выпустил книгу «Толкование сновидений». В каком смысле это психоанализ?

— Это тоже психоанализ, но уже в другом смысле — философском. Психоанализ возник как психологическое направление, но он стал также и философским течением. Это как раз то, что называют фрейдизмом. Психоанализ как философское направление трактует многие мировоззренческие проблемы. Что такое человек? Как и почему он возник? Почему люди живут в обществе? Иначе говоря, что такое общество как феномен? Каким образом сложилась культура? Каковы земные, реальные корни религии? В этом качестве психоанализ вошел в арсенал философских направлений и случилось так, что другие течения должны были каким-то образом определиться по отношению к тем выводам, которые есть в психоанализе. К концу минувшего столетия вся история философии оказалась пересмотренной под углом зрения психоанализа.

— И все же: психоанализ — естественно-научное направление, философская концепция, религиозное течение, эзотерическая практика, терапевтический метод, прикладная технология?

— Многое из того, что вы перечислили, не имеет никакого отношения к психоанализу. Например, религиозное течение... В пси-

хоанализе нет ни одного признака религиозного сознания. Прежде всего, нет идеи Бога.

— *Фрейд — разве не бог для его приверженцев?*

— Если к святыне прикасается человеческая рука, на ней остается след краски. Фрейда всегда поносили, критиковали, изобличали. Это понятно, ведь он не был психологом по образованию. Ему пришлось отбиваться и от философов, которые тоже считали его чужаком. Но и те, кто признавал ценность Фрейда, был его сторонником, не почитали его как божество. Рядом с ним были отступники, еретики, «предатели». Где же Священное Писание, где особые ритуалы и культы, где специфические эмоции верующих. Нет, в этом смысле можно, к примеру, считать религиозным течением кантианство или картезианство.

Нельзя считать психоанализ и прикладной технологией. Ведь в это словосочетание вкладывается конкретный смысл: набор приемов, техник, методов, которые самоцельны, значимы сами по себе. Однако ни один из технических приемов не существует без солидного теоретического обоснования. Возьмем, к примеру, работу «История фобии пятилетнего мальчика». О чем она? О том, что мальчик панически боится лошадей. Представим себе, что такая история случилась еще до того, как Фрейд начал свою терапию. Что будет делать психолог? Он, судя по всему, покажет ребенку картинки, где есть лошади, будет рассказывать о том, что они хорошие, добрые. Использует и такой «технический» прием: попросит мальчика дать лошадке кусок сахара с ладошки, чтобы он почувствовал тепло лошадиных губ. Но у Фрейда это, по существу, теоретическая работа. И так всегда. Он никогда не собирает некие «приемчики». Напротив, всегда пытается прежде всего раскрыть смысл того или иного метода лечения.

— *Но ведь Фрейда тянуло к оккультизму.*

— И Фрейд и Юнг проявляли интерес к оккультизму. (Оккультизм — общее название учений, признающих существование в мире тайных сверхъестественных сил и разрабатывающих способы взаимодействия с этими силами. — *Примеч. авт.*). Об этом рассказывает Пол Розен в книге «Фрейд и его последователи». Но Фрейда беспокоило, что из-за его особого интереса к телепатии (или к «переносу мыслей», как он предпочитал называть этот феномен) и в других его трудах будут видеть склонность к мистицизму. Однако и у Фрейда и у Юнга были все основания продолжать эти исследования. То, что ранее Фрейд занимался изучением сновидений, служило поводом для обвинения его в ненаучном подходе, если не в мистицизме. Но именно

игнорирование Фрейдом, это и подчеркивает П. Розен, официальной науки того времени позволило ему подтвердить некоторые из народных представлений о важном значении снов. Фрейд однажды выделил оккультные исследования Ференци как свидетельство того, что тот был способен независимо развиваться внутри границ психоанализа, не поддаваясь ни мятежным настроениям, ни чрезмерной покорности. Хотя Фрейд и допускал возможность телепатии и был «обеспокоен» темой оккультизма, он мог также подвергать сомнению проявление таинственного и сверхъестественного в реальной жизни. Фрейд считал, что стремление человечества к мистицизму неискоренимо. Те человеческие чувства, которые, по мнению Фрейда, стояли за мистическими верованиями, были связаны с другими эмоциями, которые ему было трудно понимать или переносить. Как ни пытался Фрейд быть беспристрастным по отношению к телепатии, он был настолько поглощен темой смерти, что это доходило до грани суеверия. Увлеченность Фрейда темой оккультизма несомненна. Но все это касается только отдельных сторон Фрейда как личности, Фрейда как ученого. Он не видел в оккультизме предмета серьезного научного исследования. Интерес к мистике касается у Фрейда в основном особенностей его внутренних потребностей.

— *А эзотерическая практика?*

— Это вообще не про Фрейда. (Эзотерический — тайный, скрытый, предназначенный исключительно для посвященных — о религиозных обрядах, мистических учениях. — *Примеч. авт.*)

Конечно, в Германии и Австрии психоаналитики составляли узкий круг сторонников. Но в США, а затем и во Франции психоанализ стал модой. В этот якобы эзотерический круг могли входить все кому угодно. Конечно, Фрейд любил отождествлять себя с мифическим героем, который является пришельцем и не принадлежит своему народу. Однако как человек и исследователь он был абсолютно чужд мистике. Она вызывала у него отторжение. На роль эзотерического лидера он тоже не годился. Фрейд говорил также, что нужно сначала поверить в психоанализ, а тем критиковать его... Психоанализ — не эзотерика...

— *... а естественно-научное направление?*

— Вот здесь и да и нет. Когда Исаак Ньютон праздновал свой юбилей, ему подарили медаль. На ней было выгравировано: «Великому естествоиспытателю». Юбиляру это не очень понравилось. Он предпочел бы другую надпись: «Великому философу». Ведь он предложил принципиально иную картину мира. Фрейд, напротив,

не считал себя философом. Он думал о себе как о серьезном исследователе, который последовательно продумывает собственные научные идеи. Идеал естествознания был значим для Фрейда, потому что он был по образованию врачом, воспитывался в научной среде. Но было бы ошибкой считать его теорию естественно-научным направлением по определению. Философом Фрейд себя не считал. Однако парадокс заключается именно в том, что, выстраивая идеал строго науки, Фрейд тем не менее оказался философом, родоначальником целого философского направления. Его открытия радикально изменили представление о философии, человеке, сознании. Он оставил глубокие мысли о происхождении культуры и религии. Я не решился бы назвать его и «позитивистом в философии». Его идеи порой настолько оторваны от естествознания, что представляются просто «авантюрой мысли». Фрейд стремился применить сделанные им открытия к истолкованию различных социальных и культурных феноменов. Однако обеспечить при этом строго научную экспертизу он был в состоянии далеко не всегда. Поэтому его мысль устремлялась в такие сферы, где конкретных знаний явно не хватало. Зато можно было пофантазировать, поразмыслить. Но ведь это и есть предназначение философии. Психоанализ можно рассматривать как философскую концепцию. Начав свою теоретическую и практическую деятельность в русле просветительского идеала науки, Фрейд, безусловно, не удержался в рамках избранной позиции. Он мог бы, как и многие другие психологи на рубеже веков, заниматься терапией и разрабатывать общие вопросы психологии. Однако Фрейд без колебаний попытался применить свой метод к изучению не только психики одного человека. Он вознамерился по-новому объяснить те феномены, например религию, которые традиционно находились в компетенции философа. Кстати, разгадывание снов, текстов художественных произведений, явлений культуры, речевых обмолвок — все это не что иное, как философская герменевтика.

— Если Фрейд был ученым и его концепция психоанализа — именно научная концепция (пусть и предполагающая неединственность трактовки истины, что вообще свойственно гуманитарному знанию), то чем вы объясните, что такое огромное количество не самых глупых людей во всем мире были и остаются яркими противниками фрейдизма? Причем это длится уже целое столетие — идея явно не овладевает массами...

— Как раз наоборот: идея явно овладевает массами. Сегодня на земном шаре нет страны, где не было бы психоаналитического дви-

жения. Нет такой культуры, в которой психоанализ не оставил бы свой след. Психоаналитические идеи в наши дни невозможно вычеркнуть из философского арсенала, как, допустим, идею флогистона или что-нибудь в этом роде. Попробуйте обойтись без отдельных открытий психоанализа, и мировая философия окажется явно обедненной, пресной, неполной. Мысли Платона отвергал далеко не самый глупый человек античности Аристотель. Кантианство критиковали со всех сторон мудрейшие философы. На ницшеанство бросались все кому не лень... Для философии, как, впрочем, и для науки, это нормально. Фрейд не выразил некую абсолютную истину. Он парциален. Но многие его открытия сегодня признаны во всем мире. Кто станет в наши дни отвергать феномен бессознательного? Кому придет в голову отбросить в сторону теорию детского сексуального развития и связанных с ней личностных особенностей? Кто осмелится заявить, что авангард, модернизм и постмодернизм сложились без всякого влияния психоанализа? Для кого антропологическая концепция Фрейда является анахронизмом?

Гуманитарное знание имеет свою специфику. Вряд ли можно принять за окончательную теорию антропогенеза Фрейда. Но какие огромные толчки мысли содержатся в ней! Ведь Фрейд связывает появление культуры с возникновением совести. Философская логика Фрейда глубоко эвристична, обладает искусством нахождения истины. Фрейд действительно выработал современный жизненный и интеллектуальный стиль. Что касается претензий Фрейда на беспредельную научность, то можно оставить их в прошлом веке. Разве мы отвергаем открытия Ньютона или Декарта? Неужели они перестали овладевать массами? Нет, они сохраняют свою научную ценность. Если говорить о Фрейде, то его влияние не идет на убыль. Напротив, целое столетие одушевлено критикой Фрейда, но она не в состоянии истребить психоанализ. Он все больше и больше входит в плоть и кровь нашей культуры. Попробуйте прикинуть, что означал Фрейд в начале прошлого века и какое значение его имени в наши дни, и вы получите ответ на ваш вопрос.

— *Если применить психоаналитический метод к личности самого Фрейда — что это покажет? Проще говоря: он действительно был маньяком?*

— Честно говоря, я не понимаю вопроса. Вероятно, вы имеете в виду, что Фрейд описывал разного рода сексуальные перверсии, страхи и агрессивные состояния, возможно, он «подпитывался» собственными интроспекциями (самонаблюдениями), т.е., проще выражаясь, сам был маньяком. Во-первых, нельзя, к примеру, об-

винять проктолога в том, что у него личный повышенный интерес к продуктам человеческой жизнедеятельности. Если некто описывает специфику сексуальных проблем, это вовсе не означает, что он сексуально озабоченный фанатик. Один из предшественников Фрейда — психиатр *Р. Крафт-Эбинг* (1840—1902) описал на основе своей клинической практики различные сексуальные отклонения. Кстати, изложил суть дела целомудренно и сдержанно. Однако его обвинили в том, что он «запятнал» человеческие чувства. Даже в некрологе по случаю его смерти говорилось о том, что это был замечательный психиатр, видный специалист, только вот зачем он написал и издал «нехорошую книгу»? Фрейд создал своеобразную теорию сексуальности, однако в ней нет ничего скандального. Современный сексопатолог может углядеть в сочинениях австрийского психиатра немало наивного и даже архаического.

Возьмем, к примеру, предположение Фрейда о том, что сон несет в себе сексуальную символику. Можно себе представить, какое неслыханное сомнение вызвало такое интуитивное соображение. Неужели мы не видим в наших сновидениях ничего, кроме сексуальных сюжетов? Однако современные исследования сна показывают, что, по крайней мере у мужчин, эрекция предшествует почти всем сновидениям или сопровождает их. Описывая состояние ребенка, Фрейд открыл в нем черты насильника и сладострастника. Вот уж точно маляк! Но ведь это не клевета, не преувеличение. Ребенок с младых ногтей развивается физически, интеллектуально и сексуально. Неужели надо винить Фрейда за эту непреложную истину? В древности люди убивали врачей, полагая, что от них все несчастья. Похоже? Фрейд изучал черты палачества, садизма в людях. Но был ли он сам садистом, душегубом? Смешно. Как личность Фрейд был весьма стеснительным и скромным. Никаких сладострастных изысков за ним не водилось. Во Фрейде как человеке много приятных черт. Например, он был участливым, заботливым, совестливым и избегал публичности. Никаких интервью о личной жизни. Разумеется, в учении Фрейда отразились многие стороны его личности. Французский психолог И. Брес, выступая на симпозиуме по проблемам бессознательного в Тбилиси, сказал так: «Психоанализ — это невроз самого Фрейда». Но что имеется в виду? Юнга, к примеру, весьма привлекал вопрос: почему Фрейд и Адлер отразили разные психологические реальности? Если психика едина, но как возможны различные ее описания? Позже он пришел к выводу, что разгадка в психологической типажности названных исследователей. Фрейд был экстравертом, а Адлер — интровертом. Вот почему субъективные стороны личности могут отражаться и на научных идеях.

— А насчет «самодиагностики»?

— Фрейд, кстати, сам неоднократно использовал психоаналитические приемы для разгадки некоторых черт своей личности. Так, он пытался понять, почему испытывает к отцу определенную неприязнь, и с помощью вдумчивой работы сумел найти разгадку. В 90-х годах XIX в. Фрейд страдал от того, чему он дал название «невроз тревоги». Он испытывал особые опасения по поводу работы своего сердца, боялся смерти. В ранние годы Фрейд избегал открытых пространств. Однажды, переходя площадь с Теодором Рейком, как рассказывает П. Розен, Фрейд заколебался. Он взял Рейка за руку и сказал: «Видите ли, это остаток моей старой агорафобии (боязнь открытых пространств), которая причиняла мне сильное беспокойство в более молодые годы. Несколько современников утверждали, что Фрейд испытывал тревогу во время путешествий. Но он любил путешествовать. Вот что пишет П. Розен:

«Признать, что Фрейд испытывал человеческие затруднения, что он страдал и не был господином всех своих эмоций, — значит лишь подписаться под его собственными психоаналитическими теориями. Но к Фрейду вряд ли можно подходить как к суммарному итогу его затруднений; и действительно, о мере его дарований свидетельствует то, что он осуществил много несмотря на свои проблемы или, скорее, что ему удалось обуздать свой невроз, направив его в конструктивное русло. Фрейд однажды написал, что идеально «нормальный» человек является смешанным типом и имеет в себе нарциссические, навязчивые, а также истерические слои; здесь Фрейд несомненно писал о себе. Любое описание переживаний Фрейда своих глубинных затруднений должно послужить нам предостережением против чрезмерно пуританской концепции «нормальности»¹.

Вообще он сам и его ученики считали собственным долгом «отзеркалиться» путем психоанализа. Жизнь Фрейда и отдельные ее эпизоды настолько известны благодаря биографам, соратникам, что вряд ли можно сегодня отыскать некую «извращенность» в самом учителе. Конечно, у него как у личности были свои особенности, в том числе и отрицательные. Будучи мыслительным экстравертом по Юнгу, Фрейд обладал эксцентричным миром чувствований. Малейшее отступление от собственной теории он считал изменой, мучительно и остро переживал «предательство». Будь Фрейд другим человеком, его ученики вполне могли бы достраивать здание психоанализа без «скандального отлучения». Может быть, можно считать

¹ Розен П. Фрейд и его последователи. СПб., 2005. С. 112—113.

Фрейда «маньяком» из-за его глубокой, непримиримой приверженности своей профессии? Да, в этом отношении он был почти помешанным. Но и Адлер и Юнг тоже свято верили в собственные концепции и мучительно отстаивали их состоятельность. Я полагаю, что многие исследователи и читатели мало знают о Фрейте, а отдельные, выхваченные из контекста детали его учения или его биографии позволяют «демонизировать» личность этого гениального исследователя. Мы ведь не пытаемся применить к личности Ивана Петровича Павлова его учение об условных и безусловных рефлексах, чтобы провести некоторые аналогии с собакой. Никто не примеривал к личности Ф. Ницше (1844—1900) его учение о дioniсийстве. (в древнегреческой мифологии Дионис — бог виноделия) Может быть, получилось бы, что немецкий философ был буйным приверженцем пьянства и безумия. Хотя всем известно, что он закончил жизнь в психиатрической больнице.

— *Насколько я понимаю, довольно быстро после его зарождения, от психоанализа стали «отпочковываться» психоаналитические направления, которые объявили себя, если можно так сказать, автокефальными. В современном мире — десяток психоанализов, как минимум. Насколько во всех этих концепциях сохраняется инвариантное ядро классического, «фрейдистского» психоанализа? И существует ли вообще такое ядро?*

— В наши дни, скажем, экзистенциализм (философия существования) представлен множеством вариантов, но все они связаны с понятием «экзистенции» (существование в его простой фактичности. Огромное разнообразие мы видим в сфере психологии, но их приверженцы изучают «психику», хотя и понимают ее по-разному. Школы психоанализа тоже имеет нечто общее — учение о бессознательном. Если Декарт полагал, что у человека есть тело и сознание, то Фрейд был уверен: у человека есть сознание, но есть и бессознательное. Вот такая структура психики. Это, несомненно, ядро психоанализа. Сама трактовка бессознательного разнится. Юнг вводит понятие «коллективное бессознательное», а Адлер признает этот феномен, но дает ему обуженное толкование. Но это не единственное, что роднит разнообразные психоаналитические учения. Каждая из этих школ имеет практический аспект. Человеческая психика поддается корректировке. Разумеется, способы устранения неврозов различны. Фрейд полагал, что достаточно «промыслить» истоки той или иной детской травмы, чтобы избавиться от нее навсегда. А вот Шандор Ференци пришел к выводу, что одного «анализа» мало, нужно заново прожить этот

тягостный эпизод, «избыть» его катарсически (катарсис — глубинное душевное очищение). Еще Фрейд заметил: дети тяжело переживают, что их любимая канарейка сдохла. Они устроили ей пышные похороны. Но вот парадокс. Казалось бы, похоронили и теперь могут избавиться от травмирующих переживаний. Но дети, оказывается, снова и снова устраивают похороны. Ведь это противостоит естеству, лучше скорее забыть, а они, наоборот, воскрешают день за днем «печальное событие». Увы, только так можно избавиться от травм, отдать им должное, «прожить заново» и постепенно выправить из человеческой психики. Юнг тоже признает бессознательное, но он вводит еще одно понятие — «коллективное бессознательное». Оно тоже оказывает воздействие на нашу психику. Понаблюдаем: подростки закапывают кошку и уходят. На другой день приходят опять, разрывают яму и бросают туда какие-то предметы «на счастье». Странное занятие. Однако воспроизводится хорошо известный древний обряд. Может быть, ребята увлекаются этнографией, учатся или что-то в этом роде? Да нет. Обычные подростки, но странный ритуал пришел к ним из недр коллективного бессознательного. Стало быть, воздействуя на психику конкретного человека, нельзя ограничиться только анализом сознания или индивидуального бессознательного. Карен Хорни и Эрих Фромм придают огромное значение социальным, культурным факторам. Они убеждены в том, что невроз обнаруживает себя по-разному в разных культурах. В одной культуре девушка, вступившая в добрые связи, считается падшей. Это ее «невротизирует». Но в другой культуре это считается нормальным. Но бессознательное в неопределенности никто не отменяет. Фромм даже пишет работу «Забытый язык» о том, как люди древности понимали язык символов, язык бессознательного, а потом утратили эту способность в силу всеобщей рационализации нашей культуры. Бессознательное — пароль психоанализа, ядро всех направлений данного учения.

— *Можно ли говорить о русской психоаналитической школе?*

— С моей точки зрения, не только можно, но и нужно. Однажды в нашем университете выступал известный немецкий психотерапевт. Билеты продавали за два месяца вперед, готовилось некое столпотворение. В зале разве только не висели на люстрах. Я не был на этой встрече, потому что был занят. И вот охранник спрашивает меня о моем впечатлении от встречи. У меня нет впечатлений. А он говорит: «Мне не понравилось, потому что все это не про

нас». Представьте себе, приходит негр к американскому психоаналитику и сообщает: «Мне показалось, что мой коллега посмотрел на меня сегодня не слишком дружелюбно...» Мы бы сказали: нашел проблему, а не хочешь «лицо кавказской национальности» или «санитары общества»?

У нас другая культура, другой менталитет. Читая отчеты своих зарубежных коллег, я часто думаю: это не про нас. Вот, скажем, такая деталь, как брачный договор. Логично, вступая в брак, заранее оговорить, кому что будет принадлежать после развода. Но если в православном храме венчается пара, то сама мысль о том, что они будут раскатывать бочки с огурцами в разные стороны, кажется кощунственной. Не приживается на российской почве брачный договор. Теперь представьте другую картину. Частная нотариальная контора. Рабочее время, но все пьют чай, никуда не денешься от русской привычки. Приходит посетитель, а никого нет. Ничего, подождет, видишь, люди заняты. Контора частная, а привычки советские...

Психоанализ в нашей стране с самого начала обрел сугубо национальные черты. Он стал встраиваться в русскую ментальность. Во-первых, психоаналитическое учение часто воспринималось в России с теоретической стороны. Россия долгое время не развивала собственно психоаналитической практики. На этом основании преподаватель истории русской мысли философского факультета Мюнстерского университета (Германия) Борис Гройс написал для журнала «Архетип», главным редактором которого я был, статью «Россия как подсознание Запада». Он писал:

Давно уже замечено, что фрейдовская теория подсознательного не привилась в России и что это ни в коем случае не может рассматриваться как случайное: напротив, это может быть, более чем что-либо другое, проливает свет на внутреннее устройство русской культуры. На Западе психоанализ в известном смысле можно считать самой распространенной идеологией. Если пациент по имени Россия не согласился на психоанализ, то это означает, что анализ его обещает быть особенно интересным; ведь в известном смысле единственным объектом психоанализа является отказ быть проанализированным¹.

Далее отмечалось, что русская ментальность вообще не «монтируется» с психоанализом. Российский человек, мол, не склонен исповедоваться. Но так ли это на самом деле? А многовековая православная культура? А русская литература? А традиционное русское «Ты меня уважаешь?».

¹ *Архетип*. 1995. № 2. С. 71.

Точка зрения Б. Гройса не учитывает сложных исторических и политических реалий, связанных с нашей страной. Она игнорирует трагический опыт прошедшего столетия. Между тем каждый этап в российской летописи психоанализа был связан с подвижничеством. Именно оно (подвижничество) зачастую сурово отражалось на судьбе сторонников психоанализа.

Напротив, можно утверждать, что психоанализ как олицетворение глубинной психологии чрезвычайно близок русскому характеру, русскому менталитету. Известно, какую значительную роль сыграла русская литература (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) в судьбе самого психоанализа. Отношение Достоевского к действительности определялось главным образом его интересом к психологии. Его основное стремление состояло в том, чтобы исследовать сущность души, выявить ее различные способности и проникнуть в ее глубинную соотнесенность с жизнью, свободой, Богом.

Изображая реальность, великий русский писатель всегда связывал это с вопросом, в какой мере она связана с выражением душевных состояний. Он полагал, что такое проникновение в душевный мир человека становится понятным лишь тогда, когда речь идет о чужом человеческом психическом бытии. Взор Достоевского направлен исключительно на духовное бытие. Глубокий реализм писателя обращен к целостному постижению внутренней жизни человека. Решая поставленную перед собой задачу, Достоевский не только освещал истоки жизненных представлений, волевых решений и бессознательных импульсов, но и прослеживал, как формируется человеческое поведение.

Симптомы душевных заболеваний Достоевский передавал с удивительной точностью, превосходящей науку того времени. Герои писателя действуют и говорят так, как в повседневной жизни позволяют вести себя только в состоянии аффекта: все, что в свернутом виде таится в глубине души, внезапно выходит наружу. Он непрерывно показывал, что имеет дело с живой человеческой душой, а не с комком нервов и влечений. Любопытно, что в «Братьях Карамазовых» имеется намек на современную ему психологию. Но Достоевский отклоняет концепцию психических процессов, протекающих вне души. Писатель проникал в сокровенные душевные устремления и указывал на их последствия.

— *Вы говорите об исповедальности, которая характерна для русской религиозной философии. Но ведь в советские годы парткомы были главным местом, где проводились сокровенные беседы.*

— Исповедь как потребность свойственна людям. Юнг писал: «Этим объясняется необычайное значение правдивых исповедей —

истина, которая, наверное, была известна всем инициациям и тайным культам древности, что доказывает античное сакральное изречение: "Освободись от того, что имеешь, и ты будешь принят"¹.

Что касается русской души, то она привыкла «грешить и каяться». Но исповедальность, о которой я говорю, имеет глубокие национальные корни. Православная церковь культивировала глубинную работу духа. Русский философ *В.С. Соловьев* (1853—1900) писал о совести как демоне, внушениями которого руководствовался Сократ. В сочинениях *Н.А. Бердяева* (1874—1948) постоянно упоминается имя Фрейда. Он зачастую связывает его с русской религиозной традицией, отмечая, в частности, что у австрийского психолога есть метафизика смерти как более возвышенного инстинкта². Связывая деятельность Фрейда с русской религиозной культурой, *Н.А. Бердяев* писал:

Положительная аскеза есть борьба против греха и греховного рабства путем творческого духа, творческой любви. Отрицательная аскеза хочет подавить и уничтожить греховные страсти, не направляя их на положительное творчество, не пробуждая любви к положительным творческим ценностям. Тогда происходит вытеснение страстей, последствия которого изучены Фрейдом и психоаналитиками³.

Многие исследователи, пытаясь объяснить феномен первоначального быстрого разрастания психоанализа в России, а затем его исчезновения, теряются в догадках. Возможно, в культурном сознании современников место, предназначенное психоанализу, уже было занято символизмом и религиозной философией. Вот почему психоаналитический подход стал активно применяться к исследованию литературного творчества и социальных проблем. Возникла, с одной стороны, специфически русская традиция фрейдомарксизма, в конце концов и поглотившая психоанализ. Все эти соображения не учитывают главной причины, в соответствии с которой психоанализ в России покончил жизнь самоубийством — несовместимости тоталитарной идеологии с самой сутью психоанализа. Он в нашей стране был репрессирован. И только сегодня мы можем говорить о последствиях этой репрессии. Мы дорого заплатили за это психическим здоровьем нации.

А теперь поставим вопрос: что позволяет говорить о русской национальной школе психоанализа? Во-первых, Россия — страна богатой психологической культуры. Во-вторых, национальные традиции

¹ Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. М., 2007. С. 10—11.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 329.

³ Там же. С. 402.

могут придать психоанализу неповторимый аромат и специфику. Но есть ли кадры? В начале прошлого века в России осталось всего три аналитика, прошедших полноценную для того времени психоаналитическую подготовку: С. Шпильрейн, М. Вульф и Н. Осипов. Сегодня таких специалистов гораздо больше. Однако возникает вопрос: действительно ли нужно проходить обучение за рубежом? Я полагаю, что такой подход только затормозит развитие психоаналитического движения в России. Солидную подготовку можно пройти и в нашей стране. Юбилей Фрейда позволяет тщательно продумать возможности, которые позволят психоанализу укорениться в России. Может развиться национальная школа, которой можно будет гордиться. Это не благое пожелание, а реальность.

— *Но русская культура одухотворялась и жертвенностью, которая противостояла эпикурейству...*

— Нет оснований ставить под сомнение благородную и созидательную идею жертвенности. Материнство, эта первооснова нашего бытия, есть самоотречение. Несомненно, и любовь предполагает жертвенность. Но разве женщина, вскормившая ребенка, обречена на отступничество от земных радостей? Неужели любовь не несет в себе ощущения полноты бытия? Жертва — это и обретение, причем не обязательно только в последующей связи. Горечь как раз в том, что в нашем обществе именно идея жертвенности (в ее преобразованном виде) эксплуатировалась и насаждалась сталинизмом. Разве ратоборцы «казарменного социализма» не призывали к аскетизму и отречению? Кто, как не они, предлагали сложить жизни к подножию будущих поколений во имя сияющих вершин? Разве им недоставало аргументов для обоснования жертвенного служения высоким идеалам?

Была жертвенность, были жертвы... Невинные восходили на плаху. Опозоренные, приговоренные смиренно склоняли головы. Миллионы шли на Голгофу, уверенные в грядущем торжестве намеченных целей. Как измерить цену утраченных, рухнувших святых надежд? Нужны ли изкупительные жертвы, чтобы торжествовало зло? Не расплачиваемся ли мы сегодня за тупую покорность, за окаменение мысли и чувства?

— *Каков же путь?*

— Опираясь на наши национальные традиции, нам крайне важно сегодня найти адекватные средства для выражения многообразного душевного опыта людей. Надо осознать, что психология имеет дело с глубинным, конфликтным внутренним миром человека. На

конференции, посвященной 150-летию З. Фрейда, прозвучала такая мысль: психоаналитик не имеет национальности. Имелось в виду, что знание человеческой психики не обладает какой-то национальной узостью. Возможно, это и так. Но стоит задуматься и над другой стороной вопроса: на судьбы психоанализа всегда оказывала влияние культурная специфика той или иной страны. Психоанализ в США отличается от психоанализа в Германии или во Франции. Российский вариант психоанализа не только возможен, но, судя по всему, должен состояться.

Литература

1. Гуревич П.С. Клиническая психология. М., 2001.
2. Райнхард Л. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996.
3. Подорога В. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. М., 2006.
4. Розен П. Фрейд и его последователи. СПб., 2005.
5. Харитонов А.Н. Вклад Зигмунда Фрейда в мировую науку // Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд — основатель новой научной парадигмы: Психоанализ в теории и практике». К 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда. Т. 1. М., 2006. С. 13—31.

Вопросы для повторения

1. Можно ли считать психоанализ естественно-научным направлением или это скорее философское течение?
2. Какое место занимает психоанализ среди направлений мировой психологии?
3. Как вы полагаете, соотносится ли психоанализ с менталитетом русского народа?
4. Попытайтесь объяснить, почему Фрейд занимался самоанализом?
5. Свойственны ли русской культуре жертвенность и исповедальность?

Темы для рефератов и докладов

1. Психоанализ как одно из направлений мировой психологии.
2. Российский вариант психоанализа.
3. Психоанализ и менталитет русского народа.
4. Феномен бессознательного и его роль в психоанализе.
5. Исповедальность как характеристика русской религиозной культуры.

Психоанализ в России

*И пробуждаются в озерах глубины,
Точа в ночи пурпуровые яды,
Змеиные, непрожитые сны*

Максимилиан Волошин

Тернистый путь

Однажды, выступая по телевидению, я сказал, что Россия является единственной страной в мире, где психоанализ не признан. Моя собеседница удивилась: неужели, а может, еще где-нибудь, в Монголии или в Египте нет психоаналитиков? Увы, сказал я, психологи этой специальности есть и в Египте, и в Монголии, а на Украине психоанализ введен даже в образовательные стандарты. Почему так случилось?

История российского психоанализа не представляет собой плавной, линейной летописи. В ней есть волны ренессанса и «тоталитарного отказа», этапы энтузиазма и отчаяния. Начало XIX столетия. Пушкин пишет сцену из «Фауста». Его Мефистофель заявляет: «Я психолог... о вот наука!..» Проходит еще полвека — русский физиолог *И.М. Сеченов* (1829—1905) пытается создать проект психологии как самостоятельной науки. Она пока еще в лоне философии и не хочет отпочковываться. Но уже очевиден социальный запрос. России нуждается в рекомендациях для производственной, медицинской, педагогической и военной практики. Академическая интроспективная психология начинает сдавать позиции. Открываются физиологические лаборатории, возникают крупнейшие психологические школы и направления. Психологи отчаянно спорят друг с другом. Психология востребована. Владимир Сергеевич Соловьев полемизирует с «философией бессознательного» *Эдуарда Гартмана* (1842—1906). Русский философ расценивает психологию как внутренний процесс самораскрывающегося духа.

Способна ли научная дисциплина развиваться по собственным запросам? Или ее постоянно утесняют социальные и политические заказы? А может быть, именно они прокладывают новые маршруты для развития науки? Тогда чего хочет от психологии нынешняя власть?

Интерес к ней, как это ни парадоксально, подогревается увлечением мистикой. При царском дворе не только Григорий Распутин, но и бурятский эзотерик Петр Бадмаев.

В Россию проникает психоанализ. Основные труды З. Фрейда и его последователей переводились на русский язык сразу же после их публикации. Русский оказался первым языком, на который были переведены работы первых психоаналитиков. Сам Фрейд считал, что Москва — третий оплот психоанализа после Вены и Берлина. Но Москва была далеко не единственным городом России, где работали психоаналитики. Создавались школы в Одессе, Ростове, Казани. Психоанализ был признан как лечебный метод. Создалась русская школа психоаналитической терапии. Началась разносторонняя теоретическая работа.

Отечественный исследователь проф. В. Овчаренко предложил весьма убедительную периодизацию развития русского психоанализа. Первый период (1904—1910) он называет *просветительским*. В это время в Россию проникли и получили признание многие работы Фрейда. Наша страна в данный период обладала высокой философской и психологической культурой. Психология, психиатрия, психотерапия и неврология располагали тогда специалистами высочайшей квалификации. Работы профессионалов помогли общественности получить адекватное представление о новом направлении мировой психологии.

Второй период В.И. Овчаренко называет *адаптационным* (1910—1914). В это время психологи в России получили более целостное знание о психоанализе, началась проверка психоаналитических идей, выявились первые попытки использовать психоанализ в практических целях. Однако сразу же обнаружились и социокультурные трудности освоения психоанализа. Общий культурный, социальный контекст России не был приурочен к активной разработке новых идей. Однако журнал «Психотерапия. Обзорные вопросы психического лечения и прикладной психологии» стал рупором российских сторонников психоанализа и одним из первых международных психоаналитических журналов. Заметными вехами данного периода стали: вступление группы россиян в Венское психоаналитическое общество (1911; М.В. Вульф, Л.М. Дрознес, Т.К. Розенталь, С.Н. Шпильрейн); начало издания в Москве серии книг «Психотерапевтическая библиотека (Н.Е. Осипов, О.Б. Фельцман), в которой были опубликованы труды З. Фрейда и его последователей. В дискуссиях по психоанализу приняли участие многие известные философы — Н.О. Лосский, Э.Л. Радлов и др.

Н.О. Лосский (1903—1958) показывал, что наставления христианских подвижников указывают пути для освобождения от душевных ран и комплексов порой без психоаналитического копания в

душе¹. Русский философ называл великими открытия Фрейда, в том числе указывающие на значение душевных травм для возникновения психоневрозов. Н.О. Лосский писал:

Сравнительно недавно многие философы и психологи думали, что бессознательных психических состояний не бывает. В их трудах нередко вместо слова «душевная жизнь» употребляется слово «сознание». В духе своих теорий они утверждали, что говорить о бессознательном душевном состоянии — это значит признавать существование «бессознательного сознания», т.е. высказывать нелепое противоречие. Конечно, они не правы: противоречия нет, если в приведенном мною примере бессознательной зависти мы будем правильно описывать ее, называя ее бессознательным психическим процессом. В наше время благодаря исследованиям психиатра Фрейда и его школы широко распространилось убеждение в том, что бессознательные психические процессы существуют и что значительные области нашей душевной жизни протекают как неопознанные и даже неосознанные нами состояния².

Лосский указывал также на значительную роль русского психиатра Н.Е. Осипова, который сделал попытку соотнести психоанализ с персоналистической традицией русской философии. Болезнь и смерть (1934) помешали Н.Е. Осипову развить в подробностях учение о любви как основном космическом факторе, объясняющем связи людей друг с другом.

Третий период истории русского психоанализа В.И. Овчаренко называет *дезинтеграционным* (1914—1922). Первая мировая война прервала исследовательскую и издательскую деятельность русских специалистов. Вместе с тем отечественные психоаналитики использовали свои знания для работы во фронтовых условиях, в различных городских клиниках. В этот период особую ценность приобретает деятельность И.Д. Ермакова (1875—1942). Это выдающийся русский психиатр, психоаналитик, литературовед.

Четвертый период — *институциональный* (1922—1932) — ознаменовался стремительным распространением психоаналитических идей в России. В первые годы после революции И.Д. Ермаков — профессор Психоневрологического института, в котором создал отдел психологии. В 1921 г. он организовал Психоаналитическую детскую лабораторию (одной из ее задач было наблюдение над комплексами детей в условиях коллективности). Психоаналитиче-

¹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1984. С. 176.

² Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 336.

ская детская лаборатория стала важной частью Психоаналитического института, организатором и директором которого стал (с 1923 г.) Ермаков. В середине 1922 г. создается Московское (Русское) психоаналитическое общество. Это общество при содействии Фрейда принимается в Международную ассоциацию. Среди основателей Русского психоаналитического общества — И.Д. Ермаков, П.П. Блонский, М.В. Вульф, В.И. Невский и др.

Значительный интерес представляет деятельность И.Д. Ермакова (совместно с М. Вульфом и другими психоаналитиками) по переводу на русский язык и выработке соответствующей терминологии трудов З. Фрейда. В «Психологической и психоаналитической библиотеке» увидели свет «Лекции по введению в психоанализ», два сборника статей Фрейда и его учеников, «Психологические типы» Юнга, книги М. Кляйн, Э. Джонса и др. Благодаря усилиям Ермакова и его коллег российская философия и медицина получили возможность выяснять свои взаимоотношения с теорией и практикой психоанализа. Однако такие возможности со временем стали сужаться.

Самое поразительное в этой деятельности то, что институционализация психоанализа в Советской России осуществлялась одновременно с масштабными репрессиями против отечественной интеллигенции. Новая революционная власть «пробует» психоанализ на зуб. Почти все видные политические деятели готовы щегольнуть фрейдистской фразой. Ленин и Троцкий, Бухарин и Крупская наглядно демонстрируют, что они «в курсе» новейших психологических изысков. Троцкий проявляет повышенный интерес к психоанализу. Создан Психоаналитический институт, в котором работает профессор И.Д. Ермаков. Пользуется популярностью Русское психоаналитическое общество во главе с М.В. Вульфом. Поговаривают о возможности фрейдомарксизма. Эту идею озвучивает А.Р. Лурия (1902—1977). Однако любовь тает на глазах. Отмечается «замирание» психоанализа. Вскоре он в России начинает сходить на нет. Психоанализ исчезает на шесть десятилетий.

В 1922 г., как известно, из страны по указанию В.И. Ленина были высланы выделяющиеся представители русской философской, социологической, исторической и психологической мысли. С середины 20-х годов под воздействием политических факторов стала усиливаться негативная вульгарно-социологическая критика психоанализа. 14 августа 1925 г. решением заседания Совета народных комиссаров РСФСР под председательством Н.А. Семашко московский Государственный психоаналитический институт (ГПАИ) был ликвидирован. Борьба психоаналитиков (Р.А. Авербух, М.В. Вульф

и др.) за сохранение психоанализа, полученных ценных материалов по психологии ребенка и продолжение научной работы по детскому психоанализу не увенчалась успехом. В 1928 г. ГИЗ закрывает издание «Библиотеки». Незадолго до этого закрывается Психоаналитический институт. Начиная с 1930 г. психоанализ как теория оказывается запрещенным. В архиве И.Д. Ермакова сохранилась большая книга о Достоевском, о его творчестве, рассмотренном с точки зрения психоанализа. Сам он больше ничего не публиковал по психоанализу. Ермаков был арестован в 1940 г., а через два года он умер в лагере. К 1930 г. завершилась номинальная деятельность Русского психоаналитического общества. Но оставшиеся в эмиграции российские психоаналитики М.В. Вульф, Б.П. Вышеславцев, Н.Е. Осипов, С.Л. Франк продолжали теоретическую и практическую работу. Разумеется, в их работах появились и критические оценки наследия Фрейда. Однако они были связаны с попыткой преодолеть узконатуралистическую направленность психоанализа.

Реабилитация бессознательного

В апреле 2000 г. в Москве проходила Международная российско-австрийская научная конференция. На пленарном заседании сложилось стремление понять причины психоаналитического исхода. Профессор А.М. Руткевич говорил о том, что после отмены НЭПа в России исчез слой богатых людей, которые могли позволить себе посещать психоаналитические клиники. Возможно, это и так. Но ведь в России погиб не только клинический, но и философский психоанализ. Что же мешало расцветать психоаналитической теории?

Профессор Б.И. Пружинин озвучил другую версию падения психоанализа. Причину он видел в том, что в России появилось увлечение техникой, сложилась коллективистская психология. Если вместо сердца — «пламенный мотор», то тут уж не до психологии. На фоне массового энтузиазма интерес к индивидуальному миру человека угасал. Единица — ноль. Но если струдились массы, то опять-таки не для того, чтобы изучать робкие роптания души.

И в этих словах есть некая правда. Но с другой стороны, на Западе тоже было огромное увлечение техникой. Не обошлось и без диктата коллективных волей, массовых движений. Но психоанализ все-таки был жив...

Порой пишут о том, что именно сближение психоанализа с марксизмом сыграло роковую роль в его судьбе. Фрейдизм приоб-

рел социальную направленность, которая не могла не обернуться идеологизацией и индоктринизацией. Отмечают также гибель многих специалистов в период Гражданской войны. Социальные катаклизмы не обошли психоанализ.

Думаю, что печальная судьба психоанализа в России, несомненно, связана с нарастанием тоталитаризма. Всеобщее принуждение к единомыслию, безусловно, несовместимо с психоанализом. Есть одна сфера человеческой жизни, которая труднее всего поддается тотальному контролю. Это интимная жизнь людей. Можно проследить, что думает советский человек о стране, о вожде, о коммунизме. Но вот он приходит домой, опускает занавески и... исчезает из-под надзора. Не случайно все тоталитарные режимы так испуганно «регулируют» сексуальную жизнь. (Исключением можно считать, пожалуй, Кубу, но там иные традиции.) Советский человек, прошедший процедуру развода, лишился возможности выехать за границу. В исключительных случаях ему давали партийную характеристику: «обстоятельства развода известны партбюро и причинной для невыезда служить не могут». Партбюро, оказывается, стояло в ночном дозоре...

Могла ли теория сексуальности Фрейда совместиться с марксистской идеологией, о чем грезили (и даже писали!) некоторые психологи еще довоенной поры? Увы, нет.

Впрочем, карающий перст деспотизма проник и в другие сферы психологического знания. В 1930-е годы началась критика многих положений педологии¹. Отвергался ее предмет, изобличались представления о био- и социогенезе. ЦК ВКП (б) принял два постановления. Педология была разгромлена, что, как это очевидно, отразилось и на судьбах многих крупных психологов. Все педологические институты и лаборатории были закрыты. Педологию вычеркнули из учебных программ всех вузов. В ход пошли и политические ярлыки. Л.С. Выготский был объявлен «экслектиком», М.Я. Басов и П.П. Блонский — «пропагандистами фашистских идей»...

Пятый период в развитии русского психоанализа — *латентный* (1932—1956). Несмотря на то что психоанализ фактически репрессирован, в отдельных городах страны (Ростове-на-Дону, Одессе, Иркутске, Ленинграде) продолжается практическая деятельность отдельных специалистов. Когда Фрейд узнал о гонениях на психо-

¹ Педология (от греч. *дитя* и *наука*) — направление в психологии и педагогике, ставившее цель объединить биологические, социологические, психологические и другие подходы к развитию ребенка.

анализ в России, он был обескуражен. Сам-то он считал, что его учение не обслуживает никаких политических партий, ведь это объективное научное направление. Тем не менее Фрейд отважился на экспертизу:

В своем осуществлении в русском большевизме теоретический марксизм нашел энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется. Будучи первоначально сам частью науки, опираясь в своем осуществлении на науку и технику, он создал, однако, запрет на мышление, который так же неумолим, как в свое время в религии. Критические исследования в марксистской теории запрещены, сомнения в ее правильности караются так же, как когда-то ересь каралась католической церковью. Произведения Маркса как источник откровения заняли место Библии и Корана, хотя они не менее свободны от противоречий и темных мест, чем эти более древние священные книги¹.

В 30-е годы начались процессы радикальной политизации и идеологизации научных споров. 9 декабря 1930 г. Сталин беседовал с бюро ячейки ВКП (б) Института красной профессуры философии и естествознания. Он благословил группу партийцев (М. Митин, Э. Кольман, П. Юдин, которые выступили с критикой А. Деборина, Н. Кареева, Я. Стэна. Именно эти авторы главенствовали в философских дискуссиях на страницах журнала «Под знаменем марксизма». 25 января 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О журнале "Под знаменем марксизма"», в котором группа Деборина обвинялась в ряде ошибок, главная из них — отказ философии от политики. Говорилось, что следует развернуть беспощадную критику всех немарксистских установок в философии, общественных и естественных науках. Прежде всего редакция «Под знаменем Марксизма» считала «одной из очередных задач марксистскую философскую критику Фрейда и фрейдизма с точки зрения диалектического материализма»².

В начале 30-х годов в нашей стране началась мощная и широкая кампания не только по критике, но и по выкорчевыванию психоанализа. В научных учреждениях и учебных институтах создавались специальные комиссии, которые подвергали переоценке теоретическую и практическую деятельность ученых. Так, в декабре 1930 — марте 1931 г. проходил «смотр» кафедр в Академии коммунистического воспитания. Были вскрыты «идеологические» ошибки

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 414.

² Под знаменем марксизма. 1924. № 8/9. С. 51.

Л. Выготского, А. Лурия, А. Залкинда и других ученых, обнаруживших «недостаточную бдительность» по отношению к психоанализу и фрейдизму¹.

Шестой, *билатеральный* период развития психоанализа (1956—1989) характеризовался критикой психоанализа, однако формальное отвержение идей Фрейда позволяло специалистам осваивать широкий спектр психоаналитического знания. В 1960—90-е годы публиковались монографии, брошюры, статьи, связанные с психоанализом, проводились различные конференции. При этом сами произведения Фрейда и его учеников не публиковались. Зато огромную роль в просвещении специалистов сыграли монографии по проблеме бессознательного, проведение симпозиума в г. Тбилиси по проблеме бессознательного (1978), перевод и публикация работ зарубежных авторов по проблемам психоанализа.

Воскрешение психоанализа

Процессы демократизации страны, которые начались в конце 80-х годов XX в., решительно изменили положение психоанализа. Только во второй половине 80-х годов реализовались дебаты о психоанализе. В газетах и журналах стали появляться статьи о Фрейде и возможностях психоанализа. Распад СССР в 1991 г. привел к тому, что психоанализ стал действовать как клиническая дисциплина без всяких ограничений.

16 февраля 1990 г. президиум Всесоюзной научной медицинской федерации зарегистрировал и утвердил протокол учредительной конференции Российской психоаналитической ассоциации (РПА). Таким образом, впервые в нашей стране, спустя более шести десятилетий, была воссоздана профессионально-общественная организация, призванная объединить многочисленные к тому времени ассоциации, объединения и группы, связанные с психоанализом. Немалую роль сыграл выход в свет «Российского психоаналитического вестника» (1991). В том же году в Санкт-Петербурге открылся Восточно-Европейский институт психоанализа. Созданная в 1994 г. Академия гуманитарных исследований стала издавать философский психоаналитический журнал «Архетип». В 1995 г. начал свою деятельность Институт психоанализа, призванный готовить специалистов по данной дисциплине.

¹ Мухомин А.К. К итогам смотра кафедр педологии и психологии в Академии комвоспитания им. Крупской // Педология. 1931. № 4. С. 79—83.

18 июля 1995 г. газета «Московский комсомолец» под заголовком «Психоанализ — оружие пролетариата» писала:

В то время как «ИЛ» отмечает свое сорокалетие, философско-психоаналитический журнал только что родился и явил миру свой первый номер. Совсем недавно советские идеологии пугали детей и взрослых психоанализом как страшным оружием буржуазии и рабского капитализма. Оказалось, что эта наука как раз очень полезна. С ее помощью специалисты могут многое понять в человеке. Есть у психоанализа и практическое применение — десятки тысяч врачей-психоаналитиков во всем мире способствуют здоровью своих сограждан без психушек и прочей пакости. Имеется у психоанализа и философский аспект — ведь непознанные бездны человеческого сознания тоже ждут и не дожудутся своей разгадки, объяснения и толкования. Крупнейшие умы человечества в XX веке обращались к трудам классиков психоанализа — Зигмунда Фрейда и Карла Юнга. У нас же Фрейд вынужден был уйти из обихода в самом начале двадцатых годов, практически оставив страну победившего пролетариата без психологической помощи и поддержки. Только в последние пять — семь лет труды видных ученых и философов мира возвратились в нашу страну, где всегда у власти было много психов и мало сочувствия всем нам — живым и страдающим людям.

Первый номер «Архетипа», главным редактором которого стал автор «МК» Павел Гуревич, обращен к самым разным сторонам жизни: здесь впервые — переписка Фрейда с Эйнштейном, эссе о мании величия у Гитлера, который лично создавал проекты собственного мавзолея, статьи американских и европейских философов-психоаналитиков и даже стихи... Новеллы Матвеевой. Диапазон журнала ориентирован на самого разностороннего читателя. Иными словами — это издание может стать оружием нашего интеллектуального пролетариата, если, конечно, ему повезет. А сегодня «Архетип» вышел тиражом всего 2 тысячи экземпляров.

Демократическая волна докатилась и до президента Б.Н. Ельцина. Значительным событием в истории российского психоанализа стал Указ Президента России «О возрождении философского, клинического и прикладного психоанализа» (Москва, 19 июля 1996 г., № 1044). Инициатива подготовки такого указа принадлежала М.М. Решетникову. Событие это можно оценить по-разному. С одной стороны, репрессированный психоанализ, наконец-то, был признан. Но, с другой стороны, стало очевидно, что идеология по-прежнему не оставляет науку своей опекой.

Указ вызвал мощную фольклорную волну. Казалось, еще немного — и люди перестанут собирать анекдоты о чукчах и новых русских и начнут повально зубоскалить про осчастливленных психоаналитиков. Кое-какими достижениями в то время начали делиться... Стало быть, встречаются два психоаналитика. Один другому говорит: «Знаешь, со мной произошла странная история. Я допустил непонятную оговорочку. Вчера у нас были гости. Я обратился к мамочке. Хотел сказать: "Дорогая, передай мне, пожалуйста, солонку". А вместо этого почему-то сказал: "Ах, ты, старая карга, ты же мне всю жизнь испортила..."».

В свое время Ильф и Петров подметили: когда в массовом сознании появляется какая-нибудь фольклорная фигура, иши за ней социальные тенденции. В самом деле — начнет кочевать по страницам газет образ всемогущего олигарха — немедленно всполошится Министерство по антимонопольной политике. Возникает злокозненный стереотип «лица кавказской национальности» — станет томиться Министерство по делам национальностей. Но кому нужен психоаналитик, несущий в общественном сознании все черты психического вырождения.

По первому впечатлению, рассказанный анекдот далек от указа. Но это как посмотреть. В указе полно оговорочек. Вообще говоря, следовало бы передать солонку. А получилось во многом «старая карга». Всем было ясно, вряд ли такой указ будет содействовать возрождению и развитию. Теперь можно утверждать, как только Ельцин превратился в «хромую утку», над отечественным психоанализом нависла смертельная угроза.

Эта штука (т.е. указ), пожалуй, посильнее известных постановлений партии. В печально знаменитой статье «Сумбур вместо музыки» о творении Шостаковича было сказано, что оно «ухает, крикает, пыхтит и задыхается». Но в связи с мировым признанием композитора в прошлом принимается реабилитирующее постановление. Мол, не ухает, не крикает, не пыхтит и совсем даже не задыхается....

Разве мы не должны быть благодарны Восточно-Европейскому институту психоанализа за ценную инициативу? Слов нет, еще как должны... Но вот что получается: без президентского указа здравого смысла было бы гораздо больше. Не сгинул бы психоанализ. Он, полагаю, возродился бы без всяких родовспомогательных усилий... Зато после мудрой государственной указки возникла сумятица умов, что хоть плачь...

Недавно в который раз смотрел «Джентльменов удачи». Там есть чудная реплика: «Если мы не хотим обратно в тюрьму, если

мы хотим отыскать дорогу к шлему...» Господи, подумал я, ошеломленный, так ведь это же национальная идея! Чтобы не оказаться на нарах, надо отыскать дорогу к шлему, ваучерам, отчизне, психоанализу, черту лысому... И это святое дело — патриотов, олигархов, «мужиков», психоаналитиков. Главное — издать указ, выкрикнуть идею.

Нужна ли была идеологическая реабилитация психоанализа? С моей точки зрения, нет. Это дело не президента, а демократического сообщества ученых. Когда никто не стремится вести мысли на поводке, многое само по себе обретает нишу. Никто не пытался, к примеру, с помощью указа реабилитировать дедушку языкознания Н.Я. Марра, «похабницу» кибернетику или «распутницу» генетику. В России не было никакого партийного постановления о запрете психоанализа. Наоборот, его хотели скрестить с марксизмом. Но в связи с уверенной поступью универсальной идеологии этот союз так и не состоялся.

Печальная судьба российского психоанализа определялась долгие десятилетия тем, что он был идеологически неприемлем. Однако ни Коммунистическая партия, ни правительство никаких постановлений о психоанализе не принимали. Поэтому индугенция психоанализу в указе президента выглядит курьезной. С таким же успехом можно было издать указ о «возрождении» формалистической музыки С. Прокофьева, дедушки трудов языкознания Н.Я. Марра или, как остроумно заметила в свое время «Комсомольская правда», о всемерном развитии в нашей стране садомазохизма.

Все, что произошло с психоанализом после указа, заставляет думать о самозащитном эффекте. Если вести речь о психологической науке в целом, то следовало бы устранить разгромное постановление 1936 г. о педологии. Логика подсказывает, что возродить психоанализ и умолчать обо всем другом означает создать неразбериху. Не случайно один из видных психологов — В.П. Зинченко не без юмора заметил: прежде чем реабилитировать бессознательное, надо реабилитировать сознание... Именно так: нельзя методом тыка руководить наукой...

Все толкуют о том, что психологическая наука долгие годы коммунистического правления находилась под жестким контролем. В 1999 г. об этом в связи с юбилеем С.Л. Рубинштейна напомнил А.В. Брушлинский. Однако крах психоанализа в России был вызван еще одной причиной, о которой вспоминают мало. Речь идет о попытке монопольного утверждения собственной школы при отсечении других ветвей знания.

Господствующий режим максимально содействовал тому, чтобы удавить конкурентов. Психоанализ изжил себя на путях склоки, за-долго до возможного идеологического постановления. В свое время многие центральные газеты, в том числе «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», а также «Независимый психиатрический журнал», «Архетип», подвергли указ жесточайшей критике. Это и понятно, ведь в психологии существует много направлений — бихевиоризм, гештальтпсихология, гуманистическая психология, трансперсональная психология. Не настрочить ли указов?

Все это можно было бы оставить истории, если бы восемь лет, прошедшие после появления указа, действительно помогли «возродить» и «развить». Поначалу началась интенсивная работа. Министрство общего и профессионального образования стало выявлять специалистов. Совместно с Комитетом по науке и технологиям оно приступило к разработке государственной программы по развитию психоанализа. Эта программа была принята. Была создана Национальная психоаналитическая федерация.

В 1997 г. в России была разработана, принята и утверждена соответствующими ведомствами межотраслевая программа «Возрождение и развитие психоанализа в России». В течение всего нескольких лет был создан ряд психоаналитических институтов и организаций: Психоаналитическое общество «Психодинамика» (1997, Москва), Э.Н. Потемкина и др.; Институт психоанализа (1997, Москва), Психоаналитическое общество «Катексис» (1997, Москва; А.Г. Попов и др.) кафедра психоанализа и психиатрии в структуре ГЕА им. Маймонида (1997, Москва; А.И. Белкин, В.Я. Вяткина, А.В. Литвинов и др.), факультет психоанализа в Московском социально-психологическом институте); Институт практической психологии и психоанализа (1998, Москва; Е.А. Спиркина, М.В. Ромашевич и др.), Институт аналитической психологии (1998, г. Москва; С.О. Раевский и др.), Институт психологии и сексологии (2000, Санкт-Петербург; И.М. Ничипуренко, В.А. Медведев, Л.М. Щеглов и др.), Институт клинического и прикладного психоанализа (2000, Москва; Е.В. Белокоскова, Б.А. Еремин и др.), кафедра психологии в Московском государственном университете технологий и управления и Институт психоанализа и социального управления, 2000, Москва; П.С. Гуревич, Э.М. Спирова), Клиника глубинной психологии профессора П.С. Гуревича (2003), Всероссийская ассоциация прикладного психоанализа (2003; В.А. Медведев и др.). В 1999 году начала свою деятельность Национальная федерация психоанализа (НФП; президент М.М. Решетников, вице-президент А.И. Белкин), ориентированная на повышение профес-

сионального уровня, координацию и консолидацию профессиональной деятельности психоаналитиков и их различных объединений. С 2003 г. выходит журнал «Популярная психология» (главный редактор Е.В. Власов).

Избрание на пост Президента Российской психоаналитической ассоциации (РПА) Александра Николаевича Харитонов (2004) привело к ряду положительных следствий в судьбе российского психоанализа. Значительно активизировалась вся научная, издательская, клиническая и организационная жизнь. В декабре 2005 года состоялась Всероссийская психоаналитическая конференция «Мужчина и женщина в изменяющемся мире: психоаналитические концепции».

Итак, психоанализ в России располагает значительными ресурсами. В стране работают 10 действительных членов Международной психоаналитической ассоциации, в том числе Н. Асанова, И. Кадыров, Е. Калмыкова, В. Потапова, М. Ромашкевич и др. Около 20 психоаналитиков являются кандидатами Международной психоаналитической ассоциации.

Так бум или не бум?

При подготовке государственной программы развития психоанализа в нашей стране в конце 90-х годов изучалось психическое состояние народа. Материал, который накоплен в те годы, показывал, что нам необходимо предпринимать срочные меры ради спасения нации. Реализация такой программы и сегодня остается актуальной проблемой. События в Беслане показали, как остро мы нуждаемся в практикующих психологах. Однако медики утверждают, что психологической коррекцией могут заниматься только врачи. Но ведь во всем мире существует практическая психология. Однако комиссия Министерства образования и науки РФ, проверяющая практику образовательных программ по психоанализу, заявила, что мировой опыт нам не указ...

Что же мешает «возрождению»? Та же самая идеологическая опека, которая в свое время погубила психоанализ. Благодаря укаzu в научном сообществе сложилась стойкая оппозиция. Кое-кто толкует о несовместимости психологии и психоанализа, хотя для всего мира это псевдопроблема. Иные прозрачно намекают на бывшего президента, директивы которого еще при жизни утратили свою силу. Повсюду гуляют всевозможные байки об «устарелости» психоанализа.

А может быть, научному сообществу обратиться наконец к внутренней логике развития психологической науки? Психологический бум заметен сейчас во всем мире. Массовым тиражом издаются книги. Рождаются новые направления психологического знания (психология чрезвычайных ситуаций, психология бизнеса, психология управления). Расширяется сфера психотерапии. Возможно, сбывается пророчество Герберта Уэллса о том, что психология станет главной наукой XXI в. Американский футуролог Элвин Тоффлер отмечает рождение новой психосферы. Он называет *«футурошок»* (от психологической неадаптированности людей к новой жизни) самой важнейшей глобальной проблемой.

Одной из насущных проблем развивающегося психоанализа является проблема, связанная с включением этой дисциплины в образовательные стандарты. В стране сложилась странная ситуация. С одной стороны, Указ Президента РФ 1996 г. «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа» как будто обеспечивал абсолютную легализацию психоанализа. Но, с другой стороны, после ухода с политической арены Б.Н. Ельцина вновь сложилось отчуждение к психоанализу со стороны государственных структур. Такое положение не позволяло готовить дипломированных специалистов по психоанализу. «Непризнание» психоанализа находило выражение в стойкой позиции Министерства образования и науки РФ не допускать данное направление мировой психологии в образовательные стандарты.

В январе 2002 г. по инициативе Российской академии образования (РАО) на Бюро Отделения психологии и возрастной физиологии РАО было заслушано сообщение «О состоянии и развитии психоанализа в России» (докл. П.С. Гуревич). Бюро приняло решение просить Министерство образования включить психоанализ в образовательные стандарты. Однако это решение не было реализовано. В ноябре этого года Российская психоаналитическая ассоциация совместно с кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления и Академией гуманитарных исследований обратилась к Президенту РФ В.В. Путину. Отмечалось, что печальная одиссея психоанализа в нашей стране должна быть, наконец, завершена. Подписав Болонское соглашение, Россия не имеет права оставить за пределами образования одно из ведущих направлений мировой психологии. В.В. Путин дал задание Министерству образования и науки РФ решить этот вопрос положительно.

Сейчас сложилось странное положение. «Дикий психоанализ» расцветает, а «цивилизованный» «не разрешен». Между тем плат-

ные вузы помещают бессовестную рекламу о том, что они готовят специалистов по специальности «психоанализ». Политические имиджмейкеры к своим титулам добавляют неизменное «психоаналитик». Появились психоаналитики в различных ведомственных клиниках. Прощесть «дикий бизнес».

Сейчас психоанализ в стране бурно развивается. В Институте философии РАН осуществляется международный проект по изданию трудов трансперсональной психологии. Изданы десятки сочинений. В Москве проводятся международные конференции, посвященные изучению перинатального и трансперсонального опыта. Министерство здравоохранения и социального развития поддерживает эти проекты. Однако внутри психологической общности такой поддержки нет. Вновь возрождается кастовость, от которой и пострадал в свое время психоанализ. Получившие международный сертификат различаются по городам, где это произошло. Одновременно обсуждается вопрос о том, кто самый равный среди равных.

Возникает вопрос: нельзя ли без шума и деклараций узаконить развитие этой области знаний, которая так нужна стране? Спокойно ввести этот предмет в программы обучения, по крайней мере на психологических факультетах. Выработать необходимые стандарты и правила сертификации специалистов. Устранить идеологическую опеку, которая мешает сообществу ученых установить систему приоритетов.

Недавно на крупной научной конференции много говорили о том, какие беды заключает в себе сегодняшняя невостребованность психологии. Но действительно ли она не востребована? Последние печальные события показали, как мало у нас специалистов в области психологии чрезвычайных ситуаций. Политики окончательно убедились в том, что без политических технологий нечего и думать об успешной публичности. Фирмы и различные предприятия ищут специалистов, которые могли бы обеспечить эффективность их работы. Педагоги стараются получить психологическое образование.

Дело не в социальном заказе. Можно поставить вопрос: а способны ли сегодня психологи ответить на общественную потребность? На мой взгляд, нет. Психология как дисциплина переживает кризис. Ей явно недостает социологического воображения, теоретической глубины. Нарботаны горы эмпирических исследований. Теоретическое же осмысление полученных данных отстает. Сказывается келейность, авторитарность. Проблем много, но решать их не властям, а самому научному сообществу.

Литература

1. Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 58—75.
2. Гуревич П.С. Проколы советских мудрецов // Популярная психология. 2004. № 6.
3. Лейбин В.М. Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин // Российский психоаналитический вестник. 1991. № 31. С. 32—55.
4. Овчаренко В.И. Судьба психоанализа // Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994. С. 9—34.

Вопросы для повторения

1. Какие периоды истории отечественного психоанализа вы знаете?
2. Почему, на ваш взгляд, психоанализ на многие десятилетия исчез в России?
3. Что такое психосфера?
4. Каковы, на ваш взгляд, перспективы российского психоанализа?

Темы рефератов и докладов

1. Психология в дореволюционной России.
2. Зигмунд Фрейд и Россия.
3. Влияние тоталитарной идеологии на судьбу психоанализа в России.
4. Репрессированный психоанализ.
5. Возрождение психоанализа в России.

Фрейд конечный и бесконечный

*Когда удар с ударами встречается
И надо мною роковой,
Неутомимый маятник качается
И хочет быть моей судьбой.*

Осип Мандельштам

Глазами пошляка

Известно, что ученик и соратник Фрейда венгерский исследователь *Шандор Ференци* (1873—1933), который находился на терапии у австрийского психиатра, упрекал его за то, что тот якобы его не долечил. В связи с этим Фрейд и написал работу «Конечный и бесконечный анализ». Фрейда за эти десятилетия наградили множеством уничижительных определений — «сексуальный маньяк», «психофашист», «мифолог-неудачник». Эти определения были призваны для того, чтобы обозначить конечность Фрейда, его обреченность для памяти потомков. Но имя Фрейда сохраняет свою значимость.

Правда, если бы он не выдвинул психоаналитические идеи, положенные им в основу терапии и понимания человеческой психики, религии, культуры, — пишет Валерий Лейбин, — то, возможно, его имя не было бы на слуху многих людей XX и XXI столетий. Хотя не исключено, что столь неординарная личность не только проявила бы себя в чем-то другом, но и получило бы всемирное признание на каком-либо ином поприще¹.

Так случилось, что Фрейд проявил себя не «в чем-то другом», а именно в психоанализе. Как раз на этом поприще его ждали великие открытия и горькие разочарования, нежность дружбы и проклятие отречений. Можно согласиться с В. Лейбиным, что в истории последних веков нет, пожалуй, другой фигуры, о которой было столько споров и о которой было бы написано столько книг, статей и просто заметок². Это, разумеется, верно. Но дело не в фор-

¹ Лейбин В. Зигмунд Фрейд: Психополитический портрет. М., 2006. С. 3.

² Там же. С. 4.

мальной публичности, не в количестве страниц, измеряемых тоннами. Что нам важно сегодня в этой исторической фигуре? Какова наша оценка его вклада в науку и в философию?

Нельзя сказать, что юбилей не был отмечен. Русское психоаналитическое общество готовит крупную конференцию по этому поводу. Состоялось научное заседание в Институте философии РАН, проведен «крутой стол» в Московском гуманитарном университете. Академия гуманитарных исследований подготовила сборник философских статей о Фрейде. Но этого оказалось недостаточным для глубокого и разностороннего анализа наследия Фрейда. Жаль, что поток «желтой прессы» перехватил инициативу и «воздал должное» австрийскому психиатру.

Вероятно, пошлость всегда имела разные лики. Сегодня, в частности, юбилей стал поводом для того, чтобы превратить празднество в повод для глумления, размазать известное лицо по стене, оттянуться по полной программе. Заглянув в календарик, пошляк радостно фиксирует дату, которая позволяет ему показать изнанку жизни, низвести юбиляра с пьедестала и испачкать его в отходах собственной жизнедеятельности.

Юбилей можно отметить по-разному. Газета «Аргументы и факты» в № 18 за 2006 г. напечатала статью Сергея Осипова «Зигмунд Фрейд — подсознание, убитое гитарой». В ней сообщается о том, что после рождения шестого ребенка счастливый отец перестал спать с женой. Одна из его страстных поклонниц, сойдясь с ним поближе, воскликнула: «Как такой человек мог написать столько сексуальных книжек?» Видите, как просто и доступно эта поклонница объяснила нам тайну великого Фрейда.

По мнению С. Осипова, Фрейд прожил весьма пресную, неинтересную жизнь. Мы не стали бы спорить с журналистом, если бы не одно важное обстоятельство. Его оценки и аргументы оказались весьма созвучными тому, что говорилось и в академической среде. Стало очевидно, что глумление над Фрейдом исходит вовсе не из «желтой прессы», а из сообщества психоаналитиков. Длительная практика репрессированного психоанализа породила массу предрассудков, сомнительных историй, досужих сплетен.

Фрейд знал о забавных и прельстительных сексуальных утех. Рано прозревшие гимназисты несли весьма пикантную информацию, которая отвлекала Фрейда от его научных изысканий, связанных с половыми органами утя. Но Фрейд был воспитан в строгих рамках Ветхого Завета. Анатомируя мертвых женщин, он оставался невинным в чувствах к живым. После пяти лет принудительного воздержания Марта поздравила-таки любимого с окончанием столь долгого поста...

Та оценка, которую дал жизни Фрейда журналист, зависит от того, что считать жизнью насыщенной, яркой. Если оценивать земное существование по успешности пиара, по числу невероятных любовных приключений, то С. Осипов безоговорочно прав. Но фигура Фрейда привлекательна прежде всего тем, что он не «пиарился», не добивался скандальной известности. Фрейд стремился провести различие между собственной личностью и созданной им наукой. Он писал и говорил о начале своей карьеры не только из мелочного тщеславия, но и преследуя более важную цель — распространение практики психоанализа в мире. Фрейд справедливо полагал, что психоаналитические концепции должны пониматься в контексте их исторического развития. Он хотел, чтобы люди помнили его учеников-«отступников» и не повторяли их. Но многочисленные мифы и легенды на его счет могут быть несправедливы и вводить в заблуждение. Трудности 3. Фрейда были связаны не только с его научной работой, но обуславливались также его темпераментом. Хотя он представлял историю своих идей как неумолимый прогресс науки, в действительности она в большей степени была историей его личности¹.

Напротив, Фрейд писал о тех, кого считал героями эпохи: «Вследствие их осторожности и лживости их биографов, мы мало знаем интимных деталей из жизни великих людей, которые служат нам образцами для подражания». Действительно, невозможно упрочить место человека в истории, не компрометируя его в плане частной жизни. Фрейд это прекрасно понимал. Когда Арнольд Цвейг предложил стать его биографом (что неизменно повлекло бы за собой повторное обсуждение некоторых из знаменитых публичных ссор в жизни Фрейда), тот в ужасе ответил:

Вы, у которого столь много более привлекательных и важных вещей для работы, кто может назначать королей и обозревать жестокое безрассудство человечества с высоты сторожевой башни! Нет, вы слишком дороги мне, чтобы я мог позволить это. Став биографом, человек обрекает себя на ложь, утаивание, мошенничество, заглаживание и даже на прикрытие собственного непонимания, поскольку истины в биографическом сочинении добиться невозможно, и даже будь таковая, она бы никому не была нужна. Правда — горная тропа, люди ее не заслуживают, и не прав ли был принц Гамлет, когда говорил: «Если бы с каждым бы обращались по заслугам, кто бы избежал порки?»²

¹ Розен Пол. Указ. соч.

² Freud S. Letters. N.Y., 1960. P. 430.

Известный австрийский неоромантик, автор импрессионистских новелл и биограф выдающихся людей Стефан Цвейг сыграл огромную роль в жизни Фрейда, став одним из его биографов. Тот факт, что Фрейд был принципиально против собственных биографов, хорошо известен. Когда в 1931 г. «Дортмундский вестник» в связи с его 75-летием попытался взять у него интервью, он решительно отказался: «Я не поэт и не пытаюсь заинтересовать общественность своими личными делами». Французский сюрреалист Анри Бретон, у которого с Фрейдом состоялся подробный разговор в начале 20-х годов (опубликован в 1924 г. в книге: Breton, «Les Pas Perdus»), мог сообщить только о скрытности З. Фрейда и его нежелании говорить о себе.

Как только открылись знаменитые обитые двери, я оказался в присутствии не очень привлекательного, невысокого пожилого человека; комната, в которой он практиковал и в которой принимал меня, имела уже не новый вид... Казалось, что Франция ему совсем не по душе... Я услышал от него только следующие общие фразы: «Ваше письмо тронуло меня больше, чем какое-либо другое, полученное мною при моей жизни» или «к счастью, в основном мы можем полагаться на молодых людей».

Фрейд испытывал антипатию ко всякого рода распространению приватной информации для широкой публики. В 1929 г. вышла книга Шарля Э. Майлана «Трагический комплекс З. Фрейда: анализ психоанализа». Она претендовала на психоаналитическое рассмотрение личности самого Фрейда. Майлан с нетерпением ждал отклика З. Фрейда. Но тот не стал ему отвечать, а просто передал через своего берлинского коллегу выражение Калибана из шекспировской «Бури»: «Вы учите меня языку, а я достиг того, что могу ругаться».

Даже если бы знали о Фрейде только эти факты, мы имели бы все основания считать его человеком скромным и не лишенным величия. Но Фрейд, «несомненно, один из величайших психологов в истории человечества, заставил нас иначе посмотреть на самих себя. Идеи Фрейда распространялись по всему миру многочисленными путями, как явными, так и скрытыми, так что признание его заслуг вряд ли означает преданность его идеям»¹. Жизнь Фрейда, гениального подвижника науки, полна драматизма. Она становится безоговорочно интересной, если взглянуть на нее, в полной мере ощущая противоборство идей, конфронтацию взглядов и подлинную преданность науке. Но автор «юбилейной» статьи рисует Фрейда как хитрого, изворотливого и циничного человека, который

¹ Розен П. Указ. соч. С. 34.

весьма искусно воспользовался некоторыми историческими обстоятельствами.

Читаем:

Фрейд пробовал применять модный в конце XIX в. гипноз, но вскоре бросил: с детства ненавидел смотреть людям в глаза. Тогда — с горя и от финансовых проблем — Фрейд изобрел психоанализ. Именно Фрейд додумался уложить пациента на кушетку, а самому сесть в изголовье. Пусть больной говорит что хочет. Это и есть метод «свободных ассоциаций», облегчающих «доступ к подсознанию». Для облегчения доступа к кошельку пациента Фрейд изобрел другой способ. «Плата за терапию, — писал он, — должна существенно сказываться на кармане пациента, иначе терапия идет плохо». Сеанс у Фрейда стоил 40 австрийских крон — как дорогой костюм.

Итак, психоанализ изобретен с горя и ради денег. (Может быть, и сам С. Осипов попробовал бы изобрести нечто подобное с горя и страдая от инфляции.) На кушетку укладывают ради потехи. Лучше купить дорогой костюм, чем идти к психоаналитику. Но журналисту этого мало. Он разъясняет нам, почему появилась мода на психоанализ и каким отвратительным был этот курильщик с его челюстью, пораженной раком:

К началу XX в. Фрейд попал в масть. Разочаровавшее сперва в религии, а затем и в философии европейское общество находилось в серьезнейшем моральном кризисе. Тут явился доктор из Вены и объяснил всем, что решение их проблем следует искать не в душе, не в голове, а ниже. Лечиться у Фрейда стало модным, даже если ничего не болит. Больше того: это стало символом общественного статуса.

В 1902 г. вокруг Фрейда собрались ученики и единомышленники. В 1910 г. в Нюрнберге собрали Первый международный конгресс психоаналитиков. Постепенно Фрейд перенес свои взоры с конкретных больных на более общие темы, стал применять законы психоанализа к культурным и историческим событиям. В общем, «жизнь удалась».

Беда пришла откуда не ждали. Фрейд с молодых лет был страстным курильщиком. В зрелые и сытые годы он выкуривал по 20 толстых сигар в день. В начале 20-х годов у Фрейда обнаружили рак челюсти. В апреле 1923 г. ему была сделана неудачная операция — пришлось жить с протезом нижней челюсти и все тем же раком. Огромная незаживающая язва во рту, кроме прочих неудобств, вызывала страшное зловоние разлагающейся плоти. Из-за этого в последние годы жизни Фрейд предпочитал общаться с людьми через непрозрачную занавеску. В лондонской эмиграции (чудом удалось бежать от нацистов, но четыре его сестры погибли в концлагере), когда страдания от раковой опухоли сделались невыносимыми, Фрейду по его просьбе сделали смертельную инъекцию морфия. 23 сентября 1939 г. он умер.

Возможно, не было бы необходимо оценивать позицию С. Осипова, но во время юбилея Фрейда уже не журналисты, а наши коллеги «вполне академично» выдержали этот тон. Мы узнали из выступлений на торжестве, что Фрейд был сионистом, что он болезненно оценивал снижение собственных сексуальных возможностей, что до сих пор неясно, была ли у него интимная близость с сестрой жены.

В связи с этим я предложил бы некоторую памятку о том, как вообще нужно отмечать юбилей. Важно сообщить о Канте, что он умер девственником и очень обрадовался в молодости после диагноза врача, что может всю жизнь посвятить философии, а не сексу. Кстати, в ходе дискуссии по этому поводу мой коллега сообщил, что девственность великого философа спорна, поскольку в доме у него жила экономка. Понятное дело, если в квартире живет особая женского пола, то половая близость с ней неизбежна. Именно так следует приспособить исторические события к собственному углу понимания.

Кстати, на юбилей напомнили и о том, что И.П. Павлов получил Нобелевскую премию, потому что один из членов комитета по присуждению премий был соседом Ивана Петровича по даче. Осталось неясным, отчего обделили высокой наградой других соседей-дачников.

В годы тоталитаризма действовал строгий политический заказ: психоанализ оценивался как агент буржуазной идеологии, развращающий массы нелепым взглядом на человека как на гиперсексуальное существо. Сам Фрейд выглядел сексуально озабоченным маньяком, изживающим собственные комплексы через создание теоретических трудов. Но зачем же пороть чепуху в начале нового тысячелетия.

Был ли Миклухо-Маклай папуасом?

Отвлечемся на минуту от Фрейда, чтобы показать логику пошляков. В «Историческом журнале» напечатана статья М.Д. Бороздина. Она рассказывает о научном подвиге великого ученого, но в то же время приковывает внимание к личности Миклухо-Маклая. Что и говорить, исследователь был незаурядным человеком. С риском для жизни отправился на острова Тихого океана для изучения быта и нравов первобытных народов. Или во второй экспедиции выбрал для высадки берег Папуа-Новой Гвинеи, о жителях которого даже между малайцами ходили самые ужасные рассказы как о морских пиратах, разбойниках и людоедах. Мы знаем Миклухо-Маклая как неистово-

го путешественника-изыскателя. И вдруг автор статьи сообщает, что Миклухо-Маклай вел двойную жизнь... Даже на смертном одре он позаботился о том, что не осталось бумаг, изобличающих его частную жизнь.

Ильф и Петров однажды высмеяли эстрадных, которым комиссия запретила рассказывать юморески про супружеские козни. Но артисты заявили, что без куплетов о коварстве наших дам они не берутся рассмешить публику. Сегодня многие авторы не согласны рассказывать о великих исторических фигурах без намека на нестандартность их сексуальной ориентации. Чего стоят, к примеру, новейшие исследования юношеской жизни М.Ю. Лермонтова, на которые походя ссылается М.Д. Бороздин. Выйдя из бабушкиного гнезда, юный поэт славил мужскую любовь. Однако при чем тут гомосексуальность? Известно, что юноши обладают обостренным сексуальным чувством, которое легко сублимируется в разные фантазии. Юный Мишель задумал «Демона» как «эротическую поэму в стихах» и вогнал в нее такую похабщину, словно вдохновлялся не в горах Кавказа, а в юнкерском нужнике. Но ведь нам известен и другой «Демон»!

Недавно я читал статью другого автора о Миклухе-Маклае. Узнал, что великий ученый был обыкновенным наркоманом. Доводы? Его просят срочно приехать в Русское географическое общество, а он, накурившись местных трав, кайфует в хижине... А нельзя ли предположить, что есть и другие мотивы у исследователя, который старательно, до самозабвения изучает чужие нравы и традиции. Не учитывая главной страсти ученого, невозможно понять «разные» жизни человека. М.Д. Бороздин в качестве главного аргумента в пользу своей версии называет просьбу сжечь бумаги. Что там такого интимно порочащего? Нам так и не ясно. Разве рукописи сжигают только потому, что хотят скрыть свою сексуальную ориентацию? Бедный Гоголь со своими «Мертвыми душами», лоди, и не догадывался об этом...

Известно, что Миклухо-Маклай был женат на Маргарите Робертсон. От этого брака у него родилось двое сыновей. Может быть, можно закрыть тему? С какой стати, когда известна пикантная подробность — султан подарил Николаю Николаевичу раба — мальчика Ахмата. Улавливаете, куда клонит автор? Можно подумать, что восточный властитель услужливо хлопочет о тайной страсти ученого. Но ведь это скорее похоже на домысел. Есть еще доказательства? Пожалуйста, молодая жена генерал-губернатора строит ему глазки, а он уклоняется. Иначе говоря, выдает себя с головой. Но ведь существует тысяча других причин не броситься в объятия чужой прелестительницы.

Другая женщина, которой Миклухо-Маклай добивается, зовет его с негой в каждом слове, а он вдруг собирается рассказать ей, почему он против любовной улады. Какой позор для мужчины, которому положено по первому требованию предъявлять себя в качестве самца. Не очень ли примитивно? Похоже, Миклухо-Маклай хотел поведать красавице, что он не только мужчина, но еще и ученый, который не принадлежит себе... Ведь жизнь ученого далека от обычных светских стандартов.

Жизнь заставляла Николая Николаевича чутко отзываться на обычаи и традиции людей других племен. Порой приходилось подлаживаться под их нормы, а иногда, напротив, проводить жесткую демаркацию «своего» и «чужого». Даже пытливость ученого автор статьи трактует кошунственнно. Вот дети туземцев, как сообщает ученый, имитируют коитус у взрослых. Исследователь это наблюдает. Но М.Д. Бороздин задумывается: а чем он сам занимался в это время? Полагать, что ученый увлечен своим изыскательским промыслом, — это так пресно. Ясное дело, предается сексуальному извращению.

Зачем ученый так много пишет о фаллосах? Наверное, в нем просыпается маньяк? Полно, как можно описать чужую культуру без фаллических символов? Следуя логике автора статьи, можно, к примеру, предположить, что Миклухо-Маклай был внебрачным сыном папуаса. Мода предписывает сегодня: надо описывать жизнь великих людей так, чтобы они тоже выглядели грешниками, как и мы, простые люди. Но допустимо ли при этом принижать величие научного подвига?

Впереди еще много юбилеев. Пора принять во внимание, что античный философ Платон знал толк в гомосексуальных утехах, что Артур Шопенгауэр был мизантропом, о чем еще в ранней его юности объявила его собственная матушка. Что касается юбилея Ницше, то здесь не обойтись без пикантных подробностей — умер в сумасшедшем доме, страдая сифилисом.

Не дай мне, Бог, сойти с ума...

Величие Фрейда

Когда нацисты пришли к власти, многие психиатры стремились оклеветать Фрейда. Но почему некоторые коллеги заимствуют анекдоты о австрийском психиатре из этого арсенала? Ведь автор «юбилейной» статьи рисует Фрейда как хитрого, изворотливого и циничного человека, который весьма искусно воспользовался некоторыми историческими обстоятельствами.

За полтора столетия, которые истекли со дня рождения З. Фрейда, психоанализ значительно преобразился. Он не только существует теперь в разных национальных вариантах — немецкий, американский, французский, русский и др. На фундаменте психоанализа возникли многочисленные психологические школы и направления — трансперсональная психология, соционика и многие другие области знания. Вектор научного развития, заданный когда-то Фрейдом, оказался весьма плодотворным. Сегодня мы осознаем, что без психоанализа мировая психология не получила бы столь стремительного развития.

Именно это обстоятельство обязывает нас проанализировать, какие базовые положения психоанализа сохранили сейчас неоспоримую ценность. На мой взгляд, можно говорить об огромном вкладе Фрейда в философскую антропологию, в теорию бессознательного и в концепцию психосексуального развития.

З. Фрейд, как известно, в значительной мере был заложником просветительской философии. В работе «Величие и ограниченность теории Фрейда» Э. Фромм отмечает, что научный подвиг австрийского психиатра в культе истины¹. Эпоха накладывала отпечаток на взгляды Фрейда. Действительно, поиск истины является глубокой, обостренной потребностью человека. Но ведь первоначальные либерально-просветительские представления о неисчерпаемых возможностях прогресса были связаны с идеалом независимой и разумной личности. Пафос разума, знания и основанного на них понимания истории выразился в идеологии Просвещения как временная, внеисторически понятая, всегда тождественная себе «разумность». В противоположность «заблуждениям», «страстям» и «тайнствам» трезвое, всепроникающее сознание рассматривалось просветителями в виде универсального средства совершенствования общества, а прогресс осмысливался ими как результат распространения истинных идей, которые постепенно устраняют загадки и таинства, пропитывая его светом разумности.

Первое положение. Просветители считали культуры выражением жизнедеятельности человека, его разумной активности. Соответственно предполагалось, что история есть тот плацдарм, на котором разворачивалась продуктивная, творческая мощь человечества. Культура в этом контексте напрямую соотносилась с историей, отдельные этапы которой выражали различную зрелость культурного процесса. Культурные контакты между людьми просветители рассматривали как просвещение, т.е. как разъяснение истины, смысла

¹ Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000. С.20.

тех или иных духовно-нравственных феноменов, разоблачение и устранение «неистины», предрассудков.

Просветители обращали внимание и на новые каналы культурного просвещения: печать, популярные доступные книги. Они полагали, что с помощью прессы можно усовершенствовать механизмы демократии, гуманизировать человеческое общение, улучшить нравы. Массовое просвещение на базе газет, издания книг (позже — телеграфа) понималось как выявление глубокого потенциала культуры. Просветительское представление о культуре сводилось к тому, что заблуждения людей можно развеять посредством распространения знаний, т.е. путем своеобразной диффузии накопленных духовных богатств в массовое сознание. Мыслители той поры надеялись, что рост грамотности, элементарной просвещенности народной массы, увеличение ее досуга, возникновение в будущем технических средств репродуцирования и распространения духовной продукции автоматически обеспечат приобщение самой широкой аудитории к высшим культурным ценностям. Таким образом, просветители считали разум главным достоинством человека и предлагали подвергнуть критике все социальные институты, которые не выдерживают его суда. Многие столетия люди считали, что главный дар человека — это его сознание. Оно возвышает человека над природным царством и определяет человеческое поведение. Это первое и главное положение просветительского образа человека.

Второе положение вытекает из первого. Если человек разумен, если он способен подвергнуть любое суждение суровой и убедительной критике, значит, он вменяем. Он не способен совершить дурной поступок, потому что его сознание является верным социальным поводырем. Юнг отмечает, что просветители учили за резонными доводами угадывать истинные мотивы. Однако речь шла не столько о подозрительности разума, сколько о живучести предрассудков. Ход мысли просветителей: тебе дан разум и ты должен отвечать за свои действия, потому что элементарно способен продумать собственные мотивы и действия.

Третье положение просветительской модели человека касалось дихотомии — человек-животное. Человек, безусловно, животное. У него есть дикие инстинкты, которые обнаруживают звериную сущность человека. Однако это вообще не главное в человеке. Инстинкты можно облагородить, «окультурить», цивилизовать. Чем дальше развивается история, тем больше она возвышает человека, освобождая от оков инстинктов. Человеческая природа в целом освобождается от животного наследия.

Все эти три компонента Фрейд подверг радикальной критике. Он показал, что разум — это всего лишь узкая полоска света в

глубинах человеческой психики. Сознание окружено материком бессознательного. Но главное состоит в том, что именно бездны неосознанного оказывают решающее воздействие на человеческое поведение, во многом обуславливают его. Фрейд отмечал, что мы должны быть особенно бдительны, когда сталкиваемся с благой фразой. Он показывал, что наши мысли и поступки определяются бессознательным. Этот вывод позволил философской антропологии обратиться к изучению деструктивной природы человека, присущей ему иррациональности. Стало очевидно, что нами управляют стихийные порывы, которым разум приписывает разумные резоны.

Однако если нами управляет бессознательное, значит, человек невменяем. Как он может нести ответственность за свои поступки, если постоянно обнаруживается диктат иррационального. Если поведение человека «запрограммировано» впечатлениями детства, вытесненными влечениями, подавленными вождениями, то человек несвободен. Оказывается, любой поступок, самый сокровенный или совершенно стихийный, рождается спонтанно. Что же остается тогда от человеческой субъективности? Именно это открытие Фрейда вызвало огромный пласт философско-антропологической рефлексии и позволило многим философам говорить о том, что личность стала объектом тотального манипулирования. Так, религиозно настроенный французский философ Г. Марсель полагает, что в наши дни средства психологического нажима на личность столь изощренны, тонки, неуловимы и вместе с тем так действительны, что даже акт самоубийства, который требует внутренней концентрации, отчаянной решимости, готовности к последнему шагу, не является спонтанным и свободным. Можно, например, по словам Марселя, подтолкнуть к трагической грани человека, полного желания жить. Но что самое удивительное, одновременно внушить ему, будто этот приговор себе он вынес обдуманно, самостоятельно, без всякой подсказки. Напротив, изверившегося, отчаявшегося субъекта, задумавшего уйти из жизни, нетрудно с помощью тех же манипулятивных приемов уверить в том, что такой поступок невозможен именно с моральной точки зрения. Стало быть, личный акт нравственного решения (выбор) в любом варианте, как подчеркивает Марсель, подменен «безличным», «безнравственным» диктатом манипуляторов¹.

После Фрейда в трудах многих социальных критиков и антропологов человечество предстает в виде скопища безымянных фишек, пассивных жертв наркотической культуры, лишенных уникальности,

¹ Марсель Г. Трагическая мудрость философии. М., 1995.

духовной самостоятельности, развитого внутреннего мира. При этом поведение людей расценивается как заранее предопределенное, утратившее автономность, индивидуальную ориентированность, а попытки самоутверждения, предпринимаемые человеком, рассматриваются нередко как имитация сознательной жизни.

Однако именно работы Фрейда, его осмысление человеческой природы позволили выставить в философской антропологии и противоположные позиции. В современную эпоху чрезвычайно возрастает ответственность философии как средства жизненной ориентации людей. Ценности и ожидания личности складываются под влиянием мировоззрения. Люди всегда пытались соединить разрозненные представления, формируемые элементами их социального опыта. Сколь разорванным ни казалось бы сознание масс, отдельного человека, открывающего миру свои надежды и устремления, идеалы и иллюзии, — оно, это сознание, тем не менее образует собой некую целостность.

Теперь относительно третьего положения просветительского образа человека. Фрейд показал, что инстинкты человека, разумеется, испытывают воздействие наличной культуры. Однако они принципиально не могут «облагораживаться», поскольку сохраняют свою сущность. Это означает, что история не только очеловечивает, но и расчеловечивает человека. В самом деле К. Маркс, раскрывая отличие человека от животного, отмечал его социальность, цивилизованность. Он считал, что человек не станет есть сырое мясо, даже если он голоден. Однако массовый голод и одичание, свойственные истории, показали, что тонкая пленка культуры легко устранивается и инстинкт обнаруживает свою подлинность в разнообразных экстремальных ситуациях. Точно так же в тюремной камере стремительно исчезают многие навыки цивилизации. Э. Фромм полагал, что опасность атомной войны, которая вызывает чудовищное напряжение, может воскресить людоедство. Однако различные формы некрофильства продемонстрировали свою пагубу еще до того, как разошелся тираж книги Фромма.

Таким образом, в истории философии нередки попытки ее «обмирщения», приближения к живому человеку, его чувствам, непосредственным жизненным впечатлениям, внутренним состояниям. Но после Фрейда философская антропология с особой продуктивностью стремится уловить и систематизировать непосредственное, мироощущенческое сознание людей, воспроизвести и «промыслить» конкретные нравственно-психологические позиции, характеризующие эпоху.

Итак, психоанализ в целом радикально изменил философские представления о человеке, обеспечивая своеобразный антропологический поворот в его постижении. С одной стороны, философское творчество З. Фрейда опиралось на просветительские воззрения, культивирующие разум. Обнаружив иррациональность человеческого поведения, З. Фрейд не мог до конца избавиться от рационалистических традиций. Венский психоаналитик надеялся, что с помощью специальной техники богатство подсознательного человеческого опыта может быть вынесено на светлый суд разума. Так, образ просветительно ориентированной личности сохранил себя в подтексте психоаналитической концепции.

Философы-рационалисты XVIII в. осознали мощный потенциал человеческого разума. Все должно быть подвластно свету разума, считали они. Там, куда разум еще не проник, господствует тьма стихийного и бесформенного. Но это господство временно, ибо прогресс разума — это прогресс человека, и его нельзя остановить. Хляби неорганизованного, стихийного, бессознательного должны быть укрощены. Рационалистический оптимизм еще не раскалывали трещины пессимизма. Но в XIX в. ситуация уже меняется. И хотя Фрейд еще оставался под сильным влиянием рационалистических взглядов, но творчество его уже шло в русле философии жизни, как она разрабатывалась Шопенгауэром, Ницше и другими мыслителями. Уже в романтической традиции воображение ценилось выше, чем разум.

Огромную роль в философии сыграло открытие Фрейдом бессознательного. Оно радикально изменило многие сферы философского знания — онтологические, гносеологические, историко-философские. Платон, увлеченный идеей реинкарнации, считал, как известно, что человеческое познание — это не что иное, как припоминание. Так выражалось в платоновской философии представление о бессознательном. Шопенгауэр видел в стихийной, слепой Воле — онтологический остов мира. После трудов Фрейда принципиально изменилось представление о человеческой психике. Психология приступила к освоению глубочайших пластов внутреннего мира человека.

Разумеется, не Фрейд первым обнаружил, что в нас глубоко таятся мысли и стремления, которые мы не осознаем, т.е. бессознательное, что наша психика живет своей скрытой жизнью. Но Фрейд был первым, кто сделал это открытие основой своей психологической системы и стал изучать бессознательные феномены скрупулезно и с поразительными результатами. Фрейд исследовал главным образом несоответствия между мышлением и существованием. Мы полагаем, к примеру, что наше поведение мотивировано любовью,

привязанностью, чувством долга. Но мы не осознаем, что на самом деле оно обусловлено желанием властвовать, мазохистскими импульсами или неспособностью быть самостоятельным.

Фрейд открыл, что наше представление о себе не обязательно соответствует реальности. То, что человек думает о себе, может отличаться и обычно отличается от того, что он есть на самом деле. Большинство людей живут в мире самообмана, нам только кажется, что наши мысли соответствуют действительности. Фактически историческое значение фрейдовской концепции бессознательного заключается в том, что Фрейд отбросил традиционное отождествление мышления и существования, доходящего в строгих формах философского идеализма до утверждения, что только мысль (идея, слово, символ) реальна, и в то же время до отрицания реальности чувственно воспринимаемого мира.

Сведя роль сознательной мысли в основном к рациональному объяснению влечений, Фрейд шел к разрушению основ рационализма, выдающимся представителем которого он сам являлся. Своим открытием несоответствия между мышлением и существованием Фрейд не только подорвал западную традицию идеализма в его философской и общепринятой формах, он также сделал далеко идущее открытие в области этики. До Фрейда искренность можно было определить как высказывание того, в чем убежден. Разница между тем, что я говорю, и тем, в чем я убежден, приобретает новое измерение, а именно мою бессознательную веру (belief) или мое бессознательное стремление (striving). Если в дофрейдовские времена человек, убежденный, что он наказывает своего ребенка потому, что хочет воспитать его лучше, мог считать себя честным, пока он действительно верил в это, то после открытия Фрейда закрадывалось сомнение, а не является ли подобное убеждение рациональным объяснением его садистских желаний, т.е. что ему доставляет удовольствие бить ребенка и что он использует как предлог идею, что такое наказание идет на пользу ребенку.

С точки зрения этики следует предпочесть того, кто, по крайней мере, честно признает свой действительный мотив, — он не только более честен, но и менее опасен. Нет такого зла или жестокости, которые не объяснялись бы благими намерениями, как в частной жизни, так и в исторических событиях. Со времен Фрейда фраза «Я желал добра» утратила свою оправдательную силу. Желание добра — это одно из лучших объяснений для дурных поступков, и нет ничего легче, чем убедить себя в справедливости такого объяснения.

Есть и третий результат открытия Фрейда. В культуре, подобной нашей, в которой слова играют огромную роль, придаваемое им

значение часто не учитывает, если не искажает, опыт. Если кто-то говорит «Я люблю тебя», или «Я люблю Бога», или просто «Я люблю свою страну», он произносит слова, которые — несмотря на то, что он полностью убежден в их истинности, — могут быть совершенно неверными и являться рациональным объяснением стремления человека к власти, успеху, богатству или выражением его зависимости от своей группы. Они могут не содержать и обычно не содержат даже частицы любви. Еще не нашло широкого признания открытие Фрейда, что люди инстинктивно критически относятся к высказываниям о благих намерениях или рассказам о примерном поведении, тем не менее остается фактом, что теория Фрейда — это критическая теория. Фрейд не принимал высказывания за чистую монету. Он рассматривал их критически, даже когда не сомневался в сознательной искренности говорящего. Но сознательная искренность мало что значит в общей структуре личности человека.

Бессознательное

Согласно *З. Фрейду*, бессознательное — это

- 1) психические процессы, «которые происходят активно и в то же время не доходят до сознания переживающего их лица»;
- 2) основная и наиболее содержательная система психики человека (бессознательное — предсознательное — сознательное), регулируемая принципом удовольствия и включающая в себя различные врожденные и вытесненные элементы, влечения, импульсы, желания, мотивы, установки, стремления, комплексы и пр., характеризующиеся неосознаваемостью, сексуальностью, асоциальностью и т.д.

По мысли Фрейда, в бессознательном идет постоянная борьба Эроса (влечений и сил жизни, сексуальности и самосохранения) и Танатоса (влечений и сил смерти, деструкции и агрессии), использующих энергию сексуального влечения (либидо).

С точки зрения психоанализа содержание бессознательного включает в себя: (1) содержание, которое никогда не присутствовало в сознании человека, и (2) содержание, которое присутствовало в сознании, но было вытеснено из него в бессознательное (желания, воспоминания, образы и т.д.). Рассматривая бессознательное и его содержание как источник неврозов и личностных конфликтов, Фрейд создал психоаналитическую терапию, ориентированную на познание бессознательного и излечение пациентов через осознание бессознательного и излечение пациентов через осознание этого бессознательного (вытесненного).

Трактуя бессознательное как «истинно реальное психическое» и подчеркивая, что все душевные процессы по существу бессознательны, Фрейд вместе с тем обращал внимание на борьбу бессознательного и сознательного (сознания) как одну из атрибутивных и базисных основ психической деятельности и поведения человека.

Корректное определение бессознательного психического, исследование его, создание учения о бессознательном и внедрение представлений о нем в психологию и другие человековедческие науки были выдающимися достижениями Фрейда.

По *К.Г. Юнгу*, бессознательное состоит из трех слоев:

- (1) «личностного бессознательного», т.е. поверхностного слоя бессознательного, включающего в себя преимущественно эмоционально окрашенные представления и комплексы, образующие интимную душевную жизнь личности;
- (2) «коллективного бессознательного», т.е. врожденного глубокого слоя бессознательного, общего центра, или ядра, психики, имеющего не индивидуальную, а всеобщую природу, сконцентрировавшую в себе опыт всех предшествующих поколений людей; это ядро психики включает в себя сверхличное универсальное содержание и образцы как всеобщее основание духовной жизни. «Содержаниями коллективного психоанализа» в основном являются архетипы — наследуемые всеобщие образцы, символы и стереотипы психической деятельности и поведения;
- (3) «психоидного бессознательного», т.е. наиболее фундаментального уровня бессознательного, обладающего свойствами, общими с органическим миром, и относительно нейтральным характером, в силу чего оно «психоидное бессознательное», не будучи полностью ни психическим, ни физиологическим, практически полностью недоступно сознанию.

Согласно *Дж. Морено*, существенно важным основанием и механизмом общения и взаимодействия людей является «общее бессознательное», возникающие при продолжительном контакте между партнерами и содействующее снятию межличностных (интерперсональных) ролевых конфликтов.

По *Э. Фромму*, значительную роль в организации человеческой жизнедеятельности и механизмов общения и взаимодействия людей является «общее бессознательное», представляющее собой «вытесненные сферы, свойственные большинству членов общества» и содержащие то, что данное «общество не может позволить своим членам довести до осознания».

Непосредственные и опосредованные действия индивидуально-го, коллективного и социального бессознательного проявляются в

предельно широком диапазоне — от элементарных психических актов до творчества — и оказывают влияние на все стороны жизни людей в норме и патологии.

В современной психологии обычно выделяют несколько классов проявлений бессознательного:

- (1) неосознаваемые побудители деятельности (неосознаваемые мотивы и установки);
- (2) неосознаваемые механизмы и регуляторы деятельности, обеспечивающие ее автоматический характер (операционные установки и стереотипы автоматического поведения);
- (3) неосознаваемые субсенсорные (подпороговые) процессы и механизмы (восприятия и пр.);
- (4) неосознаваемые социальные программы (ценности, установки, нормы и т.д.).

В психоанализе и постфрейдизме в качестве основных методов познания бессознательного (а также диагностики и терапии) используются: анализ свободных ассоциаций, сновидений, ошибочных действий повседневной жизни, исследование мифов, сказок, фантазий, символов и т.д.

Существующая фрагментарность представлений о бессознательном и весьма значительная роль этой проблемы дают основания полагать, что создание общей теории бессознательного психического является одной из наиболее актуальных задач теоретической психологии.

Неоценима роль З. Фрейда в разработке *теории сексуальности*. Юнг неправомерно сводил фрейдовскую концепцию либидо к критике современной ему психологии¹:

Когда узнаешь, как девятнадцатый век ради сохранения своей картины мира уродовал вполне естественные вещи, — писал Юнг, — принося их в жертву своим сентиментально-морализаторским добродетелям, начинаешь понимать, что имел в виду Фрейд, утверждая, что младенец, получая материнскую грудь, приобщается к сексуальности².

Но ведь тем самым Фрейд действительно предпринял попытку разрушить представление о «святотечестве материнства».

Юнг явно ошибался, когда отмечал, что теория младенческой сексуальности имеет небольшую ценность, ибо какая разница гусенице, пожирающей листья, приписывают ли ей при этом получение

¹ Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление // Юнг К.Г. Дух Меркурий. М., 1996. С. 323.

² Там же.

обычного или сексуального удовольствия¹. На самом деле теория психосексуального развития стала основой для глубинного понимания человеческих характеров, предусловием личностного роста.

Сексуальная революция, прогремевшая на Западе и докатившаяся до нас, сделала свое благое дело: она растормошила деловых людей, увлеченных накоплением денег, холодных красавиц, воспитанных викторианским аскетизмом, юношей бледных со взором горящим. Европа отряхнулась от банальных предрассудков, от вымороженных комплиментов: «Как бы я хотел быть нежным шарфиком, обнимающим вашу дилейную шейку!» Революция показала, какую огромную роль играет сексуальность в жизни людей. Вместе с тем она раскрыла причудливую драматургию сексуальных переживаний, показала возможности глубокого постижения человеческой природы.

Что делает жизнь осмысленной, ценной и целенаправленной? Как люди наделяют свою жизнь ощущением значимости? Какие из всех целей, которые люди пытаются достичь, поистине важны? За чем нужно обращаться к психологу, если вы не в ладу со своими чувствами? Что может сделать психология для полнокровной жизни людей, их труда и общения?

Еще десятилетие назад эти проблемы мало обсуждались в печати. Сегодня ситуация иная. Можно без преувеличения говорить о том, что мы переживаем настоящий психологический бум. На книжных развалах можно купить многочисленные труды классиков мировой психотерапии — А. Адлера, В. Райха, А. Маслоу, В. Франкла, З. Фрейда, Э. Фромма, М. Эриксона, К. Юнга. Нет числа всевозможным практическим наставлениям: «Как преодолеть стресс?», «Что нужно, чтобы стать любимой?», «Каков путь к карьере и благоденствию?» В глазах пестрит от изобилия психологической рекламы. Тренинги, курсы, семинары. Личностный рост, преодоление комплекса неполноценности, самопознание, медитация, психоанализ, холотропное дыхание... Психологию преподают сегодня во всех вузах — государственных и коммерческих. Она прочно вошла в спектр гуманитарного знания.

Чем вызван психологический ренессанс? Конечно, не только раскрепощением общественного сознания. Психология приобретает особый статус. В XX столетии стало очевидно, что психика человека — огромное вместилище полуосознанных тревог, вязких страхов. Достаточно пустячного повода — и разрушительные предчувствия охватывают все существо человека. Психологи заговорили о массо-

¹ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 324.

во-психологических процессах, о здоровье наций, о массовой психотерапии.

В канун Второй мировой войны психологи, столкнувшиеся с «чудовищами», которые внутри нас, еще надеялись на эффективные ресурсы психотерапии. Можно, вероятно, освободить человека от навязчивых фантазий, от излишней эмоциональности, вразумить относительно неоправданности тревоги... Но в сознании ряда мыслителей вызревала уже иная мысль: человек фатально заражен собственными видениями. Возникнув однажды, эти кошмары редко отпускают сознание. Страх повсеместно подстерегает нас. Его питают различные скрытые тревоги.

Никогда прежде люди не ощущали такой подорванности разума, его неспособности быть нравственной и духовной опорой, как сейчас. Выход на историческую арену атомизированной толпы, питаемой угнетением и зараженной инстинктами безотчетной ненависти, слепой ярости, свидетельствует о том, что в массовом обществе исчезает культ интеллектуальности. Напротив, живет подсознательная жажда расправы с теми, на кого переносится ненависть, порождая суровыми условиями жизни.

Нам сегодня чрезвычайно важно разобраться в мире человеческих переживаний, вожделений, страхов и тревог. Роль психологии в современном мире на рубеже тысячелетий решительно преобразуется. Родается новая цивилизация, и она несет с собой множество проблем, которые невозможно понять и скорректировать без психологии. Необычайная скорость социальных и культурных преобразований, неспособность многих людей адаптироваться к новым реальностям, распад идентичности (т.е. способности правильно осознавать и воспринимать себя), обнаружение новых антропологических (т.е. присущих именно людям) свойств человека — все это выдвигает психологию на передний край современного знания.

Психологический подход многофакторный. Поэтому стоит сделать несколько замечаний относительно употребления ряда терминов. Греческое слово *psyche* (психика) близко изначальному значению слова «душа». Когда греческое слово *logos* («слово», «речь», «смысл») соединяется со словом *psyche*, мы получаем и важное для нас слово «психология», первую предпосылку для обнаружения смысла слова «душа», вербального выражения понятия, которое важно для нашей книги. «Психология» пробуждает душу и все, что мы с ней ассоциируем: субъективность, переживание, эмоцию, рефлексию, а также религиозное отношение к системе ценностей и смыслу.

Психология — не просто еще одна наука в дополнение к остальным: физиологии, химии, медицине и т.д. По убеждению Юн-

га, психика сама для себя является «первоосновой». Несмотря на то что взгляды на психику формируются в других областях науки, по своему определению и по условиям своего существования она от них не зависит. Короче говоря, психика ни от чего не является производной и ни к чему не сводима. О ней можно рассуждать в контексте того, что мы анализируем и исходя из чего мы это анализируем. Будучи одновременно коллективным и индивидуальным феноменом, психика становится и нашей точкой зрения, дающей нам объективное видение, и средоточием наших субъективных переживаний.

По утверждению Юнга, психика ежедневно творит реальность. Юнг говорит о «фантазии» как о «деятельности воображения». Он настаивает не только на том, что психика — источник внутренней реальности (в отличие, например, от материальной реальности тела или логической реальности разума), но и на том, что наши фантазии подтверждают существование нашей внутренней реальности, сущность и значение которой не всегда зависят от внешних ориентиров. В его определении признается высокая важность и значение фантазии и образного представления. Они появляются как естественные, фундаментальные проявления психики, создавая основу для психической реальности.

В то же время психологи задумываются над тем, каков удельный вес духовных стремлений во всей целевой системе человека. Стремления расцениваются как духовные, если они отражают заботу человека об интеграции индивида с большими и более сложными целостностями: человечеством, природой, космосом («Достичь единства со всем сущим», «Погрузиться в природу и быть частью ее», «Подходить к жизни как к таинству, с благоговением и трепетом»). Мы сегодня все чаще осознаем, что

Человек — свернутая Вселенная,
Вселенная — развернутый человек;
Все, что в человеке, есть во Вселенной,
Все, что во Вселенной, есть в человеке.
Сверните Вселенную, ее не будет,
Разверните человека, его не будет...

Сегодня всем ясно, что без психологии как теории и без массовой психотерапии (т.е. работы с психикой) обойтись уже невозможно. Недавно на крупной научной конференции много говорили о том, какие беды заключает в себе невостребованность психологии сегодня. Но действительно ли она не востребована. Последние печальные события показали, как мало у нас специалистов в области психологии чрезвычайных ситуаций. Политики окончательно убе-

дились в том, что без политических технологий нечего и думать об успешной публичности. Фирмы и различные предприятия ищут специалистов, которые могли бы обеспечить эффективность их работы. Педагоги стараются получить психологическое образование.

Дело не в социальном заказе. Можно поставить вопрос: а способны ли сегодня психологи ответить на общественную потребность? На мой взгляд, нет. Психология как дисциплина переживает кризис. Ей явно недостает социологического воображения, теоретической глубины. Нароботаны горы эмпирических исследований. Теоретическое же осмысление полученных данных отстает. Сказывается келейность, авторитарность. Проблем много, но решать их не властям, а самому научному сообществу.

Что же такое психоанализ? Каков его статус в философии, психологии и гуманитарной науке в целом? Есть все основания говорить о бесконечном Фрейде.

Литература

1. *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.
2. *Лейбин В.М.* Постклассический психоанализ: Энциклопедия в двух томах. М., 2006.
3. *Лейбин В.М.* Зигмунд Фрейд: психоэстетический портрет. М., 2006.
4. *Розен П.* Фрейд и его последователи. СПб., 2005.
5. *Сосланд А.И.* *Imitatio Freudi* // Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд — основатель научной парадигмы в теории и практике». К 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда. М., 2006.

Вопросы для повторения

1. В чем выявилось просветительское устремление Фрейда?
2. Почему Юнг считал, что фрейдовская теория младенческой сексуальности имеет небольшую ценность?
3. Кто считал, что психика сама для себя является первоосновой?
4. В чем вклад Фрейда как философского антрополога?
5. Объясните, почему Фрейд бесконечен.

Темы рефератов и докладов

1. Зигмунд Фрейд как философ-просветитель.
2. Разум как высшее достояние человека
3. Человек как животное и как неживотное.
4. Проблема «окультуривания» человека
5. Попытки «обмирщения» философии.

Тема 4

Фрейд как философ

*Большой ли пользы истиной достигнешь,
Что, скажем, выше лба не перепрыгнешь?*

И. Гёте. Фауст

Специфика любомудрия

Были ли у Фрейда философские интересы? Можно ли говорить о его стойких философских ориентациях? Трудно писать о Фрейде как философе, если учесть, с одной стороны, что он себя таковым не считал, а с другой стороны, Юнг утверждал, что Фрейду не хватало философской выучки. Достоинство учения Фрейда швейцарский психиатр усматривал в том, что «оно, явление чуждое и уникальное, стоит особняком от своего философского и научного фона»¹. Вот заключение Юнга:

Фрейд не был ни психиатром, ни психологом и ни философом. Что касается философии, то он не знал даже элементарнейших вещей. Так, меня он уверял как-то, что ему и в голову-то никогда не приходило почитать Ницше. Знать об этом важно, чтобы понимать своеобразие Фрейда, для которого, как представляется, характерно полное отсутствие каких-либо философских предпосылок².

У Фрейда не было философских амбиций, но никто, выходит, их и не поддерживал.

Итак, в трудах Фрейда немало ссылок на Платона, Аристотеля, Шопенгауэра, но он воспринимает тексты этих мыслителей в сути-бо прикладном научном аспекте. Себя же Фрейд философом не считает. Однако парадокс заключается в том, что, выстраивая идеал строгой науки, Фрейд тем не менее оказался философом, родоначальником целого философского направления. Его открытия радикально изменили представление о философии, человеке, сознании. Он оставил глубокие мысли о происхождении культуры, общества и религии. Он явился своеобразным родоначальником современной философской антропологии.

¹ Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление. С. 319.

² Там же. С. 330—331.

Как могло это произойти? Дело в том, что Фрейд стремился применить сделанные им открытия к истолкованию различных социальных и культурных феноменов. Однако обеспечить при этом строго научную экспертизу он был в состоянии далеко не всегда. Поэтому его мысль устремлялась в такие сферы, где конкретных знаний явно не хватало. Но ведь это и есть предназначение философии. В.И. Овчаренко считает, что Фрейд получил классическое образование. Он посещал дополнительные занятия в научном студенческом обществе и с видным философом Ф. Brentano, он переводил работы Дж. Милля, был знаком с идеями Р. Авенариуса, Э. Маха и других лидеров философской психологии и социологического психоанализа¹. Все это так. Однако студенческие занятия так и сформировали философские интересы Фрейда.

В письме к Вильгельму Флису 3. Фрейд писал: «В молодости я не стремился ни к чему иному, кроме как философскому знанию, а теперь нахожусь на пути к удовлетворению этого страстного желания путем перехода от медицины к психологии. Мне приходилось заниматься терапией против собственной воли²».

Разумеется, Фрейд высоко оценивал философию и ее роль в культуре. Он писал о том, что не следует давать «вводить себя в заблуждение оценочными суждениями по поводу отдельных религиозных или философских систем и их идеалов; будем ли мы их рассматривать как величайшие достижения человеческого духа или осуждать как заблуждения, мы должны признать, что их наличие, а в особенности их господствующее положение, является показателем высокого уровня культуры».

В 1933 г. Фрейд признался в своем фрагментарном знании философии Платона. Возможно, он воспользовался теми сведениями, которые почерпнул в работах Милля. Фрейд, однако, добавил, что изложенная Миллем в позитивном ключе теория припоминания Платона произвела на него сильное впечатление и одно время он долго раздумывал над ней. Много лет спустя он использовал некоторые идеи Платона в своей работе «По ту сторону удовольствия».

В.И. Овчаренко считает, что практически вся философия от Сократа и Аристотеля была философской психологией. Однако следует подчеркнуть, в чем же специфика философии? Названия имеют свою судьбу, подмечает немецкий философ *Вильгельм Вин-*

¹ Овчаренко В.И. Природа, статус и аутентичность классического психоанализа // Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд — основатель научной парадигмы в теории и практике». К 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда. М., 2006. С. 279.

² Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1977.

дельбанд (1848—1915). Однако редкое из них имело судьбу столь странную, как слово «философия». Если мы обратимся к истории с вопросом, что, собственно, есть философия, и справимся у людей, которых и теперь называют философами, об их воззрениях на предмет их занятий, то получим разнообразные и бесконечно отстоящие друг от друга ответы. Виндельбанд считает, что «попытка выразить это пестрое разнообразие и подвести всю эту неопределенную массу явлений под единое понятие окажется делом совершенно безнадежным»¹.

В чем трудность истолкования слова? Почему едва ли каждый крупный мыслитель среди своих сочинений непременно имеет работу, специально посвященную тому, как он понимает философию? И идут бесконечные споры о том, что является философией, а что ею не является. Почему нельзя прийти к единому мнению, несмотря на то что философия существует на протяжении тысячелетий?

Философствовать — это означает прежде всего размышлять о природе вещей, добывать глубочайшее знание, пробиваться к высшей мудрости. Существует множество определений человека. Он и «разумное животное», и «создатель символов», и «политическое животное». Можно, пожалуй, указать еще на одну черту, без которой человек не был бы сам собой. Он, как ни старался, не может не философствовать. Такова его антропологическая, т.е. человеческая, природа, если угодно, странность...

Он пытается осмыслить вопросы, которые как будто не имеют значения для него лично. Откуда взялся мир? Куда движется история? Чем вызваны проблески сознания в человеке? Каково предназначение человека? Философия — одна из неотъемлемых форм культурного бытия человека. В любую эпоху, на разных материках рождались мудрецы, которые задумывались над тайнами мира. Не было эпохи, когда философия исчезала бы. Она, по-видимому, никогда не прекратит своего существования. Это глубинная, неискоренимая потребность человека. Она будет вечно стремиться к постижению секретов природы, человеческого духа, божественных тайн.

Создав свое учение, Фрейд поставил вопрос о том, как могут отнестись к его открытиям медики и философы. Медики, по его словам, не нашли ничего хорошего в психоанализе и не захотели исполнить его требование: переоценить многое и увидеть некоторые вещи в ином свете. Фрейд высказал предположение, что философы могли бы встретить психоанализ с одобрением.

¹ Виндельбанд В. Что такое философия? О понятии и истории философии // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 22.

Ведь они уже привыкли ставить во главу угла своего миропонимания абстрактные понятия (правда, злые языки говорят — не поддающиеся определению понятия), и нельзя было предполагать, что-бы они чинили препятствия расширению области психологии, какое предпринял психоанализ¹.

Однако тут, как отмечал Фрейд, возникло другое препятствие. Психическое, как оно понималось философами, не соответствовало психическому психоанализа. Подавляющее большинство философов называли психическим лишь то, что является феноменом сознания. Для них мир сознательного покрывался объемом психического. Все остальное, происходящее в трудно постигаемой «душе», философы относили к органическим предпосылкам или к параллельным процессам психического. Точнее говоря, философы полагали, что душа не имеет никакого другого содержания, кроме феноменов сознания, следовательно, и наука о душе, психология, не имеет никакого другого объекта. По этому поводу Фрейд замечает: «Точно так же думает и профан»².

Что может сказать философ по поводу учения, которое, подобно психоанализу, утверждает, что душевное само по себе скорее бессознательно, что сознание является лишь качеством, которое может присоединиться или не присоединиться к отдельному душевному факту и которое иногда ничего не изменяет в нем, если оно не наступает? Философия, по мнению Фрейда, может утверждать, что бессознательное — это небылица. Австрийский психиатр полагает, что современный философ может дать только узкое определение душевного.

Философ легко приобретает уверенность, — пишет Фрейд, — и в этом своем суждении, так как он незнаком с материалом, изучение которого заставило аналитика поверить в существование бессознательных душевных актов. Он не принял во внимание гипноз, не занимался толкованием сновидений, — он, наоборот, считал, подобно врачу, сновидения бессмысленным продуктом понижённой во время сна душевной деятельности, — он едва ли знает о том, что есть такие вещи, как навязчивые представления и бредовые идеи, и был бы весьма смущен, если бы от него потребовали объяснить их, исходя из его психологических предпосылок³.

Можно ли сказать, что Фрейд тенденциозно относится к философии? Безусловно! Он требует от философа конкретной эмпириче-

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды // Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997. С. 403.

² Там же. С. 404.

³ Там же. С. 404.

ской работы (гипноз, толкование сновидений), без которой, как считает Фрейд, философия бессильна что-либо утверждать. В противовес философу аналитик тоже не может сказать, что такое бессознательное. Но он может указать на ту область проявлений, наблюдение которых заставило его предположить существование бессознательного.

Разумеется, трактовка философии у Фрейда крайне обуженная. Он считает, что философ не знает другого вида наблюдения, кроме самонаблюдения. Разумеется, философы в поисках истины нередко обращаются к собственному внутреннему опыту. Но было бы упрощением считать, что мыслители опираются только на коллекционирование собственных состояний. Разумеется, философ не занимается постановкой конкретных экспериментов. Но это вовсе не означает, будто у философа отсутствуют методы, позволяющие ему наблюдать и оценивать внешний мир.

Психоанализ оказался в промежуточном положении между медициной и философией. Медик считал его спекулятивной системой и не мог поверить в то, что он, подобно всякой естественной науке, основан, как подчеркивает Фрейд, на нетерпеливой и многотрудной обработке фактов из мира восприятия. «Философ же, — продолжает Фрейд, — измеряющий его масштабом своих собственных остроумных системных образований, считает, что он исходит из несуществующих предпосылок и упрекает его [психоаналитика] в том, что его самые основные понятия, находящиеся еще в стадии развития, лишены ясности и точности»¹.

Фрейд, таким образом, пытался доказать, что философия не является наукой, что она ограничена в своих возможностях создания системных образований, что она критически относится ко многим рождающимся научным открытиям. Фрейд, безусловно, прав в том, что философия не является наукой. Однако остальные его выводы нуждаются в критической оценке.

В прошлом столетии нередко раздавались голоса о том, что философия отжила свой век. Нужна ли философия в эпоху информационного общества, сложнейших и эффективных технологий, блистательных достижений науки? Возможно, цивилизация такого типа предполагает совсем другой способ мышления. Уже в XIX в. наука достигла внушительных успехов. Она не только создала относительную целостную картину мира, но и сумела вооружить человека знаниями, которые значительно изменили его жизнь. Не случайно Фрейд так истово увлечен наукой и отдает предпочтение не философским экспертизам, а точному знанию.

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 404.

Хотя — и это примечательно — медики, по его собственному признанию, обвиняют Фрейда в том, что он создал спекулятивную, умозрительную систему.

Можно ли считать философию наукой? Это трудный вопрос. Некоторые философы, например уже цитированный нами Виндельбанд, считают философию наукой. О возрождении утраченного идеала рациональности (т.е. разумности) писал и выдающийся немецкий философ *Эдмунд Гуссерль* (1859—1938). Ему кажется, что элементы науки в философии преобладают. Об этом, в частности, он писал в работе «Кризис европейского человечества и философия».

Однако в общественном сознании нашего столетия больше укрепляется другая идея: философия не наука, это вполне самостоятельная, уникальная форма постижения мира. Философия сохраняет такие черты, которых нет у науки; можно, вероятно, говорить о том, что философия порой имеет признаки науки, точнее сказать — научности. Но чтобы понять философию, надо думать о ее своеобразии, ее непохожести на науку.

Философия имеет дело с предельными, вековыми вопросами. Фрейд сам был вынужден поставить эти проблемы. Откуда взялся человек? Почему возникла культура? Какую роль в ней выполняет религия? Наука, конечно, тоже пытается выстроить относительно целостную картину мира. Но она погружена в конкретность, решает множество частных задач. Философия в этом смысле гораздо свободнее. Она задумывается над универсальными, или, как говорят, вечными, проблемами. Эти вопросы иногда называют «метафизическими».

Однако именно эти метафизические проблемы, которые в современной литературе часто называют гуманитарным знанием (т.е. знанием о человеке, человеческом духе, человечестве), стали в нашем столетии объектом острой критики. Фрейд, как мы видели, не прошел мимо этого представления. В начале века укрепилось новое философское направление — позитивизм. Позитивисты исходили из «позитивного», т.е. данного, конкретного, фактического, устойчивого, несомненного. Вот почему метафизические вопросы сторонники этой ориентации считают теоретически несостоятельными и практические бесполезными.

Например, можно поставить какой-нибудь важный вопрос, скажем, «было ли начало и будет ли конец мира?». На уровне конкретного знания эта проблематика постоянно обсуждается, и появляется тот или иной ответ. Но наши знания множатся. Этот вопрос возникает снова и снова. С полной уверенностью и до конца на него ответить невозможно. С точки зрения позитивиста, это неоп-

равданный, праздный вопрос. Но ведь он не может быть проконтролирован, истинность его не может быть доказана в опыте. Можно только предполагать, что мир когда-то возник и, наверное, придет к концу. Но ведь, философски рассуждая, можно прийти и к другому, тоже недоказуемому суждению: мир существовал и будет существовать вечно.

Когда Фрейд обращается к философам, он неизменно берет из их наследия только то, что является конкретным фактом. Так, цитируя культурфилософа И.Я. Бахофена, он ссылается на матриархальное право, которое, как предполагается, открыл этот философ¹. Обращаясь к Г. Зиммелю, Фрейд отмечает роль травмы в неврозах войны². О Шопенгауэре вспоминает в связи с замечанием последнего о мерзнувших дикобразах³.

Позитивизм теснейшим образом связан с картиной мира и методами, которые свойственны естественным наукам. Вот почему его сторонники стали пытаться построить философию по меркам науки. Что это означало? Устранить из философии все, что не носит характера закона, проверенного факта, окончательного утверждения. Увы, в этом случае от философии мало бы что осталось. Но, может быть, это и есть путь к более строгому и полезному знанию? Нет, такой путь годится только для науки, но не для философии.

Коли так, то позитивисты пришли к убеждению, что наука способна потеснить философию; позже идея верховенства знания как последней истины завладела учеными. Наконец, и сами философы стали сомневаться в универсальности любомудрия. Прагматичному расчетливому веку некогда рассуждать о том, что не связано со сложными, проблемными ситуациями. Дай Бог переждать кризисный момент.

Новое философское направление

«В философском плане, — пишет В.И. Овчаренко, — неклассическая философия З. Фрейда явилась одним из наиболее существенным импульсов и элементов философской революции второй половины XIX — начала XX века, в ходе и исходе которой произошел существенный, качественный переход философии европейского типа от классических стилей и форм философствования к неклассическим (современным)». На-

¹ Фрейд З. Тотем и табу. С. 166.

² Фрейд З. К теории полового влечения // Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 200.

³ Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 279.

ряду с А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, О. Шпенглером, Х. Ортегой-и-Гассетом З. Фрейд стал одним из создателей современной философии.

Итак, парадокс в том, что с именем Фрейда связано возникновение нового философского направления, которое не утрачивает и сегодня своих позиций. Более того, оно развивается весьма продуктивно, обаяывая другие философские направления либо включать в свой философский дискурс психоаналитические идеи, либо дистанцироваться от них, выражая свое отношение к ним. Современная постмодернистская философия буквально пропитана психоаналитическими сюжетами.

Возможно ли такое? Тот, кто сторонится философии, оказывается ее вдохновителем. А тот, кто и вовсе не считает Фрейда философом, никакой философской школы не создает. Создавая свое учение, Фрейд воюет на два фронта. Он критикует академическую психологию за то, что она его не признает, а философов за их умозрительность, спекулятивность, принципиальный отказ от научных и эмпирических методов исследования.

«Поистине трагично положение философа». Это слова Н.А. Бердяева. «Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии, и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры»¹. Последняя фраза просто великолепна по отточенности формулировки.

Учение Фрейда вызвало сопротивление со стороны философов. Но и сам Фрейд, похоже, обнаружил эту вражду к философии, о которой пишет Н.А. Бердяев. Религия обслуживает запросы духа. Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает муки одиночества, страха перед смертью, напряжение духовной жизни. Мистика чарует возможностями глубинного, обостренного богообщения. Она дарит надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизации, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустроивает людей, продлевает им жизнь.

Философия же, напротив, нередко отбирает у человека последнее утешение. Она выбивает индивида из жизненной колеи, безжалостно предлагая ему жестокие истины. Философия — это опыт предельно трезвого мышления, практика разрушения религиозных или иных, скажем социальных, иллюзий. Ей по самому своему предназначению приходится разрушать обустроенность, сталкивать

¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 230.

человека с трагизмом жизни. Свет разума подчас выявляет многие темные стороны нашей жизни...

Философия обнаруживает странную живучесть. Она выстояла против атак позитивистов. Доказала свою уникальность, прочность. Человек постоянно множит метафизические вопросы. Один из них — проблема смерти. Фрейд замечает: Шопенгауэр считал, что философия и вовсе не возникла бы, если бы не было феномена смерти... Однако, когда при осмыслении метафизического вопроса рождается относительная ясность, он немедленно затемняет ее новым противоречием, еще одним измышлением. Зачем? Чтобы получить ответ? Но ведь философ на это совершенно не рассчитывает. Фрейд словно конфузится от такой близости к философии. Он пишет: «Мы нечаянно зашли в области философии Шопенгауэра, для которого ведь смерть является подлинным результатом и, таким образом, целью жизни, а сексуальный инстинкт — воплощением воли к жизни»¹.

Фрейд среди философов

Прежде всего, следует сказать о том, что в конкретных эпохах разнятся представления о философии. Об этом пишет, в частности, Юнг, который изучал творчество Парацельса. Врач, подчеркивает он, должен быть не только алхимиком, астрологом, но и философом. Что же Парацельс понимает под философией? Предвосхищая такой вопрос, Юнг полагает, что философия в понимании Парацельса не имеет ничего общего с «нашей трактовкой этого предмета»². Практически все сводится к тому, что философия как бы скрывается в веществе, а поэтому ее можно в веществе и отыскать³.

Однако Юнг подчас впадал в противоречие. Он утверждал, в частности, что психоанализ продолжает философские традиции А. Шопенгауэра и Э. Гартмана. Более того, рассматривая Фрейда как культурно-историческое явление, он, по сути дела, показал его место в просветительской и постпросветительской философской традиции. Фрейд тоже считал Шопенгауэра предтечей психоанализа. Он отмечал, что, вероятно, очень немногие люди смогли понять огромное значение бессознательных психических процессов, как это сделал Шопенгауэр. В той же самой тональности, в которой он

¹ Фрейд З. К теории полового влечения. С. 335—336.

² Юнг К.Г. Парацельс как врач // Юнг К.Г. Дух Меркурия. М., 1996. С. 179.

³ Там же. С. 179—180.

однажды писал о Брейере, Фрейд заявил: «Поспешим, однако, добавить, что психоанализ не первым сделал такой шаг».

Есть великие философы, которых можно считать предтечами — и выше всех великий мыслитель Шопенгауэр, чья бессознательная «Воля» эквивалентна психическим влечениям, которые изучает психоанализ. К тому же это тот самый философ, который весьма красноречиво предупредил человечество о важности, до сих пор еще не вполне оцененной, его сексуального стремления. Вклад психоанализа состоит лишь в том, что он подтвердил правильность этих двух предположений — столь мучительных для нарциссизма человечества — не на основании абстрактных рассуждений, а продемонстрировав их в тех вопросах, которые затрагивают каждого индивида личным образом и вынуждают его занять определенную позицию по отношению к этим проблемам (в связи с собственными влечениями и сексуальностью). Однако именно по этой причине психоанализ столкнулся сопротивлениями и навлек на себя ту антипатию, которая все еще благоговейно замолкает перед великим именем этого философа¹.

Фрейд не был первым, кто признал Шопенгауэра пионером психоанализа. Таким человеком был верный последователь Фрейда *Отто Ранк* (1884—1939):

Создавая учение о вытеснении, я был, безусловно, самостоятелен, мне неизвестно никакое влияние, которое сколько-нибудь приблизило меня к этому пониманию. Я долгое время считал эту идею совершенно оригинальной, пока О. Ранк не показал мне место из «Мира как воли и представления» Шопенгауэра, где философ пытается объяснить, что такое безумие. То, что этот мыслитель говорит о сопротивлении (противодействии) какому-либо мучительному явлению действительности, настолько совпадает с содержанием моего понимания вытеснения, что только благодаря моей незначительности я имел возможность сделать это оригинальное открытие.

Однако многие читали это место и проглядели его, не сделав такого открытия, и, вероятно, со мной произошло бы то же самое, если бы я раньше с большим интересом читал этого философа².

Фридрих Ницше был, возможно, даже в большей мере предтечей Фрейда как специалист в области глубинной психологии, и Фрейд в связи с этим продолжал:

Позже я вполне сознательно отказался от громадного наслаждения, которое дает чтение произведений Ницше, потому что решил, что

¹ *A Difficulty in the Path of Psychoanalysis*. N.Y., 1973. P. 143—144.

² *Ibid.* P. 15—16.

никакие предвзятые мнения не должны служить мне помехой в переработке моих психоаналитических впечатлений. Зато я должен был быть готовым и готов теперь отказаться от всех притязаний на первенство в тех частных случаях, когда кропотливое психоаналитическое исследование может только свестись к подтверждению интуитивных суждений философов.

Глубинные прозрения Ницше сжато резюмируют многие концепции Фрейда, к которым он пришел в результате кропотливых исследований: что самое лучшее в нас имеет своей основой наши наиболее примитивные эгоистические интересы; направленная внутрь агрессия как источник образования этики и совести; и то, как мы вытесняем воспоминания, которые вступают в конфликт с нашей гордостью. Пациенты и ученики обычно обращали внимание Фрейда на такие места.

В 1908 г. на двух собраниях Венского общества, посвященных Ницше, Фрейд поведал о собственном стиле работы.

В «Протоколах» Общества записаны слова о том, что он хочет подчеркнуть «свое собственное особое отношение к философии: ее крайне абстрактная природа столь ему неприятна, что он отказался от изучения философии. Он не знаком с трудами Ницше; нерегулярные попытки чтения его трудов были подавлены из-за чрезмерного интереса к ним. Несмотря на те сходства, на которые указывали ему многие люди, он может дать гарантию того, что идеи Ницше не оказали никакого влияния на его собственные труды»¹.

Фрейд считал, что «глубина интроспекции, достигнутая Ницше, никогда не была достигнута кем-либо еще и вряд ли когда-либо снова будет достигнута». Конечно, Ницше был моралистом, а Фрейд говорил о себе исключительно как об ученом. Однако Фрейд повторял: «...никогда не мог изучать Ницше частично из-за сходства прозрений Ницше с нашими кропотливыми исследованиями и частично из-за громадного богатства идей, которое всегда мешало Фрейду пойти дальше первой половины страницы, когда он пытался читать его труды»².

В 1924 г. Фрейд заявил:

Значительные совпадения психоанализа с философией Шопенгауэра... возникли не благодаря моему знакомству с его учением. Я прочел Шопенгауэра уже слишком поздно. Что касается Ницше, другого философа, чьи предчувствия и предвидения порой удивительнейшим образом совпадали с результатами, трудно давшимися психоанализу, то именно по этой причине я его долго избегал: для меня важнее был не приоритет, а непредвзятость.

¹ *Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society*. 1962. P. 359—360.

² *Ibid.*

Временами Фрейд мог быть экстравагантным в отношении своих интеллектуальных долгов. Он сказал одной своей пациентке в 1930 г., что почерпнул все свои идеи у русских романистов, в особенности у Достоевского. Фрейд готов был признать, что им все это было известно. Однако он не любил, когда его побуждали к чтению соответствующей литературы. В период своей дружбы с Флиссом Фрейд писал: «Я не хочу читать, потому что чтение порождает слишком много мыслей и уменьшает мое удовлетворение от открытия». Одному своему ученику Фрейд писал еще в 1909 г., что он «в действительности, крайне мало знает о своих предшественниках. Если мы когда-либо встретимся с ними в раю, они определенно обвинят меня в плагиате. Но, — объяснил Фрейд, — гораздо большее удовольствие исследовать нечто самому, нежели читать литературу на этот счет». Позднее Фрейд шутил: «Я изобрел психоанализ, потому что по этому предмету не было литературы».

Фрейд не рисовался, когда говорил, что избегал читать Ницше, чтобы сохранять свой ум «необремененным»; дело было не в простом избегании болезненной проблемы приоритета. Поиск предшественников мог бы притупить ум Фрейда. Определив в 1890-х годах круг своих интеллектуальных интересов, Фрейд потратил всю дальнейшую жизнь на тщательную выработку связанных с ними проблем; защита своей автономии была весьма важной для его развития как ученого. Фрейд настаивал на своей самостоятельности, логически четко и ясно продумывая свои идеи. Поэтому иногда вклады других людей казались ему «чуждыми» или даже непонятными; он не мог использовать идеи других людей, пока не был готов к их восприятию. Как он однажды написал: «Мне нелегко воспринимать незнакомый мне ход мыслей, и обычно приходится ждать, пока я не найду с ними точек соприкосновения, идя своими непростыми путями».

Некоторые великие люди полагают, что помимо их мыслей ничто другое не представляет ценности. Фрейд не приветствовал оригинальные идеи других людей, потому что хотел продумывать все самостоятельно, как часть своей переделки мира. Он испытывал громадную потребность приходить к новым положениям в работе своим собственным путем, посредством непрерывного развития уже ассимилированных концепций. Он не мог воспринимать идеи других людей в их первоначальной форме, но должен был перевести их вначале на язык привычного ему способа мышления. Через организованный набор утверждений, посредством структурных интеграций своих концепций психоанализ приобрел свою собственную интеллектуальную динамику.

В действительности идеи Фрейда развивались благодаря некоему внутреннему импульсу; несмотря на свою эксцентричность и кажущуюся мелочность, Фрейд создавал нечто, на чем другие могли строить и что они могли использовать. Он создавал свой собственный мир, предназначенный, однако, не только для него самого, но обладающий также объективной ценностью. Важно подчеркнуть научные достижения Фрейда; страшись инфантильного, он наметил путь достижения над ним господства.

Фрейд не довольствовался одной лишь интеллектуальной деятельностью. Благодаря его последовательности в работе и мощи его мышления его труды приобретали большой перевес над соперничающими психологиями. Даже его болезненная восприимчивость к критике составляла существенно важную часть его работы. Ничто в других людях не было безразлично Фрейду. Он улавливал мельчайшие индикаторы того, как люди себя проявляют, и уделял этим часто незамечаемым аспектам поведения самое пристальное внимание; опираясь на свою наблюдательность, он создал широкую теорию человеческой психологии. Этот человек, столь сильно настроенный на борьбу, который мог иногда неверно истолковывать обоснованную критику или преувеличивать враждебность чьей-то позиции, также мог мужественно признаваться в собственных самообманах.

Фрейд затронул в своем творчестве многочисленные философские сюжеты. Он пытался понять, как возникло общество, культура, цивилизация. В частности, происхождение культуры он стремился раскрыть через феномен первобытной культуры. Он отмечал, что возможность обнажить первоначальные слои человеческого творчества позволяет подойти к выяснению специфики культуры в целом. Фрейд хотел разгадать первоначальный смысл тотемизма. Вместе с тем он показывал, что для истолкования феномена культуры огромное значение имеет система запретов, т.е. табу.

По мнению Фрейда, всякий, кто подходит к проблеме табу со стороны психоанализа, т.е. исследования бессознательной части индивидуальной душевной жизни, тот после недолгого размышления скажет себе, что эта проблема ему не чужда. Всем известны люди, которые создали для себя табу и крайне строго их соблюдают. Точно так же чтят свои запреты дикари. Часть запретов сама собой понятна по своим целям, другая, напротив, кажется бессмысленной.

Фрейд рассматривал табу как результат амбивалентности чувств. Человек, как он разъясняет, обладает свойством, которого нет в животном мире. Но это качество не прирождено человеку, не соприродно ему. Оно возникает неожиданно, случайно, хотя и не бессмысленно, потому что в самой природе человека заложена возможность тако-

го благоприобретения. Речь идет о совести как о даре, выделившем человека из царства животных и создавшем феномен культуры.

Фрейд выделил феномен совести из первородного греха, совершенного пралюдьми, — убийства первобытного «отца». Сексуальное соперничество детей с отцом привело к тому, что они у истоков истории решили избавиться от него. Вот почему дети убили главу рода, а затем закопали его. Однако этот поступок не прошел для них бесследно. Страшное преступление пробудило раскаяние. Дети поклялись никогда больше не совершать таких деяний. Так произошло, по Фрейду, рождение человека из животного. Раскаяние породило и феномен культуры как средства преодоления навязчивых видений.

Но как могло проявить себя чувство, которое прежде не было свойственно человеку? На этот вопрос Фрейд отвечает: «Я должен утверждать, как бы парадоксально это ни звучало, что чувство вины существовало до проступка.... Людей этих с полным правом можно было бы назвать преступниками вследствие сознания вины»¹. По убеждению Фрейда, темное ощущение изначальной вины имело своим источником комплекс Эдипа.

Врожденное бессознательное влечение вызвало грех, который оказался поворотным пунктом в антропогенезе, перводвигателем человеческой истории. Фрейд подчеркивал, что «совесть, теперь являющаяся наследственной душевной силой, приобретена человеком в связи с комплексом Эдипа»². Совершив коллективное преступление, пралюди соорганизовались в экзогамный род, т.е. обрели способность к социальной жизни, что и содействовало превращению животного в человека.

Пожалуй, стремление Фрейда преодолеть эволюционно-орудийную концепцию культурогенеза заслуживает внимания. Он пытается подойти к этой проблеме через истолкование психической деятельности человека как существа, не обладавшего феноменом совести. Эволюция, таким образом, выглядит как такой процесс, в ходе которого выявляется нечто радикально иное, хотя и заложенное в поступательном движении живой материи.

Фрейд считал, что ему удалось найти источник социальной организации, моральных норм и, наконец, религии в акте отцеубийства. Он понимал под человеческой культурой все то, чем человеческая жизнь возвышается над животными условиями и чем она отличается от жизни животных. Культура, по его мнению, охватывает

¹ Фрейд З. и др. Психопатология и учение о характерах, М., 1923. С. 190.

² Там же. С. 191.

приобретенные людьми знания и умения, дающие человеку возможность овладеть силами природы и получить от нее материальные блага для удовлетворения своих потребностей. С другой стороны, в нее входят все те установления, которые необходимы для упорядочения взаимоотношений людей, а особенно для распределения достижимых материальных благ¹.

Каждая культура, по словам З. Фрейда, создается принуждением и подавлением первичных позывов. При этом у людей имеются разрушительные, следовательно, противообщественные и антикультурные тенденции. Этот психологический факт имеет решающее значение для оценки человеческой культуры. Культурогенез, следовательно, обусловлен наложением запретов. Благодаря им культура безвестные тысячелетия назад начала отделяться от первобытного животного состояния.

Речь идет о первичных позывах кровосмешения, каннибализма и страсти к убийству. Главная задача культуры, по Фрейду, настоящая причина ее существования в том и состоит, чтобы защищать нас от природы. Фрейд считал, что религия оказала культуре огромные услуги. Она активно содействовала укрощению асоциальных социальных позывов.

Фрейд пытался соединить собственную концепцию культурогенеза с представлениями об орудийно-эволюционном характере антропогенеза.

Заглядывая достаточно далеко в прошлое, можно сказать, — пишет он, — что первыми деяниями культуры были — применение орудий, укрощение огня, постройка жилищ. Среди этих достижений выделяется, как нечто чрезвычайное и беспримерное, — укрощение огня, что касается других, то с ними человек вступил на путь, по которому он с тех пор непрерывно и следует: легко догадаться о мотивах, приведших к их открытию².

Теперь поставим вопрос: достоверна ли прежде всего этнографическая версия Фрейда? Этнологи того времени — от У. Риверса до Ф. Боаса, от А. Крёбера и Б. Малиновского — отвергли гипотезу основоположника психоанализа. Они отмечали, что тотемизм не является древнейшей формой религии, что он не универсален и далеко не все народы прошли через тотемическую стадию, что среди нескольких сот племен Фрэзер нашел только четыре, в которых совершалось бы ритуальное убийство тотема, и т.д. Вся эта критика

¹ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Избранное. Лондон, 1969. Т. 1. С. 189—190.

² Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Там же. С. 281.

не произвела никакого впечатления ни на Фрейда, ни его последователей¹.

Первобытный грех Фрейд связывает с происхождением амбивалентной психики социальных существ. Но ведь если бы этой амбивалентной психики не было до «греха», значит, не было бы и никакого греха, подчеркивает Ю.М. Бородай. Были бы просто звери, пожирающие друг друга «без зазрения совести».

Фрейд пытался генетически объяснить социальную психику человека (совесть), но он целиком остался внутри магических кругов этой раздвоенной психики — самосознания, обреченного «из кожи вон лезть», пытаясь распутать клубок враждующих вожделений, подглядывать внутрь себя, противопоставлять себя самому себе в качестве внешней цели и подавлять в себе внутреннего врага этого созидания, вновь низвергаться в хаос и возрождаться вновь².

Психика человека еще на животной стадии амбивалентна. Фрейд подчеркивает, что мы ничего не знаем об этой амбивалентности. Коли так, неясно, какова реальная причина тех действий прачеловека, которые привели к появлению феномена совести. Если же не удается объяснить генезис нравственности, то и теория культурогенеза оказывается абстрактной. Ведь она целиком строится на факте благоприобретения совести.

Фрейд связывает генезис культуры с животностью человека, с тем, что люди наделены звероликой природой. При этом сама культура оказывается средством обуздания животных инстинктов. Однако даже в русле психоанализа, в наследии учеников Фрейда эта концепция не оспаривается. В частности, Э. Фромм указывает на прямо противоположную тенденцию: именно история, культура раскрыли в человеке некие разрушительные потенции.

Влияние исторических предпосылок на возникновение философских идей Фрейда можно проследить на материале просветительской философии. Фрейд принадлежал к закату викторианской эпохи, для которой характерно вытеснение инакомыслия, когда предпринимались судорожные попытки с помощью морализаторства искусственно продлить жизнь анемичных идеалов бюргерской добропорядочности. Эти «идеалы» были последним из уцелевших побегов религиозных представлений, общепринятых в Средневековье, само существование которых было подорвано незадолго до это-

¹ См.: *Эшаде М.* Оккультизм, колдовство и культурные методы // Рациональное и иррациональное в современном сознании. М., 1987. Вып. 4. С. 97–98.

² *Бородай Ю.* Психоанализ и «массовое искусство» // Массовая культура: иллюзия и действительность. М., 1975. С. 167.

го, в эпоху французского Просвещения и последовавшей за ней революции.

Таково, по мнению Юнга, материнское лоно, скормившее Фрейда. Оно и определяет особенности его духовного роста. Он действительно во многом следует просветительским установкам. В частности, обладает пристрастностью, типичной для представителя Просвещения. Он часто цитирует вольтеровское «Раздавите гадину!». Он с удовольствием вскрывает тот или иной подтекст явления и отмечает, что, собственно, за этим стоит. Все сложные образования духовной жизни, такие, как искусство, философия и религия, подозреваются им в том, что не представляют собой «ничего, кроме» результатов вытеснения сексуального инстинкта. Это устойчивое отношение Фрейда к общепризнанным духовным ценностям, в основе своей редуccionистское и негативистское, обусловлено исторически.

Свойственное Фрейду просветительское пристрастие к негативным определениям основывается на том историческом обстоятельстве, что в викторианскую эпоху культурные ценности использовались для подтасовки картины мира в соответствии с буржуазными представлениями. Главная роль среди этих ценностей отводилась религии, которая как раз и оказывалась религией вытеснения. Именно это искаженное отношение к религии принимается Фрейдом за ее суть.

Однако Фрейд был не только мыслителем просветительского толка, как это подчеркивает Юнг. Он совершил радикальный переворот в просветительских воззрениях, критически, в духе нового времени пересмотрев множество философских сюжетов. В этом его величие как философа.

Литература

1. Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 58—75.
2. Библихин В.В. Язык философии. М., 2002.
3. Гуревич П.С. Теория и практика психоанализа. М., 2000.
4. Овчаренко В.И. Природа, статус и аутентичность классического психоанализа // Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд — основатель научной парадигмы: психоанализ в теории и практике». К 150-летию Зигмунда Фрейда. Т. 1. М., 2006. С. 278—285.
5. Руткевич А.М. Психоанализ: истоки и первые этапы развития. М., 1997.
6. Спирова Э.М. Фрейд как философ // Личность, культура, общество. 2006. № 6.

Вопросы для повторения

1. Почему Юнг считал, что Фрейд не имеет философской выучки?
2. В чем трагизм философии по мнению Н.А. Бердяева?
3. Как Фрейд оказался родоначальником нового философского направления?
4. В чем смысл концепции культурогенеза у Фрейда?
5. Какова судьба психоанализа как философского направления?

Темы рефератов и докладов

1. Идеал точного знания у Фрейда.
2. Философское образование и философские ориентации Фрейда.
3. Фрейд и его философы-современники.
4. Философское мышление Фрейда.
5. Интеллектуальный стиль Фрейда.

Тайные страсти Фрейда

*И с пистолетами удавкой
нас теснили, хоть удержись.
Толкая перед собой жизнь
Неудавшутся,
как будто удавившаяся жизнь.*

Андрей Вознесенский

Либи́до

Фрейд нынче на устах. Издаются его теоретические труды. Публицисты пытаются переложить историю нашего общества языком психоанализа. Редкое сочинение не шегольнет сублимальной лексикой, демонстрируя различные формы психических состояний. И постоянно рождается вопрос: каким был этот блистательный сексолог в частной жизни? Сам ли познал греховодные побуждения или лишь мысленно проник в содомные страсти? Труды австрийского психиатра так много говорят пылкому воображению. Но как все это можно связать с личностью самого Фрейда?

Когда австрийский психиатр начал свою клиническую практику, он прежде всего столкнулся с так называемой викторианской этикой. Она была предельно строга и директивна по отношению к сексуальной жизни. Муж не имел права видеть свою жену голой, а его супруга не смела отдаться оргазменным чувствам. Она могла находиться на любовном ложе только в изначальной позе и не двигаться. Тем более нельзя было издавать стоны или извиваться в животном иступлении.

Столы и стулья в гостиных в ту пору были закрыты белыми скатертями до самого пола. Ножки, разумеется, деревянные, но, согласитесь, это фривольно и двусмысленно. Ну а если вы призываете слугу во время обеда и громко произносите: «Мне, пожалуйста, куриную ножку», то это рождает шоковое состояние. Попросить ножку, и притом публично, не соблюдая приличий... Понятное дело, сексуальность оказывалась в основном репрессированной: до сексуальной революции еще далеко.

Американская исследовательница Коуэн Лин пишет:

Пуританизм бесстрастного секса викторианской эпохи может выглядеть столь же чудовишным и причудливым, как извращенная, шумная похоть языческого секса. Все они — защитники порнографии: и те, кто тайком в углу делает «интеллектуальные» умозаключения, пребывая в безопасной домашней обстановке или в дружеской компании, и те, кто открыто называет противников порнографии зажатыми, скованными, ограниченными, подавленными, подогревающими себя алкоголем, чувственно-холодными, обделенными сексуальной фантазией и откровенно похотливыми¹.

И все же хочется узнать побольше о Фрейде, который назвал половую близость «величайшим доступным нам наслаждением...». Правда, в отношении любовного томления был категоричен: «это недуг, и я берусь вылечить вас от него».

Термин «*либидо*», которым воспользовался Фрейд, трактуется в разных значениях. В сумме рождается представление о сокровенной эмоциональной связи между людьми. Латинское слово «либидо» означает желание, влечение, стремление. Оно изначально многозначно. В разных содержательных контекстах смысл его сопрягается с удовольствием, кровожадностью, жадой наслаждений, произволом и капризом. Как понятие либидо употреблялось и до Фрейда. Оно появилось в медицинской, психологической и затем философской литературе XIX в., в работах М. Бенедикта «Электротерапия» (1868), А. Моля «Исследование сексуального влечения» (1898).

Либидо — это проявление полового инстинкта, обостренного и неустанный сексуального влечения. В бессознательном мы обнаруживаем не только неудовлетворенное половое влечение, но также стремление к преобладанию и власти, неугасимую обиду и зависть. Признавая, что основная идея Фрейда гениальна, а метод плодотворен, Н.А. Бердяев считал, что философ придал либидо центральное и всеобъемлющее значение. Так, по словам русского мыслителя, рождается ложная пансексуалистская метафизика².

В расхожем обвинении основателю психоанализа, которое выражается в констатации фрейдовского фундаментального метасексуализма, надо бы разобраться. У Фрейда слово «либидо» впервые перестало быть назывным. В нем обозначился разносторонний и метафизический смысл. В трактовке понятия основоположник обнаружил себя как проницательный философ Эроса. Однако именно

¹ Коуэн Л. Указ. соч. С. 34.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 74.

через либидо он пытался осмыслить множество культурных, социальных и антропологических вопросов.

В теоретическом плане Фрейд ставит, казалось бы, невысказанный вопрос: как возникла любовь? По его убеждению, все разновидности любви, в том числе и романтическая, семейная и дружеская, включая также влечение к харизматическому лидеру, рождены сексуальными побуждениями. Более того, такую же природу имеют все проявления привязанности к конкретным объектам, абстрактным идеям и отношение к человечеству в целом.

Платон, цenia телесную красоту, вовсе не рассматривал ее как источник сексуальности. Фрейд же, напротив, усматривал концепцию полового влечения в анатомии и физиологии человека. Именно сексуальные импульсы, которые обнаруживаются у детей с младенческого возраста, обуславливают природу всякой любви. В фокусе наблюдения у Платона только взрослые люди. Он не проявляет исследовательского интереса к ранним обнаружениям сексуальности. Правда, в истолковании понятия «эрос» античный философ использует аргументы теоретического и исторического характера. Однако Платон имеет в виду не пору младенчества, а предшествующее существование души, свободных к тому же от телесного покрова.

Теория вытеснения и бессознательного, разработанная Фрейдом, не имеет аналога в концепции Платона. Задавшись вопросом о причинах неврозов, Фрейд приходит к выводу о их половом происхождении. Размышляя о том, как зарождается патогенный процесс, Фрейд обратил внимание на тот факт, что невроз скрывал действие не каких-то определенных аффектов и эмоций, а всегда эмоций, связанных с половой жизнью прежде или теперь.

Более тонкие наблюдения за хаосом клинических случаев, подведенных под название «неврастения», позволило Фрейду выделить два принципиально различных типа, которые часто появлялись в смешанном виде. В одном из типов невроза центральным был приступ страха. Название неврастения Фрейд оставил для второго типа неврозов. Постепенно психиатр обнаруживает силы, вытеснившие в бессознательное то, что психоаналитик пытается вернуть на поверхность. Родается теория вытеснения, а с ней и психоанализ.

Фрейд отмечал, что стоило психоанализу рассматривать то или иное психическое явление в качестве производного от половых тенденций, сразу же раздавались обвинения в односторонности. Человек не сводится к воплощению полового инстинкта, в психической жизни есть стремления и интересы, не имеющие полового характера. Нельзя поэтому все выводить из половой деятельности.

Все здание психоанализа возведено на принципе разделения между влечениями полового характера и влечениями, относящими-

ся к Я. Психопанализ, не дожидаясь выражений, утверждал, что неврозы являются результатом не сексуальности, а конфликта между нею и Я.

Половые влечения и инстинкт самосохранения по-разному ведут себя перед лицом реальной необходимости. Инстинкт самосохранения и все, что с ним связано, лучше поддаются воспитанию. Он рано учится подчиняться необходимости и в своем развитии приспосабливается к требованиям реальности. Это понятно, если учесть, что иначе он и не может получить те нужные ему объекты, без которых индивиду угрожает гибель.

Гораздо труднее воспитать половое влечение, которое вообще не нуждается в объекте, игнорирует эту потребность. Оно ведет, так сказать, паразитическое существование, связанное с жизнью других органов, и способно найти автоэротическое удовлетворение, не выходя за пределы тела индивида. Тем самым половое влечение ускользает от воспитывающего влияния реальной необходимости, в некоторых отношениях сохраняя у большинства людей на протяжении всей их жизни свой произвольный, капризный, строптивый и «загадочный» характер.

Эрос Платона не равнозначен либидо. В его философском лексиконе нет слова, которое выражало бы действие механизма сублимации — переключения энергии влечений в культурное творчество. У австрийского исследователя это понятие не имеет окончательного и развернутого истолкования. Сам он многократно уточнял и пересматривал свою концепцию. Разве у человека есть такой инстинкт совершенствования, который привел его на высоту современных достижений? Может ли такой инстинкт позаботиться о дальнейшем развитии человека в сверхчеловека? Фрейд относился с сомнением к такой вере.

Зато он описывал механизм сублимации как следствие вытеснения первичных позывов, на котором и построены наивысшие ценности человеческой культуры. По Фрейду, этот механизм — ярко выраженная черта культурного развития. Именно она дает возможность высшим формам психической деятельности — научной, художественной и идеологической — играть, как подчеркивал Фрейд, в культурной жизни столь значительную роль. Сам ученый говорил, что под влиянием первого впечатления появляется искушение сказать, что сублимация вообще есть навязанная культурой судьба первичных позывов.

Конечно, известное сходство между тем, что отмечалось Платоном, и фрейдовской конструкцией есть. Между лестницей духовного восхождения античного мудреца и сублимацией Фрейда просматривается нечто общее. И в том и в другом случае подразумева-

ется художественное, научное или духовное творчество. Вместе с тем указывается, что способность к спиритуальности является редким даром и не обнаруживается у каждого в абсолютной мере.

Однако Платон вряд ли мог принять версию Фрейда, который описывал лестницу Эроса как серию последовательных сублимаций. Распределение либидо у Фрейда осуществляется как бессознательный процесс. У Платона же именно разум является поводом к лестнице Эроса. Одухотворение — осмысленный акт. Тяготение к возвышенным и прекрасным целям — сознательный выбор человека, а не слепая судьба культуры.

В процессе сублимации первоначальная цель перекрывается. Инстинкт устремляется к новой цели, которая социально более приемлема. Платон дает совсем иную трактовку этому механизму. В ситуации духовного восхождения разум не блокирует цели Эроса, а ориентирует человека на более глубокое творчество и бессмертие. Акт сублимации у Фрейда никогда не приносит подлинного удовлетворения. Такое наслаждение сулит только первоначальная сексуальная цель. Для Платона, напротив, влюбленный преодолевает инстинкт и возвышается навстречу бессмертию, красоте и благу.

Любовь, как это очевидно, предполагает партнера. Подспудно касаясь этого вопроса (в частности, в диалоге «Федр»), Платон исходит из того, что объект любви обладает несомненными качествами, он близок к возвышенным идеальным представлениям субъекта. Фрейд стоит на противоположных позициях: обдуманый, сознательный акт сближения маловероятен. Больше внимания австрийский исследователь уделяет личности, которая выступает субъектом сладчайшего чувства. Осмысливается процесс развития этой личности. Тут-то и выясняется, что влюбленный демонстрирует широкий спектр мотивов — логически оправданных и иррациональных, очевидных и неуловимых, нормальных и невротических (выплоть до патологии). К тому же многое можно понять, если проследить сексуальный отбор среди животных. Где тут отыскать духовное восхождение?

Платон также сосредоточен на личности влюбленного как инициатора нежного чувства. Но о том, как рождается интимная тяга, античный философ ничего не сообщает. Можно, разумеется, утверждать, что в отдельных сочинениях Платона (в том же «Федре») прослеживается связь между страстью влюбленного и его переоценкой своего объекта. Но это все маргинальные замечания. Платон распространяет на объекты любви жесткий дуализм своей теории форм — он разграничивает мир чувственный и мир идей.

Если любовь, по Платону, вызвана несовершенством человеческих существ, то возникает вопрос: может ли любить бессмертное и совершенное существо? Не оказывается ли неоправданной иллюзи-

сий постулат христианской религии, исходящей из противоположного убеждения? А может быть, возможна такая любовь, до которой иногда (хотя бы изредка) способно возвыситься даже человеческое существо, преодолевая или просто забывая на какое-то время о собственной конечности? Может ли, вообще говоря, жить потребность в другом? Не может ли знойное пламя Эроса освободить нас от наших несовершенств?

Эмоциональное (либидозное, по Фрейду) отношение к другому человеку рождается нуждой и несовершенством природы человека. Но Платон связывает выбор объекта любви с рационалистическим, точнее сказать, оценочным моментом. Можно, разумеется, ошибиться в признании достоинств партнера. Однако сам процесс любви, по Платону, не бывает иррациональным. Не может быть любви без оценки, определяющей наш выбор. Тогда, рассуждая вместе с Платоном, уместно спросить: всегда ли любовь рациональна и можно ли рассматривать теологические модели как единственную возможность для уяснения опыта любви?

Платон также считал, что ценность любви соразмерна ценности самого объекта. Более значимая любовь та, в которой достойный партнер может устранить человеческие несовершенства, разбудить и направить заложенные в нас творческие потенции. Но тогда в чем достоинство любви для самого ее объекта? Когда речь идет об абстрактных существах, такой вопрос вроде бы не возникает. Иное дело, когда толкуются вопросы любви к человеческим существам.

Концепция Платона признает благотворное влияние влюбленного на объект его страсти. Но возлюбленный при этом остается абстрактным источником ценности этой любви, управляющей ее моделью. Что же выходит по этой логике? Влечение к слабым, увечным, больным, неодухотворенным, бесталанным лишается смысла. Оно не допускается даже в виде абстрактной возможности.

Другой спектр метафизических проблем возникает при осмыслении фрейдовской концепции либидо. Исследователь утверждает, что всякая любовь возникает под влиянием сексуального опыта, а также в связи с отчуждением инстинкта от объекта и приматом бессознательного, нестихаемым колоссальным столкновением между иррациональным бессознательным и диктатом реальной действительности, природы и цивилизации.

Осмысливая эту проблему, американский ученый Герасимос Сантас ставит череду вопросов: действительно ли всякая любовь возникает из бессознательного и иррационального? не любим ли мы иногда просто потому, что что-то видим, осязаем и воображаем?¹

¹ Santas G. Plato and Freud: Two theories of Love. N.Y., 1977.

Фрейдовская концепция либидо вызывает много провокативных ходов мысли: всегда ли любовь предполагает переоценку самого себя или некоего внешнего объекта и, таким образом, основывается на иллюзии? существуют ли предметы, настолько наделенные благом и красотой, что возникновение и объяснение в любви к ним не нуждается ни в каких иллюзиях? нужно ли находиться во власти каких-либо иллюзий, чтобы восхищаться красотой творений Праксителя или Микеланджело? а главное, нужны ли нам иллюзии, чтобы любить истину?

Чтобы осознать, что вся любовь начинается с сексуальности, нужно принимать во внимание бессознательное и психический механизм перемещения объекта, подавления цели и сублимацию. В этом случае проаналитические наблюдения подтвердят, что нежная привязанность и представляющийся сексуальным компонент романтической любви оказываются более ранними подавленными сексуальными импульсами. То же относится и к абстрактному объекту — объект и цель сублимации могут не исключать сексуального компонента, поскольку он содержится в самом источнике. Можно ли исходя из этого сказать, что любовь Дж. С. Милля к свободе была сексуальна? И если дело обстоит именно так, изменит ли это хотя бы на йоту ценность этой любви или его убедительных выступлений в защиту свободы? Есть ли у нас вообще ясное представление о психическом механизме подавления цели, предполагаемых трансформациях сексуальных импульсов в привязанность, а также о сублимации? Сам Фрейд признавал, что такого представления у нас нет.

Приватный Фрейд

Нельзя утверждать, что приватный Фрейд совсем уж закрыт тайной. Вот напечатали пьесу Сартра о нем. Ученый предстал перед читателем как экзистенциально неумный человек. Он пытается обойти условности венского общества, пережить всплески антисемитизма, смириться с нуждой и постоянными неудачами. Потом издали письма Фрейда к невесте. Ничего, кроме целомудренного однолюбия, Сартр нам не поведал.

И все же любители частной клубнички, воспитанные на жизнеописании маркиза де Сада, ахнули: откуда пресный человек мог узнать глубинные тайны сексуального наваждения? Однако в личной жизни австрийский ученый вовсе не был безвкусным. В этом убеждаешься, прочитав мелодраматический роман Ирвинга Стоуна «Страсти ума». Мастер психологического жанра, набивший руку на портретах великих людей, подарил нам сочинение, в котором под-

линные документы и реальные события представлены в виде художественного жизнеописания. Но ведь это художественное произведение. Где же взять житейски достоверную информацию о частной жизни Фрейда? Зигмунд Фрейд первым снял табу с сексуальной темы, заставив говорить о сексе не как о чем-то постыдном, но как об основополагающем мотиве человеческой деятельности. Между тем о его собственной личной жизни известно поразительно мало. Хотя его биограф Э. Джонс фиксировал едва ли не каждый момент его жизненного и теоретического существования. Мы читаем: вот деловая встреча, вот наброски новой работы, вот обсуждение доклада, вот новые письма. Джонс, к сожалению, смешивает личные воспоминания со строгими, объективными описаниями жизни Фрейда. Кроме того, он по-своему боготворит Фрейда. Это проявляется, в частности, в том, что он явно утаивает материал, способный омрачить безупречный образ ученого. Даже обстоятельный труд семейного врача Фрейда при всех подробностях не содержит ничего сенсационного. Может быть, не о чем и писать?

Жизнь Фрейда бедна внешними событиями. К тому же он постоянно отклонял всяческие попытки вторгнуться в его личную жизнь. Когда в 1931 г. «Дортмунский вестник» в связи с его 75-летием попытался взять у него интервью, он решительно отказался: «Я не поэт и не пытаюсь заинтересовать биографов своими личными делами». Французский сюрреалист Анри Бретон, у которого с Фрейдом состоялся подобный разговор в начале 20-х годов, мог сообщить только о скрытности Фрейда и его нежелании говорить о себе.

Как только открылись знаменитые обитые двери, я оказался в присутствии не очень привлекательного, невысокого пожилого человека; комната, в которой он практиковал и в которой принимал меня, имела уже не новый вид... Казалось, что Франция ему совсем не по душе... Я услышал от него только следующие общие фразы: «Ваше письмо тронуло меня больше, чем какое-либо другое, полученное в моей жизни» или «к счастью, в основном мы можем полагаться на молодых людей». Сам Фрейд пользовался правом на скрытность в необычайной степени.

Существующая в давних пор профессиональная установка, что аналитик должен быть безупречным зеркалом для пациента и поэтому все личное должно быть полностью устранено из терапевтической ситуации, возможно, является алиби для такой сильной тенденции к скрытности. Вот что писал Фрейд, которому не было еще и тридцати, своей невесте 28 апреля 1885 г.:

Во всяком случае я уже выполнил одно свое намерение, не доставляющее радости ряду людей, которые пока не родились, но на беду свою родятся... моим биографом. Все мои записи, письма за че-

тырнадцать лет, научные заметки, рукописи моих работ я уничтожил... Прежние приятельские отношения и связи еще раз представились передо мной, а затем безмолвно приняли смертельный удар... все мои мысли и чувства о мире вообще и те особенности, в которых они мне открывались, потеряли всякую ценность, чтобы продолжать свое существование. Теперь их нужно еще раз переосмыслить, я написал тогда много вздора. Но раскиданные материалы подобны сыпучим пескам вокруг сфинкса, мне бы только не зарыться в этой куче бумаг; я не смогу стать зрелым человеком и не смогу умереть, не позаботившись о тех, кто следует за мной в старые бумаги.

Итак, Фрейд страшился биографов и отчаянно сопротивлялся тому, чтобы его жизнь стала объектом общественного внимания. Уезжая в Париж слушать лекции прославленного профессора Шарко, молодой Фрейд сжег все дневники и бумаги. Он говорил невесте: «Хочу затруднить работу будущих биографов. Они будут плакать кровавыми слезами». Марта шутливо возразила: «С чего ты взял, что у тебя будут биографы?» «У всякого великого человека они есть», — резонно ответил Фрейд.

Его называли «великим скрытником». Если это была не просто осторожность терапевта, стремившегося сохранить безупречность зеркала, то чем тогда Фрейд мотивировал такую скрытность?

Многие авторы пытались интерпретировать его высказывания о сексуальности как «явку с повинной». Разумеется, это задевало Фрейда. Сам он называл именно клевету такого рода основной причиной его антипатии ко всякого рода распространению приватной информации для широкой публики. В 1935 г. он с беспокойством воспринял предложение Арнольда Цвейга написать его биографию. Решительно отказавшись, он писал 31 мая:

Став биографом, человек обрекает себя на ложь, утаивание, мошенничество, заглаживание и даже прикрытие собственного непонимания, поскольку истины в биографическом сочинении добиться невозможно, а если бы это удалось, биография оказалась бы нигде не годной. Истина недоступна, люди ее заслужили, и вообще, наш принц Гамлет не прав, говоря: если бы с каждым обращались по заслугам, кто бы избегал порки?

Фрейд был едва ли не большим пуританином, чем пастор. Плавное, изящно складывается его жизненное повествование. Мы узнаем, что первая любовь пришла к Зигмунду в 16 лет. Прикипевшие сердцем к Сэлинджеру, ждем мы пикантных подробностей. Вот оно, пробуждение ранней чувственности... Возможно, первый сексуальный опыт, определивший маршруты теоретических пости-

жений. Куда там — Фрейд даже не открылся своей даме. Если бы она была жива, с удивлением прочла бы о столь романтическом переживании. Имя ее теперь известно, хотя Гизелла так и не извела любовного напитка из этой чаши.

Следующее десятилетие в жизни Фрейда выглядит попросту пресным. Он ведет физиологические исследования в институте профессора Брюкке, но объектом его интереса оказались... рыбы. Юноша изучает половые органы угрей-самцов. Еще предстояло долго подниматься по эволюционной лестнице, чтобы добрести до первичных признаков другого создания. Лишь в возрасте 26 лет Фрейд знакомится с Мартой Бернейс, которая была на пять лет моложе. Следует отдать должное его вкусу. Марта была весьма хороша собой, но в ней не было ничего от легкомысленной пожирательницы сердец. Марта с самого начала исключительно серьезно относилась к штудиям и увлечениям жениха, который, впрочем, всю их долгую супружескую жизнь не посвящал жену в тайны своих ученых занятий.

Забегая вперед, заметим, что за едой Фрейд предпочитал разговаривать о еде, а в гостях охотно поддерживал обычные светские разговоры. Многих, впрочем, шокировало равнодушие и спокойствие, с каким он высказывался на самые «скользкие» темы. После обручения прошло еще пять лет, наполненных интенсивной медицинской практикой. Дело не дошло даже до половой близости — Фрейд разрешил себе ее лишь в возрасте 30 лет, после брака. Возможно, немалую роль в этом сыграла система запретов, наложенных строгим воспитанием: Фрейд воспитывался в иудейской семье. Товарищи по университету, впрочем, вспоминали об интересе, который он проявлял к рассказам о проститутках, о любовных похождениях сверстников, но в интересе этом с самого начала было больше научного любопытства. Многие из этих рассказов он записал и впоследствии использовал.

Юный герой, конечно, знал о забавных и простительных сексуальных утех. Рано прозревшие гимназисты несли весьма пикантную информацию, которая отвлекала от подробностей, связанных с угрями. Но Фрейд был воспитан в строгих правилах Ветхого Завета. Анатомируя мертвых женщин, он оставался невинным в чувствах к живым. Однако уже состоялась помолвка. Не одолеть голос плоти, не уйти от любострастия. К черту червей и бездыханную плоть...

После пяти лет принудительного воздержания Марта поздравляла-таки мужа с разрешением столь долгого поста. Но вот наконец открылось великое таинство пола. Фрейд познал женщину, которой был верен всю жизнь. Как же, минуя сладкие соблазны, можно все-таки догадаться про кровосмесительные вожеления?

Книга Стоуна тем и хороша, что она предлагает нам замечательный замес психологии и напряженной теоретической мысли. Оказывается, можно проникнуть в глубины бессознательного и не утонуть в собственном грехе.

Конечно, мы знаем, что лучшие праведники рождаются из грешников. Нам меньше известно о том, что целомудренники оказываются сердцеедами. Однако сошлемся на одно из выдающихся открытий Фрейда. Человек — единственное на свете существо, которое может реализовать половой инстинкт галлюцинаторно, в сфере грезы. Можно обрести оргиастическое удовлетворение через воображение, через картинку. Порноиндустрия воздвиглась на этом открытии.

Фрейду не обязательно было налиться ненавистью к отцу, чтобы открыть комплекс Эдипа. Впрочем, как раз в этом озарении много личного. Ученый применил психоаналитический опыт к себе самому. Однажды в сознании психиатра возникла сцена из его детства, которая постоянно возвращалась к нему во сне. Между тем в жизни Фрейда эдипов комплекс играл не последнюю роль. Пристально изучая проблему, он обнаружил в собственных детских воспоминаниях весьма существенный эпизод: однажды ночью шестилетний Зигмунд пробрался в спальню родителей (дверь не была заперта). В постели происходило что-то непонятное, необыкновенное. Мальчика это чрезвычайно взволновало. Отец, разглядев в спальне ребенка, замер. Зигмунд бросился в объятия матери. Тут же он обмочился, чего с ним не случалось уже давно. Мать стала утешать мальчика, а отец сказал: «Дрянной мальчишка!» Анализируя этот эпизод, Фрейд понял причину своего тогдашнего позора. Он испытал подсознательную ревность к отцу. Стремясь отвлечь на себя внимание матери, он симулировал то, чем завершил бы отец акт любовной близости.

Это открытие породило у Зигмунда комплекс вины перед отцом. После его смерти в 1886 г. в возрасте восьмидесяти лет Фрейд долго пытался объяснить себе это ощущение. «Я любил отца, поддерживал его в старости, ухаживал за ним во время болезни... Почему же меня преследует гнетущее чувство вины?» Фрейд осознал, что дошел до настоящего невроза, как и его пациенты. Лишь пристальное изучение собственных отношений с отцом помогло ему излечиться. Вспомнил он и об эпизоде своего раннего детства: однажды, когда маленький Зигмунд гулял с отцом по набережной, к нему приблизился богато одетый толстяк. Он сорвал с отца шапку и бросил ее в грязь: «Жид! Убирайся с тротуара!» Испуганный отец шагнул на мостовую. Всю свою жизнь он сталкивался

с антисемитизмом. Той униженности, той покорности Фрейд долго не мог простить отцу. Свою научную карьеру и обретение немалого состояния он рассматривал как акт мести отцу... А ведь на пути к славе ему пришлось преодолеть и травлю антисемитов, и недоверие семьи, и даже насмешки учеников! Один из них писал: «Я готов разделить многие заблуждения профессора, но то, как он толкует сновидения, находится за гранью моего понимания! Девушке снится, что она опоздала к поезду, заблудилась в лесу и потеряла за деревьями сумочку. Но вот она нашла ее и стала в ней рыться. Я никогда не поверю, что страх перед опаздывающим поездом — это комплекс неполноценности из-за поздней дефлорации, что лес — это лес срамных волос, а сумочка — вагина, в которой девушка роется, чтобы мастурбировать!»

Однако что мы все про альковные детали... Поговорим о драме идей. Ведь многие ученые и до Фрейда догадывались, какую огромную роль играет секс в жизни людей. Писатели — те так прямо изощрились в этой указке... Да и другие ученые, которые окружали Фрейда, раньше его осознали главную идею про основной инстинкт... Более того, они постоянно наталкивали Зигмунда на этот исследовательский путь. Тот сообразил позже — зато постиг глубже. Фрейд писал о либидо — проявление сексуального инстинкта, обостренного и неустанныго полового влечения. В бессознательном мы обнаруживаем не только неудовлетворенное половое влечение, но также стремление к преобладанию власти, смутенное сознание, уязвленное самолюбие, неугасимую обиду и зависть.

Многие открытия Фрейда выросли из его частной жизни, из напряженной работы мысли, из мучительных коллизий, которые складывались в лаборатории. Домашний Фрейд — это не обыватель, облаченный в халат. Любая подробность проходит через тигель его сознания. Будь он другим, мы рассказали бы иную жизнь — например, маркиза де Сада или Захер-Мазоха...

Занятно, что вскоре после женитьбы Фрейд и набрал на общую теорию психоанализа. История сохранила нам подробный рассказ о том, как это произошло.

Фрейд со своим другом Йозефом Брейером прогуливался по улицам Вены. Неожиданно к Брейеру подошел пациент: врач и больной стали обсуждать какие-то проблемы, Фрейд деликатно отошел в сторону. Когда прогулка возобновилась, Брейер заметил: «Это был муж одной из моих пациенток. Он жалуется на странное поведение жены — особенно когда они бывают в обществе. Муж полагает, что мы имеем дело с нервным заболеванием. Но как ему помочь? Приходится задуматься о тайнах алькова».

— То есть? — спросил Фрейд, впервые услышавший слово «альков» в подобном контексте.

В алькове стоит брачная постель, и здесь-то начинаются — и излечиваются — многие нервные заболевания.

Фрейд помолчал и вдруг воскликнул:

— Йозеф, понимаешь ли ты, что сказал?! Теперь я могу наконец систематизировать свои наблюдения.

Так Фрейд открыл, что миром правит сексуальность. Даже Брейер, поглощенный проблемой гипноза, думал о половой неудовлетворенности лишь как об источнике нервной болезни. Фрейд возвел к сексу политику и искусство, мораль и идеологию.

Ему, впрочем, не изменяло чувство юмора. Однажды к нему обратилась богатая пациентка. Диагноз — невроз и истерия. Медицина того времени искала корень расстройств психики в телесных недугах, но их не оказалось. Фрейд расспросил пациентку о ее интимной жизни: выяснилось, что она замужем уже восемнадцать лет, но при осмотре больная оказалась... девственницей! Половая слабость мужа не позволила лишить несчастную женщину невинности. Фрейд горько пошутил: «От этой болезни есть единственное предписание — нормальный пенис в повторных дозах». Многие шутки Фрейда подхватывались на лету, а одно из его высказываний вошло в классику психоанализа. На одной из конференций по природе юношеской сексуальности Фрейд воскликнул с кафедры: «Признаюсь, господа, что каждый из нас хотя бы однажды мастурбировал! Кто не признается в этом, тот мастурбирует до сих пор».

Именно частная жизнь чаще всего наталкивала Фрейда на особенно поразительные открытия. Однажды, когда Марта была уже беременна, супруги вместе с друзьями Брейерами отправились в театр на «Эдипа-царя» Софокла. Миф, положенный в основу трагедии, общеизвестен. Эдипу предсказали, что он женится на своей матери и убьет отца. После спектакля Фрейд неожиданно спросил друга:

— Йозеф, не кажется ли тебе, что Иокаста с самого начала знала, что вышла замуж за собственного сына? Она ведь повесилась еще до того, как правда открылась всем! Здесь глубоко современная драма... Почему не предположить, что между отцом и дочерью (случай Эдипа и Антигоны), между сыном и матерью (случай Эдипа и Иокасты) существует половое влечение? Сын должен подсознательно ревновать к отцу!

— Я только что почувствовала толчок младенца, — вмешалась остроумная Марта. — Полагаю, удар нацеливался на отца!

Все расхохотались. Через несколько дней у Фрейда родилась дочь Матильда, а почти сразу следом на ней — *теория эдипова комплекса*. Вскоре Фрейд выступил с лекцией на эту тему. Возмущению медиков и ученых не было предела. Им показалось, что до таких выводов может додуматься только особенно гнусный и циничный извращенец.

Материалы о детской сексуальности вызвали общее негодование. Фрейда называли «сексуальным маньяком», «осквернителем», «замочным шпионом». Его жена реагировала на это с присущей ей иронией: «О Зиги, знали бы они все, какой ты... (гримаска) обычный!»

Возможно, не сам Фрейд, но отдельные его последователи в самом деле заходили в своих экстраполяциях слишком далеко. Однако именно с Фрейда началось нормальное, научное толкование сновидений. Сам профессор, кстати, почти никому не рассказывал...

Частная жизнь Фрейда, несмотря на внешнюю чисто событийную бедность, была насыщенной, сокровенной и разноликой. Причина, однако, в исключительном даре перевоплощения, которым владел Фрейд. Он прожил множество чужих жизней, носясь по закоулкам чужой психики, пересекаясь с тысячами разных судеб. Со своими пациентами он вынашивал планы убийства, вступал в кровосмесительные связи, испытывал подземные толчки вожделений, мучительно постигая тайны бессознательного. На его отношениях с близкими это никак не отражалось. Фрейд открыл, что человек — единственное существо, способное реализовать свои влечения в сфере грез.

Инстинкт животного требует реального соития — человек же, по Фрейду, вообще плохо различает факты и вымысел. Он может реализовать свое сладострастие через картинку, эротический рассказ, воображение. Грехом и злодеянием может оказаться даже мышление. Возможно, именно поэтому Фрейд предстает перед читателем застегнутым на всем пуговицы. «Биографическая истина всегда недоступна», — любил он повторять в зрелые годы. Нам достались его творения и его безупречная личная жизнь, а тайные фантазии и мечты остались вечной загадкой.

Друг Фрейда, врач Натан Вайс, мечтал найти себе жену среди врачей. Он присмотрел кандидатку в жены, но не добился ее взаимности. Советы Фрейда не помогли, врач настаивал на своем, добился-таки брака и через месяц... повесился! Обдумав эту трагедию, Фрейд сказал в дружеском кругу: «Натан знал, что обрекает себя на поражение. Гонимая за этой несчастной девицей, он на самом деле искал причину для смерти». Так Фрейд открыл, что влечение к смерти у человека во многом сродни сексуальному и принадлежит к числу самых навязчивых и постоянных.

Сам же Фрейд прожил долгую (1856—1939) и счастливую жизнь. Незадолго до смерти он был арестован нацистами и вел себя с исключительным достоинством. Только протесты мировой общественности заставили освободить ученого. В эмиграции он узнал, что неизлечимо болен, и попросил коллегу сделать ему смертельную инъекцию.

Почти все ученики и друзья Фрейда сходятся на том, что его биография — идеал жизни ученого. Сегодня полезно лишний раз

напомнить, что прикосновение к тайнам пола и преступлений не обязывает исследователя вести скотский образ жизни и оправдывать это интересами мировой науки.

Скрупулезно оберегая тайные страсти своей жизни, Фрейд оставил объемистый пакет документов, который он просил вскрыть только через шестьдесят лет. Предполагалось, что люди, чьи имена упоминаются в документах, уже уйдут из жизни. Никто не будет задет или уязвлен. И вот в 1999 г. пакет был скрыт. И что же нового узнали мы о личной жизни Фрейда. Оказалось, что, будучи верным своей Марте, Зигмунд всю жизнь испытывал глубокие романтические чувства к ее сестре, но так и не открылся ей. Человек — весьма сложное и эксцентричное создание.

Литература

1. Гуревич П.С. Теория и практика психоанализа. М., 2000.
2. Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда // Общ. ред. А.М. Руткевича. М., 1977.
3. Розен П. Фрейд и его последователи. СПб., 2005.
4. Розенова М.И. Отношения любви в контексте обыденного сознания, развития, обучения, воспитания и социализации личности. М., 2006.
5. Харитонов А.Н. Психоаналитические концепции любви мужчины и женщины // Материалы Всероссийской психоаналитической конференции «Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции». М., 2005. С. 12—19.

Вопросы для повторения

1. В чем смысл понятия «либидо»?
2. Объясните, почему Эрос Платона не равнозначен либидо Фрейда?
3. Может ли человек реализовать свой сексуальный инстинкт галлюцинаторно?
4. В чем суть поведения человека викторианской эпохи?

Темы для рефератов и докладов

1. Платон и Фрейд.
2. Эрос и либидо.
3. Викторианский этос.
4. Фрейд приватный и публичный.
5. Феноменология фрейдовских открытий.

Часть II

Человек как особый род сущего

Тема 6

Уникален ли человек?

*Мы — источник веселья и — скорби родник,
Мы —местилище скверны и — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик,
Он ничтожен — и он же безмерно велик.*

Омар Хайям

Выстрел в детскую психику

Илона Константиновна — красивая женщина. Она высока, хорошо сложена. Черты лица отточены. Даже шрам над верхней губой кажется не чужеродным, а чем-то вроде необходимой детали. Из-за таких женщин, наверное, и стреляются... Четыре года назад Илона стала чувствовать легкие налеты депрессии. Постепенно они становились все более мучительными. Стало возникать чувство некоторой опустошенности. И вдруг знакомая каждодневность начала казаться странной.

Илона чувствовала, что все вокруг обладает каким-то свойством нереальности. «Неужели все это происходит именно со мной?» — часто думала она. И дом, и метро, и соседний парк казались ей неподлинными. Да и сама она ощущала себя спящей красавицей. Все это сон, думала она, наблюдая, как муж играет с дочкой. Сейчас наступит миг, и все изменится. Мир стал восприниматься ею через грезу.

Вскоре свекровь решила показать Илону психиатру. Тот выслушал ее и выставил диагноз: «дереализация» и «деперсонализация». Обозначилось что-то вроде шизофренического синдрома. Молодую женщину положили в больницу и начали лечить. Когда Илона появилась в нашей клинике, на ее теле не было живого места. Оно все было в синеватых подтеках. Кололи ежедневно, методично, пробуя различные новомодные препараты.

Однако Илона продолжала ощущать странное сноподобие. Реальность застилалась дымкой... И грозила истаять совсем. Лечащий врач выслушал Илону и сказал: «Осталось еще одно средство — электрошок». Дескать, ударим по мозгам, и сразу вернется обыден-

ность... У свекрови хватило здравого смысла, чтобы увезти Илону из больницы.

Странное это ощущение — неподлинность того, что происходит. Однако слово «дереализация» здесь рождает чувство некоторого преувеличения. Илона отлично справляется со своими домашними обязанностями. Она вполне адекватна. Но вот эта дымка... И потом насчет деперсонализации. Разве Илона вообразила себя Жанной д'Арк или Марией Терезой?

Нет, как ни крути, но здесь должна быть психологическая подоплека. Ведь мозг Илоны не дает сбоев. Нет никаких нарушений, кроме странной размытости происходящего.

Детство Илоны было безоблачным. Любящий отец, безмерно нежная мама. Моя собеседница без остановок рассказывает о разных эпизодах жизни. В ее глазах появляется живость. Обычная легкая «сумасшедшинка» в глазах истончается...

Вдруг Илона замолкает. Лицо становится каменным.

Не все было безоблачным?

Илона смотрит на меня испуганно.

— Потом началась война... Мы жили в Абхазии. Мне было восемь лет. Втроем стали пробираться через границу. Нас поймали. Я стояла возле родителей и с ужасом смотрела, как солдаты расстреливают пойманных беглецов. К нам подошел пограничник, схватил отца за руку и грубо потащил его к забору. Мама закричала истуканно, отчаянно...

Я стояла и думала, неужели это возможно. Вот сейчас поднимут ружье и мой отец упадет, как тот другой, которого взяли раньше... Нет, это нереально. Это сон, дурное наваждение...

И что потом?

Вы знаете, произошло какое-то чудо. Один из конвоиров подошел к начальнику и стал что-то объяснять. Оказалось, что он знал отца и теперь просил командира о пощаде. Тот слушал без внимания и неожиданно устало махнул рукой: «пусть проваливается...»

Мы спаслись. Но еще долгие годы я спрашивала себя: «Было ли это так... или, может быть, это мне пригрезилось?»

Я слушал Илону и думал: есть ли такой препарат, который может избавить человека от непосильного душевного напряжения?

Специфически человеческое

Что представляет собой «специфически человеческое»? К. Ясперс (1883—1969) в работе «Общая психопатология» подчеркивал, что в соматическом смысле, т.е. с точки зрения анатомии и терапии, человек для врача не отличается от животного. В психопатологии же про-

блема «человеческого», можно сказать, присутствует всегда; ведь любая психическая болезнь вовлекает в процесс своего развития как дух, так и душу человека¹.

Ясперс считал: очень сомнительно, чтобы животные были подвержены душевным заболеваниям. Правда, у животных существуют такие явления, как лошадиный норов, панические реакции, гипноз у животных, не имеющий ничего общего с гипнозом у людей. У животных также могут развиваться «симптоматические психозы», вызванные органическими поражениями мозга. У них случаются чувствительные, двигательные нарушения (например, бег по кругу), а также изменения нрава — беспричинная агрессивность, апатия и т.п. Кошки, похоже, бывают охвачены какими-то видениями: они «вцепляются» в пустоту, после чего медленно отводят лапы назад.

По мнению К. Ясперса, «функциональные» психозы в собственном смысле слова у животных не описаны (наличие истерии у них далеко не доказано). Шизофрения и циркулярное расстройство встречаются у людей всех рас, но у животных их не бывает никогда. «В той мере, в какой человек выявляет свою специфическую человеческую природу, он не может быть сопоставлен с животными»².

Удивительный факт: философы, писатели, ученые безоговорочно считают человека уникальным творением Вселенной. Еще более поразительно, что этот вывод воспринимается как аксиома. Нет, разумеется, многие готовы порассуждать, что, в человеке особенно необыкновенно: природная плоть, разум, душа, творческий дух... Но что человек неповторим и царственен, это понятно всем...

Проблема представляется философам предельно ясной: нет на земле существа, которое могло бы сравниться с адамовым потомком. Так полагают все: от Сократа до технократа. Мы уже устали повторять, что каждый человек самобытен, неповторим. Однако уникальность, незаменимость личности оказывается для нас проблематичной, как только мы сталкиваемся с невротическими реакциями, инакомыслием, нестандартным поведением.

Представители различных направлений мысли — философы, писатели, ученые — сходятся на признании человека уникальным творением Вселенной, принимая это мнение как аксиому, не требующую доказательств. Нет, разумеется, многие готовы поспорить о том, что же, собственно, в человеке необыкновенного: плоть, разум, творческий дух или тяга к социальности. Однако тезис об исключительности и неповторимости человека не подвергается сомнению. «Человек есть принципиальная новизна в природе...», — настаивает Н.А. Бердяев.

¹ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 31.

² Там же. С. 32.

Для сторонников этой шкалы ценностей на Земле нет существа, которое могло бы сравниться с любым потомком Адама. Перелистывая страницы философских антологий, мы встречаемся с неумеренными комплиментами в адрес человека. Он «венец природы», «политическое животное», «мыслящий тростник», «человек сведущий», «человек умелый». Мудрецы словно состязаются в том, чтобы выразить человеческую незаурядность в гиперболизированной (преувеличенной) форме.

К. Ясперс ставит вопрос: в какой мере уникальность человека определяет природу его болезни? Если говорить о болезнях тела, то наше сходство с животными столь велико, что опыты над последними позволяют познать жизненно важные соматические функции человека — пусть даже применение результатов этих опытов представляет значительные трудности. Но понятие душевной болезни человека, считает Ясперс, относится к совершенно иному измерению. Причиной болезни могут быть такие качества человеческого, как неполнота, открытость, свобода и разнообразие возможностей. В противоположность животным человек не наделен врожденной, совершенной способностью к адаптации. Ему приходится самостоятельно искать путь в жизни. Человек не есть готовая форма, он формирует себя сам. В той мере, в какой он все-таки представляет собой готовую форму, он близок к животным¹.

Однако не все в душевной болезни может быть объяснено с привлечением одних только естественно-научных категорий. Человек как создатель духовных ценностей, как существо верующее и нравственное пребывает за пределами того, что доступно эмпирическому исследованию. Изучение особенностей жизни животных убеждает нас в том, что предков человека среди зоологических форм нет. Как животные, так и человек представляют собой ветви единого древа жизни. Контраст между человеком и животными помогает понять действительную основу человеческого бытия.

Перелистывая страницы философских антологий. Какие безупречные комплименты — «венец природы», «социальное животное», «мыслящий тростник», «человек сведущий»... Мудрецы словно состязаются в том, чтобы ухватить и выразить главенствующий штрих человеческой незаурядности. Впрочем, нет. Вот чьи-то строчки, облитые скепсисом. Это мучается Гамлет. Но что он там произносит? Какое чудо человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса Вселенной! Венец всего живущего!»

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 33.

Принц знает, какие низкие и подлые люди ступают по датской земле. Но человек, как ни крути, все-таки чудо...

На каком основании человек объявил себя олицетворением беспредельной природы? Откуда такое философское высокомерие? Это он-то, явивший страшные лики безумия, растерзавший земное лоно, готовый обречь все живое на испепеление... С какой стати о себе так помышляет? Может быть, потому, что имеет дар изреченности в противовес бессловесным тварям?

Не должно ли человеку хотя бы на малую дистанцию отойти от пресловутого центризма, который, как известно, «антропо-»? Вот, слава Богу, отыскались наконец строчки, продиктованные самоиронией. Повесть американского фантаста Роберта Шекли «Обмен разумов». Помните? Человек путешествует по Вселенной в чужих телесных облачениях. И вот на его жизненном пути — женщина:

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от маленьких шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает атласный шарф покроя «принцесса», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов¹.

Оказывается, можно смущаться, глядя на сморщенную шишечку, и сходить с ума от высоких яйцекладов. Но ведь это совсем не про человека. Да, человек не похож на панцирную черепаху, белокрылую чайку или саблезубого тигра. Но разве каждое живое существо, украшающее планету, не отличается оригинальностью, неповторимостью природного проекта? Весь тварный мир отмечен печатью самобытности. Получается почти по Оруэллу: «Самый равный среди равных...» Человек, стало быть, самый уникальный среди уникальных...

Впрочем, в философской антропологии сложилось несколько течений, представители которых вообще отказывают человеку в оригинальности. Все, что в истории философии традиционно осмысливалось как самобытность человека, теперь нередко получает тривиальное натуралистическое объяснение. Нечего, мол, гордиться двумя полушариями, сморщенная шишечка достойна не меньшего восхищения.

Современные социобиологи, например М. Рьюз, М. Мидли, Э. Уилсон, рассуждают: никакого барьера между зверем и челове-

¹ Шекли Р. Рассказы, повести. М., 1968. С. 283.

ком нет. «Как воскликнет изумленный читатель, — а культурные традиции, моральные нормы? Разве волки знают муки совести, а пчелы устанавливают обычаи? И потом человек обладает такими очевидными достоинствами, как речь, рациональность, культура...» Что на это ответят социобиологи?

Оказывается, все живые существа живут по одним и тем же принципам. Даже многие из тех традиций, которые мы чтим как достояние человеческой цивилизации, зачастую имеют непосредственные аналогии в социальном поведении животных. Вас смущает слово «социальное»? Но это именно так. Напомним, волки сбиваются в стаи, пчелы живут роем, олени бытуют в стаде... И все это можно без натяжки назвать, по мнению социобиологов, провозвестием социальной жизни. Даже алыгунизм (бескорыстие) рассматривается не как специфически человеческое, а расхожее природное свойство всего живого...

Животные, разъясняют социобиологи, общаются с помощью жестов. Животные могут иметь чувства, которые нам кажутся сплошной мистерией. На что, например, похожа чайка во время инкубации? Что выражают собой карнавалы шимпанзе? Почему слоны проявляют такой странный интерес к своим мертвым собратьям, порой пытаясь даже захоронить их? Наконец, что заставляет китов выбрасываться на побережье?

Множественность образов

Итак, традиционное представление об уникальности человека — не более чем предрассудок. Фатально зараженный антропоцентризмом, человек сам объявил себя властелином Вселенной, возомнил о своих воистину редких качествах. Между тем он всего лишь нагое животное, как горько признавался король Лир.

В самом общем виде проблема уникальности человека кажется постигаемой. Разумеется, он обладает рядом необычных свойств. Он отражает в своем сознании величественное многообразие окружающего. Он творит мир культуры. В нем самом — удивительное сплетение природных и социальных качеств. Человек безмерно сложен и неисчерпаем.

Но в этой множественности образов человека и заключена трудность расшифровки проблемы. Говоря об уникальности того или иного животного, мы можем указать на особенности его биологической организации. Раскрывая своеобразие человека как неповторимого существа, мы теряемся в перечислениях. Едва ли каждое свой-

ство адамова отпрыска претендует на исключительность. У человека есть разум, совесть, долг, дар общения... Чему отдать предпочтение?

С незапамятных времен неотъемлемыми качествами человека считались свобода, рефлексия, дух.

Человек уникален, — пишет К. Ясперс. — Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру; но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно. С соматической точки зрения человек — один из видов животных; и тем не менее даже его тело уникально — причем не только благодаря способности к прямохождению и некоторым другим свойствам, но и благодаря особой конституции, отличающей человека от всех остальных животных и предоставляющей ему больше возможностей за счет менее развитой специализации¹.

Участь животных всецело обусловлена законами природы. Человек также зависит от законов природы, но вдобавок у него есть предназначение, реализация которого всецело зависит от него самого. В то же время мы никогда не встречаем человека как полностью духовное существо; природные потребности оказывают воздействие даже на самые глубинные пласты его духа. В старину, подчеркивает К. Ясперс, воображение человека породило ангелов — воплощение чистой духовности. Но человек как таковой не есть ни животное, ни ангел; в нем есть свойства как того, так и другого, но он не может быть ни тем ни другим.

Человек уникален. Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру, но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно. С соматической точки зрения человек — это один из видов животных; и тем не менее его тело уникально — причем не только благодаря способности к прямохождению и некоторым другим свойствам, но и благодаря особой конституции, отличающей человека от всех остальных животных и предоставляющей ему больше возможностей за счет менее развитой специализации.

Кроме того, человек отличается от животных способностью использовать тело в экспрессивных целях. Психологически он совершенно оторван от царства животных. Животные в отличие от человека не смеются и не плачут, а сообразительность обезьян — это не разум и не мышление в истинном смысле слова, а всего лишь высокоразвитое внимание, которое у человека служит лишь предварительным условием способности мыслить, но далеко не тождественно мышлению как таковому.

Итак, при определении «специфически человеческого» философы и психологи пользуются двумя понятиями: «человеческая природа» и «сущность человека». Уже в античности стало складываться

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 32.

убеждение, что это разные понятия. Человеческая природа — это совокупность разных человеческих свойств, а сущность человека — определяющее, основное его качество. Чаще всего говорят, что природа человека — биологическая, а сущность социальная.

Если мы говорим о человеческой природе, то должны признать, что человек такое же живое существо, как все другие живые существа, — он ощущает боль, ест, спит, переживает страх, в нем действует инстинкт самосохранения. Но у человека все эти природные отправления формируются обществом, опосредованы обществом. Человек не рвет на куски сырое, еще трепетное тело животного. Он соблюдает принятые в культуре способы поглощения пищи. Он хранит традиции, следует общезначимым правилам. Кроме того, общество может «исправить» биологическую природу: хилому помочь стать сильным, слепому — зрячим и т.п. Например, при задатках какого-то человека стать рослым и сильным он окажется рахитичным и тщедушным, если не будет иметь необходимых условий для своего развития.

Изучая биологическую природу человека, психологи и философские антропологи натолкнулись на множество неожиданных открытий. Скажем прямо: новейший материал о человеке, накопленный мировой психологической мыслью, потрясает. Что ни сообщение, то сенсация или, чуть скромнее, неожиданный взгляд на живое, мыслящее создание, каким является человек. Генетически человек мало отличается от приматов, но в этот скромный зазор «уместились» искусство, культура, цивилизация.

Когда философы и психологи рассуждали о человеке, они не всегда разделяли понятия «человеческая природа» и «сущность человека». По мнению Вольтера, человек вовсе не является загадкой. Он занимает свое строго определенное место в природе, более высокое, чем животное. Так Вольтер полемизировал с Блэзом Паскалем, который сокрушался по поводу хрупкой биологической природы человека — «мыслящий тростник».

Вольтер называл и другие свойства человека: он причастен к добру и злу, удовольствию и страданию; человек наделен страстями, чтобы действовать, и разумом, чтобы управлять своими поступками. А это, как мы знаем, уже социальное. Здесь философ говорит не столько о биологической природе человека, сколько о влиянии на него социальных факторов, которое заметно сказывается и на его природе, его природных признаках.

Да, размышлял далее Вольтер, человек — не идеальное создание. Наверное, если бы он был совершенным, то он был бы Богом...

Зачем нам приходить в ужас от нашего существа? Существование наше вовсе не так злославно, как нас хотят заставить поверить. Смотреть на Вселенную, как на карцер, и считать всех людей преступниками, живущими в ожидании казни, — это идея фанатика; а полагать, что мир — это место для усад, где люди должны получать удовольствия, — это химерическая мечта сибарита. Мудрому человеку, по-моему, свойственно думать, что люди и звери являются именно тем, чем надлежит быть в порядке, созданном провидением¹.

Предметом философии человека должна быть, по Вольтеру, человеческая природа. Важно понять, что за создание человек как биологическое существо. Тогда станут прозрачными, ясными и те процессы, которые происходят в обществе. Иначе говоря, быстрее можно усвоить, что представляет собой сущность человека. Между тем взглядов на то, что такое человек, огромное множество. По признанию Вольтера, «мало кто из людей воображает, будто имеет подлинное понятие относительно того, что представляет собой человек» Вольтер². У каждого — свой образ человека: у короля, молодой парижанки, юного турка, священника...

Так в постижение природы человека вошли мысли и о его сущности, т.е. социальной природе. Внешний мир и социальная среда — основные факторы формирования человека как биологического вида. Французский просветитель П. Гольбах развивал теорию социальной среды и влияния ее на природу человека. Человек таков, каким его делает общество. В этих рассуждениях биологическая природа человека стала как бы исчезать. Получилось, будто именно социальное окружение делает человека самим собой. Люди, мол, обладают пластичной человеческой природой, которую можно изменять, формировать по любому социальному заказу.

Если африканскому ребенку, писал Гольбах, дать европейское образование и воспитание, то он будет отличаться от своих собратьев только цветом кожи... Сейчас любой школьник мог бы возразить Гольбаху. Конечно, ребенок унаследовал бы, например, черные кудрявые волосы, характерный нос и губы, черные, как смоль, глаза... Но разве только это. Ведь есть особенности этноса, которые передаются генетически. При европейском воспитании ребенок мог бы обнаружить нечто такое, что не свойственно этой социальной среде, — повышенную эмоциональность, страстность натуры, ритмическую подвижность.

¹ *Человек*. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991. С. 304.

² *Метафизический трактат // Мир философии. Книга для чтения*. М., 1991. Ч. 2. С. 20.

Разумеется, социальная среда, общество оказывают огромное воздействие на человека. Они могут помочь человеку, например, поменять цвет кожи, как это произошло с Майклом Джексонем. Общество способно привить индивиду определенные правила поведения, образ мыслей. Но далеко не все в человеке программируется обществом. Просветители, в частности Гольбах, были склонны вообще забыть о том, что дает человеку природа и что проявляется в нем как нечто уникальное, не стираемое никакой социальностью.

Человек не является простым отражением социального окружения. Если бы это было так, то все люди одной культуры мало чем отличались бы друг от друга. Социальная среда лепила бы одинаковых индивидов. Но в том-то и дело, что каждый человек индивидуален. Его своеобразие проявляется в психологии, в мышлении, в при-сущем ему внутреннем мире. Общество во многом формирует человека, но он при этом не оказывается сырым и податливым материалом, вроде глины или пластилина. Напротив, можно предположить, как человек во всем богатстве присущих ему качеств и сам оказывает воздействие на характер общества, в котором он живет. Вот почему при определении человека важно обращать внимание как на его биологическую природу, так и на его социальную сущность.

Теория инстинктов Фрейда

Последней важной разработкой Фрейда была его теория инстинктов жизни и смерти. В 1929 г. в труде «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд приступил к основательной ревизии всей своей теории инстинктов. Он отнес свойства инстинктов к «навязчивым повторениям» и здесь же впервые постулировал новую дихотомию «Эрос — инстинкт смерти», сущность которой подробно изложил в работе «Я и Оно» (1923) и последующих сочинениях. Эта новая дихотомия между жизненными инстинктами (Эросом) и инстинктом (инстинктами) смерти заняла место первоначальной дихотомии между Это и сексуальными инстинктами. Хотя Фрейд и попытался теперь идентифицировать Эрос с либидо, новое противопоставление задело абсолютно иную концепцию перехода от прежней дихотомии.

Создавая «По ту сторону принципа удовольствия», Фрейд был достаточно далек от мысли о том, то его новая гипотеза достаточно обоснованна. «Меня могут спросить, — писал он, — насколько я сам убежден, что гипотеза, сформулированная на этих страницах, верна. Ответ будет такой: я в этом не убежден и не стремлюсь уговаривать людей, чтобы они мне поверили». Представив себе, что Фрейд попы-

тался сконструировать новое здание теории, угрожающей основам многих его предыдущих концепций, теории, которая потребовала огромных интеллектуальных усилий, Фромм особенно поражен искренности, которая буквально освещает всю эту работу. Он потратил еще восемнадцать лет на разработку теории и со временем добился ощущения убежденности, которого не хватало прежде.

Не то, чтобы он добавил совершенно новые аспекты к своим положениям — скорее, это был умственный «сквозная проработка», которая давала ему уверенность в себе и, наверное, принесла еще большие разочарования из-за того, что немногие последователи по-настоящему поняли и разделили его взгляды. Впервые новая теория была полностью изложена в «Я и Оно». Особую важность имеет следующее предположение:

Каждому из этих двух первичных позывов был бы приписан особый физиологический процесс (рост или распад), и в каждой живой субстанции действовали бы оба первичных позыва, но все же в неравных долях, чтобы одна субстанция могла быть главным представителем Эроса.

Было бы совершенно невозможно представить себе, каким образом оба первичных позыва соединяются, смешиваются, сплавляются друг с другом; но что это происходит регулярно и в значительных масштабах — является для нас неопровержимой предпосылкой. В результате соединения одноклеточных организмов в многоклеточные удалось бы нейтрализовать инстинкт смерти отдельной клетки и при помощи особого органа отвести разрушительные склонности на внешний мир. Этим органом была бы маскулатура, и инстинкт смерти — все-таки, вероятно, только частично — выразился бы в виде разрушительного первичного позыва, направленного на внешний мир и другие живые существа¹.

В этих формулировках Фрейд раскрыл новое направление своих мыслей более явно, чем в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Взамен механико-физиологического подхода старой теории, построенного на модели химически обусловленного напряжения и необходимости снизить это напряжение до нормального порога (принцип удовольствия), в новой теории представлен подход биологический, при котором предполагается, что любая живая клетка снабжена двумя базисными видами живой сущности — Эросом и стремлением к смерти. Тем не менее принцип снижения напряженности сохранен, притом в более радикальном виде: снижение возбуждения до нуля (принцип Нирваны).

¹ Цит. по: Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Т. I. С. 375.

Годом позже (в 1924 г.) в «Экономической проблеме мазохизма» Фрейд пошел еще дальше в расшифровке соотношения двух инстинктов. Он писал:

Либи́до делает инстинкт разрушения безвредным, направляя инстинкт в большей мере наружу (обычно с помощью особых органических систем — мускулатуры), на объекты внешнего мира. Тогда инстинкт, называемый деструктивным инстинктом, есть инстинкт господства или воля к власти.

По этому поводу Фромм замечает:

Фрейд сочетает здесь три очень непростые направления. Инстинкт разрушения в своей основе отличен от воли к власти: в первом случае я желаю разрушить объект; во-втором — желаю его сохранить и контролировать, причем оба полностью отличны от стремления к мастерству, цель которого — творить и производить, что фактически есть точнейшая противоположность воли к разрушению.

Часть инстинкта находится на прямой службе у сексуальной деятельности, в которой он играет важную роль. Это садизм как таковой. Другая часть не имеет отношения к переносу наружу; она остается внутри организма, и либи́до ее связывает с помощью описанного выше соответствующего сексуального возбуждения. Именно эту часть мы должны признать первоначальным эрогенным мазохизмом¹.

В «Новых вводных лекциях» (1933) (в русском издании — «Продолжение лекций по введению в психоанализ») ранние формулировки усилены: Фрейд говорит об «эротическом инстинкте, который стремится сочетать все больше и больше живых субстанций в еще большие совокупности, и об инстинкте смерти, который противостоит этим устремлениям и ведет все жизненное назад, к состоянию неведения».

В этих же лекциях Фрейд писал об исходном инстинкте разрушения:

...Кажется, что мы можем его воспринять лишь при этих двух условиях — если оно соединяется с эротическими влечениями в мазохизме или оно как агрессия направлено против внешнего мира — с большим или меньшим эротическим добавлением. Напрашивается мысль о значимости невозможности найти удовлетворение агрессии во внешнем мире, так как она наталкивается на реальные препятствия. Тогда она, возможно, отступит назад, увеличив силу господствующего внутри саморазрушения. Мы еще

¹ Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000. С. 441.

увидим, что это происходит действительно так и насколько важен этот вопрос. Не нашедшая выхода агрессия может означать тяжелое повреждение; все выглядит так, как будто нужно разрушить другое и других, чтобы не разрушить самого себя, чтобы оградить себя от стремления к саморазрушению. Поистине печальное открытие для моралиста!

В двух последних статьях (одна была написана за год, другая — за два года до его смерти) Фрейд не внес никаких важных изменений в концепцию, как делал в предшествующие годы. В статье «Анализ конечный и бесконечный» он еще энергичнее подчеркнул власть инстинкта смерти. Джеймс Стрэчи в редакторских примечаниях к этой работе писал: «Однако самый сильнодействующий и, сверх того, не поддающийся никакому возможному контролю фактор... — инстинкт смерти». В работе «Очерки психоанализа» (написанной в 1938 г. и опубликованной в 1940 г.) Фрейд вновь подтвердил и систематизировал свои ранние предположения, не внося туда по сути дела никаких дополнений.

Представленное выше Фроммом короткое изложение новой теории Фрейда об Эросе и инстинкте смерти не может дать полного представления о том, как радикально новая теория отличается от прежней, или о том, как Фрейд не замечал всей радикальности этих изменений и потому упорствовал во многих теоретических несообразностях и сущностных противоречиях.

После Первой мировой войны у Фрейда появились два новых воззрения. Первое: могущество и интенсивность агрессивно-деструктивных устремлений человека не зависят от сексуальности. Однако такое понимание выражалось в явной форме лишь sporadически; оно никак не изменило главную гипотезу о фундаментальной противоположности сексуальных и Эго-инстинктов — даже впоследствии, когда теория была дополнена концепцией нарциссизма. Уверенность в деструктивных устремлениях человека проявилась в теории инстинкта смерти с полной силой, деструктивность стала полюсом бытия; в сражении со вторым полюсом, Эросом, она формирует самую сущность жизни. Деструктивность стала важнейшим явлением жизни.

Второе воззрение Фрейда, отличающее новую теорию, не имеет предшественников в старой; мало того, оно полностью ей противоречит. По этому воззрению Эрос, присутствующий в каждой клетке живой субстанции, имеет своей целью унификацию и интеграцию всех клеток, а затем и служение цивилизации, объеди-

¹ Цит. по: Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 365.

нение малых групп в единое человечество. Фрейд открывает внесексуальную любовь. Он называет инстинкт жизни также и «инстинктом любви»; любовь идентифицируется с жизнью и возрастанием; она — в сражении с инстинктом смерти — определяет человеческое бытие.

В прежней теории Фрейда человек выглядел изолированной системой, ведомой двумя побуждениями: стремлением выжить (Эго-инстинкт) и стремлением получить удовольствие, сняв напряжения, порожденные химическими процессами в организме и локализованные в эрогенных зонах, одной из которых являются гениталии. Человек представляется прежде всего изолированным; в отношении с представителями противоположного пола он вступает, чтобы удовлетворить свое стремление к удовольствию. Взаимоотношения между полами представляются чем-то вроде людских контактов на рыночной площади. Каждый заинтересован только в удовлетворении собственных нужд и исключительно ради этого вступает в отношения с теми, кто предлагает желаемое и желает того, что он может предложить сам.

В теории Эроса все это выглядит совершенно по-иному. Человек теперь не рассматривается как нечто изначально изолированное и эгоистическое, как человек-машина; он прежде всего связан с другими людьми, к единению с которыми его побуждают жизненные инстинкты. Жизнь, любовь и возрастание едины и неделимы, они коренятся глубже и более фундаментальны, чем сексуальность и «удовольствие».

Перемена в воззрениях Фрейда ясно видна в его новой оценке библейской заповеди «Возлюби ближнего своего, как самого себя». В письме к А. Эйнштейну «Почему война?» он пишет:

Все, что устанавливает эмоциональные связи между людьми, должно противостоять войне. Такие связи могут быть двоякого рода. Прежде всего это отношения, подобные отношению к объекту любви — даже при отсутствии сексуальной цели. Психоанализ не нуждается в том, чтобы стыдиться, говоря о любви, — ведь религия говорит то же самое: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Только это легко предписать, но трудно исполнить. Другого рода эмоциональная связь возникает через идентификацию. Все, что представляет собой для людей общезначимый интерес, возбуждает подобную общность чувств, идентификацию. На этом в значительной мере покоится здание человеческого общества.

Эти строки были написаны тем же самым человеком, который тремя годами раньше завершил комментарий к той же библейской заповеди вопросом: «Какой смысл в наставлении, провозглашаемом

с такой торжественностью, если его нельзя рекомендовать к употреблению как разумное?»

Произошло коренное изменение взглядов. Фрейд, противник религии, называвший ее иллюзией, которая не дает человеку достигнуть зрелости и независимости, теперь в подтверждение своих психологических допущений цитирует едва ли не самую важную заповедь из имеющихся во всех гуманистических религиях. Он подчеркивает, что «не нужно психоанализа, чтобы устыдиться разговоров о любви по этому поводу». На деле Фрейд нуждался в таком утверждении, чтобы преодолеть неловкость, которую он должен был ощущать, делая столь решительный поворот во взглядах на братскую любовь.

Понимал ли Фрейд, насколько решительной была перемена в его подходе? Сознал ли он глубокое и непримиримое противоречие между старой и новой теориями? Совершенно очевидно, что нет. В «Я и Оно» он идентифицировал Эрос (инстинкт жизни или инстинкт любви) с сексуальными инстинктами (плюс инстинкт самосохранения):

Я думаю, что следует различать два вида первичных позывов, из которых один — сексуальные инстинкты, или Эрос, — гораздо более заметен и более доступен для изучения. Этот вид охватывает не только непосредственный безудержный сексуальный первичный позыв и исходящие от него целепрегражденные и сублимированные движения первичного позыва, но и инстинкт самосохранения, который мы должны приписать «Я». В начале аналитической работы мы по веским причинам противопоставляли этот инстинкт сексуальным позывам, направленным на объект¹.

Несомненно, из-за того что это противоречие не осознавалось, он пытался согласовать новую теорию со старой и свести их в единое целое без резких переходов. Такие попытки привели ко многим сущностным противоречиям и несообразностям в новой теории. Фрейд снова и снова пробовал с ними справиться, слезить или истолковать по-другому, но успеха добиться не удавалось.

Фрейд, как считал Фромм, построил прежнюю теорию по научной модели, которую легко распознать: механистическая и материалистическая модель, в свое время она была идеально научной с точки зрения его учителя фон Брюкке и широкого круга механистических материалистов, включая Гельмгольца и Бюхнера. Они полагали человека механизмом, управляемым химическими процессами; ощущения, аффекты и эмоции — следствия-

¹ Цит. по: Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. Т. I. С. 374, 375.

ми специфических и распознаваемых физиологических процессов. Большая часть открытий в эндокринологии и нейрофизиологии за последние десятилетия была неизвестна этим людям, однако они отважно и изобретательно отстаивали корректность своих воззрений.

Те потребности и интересы, для которых нельзя отыскать телесных первопричин, игнорировались, а процессы, которыми они не пренебрегали, трактовались в границах механистического мышления. Физиологическая модель фон Брюкке и модель человека Фрейда сегодня могут быть воспроизведены хорошо запрограммированным компьютером. У этой «личности» разовьется некоторый объем напряжений, за некоторым порогом им полагается снизить давление и ослабнуть, причем эта процедура будет контролироваться другой частью программы, Эго, которое наблюдает за реальным миром и затормозит процесс расслабления, когда он вступит в противоречие с нуждами выживания. Фрейдистский робот был похож на фантастического робота Айзека Азимова, но программа у него была бы иная. Его первым законом взамен правила «не навреди человеку» стало бы правило «не навреди себе» или «не разрушь себя».

Иноприродность человека

О каждом живом существе на нашей планете в принципе можно сказать: оно сложилось окончательно. Животное действует так, как записано в его инстинктуальной программе: пауки безошибочно плетут паутину — орудия лова; птицы совершают дальние перелеты без навигационных приборов; пчелы строят соты, не подозревая о необходимости предварительного архитектурного проекта...

Жесткая генетическая запрограммированность приводит к тому, что на многие поступки, которые легко совершает человек, животные просто не способны. Они не совершают преступлений, убийств, которые предваряются расчетом, выгодой, не способны на подлость. Хочется возразить: а львица, которая ждет в засаде антилопу? Разве это не низость? Нет, львица — хищник, которая добывает себе пропитание. Это вовсе не то, что убийство за деньги. Газеты сообщали, что один из представителей прайда слегка «свихнулся», не стал терзать антилопу, а, напротив, не позволил убить ее другим львам. За это его и выгнали из прайда...

У животного все отправления организма, психологические реакции на окружающий мир нормальны и естественны. Он ищет пищу или бежит от опасности. Человек слабо укоренен в природе,

и эта его слабая укорененность может быть прослежена на примере инстинкта потребления пищи. Животное знает меру. Лошадь отличает травы съедобные от несъедобных — подсказывает инстинкт. Голодная кошка сначала осторожно попробует молоко, а лишь потом начнет лакать его, если оно нормальное. Медведь не станет есть про запас. У человека все эти пищевые отправления нарушены. Инстинкт слеп и глух.

Итак, потребности человека не заданы всецело инстинктом. Он свободен в выборе пищи. И подчас платит за это гибелью. В целом разрушение естественности человека, судя по всему, связано с разрастанием искусственных потребностей. Следовательно, культура человека не имеет четких внутренних ориентиров. Человек может двинуться к природным истокам, а может и еще дальше уйти от нее, искажая собственные потребности, разрушая естественные связи и истоки.

Животное, почуяв опасность, убегает. Иногда ничто реальное ему не грозит, однако оно поднимается с места: мало ли почему треснула ветка! Человек тоже стремится предугадать угрозу. Но в отличие от других созданий он может испытывать страх и абсолютно беспричинно. Более того, он способен культивировать его в себе. Очевидно, страх у него вырастает из некоей страсти. Она — нечто, к чему неодолимо тянется душа, без чего бытие неполно. Иначе говоря, вместо того чтобы избегать страха, человек сознательно влеком к нему. Вот пушкинские строчки из «Пира во время чумы»: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» Но правомерно ли назвать страх глубинным, трудно утолимым побуждением индивида? Неужели, преодолевая его, человек сам бессознательно устремляется к нему? Какие тайны человеческого естества открываются при этом? Ф. Ницше отмечал: упорядоченное общество пытается усыпить страсть. Напротив, самые сильные и злые умы стараются воспламенить эти могучие импульсы. Без них, по мнению немецкого философа, человечество не может развиваться. И едва ли не во всех цивилизациях обнаруживается специфическая философия страха. Причем люди не пытаются отогнать это переживание: они хотят изведать его в полной мере. Сколько создано страшилок, пугалок и всяких ужасов.

Люди по-прежнему со всей страстью предаются страху. Но что эта за причуда? Какая неприродная потребность рождает столь всепроникающее влечение? Человек способен культивировать в себе страх, переживать такое состояние, когда реальной причины для этого нет. Страх как бессмятство, наконец, как обыкновенное состояние души — это, строго говоря, что-то не-

природное... как любое живое существо, человек готов обороняться. Это норма для природы. Но человеке обнаруживается повышенная агрессивность, которая выходит за рамки самозащиты. В человеке много разрушительных импульсов. Он терзает природу, демонстрирует разрушительные идеи и тягу к тотальному уничтожению. Многие европейские психологи писали о колоссальном уровне разрушительных тенденций, обнаруживаемых повсюду в истории, хотя чаще всего они не осознаются таковыми. Человек — едва ли единственное на свете создание, которое уничтожает себе подобных. Олень, вступивший в схватку с соперником, отступает, признавая право сильнейшего. Два оленя сшибаются рогами. Но если один повернется боком к другому, тот никогда не ударит его, а дожидается, когда соперник станет к нему лоб в лоб. Волк, признавая свое поражение, подставляет победителю жизненно важную артерию: губы, мол, твоя взяла. Однако природный инстинкт подсказывает разгоряченному триумфатору: остановись, не посягай на жизнь. И только люди способны стрелять в тех, кто поднял белый флаг или руки, опустил ся на колени, стрелять в спину, бить лежащего.

В древней архаической истории известны иллюстрации так называемых ритуальных войн. Враждующие племена вставляли друг против друга, выкрикивали воинственные лозунги, потрясали оружием. Однако кровопролития не было. Но постепенно этот обычай исчез. В истории одни народы неоднократно пытались уничтожить другие народы, а некоторые — даже целые страны. Они демонстрировали национальный, религиозный фанатизм. Обнаруживали парадоксальную жестокость. Философы полагали, что этот синдром жестокости можно изжить, если цивилизация будет развиваться. Однако история постоянно развевала эти иллюзии.

Фрейд еще верил в живительную силу истории: возможно, она создаст более человеческие условия жизни. Потесните и жестокость. Ученый еще не расценивал разрушительное как тайну, которая прикует внимание исследователей в XX в. Фрейд склонялся к мысли, что деструктивное (разрушительное) в человеке — это результат плохо, неудачно прожитой им жизни. Иначе говоря, те тенденции, которые могли бы осуществиться в реальности, оставшись без воплощения, рожают огромную энергию уничтожения. Человечество в принципе может спастись от гибели. Но, возможно, пройдет тысяча лет, прежде чем сам человек перерастет свою дочеловеческую историю.

Итак, необходимо преодолеть животность человека, заложенные в нем разрушительные природные инстинкты. Однако последова-

тель Фрейда Э. Фромм сделал поразительное открытие. Оказывается, человеку вовсе нет нужды преодолевать дочеловеческую историю. По самой своей природе он ни в коей мере не является разрушителем. Присущая ему жестокость — это благоприобретенное качество. Именно история совратила человека, породив в нем погибельные страсти. Комплекс разрушительности не выражает суть человеческой природы.

Кому-то такая точка зрения покажется мрачной. Ясно, что говорить о человеке только как о разрушителе нелепо. Если бы это было именно так, люди давно истребили бы друг друга. Но ведь история полна не только войн, но и огромного созидания. На земле появляются величественные сооружения. Преображается ее облик. Люди мечтают не только о том, как улучшить жизнь человечества, и во многом им это удается. Они способны подниматься на такие высоты человеческого духа, которые позволяют рассуждать о величии человека. Философы постоянно думают о том, как направить историю к воплощенным идеалам гуманизма. Но все-таки важно не забывать и о грозных проявлениях человеческой природы...

Когда ученые сравнивают психику человека и животного, они приходят к выводу: человек в некотором роде аномальное существо. С первого взгляда видно — в нем нарушен какой-то баланс. Трудно представить себе природную особь, которая испытывала бы блаженство от того, что ее терзают, мучают. Конечно, можно полагать, что в природном мире есть нечто близкое «человеческому» поведению. Как тут не вспомнить бессмертного Н.А. Некрасова:

Люди холопского званья —
Сущие псы иногда:
Чем ни сильней наказания,
Тем им милей господя.

Однако такого рода чувства обычны для некоторых людей. Мало ли было в истории раболепия, сознательной уверенности. Философские антропологи с тревогой говорят о роковой черте, к которой, возможно, подошел бы человек как биологическое существо. Дальше его может постигнуть печальный жребий. Природа беспощадна. Она выбрасывает в небытие неудачные проекты. Не исключено, что и человек, это, по определению Э. Фромма, едва ли не самое эксцентричное творение универсума, обречен на гибель... Но ведь у человека есть все возможности избежать этой участи. Природа «отписала» ему срок на более чем столетнюю жизнь, но он может умереть еще в молодости, может пройти часть отмеренного ему пути, а может и одолеть путь целиком.

Литература

1. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб., 2000.
2. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998.
3. Гуревич П.С. Философская антропология. М., 2001.
4. Спектр антропологического знания / Под ред. П.С. Гуревича. М., 2007.
5. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. Как вы понимаете «специфически человеческое»?
2. Почему инстинкты человека иноприродны?
3. Действительно ли история очеловечивает человека?
4. Чем обусловлена разрушительность человека?
5. Может ли социальная среда полностью сформировать человека?

Темы для рефератов и докладов

1. Уникальность человека.
2. Иноприродность человека.
3. Инстинктуальная природа человека.
4. Социальная среда как фактор формирования человека.
5. Сравнение человека и животного.

Феноменология человеческой жестокости

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок вставляю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, возлая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.*

А. Пушкина. Скупой рыцарь.

«Жизнь кричит, защищаясь от зла...»

Мальчонка в сползающей на глаза каске, с желтой звездой на груди, подняв руки, выходит из какой-то дыры в варшавском гетто. Объятая пламенем вьетнамская девушка бежит от пожирающего ее напалма. Далекие, но слишком похожие на людей точки выбрасываются из окон манхэттенских башен. Небоскребы, обрушенные самолетами. Дети, бегущие к крану с водой, но настигнутые пулями террористов. Взорванные дома. Своенравная солдафонка тащит на поводке арабского самца, который ползет за ней на четвереньках. Позирует перед объективом, победно подняв большой палец и улыбаясь на фоне коридоров «Абу Граиб». Ее злое слово добродушие попадает на первые страницы всех ежедневных изданий. Заставляет весь мир содрогнуться.

После 11 сентября 2001 г. люди узнали, на что способен почти каждый. Вооружившись простым тесаком, ты можешь сбить самолет с курса и обрушить его на Пентагон. Ты способен взорвать себя вместе с объектом, учинить пожарище, нанести удар атомной станции. Сила аннигиляции в масштабах ядерного взрыва стала достоянием каждого встречного. Образ человека отныне неотделим от газовой камеры, от вселенской катастрофы.

Появился новый персонаж — человек-бомба. Он упивается ненавистью, как вином. Эта потрясающая разрушительная энергия вырывает «кандидата в герои» из норм повседневной жизни, чтобы включить динамику уничтожения окружающих вплоть до принесения в жертву самого себя. Он якобы сочетает в себе идейный фанатизм и нищету духа, ибо только придурок, пинзик, параноик, обдолбанный отморожок может взорвать мир и себя самого.

«Анатомия человеческой разрушительности» — пожалуй, самая лучшая работа Эриха Фромма. В ней обобщены многочисленные попытки исследователя дать целостное представление о реформированном психоанализе, о специфике философско-антропологической рефлексии. Книга имеет энциклопедический характер: автор раскрывает широчайшую панораму биологических, психологических, антропологических учений. В ней изложены открытия, которые, как мне кажется, еще не получили должного признания в европейской науке. Разрушительное в человеке философски переосмыслено Фроммом как проблема зла в индивиде, в социуме, в истории, в жизни человеческого рода.

Фромм в этом отношении следует за З. Фрейдом. Никто до Фрейда не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной степени определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике — само существование которого отрицалось рационалистами, — но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Фрейд в числе первых, уже в 1914 г., вскрывает поразительное «крушение иллюзий», отрицание всех ограничений, которым подчиняются в мирное время. «Слепое бешенство», гнездящееся в подсознании наших цивилизаций, показал он, опрокидывает все, что встает на его пути, будто после него нет ни будущего, ни мира.

В те годы изобретатель психоанализа принимается вычислять загадочное «стремление к смерти». Оно вырисовывается потихоньку, по ту сторону принципа наслаждения, свиваясь и клубясь под шумным воркованием и лукавыми проделками Эроса. Однако после 1918 г. и особенно после 1945 г., образ человека стал невообразимым, а идея человечности обрела двусмысленность. В мрачной тени планетарных курганов из мертвых тел возникают предварительные вопросы: что бесчеловечно в человеке? Что заставляет отчаиваться? Именно на эти вопросы нужно ответить в первую очередь.

«Крушение иллюзий» Фрейда можно рассматривать как разочарование, как внезапное прозрение. Ужасные испытания вырывают людей из обманчивых убежищ, выхватывают из конфетно-розовых снов. Обнаруживается трагически-жестокий урок реальности. И все же Фрейду не удалось осознать полную меру падения человека. Фромм отмечает, что он был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные его

границы. «Эти границы не позволили ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни»¹.

Но те же самые трудности встали и перед Фроммом. Он был склонен связывать феномен разрушительности с садомазохистскими стремлениями человека. С одной стороны, он стремился отличать их от разрушительности, с другой — подчеркивал их взаимосвязанность. Разрушительность, по мнению Фромма, отличается уже тем, что ее целью является не активный или пассивный симбиоз, а уничтожение, устранение объекта. Однако корни у этих феноменов общие — бессилие и изоляция человека. Если я не могу избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, попробую воспроизвести логику вандала, то я могу уничтожить его. Разумеется, если мне удастся это осуществить, то я окажусь в полном одиночестве, если вообще уцелею. Но это будет блестящее одиночество. Это такая изоляция, в которой мне не будут угрожать никакие внешние силы. Разрушить мир — это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру уничтожить меня. Цель садизма — поглощение объекта, цель разрушительности — его устранение. Садизм стремится усилить одинокого индивида за счет его господства над другими, разрушительность — за счет ликвидации любой внешней угрозы.

Вот еще парадокс, на который обращает внимание Э. Фромм. Разрушительность почти всегда облекается в рационалистические одежды. Иначе говоря, она не просто существует, но еще и обосновывается, обретая собственные резоны и аргументы. Пожалуй, нет ничего на свете, что не использовалось бы как рационализация разрушительности, — восклицает Фромм. Любовь, долг, совесть, патриотизм — их использовали и используют для маскировки разрушения самого себя и других людей.

Но Фромм проводит различие между двумя видами разрушительных тенденций. В конкретной ситуации эти тенденции могут возникнуть как реакции на нападение, угрожающее жизни или идеям, с которыми он себя отождествляет. Разрушительность такого рода — это естественная и необходимая составляющая утверждения жизни. Но есть иная разрушительность. Она является постоянно присутствующей внутренней тенденцией и ждет лишь повода для своего проявления. Разрушительные — это проявления внутренней страсти, которая всегда находит какой-нибудь объект. Если по каким-либо причинам этим объектом не могут стать другие люди, то разрушительные тенденции индивида легко направляются на него самого.

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004. С. 30.

Итак, в течение многих столетий складывалось впечатление, что человек — разумное существо. Разумеется, философы знали о существовании зла, но полагали, что человек в основном живет в пространстве добра. Даже такой философ, как Т. Гоббс, который рассматривал жажду власти и враждебность людей друг к другу как движущие силы истории, не настаивал на полной «испорченности» человека. Он объяснял иррациональность человеческого поведения диктатом личных интересов. Поскольку люди одинаково стремятся к счастью, считал он, а общественного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить в равной степени всех, то неизбежна борьба. Люди стремятся к власти, чтобы обеспечить себе и на будущее то, что они имеют сегодня.

Однако добро и зло не рождаются безотносительно к человеку. Едва возникает вопрос, в чем истоки зла, мысль неотвратимо обращается к философскому постижению человека: добр ли, зол ли он по самой своей природе.

Фромм рассматривает феномен разрушительности через образ Танатоса у Фрейда. Австрийский психиатр понял, что деструктивные тенденции столь же важны, как и сексуальные влечения, пришел к выводу, что в человеке проявляются два основных стремления: стремление к жизни, более или менее идентичное сексуальному «либидо», и инстинкт смерти, имеющей целью уничтожение жизни. Фрейд предполагал, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, может быть направлен против самого человека либо против его объектов. Кроме того, он предположил, что инстинкт смерти биологически заложен во всех живых организмах и поэтому является необходимой и неустранимой составляющей жизни вообще. Жизнь вопиет, защищаясь от смерти:

Не могу я писать о Беслане...
«Это было не с нами, не с нами!» —
жизнь кричит,
защищаясь от зла.
Здравый ум замечает:
Не с нами,
Это было не с нами, не с нами —
«Наша очередь не подошла!»

Римма Казакова

Человек — волк или овца?

В древнейшей философии мы находим полярные точки зрения на эту проблему. Китайский философ Мэн-цзы полагал, что человек изначально добр. Заставлять человека творить зло — значит прину-

ждать человека совершать нечто противоестественное. «Человечность — это сердце человека»¹. Но вот и противоположная точка зрения Сюнь-цзы: «Человек имеет злую природу»².

Зло в истории философии рассматривается как некая универсалия культуры. «Оно охватывает негативные состояния человека: старение, болезнь, смерть, нищету, униженность, — и силы, вызывающие эти состояния: природные стихии, общественные условия, деятельность людей. Понятие морального зла определяет то, чему противодействует мораль, что она стремится устранить и исправить: чувства, взгляды, намерения, поступки, качества, характеры»³.

Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия. Этот жизненный вопрос может исследоваться лишь в целой этической системе.

Зло имеет собственные истоки. Русский философ С.Л. Франк писал:

если бы человек был безгрешен, если бы вся жизнь человека была религиозно освящена, составляла бы гармоническое богочеловеческое единство, Бог сам действовал бы в человеке. Но фактически человек есть греховное существо. Наряду с автономной волей, выражающей его связь с Богом, он обладает еще самочинной волей, которая сама есть условие греха и которая влечет его к греховным действиям, разрушая или по крайней мере повреждая нормальную, гармоничную основу его бытия. Автономная воля — стремление к добру и правде — практически неотделима в душевной жизни от воли самочинно-греховной. Конкретно к ней всегда примешивается элемент произвольности, корысти, гордыни и пристрастия. Праведное моральное негодование неразлично слито со злобой⁴.

Праведное моральное негодование неразлично слито со злобой, ненавистью и мстостью и легко в них вырождается. Активное сопротивление злу незаметно переливается в греховное властолюбие, в губительный деспотизм. Исторический опыт всех духовно-общественных движений, направленных на благоую цель, нередко показывает, что они вырождаются, увлеченные греховными силами властолюбия и корысти, переходят в состояние, когда лозунги добра и святости становятся лишь лицемерным прикрытием гре-

¹ *Человек*. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., С. 26.

² Там же. С. 27.

³ *Скрытник А.П.* Зло // *Этика*. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 154.

⁴ *Франк С.Л.* Реальность и человек. М., 1997. С. 389.

ховных человеческих вожелений, и жизнь не только совершенствуется, а, напротив, начинает еще больше страдать от господства зла. Всякая власть развращает, невольно склоняет человека к самовозвеличиванию.

Зло, как правило, настаивает на том, что добро и зло неразличимы. Некоторые этические системы несовместимы с признанием разницы между добром и злом, между красотой и безобразием. Но, становясь на такие позиции, лучше вообще не рассуждать о нравственных и эстетических предметах. Всякое зло может быть сведено к нарушению взаимной солидарности и равновесию частей и целого. К тому же в сущности сводится всякая ложь и всякое безобразие. Когда нечто частное, скажем эгоизм, утверждает себя в качестве некоей абсолютности, это можно рассматривать как зло.

Христианство, как оно представлялось первым своим проповедникам, вовсе не стремилось к какому бы то ни было общественному перевороту: вся задача его состояла в религиозно-нравственном возрождении отдельных людей ввиду наступающей кончины мира. Признавая государство только как сдерживающую, репрессивную силу, христиане отнимали у него всякое положительное, духовное содержание. Для первоначальных христиан Вселенная разделялась на два царства — царство Божие, состоявшее из них самих, и царство злого начала, состоявшее из упорных язычников. Такое воззрение развивалось, например, Августином Блаженным в его книге «О граде Божием».

Христиане считали, что надлежит не искушаться видимым господством зла и не отрекаться ради него от невидимого добра — это подвиг веры. Зло кажется повсеместным, неуничтожимым. Действительно, для служения добру человеческая природа кажется вполне готовой и пригодной. В достижении общественного идеала все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение. Такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не предъявляет своим служителям никаких нравственных условий, но ему нужны не духовные силы, а физическое насилие. Такой идеал требует от человечества не внутреннего обращения, а внешнего переворота.

Русские религиозные философы считали человеческую природу злой в своем исключительном эгоизме и безумной в своем стремлении осуществить этот эгоизм. Человек, который, к примеру, основывает свое право действовать и переделывать мир по-своему, по своему существу убийца. Он неизбежно будет насиловать, и сам неизбежно погибнет от насилия.

Зло бывает или безусловное (как, например, смертный грех, вечная гибель), или же относительное, т.е. такое, которое может быть меньше другого зла и сравнительно с ним должно считаться добром (например, хирургическая операция для спасения жизни). В.С. Соловьев иллюстрирует эту мысль таким примером. Всякий согласится, что выбрасывать детей из окошка на мостовую есть само по себе дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное. Однако если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это ужасное дело становится не только позволительным, но и обязательным. «Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасания погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остается и здесь единственным побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а только прямое ее приложение способом хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который в силу реальной необходимости оказывается единственно возможным при данных условиях»¹.

Представители философской антропологии полагают, что личность не является ни доброй, ни злой. Человеческая природа такова, что человек одинаково способен и на добро и на зло. В рамках этого направления философской мысли этически ценным (добрым) признается поступок такого человека, который предпочитает злу добро в любой конкретной ситуации, но непременно по свободному выбору.

Многие столетия длится это теоретическое противостояние, и в нем отражена двойственность, открытость человеческой природы. Противостояние это динамично: то одна, то другая точка зрения становится господствующей, отодвигая противоположную, так сказать, в тень.

Эрих Фромм в своей работе «Душа человека» ставит вопрос: «человек — волк или овца?» Одни полагают, что люди — это овцы, другие считают их хищными волками. Обе стороны могут привести аргументы в пользу своей точки зрения. Тот, кто считает людей овцами, может указать хотя бы на то, что они с легкостью выполняют приказы людей, даже в ущерб себе. Он может также добавить, что люди снова и снова следуют за своими вождями на войну, которая не дает им ничего, кроме разрушения, что они верят любой несурзнице, если она излагается с надлежащей настойчивостью и подкрепляется авторитетом властителей — от прямых угроз священников и королей до вкрадчивых голосов более или менее тайных обольстителей.

¹ Соловьев В.С. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1998. С. 464.

Кажется, что большинство людей, подобно дремлющим детям, легко поддаются внушению и готовы безвольно следовать за любым, кто, угрожая или заискивая, достаточно упорно их уговаривает. Человек с сильными убеждениями, пренебрегающий воздействием толпы, скорее исключение, чем правило. Он часто вызывает восхищение последующих поколений, но, как правило, является посмешищем в глазах своих современников.

Великие инквизиторы и диктаторы основывали свои системы власти как раз на утверждении, что люди — это овцы. Именно мнение, согласно которому люди — овцы и потому нуждаются в вождях, принимающих за них решения, нередко придавало самим вождям твердую убежденность, что они выполняли вполне моральную, хотя подчас и весьма трагическую, обязанность: брали на себя руководство и снимали с других груз ответственности и свободы, давая людям то, что те хотели.

Однако если большинство людей — овцы, то почему они ведут жизнь, которая этому полностью противоречит? История человечества написана кровью. Это история никогда не прекращающегося насилия, поскольку люди почти всегда подчиняли себе подобных с помощью силы. Эти люди были не одиноки, они располагали тысячами других людей, которые умерщвляли и пытали, делая это не просто с желанием, но даже с удовольствием. Разве мы не сталкиваемся повсюду с бесчеловечностью человека — в случае беззастенчивого ведения войны, в случае убийства и насилия, в случае беззастенчивой эксплуатации слабых более сильными? А как часто стоны истязаемого и страдающего существа натапливаются на глухие уши и ожесточенные сердца. Такой мыслитель, как английский философ Томас Гоббс, из всего этого сделал вывод: человек человеку — волк. И сегодня многие из нас приходят к заключению, что человек от природы является существом злым и деструктивным, что он напоминает убийцу, которого от любимого занятия может удержать только страх перед более сильным убийцей.

И все же, как считает Фромм, аргументы обеих сторон не убеждают. Пусть мы лично и встречали некоторых потенциальных или явных убийц и садистов, которые по своей беззастенчивости могли бы тягаться со Сталиным или с Гитлером, все же это были исключения, а не правила. Неужели мы действительно должны считать, что мы сами и большинство обычных людей только волки в овечьей шкуре, что наша «истинная природа» якобы проявится лишь после того, как мы отбросим сдерживающие факторы, мешающие нам до сих уподобиться диким зверям? Хотя это и трудно оспорить, однако такой ход мысли нельзя признать вполне убедитель-

ным. В повседневной жизни есть возможности для проявления жестокости и садизма, причем нередко их можно реализовать, не опасаясь возмездия. Тем не менее многие на это не идут и, напротив, реагируют с отвращением, когда сталкиваются с подобными явлениями.

Может быть, есть другое, лучшее объяснение этого удивительного противоречия? Может быть, ответ прост и заключается в том, что меньшинство волков живет бок о бок с большинством овец? Волки хотят убивать, овцы хотят делать то, что им приказывают. Волки заставляют овец убивать и душить, а те поступают так не потому, что это доставляет им радость, а потому, что они хотят подчиняться. Кроме того, чтобы побудить большинство овец действовать как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая якобы находится в опасности, о мести за детей, настигнутых пулей, о поруганной чести.

Не означает ли он, что существуют как бы две человеческие расы — волки и овцы? Кроме того, возникает вопрос: если это не свойственно их природе, то почему овцы с такой легкостью поддаются поведению волков, когда насилие представлено в качестве их священной обязанности? Может быть, сказанное о волках и овцах не соответствует действительности? Может быть, и в самом деле отличительным свойством человека является нечто волчье и большинство просто не проявляет этого открыто? А может, речь вообще не должна идти об альтернативе? Может быть, человек — это одновременно и волк и овца или он — ни волк ни овца?

Итак, является ли человек по существу злым и порочным, или он добр по своей сути и способен к самоусовершенствованию? Ветхий Завет не считает, что человек порочен в своей основе. Неповиновение Богу со стороны Адама и Евы не рассматривается как грех. Мы нигде не находим указаний на то, что это неповиновение погубило человека. Напротив, это неповиновение является предпосылкой того, что человек осознал самого себя, что он стал способен решать свои дела. Таким образом, этот первый акт неповиновения в конечном счете является первым шагом человека на пути к свободе¹.

Общая тенденция книги Фромма — доказать вменяемость личности, показать, что истоки нравственности, равно как и деструктивности, следует искать в человеческой свободе, как об этом говорили и его предшественники. Однако сама свобода — сложный феномен. Она есть не совращение человека, а мера ответственности. Люди обыкновенно, чтобы успокоить свою совесть, вину за собственную

¹ Фромм Э. Душа человека. М., 1998. С. 29—30.

деструктивность перекладывают на врожденные нейропсихологические механизмы. Фромм не оставляет человеку этого убежища: поведение человека, с его точки зрения, не регулируется некими врожденными, спонтанными и самонаправляющимися стимулами.

И это человек?

Маленькая трагедия Пушкина «Скупой рыцарь» завершается горьким возгласом: «Ужасный век, ужасные сердца!» И в самом деле есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатству, как «алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мохом. Распад человеческого достоинства.

Какой век оказался ужасным? Тот средневековый, с турнирами? Или последующий, вписавший в историю жуткие страницы первоначального капиталистического накопления? А истребление целых народов — негров, индейцев, арабов, сопутствующее эпохе колонизации. А может быть, «ужасные сердца» — это про прошлый вековолкодав. Ведь это тогда взметнулось к небу грибовидное облако. Истрадавшаяся природа явила свои кровоточащие раны. Это в том столетии на нас смотрела обнаженная женщина из документального фильма советского кинорежиссера Михаила Рома «Обыкновенный фашизм» о зверствах нацистов. Святая прошлого столетия, она прикрывает груди руками перед мигом казни...

А может быть, «ужасные сердца» как раз про начало нашего века? Ранним нью-йоркским утром 11 сентября 2001 г. американцы считают убитых одним махом, за просто так. Они — черные, белые, домохозяйки, банкиры — туда просто бездумно пришли, чтобы без переклички отбора оказаться игрушками немислимой воли к убийству. Или 3 сентября 2004 г., когда на всем мировом телевидении взрывается отчаяние, возникает образ в духе Иеронима Босха. Школа — взятая в заложники, отбитая, взятая снова. Какое зверство! Сколько их, пленников, школьников, родителей, учеников? Каков процент жертв? Выбрасывают цифры. Все ложные. Обезумевшая толпа несется через экран, ничего не понимая. Растерянные родители не знают, живы ли их дети, дети ничего не знают о родителях. Солдаты стреляют из огнеметов, из ручных пулеметов по битком набитой школе. Тут же и репортеры, не успевающие что-либо понять и что-либо сообщить.

Новая книга известных социологов Элвина и Хейди Тоффлер «Война и антивоина». Авторы предупреждают человечество о том,

что грядет война кошмарная. Причем не только по способам истребления людей, но и по фантастической возможности манипулирования сознанием народов. Книгу можно рассматривать как колоссальное предостережение, связанное с судьбами человечества. Отнеситесь к войне с полной серьезностью, закликают авторы, она этого заслуживает. Сразу вспоминаются строчки французского философа Ж.П. Сартра: «...когда человек зачарованно начинает смотреть в бездну, бездна начинает смотреть на него». Читатель не найдет в этой работе анализа самого феномена войны, не отыщет никаких психологических или антропологических откровений. Война — это реальность. Надо сразу переходить к анализу современного состояния вещей.

Войны, которые привели к уничтожению цивилизаций, повлекли за собой преобразования не только политического, социологического и культурного характера, но и «антропологического», т.е. имели значение не только для отдельных цивилизаций, но и для человечества в целом. Это не обязательно были самые крупные войны истории.

Авторы книги согласны с позицией Э. Фромма. Они указывают на неосновательность широко распространенных дарвинистских и фрейдистских концепций изначальной агрессивности человека. Палеоантропологические данные (например, наскальные рисунки) подтверждают тот факт, что древнейшие люди использовали оружие для охоты, но не для убийства. В древности существовала такая традиция: воины враждебных племен, вооруженные копьями и дубьем, вставали друг против друга и начинали выкрикивать воинственные слова, размахивали оружием. Однако после «выплеска агрессии» все расходилось... Этологи нашли, что и среди животных практически отсутствует внутривидовая агрессивность.

Чего все же недостает книге супругов Тоффлер? Простого и естественного вопроса — «Почему война?». Именно так названа известная переписка З. Фрейда и А. Эйнштейна. Потрясенные Первой мировой войной, они пытаются осмыслить неизбежность войны. Наивный Фрейд полагал, что войны могут быть предотвращены наверняка, если человечество объединится в установлении центральной власти, которой будет передано право вершить правосудие над всеми конфликтами интересов. Существует два необходимых для этого условия: создание верховной власти и наделение ее необходимой силой. Примерно так же рассуждают и супруги Тоффлер. Установить контроль, обеспечить наблюдение. Вразумить. Однако мы знаем сегодня, что наличие ООН и наделение ее всякими правами вовсе не помешало НАТО бомбить Югославию.

В наши дни рассуждения Фрейда вызывают легкую улыбку. Пытаться избавиться от агрессивных склонностей людей бесполезно. Нет такой расы или такого региона земли, где жизнь проходит в спокойствии, и там нет ни принуждения, ни агрессивности. Не возникает вопроса о полном избавлении от человеческих агрессивных импульсов. И все же достаточно, мол, изменить их направление до такой степени, чтобы эти инстинкты не искали своего выражения в войне. Против разрушения следует пустить в ход Эрос. Все, что способствует росту эмоциональных связей между людьми, будет работать против войны. Следует также подчинить инстинктивную жизнь диктатуре разума. Наивно. Однако это не избавляет социологов, философов, прогнозистов и психологов от постановки такого вопроса.

Э. Фромм, анализируя психическое состояние людей, переживающих фрустрацию или предельное психическое напряжение, еще не пользуется термином «мортификация». Однако после работ американского психолога Р. Лифтона это понятие, означающее «психическое онемение», прочно вошло в современную психологию. *Mortificatio* — это процесс созидания смерти, уходящий от любых внешних проявлений в глубину, в мир «теней», в мир психической сущности. Любое наше умирание во время ночных сновидений и повседневных неурядиц — это переживание смерти. Все наши *мортификации* — это переживание создания души.

Мы подвергаемся воздействию *mortificatio*, испытывая недовольство собой аутоагрессию, жестокое в себе отношение, отказывая себе в прощении и даже в пощаде. Получается так, словно наша душа в процессе умертвления громко плачет и молит о приговоре, тяжком наказании, смерти. В психике происходит некий грубый, давящий, насильственный, перемалывающий процесс, и мы чувствуем мучительную боль от того, что нас мучают, хлещут розгами, давят в прямом смысле слова. Любая *мортификация* в душе ощущается как смерть. Иногда у нас появляется ощущение ожидания, пусть смутного и нереального, полусознанного, что мы находились на пути к смерти и что совершенно бесполезно ей сопротивляться. Отсутствие сопротивления при мазохизме превращается в подчинение смерти, а по существу — в соучастие в ней, это приводит к идее мазохизма как метафорического самоубийства.

Мортификация принимает различные формы и становится специфической проблемой современности. По сути, это блокирование чувств, эмоций и самих восприятий, что само по себе напоминает смерть. В крайних условиях, например в лагерях смерти, это явление принимает предельные формы, буквально превращая людей в «ходячие трупы». Но в то же время психическая морти-

фикация есть и защитный механизм, способный избавить индивида от крайнего психического стресса. Так, смерть близкого человека всегда включает онемение, неспособность поверить в случившееся, что облегчает затем травматический опыт и его символическое осмысление.

Выжившие решают при этом психологическую задачу — совместить чувство утраты с продолжением жизни. Но, становясь длительным, онемение само превращается в источник опасности для душевного здоровья. Психиатры и психологи сегодня все чаще подчеркивают жизненное значение траурных ритуалов, которые вырабатывались веками, облегчая жизненное преодоление неизбежных жизненных травм.

Философия ненависти

Многие идеи, выраженные в работе Э. Фромма, широко обсуждаются в современной философской и психологической литературе. Философы анализируют жестокость, которая укоренилась в человеческой природе. Современность оказалась безжалостной. Могущество бесчеловечности и действенность ненависти претерпевают ужасные мутации.

Влюбленное в экологию поколение, — пишет французский философ Андре Глюксмани, — мучилось «выходом из ядерной эпохи» и вот, само того не ведая, оказалось перед горизонтом, к которому еще труднее подступиться, чем к тому, откуда они собирались изгонять демонов. Снова приходится мыслить немыслимое, оставить эру водородной бомбы, чтобы вступить в эпоху бомбы человеческой¹.

Смертельная опасность — эти слова написаны сегодня повсюду. Отвержение совести и веры вписывается в политику, в жизненный опыт, в международные проблемы, в стратегические завоевания. Это тревожное состояние человеческого бытия, с тех пор неотвратимо снабженное силой раздробить мир на мелкие кусочки, определяется универсальной способностью человечества покончить с самим собой. Как сдерживать, вразумить, парализовать человеческую бомбу? Некогда терроризм вызывал целый букет тщательно продуманных мер — полицейские репрессии, экономические и социальные предосторожности. Сегодня вызов, не признающий границ, обращен здесь и теперь к разумному обоснованию нашей жизни, к нашим надеждам на выживание и нашей отваге перед лицом смерти.

¹ Глюксмани Андре. Философия ненависти. М., 2006. С. 16.

Терроризмом является умышленная агрессия против гражданского населения, неизбежно захватывающая врасплох и незащищенного. Одеты ли захватчики заложников или убийцы младенцев в униформу или нет, используют ли бесполезное оружие или нет, это ничего не меняет. Провозглашают ли возвышенные идеалы — тоже ничего не меняет. Считается только явное намерение, осуществляемое в конкретных действиях с целью стереть с лица земли не важно кого. Систематическое обращение к захвату средств передвижения, к убийству с помощью смертников наибольшего количества прохожих наудачу определяет стиль специфического противостояния жизни. Новый терроризм объявляет об отрицании всего. Без табу. Без правил. Без стыда и совести. Зачем ему скрывать свою безумную ненависть. Он машет ей как волшебной палочкой.

Традиционная война, какой бы дикой ни была, имеет свой конец. Зато война террористическая, предоставленная безграничному буйству, не знает перемирия. Она заменяет демонстрацию силы демонстрацией ненависти, которая, питаясь собственными губительными последствиями, становится неутасимой. Сегодня захваченная школа, завтра взорванная ядерная электростанция? Почему нет, если этих террористов не заботит ни смерть окружающих, ни их собственная? Бесполезно рассуждать об их небесных или земных мотивах. Их нужно судить по их делам. Это убийцы детей, худшие из убийств, враги человечества, подонки, упивающиеся «живым и восхитительно извращенным ощущением» проливаемой крови, как говорил Варлам Шаламов. Они — первая фигура хаоса.

А. Глюксманн пытается проследить антропологические истоки жестокости. Он отмечает, что нигилизм рстет над человеческими, слишком человеческими различиями, он по ту сторону добра и зла, бытия и небытия, истины и лжи.

Нищие, гораздо более эйфорический, чем о нем говорят, открыли три стадии согласия на жестокость, чтобы воспеть их триумфальное следование друг за другом: после верблюда, который терпит, является лев, который преступает и крушит, наконец — дитя, «невинность и забвение», вечное возвращение, позволяющее себе все что угодно, поскольку не ведает смерти. Давайте научимся различать за розовым нигилизмом Заратустры черный нигилизм эскалации конца света, когда взрослые, прикинувшиеся детьми, освободив себя «святым словом утверждения», с ошеломляющей легкостью превращаются в убийц этих самых детей и кричат, что неповинны в избиении младенцев¹.

¹ Глюксманн А. Указ. соч. С. 40.

Завершая книгу, А. Глюксманн называет семь цветов ненависти. Ненависть существует, даже если ее не узнают. Ненависть прикрывается нежностью. Она насытна. Ненависть обещает рай. Она хочет быть Богом-Творцом. Ненависть любит до смерти. Она питается своим опустошением.

Гуманистические формулы кажутся непогрешимыми. Однако какова их изнанка? Инженер Верно из романа А. Платонова постоянно воображает «радостную участь человечества». Но он все же размышляет, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела умершей. «Зачем строить крематории? — с грустью удивился инженер. — Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветометаллов, различных стройматериалов и оборудования...»

Это логика некрофила, который воссоздан в книге Э. Фромма с предельной рельефностью. Некрофильские тенденции, как подчеркивает Фромм, демонстрируются не только отдельными людьми, но и деперсонализирующим укладом повседневной жизни. Они глубочайшим образом внедрили во внутренний строй современной культуры, для которой характерно патологическое «технопоклонство». Не случайно современная техника проявила свою эффективность не столько в сфере жизненных интересов людей, сколько в области массового человекоубийства.

Некрофил — запоздалое дитя рассудочной эпохи. Отпрыск абстрактной логики, презревшей полнокровие жизни. Чадо мертвящих цивилизационных структур. Плод технического сумасшествия. Некрофил в изображении Фромма — следствие длительных культурных мутаций, явивших раковую опухоль, омертвление жизненных тканей. Он — неожиданный итог незавершенности, открытости человека, одна из альтернатив человеческой эволюции.

Данный персонал стремится построить жизнь по законам смерти. Живая природа дарит нам смену естественных ритмов, где плодonoшение замещает первоначальное цветение. Закат венчает процесс от рассвета до гулких сумерек. Жизнь — вечное круговращение, в котором вновь и вновь заявляют о себе «младая кровь» и увядание, жизнестойкость бытия и его закатные формы.

Многообразие естественных ритмов, если дополнить рассуждение Фромма, некрофил хотел бы подменить искусственной пульсацией, безжизненным шевелением, устремленным к окончательной остановке. Этот пункт назначения не имеет ничего общего с нирваной, где блаженство рождено воссоединением с духом. Здесь всевластие распада, самодержавие смерти... Бытие разворачивает себя в механических конвульсиях, предваряющих финальное распыление.

Жизнь предстает как торжествующая травестия смерти. И аналог этих автоматических ритмов, понятное дело, можно отыскать в феномене техники.

Преклонение перед этой псевдожизненной пульсацией не упало с неба. Ему предшествовал некий вывих сознания, которое отвергло универсальность и полнозвучие бытия. Человек, по слову М. Волошина, разъял Вселенную на вес и на число. Освободил заклепанных титанов. Вселенная предстала перед ним как черный негатив. Прав был поэт, сказав, что, точно так осознала бы мир сама себя постигшая машина.

По мнению Фромма, гипотеза о существовании инстинкта смерти обладает определенным достоинством. Она отводит важное место разрушительным тенденциям, которые не принимались в расчет в ранних теориях Фрейда. Но биологическое истолкование не может удовлетворительно объяснить тот факт, что уровень разрушительности в высшей степени различен у разных индивидов и разных социальных групп. Если бы предположения Фрейда были верны, следовало бы ожидать, что уровень разрушительности, направленной против других или против себя, окажется более или менее постоянным. Однако, по мнению Фромма, наблюдается обратное. Не только между различными индивидами, но и между различными социальными группами существует громадная разница в весе разрушительных тенденций. Современные этнографические исследования освещают жизнь народов, для которых характерен особенно высокий уровень разрушительности. Между тем другие народы проявляют столь же заметное отсутствие разрушительных тенденций — как по отношению к другим людям, так и по отношению к себе.

Фромм показывает, что стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимно независимыми факторами. Они связаны обратной зависимостью. Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушительности. Разрушительность — это результат непржитой жизни. Индивидуальные или социальные условия, подавляющие жизнь, вызывают страсть к разрушению, наполняющую своего рода резервуар, откуда вытекают всевозможные разрушительные тенденции — по отношению к другим и к себе.

Работа Фромма содержит в себе не только философско-антропологические прозрения и открытия. Она заставляет аналитично и с предельным вниманием отнестись к историческому творчеству. Жизнь человеческого рода, если не соотносить ее с предостережениями философской антропологии, может быть чревата глу-

бинными разрушительными последствиями. Они пагубны не только не социума, но способны деформировать самого человека, его природу. Эти размышления, направленные на насыщение человеческой души «любовью к жизни», способны придать философской рефлексии Фромма социальную глубину и конкретность.

Литература

1. *Глюксманн А.* Философия ненависти. М., 2006.
2. *Спирова Э.М.* Как на войне, только страшнее // Вестник аналитики. 2006. № 2.
3. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.
4. *Франк С.Л.* Реальность и человек. М., 1997.
5. *Человек.* Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991.
6. *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. В чем корни человеческой жестокости?
2. Какова феноменология человеческой ненависти?
3. Что такое садомазохизм?
4. Человек — овца или волк?

Темы для рефератов и докладов

1. Зло как феномен.
2. Зависть как психологическое состояние.
3. Мортификация как понятие.
4. Человек как созидатель и как разрушитель.
5. Некрофил как психологический типаж.

Тема 8

Человеческое бытие

*Не подари мне легкой доли,
В дороге друга, сна в ночи,
Сожги мозолями ладони,
К утратам сердце приучи.
Доколе длится время злое,
Да буду хвор и немощу.
Дай задолжаться в диком зное,
Веселой замлетью замучь
И отдели меня от подлых,
И дай мне горечи в любви,
И в час, назначенный на подвиг,
Прощенного благослови.*

Борис Чичибабин

Мой крест

Так назвала свои записи одна из моих пациенток Елена Николаевна Торозова.

«Все мы грешны», «Каждый несет свой крест» — какие избитые в быту фразы и как мало мы задумываемся об истинном смысле, заложенным в них. Да и расхожий постулат: «Не важно, что совершил, — главное покаяться в содеянном» — не призывает глубоко осмыслить совершенное, дойти до самой сути, до первоисточков, до той точки, с которой начинается падение в ад, придуманный не кем-то, а созданный тобой. Мы закрываемся от этого, так как неприятно, тяжело, больно, стыдно. Но ведь это в нас есть и обязательно проявится в самое неподходящее для нас время. И как часто мы слышим, да и сами произносим: «За что? Почему так случилось?» И не находим ответа ни у кого и нигде. А он в нас — сидит и говорит при этом: «Найди в себе мужество и загляни в себя».

По светским меркам я — женщина, у которой не сложилась личная жизнь: я не вышла замуж и у меня нет детей. Иначе говоря, пустоцвет. Это клеймо преследует меня всю жизнь и проявляется от мнимого сочувствия, в основе которого лежит превосходство, до прямого осуждения и злорадства. Внешне я к этому привыкла, а внутри — это боль, которая, как мне казалось, не уйдет от меня

никогда. И дело здесь не в моральных нормах и традициях, а во мне самой — подспудно я понимала, что дело в тех трагедиях детства и юности, которые я затаптывала как можно глубже и которые тем не менее оставили отпечаток на моей жизни.

До поры до времени они явно не тревожили, но настал момент, и они предъявили свой счет сполна. И конечно, врасплох, в тот момент, когда жизнь мне улыбнулась. Я сблизилась с мужчиной, который добивался моей любви два года. С этим человеком я впервые поняла, что означает трепетное отношение к женщине, как могут проявиться забота, ласка и внимание. Я ощутила жизнь в сиянии различных красок. Я наслаждалась каждым мгновением рядом с ним. Я была счастлива. Я была хозяйкой своей жизни. Да и ситуация в моей семье позволяла ощутить себя свободной: мама уехала жить ко второму мужу, брат жил гражданским браком с милой его сердцу женщиной — никаких ограничений. Единственное, что могло омрачить идиллию, — мой избранник был женат. Но я старалась не думать об этом, отмахивалась от самого факта. Так прошло несколько лет. Но тут неожиданно мама сломала ногу и осталась жить дома. Налаженный быт оказался утраченным. Но мы не расставались...

И вдруг на обычной диспансеризации, после УЗИ, мне поставили диагноз — миома матки (доброкачественная опухоль). Сначала я равнодушно приняла эту новость. К тому же врачи говорили: ничего страшного, тысячи женщин живут с этим и даже рожают детей, а у вас маленький срок — волноваться не стоит. Однако в моей душе поселился страх. Я испугалась, что меня ждет рак. Так я прожила несколько лет. Здоровье ухудшалось, несмотря на усилия фитотерапевтов, «тибетчиков». И вот однажды я услышала приговор: «На операционный стол! Ваше состояние несовместимо с жизнью». Эти слова словно постукивания дятла. Однажды я подумала: «Чего я томлюсь? Хирурги спасут мне жизнь». И тут же — другое — они превратят меня в бесполое существо... Это уже не пропасть, а ад...

Превозмогая стыд, рассказала любимому человеку о своей проблеме. Отношения с ним к этому моменту в большей степени (он перенес инфаркт) становились платоническими. Но именно он меня спас. В прямом смысле — спас от хирургического скальпеля. Он обратился к знакомому биоэнергетику, получил добро и на следующий день вместо клиники к нему. Посмотрев меня, «лекарь» тут же начал лечение. Я почувствовала облегчение. Через некоторое время УЗИ показало — миомы нет, она исчезла. Но оказалось, что не навсегда. Она вернулась в полной красе. И так происходило несколько раз. Этот период жизни я назвала «маятником».

Я стала читать эзотерическую литературу, посещать курсы. И я поняла: больше всего в жизни я боялась стать бесполой. Но ведь Бог создал меня женщиной. Что же произошло, когда и почему я перестала быть ею внутри себя?

Теперь мне предстояло не только разобраться со своим внутренним состоянием. Стоило восстановить и картины далекого детства. По крупинкам, мельком брошенным фразам, обмолвкам родственников и своим смутным воспоминаниям я пыталась собрать нечто целостное. Я очень люблю своих родителей. Я признательна им за то, что живу на земле. В нашей семье было много хорошего, о чем я с радостью и благодарностью вспоминаю. Но мне хочется назвать и то, что отрицательно отразилось на мне как личности.

Как ни больно об этом говорить, но я родилась в семье, в которой не было любви. Маму воспитывала мачеха (это случилось и с моей бабушкой). О любви я знала понаслышке. Папа из раскулаченной семьи был лишен крова и должен был искать пристанища. Его отец сразу после рождения младшей дочери пропал без вести (просто сгинул, в то время это было обыденностью). Бабушке одной пришлось тянуть четверых детей. Папа прошел всю войну, до конца был на передовой и отчаянно искал смерти, потому что умерла от голода его маленькая дочь от первого брака. С фронта он пришел подавленный, опустошенный. Но тут возникла весьма странная деталь. Папа ухаживал за мамой, а женился на ее младшей сестре. Так договорились, потому что хотели спасти ее от мобилизации на трудовой фронт.

Так возник треугольник. Тетушка сызмальства и по сей день не отличалась аскетизмом, жила легко, не оглядываясь на окружающих, не особенно отказывая себе в удовольствиях. На ее фоне скромная, рассудительная и девственная мама была олицетворением целомудрия, верности и чистоты. Для папы во взаимоотношениях с мамой предполагались ограничения в проявлении своих исконно мужских инстинктов, в отношениях с ее сестрой — этой строгостью можно было пренебречь. Да и для тетушки ситуация сложилась абсурдно. В послевоенный год, в период острого дефицита мужчин и при этом культа война-победителя, она обладает всем на законных основаниях, а в действительности ничего этого нет. Да еще страстное подспудное желание женщины в 19 лет иметь семью и детей. Естественно, соблазн был велик и, как показала жизнь, устоять не смогли.

Теперь то, что непонятно было раньше, стало очевидным. Тетушка в нашей семье имела и имеет до сих пор неограниченную власть, позволяя различные выверты, вплоть до оскорблений и издевательств по отношению к маме. При этом мама всегда смиренно сносит все, а мои выступления в ее защиту вызывают лишь раздражение. И каждый раз мама просит меня извиниться за сказанное. В присутствии папы тетушка старалась этого не делать. Я четко помню за всю жизнь лишь один случай, когда папа не обратил все, как обычно, в шутку, а выгнал распоясавшуюся родственницу из нашего дома — все произошло за месяц до его внезапной смер-

ти. Все это можно объяснить только огромным чувством вины моих родителей перед тетушкой: у мамы — за то, что она отняла у своей сестры «законного» мужа, а у папы — за аборт, сделанный тетушкой в то время и оказавшийся неудачным — больше у нее детей в других браках не было. А еще общим страхом родителей, что об этом будет рассказано их детям.

Изначально благие намерения всех троих завязали жизненный клубок и выстлали дорогу в ад для каждого из них. Это также оказало большое влияние на взаимоотношения в нашей семье, в которой мы с братом вскоре стали полноправными участниками.

Человеческое бытие

Слово «бытие» всегда имело определенный обыденный оттенок. Но в качестве философской категории оно вовсе не означает житейски достоверного существования. Напротив, как было показано, бытие скрывается за наличностью.

В отечественной психологической литературе последнего времени наметилась своеобразная тенденция: многие исследователи понимают бытие как повседневное существование человека. Пишут о социальном, культурном, цивилизационном бытии человека... Реально же речь, вообще говоря, идет о том, в каких условиях живет человек, в каком социальном измерении он рассматривается.

Однако в истории философии проблема бытия имеет совершенно иной характер. Специфика этой темы заключается именно в том, что наличные обстоятельства Жизни человека выносятся «за скобки». Индивид «ухватывается» в нетипичных, критических или, как говорят философы, «пограничных» ситуациях.

Бытие есть свобода человека, величайшее напряжение всех его человеческих сил.

Перелетные птицы, — отмечает отечественный философ В.В. Бибихин, — каждый год дважды подвергают себя предельному, на последней границе выносливости напряжению всего своего существа, пускаясь в путь на тысячи километров. А человек благодаря своей исключительности может теперь, в наше время, — и большинство пятимиллиардного населения земного шара так и ведет себя — прожить всю жизнь от рождения до смерти, не поставив себя на грань даже биологической, не говоря уже о духовной, выносливости, не зная до самого смертного часа, что такое предельное усилие¹.

¹ Бибихин В.В. Почему бытие есть? // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. № 32. С. 73.

Но разве человечество в целом не находится на грани выживания? Конечно, находится. Однако при трактовке бытия речь идет не о внешних условиях жизни. Ведь экстремальную ситуацию человек не может принять без напряжения, без мобилизации всех своих внутренних резервов. Представим себе, человек умирает. Силы уже оставили его. Биологически он почти труп. Он практически утратил способность воспринимать жизнь. А вот другой пример. Человек на смертном одре ощущает глубину своей заброшенности, оставленности. Он осознает, насколько мучителен его жребий, и это приносит ему духовные страдания. Именно так описал Л. Толстой смерть Ивана Ильича в одноименной повести.

Подлинное бытие человека невозможно охватить в его целостности, потому что оно расколото. Индивид рождается мужчиной или женщиной, что обуславливает в нем тягу к восполнению своего бытия (вспомните, что думал об этом Платон!). Есть желание реализовать в себе всю полноту существования, но это невозможно. Человек далек от того, чтобы быть абсолютным законченным единством в себе самом, хотя большинство философов именно так его и представляют. На самом деле индивид обнаруживает в себе лишь относительное и фрагментарное единство. Человек, даже если его рассматривать во всей полноте его самораскрытия, никогда не достигнет полноты бытия. Он может быть всего лишь частичным проявлением бытия.

Человек стремится преодолеть границы собственного существования, расширить их. Это его сущностное свойство. Однако, как уже отмечалось, большинство людей вполне могут удовлетвориться обычным природным существованием, раствориться в недрах социальной анонимности, не пытаясь прорваться к истине бытия. В этом случае философы говорят: бытие ускользает, не проявляется...

Жизнь мира драматична, полна трагизма. В ней есть противоборство противоположных начал — жизни и смерти, добра и зла, свободы и рабства. Одним из первых в европейской философии верховенство свободы провозгласил немецкий мистик и философ *Якоб Бёме* (1575—1624). «Быть может, впервые в истории человеческой мысли, — писал Н.А. Бердяев, — Бёме увидел, что в основе бытия... лежит безосновная свобода, страстное желание ничто стать чем-то, тьма, в которой загорается огонь и свет...»¹

Человеческое бытие — это то, к чему мы стремимся; некий идеал, который притягивает нас; предельное жизненное и духовное напряжение; полнота самораскрытия. Именно так понимали про-

¹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С. 217.

блему человеческого бытия русские религиозные философы, пытавшиеся прорваться к тайне существования человека. До романтиков человек рассматривался в основном как природное и социальное создание. Соответственно его существование мыслилось в конкретных формах, заданных историей.

Вот крестьянин, призванный добывать хлеб, вот аристократ, ведущий светский образ жизни, вот монах, посвятивший себя Богу. В этом смысле человеческое бытие отождествлялось с тем, что можно сказать о человеке в социальном плане. Но ведь индивиду вообще тесно в наличном историческом пространстве. Он легко с помощью воображения переносит себя в иные культурные миры, которые сам же и творит. Отрекаясь от действительности, романтик вступает в неизведанные зоны собственного бытия. Преображая реальность, он постигает в себе нечто уникальное, независимое, принадлежащее лишь ему как живому созданию.

Согласно романтическим представлениям, только человек способен открывать в себе беспредельные миры. Романтическое сознание, помимо воспроизведения идеи самобытной индивидуальности, создавало принципиально новое представление о богатстве и неисчерпаемости личностного мира. Образ человека в романтизме сопряжен с постоянной и острой тоской по человеческой невосполненности, незавершенности. Вот почему у романтиков так сильны мотивы «мировой скорби», трагизма существования.

Пытливый взгляд на иные культурные и духовные миры, несомненно, содействовал поиску личностного идеала, создавал увлекательные перспективы для роста и возвышения человека как личности. Романтики приковывали внимание к таким важнейшим фактам человеческого бытия, как любовь, творчество, смерть. Но вместе с тем они обратили внимание на подорванность человеческого существования и раскрыли такие состояния человеческой души, как горечь, тоска, печаль, скорбь, которые не менее значимы для человека, чем, скажем, радость, ликование, оптимизм.

Как видим, с точки зрения романтиков, человеческое бытие неисчерпаемо в своих проявлениях, но в судьбе отдельного человека эти проявления ограничены. Он может не познать всей глубины человеческих страстей, не ощутить подлинности человеческого призвания, не изведать многих человеческих состояний. Для того чтобы разъяснить эту мысль, обратимся снова к стихотворению современного отечественного поэта Бориса Чичибабина, строчки которого вынесены в эпиграф.

На первый взгляд поэт непонятно зачем призывает на свою голову разные неприятности. Зачем приучать сердце к утратам? К чему задыхаться в диком зное? С какой стати мучиться бессонницей?

Но Чичибабин воспекает вовсе не наслаждение от мук. Он пытается выразить в поэзии философскую идею, которая заключается в следующем. Для того чтобы прорваться к своему человеческому бытию, нужно предельное напряжение — к нему нет легких путей, «легкой доли». Только в испытаниях, в мучительном противостоянии жизненным трудностям человек может осознать всю глубину своего существования. Вот почему философам понадобилось словосочетание «человеческое бытие» как предельно обобщенное выражение человеческих возможностей.

Расколотовь человетческогo бытия

Точно такая же философская идея обретет признание после романтиков у представителей философии жизни — философского направления, которое получило развитие в конце XIX — начале XX в. в Германии (Ф. Ницше, О. Шпенглер), Франции (А. Бергсон) и Испании (Х. Ортега-и-Гассет). Мыслители этой школы старались объяснить феномены жизни через непосредственное человеческое переживание, через чувство и инстинкт.

Когда мы знакомимся с творчеством немецкого философа Ницше, нам в глаза бросается его смертельная тоска по поводу того, что реальный земной человек прикован к конкретному земному уделу. Обычный человек пытается возвыситься над собственной судьбой. И в этом тоже находит свое выражение трагическая разделенность человеческого бытия. Как мыслящее, чувствующее создание человек все время стремится вырваться за рамки своего социального существования.

Ницше пытался постигать мир, исходя из полноты целого, и прежде всего из полноты человеческого существа. Повсюду в мировой культуре, во всей истории человечества философ искал элементы того, что помогло бы человеку преодолеть невыносимое внутреннее страдание, которое он испытывал от общения с Миром. Не случайно Ницше углубился в изучение греческого искусства. Ему казалось, будто древние греки в полной мере почувствовали трагичность бытия. Человеку необходимо, рассуждал Ницше, беспредельное устремление ввысь, в тот мир, который может поднять его над страданиями бытия. Человеческое бытие — это то, что возвышает индивида над его реальным существованием в обществе.

Ницше развивал далее такую идею: человек не должен оставаться человеком. Если он останется им, то опустошит себя, захлебнется страданиями. Человеку суждено превзойти себя, стать сверхчеловеком. Между червем и человеком — огромное пространство.

Сверхчеловек, считал Ницше, также далек от человека. Когда философ рассматривал человеческую жизнь от рождения до смерти, ему казалось невозможным, чтобы эта жизнь сама себя исчерпала.

Таким образом, можно конкретизировать мысль о человеческом бытии. Одно дело — конкретная земная жизнь, которая разvertывается в реальном мире. Но в этой жизни есть нечто большее, чем только она сама. То есть за очертаниями конкретной реальной судьбы скрывается нечто более значимое, предельное, и человек всегда ощущает это. Ведь он не живет на пределе своих возможностей.

В то же время человек чувствует, что его бытие могло бы быть более насыщенным, целостным, универсальным. Перед каждым человеком всегда существует планка, которую он не в силах преодолеть. Это и есть некая цель, формула возвышенного, значимого, недостижимого. И Ницше призывал человека к подвигу самопреодоления. Он писал: «У тебя нет мужества сжечь самого себя и погибнуть, и поэтому ты никогда не узнаешь нового. А у меня — то, что сегодня крылья, краска, одежда и сила, завтра будет один пепел»¹.

Мы соразмеряем свою жизнь с человеческим бытием и понимаем ограниченность собственного существования. Вот почему у Ницше возникла догадка, что та жизнь, которую человек проживает, не единственная. Она должна возвращаться. Так родилось сознание недостаточности одной земной жизни для прорыва в человеческое бытие. Правда, Ницше так и не пояснил смысла своей идеи повторных земных жизней для продвижения к человеческому бытию. Единственная земная жизнь человека, по мнению Ницше, восстает против признания ее единственной и самодовлеющей. Мы видим, стало быть, что греческое понимание бытия как сущностного, неизменного, неподвижного определило на многие века тенденцию духовного развития Европы: философы признают наличие в структуре человека внутреннего «зова» к вечному, абсолютному.

Экзистенциальная трактовка человеческого бытия

После Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе судили нацистских преступников, и многие из них оправдывались тем, что были законопослушными людьми. Да, я убивал, сжигал, истязал. Но ведь не по своей воле. У меня был приказ. Я его и выполнял. Тогда в сознании философов родился вопрос: неужели человек полностью

¹ Ницше Ф. Избр. соч. Т. 1. 1993. С. 38.

запрограммирован обществом? Где же мера индивидуальной ответственности, которая позволяет ему поступить не по существующим законам, а по внутреннему, глубинному побуждению?

Так в XX столетии появилось новое философское направление — *экзистенциализм*, который обращал предельное внимание на уникальность человеческого бытия. Экзистенциалисты считали, что сущность человеческой жизни нельзя выразить отвлеченными понятиями. Нужно живое трепетное понимание ее. Свое название экзистенциализм получил от слова «экзистенция», что означает «существование». Экзистенция — это истинное, сокровенное бытие человека, поток его переживаний, индивидуальных, неповторимых чувств. Термин впервые появился в философии Сёрена Кьеркегора (1813—1855). Позже это слово стало важнейшим понятием философии *Мартина Хайдеггера* (1889—1976), *Жана Поля Сартра* (1905—1980), *Карла Ясперса* (1883—1969).

Экзистенцию можно назвать истинным Я. Но разве мое Я может быть неистинным? Естественно, отвечают экзистенциалисты. В общественной жизни мы часто используем готовые формы эмоциональных реакций, прибегаем к безличностному общению. Я продвигаюсь по коридору и слышу вопрос: «Как поживаете?» Отвечаю: «Спасибо, хорошо»... и исчезаю за поворотом. Разве человек, задавший вопрос, действительно хотел узнать от меня фактические подробности моей жизни? Разумеется, нет. Разве я не бросил реплику, которая на самом деле ничего не выражает: «хорошо», хотя на самом деле, честно говоря, не все уж так замечательно?

Такое общение можно скорее назвать ритуальным, обыденным, поверхностным. Мы пробегаем мимо друг друга, не успевая проникнуть в суть человеческих переживаний. Но разве человек всегда выглядит стандартным, унифицированным? Нет, конечно, в жизни каждого человека бывают такие мгновения, которые экзистенциалисты называют пограничными ситуациями, когда он постигает самобытность собственного существования. Обычно мы не познаем человеческую экзистенцию как нечто безусловное.

Мы все знаем, что человек смертен. Однако глубинный смысл этого суждения человек постигает только тогда, когда он сам находится на смертном одре. К. Ясперс подчеркивает: существуют пограничные ситуации, которые всегда остаются тем, что они есть. Я должен умереть, я должен страдать, я должен бороться, я неизбежно становлюсь в чем-то виновным. Мы реагируем на пограничные ситуации отчаянием, которое помогает нам восстановить наше самобытие. Один из важнейших принципов экзистенции — ее временность, конечность. Человек всегда находится пред ликом смер-

ти. Это наполняет его бытие напряженным содержанием. Одиночество человека перед лицом Бога, признанное Кьеркегором, превратилось в экзистенциализме в одиночество человека перед лицом ничто. Отсюда возникает основное состояние — состояние страха, которое только и может открыть человеку его бытие, привести к самостоятельному бытию и свободе.

Неизуродованный, связанный повседневностью, инстинктивно действующий человек мыслит экзистенциально, т.е. не абстрактно, а конкретно. В экзистенциальном мышлении человек участвует целиком, вместе со своими чувствами и желаниями, предчувствиями и опасениями, своим опытом и надеждами, заботами и нуждами. Рассудок по своей природе слеп к ценностям. Экзистенциализм есть попытка дать картину изначального мировосприятия.

Экзистенциализм — философия суровая и трезвая. В центре ее исследований находится человек, ставший благодаря опыту двух мировых войн реалистичным. Сил человеку едва хватает на то, чтобы существовать и внутренне справляться с бременем судьбы. Вот почему именно экзистенциалисты приступили к разработке философского понятия «человеческое бытие», выражавшего особую форму человеческой реальности.

Экзистенциалы

Под бытием Хайдеггер понимал не вещественный мир, а внутреннее трепетное живое существование человека. Человеческое бытие экзистенциалисты описывают не с помощью понятий, а используя так называемые *экзистенциалы* — специфические душевные состояния. Загадочен, необъясним человек. Мы так много рассуждаем о нем, но так редко обращаем на него свой взор тогда, когда он охвачен страстью. А ведь именно в этот миг в нем открывается нечто всечеловеческое, надмирное. Ближе всех к осознанию этой мысли подошли М. Хайдеггер, К. Ясперс, а также публицист, философ, драматург и критик *Габриэль Марсель* (1889—1973).

Они пытались понять, как влияют на человеческое существование такие состояния конкретного индивида, как забота, страх, надежда. Вероятно, о многих проявлениях человеческой души можно сказать словами русской поэтессы Марины Цветаевой: «Я, ваша бессмертная страсть...» Центральные вопросы экзистенциализма — существование человека, смысл его жизни и судьбы в мире. Задумывались ли вы когда-нибудь над тайной своего рождения, над тем, зачем вы пришли в этот мир? Такого рода вопросы свойствен-

ны любому человеку, задумывающемуся над своим бытием. Этим и обусловлена значительная популярность экзистенциализма.

Экзистенциальные проблемы — проблемы самого факта человеческого существования и переживания им своего способа существования. По мнению экзистенциалистов, у человека не может быть определения сущности до его существования. Это означает, что человек прежде всего существует, т.е. он рождается и сразу занимает какое-то конкретное место в неосмысленном, в грубо вещественном мире, и лишь после пришествия в этот мир человек определяется, входит в мир различных смыслов.

Человек потому и не поддается теоретическому определению, что изначально он ничего собой не представляет. Он извечно лишен какой-либо природы, которая могла бы определить его индивидуально, личное бытие. Человек становится человеком не сразу, иной человек вообще им может не стать. Здесь и возникает проблема самобытного существования. Один человек целиком растворяется в наличной социальности. Его собственное содержание равно нулю, ибо он не стремится взрастить некую уникальность. Он живет «как все», безответственно, без душевного напряжения.

Но возможен другой ответ на человеческое бытие. Он предполагает готовность принять на себя всю ответственность за себя самого. Человек вступает в жизнь и сам определяет, каким он будет. При этом преступник отвечает за совершенное им преступление, трус — за трусость, предатель — за предательство, тиран — за свое тиранство. Что это означает? Человек делает себя и свою жизнь. Если он предатель или тиран, то это свидетельствует о том, что он сам совершил свой выбор. Теперь зададимся вопросом: разве такая философия не заслуживает доверия и уважения? Ведь человек сам отвечает за свои поступки, за всю свою жизнь, за каждое деяние.

Человек — не безличный объект

Экзистенциалисты учат: нельзя относиться к человеку как к вещи. Но разве в повседневной жизни, где господствуют техника, анонимность человеческих связей, человек не воспринимается как безличный объект? Хайдеггер доказывает, что сущность поведенческих стандартов та же, что и в техническом мире. Молотки, гвозди, сверла, отвертки, шурупы и клей взаимосвязаны в многочисленных звеньях ролей, которые созданы нормами плотницкой практики.

Люди тоже могут выполнять в обществе узко очерченные социальные роли.

Чем отличается использование человеком инструментов от применения палки обезьяной? Дело вовсе не в том, что люди применяют вещи более умно или эффективно и что только человек распоряжается орудиями для обработки других предметов. Главное различие, считают экзистенциалисты, заключается в том, что орудия в руках человека имеют конкретное применение. Каждое орудие предназначено для чего-то определенного. Если обезьяна берет палку, чтобы достать банан, то она не осознает, использует ли она эту палку по назначению. Может быть, тут годится что-нибудь другое? Возможно, палкой не удастся сбить банан. Именно так и муравей распоряжается тлей: он выдавливает из нее сок, не зная о том, что каждое «орудие» имеет собственное применение.

Иное дело человек. Он может пользоваться отверткой по назначению — для закручивания шурупов, или не по назначению, царапая надписи на стенах метро. Неправильное употребление отвертки для порчи стены (или злоупотребление) — это не то, для чего отвертка предназначена. Обезьяна не может использовать палку неправильно, что бы она ни делала.

Быть отверткой, как и шахматным королем, означает быть тем, что играет определенную роль по отношению к другим вещам. Эти взаимно определяющие ролевые отношения характерны для техники. Одни предметы техники всегда согласуются с другими: стамеска, рубанок, дрель, топор...

Представим себе общество, члены которого подобны пчелиному рою. Каждая пчела есть орган или придаток некоего роя. Эти рои воспроизводят поведение других роев и контролируют друг друга, тем самым устанавливают нормы поведения роя. Но что такое поведение роя? Если отдельная пчела прилетает на запретный цветок, является ли это действием роя или отдельной пчелы? Для того чтобы пчелы держались в стороне от запретных цветов, достаточно наказать (как можно предположить) сестер той, которая отклонилась от обязательных норм. Рой как целое оценивается с учетом действий его частей. Улей в целом есть единство ответственности и, следовательно, хозяин поведения.

Человек же, по мнению Хайдеггера, выходит за пределы всех других существ и даже самого себя. Данные примеры показывают, что человек, выходя за пределы реального конкретного бытия, постоянно дополняет, «досоздает» мир, который его окружает, и свой собственный мир.

Правда ли, что мир, в котором мы живем, стал нам привычным, знакомым? Мы, дети индустриального века, живем в повседневности сложившегося уклада жизни. Может быть, она и формирует наши мысли, привычки, представления? Или, напротив, каждый человек несет тайну своей единственности, своей судьбы, своего внутреннего мира? В самом деле, что в человеке подлинно человеческого? Иначе говоря, что в нем неизменно, неистребимо, неиссякаемо? Что не поддается влиянию житейской рутины или преходящего образа жизни? Что не зависит от сужающего нас реквизита индустриальной эпохи?

Ситуация повседневного выбора

Кажется, будто человек во все времена одинаков. Под туникой, рыцарским плащом, скафандром космонавта бьется сердце мечтателя, подвижника. Он рождается, утверждает или отвергает повседневность, познает мир, переустраивает его. Он переживает любовь, воодушевление, радость общения, ненависть, одержимость. Заговорит ли древний пергамент или откроет свои тайны поселок, некогда скрывшийся под земной твердью, мы слышим знакомый, понятный нам голос человеческой страсти, горения, открытости. Нам вполне понятны чувства одиночества, разочарования, скорби, как понятны стремления вырваться за рамки времени, ощутить отблеск человеческого бытия.

Повседневность неотступно предлагает нам ситуацию выбора и властно требует ответа. Искать желанную профессию или присоединиться к решению приятеля? Изложить собственное мнение или проголосовать как все? Довериться любимой или сразить ее жесткостью? Испытать радость общения на людном перекрестке жизни или «ощутить сиротство как блаженство»?

Хайдеггеровское представление о человеке трагично. Не обесценивает ли оно таким образом жизнь, не стирает ли различие между «надо» и «нельзя»? Нет, поскольку «надо» принять условия человеческого существования, каковыми они являются. Истинное существование противопоставляется неистинному, безличности, банальной повседневности, закрывающей глаза на смерть и видящей в тоске только унижение.

Человеческое бытие, таким образом, есть вопрошание, обращенное человеком к самому себе. Однако повседневная реальность постоянно берет человека в плен, и он покорно принимает условия своего существования, как бы несправедливы они ни были. Французский философ *Альбер Камю* (1913—1960) утверждал, что бессмысленность

и безнадежность человеческого существования не могут быть доказаны. Если человек принимает обстоятельства жизни, значит, они его устраивают...

Стало быть, нужны какие-то радикальные средства, которые могут вырвать человека из ситуации абсурда. Человек должен сохранить свое достоинство. Но как?

Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема, — писал Камю, — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии¹.

Однако помимо самоубийства есть еще один способ преодоления абсурда — это бунт, восстание человека против своего удела и против всего мироздания. Чем хорош этот путь? Он оспаривает конечные цели человека во Вселенной. Только в бунте человек обретает смысл бытия. Раб протестует против участи, которая уготована ему рабским положением... Ни в коем случае, считает Камю, нельзя принимать за благо неподлинное повседневное существование.

Как видим, в философии экзистенциализма множество разных, необычных сюжетов. Что же в ней ценного? Прежде всего, то, что она утверждает достоинство и значимость всякой человеческой личности, ее непререкаемую ценность. Она утверждает ее подлинное величие и неоспоримые права на духовную свободу и достойные условия жизни. Экзистенциалисты определяют человека через его деяния. Может показаться, что их философия печальна, пессимистична. Но такое впечатление ошибочно. Ведь само понятие «человеческое бытие» предполагает возвышение человека, его готовность превзойти самого себя. Следовательно, экзистенциализм вооружает человека одухотворяющей целью.

Экзистенциализм привлекает внимание к внутреннему миру человека, к его тончайшим переживаниям. Философы этого направления показывают, что каждый человек может соучаствовать в общем процессе творчества. Экзистенциализм ставит задачи перед каждым индивидом, побуждая его к ответственности и свободе.

Таким образом, бытие человека есть способ выявления его самого, его внутреннего мира, его трепетности, схваченной в пограничных ситуациях. Экзистенция есть выражение уникальности бытия. Вот почему философы-экзистенциалисты рассматривают вопросы человеческой свободы и ответственности, смысла жизни,

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 24.

вины и страха, обсуждают в разных аспектах темы любви и смерти, искажения человеческого общения.

Само понятие «бытие» многозначно. Бытие — это не вещь и не предмет. Среди вещей мы никогда не найдем самого бытия. Бытие выступает как некое присутствие вещи, как теперь сущее. Бытие всегда «бытийствует» в сущем. Но оно неизмеримо богаче, потому что является обозначением не только всего того, что есть, но и всего того, что может быть. Огромную роль в психологии играет понятие человеческого бытия, отражающего некий идеал человеческого существования.

Литература

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
2. Гуревич П.С. Философия. Учебник для философов. М., 2004.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
4. Марсель Габриэль. Опыт конкретной философии. М., 2004.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Вопросы для повторения

1. Как вы понимаете человеческое бытие?
2. В чем проявляется расколотость человеческого бытия?
3. Чем обусловлен трагизм человеческого бытия?
4. Какие экзистенциалы вы знаете?
5. Как вы поняли строчки Б. Чичибабина?

Темы для рефератов и докладов

1. Человеческое бытие как феномен.
2. Бытие как свобода.
3. Понятие «экзистенция».
4. Ответственный выбор в жизни.
5. Быть или существовать?

Целостность человека

*Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково,
Запретною жизнью дыша.*

Осип Мандельштам

Капитуляция перед жизнью

«Вроде бы известно, что животные чувствуют ауру человека». Эта строчка из дневника Эллины.

Могу сказать только, что я стараюсь не смотреть в глаза бездомным собакам. Они сразу бегут ко мне. Я стою, а они подбегают и садятся рядом. Пару раз, когда я еще работала с 6.30, собаки провожали меня почти от дома до станции. А один раз даже какая-то уличная кошка бежала впереди меня и все оглядывалась, иду ли я за ней. И в ее взгляде я прочитала такое удивление, когда на полпути шагнула в другую сторону. Сегодня, пока я ждала электричку, по платформе бежала какая-то собака и ужасно хромала. Я случайно взглядела в ее глаза, и она, конечно же, улеглась у моих ног. И тут я увидела, что у нее сломана нога, свежая рана на боку и свежие следы крови. Скорее всего, ее ударила какая-нибудь машина. Но почему же животное идет ко мне, именно ко мне? И тогда меня обожгла неожиданная мысль: дело не в том, что я хорошая, а в том, что от меня исходит чувство такой же безысходности, одиночества, как и от них. Я для них — «своя». После вчерашнего сеанса я вышла на улицу такая воодушевленная, счастливая. Но на другой день меня снова подстрелили. И меня посетили воспоминания...

Эллине немногим больше сорока лет. Она обаятельна, тиха и скромна. Ее история — это рассказ о том, как она капитулировала перед жизнью. Эллина часто впадает в депрессию, все вокруг кажется ей пресным. Она говорит о том, что не находит радости в утреннем пробуждении. А вокруг, продолжает Эллина, столько сильных, увлеченных и интересных людей. Они светятся такой энергией, таким оптимизмом. Сравниваю себя с ними и чувствую

себя развалиной. Да, я могла бы позвонить прежним знакомым, встретиться, поболтать. Почему бы нет? Но мне страшно... Я сдаюсь перед жизнью и влачу одинокое существование.

Жизнь, даже беспросветная, убогая, все равно дарит много соблазнов, радостей. Чарует природа, дарит счастье общение, одухотворяет искусство, тело ощущает комфорт и сладость. Но отчего у многих все эти дары рожают только обреченность и пустоту? Как приходит и уходит очарование жизни?

Эллина росла в обычной семье. Никаких потрясений или грозных предвестий в семье не было. Обычные будни. Девочку не обижали, но и не баловали. Следили за тем, чтобы она поела, вовремя ушла в школу. Ее любили? Получается, что да. Мама нередко прижимала ее к себе, ласкала... Правда, ответной нежности не требовала. Осыпав эмоциями, вскоре равнодушно отстраняла от себя. В доме так много хлопот! И вот что после наших бесед с Эллиной приходит ей в голову. Мама ее не понимала. С недоумением встречала ее взгляд, полный восторга. Со снисходительной иронией всматривалась в глаза, полные слез. Досадовала, если дочь общалась с куклой дольше обычного.

Так постепенно выстраивались два внутренних мира, которым не суждено было пересечься в перспективе. Сейчас отца уже нет в живых. А мама живет с Эллиной. Они родные, но чуждые друг другу существа. Никто из них не может проникнуться состоянием того человека, который формально почти всегда рядом. Эллина с трудом понимает, когда можно, а когда не следует подходить к маме. Та не разделяет уныния дочери. А чего переживать? Дочь работает в элитной гостинице. Получает хорошие деньги, практически ни в чем не нуждается. Может позволить себе купить что-нибудь модное, обязательно полуспортивное. Ей так нравится. Может провести лето в Индии, Египте или где душа пожелает... Но почему-то всегда вялая, безутешная.

Эллина прекрасно помнит свои детские игры. Примерно с пяти до восьми лет она любила резвиться, изображая свадьбу. Разряженная, встречала жениха, томила, прощально махая ему, суженому, ручкой. Думала о детях, нежно укладывая фигурки в постельку. Маме вечно не нравилось, что она подолгу торчит у окна, вскидывает ручкой, одаривает ее блаженной улыбкой. «Ну, что ты в окно-то пялишься, — отчитывала мама, — лучше бы собрала разбросанные куклы...»

Так день за днем греза девочки наталкивалась на мамино удивление. Ну какой прок от этих игр? Полы помыть и то полезнее.

Постепенно проза жизни замещала мир детской фантазии. Воображение, рисуящее дивные картины, стало истощаться. Эллина, как она пишет в дневнике, спряталась в себе...

Счастье детства, блаженство игры — мимолетны, как мимолетен этот период времени нашей жизни, когда мы еще имеем время, потому что еще не знаем о нем, еще не видим в «теперь» «уже», «никогда больше» и «еще не», когда наша жизнь мчит в глубоком и неосознанном настоящем, когда жизненный поток увлекает нас, не ведающих о течении, стремящемся к нашему концу. Чистое настоящее детство и считается обычно временем игры. Играет ли по-настоящему и в подлинном смысле слова только дитя, а во взрослой жизни присутствуют лишь какие-то реминисценции детства, неосуществимые попытки «повторения», — или же игра остается основным феноменом и для других возрастов?

После школы Эллина поступила в институт. И здесь у нее появился нежный друг. Ей казалось, что она снова вернулась в мир раннего детства, когда расцветали все мечты, когда брезжило скорое счастье. Молодые люди уже подумывали о совместной жизни.

Но однажды, совершенно случайно, она увидела своего избранника с какой-то незнакомой девушкой. Они стояли на автобусной остановке и о чем-то беседовали. Эллину это поразило. В ее видениях любимый человек никогда не стоял так близко возле другой женщины. Так вот она, изнанка мечты! Вот оно, предательство фантазии! Я стану его женой, а он будет мне изменять, встречаться с кем попало. Нет уж! Лучше быть одной...

Парень так и не понял, что случилось с Эллиной. Она стала его избегать, не захотела даже объясниться, растолковать что к чему. Проиграв в своем воображении возможные следствия последующей с ним жизни, она решила не пускаться в авантюры. Теперь каждый новый день она пыталась прожить как можно быстрее. Пусть он уйдет, пусть стинет неделя, год. Пусть сочатся десятилетия, словно там, за невидимым поворотом, Эллину ждет нечто прекрасное.

Сегодня у меня день рождения. Что чувствую, не знаю. Грусти нет, но состояние какое-то странное. Времени остается все меньше и меньше. Не потому, что стареешь и близка смерть. Когда в 20 лет ты знаешь, что со временем твоя кожа перестанет быть такой же, как в 30. Это печалит, но ты понимаешь — впереди еще столько времени. И вот тебе уже сорок лет. Ты видишь, что изменилась, и даже не знаешь, что предпринять. Ну не биться же головой об стену. Дважды в своей жизни, пытаюсь найти близкого человека, я наталкивалась на непрошибаемую стену. Первый случай — это сту-

дентка из моей группы. Мне хотелось ее дружбы, участия. Однако отношения оказались не слишком сокровенными. Мы встречались, болтали, договаривались о встречах. Но я постоянно ловила себя на мысли, что ее душевный мир совершенно закрыт для меня. Иногда я ловила на себе ее удивленный взгляд, и мне казалось, что это глаза моей мамы.

Другой случай — моя двоюродная сестра. Эта женщина, как и моя сокурсница, обладала здравым умом, жизненной сметкой. Мне нравилось, что они похожи своей житейской осведомленностью, прагматизмом. Но у той и у другой ощущалась какая-то странная «упертость». Все, что не входило в русло их выгоды, отменялось по определению. «А зачем тебе это надо?» — так часто звучал этот вопрос в любой ситуации. Конечно, я не могла сказать ни той ни другой, что хожу к психоаналитику. Это вызвало бы такое удивление, будто я совсем ушибленная мешком. Я чувствую, что со мной что-то не так... Теперь за мной закрепилась репутация девушки, которая любит покопаться в себе, поковырять прошлое.

Однажды на сеансе Элина заявила, что больше всего ей не хотелось бы возвращаться в прошлое. Это было добрым знаком. Смутно, еще не до конца осознав, женщина отстаивала свое право на мечтания, на доверие к собственным фантазиям, на отвержение расчисленной и хорошо организованной повседневности. Ей захотелось стать немного авантюрной, непредсказуемой... И она сообщила в гостинице, что уходит на другую работу.

Сначала ей никто не поверил. От добра добра не ищут. Чем тут плохо? Зарплата хорошая, а часвые — постоянно. При желании можно заработать неплохо. Да и работа сама по себе интересная. Все время новые люди, иностранцы. Масса впечатлений. Элину ценят. А она, ишь, куда-то намылилась. Начальник вызвал на беседу и спросил, каковы ее условия, чтобы остаться. Элина даже удивилась. Какие условия? Просто я ухожу на другую работу. Нет, не в гостиницу, нет, не на должность дежурной. Это совсем другое учреждение, и совсем иной вид деятельности. Но и что, если работа требует иной квалификации? У меня ее нет, но будет. Надо же когда-то начинать. «Зачем тебе это надо?» — спросил начальник, устав от разговора. И Элина спросила: «Смотрели "Вокзал для двоих"?». Ну, вот там еще такая строчка из песни: Не бойтесь все переменить...»

Жизненный выбор

Несколько лет назад американский журнал опубликовал небольшую заметку о том, как на глазах толпы умирал мальчик, оказавшийся в

зоне тока высокого напряжения. Подростка можно было еще спасти, но никто из очевидцев этой трагедии не сделал такого шага. Все были буквально заворожены картиной мучительно длящейся агонии. Свидетели, как выяснилось, наблюдали за этим эпизодом и оценивали его так, словно все происходящее разворачивалось на домашнем экране.

Заметка констатировала факт. Она не содержала ни осуждения, ни размышления. Рассказывалось о событии, не выходящем за рамки ежедневной хроники новостей. Но не будем спешить с моральной оценкой этой истории. Попробуем войти в атмосферу эпизода. Не правда ли, информация побуждает к изобличению преступной пассивности или скрытого палачества. Она заставляет «самоопределиться».

Представим себя на минуту среди этой зачарованной толпы. Поразмыслим неторопливо, с необходимой внутренней сосредоточенностью, Как поступил бы каждый из нас? Вы лично? Проявили самостоятельность или уступили инстинкту стадности? Оказались способными к сознательному поведению или поддались бы цепкому зрелищу? Обнаружили сострадание или окаменели бы в совершенном безразличии к непоправимой беде?

Подобные вопросы постоянно возникают перед каждым из нас. Повседневность неотступно предлагает нам ситуации выбора и власти требует от нас ответа. Испытать радость общения на людном перекрестке жизни или «ощутить сиротство как блаженство»? Ждать помощи от «национальных проектов» или отыскать свой путь к предпринимательству? Голосовать «как все» или обнаружить зрелость политического сознания?

Когда мы задаемся вопросом: «как быть счастливым?», оказывается, что существуют многочисленные варианты ответов. Вряд ли можно обрести счастье в несвободе. Рабская, филистерская жизнь не приносит счастья. Нельзя назвать блаженной жизнь, в которой нет любви. Трудно говорить о счастье, если жизнь человека рутинна и лишена творчества. Но можно ли назвать счастливой жизнь человека, в которой много сытости и наслаждения, но нет одухотворенности? Наконец, совместимы ли счастье и страдание?

Автор книги «Антропология счастья» И.В. Сидоренко считает, что жизнь человека можно считать состоявшейся только в том случае, если ее в целом можно назвать счастливой¹. Однако поразмыслим. Иисус Христос познал в земной жизни радость признания, восторг харизматического лидера, величие жертвенности. Но ему пришлось испытать и предательство, и горечь непризна-

¹ Сидоренко И.В. Антропология счастья. М., 2006. С. 4.

ния, крестные муки и тяжелую смерть. Можно ли его жизнь называть счастливой?

Или герои русской истории Борис и Глеб? В их мученичестве нет героизма. Они отказываются бороться со Святополком, незаконно захватившим престол. Они сражены человеческой злобой, могут в принципе победить, но отказываются от насилия. Они не хотят жить в мире, где преступление возможно среди братьев. Они ждут смерти, и их убивают. Так можно ли назвать счастливой жизнь этих двух братьев, ставших святыми?

Целостность как проблема

Невозможно ответить на эти вопросы, если не обратиться к проблеме целостности человека. Мы все чаще осознаем, что нельзя изучать человека «по частям», скажем, отдельно его биологическую или социальную природу. Невозможно оценивать поступок человека вне его полной жизни. Нельзя найти правильное решение в жизненной ситуации, если не задаться вопросом: а каковы ценности, абсолюты данного человека? Как показывают многочисленные исследования, счастье не тождественно материальным благам. Когда был проведен опрос в разных странах мира, то оказалось, что ощущение счастья более распространено в тех из них, где недостаточно высок уровень потребления. И напротив, так называемые развитые народы чаще демонстрировали печаль, меланхолию и неудовлетворенность своим положением. Об этом, в частности, хорошо писал Алексис де Токвиль в работе «Демократия в Америке» (1835–1840). Он недоумевал, почему на фоне растущего благосостояния так много меланхолично живущих народов. Известен так называемый «шведский синдром» (наибольшее количество самоубийств в наиболее благополучной стране Швеции). Поражает жизнерадостность непальцев, жителей беднейшей страны.

Многие психологи сегодня пишут о том, что человека нужно понимать как целостность. О значении такого истолкования говорят, без преувеличения, все, кто обращается к данной теме. Однако дальше этой общей констатации мы продвигаемся крайне медленно. Суть дела обычно сводится либо к призыву изучать человека комплексно, чтобы в результате комплексного подхода выработать синтезированный, обобщенный, интегральный взгляд на проблему.

Тут, естественно, возникает целый ряд вопросов. Можно ли создать целостность путем сложения разных частей, если известно, что целое не сводится к сумме его слагаемых? Правомочно ли це-

лостно толковать тот или иной предмет, если сам по себе он не является унитарным, единым, неразрозненным? И еще: исключает ли сложность объекта (а человек сложен) его целостность? Мир противоречив, но он един. Человек сложен, но он являет собой некую особость. Но тогда получается, что все объекты целостны. У нас нет критерия, который позволил бы нам выделить два класса явлений — целостные и нецелостные. Ни сложность, ни внутренняя разорванность, ни слабая интегрированность не могут рассматриваться как таковые. Можно, к примеру, говорить о мучительной коллизийности человеческой психики, о ее динамической природе, но эта драматургичность не снимет вопроса о целостности человеческой психики как феномена.

Взяв какой-нибудь объект для психологической экспертизы, мы можем условиться, что все свойства, присущие данному объекту, образуют некую целостность. При этом мы не касаемся вопроса о том, целостен ли этот объект на самом деле или нет. Сам объект может при этом оказаться принципиально разорванным, разрозненным. Но это не мешает нам брать его в качестве единого феномена.

Наиболее последовательно и разносторонне рассматривает феномен целостности К. Ясперс. Он отмечает, что не существует такой частности, которая не была бы подвержена изменениям под воздействием других частей или целого. Каждой области исследования, по Ясперсу, соответствуют свои, специфические целостности. То, что мы принимаем за целое, может оказаться фрагментом какой-то другой, более значимой целостности. Все зависит от нашего взгляда на ту или иную проблему. Допустим, человек как организм является целостным. Рассказывают, будто статую Венеры Милосской, которую откопал крестьянин на острове Мило, перевозили на поезде. Таможенники, получив груз, увидели, что у статуи нет одной руки, а вторая едва намечена от плеча. Немедленно был составлен иск работникам транспорта: почему доставили статую с повреждениями?

Нам и так понятно, что если у человека нет рук, значит организм неполный. А всадник без головы — это писательская выдумка. Голова должна быть, а иначе как же? Но, с другой стороны, человек — это не только организм. Кроме тела у человека есть душа, дух.

Ясперс указывает на многообразие фундаментальных целостностей. Все они суть не более чем относительные целостности в ряду других относительных целостностей. Немецкий философ критически относился к всеобщему стремлению абсолютизировать отдельные целостности. Невозможно, к примеру, отождествлять душу с

центральным доминирующим фактором психики. В любой абсолютизации содержится элемент истины. Но чем дальше мы идем по пути абсолютизации, тем меньше остается от истины.

Вот реальные примеры абсолютизации относительных целостностей. Мгновенное целое принимается за нечто окончательное. Вся психика, скажем, сводится к сознанию. Совокупность способностей объявляется единственной объективной реальностью, единственным предметом изучения. Соматопсихическое единство (тело и сознание) отождествляется с такой реальностью, которая исчерпывает суть человека. Мир и дух рассматриваются как те абсолюты, участие в которых будто бы тождественно психической жизни. Сумма характерологических качеств считается сущностью души, а совокупность психически понятных связей — ее бытием. Некоторые исследователи исходят из того, что тело — это все, а душа всего лишь эпифеномен событий, происходящих в мозгу. Человек — лишь «промежуточная остановка» на путях реализации наследственных связей. Иные ученые рассматривают человека как функцию общества и истории. Например, К. Маркс считал человека совокупностью социальных отношений. Но за вычетом социальных связей в человеке остается довольно глубокое и самобытное содержание. К примеру, экзистенциалисты считают, что жить в обществе и быть свободным от общества можно и нужно.

В истории психологии, философии эти образцы абсолютизации доказали свою несостоятельность. Ни одна из перечисленных целостностей, по мнению Ясперса, не может быть отождествлена с «человеческим» как таковым. Познание отдельного человека он сравнивает с плаванием по бесконечному морю в поисках неизвестного континента: каждый раз, причаливая к берегу или к острову, мы узнаем что-то новое, но стоит нам объявить тот или иной промежуточный путь конечной целью путешествия, как пути к новым знаниям для нас закроются¹.

Каждый орган человеческого тела, оказывается, настолько самостоятелен (даже сердце), что может пережить смерть живого существа и может быть перенесен в другое тело. Если, таким образом, автономность отдельных органов необходимо признать вполне доказанной, то и одновременная их связанность не менее очевидна. В современной медицине врач нередко лечит конкретный орган в соответствии со своей специализацией. Но при этом не учитывает, что больной орган, взятый как целое, является частью другой, более широкой целостности, скажем организма.

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 897.

Постижение человека может начаться с регистрации многих качеств, которые ему присущи. В этом случае предполагается, что целостный образ возникнет в результате перечисления многих задатков и свойств, присущих человеку. Однако возможен и иной путь. Целое для нас интуитивно важнее части. Мы способны помыслить человека еще до того, как образовалась некая сумма его признаков. Целое по идее существует до всякой части. Целое не есть коллекционирование, собирание частей. Иной малограмотный психоаналитик убежден в том, что целостный образ невроза возникнет в результате простой регистрации различных признаков и деталей. Однако можно познать множество частных, но не приблизиться к целому. Целое, следовательно, лучше оценивать не как границу, а как горизонт.

Однополушарная неотзывчивость

Многие обнаружения человеческой природы свидетельствуют о том, что человек — предельно эксцентричное создание. Дело не в том, что ему присущи разные черты, противоречащие друг другу характеристики. Речь идет о сложностях человеческой натуры в целом. Необычность человека как творения обусловлена тем, что он во многом выключен из органики природного мира, хотя и укоренен в ней. Человеческие свойства парадоксальны, рождают представление об исключительном существе. Человек — природное создание, но в то же время он иноприроден. Он — творение природы, но в то же время выпадает из ее лона. Человек рождается в природе, но живет в обществе. У него есть инстинкты, но есть и иная программа ориентации — социальная, культурная. Сознание и бессознательное также создают радикально иные формы мировосприятия.

Наше время — время поразительных открытий: расшифровка генома, клонирование, трансплантация органов. Но еще в 30-х годах прошлого века академик И.П. Павлов заметил: ход естествознания впервые заметно приостановился перед высшей загадкой природы — думающим мозгом. Кибернетики назвали мозг черным ящиком. Мы знаем, какая информация входит в мозг. Мы можем судить о том, как это отзывается на поведении человека, на его мыслях и чувствах. Но что там происходит внутри — в этом ящике...

Мозг — самое загадочное и поразительное произведение природы. Вдруг мы стали называть его биокомпьютером. Так нам понятнее. Можно моделировать мыслительные процессы. Можно шарить мышкой по его файлам. Действительно в мозг входит огромное

множество информации о внешнем мире. Он перерабатывает эту информацию. Это рождает огромный спектр познания. Что же неясно? В черный ящик входят картины мира. Но на выходе совсем иное — чувства, страсти, переживания. Каким образом информация обретает эти свойства.

Несколько десятилетий назад молодая американская исследовательница Джулиан Хаксли сделала поразительное сообщение. Анализируя эпос Гомера, она сделала неожиданный вывод: древние греки не имели сознания. Их мозг не был еще дифференцированным. Герои «Илиады» и «Одиссеи», похоже, действуют в «несознанке». У них нет четкой и ясной работы мысли. Их ведет по жизни не разум, а что-то иное. Аналитический рассудок у древних греков отсутствовал.

Статья вызвала мировой резонанс. Может быть, персонажи античного эпоса действительно не знают голоса рассудка. Но ведь Древняя Греция дала миру науку, философию... Джулиан Хаксли отступила. Однако основная ее мысль осталась: разум — сравнительно недавнее приобретение человечества.

В голове человека размещен мозг. Но следовало, видимо, выразить эту мысль конкретнее: в голове находятся два полушария мозга: левое и правое. Но вот парадокс. Они складывались в разное время. Миллионы лет человек жил с одним, правым полушарием. Неудивительно, что появление еще одного полушария не только усложнило картину. Оказалось, что эти два полушария совершенно автономны. Они «говорят» на разных языках и, как правило, не слышат друг друга.

Судите сами.

Левое полушарие «озабочено» преимущественно обработкой, анализом и дедукцией, конвергентным («сходящимся» — от общего к частному) мышлением, фактами, данными, цифрами, конечным продуктом, структурой, логикой и последовательностью, математическими моделями, целесообразностью, сведением задач к рабочим частностям, наукой и техникой, приближением шаг за шагом, применением последовательного подхода, вербальным (словесным), буквальным, конкретным языком, разработкой хорошо определенных планов, порядком.

В то же время *правое полушарие* куда более «заинтересовано» абстрактными темами, художественным выражением, образом тела, конструктивными задачами, идеями и чувствами, творческими ремеслами, дивергентным («расходящимся» — от частного к общему), глобальным мышлением, эмоциями, процессом, а не результатом; использованием опыта, знанием через образы, восприятием, молитвой, медитацией,

мистикой, решением задач, запоминанием лиц, спонтанностью, визуальным, работой с символами, фантазиями и снами, метафорами и образами; работой с противоположным и неизвестным.

Каким же полушарием мы пользуемся? Ясное дело, обоими. Но у большинства людей преобладающим, доминантным является левое. У меньшинства — правое. Паразитально — другое. Мы совершенно по-разному подходим к тем жизненным проблемам, которые нам надо решать.

Тот, кто решает задачи, опираясь на левое полушарие, определяет цели решения, которое надо предпринять, классифицирует цели в соответствии с их важностью, определяет альтернативные пути действий, оценивает альтернативные пути по целям, выбирает альтернативу с лучшим результатом, определяет и оценивает возможные последствия альтернатив, выполняет решения при тщательном контроле и отслеживании возможных отрицательных последствий.

Тот же, кто это делает правым полушарием, смягчает рациональную мысль эмоционально-интуитивными предпочтениями, использует различные методы «привнесения» в понимание внесознательного материала, избегает цензуры идей во время их инкубации, рассматривает расходящиеся, даже противоречащие друг другу идеи скорее с уважением, чем со скептицизмом и оборонительной позицией, старается не пренебрегать внутренними интуициями, что что-то не так, проверяет любой рациональный способ решения задачи, чтобы увидеть, ощущается ли он интуитивно хорошим в процессе и в окончательном решении, пытается постоянно оставаться осознающим себя.

Что же получается в итоге? Оказываются, два полушария вообще живут в разных Реальностях. Они выражают себя абсолютно по-разному. Левое полушарие предпочитает слова и знаки. Правое — образы, символы и ощущения. Представьте себе, я читаю лекцию, выстраивая определенные логические связи, нанизываю понятия. Вижу в глазах некоторых слушателей мучительную неотзывчивость. Но вот мне в голову приходит метафора, некий образ. Я называю ее и вижу, что эти слушатели хватаются за ручку, чтобы записать вытиснутый им образ.

Почему нас преследуют жизненные неудачи? Нередко потому, что мы никак не можем договориться с нашим бессознательным, потому что мы общаемся с ним на непонятном ему языке. Представьте себе, мой пациент рассказывает о своем детстве, приводит некий эпизод, который кажется мне значимым. Теперь невротические реакции моего собеседника становятся мне понятными. Моё лицо озаряет улыбка. Но мой пациент не разделяет моей радости. Он до сих пор не может понять той логической связи, которая наполнила мою душу счастьем.

Некоторым людям вообще трудно думать, рассуждать, постигать логические связи. Они рассказывают о своих проблемах, и когда вам удастся понять причину их состояния, искренне удивляются: «как это я раньше-то не додумался?», «почему это никогда не приходило мне в голову?» У других людей плохо с эмоциями. Они вообще не понимают, зачем они нужны. Нередко даже презирают душевные штучки-мучки... Часто психотерапевту приходится прилагать немало усилий, чтобы развить эмоциональный мир своего пациента. В других случаях приходится взывать к левому полушарию собеседника.

Так что же тогда можно считать психологической нормой? Кое-кто, возможно, ответит сразу: равновесное, сбалансированное развитие обоих полушарий. И вот представьте себе, нам это удалось. У всех людей сложилась некая равновесность, внутримозговая отзывчивость. Как будет выглядеть в этом случае человеческая культура? В ней, возможно, не будет Моцартов или Сократов. Этот вывод побуждает нас и дальше размышлять о тайнах мозга.

Интегрированность как проблема

В человеке одновременно работают разные программы, которые, точно демоны, растаскивают человека в разные стороны: инстинкты и социальность, сознание и бессознательное, влечение и совесть. Очень похоже, что человек принципиально нецелостное создание. Как совместить два противоположных положения — человек целостен и человеческое бытие расколото? Реальный, эмпирически взятый индивид принципиально не целостен. Он, напротив, предстает в различных преображениях целого, в расколотости своего бытия. Он принадлежит к мужскому или женскому полу, ищет полноту своего существования в других культурах, в другом.

Никакое философское озарение не способно дать однозначную картину «человеческого». Скорее можно говорить о том, что проявляется множественность истоков природы человека. Отсюда неустойчивое стремление человека к единому, каковым он не является. Природа человека незавершена и фрагментарна. Фрагментарность требует достижения полноты, источник которой, в противоположность всем остальным универсальным источникам «человеческого», должен обеспечить бытию человека основу и целостность. Временный успех на этом пути достижим только ценой многочисленных разочарований. Но именно эти разочарования указывают верное направление. Благодаря многообразным модусам объемлющего, каждый из которых наделен к тому же бесконечными возможностями, мы приходим к пониманию открытости

человеческого — открытости, которая тождественна его всегдашней незавершенности.

Современная философия исходит из того, что сознание человека каким-то необъяснимым пока образом содержит информацию о всей Вселенной. Человек обладает потенциальным эмпирическим доступом к любой ее части, будучи одновременно ничтожно малой ее частью, отдельным и незначительным биологическим существом. Целостность не является признаком человека как особого существа. Напротив, человек принципиально нецелостен, его бытие разорвано, полно коллизий. Однако у человека есть возможность обрести полноту собственного существования. Следовательно, целостность оказывается для него проблемой. Он может остаться фрагментарным, одномерным, принципиально разорванным. Но он же способен раскрыть безграничный потенциал человеческого существования.

Целостность человека определяется наличием не всех элементов, а лишь нескольких, строго ограниченных пределами целостности. «Целое для нас, — пишет В.В. Библихин, — интуитивно важнее части. Мы не можем отделаться от ощущения, что даже после отпадения всех частей целое как-то остается. Если убиты все солдаты, сохранено знамя полка, и его штатное расписание может быть заполнено новыми людьми»¹. Человек, по мнению В.В. Библихина, вступающий в «экологически» упорядоченное целое мира, будет в нем как-то устроен на правах части. Для того чтобы так распорядиться собой, он, однако, заранее должен стать частью, т.е. узнать себя неустроенным, лишним, несовершенным, неполным. Он должен осознать свою незавершенность.

Фрейд показал, что человек является существом принципиально нецелостным. В нем, как уже отмечалось, одновременно работают различные программы, которые растаскивают человека в разные стороны. «Свобода от конфликтов, цельность и однородность личности, — пишет его дочь Анна Фрейд, — являются, таким образом, невыполнимыми идеалами человеческой культуры»².

Иначе подходил к этой проблеме К.Г. Юнг. Он не оспаривал множества противоречивых программ, которые определяют человеческое бытие. Однако он рассматривал их по принципу дополненности. Наличие противоположностей в человеке вовсе не означает принципиальной нецелостности человека. Апогей жизненной полноты, считал Юнг, все более и более извлекает себя из противоположных крайностей³. По его мнению, ведийское мировоззре-

¹ Библихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998. С. 153.

² Фрейд А. Психопатологии детства. М., 2000. С. 22.

³ Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1997. С. 245.

ние сознательно ищет освобождения от парных противоположностей. Пары противоположностей были созданы уже творцом мира: желание и гнев, любовь и ненависть, голод и жажда, забота и мечта, честь и позор. Этот мир обречен на постоянное страдание от пар противоположностей.

В «Психологических типах» (М., 1997) Юнг показал, что каждый человек обладает психологической типажностью, которая отличает его от других людей и в то же время притягивает к себе собственную противоположность.

Психика как отражение мира и человека, — писал К.Г. Юнг, — это предмет такой безграничной сложности, что ее можно наблюдать и изучать с самых разных сторон. Душа ставит перед нами ту же проблему, что и мир: поскольку систематическое изучение мира лежит за пределами наших возможностей, мы вынуждены довольствоваться практическими методами и выбирать те его аспекты, которые нас интересуют. Каждый выбирает себе приглянувшийся сегмент мира и создает свой частный мирок, часто наглухо отгороженный от остальных, так что через какое-то время его создателю начинает казаться, будто он постиг смысл и структуру целого¹.

Однако действительно конечное не может объять бесконечно. Мир психических явлений составляет лишь часть мира как целого, и именно по этой причине кажется, что его легче понять, чем универсум. Юнг понимает «разнородности» в человеческой природе по принципу дополнительности. В самом деле мы можем говорить о сознании только потому, что есть бессознательное. Бессознательное как феномен правомочно постольку, поскольку есть сознание. Психика с этой точки зрения есть некая относительная целостность.

Можно привести еще один тип такой дополнительности. Специфическая организация души должна быть связана с условиями внешней среды.

От сознания, — пишет Юнг, — мы можем ожидать реагирования на настоящее и адаптаций к нему, поскольку сознание — это та часть души, которая имеет дело, главным образом, с событиями текущего момента. А от коллективного бессознательного, как вневременной и всеобщей (части) души, нам следует ожидать реакций на универсальные и постоянные условия, будь они психологическими, физиологическими или физическими².

¹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. М., 1997. С. 33.

² Там же. С. 49.

Таким образом, Юнг показывает, что противоречивость, разорванность человеческой психики не может служить свидетельством нецелостности человека.

Естественно, что аффективные колебания являются постоянными спутниками всех психических противоположностей, как и всех противоположных пониманий в моральном и других отношениях... Поэтому смысл индийского задания совершенно ясен: оно стремится освободить от противоположностей человеческой природы вообще, и притом для новой жизни в Брахмане...¹

Э. Фромм, обращаясь к проблеме целостности человека, отмечает, что всем людям свойственны одни и те же основные антропологические и физиологические черты, и каждый врач понимает, что любого человека, вне зависимости от расы и цвета кожи, он мог бы лечить теми же способами, какие он применяет к человеку своей расы. Но имеет ли человек столь же общую психическую организацию? А если бы люди различались в своей психической и духовной основе, как бы могли говорить о человечестве в более широком смысле, нежели физиологическом или анатомическом? Как бы мы могли понять искусство совершенно иных культур, их мифы, драму, скульптуру?

Однако какие элементы человека можно считать выходящими за рамки функциональной системы? Что в человеке не существенно или случайно? Кажется, такая постановка вопроса абсолютна некорректна. Сошлемся на такой пример. До открытия бессознательного Фрейдом человек мог рассматриваться как определенная функциональная система. Но разве открытие бессознательного оказалось неуместным, неоправданно разрушающим относительную целостность человека? Постановка вопроса о трансценденции ведь тоже разрушает определенное представление о человеке как функциональной системе.

Обратимся к Н.А. Бердяеву. Он пишет:

Человек — точка пересечения двух миров. Об этом свидетельствует двойственность человеческого самосознания, проходящая через всю его историю. Человек сознает себя принадлежащим к двум мирам, природа его двойится, и в сознании его побеждает то одна природа, то другая. И человек с равной силой обосновывает самые противоположные самосознания, одинаково оправдывает их фактами своей природы².

Человек принципиально не может рассматриваться как функциональная система, ибо он не является вещью. Об этом преду-

¹ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 248.

² Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 79.

преждал еще М. Шелер. Функциональная система — это модель для научной рефлексии. Философская же антропология ни в каком смысле и ни в какой степени не зависит от антропологии научной, ибо человек для нее не природный объект, а сверхприродный субъект.

«Человек — не дробная часть вселенной, не осколок ее, а целая малая вселенная, включающая в себя все качества вселенной большой, впечатлевающаяся на ней и на себе ее впечатлевающая»¹. Поэтому можно согласиться с В.И. Филатовым, когда он подчеркивает, что человек — это принципиально новая реальность в мире, которая существует в природе, но на основе универсальной меры. Таким образом, человек утверждается как универсальное существо. Эта универсальность, по мнению В.И. Филатова, является основой его целостности. Нет ли здесь путаницы понятий или сбой философской логики? Как универсальность оказывается залогом целостности? Скорее, наоборот, именно эта универсальность, т.е. многослойность, и есть свидетельство разорванности, рассогласованности человеческого существа. Когда Н.А. Бердяев вслед за Р. Штейнером видит в человеке физическое тело, эфирное и астральное, — это, разумеется, факт универсальности. Однако чем это все скреплено? Как тут рождается некая целостность? Получается парадоксальный ход мысли: чем больше всего намешано в человеке, тем больше оснований говорить о его целостности.

В истории философии в роли начала мироздания выступали Бог, Дух, Природа, Материя, Воля, Жизнь. Эти начала и оказывались критерием выделения его устойчивых видовых моделей, выражающих содержание целостности человека. Итак, сначала следует выделить в человеке множество компонентов, а затем выделить скрепляющий принцип. Еще в античной Греции знали, что человека, точно демоны, растаскивают в разные стороны разум, воля и страсти. Однако в европейской философии укоренилась мысль: разум способен быть державным, основным свойством, направляющим стержнем. Однако способен ли разум обеспечить такую целостность? Это просветительское воззрение было радикально подорвано еще романтиками, Шопенгауэром и самим Фрейдом.

Однако в истории философии можно выделить еще и духовное направление. В.И. Филатов отмечает, что целостность человека в христианстве обуславливается учением о том, что он сотворен по образу и подобию Бога. Суть этой христианской традиции в том,

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. С. 82.

что на человека накладывается отпечаток абсолютной личности Творца, и телесность человека сливается с его духовностью в некоторой гармонии. Таким образом, реальный человек во всей неповторимости его психофизиологических черт понимается как непреходящая и неоспоримая ценность. Наиболее полно эта модель выражена в философии «серебряного века» Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком, В.С. Соловьевым, И.А. Ильиным.

Разумеется, в русской философии рассматривалась проблема целостности человека. Но никто из отечественных мыслителей не сводил ее к гармонии телесности и духовности. Ведь это все лишь одна проблема, одна из относительных целостностей. К тому же и западные философы подчеркивали, что на самом деле рассогласование духа и тела скорее свидетельствует о нецелостности человека как уникального существа.

В немецкой философской антропологии проблема человеческого существования и его структуры рассматривается в двух направлениях — горизонтальном и вертикальном. В первом случае речь идет о способах отношения человека к миру. Во втором изучается «положение человека в мире как организма в ряду организмов», в ряду последовательных ступеней: растение — животное — человек. Растение и животное, безусловно, могут толковаться как целостности. Однако, по мнению Г. Пlessнера, ступени органического отличаются друг от друга с точки зрения замкнутости, централизации, рефлексивности.

Чем, скажем, отличается живое от неживого? Граница живого тела в отличие от неживого — свойство самого живого тела. В силу имеющихся границ живое тело пребывает в самом себе и выходит за пределы самого себя. «В своей живости органическое тело отличается от неорганического своим позиционным характером, тело "положено" в его бытии, этим подчеркиваются моменты динамики и относительного самоопределения живого тела»¹. По мнению Пlessнера, организм как целое является лишь половиной своей жизни, другую половину составляет среда («позициональное поле»). Всякое живое существо обладает замкнутостью и в то же время открыто среде, от которой оно зависит. Вот пример еще одной относительной целостности.

Человек, по определению, не может быть целостным. Целостность для него является неким идеалом, общим устремлением, ибо он может быть рассмотрен через спектр отдельных целостностей. Именно такое понимание проблемы открывает широкие горизонты для понимания человека как особого рода сущего.

¹ Plessner H. Die Stufen des Organischen und der Mensch: Einleitung zur Anthropologie. Berlin; Leipzig, 1928. S. 129.

Человек многолик. Он не укладывается в однозначный образ. Человек проявляет собственные антропологические качества. В человеке все отдельные части связаны между собой неразрывными узами.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Бубер М. Два образа веры. М., 1998.
3. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004.
4. Фромм Э. Человек как он есть. М., 2007.
5. Юнг Э. Психологические типы. М., 1995.

Вопросы для повторения

1. Что такое относительная целостность?
2. Какая жизнь считается состоявшейся?
3. Почему целое не есть коллекционирование частей?
4. Целостность — горизонт или граница?
5. Что означает «человек многолик»?

Темы для рефератов и докладов

1. Цельность и целостность.
2. Коллизийность человеческой психики.
3. Незавершенность человеческой природы.
4. Опыт постижения отдельных целостностей.
5. Гармония полушариям мозга.

Феномен личностного роста

*Так век за веком — скоро ли,
Господь? —*

*Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.*

Николай Гумилев

Изобрести человека!

Итак, человек находится в вечном поиске своей целостности. Не означает ли это, что человека можно просто сконструировать. Французский социолог Альбер Жакар назвал свою книгу «Изобрести человека». Впрочем, эту идею он позаимствовал у французского философа Ж.П. Сартра, который тоже задумывался над возможностью преобразования человека. Но если присмотреться к этой идее, то можно сделать еще один шаг назад к немецкому социальному мыслителю К. Марксу. Тот утверждал, что все пережитое человечеством является лишь предисторией. Теперь же может начаться подлинная история. Стало быть, современный человек является лишь переходной матрицей того, чем станет человек. Но для Маркса такой результат мог быть только следствием преобразования социально-экономической среды. Сейчас проблема ставится иначе.

Жакар полагает, что история пусть движется сама по себе. От нее мало что зависит. Теперь у людей есть такие научные и технические ресурсы, что просто неслепо не воспользоваться ими для радикального изменения антропологического типа. Невообразимая мощь человека подталкивает к преобразованию самого человека. Мы обречены, пишет Жакар, изобретать человека, учитывая преобразование техники. Первый решающий прорыв — появление *Homo sapiens* — состоялся давно. Сегодня пора другого прорыва. Вот о чем говорят ныне поклонники гигантских успехов науки.

Но какого человека надо создать? Первое, что приходит в голову, это человек-кибер. Речь идет о человеке-компьютере, которому внедрили электроды в мозг. Они-то и заставляют человека

выполнять те команды, которые ему посылают через электроды. Такая ориентация соблазнительна. Тем более что здесь рождается возможность союза с генной инженерией. Оплодотворять искусственно, сохранять зародыш «инвитро», производить клоны, осуществлять инкубацию оплодотворения, бесконечно воспроизводить одну и ту же модель, тонко исправлять недостатки плода, оплодотворять женщину неизвестной спермой, сохранять сперму «великих людей» и т.д.

Все теперь можно, чтобы сфабриковать человека, которого мы вождедем. Но именно в этом пункте книга Жакара кажется мудрой, и нужно воспринимать ее скорее как предупреждение, нежели великолепное открытие. К счастью, сам Жакар весьма осторожен: мы можем с помощью генной инженерии сделать многое, но куда нам следует идти? Может быть, с дебильной настойчивостью спустить с конвейера сотню Эйнштейнов? Где путеводная нить и пределы человеческого суждения? Как бы далеко мы ни поплы за ответами, вопрошание, сомнение не покинут нас.

Наше знание не располагается в том же измерении, что и наши сомнения. Грандиозный опыт генной инженерии наталкивается на гигантское препятствие, и никто не способен ответить на простой вопрос: какого именно человека мы хотим изобрести? Прежде всего, умного? Прежде всего, религиозного? Образцово мышечного? Физиологически прекрасно уравновешенного? Альтруиста? Эгоиста? Прекрасно интегрированного в коллектив? Весьма восприимчивого к красоте? Вооруженного критическим мышлением, что предполагает автономность личности?

Можно, к примеру, сказать: хотим разного, пусть в нем будет все... Но это невозможно.

Нужно выбирать. Нельзя, допустим, получить человека одновременно рационального и высокодуховного, образцово мышечного и религиозного... Когда в романах нам предлагают модели нового человека, то сразу рождается ужас перед этим типом — либо гения зла, либо героического болвана. Ни ученые (психологи, социологи), ни моралисты, ни философы не способны создать модель идеального человека, который достоин технического воспроизводства.

Однако, допустим, мы знаем, какой человек нам нужен. Нам понятен антропологический идеал, который мы осуществляем. Что тогда? Такой воплощенный тип не располагал бы свободой. Ведь это мы запрограммировали его, учитывая малейшие детали. Но что такое человек, лишенный свободы? Известно, что французский биолог Ж. Ростан, который работал с зародышами жабы в 1960 г., сказал: «Я могу теперь изготавливать жабу с двумя головами

и пятью лапами, но я не в состоянии смастерить супержабу». Человек, сконструированный генной инженерией, — ни в коей мере не супермен. Возможно, генная инженерия способна исправить некоторые дефекты, заполнить лакуны природы, предотвратить психологические или физиологические драмы. Но пусть она остановится на этом.

Но существует в философии и психологии другой путь. Речь идет о том, что именно изменение общества, социальной среды может «вывести» новую породу человека. Здесь речь идет уже не о волюнтаристском «изобретении», а о более или менее объективном процессе. Мы оказываемся здесь перед оппозицией «природа—культура», или «натуральное—искусственное», или «спонтанное—управляемое». Итак, перед нами дилемма: либо, используя технические средства, создавать нового человека, либо ждать мутации естественной среды и, в соответствии с социальным дарвинизмом, появления мутанта.

Французский психолог В. Скардильи презабавно соединяет эти две тенденции. С одной стороны, он видит гуманистическую тенденцию в обществе потребления, которое, по его словам, «реабilitирует личность». Каждый должен верить, что в будущем станет еще лучше, чем сегодня, и соотноситься с этим. Общество потребления, по его мнению, восстанавливает человека. Человек мыслится как принцип и как конечная цель экономической деятельности. Все нововведения подчинены человеку. Конечная и материальная нужда уступает место желанию, а бесконечность вещей стремится к обеспечению бесконечности желаний.

Но что можно сказать о таком идеале человека? Он — универсальный потребитель. У него много желаний, он вожделеет чего попало. Это ли желаемый образ человека? А с другой стороны, тот же Скардильи объясняет нам, что этот новый человек может быть сконструирован. К нашим услугам прогресс медицины, терапевтическое создание комфорта, в котором боль устранена, развитие эстетики, позволяющее каждого сделать красивым. Но такой человек абсолютно пассивен. Он целиком перепоручил себя науке, менеджерам человеческого уюта. Он вообще переходит в разряд технических аппаратов.

Компьютер не может изобрести человека. Мы мечтаем о новом человеке, но не в состоянии осознать характер будущей мутации. Человек в соответствии с учением Сократа отличается от человека по Будде. Но обе эти модели не подходят на экономического человека. Идея воспитания человека мудрого, уравновешенного, использующего технические мощности для общего блага порождает

сомнение: можно ли передать такому человеку неслыханные возможности? О чем идет речь — о Прометее или о ницшеанском идеале сверхчеловека? Последний образ более вероятен. Напомним также, что любые попытки искусственных вмешательств двойственны. Они нередко порождали порочные тенденции. И дело совсем не в том, что тут выявлялась недостаточность технических или научных возможностей. Неожиданные следствия присущи любому феномену. Невозможно иметь чистые прогрессы.

Личность как понятие

Между тем многие авторы, специально изучающие проблему личности (А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, В.М. Розин), отмечают особую сложность данной проблемы.

Проблема личности в психологии, — пишет Д.А. Леонтьев, — проблема необъятная, охватывающая огромное поле исследований. Отчасти в силу растяжимости понятия «личность», отчасти из-за того, что такие слова, как «личность», «характер», «темперамент», «способности», «потребности», «смысл» и многие другие, входят не только в систему научных понятий психологии личности, но и в наш повседневный язык, вокруг проблемы личности ведется очень много споров и дискуссий — ведь почти каждый в какой-то степени считает себя специалистом по проблеме личности¹.

Сам термин вызывает у философов и психологов разноречивые толкования. С одной стороны, личностью называют любого человека, в том числе и асоциального, например преступника. С другой стороны, придают этому термину особый статус, полагают, что слово «личность» характеризует избранного, духовного и целостного человека.

Слово «личность» появилось в Западной Европе не ранее XVII в. В России термин «личность» ввел Н.М. Карамзин. Он полагал, что человек способен к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. Личность — это хозяин собственной судьбы, собственной жизни. Человек может стать личностью, если поставит перед собой такую цель. Кого можно назвать личностью? Такого человека, который весьма своеобразен, духовно развит, обладает чувством ответственности за свои поступки. По этой логике среди человеческого сообщества есть личности и неличности, т.е. люди, которые не соответствуют этому понятию.

¹ Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1997. С. 6.

Некоторые исследователи (Д.А. Леонтьев, В.М. Розин) предлагают переформулировать проблему: не т.е. личность, а т.е. личность. В этом случае предполагается не отделение «чистых» от «нечистых», а анализ тех признаков, особенностей, которые в своей совокупности дают некое качество человека, называемое личностью. «Личность — это такая инстанция в человеке, которая обеспечивает самостоятельность его поведения»¹. Сразу надо отметить, что такое определение нельзя признать четким. Как, вообще говоря, измерить самостоятельность поведения, когда каждому человеку приходится каждодневно решать собственные жизненные проблемы и определять свои поступки?

Иногда слово «личность» используется как повод для обозначения структуры психического мира. В этом случае обращается особое внимание на иерархию слагаемых человеческой субъективности (З. Фрейд). Нередко личность помещается в контекст ее собственного развития. Тогда на первое место выдвигается проблема динамики, изменения, роста (Д.И. Фельдштейн, А.Г. Асмолов и др.). Но как совместить эти разнообразные подходы? Д.А. Леонтьев критикует различные мифы и предрассудки, которые сложились при анализе личности. Эти трафареты, по его мнению, бытуют в быденном, в обывательском сознании и порой в научно-популярной литературе. Они опираются на свойственную почти каждому человеку потребность в простоте. «Единственный их недостаток — они имеют мало общего с действительностью. Подобно пародиям и шаржам, они выхватывают одну черту из картины реальности и раздувают ее до максимальных размеров, а остальное игнорируют»².

Д.А. Леонтьев предлагает собственное понимание проблемы, которое, на мой взгляд, весьма спорно. Он считает, что «личность — не оценочная категория, личность присуща каждому человеку, по крайней мере, начиная с определенного возраста. Только так можно говорить о личности как о предмете научного познания»³. Но ведь в философской литературе понятие личности и в западной, и в отечественной философии всегда рассматривалось как оценочное. Как вообще могла бы сложиться персоналистская тенденция в философии, если бы христианство не выставило понимание личности именно как некоего ценностного идеала? Немецкий философ Ф. Шлейермахер подчеркивал: каждый человек должен на свой лад

¹ Розин В.М. Кризис личности как отражение кризиса культуры // Мир психологии и психология в мире. 1994. С. 28.

² Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 7.

³ Там же. С. 9.

выражать человечество¹. Именно эта оценочная соотносительность человека с человечеством и отражает понимание личности в философии и психологии. Личность — это предельное выражение человеческого в индивиде. Безусловно, это оценочная категория.

«Всемирно-историческое значение буддизма состоит в том, — писал В.С. Соловьев, — что здесь впервые личность человеческая стала цениться не как член рода, касты, союза национально-политического, а как носитель высшего сознания, как существо, способное пробудиться от обманов житейского сна, освободиться от цепей причинности»². Если личность — категория не оценочная, тогда — разговор о личностном росте утрачивает свой смысл. В этом случае возвышение человека, его духовный рост не могут рассматриваться как некий нравственный подвиг, как превозможение самого себя.

Д.А. Леонтьев, который предостерегает от искушения простоты, сам называет четыре простые аксиомы.

1. Личность присуща каждому человеку.
2. Личность есть то, что отличает человека от животных, у которых личности нет.
3. Личность есть продукт исторического развития, т.е. возникает на определенной ступени эволюции человеческого общества.
4. Личность есть индивидуальная отличительная характеристика человека, т.е. то, что отличает одного человека от другого.

Общаясь с людьми, мы, прежде всего, ориентируемся на особенность их личности склада³.

Но насколько бесспорны эти положения? Если личность присуща каждому человеку, то почему вдруг она оказывается продуктом исторического развития? По логике этих положений можно утверждать, что когда-то человек не был личностью, а стал ею в процессе общественной динамики. Но как совместить это с первым утверждением? У животных нет личности. Но можно предположить, что ее нет и у некоторых людей. Личность не является антропологической характеристикой человека, поскольку Д.А. Леонтьев уже заметил, что личностью индивид оказывается по крайней мере с определенного возраста. Теперь прочитаем Н.А. Бердяева:

Личность не тождественна индивидууму. Индивидуум есть категория натуралистическая, биологическая. Не только животное или растение есть индивидуум, но и алмаз, стакан, карандаш. Личность

¹ *Немецкие романтики*. СПб., 2003. С. 40.

² *Соловьев В.С.* Соч. в двух томах. М., 1989. С. 314.

³ *Леонтьев Д.А.* Указ. соч. С. 9—10.

же есть категория духовная, а не натуралистическая, она принадлежит плану духа, а не плану природы, она образуется прорывом духа в природу. Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека. Человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности. Есть очень одаренные люди, очень своеобразные, которые вместе с тем безличны, не способны к тому сопротивлению, к тому усилию, которое требует реализация личности. Мы говорим: у этого человека нет личности, но не можем сказать: у этого человека нет индивидуальности¹.

По мнению русского философа, человек должен реализовать в себе личность, и эта реализация есть неустанная борьба².

В психологической и философской литературе для обозначения человека, для его характеристики используются три термина: «индивид», «индивидуальность», «личность». Специфически выражая понятие человека, они вместе с тем имеют различное содержание. Если говорить о развитии человека, о приобретении им индивидуальных психологических, духовных и социальных качеств, то эти понятия выстраиваются именно в той последовательности, в которой они здесь приведены. Такой подход к анализу проблемы назовем историческим и противопоставим его другим подходам — структурному, динамическому.

Сегодня о личностном росте людей вообще и студентов в частности не пишет только ленивый. Философы, психологи, правоведы, историки, социологи рассматривают понятие личности как ключевое. Педагоги толкуют о личностно-ориентированном образовании. Множество концепций, подходов, тенденций. И вместе с тем поразительная разногласия. В первую очередь в определении самого понятия «личность», во вторую очередь — в толковании слов «личностный рост».

С философской точки зрения «личность» понятие недавнее. Оно появилось в европейском обиходе только в Новое время. Однако сама идея личности зародилась в Древней Греции. Латинское слово «persona» — маска актера — стало базовым и для других понятий, например персонификация (от слова «prosopopoiia»). В архаические времена так называлось обожествление сил и образа действия олимпийских богов (Ника, Зевс, Эрос), редко почитаемых в виде культа, в мифе, поэзии, искусстве. Посредством персонификации воплощали политико-социальные, духовные и культурные понятия (Эвномия, Дике Гесиода). Рядом с ними стояли такие персонажи народных сказок, как Старость, Смерть. Персонификация

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. С. 296—297.

² Там же. С. 296.

как аллегория начинается с Еврипида и софистов (добродетели, пороки), она играет значительную роль в поэзии от эллинизма до барокко. Персоной в юнгианской психологии, как известно, обозначается тип поведения, который находится в соответствии с требованиями повседневной жизни индивида. Это слово подчеркивало социальность человека, его возвышение над природным миром. Поздняя античность называла человека персоной, чтобы подчеркнуть, что он не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие качества. Характерно, что в китайском языке нет иероглифа, который выражал бы данный смысл.

Европейская культура основана на персоналистической традиции, т.е. на уважении к уникальности и незаменимости человека. Эта традиция родилась в христианстве и затем стала основой европейской культуры.

ИНДИВИД КАК ПОНЯТИЕ

Индивид (от лат. *individuum* — неделимое, особь) — отдельно взятый представитель человеческой общности и всего человеческого рода. В этом понятии (латинский перевод греческого слова «атом» — неделимый) выражен образ единичного человека, еще не наделенного всем набором индивидуальных и социальных задатков.

В социальном бытии он выступает как неразложимый элемент, как клеточка социальной группы, общества или человечества. Индивид имеет определенные свойства, которые выделяют его из множества «других». Как отдельный природный экземпляр он может быть рыжим, толстым, длинноногим. Он всегда «один из». Это самая общая, в меру умозрительная характеристика человека, свидетельствующая о том, что он вполне самостоятельное тело, природная особь. Говоря об индивиде, мы прежде всего выделяем его биологические свойства.

Человек неповторим. Но наука свидетельствует, что типы человеческого лица обладают свойством возобновляться. Его величество случай может заставить римского императора Нерона еще раз выглянуть из толпы совсем не в императорском облачении. Зачем нужно природе еще раз напугать или обрадовать нас знакомым человеческим лицом? Зачем-то это, наверное, нужно...

Подмечено также, что похожие голоса, как правило, принадлежат людям, которые и внешне относятся к одному типу. Но какая связь между голосовыми связками и лбом? Никто не знает, а на практике с этим сталкиваемся постоянно. Для дублирования зарубежных актеров приглашаются обычно внешне похожие люди. И голос будет со-

ответствовать. Но еще чаще пренебрегают этим природным свойством. Голос разрушает образ, воплощенный на экране.

Повторим, человек уникален. И интересен нам уже на уровне присущей ему телесности. Трудно представить себе Тарзана, жителя джунглей, в облике немощного старика... Конкретный образ здесь творит прежде всего могучий торс. Да и не будь Джейн (героиня сериала о Тарзана), хрупкой красавицы, рядом с этим громилой — экзотическая и трогательная история не могла бы родиться...

Карлсон заметно потерял бы в своей непосредственности и трогательности, если бы лишился брюшка. А Дон-Кихот и Санчо Панса — попробуй поменять их внешний облик. Что останется от рыцарской романтики? Уберите у Чебурашки его уши из соображений высшей эстетики, и огромные глаза покажутся вам просто лицемерными. В свое время отечественное телевидение показывало мультфильм о Незнайке и его друзьях. Зрители так привыкли к знакомому телесному облику героев книги, что, когда на телевидении создали кукольных персонажей, не похожих на книжные иллюстрации, ребята перестали смотреть сериал. Новых героев они воспринимали как незнакомцев.

Когда я пытаюсь представить себе, кто я такой, я прежде всего вижу свой физический облик. Но ведь он меняется. Проходят годы, и вдруг я ощущаю в себе поразительные перемены. Ломается голос. Пробуждаются какие-то таинственные желания. Рождаются поразительные энергии. Я как будто наблюдаю себя со стороны. Неужели это я? Отчего тело стало таким несоразмерным? Руки висят, ноги утратили упругость. Иногда это пугает меня. Кос-кто даже впадает в депрессию, в отчаяние. Каким странным, несуразным существом я оказался... Куда делись бывшая непосредственность, естественная пластика? Неужели теперь я так и останусь развинченным, нелепым? Этот прорезавшийся басок при длинных худых ногах. Или тонкий дискант — разве он лучше?

Первая предпосылка всякой истории — разумеется, существование живых человеческих индивидов. Характеризуя человека, мы прежде всего обозначим его телесную природу, набор биологических характеристик. Однако индивид всегда социальное существо. Поэтому не следует подчеркивать, что в данном понятии уловлены только телесные и самые общие психологические черты данного индивида. В этом смысле важно избежать того, чтобы снова противопоставить индивиду «общество» как абстракцию. Индивид есть общественное существо. Говоря об индивиде, мы рассуждаем пока в самом общем виде о том, как человек соотносится с обществом.

Индивид социален по своей природе, однако это вовсе не означает, будто каждый человек раскрывает в себе индивидуальное богатство, потенциал человеческих связей. На определенном уровне анализа он может рассматриваться в качестве природной особи, вовлеченной в сообщество. В этом случае проблема индивида будет включать в себя рассмотрение различных исторических форм, внутри которых человек либо остается закрытым социальным атомом, либо начинает раскрывать собственное богатство...

В фантастической литературе появилось выражение «человек-минимум». Что оно означает? Можно считаться индивидом при самом незначительном наборе человеческих свойств. Но можно и не удовлетвориться этой бедностью. Социальный процесс реализуется через индивида, через его связи. Мы можем предполагать в индивиде его психологическое и социальное богатство. Иначе говоря, человек может стремиться не к минимуму, а к максимуму.

Для понимания индивида необходимо рассматривать его вместе с обществом, в котором он живет. Индивид является нам с полным набором биологически обусловленных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Чтобы их реализовать, индивид вступает в отношения с другими членами общества. Связь между человеком и обществом не является статичной, неизменной. Нельзя представить дело таким образом, будто, с одной стороны, мы имеем индивида с определенным набором естественных потребностей, а с другой — отдельно и независимо от него — общество, которое эти потребности удовлетворяет или подавляет.

По словам американского психоаналитика Эриха Фромма, социальная история человека началась с того, что он вырос из состояния единства с природой, осознав себя как существо, отдельное от окружающего мира и от других людей¹. В течение долгого времени это осознание было смутным. Индивид оставался тесно связанным с природным и социальным миром. Уже осознавая себя как отдельное существо, он в то же время чувствовал себя частью окружающего мира. Прежде всего, человек отделился от природы. Став «индивидом», он сделал первый шаг к тому, чтобы ощутить себя человеком.

Персоналистская философия, обосновывающая суверенитет личности, не может, я думаю, отвлечься от вопроса о том, каковы собственные пределы человека, в чем он черпает основы нравственности, что питает его волевые импульсы. Если мы решили вернуть нашему психологическому мышлению антропологическое измерение, то на-

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 40.

чинать надо, видимо, не с культа индивида, не с безоговорочного признания его самоуправления, а с осмысления полярных ценностей, которые сложились сегодня на Западе и на Востоке.

Возвращая человеку его достоинство, его право строить мир по собственным меркам, нельзя, на мой взгляд, не видеть опасности скороспелого вывода: «Индивид превыше всего!» Шкала ценностных предпочтений применима к самому человеку. Он вовсе не единственный, а полномочный представитель человеческого рода.

Христианство, которое стало истоком европейской персоналистской традиции, возлагает не эгоистическое, а всечеловеческое. Оно, по выражению Л.П. Карсавина, «единственная религия личности»¹.

Христианство утверждает идею живого индивида, наделенного телесностью, разумом, чувствами, страстями. Однако оно исключает безмерное поклонение человеку. Персоналистски ориентированная философия менее всего озабочена тем, что установить диктат индивида. В том-то и дело, что персоналистская философия, задумавшись над предназначением человека, выдвигает перед ним определенные нравственные императивы, соразмеряет поступки с общечеловеческими целями. Свобода трагична. Она ставит человека перед выбором, потому что основана на нравственном законе. Личность отнюдь не стремится к диктаторскому самоутверждению и не пытается навязать общественной организации свои корыстные интересы.

Мы осознаем сегодня, что всякое общественное установление, будь то закон, традиция или социальный институт, должно поворачиваться интересами личности. Идеальное человеческое поведение может создаваться, судя по всему, на предельном учете особенности каждого индивида, его разума, воли и чувств, всей человеческой субъективности. Пренебрежение к слезе ребенка или даже к голосу, который «тоньше писка», оборачивается драмой или даже трагедией для других. Общество — это равнодействующая индивидуальных устремлений. Навязывание воли, парализующей «всех прочих», идеологии, безразличной к личности, фанатически отвергающей «чуждые» ценности, неизменно сопряжено в панораме длящейся истории с возмездием.

Между тем социальные критики с тревогой пишут о том, что в современном западном мире принцип персонализма уже демонстрирует свои издержки. Мало кто хочет служить в армии и защищать страну. Рождается множество индивидуальных стилей поведения, многие из которых направлены против общества и его институтов.

¹ Карсавин Л. Церковь, личность и государство // Путь (Париж). 1928. № 12. С. 32.

Может ли и дальше персоналистская традиция разворачивать только позитивный потенциал.

Н.А. Бердяев утверждал, что индивидуализм изжил себя. Энергия, заключенная в нем, исчерпала себя.

Индивидуализм, — писал Н.А. Бердяев, — совсем не онтологичен, он не имеет никакой бытийственной основы. Индивидуализм менее всего укрепляет личность, образ человека. И в индивидуалистическую эпоху совсем не процветают яркие индивидуальности, сильные личности¹.

Представим себе современного молодого человека, который приходит наниматься на службу в фирму. В своем резюме он характеризует себя как человека предприимчивого, инициативного, раскованного. Вы только возьмите его на работу. Он вам тут такое натворит... А вот девушка пишет заявление о возможном приеме ее на службу в японскую фирму. Она, напротив, рекомендует себя как скромного и совсем неинициативного человека. Она берет на себя обязательство не создавать в коллективе психологических проблем, не выпячивать свое «я», не демонстрировать собственное творчество. Понятное дело, такую девушку легче возьмут на работу и будут считать ее верной дочерью фирмы. Когда она уйдет на пенсию, фирма все равно станет заботиться о ней.

Так какой же вариант перспективнее для человечества? Известный французский культуролог Луи Дюмон в книге «Человек иерархический» выступает против индивидуализма, столь укорененного в европейской культуре. «Человек иерархический» задуман как итог многолетних полевых исследований, размышлений и дискуссий. В работе европейскому укладу противостоит индийская система каст. С точки зрения обычного европейца, касты — это «институт, отрицающий права человека и представляющий собой препятствие на пути экономического прогресса множества людей». В лучшем случае каста для людей Запада — это некое извращение, аномалия, социальная система, столь же стабильная и мощная, сколь противная нашей морали и непостижимая для нашего разума²...

Дюмон видит в системе каст равноправную «форму существования человечества». Эта система может открыть глаза на некоторые наши собственные черты. Принцип иерархии, лежащей, согласно

¹ Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. С. 416.

² Дюмон Л. *Человек иерархический*. Минск, 1994.

Дюмону, в основе системы каст, не бесполезен для понимания природы, пределов и условий реализации того морального и политического равенства, к которому мы стремимся. Современный человек, для которого собственно человек начинается с Декларации прав человека, конечно, не захочет отбросить свои ценностные представления и заменить их другими.

Основное отличие между западной и индийской системами ценностей Дюмон видит в подходе к человеку и его месту в обществе. Две системы ценностей противопоставлены друг другу: первая соответствует обществу традиционному, вторая — современному. В первой системе, как, впрочем, и в «Республике» Платона, главный упор — на общество в целом, на человека коллективного. Идеал определяется как организация общества с точки зрения его целей (а не с точки зрения индивидуального счастья). Речь идет прежде всего о порядке, об иерархии. Каждый отдельный человек должен функционировать в определенной точке глобальной системы, и справедливость — это пропорциональное распределение социальных функций относительно целого.

Для современных людей, напротив, человеческое существо — это человек элементарный, неделимый. Каждый человек воплощает в каком-то смысле все человечество. Он — мера всех вещей. Сфера целей совпадает с законными целями каждого человека. То, что называется обществом, — это средство, жизнь каждого человека — это цель. Дюмон отмечает: чтобы понять индийское общество, мы должны прежде всего понять его идеологию. Центральное понятие этой идеологии — иерархия. Основное значение имеет иерархия «чистого — нечистого», на основе которой все общество организуется в группы. Система каст и есть иерархически организованная совокупность групп, обладающих той или иной степенью чистоты.

Культурологу, видимо, небезынтересно, что Дюмон излагает историю отношения к кастам. Он разделяет ее на три периода. Для первого (до конца XIX в.) характерно стремление объяснить сам факт существования системы каст, института столь удивительного и даже возмутительного для европейца. Во второй период (конец XIX в. — 1945 г.) эта «объяснительная» тенденция сохраняется, но преобладает уже подход описательный. Наконец, современный период — более полувека характеризуется интенсивными исследованиями социальных антропологов, методы описания уточняются, социологические соображения преобладают и вытесняют исследования истоков.

В первый («объяснительный») период было предложено много различных объяснений происхождения системы каст. Аббат Дюбуа,

сын века Просвещения, читал систему каст «шедевром индийского законодательства». Он писал о том, что институт, подобный этому, был, вероятно, единственным средством, которое дальновидная предусмотрительность смогла изобрести для поддержания цивилизации у такого народа, как индийцы.

Джеймс Милль (не Джон Милль), оказавший большое влияние на умы индийских интеллигентов XIX и XX вв. объяснил происхождение каст уже совместным действием внутренних законов развития общества (прежде всего, необходимостью разделения труда) и воли законодателей, причем законодатель имеет здесь вторичную роль — разделение труда возникло само по себе.

Речь идет, замечает Дюмон, о дуализме, который нам еще встречается в сходных формах и от которого, вообще говоря, мы еще не избавились: перед современным культурологом все еще стоит задача увязать аспекты технические и экономические, с одной стороны, а с другой — религиозные. Тот же дуализм проявлялся в мышлении европейцев о кастах как противопоставление «религиозного» и «социального». Перед католическими миссионерами издавна стоял вопрос: считать ли касты явлением «религиозным» (и бороться с ним) или «просто социальным» (и приспосабливаться к нему).

Было выдвинуто также несколько «исторических» теорий, объяснявших касты более или менее уникальным стечением обстоятельств и факторов. Среди исторических объяснений можно различать три типа: теорию индоевропейскую, или дравидийскую, теорию расовую и теорию диффузионистскую. Расовая теория каст (объясняющая их происхождение столкновением различных рас на территории Индии) вплоть до настоящего времени была наиболее распространенной.

Дюмон считает, что система каст устояла перед двухсотлетним напором Запада. Индия может преподать Западу ценный урок, выявив лишь, впрочем, тенденции, существующие подспудно в самой западной традиции (см. теории Гоббса, Руссо и Гегеля).

Однако чем обусловлен такой интенсивный интерес к теории каст, который можно рассматривать как локальный аспект культурологии? Численность людей на земле катастрофически растет. Годятся ли европейские формы совместного существования для будущего? Нет ли в азиатском опыте более эффективных форм коллективной жизни, которые могут оказаться полезными для людей, — вот смысл данного исследования. Европейская персоналистская традиция кажется сегодня западному миру непогрешимой, незаменимой. Но ценности меняются... Не придет ли время и для других ценностных ориентаций?

Персонализм

Однако в современных условиях личность как ценность культуры ставит множество новых проблем. Персоналистская идея доводится до абсурда, освобождается от нравственных критериев, от размышлений о природе человека и его предназначении. В ряде современных публикаций говорится о личности без малейшей попытки войти в сферы культурологического анализа. Возникает малопривлекательный образ человека, выпавшего из лона человечества. Маячит угроза диктатуры индивида, готового отстаивать собственное своеволие в толпе внутри человеческого скопища.

Теперь опять о преступнике. Я думаю: какая поразительная личность! Какой импульс воли! Сколько в нем неповторимого, палаческого! И потом — какая самобытность! Проницательный читатель, поди, догадался, что я использовал провокативный прием. Трудно сказать о душегубе, что он личность. Нелепо стандартное кровопускание сопрягать с душевной уникальностью, холодную решимость — с торжеством воли.

Между тем наше коллективное сознание давно уже деградировало. В нем сместились акценты, произошла неправомерная подмена ценностей. Листаем учебники по истории, адресованные школьникам. Прошлое, оказывается, населено непревзойденными личностями. Не беда, что один из них предатель и интриган, другой — вор и душегуб, третий — преступник растлитель. Мы выглядываемся в эти пучины мерзости и млеем: какая грандиозная личность! По этому поводу у нас есть и расхожие теоретические прибаумбасочки. Злодей ведь тоже человек, и ничто человеческое...

Само собой понятно, что нет нужды раскрашивать исторические фигуры в зловещие тона. Люди минувшего тоже жили в потоке собственных человеческих страстей. Но отчего мы буквально загинотизированы именно темными сторонами человеческой души? Почему именно с ними связываем представление о своеобразии человека? С какой стати шепчем на придыхании — личность!

Этот догадался влить законному спящему королю отраву в ухо. А это высочество без комплексов понесло на свадебный пир поминный пирог. Тот, размышляя об аграрном вопросе, составляет список, кого заблаговременно зарыть в землю. А этот ради веры готов уничтожить любого неверного. Ну и что? Где же вы возьмете других исторических вершителей? Какие уж есть... Однако что заставляет нас говорить о личности в тех случаях, когда налицо распад человеческой сути?

Беру на удачу пособие Я. Соколова «Граждановедение», рекомендованное экспертным советом Министерства общего и профессионального образования ученикам 9-го класса. Читаю непреклон-

ное: «Да, преступник, как правило, тоже личность». Согласитесь, какой прицельный способ привить гражданские доблести! Наверное, пылкому детскому воображению не трудно представить восхитительный парад личностей в виде казнокрадов, жуликов, сексуальных маньяков и паханов...

Мне понятно желание наставника привить неокрепшим детским душам уважение к правам человека. Ведь и крестьянки любить умеют, и преступники тоскуют по признанию. Зачем же посягать на их авторитет? Однако не преступило ли демократическое сознание собственные пределы? Абсурдность, покажи свое личико!

Если уж вразумлять школьников, то, может быть, рассказать о том, как мучительно, через парадоксы и мысли рождалось в истории философии представление о различии понятий «индивидуальность» и «личность». Вот, скажем, мысль Николая Бердяева: человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности. Понятие личности предполагает гармоничное, универсальное развитие всех человеческих задатков.

Итак, если каждый человек имеет право называться личностью, то философское сопоставление понятий «индивид», «индивидуальность», «личность» вообще теряет смысл. Личность — универсальное понятие духовного человека. Оно вбирает в себя самобытность, множество социальных качеств, богатство души. Можно ли назвать личностью опустившегося, выпавшего из общества бомжа? Разумеется, нет. Однако подумаем: почему же? Он утратил социальные качества, отказался от призвания, отверг социальные нормы, забыл культурные традиции, словом, свел себя до минимума.

Теперь обратимся к фигуре преступника. Это — личность? Смотрите, какой он смелый, предприимчивый и даже необычный. Но ведь он преступил человеческие нормы, презрел существующие правила поведения, выстроил себя по меркам криминального мира. Зачисляя всех чехом в личности, мы, возможно, вынашиваем бессознательно надежду на нравственную индугенцию.

Так что же может быть решающей характеристикой личности. На мой взгляд, личность скорее идеал, нежели реальность. Поставим вопрос в виде этического парадокса: кто имеет право учить нравственности? Первый ответ, видимо, будет таким: тот, кто сам нравственен. Но представьте себе человека, который полагает, что он достиг уже этических вершин. Такой человек, скорее всего, окажется безнравственным, поскольку прекратит всякое духовное развитие.

Личность — это человек, который пытается обрести некую целостность. Он всегда в развитии, в динамике. И это хорошо заметно в клинической практике. Многие люди живут на уровне тела. Они старательно избегают всяких психологических проблем и ищут

жизненных радостей в функционировании своего организма. Однако есть и другие люди. Они слышат роптания собственной души и стараются учесть ее запросы. И лишь немногие приводят в движения импульсы своей духовности, восходя, таким образом, еще на одну ступеньку своего личностного развития.

Представьте себе пациента, который обращается к психоаналитику в связи с тем, что у него болит сердце, пошаливает печень, плохо функционирует кишечник. Если эти заболевания носят психогенный характер, т.е. вызваны психологическими причинами, то аналитик может оказать реальную помощь пациенту. Но есть люди, которые страдают от комплекса неполноценности, от одиночества, от неумения строить коммуникативные стратегии. Здесь уже возникают проблемы души.

Однако есть и такие пациенты, которые не удовлетворяются запросами тела и души. Их влечет сфера духа. В этом случае можно услышать вопрос: «Павел Семенович, а вы лично верите в Бога?». А может быть и такое: «Я потеряла близкого человека, и теперь я не знаю, зачем я живу? Вообще, в чем, вы полагаете, смысл жизни?»

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 2001.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994.
3. *Гуревич П.С.* Этика. М., 2006.
4. *Леонтьев Д.А.* Очерк психологии личности. М., 1997.
5. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004.

Вопросы для повторения

1. Каковы современные версии преображения человека?
2. Когда появилось слово «личность»?
3. Чем личность отличается от индивида?
4. Каковы негативные последствия персоналистской традиции?
5. Что такое личностный рост?

Темы для рефератов и докладов

1. Персонализм как европейская традиция.
2. Индивид и личность: опыт сравнения понятий.
3. Идея преображения человека.
4. Личностный рост как процесс.
5. Проблема человека на Востоке.

Часть III

Здоровье как феномен

Клинические аспекты здоровья

*Как можно, радуясь, любя,
Жить-быть, когда болезни
Лютее злыдней на тебя
Со всех сторон налезли?*

Анатолий Брагин

Мнимый больной

Таисия Ивановна отправилась на цигун. Столько разговоров о модном увлечении, столько соблазнов обрести немислимое здоровье. Ходила, впрочем, недолго. Неожиданно «поехала крыша» (Фрейд). Появилось ощущение тяжелой одышки. Ночью охватывала дрожь, сводило руки. Сначала поговорила с цигун-консультантом, потом бросилась по всем клиникам. Консультант только руками развел, а другие врачи ничего особенного в организме не нашли.

Так Таисия Ивановна появилась в нашей клинике. Вскоре стало ясно, что дрожь и одышка — скорее продукт болезненного сознания, нежели реальные симптомы. Таисия Ивановна воспитывает двух девочек. Они ходят в садик. Муж уехал в Германию, там у него бизнес. Отношения с ним давно уже стали родственными: живут как брат и сестра. Гинеколог отметил застой крови в области крестца. Еще бы — половая жизнь осталась как воспоминание. А вообще Таисия Ивановна — вполне здоровая женщина. Никаких заболеваний, кроме обостренной мнительности, которая и рождает ощущение тяжелейшего состояния.

С тем, что она вполне здорова, Таисия Ивановна решительно не согласна. На самом деле она смертельно больна.

— Еще до того, как со мной случилось это страшное заболевание... — рассказывает она.

— Какое? — удивляюсь я.

Таисия Ивановна смотрит на меня с недоумением:

— Невроз.

Кроме комедии Мольера «Мнимый больной», ничего подходящего к случаю не вспоминаю. Но не надо поспешных выводов. Сам драматург играл в спектакле, после которого сразу и умер... Кажется очевидным, что человек хочет быть здоровым и богатым. Оказывается, нет. Есть и такие, которые хотят болеть, мечтают о страшном диагнозе, требуют немедленного и профессионального консилиума. Человек настолько странное существо, что он не только ищет освобождения от страдания. Он ищет страдания и готов истязать себя и других. Страдание связано с трагической основой жизни и имеет глубокий источник.

У человека всегда есть выбор. Как прожить каждый миг своей жизни. С каким настроением встретить день. Как отнестись к тому или иному событию. Разрушать или созидать. Страдать или не страдать. Болеть или не болеть. Ни для кого не секрет, что, когда у человека есть выбор, он выбирает то, что ему удобнее и комфортнее. То, что отвечает его внутренним стремлениям и желаниям, причем не важно, осознанным или не осознанным. Правда, иногда он сам не может объяснить толком, почему он делает тот или иной выбор, объясняя другим и самому себе совершенно странными мотивами. Здесь уместен вопрос: почему сделанный выбор комфортней?

Когда человек выбирает между горем и радостью радость, между жизнью и смертью жизнь, между любовью и ненавистью любовь, то это вполне укладывается в общечеловеческие ценности и психологические нормы. Но как часто можно встретить феномен, когда человек выбирает нечто парадоксальное. З. Фрейд назвал это «инстинктом смерти». Моя студентка Наталья Романова пишет: «Из собственных наблюдений и личного опыта знаю, что, когда человек, в силу определенных обстоятельств, вдруг оказывается перед перспективой: влачиться, дожидаясь смерти, обрекая свою жизнь на беспомощность окружающих, он делает все, что бы получить возможность самостоятельно идти по жизни, получая от нее максимум удовольствия. Тем более что для этого имеется множество лазеек. Поэтому мне интересно, почему не все люди, имеющие болезнь, идут по этому пути, что мешает им, проявив волю и действие, стать полноценными, что не позволяет им перестать жаловаться на судьбу и обвинять весь мир. Почему вектор усилий направлен не на выход из, а на вход в болезнь».

По З. Фрейду, «бегство в болезнь» — это способ замещения недостающего удовлетворения, реализующийся путем обратного развития (регрессии), возвращения к прежним формам психосексуальной жизни, которые в свое время доставляли удовлетворение. Эта

регрессия двоякая: (1) временная регрессия (возвращение либидо к прежним ступеням развития) и (2) формальная регрессия (когда проявление эротической потребности выражается примитивными первоначальными средствами). Оба вида регрессии направлены к периоду детства, и оба ведут к восстановлению инфантильного состояния.

В современной психологии и психиатрии «бегство в болезнь» трактуется преимущественно как одна из форм реакций личности на неблагоприятную, психогенно травмирующую ситуацию, выражающаяся в попытке избежать конфликта путем развития болезненных симптомов и как проявление механизма патологической психической защиты. В общем, характеризуется невротической, функциональной, соматической, вегетодистонической симптоматикой и выступает как частая причина возникновения различных ипохондрических состояний. Разрешение внутриспсихического конфликта посредством образования невротического симптома является удобным и желательным выходом для человека, который не хочет или не может осуществлять трудную и мучительную работу по преодолению конфликтной ситуации, требующей значительной затраты его физических или душевных сил. Подобная стратегия оказывается выгодной для него, благодаря отступлению в невроз он получает внутреннюю выгоду от болезни, к которой присоединяются и внешние преимущества, так как окружающие люди с сочувствием относятся к больному, не предъявляют ему строгих требований. Здесь имеет место регрессия к инфантильному состоянию жизни.

Несомненно, что болезнь есть характер. А значит, скорее всего, причину «бегства в болезнь» нужно искать там же, т.е. в характере, в структуре личности. «Бегство в болезнь» — образное выражение для описания поведения человека, стремящегося разрешить внутриличностные конфликты путем образования симптомов болезни. Это понятие и психоаналитическая концепция З. Фрейда, фиксирующие и объясняющие причины и механизмы ряда психических заболеваний и расстройств (в особенности неврозов), характеризующихся наличием неосознаваемого стремления отчужденного человека к заболеванию и погружению в болезнь как средство и способ защиты от конфликта и реальности.

К феномену «бегство в болезнь» не относятся те случаи, когда человек болен тяжелым заболеванием и пока еще не нашел способ излечения, но на пути к этому. Есть множество примеров, как человек из крайних физических состояний, в не всегда благоприятных условиях, усилием воли возвращается к полноценному функционированию и, не останавливаясь, идет дальше.

Парадоксально, но болезнь для хронически больного человека зачастую является предметом гордости! Наталья Романова была свидетелем, как одна женщина с отчаянной гордостью (достойной того, кто переплыл океан без подручных средств) констатировала, что ее заболевание единственное на всю поликлинику, где она наблюдалась. Так зачем же и как можно расстаться с предметом своей гордости, скорее всего, единственным? Минимые больные регулярно посещают врачей, пьют всевозможные лекарства и добавки, посещают тренинги, где надеются убедиться в том, что и сверхмодные увлечения им не помогают.

«Бегство в болезнь» — образное выражение для описания поведения человека, стремящегося разрешить внутриличностные конфликты путем образования симптомов болезни. Это, с одной стороны, метафора, а с другой — строгое понятие. Психоаналитическая концепция Фрейда раскрывает механизмы ряда психических заболеваний и расстройств (в особенности неврозов). Они характеризуются неосознаваемым стремлением отчужденного человека к заболеванию и погружению в болезнь. Это средство и способ защиты от конфликта и реальности.

Отсутствие болезни

Минздрав предупреждает: больше никаких предупреждений не будет. Живи как хочите. Травитесь паленой водкой, курите, ширяйтесь. Забудьте о том, что вы смертны.

Путь к клиническим аспектам здоровья и скор и долог. Можно приступить к врачеванию, обладая минимальными представлениями о человеческом организме. Однако не исключено и иное — есть соблазн увязнуть в паутине метафизических вопросов, которые поставят саму проблему целительства в ряд досужих занятий. В.М. Розин справедливо отмечает, что здоровье и болезнь часто определяются относительно друг друга¹. Действительно, о здоровье как социальной проблеме заговорили только тогда, когда обнаружили различные заболевания.

Что же такое здоровье, которое составляет нашу главную «ударную» силу, и что такое болезнь, которая нас этой силы лишает? Самый распространенный ответ «здоровье означает отсутствие болезни», первым приходящий нам в голову, сути дела не проясняет,

¹ Розин В.М. Здоровье как философская и социально-психологическая проблема // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2000. № 1. С. 12.

как, впрочем, и второй: «Болезнь — это нарушение (читай — отсутствие) здоровья».

Чтобы понять всю бессмысленность подобных формулировок, — пишет Галина Шаталова, — употребляемых не только в бытовых разговорах, но и в официальных документах весьма авторитетных организаций, попробуйте, например, объяснить вашему ребенку, что такое тепло и холод. Думаю, вы попытаетесь доступным языком объяснить сущность этих явлений. Если не сможете сами, загляните в словарь. Но вы понапрасну потеряете время, разыскивая сколько-нибудь точное определение понятий «здоровье» и «болезнь»¹.

Но стоит ли ломать копья? Разве мы не способны и без словаря отличить здоровье от болезни? Увы, не способны, потому что сразу наталкиваемся на разного рода парадоксы. Вот, скажем, хроническая болезнь, ведь она обнаруживается не сразу. Долгие годы и десятилетия здоровый человек, что называется, сдает одну позицию за другой. И вдруг оказывается, что крепкий и вроде здоровый человек на самом деле проснулся больным. Люди часто удивляются: как, неужели он умер, так ведь я еще вчера разговаривал с ним по телефону. Предполагается, что усопший должен был заблаговременно уведомить своих знакомых о том, что дни его сочтены. А то вдруг так сразу, без подготовки... Странно...

Можно ли добиваться выздоровления, не имея ясных демаркаций между тем, что называется нормой, а что патологией? И тут возникло множество теоретических проблем, которые требуют осмысления. В.М. Розин подчеркивает, что индивидуальный идеал здоровья может расходиться с социальной нормой, причем в обе стороны. Человек может считать себя нездоровым в тех случаях, когда общество уверено в его здоровье, и, наоборот, думать, что он здоров, когда общество относит его в разряд больных. Специально искалеченные дети у В. Гюго отлично подходили для социальной роли комедиантов. С другой стороны, Гамлета, который пытается восстановить связь времен, объявляют безумцем...

Раскрывая эту тему, некоторые исследователи приходят к убеждению, что здоровье имеет множество эталонов. Борис Годунов у Пушкина не жалуется на здоровье, но его терзают душевные муки, «когитивный зверь» рождает болезненное состояние. Психиатры XIX в. считали, что шизофрения не является уделом тех, кто живет в ладу со своей совестью. Однако сегодня нам известно, что внутриспихический конфликт огромной силы может сбить с ног и нравственно-го человека. Духовное пробуждение Квазимоды, одаренного страш-

¹ Шаталова Г. Философия здоровья. М., 1997. С. 9—10.

ной физической силой, заставляет его страдать от собственной глупоты и безобразия.

Но если человек болен, то, оказывается, путь к здоровью тоже зависит от множества социальных представлений. Древние полагали, что всякое исцеление начинается с приведения в порядок душевных состояний. Именно так поступали шаманы, античные мисты. Даже в эпоху Средневековья выздоровление связывали с изгнанием беса. Но вот в эпоху Возрождения было получено наконец право на аутопсию трупов. Медики разглядели внутренние органы человека. Так постепенно в медицине рождалась новая тенденция. Открытие клетки и ряд других научных достижений привели к тому, что здоровье стали связывать прежде всего с телесностью. Человек все чаще теперь ассоциируется с неким агрегатом, в котором прослеживаются различные связи между органами. Лечат отныне даже не организм в целом, а отдельные его органы, которые, по мнению врачей или больных, нуждаются в терапии.

Итак, в чем трудность проблемы? Идеал здоровья связан сегодня прежде всего с физическим состоянием тела. В «Толковом словаре» отмечено, что «здоровье это нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма». Однако грань между нормой и патологией крайне зыбкая. В физиологическом смысле медицина бессильна определить содержание нормы, будь это содержание сахара в крови или кровяное давление. Но человек — не только физическое тело. Он обладает также душой и духом, является социальным существом. Здоровье является естественным феноменом, поскольку нет такой культуры, которая считала бы здоровым человека без рук, ног или прокаженного. В то же время здоровье — феномен социальный. В античности можно считать здоровым человеком хорошо натренированного атлета, поскольку в эту эпоху существует культ тела. В средневековой культуре статус здорового человека может получить чахлый, истощенный аскет, культивирующий состояние души.

Все эти парадоксы можно нанизывать бесконечно. Многообразие эталонов здоровья позволило некоторым исследователям считать здоровье социальным артефактом, неразрывно связанным с социальными (медицинскими) технологиями (В.М. Розин).

Однако можно ли принять данную точку зрения? Каким бы путем ни осуществлялось движение к здоровью, речь все-таки идет о человеке как природном создании. В наши дни человека часто оценивают по меркам машины. Современная медицина исходит из постулата, вполне уместного для технического общества: чтобы человек мог функционировать, надо отлаживать различные части его орга-

низма. Это очень похоже на техосмотр с последующей коррекцией или заменой отдельных органов, будь то сердце, почки, грудь. Кажется, будто нет такого органа, который не подлежит замене. Невольно возникает вопрос: а что в человеке «собственно человеческого», что нельзя заменить без риска обрушить человеческую природу?

На это нам могут возразить: «человеческая природа» — тоже артефакт, в каждую эпоху возникают разные представления о том, что это такое. Однако методологически такие рассуждения безупречны. Искусство или культура тоже имеют разные определения, но никто не сомневается в том, что такие феномены существуют. Человеческая природа — некая онтологическая реальность, представления о которой постоянно меняются, уточняются. Как бы ни совершенствовались воззрения на человеческое здоровье, все равно есть различие между тем, как лечить человека, и тем, как подправить машину.

Разумеется, можно понять здоровье через социальное конструирование этого понятия, тем не менее точнее видеть в феномене здоровья парадоксальное сочетание идей «естественности» и «артефакта» (П.Д. Тищенко). Отмечается также экзистенциальный смысл понятия здоровья: каждая эпоха вопрос о природе болезни и сущности здоровья, который каждая эпоха ставит в своей специфической форме, объединяет совокупность обыденных и профессиональных, коллективных и индивидуальных практик. Однако это вовсе не означает, будто каждый раз изобретается исторически специфическая «природа» человека. В болезни как фундаментальной экзистенциальной угрозе человек обращен к своим началам.

Теперь позволим себе немного фантазии. К В.М. Розину обращается пациент, который жалуется на свое здоровье. Выслушав больного, терапевт начинает рассуждать о том, что здоровье вообще — социальный артефакт, что существует множество целительных практик, а человеческая природа — в известной степени фикция. Пациент постепенно проникается мыслью о том, насколько бессмыслен его запрос, и отправляется в библиотеку, чтобы поглубже ознакомиться с трудами названного философа.

Как все же, говоря серьезно, можно перевести теоретические рассуждения в клинический аспект? Здесь, вероятно, нам помогут некоторые соображения о целостной природе человека. Многие исследователи пишут сегодня о том, что человека нужно понимать как целостность. Уже отмечалось, что ни один объект нельзя оценивать как целостный или как фрагментарный. На самом деле существуют отдельные целостности, которые можно рассматривать как фрагмент иной, более развернутой целостности. Мыслимое це-

лос — это только схема некоей идеи, которой мы оперируем. Почему человек как целое не становится для нас объектом исследования? Всякая попытка создать целостную схему человека обречена на неудачу.

Напомним: в той мере, в какой схема соответствует истине, она непременно проявляет свой частный, не всеобъемлющий характер и указывает на очередной способ расчленения «человеческого». Целостность человека — это не данность, а некий идеал, движущий мотив прорыва к бытию. Человек принципиально нецелостен, его бытие разорвано, полно коллизий. Однако у человека есть общая возможность обрести полноту собственного существования. Целостность оказывается для человека проблемой, вечным устремлением, частным достижением гармонии. Человек может оставаться фрагментарным, одномерным, принципиально разорванным. Но он же способен раскрыть безграничный потенциал человеческого бытия.

Стало быть, могут объявиться разные представления о человеческой природе (человек — это пластичное, способное к преобразованиям тело; человек — это создание, наделенное совестью, богатым внутренним миром; человек — это единственное в мире существо, которое способно устремляться к высотам духа). Однако при этом остается неизменной общая экзистенциальная ситуация, определяющая человеческую природу: человек — это такое существо, которое равно принадлежит природе и обществу. Э. Фромм, обращаясь к проблеме целостности человека, отмечает, что всем людям свойственны одни и те же основные антропологические и физиологические черты и каждый врач понимает, что любого человека, вне зависимости от расы и цвета кожи, он мог бы лечить теми же способами, какие он применяет к человеку своей расы. Но имеет ли человек столь же общую психическую организацию? А если бы все люди отличались в своей психической и духовной основе, как бы могли говорить о человечестве в более широком смысле, нежели физиологическом или анатомическом? Как бы мы могли понять искусство совершенно иных культур, их мифы, драму, скульптуру?

«Человеческую природу» нельзя оценивать как социальный артефакт, несмотря на обилие различных философских толкований этой проблемы. Э. Фромм предложил принципиально новый подход к характеристике человека. Оценивая его как особый род существа, американский исследователь подчеркивал: не стоит приписывать все новые и новые признаки, которые будто бы выражают человеческую природу. Определять человека можно только экзистенциально, т.е. через способ его существования.

Человек остается частью природы, он неотторжим от нее. Но теперь он понимает, что «заброшен» в мир в случайном месте и времени, осознает свою беспомощность, ограниченность своего существования. Над ним тяготеем своего рода проклятье. Человек никогда не освободится от собственных мыслей и чувств, которые пронизывают все его существо. Человек — это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой. Он нее нельзя никуда уйти, он должен решить ее.

Человек — это существо, которое не имеет своей ниши. Однако это не признак, а противоречие нашего бытия. Все, что есть в человеке как бы отрицает само себя. Он наделен инстинктами, но они не выполняют роль безотказных стимуляторов поведения. Человек властвует над природой и в то же время оказывает ее «дезертиром». Он обладает фиксированными признаками, но они двусмысленны, поскольку ускользают от окончательных определений. Человек имеет трагическое представление о способах своего существования и в то же время заново, в каждом индивидуе, т.е. в себе самом, открывает эту истину.

Человеческое существование, — пишет Э. Фромм, — вопрошает. Человек брошен в этот мир не по своей воле и уходит от него опять же вопреки своему желанию. В противоположность животному, которое в своих инстинктах имеет «встроенный» механизм адаптации к окружающему и живет полностью внутри природы, человеку недостает этого инстинктивного механизма. Он должен прожить свою жизнь, а не жизнь должна быть прожитой. Он находится в природе и тем не менее выходит за пределы природы, он осознает самого себя, и это осознание самого себя как изолированной сущности вызывает у него чувство невыносимого одиночества, потерянности, бессилия¹.

Ускользающее определение

Самое раннее определение здоровья принадлежит Алкмеону: «здоровье есть гармония противоположно направленных сил». Это формула имеет своих сторонников и сегодня. Цицерон охарактеризовал здоровье как правильное соотношение различных душевных состояний. Стоики и эпикурейцы ценили здоровье превыше всего, противопоставляя его энтузиазму, стремлению ко всему неумеренному и опасному. Эпикурейцы считали, что здоровье — это полное довольство при условии умеренного удовлетворения всех потребностей. Стоики

¹ Фромм Э. Что такое дэзи? Львов, 1994. С. 20—21.

воспринимали всякую страсть, всякое проявление чувства как болезнь; их учение о нравственности в значительной степени представляло собой разновидность терапии, нацеленной на уничтожение душевных болезней и установление здоровой атарксии. Ницше считал, что «здоровья как такового не существует».

Но если так трудно определить критерии здоровья, то, может быть, легче это сделать применительно к болезни? Болезнь — это поломка здоровья, уход (полный или частичный) от состояния здоровья. К. Ясперс приводит такие определения болезни:

1) распад на противоположности, разорванность противоположностей, дисгармония сил;

2) аффект и его следствия;

3) своего рода «обман», например «уход в болезнь», «уклонение», «способ «укрыться».

В начале прошлого века активно обсуждалось определение болезни как «укрытия», данное психиатром В. фон Вайцзеккером:

«Если человек, испытывающий трудности, обретает достоинство в болезни, если моральная реакция превращается в патологический симптом, возникает смысловая подмена, вызывающая к нашему чувству уважения к истине и к нашей критической способности... Невротик строит себе «убежище» и выдает его, ибо не может скрыть чувства вины. Вспышки этого чувства часто приходится наблюдать и у людей, страдающих органическими заболеваниями (не невротиков). Такие люди борются сами с собой на продромальной стадии (как бы решая, поддаться болезни или нет) и на стадии выздоровления (как бы сомневаясь, не лучше ли болеть дальше).

Далее фон Вайцзеккер заявляет, что «в здоровье есть нечто от правды, а в болезни — нечто от неправды».

Психиатры прошлого полагали, что невинный никогда не сходит с ума, а безумие поражает только виновного (Хайнрот) и что нравственное совершенство тождественно душевному здоровью (О. Гроос): если врожденное влечение к добру развивается свободно, никакое соматическое событие не в силах вызвать к жизни душевную болезнь. В том же ряду стоит и концепция Клагеса, согласно которой психопатия — это страдание, причиняемое самообманом, имеющим для данной личности жизненно важное значение.

Касаясь парадоксальной природы понятия «болезнь», В. фон Вайцзеккер утверждал, что «серьезная болезнь часто означает коренной пересмотр целой эпохи в жизни человека» и, значит, в определенных контекстах может иметь «исцеляющее», «творческое» значение. Он же специально подчеркивал важность закона, согласно которому «устранение одного зла открывает место для другого».

Гармония противоположностей — это некий идеал, устанавливающий определенные границы; но это не понятие, отражающее реалии человеческого бытия, равно как и не возможность, которая могла бы стать действительностью. Атараксия и душевная удовлетворенность влекут за собой обеднение психической жизни; возникают расстройства, имеющие свою причину в чем-то недооцененном и незамеченном.

По словам В. Грининтера, «безумных» как особого вида не существует. Вместо того чтобы рассматривать «психическую болезнь» обобщенно и недифференцированно, мы должны как-то структурировать это понятие. Психиатры не придают особого значения суждениям о «болезни вообще». Им приходится наблюдать разнородные факты, которые они упорядочивают согласно понятиям, отражающим реальность человеческого бытия, — например, согласно тому, имеют ли они дело с хроническим состоянием или со стадией процесса... В клиниках и больницах лечится множество людей, страдания которых обусловлены не каким-либо болезненным процессом, а неблагоприятными отклонениями конституции, т.е. чисто характерологическими причинами. По существу, психология начинается именно с «нормальной» характерологии. С того момента, как в психиатрию вошло понятие «большая личность», установление границы между «здоровым» и «больным» стало практической задачей, предусматривающей учет всех индивидуальных вариаций.

Понятия «больной» и «здоровый» повсеместно используются для оценки явлений жизни, человеческих реакций и поступков, самих людей. Прибегая к этой паре понятий, люди сплошь и рядом демонстрируют наивную уверенность в своей правоте; в то же время разговоры о «больном» и «здоровом» часто вызывают реакцию боязливой отторжения. С одной стороны, людям свойственно издевательски «припечатывать» друг друга словечками, имеющими прямое отношение к психиатрической терминологии; с другой стороны, на самих психиатров люди часто косятся как на «прирожденных неучей», учредивших некое подобие инквизиции. Иногда считается хорошим тоном всячески поносить «психиатрический подход»; но тот, кто таким образом выражает свое презрение к психиатрии, может, того и гляди, употребить термины типа «вырождение» или «сумасшествие» — для этого ему достаточно непосредственно столкнуться с соответствующего рода личностью, душевным или духовным проявлением.

Если мы попробуем собрать воедино многообразные примеры использования слова «болезнь», мы постепенно придет к осознанию того, до какой степени неопределенными остаются для нас

слова «больной» и «здоровый». Всякий, кто прибегает к этим понятиям, рано или поздно сам загоняет себя в угол. В конечном счете он, как правило, указывает на медицину или на конечную инстанцию, способную дать «болезни вообще» эмпирическое и научное определение (или уже реально предложившую ряд таких определений). Но на деле о таком определении не может быть и речи. Врач никогда не забывает себе голову вопросом о том, здоровье вообще и что есть болезнь как таковая.

Врач, как ученый, имеет дело с многообразными жизненными проявлениями и конкретными заболеваниями. То, какой смысл вкладывается в понятие «болезнь», зависит не столько от суждения врача, сколько от суждения пациента, а также о того, какие представления господствуют в соответствующей культурной среде. Это не слишком заметно в отношении большей части соматических заболеваний, но зато совершенно очевидно применительно к заболеваниям психики. Из двух лиц в сходном психическом состоянии один — как больной — вполне может оказаться в кабинете врача-невропатолога, а другой — как кающийся грешник, мучимый чувством вины, — в исповедальне. Во врачебной среде оживленно дискутировался вопрос о том, как отличать «болезнь» от «здоровья» в связи с так называемыми травматическими неврозами: при каких обстоятельствах лицам, пережившим несчастный случай, следует выплачивать финансовую компенсацию как «больным».

Анализируя множество разнообразных способов употребления слова «болезнь» в поисках «общего знаменателя», мы не найдем устойчивых признаков сходства между различными событиями, относимыми к сфере болезненного. Все случаи употребления понятия «болезнь» роднит оценочный момент: болезнь — это всегда (хотя и, возможно, в разных смыслах) нечто вредное, нежеланное и неполноценное. Если мы хотим освободиться от оценочных понятий и суждений, мы должны попытаться определить болезнь эмпирически. Для этой цели подходит среднестатистическое понимание болезни. При таком подходе «здоровое» — это то, что проявляется в большинстве случаев, т.е. среднее; соответственно больное — это то, что встречается редко и отклоняется от среднего на величину, превосходящую некоторый минимум. Но это тоже не решает проблему.

Что касается соматических заболеваний, то ситуация кажется относительно простой. Цель соматической медицины — сохранить жизнь, продлить жизнь, сохранить способность к самовоспроизведению, физическую дееспособность, силу, минимизировать утомляемость и болезненные ощущения, сделать так, чтобы на собст-

венное тело — если не считать приятных ощущений, обусловленных осознанием своего физического бытия в мире, — можно было обращать как можно меньше внимания.. Желанность всего этого настолько универсальна и самоочевидна, что смысл понятия «болезнь» в соматической медицине обретает достаточно высокую степень постоянства. Задача медицинской науки состоит не в том, чтобы разработать ценностные понятия и на этом основании прийти к понятию «болезни вообще», равно как и не в том, чтобы выявить единое средство против всех случаев того или иного заболевания. Если даже будет выработано универсальное понимание термина «болезнь», врач от этого не станет умнее.

Функция врача все равно будет заключаться в том, чтобы установить, с каким именно состоянием или событием ему приходится иметь дело, от чего оно зависит, в каком направлении развивается и как можно на него воздействовать. Вместо обобщенного понятия болезни — которое есть всего лишь оценочное понятие — врач выдвигает множество понятий, относящихся к разным событиям и формам бытия (таковы, к примеру, понятия травмы, инфекции, опухоли, повышенной или пониженной эндокринной секреции и т.п.) Но поскольку в основе самой проблемы лежит оценочное суждение общего характера, терапевтические усилия врача так или иначе сохраняют с ним связь. Соответственно врач прилагает термин «болезнь» ко всем понятиям, которые были созданы в рамках самой медицины и по существу не имеют отношения к оценочным суждениям.

Преобразуя «болезнь» из ценностного понятия в совокупность конкретных понятий, относящихся к различным эмпирическим событиям, мы стремимся по возможности освободить его от каких бы то ни было оценочных моментов. На эмпирическом уровне любые понятия, относящиеся к конкретным событиям и к бытию в целом, носят усредненный, среднестатистический характер. Когда мы отождествляем «среднее» (т.е. не выходящее за определенные условные границы) со «здоровым», а «отклоняющееся» — с «больным», мы просто наблюдаем бытие.

Мы рассматриваем жизнь либо как состояние, либо как поток (т.е. как совокупность жизненных процессов); соответственно мы различаем отклонения от среднестатистических состояний (анатомические аномалии типа новообразований, депигментации радужной оболочки и др. и физиологические аномалии типа пентозурии и т.п.) и отклонения от тех среднестатистических величин, которые характеризуют жизнь как процесс (к числу отклонений относится процесс развития болезни в собственном смысле). Освободившись в своих суждениях от оценочного элемента, мы приходим к разли-

чению мнения, которое высказывает о своей болезни сам пациент (понятно, что оно носит чисто оценочный характер), и обобщающего вывода врача как суммы суждений об эмпирически наличном — суждений, основанных на том, что есть среднее.

К. Ясперс называет следующие трудности такого подхода.

У большинства людей обнаруживаются явления, подобные кариесу зубов, — отражающие некую усредненную ситуацию и тем не менее оцениваемые как проявления «нездоровья».

Существуют такие отклонения от среднестатистических показателей, как исключительно высокая длительность жизни, огромная физическая сила и сопротивляемость; никто и никогда не считает их «болезнями». В связи с этим следовало бы ввести наряду с категориями «болезненного» и «нейтрального» также и третью категорию — «сверхздорового».

Фактически мы никогда не можем установить, что есть среднее в применении к соматической сфере человека. Установленные среднестатистические показатели в своем подавляющем большинстве касаются простых анатомических измерений. Сущность понятия «среднестатистический показатель» удастся прояснить крайне редко.

Общепринятые оценочные понятия здоровья и болезни, из которых исходит эмпирическая медицина, вступают в почти естественный конфликт с задачей выработки эмпирических медицинских понятий о конкретных биологических событиях и формах жизненных проявлений. Этот конфликт обусловлен главным образом тем фундаментально важным обстоятельством, что человек чувствует себя больным, знает или хочет знать, чем он болен, принимает определенную установку по отношению к своей болезни. Конечно, наличие болезненных ощущений, как правило, согласуется с определенными объективными соматическими данными. Но то, что человек затем принимает установку относительно своей болезни, — т.е. переходит от восприятия легкого недомогания к суждению типа «я болен», которое отражает либо представление о локальном нарушении внутри здорового в общем организма, либо осознание того, что болен организм в целом, — имеет большое значение для истории жизни пациента, но не играет особой роли с точки зрения соматического заболевания как такового. Конфликт проявляется только в пограничных случаях.

К таковым относятся, во-первых, случаи, когда при наличии объективных соматических данных человек не сознает себя больным или степень осознания им собственной болезни недостаточна (как, например, на ранних стадиях рака желудка, при глиоме сетчатки): поскольку ощущения больного, его общее состояние, характер его вос-

приятий не предоставляют ему достаточной основы для выработки соответствующей установки, он начинает что-то понимать только благодаря сведениям, полученным от врача. Во-вторых, к пограничным относятся те случаи, когда человек чувствует себя совершенно больным, но это не подтверждается какими бы то ни было объективными данными: такой человек обращается к специалисту по внутренним болезням, но последний, ничего не обнаружив, объявляет его «нервным» и отправляет к невропатологу или психиатру.

Итак, пограничными можно считать случаи, когда специалист по соматическим болезням выявляет несовпадение между, с одной стороны, характером и степенью выраженности объективных показателей и, с другой стороны, характером и степенью выраженности субъективного ощущения. В связи с такими случаями возникает задача определения меры субъективного ощущения, основанного на суждении, которое высказывается врачом. Для соматической медицины подобную задачу следует признать в качестве разрешимой. К. Ясперс делает вывод о том, что соматическая медицина в целом мало озабочена выяснением того, что такое болезнь.

Психиатры начала прошлого века рассматривали здоровье как способность реализовать «естественный врожденный потенциал человеческого призвания» (фон Вайцзеккер). Вообще говоря, было бы неплохо прояснить, что в данном случае имеется в виду. Другие формулировки аналогичного типа: здоровье — это обретение человеком своей самости, реализация Я, полноценная и гармоничная включенность в сообщество людей.

Определение здоровья как отсутствия болезней — негативное определение. Оно не может быть правильным, поскольку такой взгляд на тело напоминает взгляд механика на механический агрегат, в котором можно заменить отдельные части, не нарушая работы всего организма. Мы движемся спонтанно, но это не присуще механизму. Мы обладаем способностью чувствовать. Мы глубоко связаны с другими живыми организмами и природой. Наша духовность порождается чувством единения с более значимым миром, чем наш собственный. Если это так, мы должны допустить, что здоровье связано с духовностью. Именно отсутствие ощущений своего тела оказывается основой депрессии и шизоидных состояний. Это происходит в результате понижения жизненной энергии тела, упадка духа или энергетического состояния. В сущности, невозможно отделить психическое здоровье от физического, ибо нет никаких предельных критериев для физической оценки психического здоровья.

Объективно психическое здоровье можно определить по уровню жизненной энергии, который проявляется в быстроте взгляда, цвете

и температуре кожи, спонтанности движений. Особенно важны глаза — окна души. В них мы можем видеть жизнь человеческого духа. В тех случаях, когда дух отсутствует (например, при шизофрении), — глаза пусты. В состоянии депрессии глаза грустные, и часто в них видна глубокая тоска. У человека, который находится между этими состояниями, глаза бывают матовыми и неподвижными. Это свидетельствует о том, что нарушена функция понимания того, что человек видит. В большинстве случаев глаза становятся матовыми от тяжелых переживаний и травматических ситуаций в детстве.

Медицина западного мира из-за своей механической ориентации не хочет признать духовной силы, которая является принципиальным элементом восточной мысли. На Востоке внимание концентрируется на сохранении здоровья, а не на лечении болезни. Это требует целостного, всестороннего подхода к здоровью, чуждого западной медицине. На всей территории Востока здоровье считается состоянием равновесия, гармонии между индивидуальным и космическим. Этот принцип лежит в основе практики тайцзицюань, программы упражнений, которые ориентированы на выработку в человеке чувства единения с космосом посредством медленных движений. Тот же принцип присутствует в медитации, которая ведет к успокоению сознания для того, чтобы он мог почувствовать внутренний дух и единение с мировым духом. Понятия равновесия и гармонии также относятся к двум великим силам, которые китайцы называют инь и ян. Эти две силы, одна из которых символизирует землю, а другая — небо, должны уравниваться в человеке, так же как они уравновешены во Вселенной. Болезнь можно рассматривать как отсутствие равновесия между ними.

Западный человек думает о здоровье тела в категориях работоспособности, хорошего состояния, позволяющего ему работать всю жизнь как хорошей машине. Эту позицию можно отметить и в физических упражнениях, которыми занимаются на Западе. Это подвигает к тяжести или тренировки на специальных тренажерах. Восточные упражнения, такие, как йога или тайцзицюань, отражают интерес к жизненности тела или его духовности.

Безумие и психопатия — это та действительность, в контексте которой проявляются возможности, скрываемые здоровым человеком от самого себя. Здоровый человек оберегает себя от этих возможностей. Но здоровый человек, держащий границы своей души открытыми, исследует в психопатологических явлениях то, что он сам — потенциально — собой представляет, или то чуждое и далекое, что становится для него существенным как послание из-за этих границ. Страх и благоговение, повсеместно испытываемые по

отношению к некоторым формам психических заболеваний, не могут считаться всего лишь исторически преходящими суевериями; они имеют более глубокий и устойчивый смысл.

Эту историю рассказал мне мой друг и коллега Е.Н. Яковлев. Через несколько лет после замужества одна женщина стала постоянно жаловаться на недомогание. Ей мнилось, что у нее больное сердце. Время от времени она укладывалась в постель, держа руку на левой части груди. В тридцать лет она вообще слегла и почти не поднималась с кровати. Однако дожила до 75 лет. Умерла от инсульта, долго находилась в коме, никак не могла окончательно расстаться с этим миром. Врачи сокрушенно разводили руками:

— Какое поразительно здоровое сердце, могла бы еще жить...

Литература

1. Гуревич П.С. Клиническая психология. М., 2001.
2. Розин В.М. Здоровье как философская и социально-психологическая проблема // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2000. № 1.
3. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология бессознательного. М., 2006.
4. Фрейд З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения. М.: Медицина, 1991.
5. Шаталова Г. Философия здоровья. М., 1997. С. 9—10.

Вопросы для повторения

1. Чем обусловлен феномен «бегства от свободы»?
2. Что такое «пограничная ситуация»?
3. Почему определение «здоровья» ускользает от исследователей?
4. Почему безумных как особого рода не существует?
5. Действительно ли здоровье — артефакт?

Темы для рефератов и докладов

1. «Бегство в болезнь» как феномен.
2. Человеческая природа как социальный артефакт.
3. Здоровье и болезнь — определение границы.
4. Феномен психического здоровья.
5. Безумие и психопатия.

Норма и патология

*Если я заболею,
К врачам обращаться не стану.
Обращусь я к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне стель,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.*

Я. Смеляков

Исцеление — глупейшая мечта больного.

Личностное ядро

Она вошла в кабинет, прищутив дымчато-серые глаза, и села в кресло. Ее поза выражала своеобразный замес интереса и скепсиса. Пристально глядя в меня, она неожиданно отодвинула меня в беспредельную космическую даль, поближе к Большой Медведице, и сказала:

— У меня есть любовник. Я никогда не была замужем. Я отчаянно боюсь потерять его. Мне кажется, что он меня бросит...

Я медленно вернулся из вселенских просторов, куда был заброшен, и спросил:

— Вы поссорились?

— Нет. С какой стати? Мы никогда не ссоримся.

— В чем же дело?

— Вчера он сказал мне: «Наташа, почему ты не играешь попой? Трудно тебе, что ли?» Я сразу подумала: «Наверное, я перестала возбуждать его сексуально. Он ищет острых ощущений. И только потом меня озарило: «У него кто-то».

— Кто же?

— Ну, та, которая играет попой. Иначе, с чего вопрос.

Мне хотелось сказать Наташе, что не следует принимать все это всерьез. Мало ли какая фраза может сорваться с губ во время сви-

дания. Но моя собеседница прищурилась и снова катапультировала меня на Млечный Путь. Я понял, что сейчас не время развивать ее сомнения. Такой случай еще представится. Пока же нужно уточнить некоторые детали.

— Скажите, — спросил я из космического далека, — сколько времени вы вместе?

Наташа просияла и опять позволила мне занять законное место в кресле психоаналитика:

— Уже три года. Нет, что это я? Скоро будет четыре. Он сильно привязан ко мне. Я тоже не представляю свою жизнь без него. Но вот насчет совместной жизни, он это сразу отвел. Ведь он женат. Правда, его жена больна. Там уж не до секса. Но он не может, не хочет расставаться с ней. Когда он предложил мне себя в качестве секс-партнера, он все сразу расставил по местам. Мы к этой теме вообще никогда не возвращались. Только почему он позавчера сказал насчет попы? Раньше-то его все устраивало.

— Мало ли какие фантазии возникают в голове у мужчины, — осторожно заметил я.

Наташа посмотрела на меня отчужденно:

— Люди говорят то, что чувствуют...

— Не всегда...

Я почувствовал, что нахожусь на освоенной колее и начал рассказывать о расхождении языка и чувств.

— На вторую сессию Наташа принесла свой дневник. Я стал читать. «В среду я была на приеме у Павла Семеновича, он пытался внушить мне, что у нас есть бессознательное».

Ну, что ж... Появились первые детали для психологического портрета. Скорее всего, другой пациент мог бы написать: «мы говорили о бессознательном». Вот оно: «пытался внушить...» Я вспомнил, как дважды улетал в космические просторы во время нашей беседы. В поведении Наташи было замечено две крайности. Порой она слушала меня с полным сочувствием и даже предупредительно кивала головой. Но затем неожиданно в ее душе рождалось сомнение. Она готовилась тут же, не выходя из кабинета, разоблачить меня как злостного манипулятора.

Когда пациент вступает с вами в разговор, важно обращать внимание не только на его слова. Клинический смысл имеют также его позы, взгляды, жесты. Помните у юмориста: «И он промолчал таким тоном». Даже если бы Наташа не сказала ни слова, я имел основание, приняв во внимание ее мимику и все поведение, заключить: «эту женщину растаскивают в разные стороны два демона — преувеличенное согласие и обостренная подозрительность». Вот вам

и первая экспертиза — размытое личностное самоощущение. Психический мир Наташи разрывается между двумя крайностями. Ей трудно осознать подлинность того, что происходит на самом деле. Отсюда смятение и как реакция — полная растерянность.

Последующие сессии укрепили мои первые наброски. У Наташи нет глубинного ощущения своего Я. Она имеет размытое представление о своей внешности. Иногда паникует: «кому я нужна такая?..» (С этим, собственно, и пришла ко мне.) А порой чувствует себя королевой. Тогда приходится брать реванш за прежнюю неуверенность. Отец всегда говорил: «Кому ты нужна такая уродина?» А мама утешала: «Картиночка моя...» Девочка и не пыталась как-то сблизить эти экстремальные выражения чувств. Она пошла в жизнь, неся впереди себя две оглобли: «не то красавица, не то уродина».

Понятное дело, со временем появились и трудности в общении. Наташа никогда не могла толком понять, кто и как к ней относится. Слова любви и недоброжелательства она принимала без их изнанки. Но он же (она) так сказал (сказала). Однажды в какой-то ресторан зашел посетитель. К полуночи официант, провожая гостя, восторженно заметил: «Это один из величайших физиков мира».

— Как вы это узнали? — изумленно спросили посетители.

— Он сам мне это сказал, — с апломбом сказал официант.

Мне уже приходилось встречать людей, у которых самоощущение можно уподобить некоей кляксе. Одна из моих пациенток рассказывает: «Утром позвонила свекровь, мой муж взял трубку, но она выскользнула из его рук». Свекровь перезвонила: «Чего это, твоя жена бросает трубку?» Муж спокойно ответил: «Не раздражайся, Ира еще в постели. Трубку взял я, и она у меня упала».

Ира лежит под одеялом и думает: «Он меня отчаянно любит. Как он защитил меня от свекрови». Я пытаюсь осторожно сказать ей, что этот эпизод ни о чем не свидетельствует. Муж сказал правду. Разве он должен был поддакнуть матери? Ира мгновенно соглашается:

— Вы правы. Он меня не любит. Мы как-то собрались на дачу. Но мне нужно было к вам на прием. Дочка заняла: «Так хочется поскорее на дачу...» Муж сказал: «Ну вы тут сами разбирайтесь». Мы решили, что я приеду на своей машине после встречи с вами. Когда я подъезжала к дому, все время внушала себе: «он меня любит. Он не уехал...» Нет, оказалось, что они уехали. Он меня не любит.

И опять преувеличение, подумал я. Муж уехал с дочкой. Он же был готов к любому варианту. Просил жену и дочь решить, кто и когда поедет. Зачем же дочери сидеть в пыльной Москве из-за того,

что мама задерживается у психолога? Неадекватность эмоциональных реакций — расхожее явление. Моя работа с Наташей была направлена на восстановление личностной идентификации (тождественности). Мы отправились в далекое детство, проследили истоки размытого индивидуального ядра. Вскоре я заметил, что у Наташи появились более спокойные уверенные интонации, исчезла подозрительность. Растворилась тревога, связанная с возможным разрывом любовных отношений. И вот наступил день, когда меня ждало неожиданное известие. Наташа сказала мне, что у нее появился еще один любовник, причем тоже сослуживец. Сначала она изо всех сил пыталась лавировать между двумя возлюбленными. Потом решила, что разорвет первый любовный союз.

На очередные сессии Наташа приходила с различными заготовками публицистического толка, направленными против прежнего возлюбленного: «Я тебе не какая-нибудь тварь продажная...», «Пусть другие бабы играют перед тобой чем хотят...», «Ничто не вечно под луной». Понятное дело, я отговаривал Наташу от скандального разрыва. Ведь ее возлюбленный ни в чем не провинился. Он не обещал ей создать семью, никогда не врал. В то же время постоянно поддерживал ее в ее трудной жизни. Коли любовь ушла, зачем же причинять боль человеку, который несколько лет был рядом. Наташа долго сопротивлялась, рвалась в бой, требовала отместки. Потом приняла мой совет...

Казалось бы, на этом можно было прекратить терапевтическую работу. Ведь Наташа просила избавить ее от страха, что возлюбленный уйдет... А теперь сама завела себе друга и готова унижить прежнего партнера. Однако моя пациентка неожиданно заговорила о том, что прежние эмоциональные связи порвать не удастся. Она мысленно все чаще возвращается к прежним отношениям. Впрочем, и сам герой сказал ей, что он не обижен на нее. Однако если она захочет вернуться к нему, он будет только рад...

Судьба — гениальный режиссер. На авансцене появился еще один персонаж. Приезжий гость из Германии увидел Наташу и не смог выдернуть из сердца стрелу Купидона. Оказалось, что немец не женат, у него неплохой бизнес. Он предложил Наташе и ее сыну поехать в Берлин и посмотреть, как он живет, а если понравится, то и остаться у него. После визита в Германию Наташа вернулась счастливая, победоносная. И правда: два любовника и еще один перспективный жених. И вдруг она впала в депрессию.

Два месяца я не видел Наташу. Она перестала приходить на сессии. Я же считал, что искать пациентку не имеет смысла. Но она вернулась. Я заметил, что в очередной раз Наташа пришла в

скромной одежде, исчезли ее кольца и другие приметы скромного достатка.

— Что случилось? — спросил я.

— Я была у экстрасенса. Прочитала в газете и пошла на прием...

— Что же вы сказали экстрасенсу?

— Что у меня не складываются отношения с мужчинами.

— Но ведь это неправда... Многие женщины, которые приходят ко мне на прием, были бы счастливы, будь у них ваше женское счастье.

— Наверное. Экстрасенс сказала, что нашла у меня слез в животе. Лечила от слеза, пока я не потратила все свои сбережения.

— Наташа, но ведь ваша проблема не в том, что не складываются отношения с мужчинами. Вы не можете быть женой, поскольку иметь дело с любовником вам привычнее, не так ли?

Наташа задумалась. Она бросила на меня свой дымчато-серый взгляд, и впервые за все время работы с ней я увидел в них душевную боль, которая прежде замещалась восторгом и недоумением. На какое-то время я опять потерял Наташу. В предновогоднюю ночь я вынул из почтового ящика поздравительную телеграмму из Германии. Еще пакет — на фото счастливая фрау с мужем и сыном. Слегка округлый живот не рождает сомнений...

Что такое Эго?

В истории психологии существует множество попыток создать структуру личности. Древнегреческие драматурги раскрывали внутренний мир человек как столкновение разума, воли и эмоций. Платон придерживался данной схемы, толкуя ее иерархически, т.е. основное значение придавал сознанию. Фрейд выделял в структуре личности бессознательное (Ид), сознание (Эго) и сверхэго (Супер-Эго).

Психическое здоровье личности определяет в основном Эго. Психотерапия всегда стремилась создать сильное, выносливое, рациональное Я, способное самостоятельно решать собственные проблемы. Сейчас мы знаем намного больше о той части личности, которая называется Эго, о ее защитах, амбициях и целях. Эго-ценности определенно заслуживают внимания. Приходится затратить немало усилий, чтобы обрести силу, способность к адаптации, рациональное мышление и умение самостоятельно решать проблемы. Современная терапия начинается с Эго — как в интерпретации сновидений, так и в понимании шизофрении — и на Эго заканчивается.

Казалось бы все ясно. Но ведь психика не только зрелое Я. Американская исследовательница Кин Лоуэн полагает, что преимущественный акцент на Эго означает предательство глубинной части души и задаваемых ею вопросов о всеобщем смысле. «Когда в глубинной психологии осуществляется движение в область мифов, — пишет она, — фантазии о "проблемах" и "решениях" не имеют существенной важности. Существуют конфликты, потребности, страсти, но только как картины или внешние сценарии. В мифе душа изображает сама себя, и в каждом портрете есть все, что нужно»¹. Создание сильного Эго — лишь этап восхождения на гору, покорение ее вершины. Но снизу раздается тихий голос: «Неужели это все?»

Теперь нам приходится еще раз задаться вопросом: какого человека мы считаем здоровым. Психиатр Е.А. Шапошников делит показатели психического здоровья на пять пунктов. *Во-первых*, относительно интеллектуальной сферы: психически здоровый человек должен быть динамически развивающимся, стремиться к постоянному совершенствованию своих способностей и навыков, обладать хорошей памятью и сообразительностью. *Во-вторых*, его моральный облик составляют объективность, честность, чуткость и справедливость. *В-третьих*, он обязан уметь прислушиваться к мнению других, отстаивать свое собственное мнение, налаживать коммуникацию с людьми разных возрастных групп и социальных слоев, не быть подобострастным и заносчивым, обладать чувством ответственности, твердой волей (но не упрямством). *В-четвертых*, в эмоциональном плане человек без психических отклонений должен обладать адекватностью поведения, настроением без резких колебаний, умением поддерживать дружеские и коллегиальные отношения, оптимистичностью. *В-пятых*, не менее существенным критерием в определении психической нормы является сексуальная сфера. Ее нормальные показатели таковы: уважение к партнеру и «традиционная» ориентация. Однако, как отмечают специалисты, диапазон показателей сексуальной нормы в последнее время расширился. Полноценное психическое здоровье несовместимо с плохим самочувствием, низкой работоспособностью и проблемами телесного здоровья.

Данная характеристика смахивает на моральный кодекс строителя коммунизма. Но самое главное: если учесть все эти показатели, выяснится, что в мире всего около 30 процентов людей, чье здоровье более или менее соответствует психической норме, а остальные балансируют на грани нормы и патологии. Результаты этого исследования могут сделать эффективнее работу не только пси-

¹ Лоуэн Л. Указ. соч. С. 48.

хотерапевтов, психиатров и психологов, но и практикующих врачей других клинических специальностей.

Специфическое понимание здоровья дает Комитет экспертов ВОЗ ООН, и оно близко к общечеловеческому определению. Здоровье определяется не только как отсутствие страданий, но и как возможность полноценной общественной активности. Основными критериями общего здоровья является структурная и функциональная сохранность органов и систем; достаточно высокая приспособляемость организма к изменениям типичной для него природной и социальной среды; сохранность привычного самочувствия. Психическое здоровье — одно из важнейших составляющих общего здоровья. Однако можно ли представить себе человека, который никогда не испытывал страданий и при этом выступает в качестве нормы здорового человека?

Страдание — одно из глубинных экзистенциальных переживаний. Оно служит испытанием человека, его сокровенных сил на путях к свободе. Страдание — не самоцель, а средство постижения духовной умиротворенности, выражение огромного человеческого духовного потенциала. Никакие теологические системы, никакие авторитеты не могут прекратить человеческих страданий и мучений. По мнению В. Франкла, не только в творчестве и радости жизнь человека может быть осмысленной, но также и в страдании¹.

Страдание — одно из глубинных экзистенциальных переживаний человека. Оно служит испытанием человека, его сокровенных сил на путях к свободе. Страдание — не самоцель, а средство постижения духовной умиротворенности, выражение огромное человеческого духовного потенциала. Никакие теологические системы, никакие авторитеты не могут прекратить человеческих страданий и мучений.

Русский философ Б.П. Вышеславцев в книге «Вечное в русской философии» говорит о трагизме как о начале высокого. Чудо трагизма в том, что трагичное не убивает, не подавляет высокого сознания человека, но преобразует его, очищает и возвышает... Трагизм возвышает человека над будничностью, повседневностью. В этом большая радость и освобождение души. Радость эта прежде всего в том, что в трагизме дух человека (его свободное самосознание) сознает свое высшее достоинство, свою независимость и свободу от слепой природы и природной необходимости. Это не знает низшая тварь, и это не понимает материализм.

¹ Франкл В. Психотерапия на практике. М., 2000. С. 54.

Нет необходимости говорить о том, что реализация ценностей установки, достижение смысла через страдания, может состояться только тогда, когда страдание неизбежно и неустранимо. «Находиться в полярном поле напряжения между бытием и долженствованием, войти в мир смысла и ценностей, быть востребованными ими — вот что является существенным признаком человеческого бытия»¹.

По мнению В. Франкла, не только в творчестве и радости жизнь может быть осмысленной, но также и в страдании! Такой ход мыслей совершенно чужд тривиальной этике успеха. Однако взгляд на повседневную оценку ценности и достоинства человеческого существования сразу же раскрывает ту глубину переживаний, в которой вещи сохраняют свою значимость совершенно независимо от любого результата вообще.

Здесь уместно, считает Франкл, вспомнить о повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». В нем изображается буржуазное существование, глубокая бессмысленность которого становится ясной его носителю лишь непосредственно перед его неожиданной смертью. Но благодаря пониманию бессмысленности своего существования герой уже в последние часы своей жизни перерастает себя самого и достигает такого внутреннего величия, которое освещает всю его предыдущую жизнь и делает ее глубоко осмысленной. Ведь может случиться и так, что жизнь получает свой последний смысл не только благодаря смерти — как у героя этой повести, — но в самой смерти.

Удовольствие совершенно не в состоянии дать смысл человеческому существованию. Раз оно не в силах этого сделать, то недостаток удовольствия не может отнять у жизни смысл. А. Шопенгауэр полагал, что человеческая жизнь балансирует между нуждой и скукой. В действительности и то и другое имеют глубокий смысл. Что ведет к скуке? Бездеятельность. Деятельность существует не для того, чтобы избежать скуки, но скука напоминает о том, чтобы мы избегали ничегонеделания и обратились к смыслу нашей жизни.

Страдание — живое, трепетное, экзистенциальное переживание. Я страдаю, значит, я существую. Страдание связано с самим существованием личности и личного сознания. Если я принимаю жизнь, то я принимаю и страдания. Оно есть основная тема всех религий искупления и основная религиозная тема. Страдание есть опыт жертвы части во имя целого. В человеческом вопрошании о страдании наибольший интерес представляет буддизм, стоицизм и христианство.

¹ Франкл В. Психотерапия на практике. М., 2000. С. 54.

Вместе с тем эта тема заняла важное место в философии Шопенгауэра, в русской религиозной философии и экзистенциализме.

Страдание может быть мазохистским, не связанным с попыткой его преодоления. Человек настолько странное существо, что он не только ищет освобождения от страдания. Он ищет страдания и готов истязать себя и других. Страдание связано с трагической основой жизни и имеет глубокий источник. Но это вовсе не предполагает, что человек — раб страдания. Страдание побеждается любовью, всем жизненным устремлением человека к счастью.

Право на патологию

Фрейд знал, что нет четкого разграничения между здоровьем и болезнью. Своему любимому ученику Карлу Абрахаму он писал: «Мы все имеем эти комплексы и должны быть осторожны, чтобы не называть каждого человека невротиком». Другому своему любимцу, Шандору Ференци, Фрейд писал следующее: «Человеку следует не искоренять свои комплексы, а прийти с ними в согласие; они являются законными силами, направляющими поведение человека в мире». Действительно ли каждый врач лечит, или же он помогает организму самому излечить себя? Фрейд однажды упомянул, что в прежние времена лозунгом хирурга было изречение «Я перевязал раны, Бог излечил его». Аналитик должен рассуждать так же.

Обладавший вкусом Фрейд возражал против некоторых аспектов статьи Ф. Виттельса по поводу венского писателя Карла Крауса: «Предполагается, что анализ делает человека терпимым, а такая вивисекция справедливо может подвергнуться укору за свою бесчеловечность». Фрейд сказал своему Обществу: «У нас нет права выдвигать невроз на передний план всегда, когда с ним связано великое достижение». Но Фрейд был намного более жестким в отношении статьи о Генрихе фон Клейсте, написанной Задгером:

Просто воздать должно личности, если подчеркиваются лишь ее аномальные сексуальные компоненты и не предпринимаются никакие усилия установить их тесные связи с другими психическими силами индивида... И. Задгера следует упрекнуть также в том, что он предпочитает жестокое... Наша задача заключается не в произвольном высказывании новых истин, а, скорее, в показе того, каким путем к ним можно прийти. Определенная степень терпимости должна идти рука об руку с более глубоким пониманием... если мы хотим, чтобы жизнь продолжала оставаться невыносимой.

Фрейд выразил свой укор по поводу этой «вызывающей отвращение» статьи тактичным образом: «Задгер не приобрел такую терпимость, или, по крайней мере, он не способен ее выразить».

Неудивительно, что в водовороте противоречивых идей, бурлившем вокруг Фрейда, некоторые люди не могли отыскать верный путь. Какими стандартами нормальности можем мы руководствоваться: теми, которые сформулированы в концепциях Фрейда, или же теми, которых он придерживался в своей жизни? В лучшем случае Фрейд мог бы согласиться с великим художником, таким, как Пабло Пикассо: «Напряжение намного более важно, чем стабильное равновесие гармонии, которое меня не интересует... Я хочу вести свой ум в необычном направлении и выводить его из оцепенения». Концепция здоровья Фрейда, хотя редко приводилось ее определение, не предполагала вечную скуку.

Подведем предварительные итоги. Ни человеческая природа, ни здоровье, ни болезнь не являются лишь социальным артефактом. Нам не обязательно блуждать в лабиринтах многочисленных парадоксов, чтобы подойти к клиническим аспектам здоровья. Социальные представления о здоровье многообразны, но они поддаются метафизической аранжировке и позволяют вести терапевтическую практику в строго обусловленных рамках.

Разумеется, клиницист постоянно имеет дело с разными сложностями, которые требуют философской выучки, однако это не лишает его права работать с пациентами. Возьмем наугад некоторые из этих трудностей. Представим себе человека, которые обладает недостаточно развитыми интеллектуальными способностями. Скажем, левое полушарие развито слабо. Ему трудно оперировать абстракциями. Он не может воспринимать проблемы, выраженные отвлеченным языком. Возможно ли развитие умственных навыков? Несомненно.

А возьмем другой случай. У пациента неразвито правое полушарие. Он не имеет представления о том, что такое эмоциональное разнообразие. Мир его чувств предельно скромен. В обостренном варианте можно говорить также присущем ему эмоциональному бесчувствию. Клиницист озабочен тем, чтобы расширить сферу чувственного восприятия пациента, устранить однобокость его душевного развития?

Но что в таком случае можно считать нормой здоровья? Гармоничное соединение интеллекта и чувств, некую симметричность мозговых полушарий? Представим себе человеческую культуру, созданную по этим лекалам, и мы обнаружим, что в ней нет ни Канта, ни Моцарта. Каков же вывод? Человек уже по тайне своего рожде-

ния имеет право на некую условную «патологию», если она обогащает его личность, делает яркой и самобытной.

Феномен вырождения

Ни человеческая природа, ни здоровье, ни болезнь не являются лишь социальным артефактом. Нам не обязательно блуждать в лабиринтах многочисленных парадоксов, чтобы подойти к клиническим аспектам здоровья. Социальные представления о здоровье многообразны, но они поддаются метафизической аранжировке и позволяют вести терапевтическую практику в строго обусловленных рамках. В XX в. широкое распространение получила концепция вырождения психического здоровья.

В забвении этой истины — гигантское заблуждение книги известного в свое время публициста Макса Нордау «Вырождение» (М., 1995). Этот автор вдохновлялся книгой Ч. Ломброзо «Гениальность и помешательство». Итальянец пришел к выводу, что необыкновенные дарования весьма часто составляют проявление болезни нервной системы. Однако Ломброзо полагал, что разные отклонения от нормального типа в ту или другую сторону, т.е. в сторону необыкновенного дарования или в сторону отсутствия самых обыкновенных умственных способностей, в сторону ли необычайных нравственных качеств или необычайной порочности, в значительной степени одинаково обуславливаются ненормальным состоянием нервной системы.

Что же получается? Идеалом здоровья и — шире — идеалом личности оказывается индивид усредненный, лишенный крайностей, неспособный к яркому проявлению своих способностей. Напротив, вырождением обозначается болезненное отклонение от нормального органического состояния. Норма, таким образом, отождествляется с серостью, с несамобытностью, с безликостью.

Борясь с модными эстетическими концепциями прошлого века, Нордау невольно оспаривает связь нормы с такими состояниями человека, как фантазирование, интеллектуальный инсайт, многообразие чувств. Идеалом здоровья оказывается жизнерадостный индивид, лишенный сумеречности, но освобожденный заодно и от умственной отваги, художественной эксцентричности, необычности жизненных импульсов.

Что же Нордау зачисляет по ведомству «вырождения»? Склонность к мечтательности, подверженность мистицизму, эксцентричность чувств. Вот что пишет Нордау:

В цивилизованном мире господствует настроение, которое мы называли «сумеречным» и которое выражается в странных модных эстетических теориях. Все эти новые течения: реализм или натурализм, декадентство, неомистицизм и разные его виды — признаки вырождения и истерии, вполне совпадающие с симптомами болезней, выясненными и установленными наукою. Вызываются же вырождение органическим истощением, постигшим народы вследствие сильного развития больших городов¹.

Возникает вопрос: должен ли клиницист направлять свои усилия на создание ординарного человека или, напротив, должен возвращать уникальность, самобытность личности? Сегодня здоровье определяется как идеальное состояние организма, отсутствие болезней или недостатков, полного физического, душевного и социального благополучия. Однако, как подчеркивал К. Ясперс дать точное определение понятию «здоровья» — задача, которую невозможно решить, придерживаясь представления о человеческой природе как о принципиально незамкнутом бытии.

Фрейд возмущался по поводу зависимости и был склонен не доверять инфантильному, он высоко ценил свою автономию и чувство свободы и утверждал идеал самореализации. «Невротик, который был излечен, действительно стал другим человеком, хотя в своей основе, конечно же, он оставался тем, кем он мог стать при наиболее благоприятных условиях». Фрейд во многом разделял либеральные ценности XVIII в. — века Просвещения: «Свобода индивида не есть дар цивилизации. Его свобода была наибольшей до какой-либо цивилизации...» И хотя Фрейду были известны некоторые из наиболее трудно преодолимых препятствий к достижению подлинной независимости, он все же придерживался либерального принципа, что «каждый должен кроить себе счастье на собственный фасон».

Суровый и бесстрашный, поглощенный раскрытием самообманов, Фрейд был столь же одержим исследованием, как и его герой Леонардо, и столь же «фанатично предан истине», каким был, по его мнению, Э. Золя. «Психоаналитическое лечение основано на любви к истине. В этом факте заключена огромная доля его воспитательного воздействия и его этической ценности». Фрейд был склонен рассматривать текущие тревоги пациента как бегство от более глубоко укорененных затруднений: «может быть пролит свет лишь на те более ранние проблемы, когда ход анализа на время уводит от настоящего и вынуждает нас совершить окольный путь через доисторический период детства.

¹ Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 48.

Посылки первых психоаналитических трудов Фрейда кажутся чрезмерно рационалистическими в настоящее время.

Даже когда психическое здоровье превосходно, — писал Фрейд, — подчинение Без (бессознательного) Пез (предсознательному) не является полным; мера подавления указывает степень нашей психической нормальности.

Более зрелый Фрейд не стал бы говорить о превосходном здоровье, в особенности в контексте такой двусмысленной концепции, как «нормальность». Однако он считал, что

«соматическое и эмоциональное воздействие на импульс, который стал сознательным, никогда не может быть столь могущественным, как воздействие бессознательного», даже при том, что не всегда был достаточно смел, чтобы утверждать, что, «лишь используя наши наивысшие психические функции, которые связаны с сознанием, мы контролируем все наши импульсы».

К 1913 г. Фрейд допускал возможность того, что в «начальный период разработки аналитической техники мы рассматривали ситуацию интеллектуальным образом». Однако Фрейд сохранил убеждение, что «симптомы никогда не образуются от сознательных процессов», а также свою идеалистическую веру, что «как только связанные с симптомом бессознательные процессы станут осознаваемыми, симптом должен исчезнуть». Для Фрейда разум был великим объединителем, а интеллект — единственным надежным спасительным средством; «у нас нет других способов контроля над нашей инстинктивной природой, кроме нашего разума... психологический идеал, это — главенство разума». Подобно Спинозе до него, Фрейд считал мыслящего человека наиболее свободным из всех людей, ибо вследствие сублимации инстинктов «судьба мало чем может повредить человеку».

Так как Фрейд придерживался мысли (высказываемой им до 1932 г.), что «понимание и излечение почти совпадают», стоит более пристально взглянуть на то, какой предполагалась работа аналитика в его терапии. Подобно тому как Фрейд в каждом сновидении видел «скрытый смысл», также он считал, что и каждый невротик имеет «свой секрет — свой «комплекс»... Фрейд прямо говорил пациенту: «Обратите свой взгляд внутрь, загляните в собственные глубины, вначале научитесь познавать себя! Тогда вы поймете, почему вы обязательно должны были заболеть; и возможно, вам удастся избежать заболевания в будущем».

Как клиницист Фрейд стал считать, что в ходе лечения силы самообмана пациента постепенно направляются против аналитика. Он пошел еще дальше, утверждая, что «преодоление пациентом

этих сопротивлений является существенно важной функцией анализа...». Сопротивление было однажды широко определено как «все, что мешает прогрессу аналитической работы...». Смысл данного определения может быть прояснен примером типического невротика, который «создает сопротивления из своих усилий стать независимым в своем поведении и в своих суждениях, из своего честолюбия, первой целью которого было делать что-то столь же хорошо, как и его отец, или даже превзойти его, или из своего нежелания обременять себя вторично в жизни ношей благодарности».

Возможно, пробирым клеймом предпочитаемого Фрейдом метода чисто аналитического лечения был поиск, если не умышленная мобилизация, переносимых реакций у пациентов, а затем интерпретация их аналитиком. Здесь Фрейд имел в виду «перенос (прошлых) чувств на личность врача, поскольку мы не считаем, что ситуация в лечении могла бы оправдать развитие таких чувств». Посредством понимания переноса аналитик мог проникнуть в бессознательное пациента, тогда как более старомодное лечение внушением «ничего не достигает в открытии того, что является бессознательным для пациента». Хотя к 1912 г. Фрейд стал осмотрительным в проведении отличия между позитивными эмоциональными чувствами пациента к аналитику и его иррационально негативными реакциями, реальный смысл переноса заключался в том, что, сколь бы обоснованными они ни могли казаться, аналитическая ситуация всегда обнаружит присутствие инфантильных способов переживания. Наше детское прошлое играет роль не только в наших ночных сновидениях. В этом смысле Фрейд был прав, говоря, что «психоанализ выявляет в каждом его наихудшее». И в той степени, в какой цель анализа понималась как сперва пробуждение переноса, а затем его рациональное разрушение, Карл Краус был также прав, утверждая, что анализ явился болезнью, и претендовал на то, чтобы стать ее излечением.

Интеллектуал и рационалист Фрейд был также озабочен показом того, «что содействует выздоровлению» в терапевтической борьбе пациента, «это не его интеллектуальный инсайт — который как недостаточно силен, так и недостаточно свободен для такого достижения, — а просто и исключительно его отношение к врачу». Фрейд хотел, чтобы аналитик ожидал продуцирования пациентом своих проблем; но он прежде всего подчеркивал, что с точки зрения аналитика «человек всегда должен понимать, что он делает».

Человек уже в силу своего бытийственного статуса имеет право на патологию. Он выломился из природы. Многие его реакции неорганичны. Никто не может гарантировать ему гармонии между сознанием и бессознательным, телесным и духовным, природным и социальным, рассудочным и иррациональным.

Литература

1. Коуэн Л. Мазохизм. М., 2005.
2. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М., 1991.
3. Нордау М. Вырождение. М., 1995.
4. Франкл В. Психотерапия на практике. М., 2000.
5. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. Есть ли грань между нормой и патологией?
2. Можно ли определить признаки нормы здоровья?
3. Почему М. Нордау пришел к выводу о вырождении человечества?
4. Является ли страдание показателем болезненности человека?
5. Понимал ли Фрейд различие между нормой и патологией?

Темы рефератов и докладов

1. Вырождение по М. Нордау.
2. Трагизм как выражение высокого.
3. Условность психологической нормы.
4. Гений и помешательство
5. Человеческая природа и здоровье.

Тема 13

Сумасшедший, вы безумны...

*Не дай мне, Бог, сойти с ума.
Уж лучше посох и сума...*

Александр Пушкин

История Артема

Артем позвонил мне по сотовому телефону и сказал:

— Павел Семенович, хорошо, что я застал вас, боялся, что не успею вас предупредить. Инопланетяне хотят вас уничтожить. Они уже продвигаются к вашему дому.

— Что мне делать?

— Выход один. Вы должны телепортироваться. Иначе конец.

— Телепортироваться, легко сказать. Но как?

— Не порите горячку. Что-нибудь придумаем...

— Сейчас я pošлю вам мощный поток энергии. Постарайтесь уловить его и раствориться в нем.

— Но как узнаю об этом потоке?

— Если увидите в окне разные рожицы, знайте, это дело в шляпе.

— А если рожицы — это и есть инопланетяне?

— Плюньте в рожицы. Это помогает.

— Я так и сделаю, Артем.

Артему — 22 года. Он пришел к психоаналитику в конце августа 2004 г. С 1999 г. проходил лечение у психиатра (диагноз — шизофрения). А анамнез... В детстве Артем страдал энурезом. Болезнь не оставляла его до 12 лет. Юноша очень страдал от недуга. Ему все время казалось, что от него исходит дурной запах, что все догадываются о его болезни. В голове теснились мысли о чудесном избавлении от порока. Однажды Артем увидел, что мама глотает какие-то таблетки. Может быть, это и есть лекарство от болезни. Дождавшись, когда в доме никого не было, Артем достал пузырек и проглотил все таблетки, которые там были. Мощная химическая атака сорвала крышу. Артем попал в больницу. Началась его одиссея...

Постоянно, с периодичностью один-два раза в неделю, его мучают страхи, связанные с опасностью принесения вреда всем людям инопланетянами (опасность, в том числе сексуального характера).

Артем называет эти состояния «приступами». Страхи при этом сопровождаются галлюцинаторными содержаниями («рожицы и перекрестия»), носящими скорее иллюзорный характер и частично осознаваемыми пациентом. Это не очень ясные изображения, узоры на окружающих поверхностях, ощущения присутствия инопланетян и идущих разговоров (угрожающего характера) других людей о личности пациента.

Артем совершенно не может смотреть телевизор. Ему кажется, что он влияет на поведение персонажей программ, даже если эти программы транслируются в записи. Боится многолюдных мест, в том числе транспорта. Один не ездит никогда. Если и выезжает, то редко и с родителями. По настоянию родителей учится дистанционно в среднетехническом заведении (по Интернету). По текущему состоянию не занимается длительное время. По лечебной схеме психиатра принимает рisperол (8 мг/день), азалептин (125 мг/день) и попеременно пантогам и фенибут. В соответствии с рекомендациями психиатра пытается уменьшать постепенно количество лекарств, но очень медленно. Побочные эффекты, ярко выраженные у пациента, — полнота (болезненное повышение аппетита и жажды из-за высоких доз азалептина), пониженная концентрация внимания. По словам отца, при игре в шахматы редко переходит от начальной стадии (дебюта) к середине (миттлшпилю) — пациент делает грубые ошибки и теряет интерес к игре.

После четырех месяцев лечебных сеансов индивидуального психоанализа, по оценке его отца, наблюдается следующая положительная динамика. Со слов Артема, периодичность «приступов» снизилась до одного в 2—3 недели. Теперь он переносит их легче. По словам отца, в эти моменты пациент уже не требует дополнительных таблеток. Артем стал смотреть по телевизору записанные художественные фильмы — старые боевики, ранее (до болезни) ему знакомые. Посетил два концерта классической музыки вместе с родителями (выдержал одно отделение в каждом). Посмотрел два полнометражных фильма в кинотеатре вместе с родителями (впервые за четыре года). Собирается в дальнейшем посещать спектакли и концерты.

Заинтересовался и стал посещать лекции, которые я читал своим слушателям. Принимал в них активное участие, задавал вопросы, участвовал в обсуждении, знакомился со слушателями. Его вопросы — всегда содержательны. Странно, что другим слушателям они не приходят в голову. Артем стал самостоятельно ездить на лекции в общественном транспорте, а после индивидуального пси-

хоанализа сам возвращается домой (полтора часа в общественном транспорте). По предложению психоаналитика и согласованию с психиатром снизил дозу азалептина до 75 мг/день. Появилось желание снизить вес и бросить курить.

Увеличилась концентрация внимания. По словам отца, игра в шахматы стала более интересной и нередко доходит до эндшпиля. При этом Артем демонстрирует способность к комбинационному мышлению — применяет в игре жертвы шахматных фигур. Пациент возобновил занятия по получению среднетехнического образования дистанционным методом — закончил все курсы и получил диплом. Если ранее многие работы он выполнял при непосредственном участии отца, то последние учебные занятия (после двухмесячных сеансов) — целиком самостоятельно.

Представьте себе, Вы просыпаетесь, а рядом с Вашей постелью стоит вполне реальное существо, ящер в лиловой чешуе. Вы чувствуете пронзительный взгляд гостя, знаете, что он с Марса, и уверены, что он полностью контролирует Ваши мысли и собирается провести этот день, неотступно следуя за Вами. Дальше все будет зависеть от него. Он собирается беседовать, руководить Вашими действиями и мыслями. Явился ящер с целью осуществить исследование Вашего мозга, которое заказало его марсианское начальство. Если развито чувство юмора, Вам может быть весело вместе, но чаще все оборачивается против Вас, настораживает и пугает, ведь ящер не может говорить с Вами и не может быть с Марса, более того, Вы знаете, что рассказать о Вашем спутнике не можете никому, марсианин этого не простит и неминуемо нанесет Вам повреждения, просто вытрет Вас из действительности, как следы мела с зеленой доски. Знакомьтесь, это шизофрения, теперь Вы не будете одни. Так начинается книга Барбары О. Брайен, перенесший приступ шизофрении и оставившей о ней след на бумаге¹.

В том же номере помещен текст, который характеризует «мышление» шизофреника. После двух лоботомий и десятков инсулиновых клинических смертей женщина поразительно связно отвечает на вопросы психиатра. Она и сама могла бы быть на месте доктора, училась в медицинском, окончила с отличием. Но что-то сломалось, завертелась жизнь квадратным колесом — и вот она уже пациента психиатра, обладательница различных диагнозов с одним ключевым словом — шизофрения. Помещенный текст — гениален. От абстрактного к конкретному и обратно. Лекция записана в 1974 г.:

¹ Популярная психология. 2005. № 10. С. 62.

- Здравствуйте.
- Здравствуйте, Зинаида Ивановна.
- Садитесь, пожалуйста.
- Спасибо.
- Вас не смущает такая большая аудитория?
- Нет.
- Зинаида Ивановна, с какого числа вы здесь лежите последний раз?
- Я приехала 25 января.
- Чем это обусловлено? Почему вы сейчас здесь находитесь?
- У меня нет сна.
- Раз.
- И нет памяти.
- Два.
- Больше меня ничто не беспокоит.
- Значит, если мы вам наладим сон и возвратим память...
- Больше я сюда не присду.
- Что вы будете делать?
- Я буду работать. Я и работаю в Управлении внутренних дел на Петровке, 38.
- Кем вы там работаете?
- Полковник внутренней безопасности.
- А что это значит — полковник внутренней безопасности?
- Я ищу вождей.
- То есть?
- Вот в Институте Ганнушкина нашла, где вожди, выпустила их на свободу. Во Второй клинической больнице нашла, где вожди, — выпустила их на свободу. Потом на Петровке бывшая биржа труда — там нашла вождей, выпустила на свободу.
- А какая здесь связь с внутренней безопасностью?
- Как какая? Я не понимаю вас?
- Вы же полковник внутренней безопасности?
- Да.
- Ваша деятельность...
- Звание.
- Но ваше звание отражает содержание вашей деятельности?
- Отражает.
- Тогда объясните мне.
- Я вам сказала.
- Так. Вы ищете вождей и освобождаете их.
- Да. Они в вольерах.
- Почему?
- Была война, они эвакуировались в вольер, чтобы бомба их не убила.
- В вольеры?

— Да.

— В вольерах обычно держат животных.

— Как вам сказать? Вольеры или деревня большая с домами, и в этих домах живут. Но перекрытия земли глубоко под землей — бомбы и не попадают. И их не убьет.

— Почему же вы называли это вольерами?

— Так все называют у нас на работе — вольеры. И я говорю — вольеры.

— Как называют все. Ага. Если вы полководец, то в вашем подчинении, вероятно, находится много людей?

— У меня свой подвал.

— Почему подвал?

— Со зверями. Еще крысы у меня есть, павианы, орангутанги. Я делаю засаду в магазине, пускаю зверя. Зверь не уходит и находит, где заслоны, за которыми вожди.

— У вас интересный метод поиска. Может, вольер отсюда и идет, потому что вы используете животных. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Я вам говорю так, как я сказала. Все.

— Зинаида Ивановна, кого из вождей вы отыскиали?

— Ленина. Брата Ленина, Сталина, Ворошилова, Буденного, Шверника, Булгарина, Микояна, Подгорного, Сабурова, Оргина.

— Кто-то из них умер, кто-то из них жив?

— Ворошилов жив-здоров. У него была летаргия гения земли, хоронили...

— Как-как?

— Летаргия гения земли у него была.

— У Ворошилова была летаргия гения земли. Как это понять?

— Сон глубокий, летаргический. Спал глубоко, крепко.

— А есть еще какая-нибудь летаргия? Есть летаргия гения земли, а еще, какая может быть?

— Простая смертного раба земли. Простая — уснет крепко и спит.

— Ах, вот как. Но ведь они давно умерши. У них тоже была летаргия или что-то иное?

— А они не умерли. У них бессмертие, бессмертные вожди. Бессмертие кость живая мощь.

— Они стали «Бессмертие кость живая мощь». Как в мифологии. Как святые?

— Да.

— Хорошо. Почему же мы их не видим бессмертными?

— Да.

— Бессмертные вожди наши. Где они сейчас находятся?

— В Кремле.

— Все?

— Почему не дают о себе знать?

— Хотите если их увидеть, поезжайте к нам на Садово-Каретный, дом 20, квартира 69. И мама поведет вас ко всем вождем, и вы их всех увидите.

— Чем же они заняты?

— Работают, управляют государством.

— Вы для этого их освободили из вольера?

— А как же? Что же они ничего не делают? Они работают вождами.

— Так они были все в летаргическом сне? Или...

— Нет, не все, не все, не все.

— А кто же был?

— Ворошилов, Буденный, Шверник.

— Это в летаргическом сне?

— Да.

— А остальные?

— Нет.

— Что же это такое? Всем присутствующим известно, что они уже давно не живут, умерли.

— Я вам говорю, все они живы и здоровы.

— Я не хотел бы вам противоречить, просто хочу понять.

— Хотите вы их увидеть?

— Я хочу понять, как же так. Почему у всех нас заблуждение?

— Какое заблуждение?

— Все мы думаем, что они уже давно умерли.

— Они все живы-здоровы.

— Почему?

— Бессмертие кость живая мощь им сделано.

— Кем?

— Лениным и Сталиным.

— Так они сами тоже умерли.

— Ленин жив, вы его вчера видели, и Сталин жив.

— Я вчера видел его?

— Да.

— Где же?

— Видели.

— А какую роль вы при этом играете? Кто вы, Зинаида Ивановна? Если вы такие вещи делаете — вождей освобождаете, — вы-то кто?

— У меня воинское звание полководец внутренней безопасности.

— Кто вам присвоил воинское звание?

— На работе, в управлении охраны общественного порядка.

— А вы не помните, когда я с вами последний раз говорил в присутствии врачей?

— В прошлом году летом, в июне.

— А вы помните, о чем вы мне тогда рассказывали?

— Вы меня спрашивали, как я работаю, нравится ли мне работать, что у меня болит.

— И вы тогда еще мне обещали кое-что. У меня создалось впечатление, что вы шутили, когда обещали золото, драгоценности.

— Пожалуйста. Приезжайте к нам на Садово-Каретную, дом 20, квартира 69, Шуйскому, и вы получите золото Николая Первого вечное число раз.

— Как-как?

— Золото Николая Первого вечное число раз. А вы не приезжаете. Что же вы?

— Я не понимаю, что вы сказали. Что значит золото Николая Первого вечное число раз?

— Вот золото Николая Первого. И такого золота вы получите вечное число раз или бесконечно.

— Откуда у вас это золото?

— Потому что мой отец Николай Первый. Он мне все золото отдал.

— Я полагаю, что кроме материальных благ он завещал вам и какие-нибудь идеологические направления.

— Идеологические нет. Он мне золото оставил, чтобы я хорошо жила...

Безумие

Человек стоял посреди комнаты и, не отвечая на вопросы, даже не замечая, впрочем, спрашивающих, размахивал руками, пытаясь поймать в воздухе что-то невидимое. Но он-то видел! С потолка на него непрерывным потоком падали живые цветы. Они стекали откуда-то сверху, радовали глаза расцветкой, легкими касаниями щекотали руки и грудой скапливались на полу. Часть из них человек ловил, прижимал к груди, утыкался в них лицом, нюхал. И ощущал аромат!

Другой искал жуков в складках пижамы. Только что он заметил их (штук двадцать, быстрые, черные), они попрятались и никак не найти. А поперек комнаты висела густая паутина, и серые ее нити чуть колебались под дуновением ветра из распахнутой форточки.

По стене косыми зигзагами зловеще зазмеялась трещина, и в страхе перед обвалом больной забился в угол. Из рта он пытается достать почему-то застрявшие в зубах зеленые травинки (откуда они? На дворе зима!), а травинки мешают, раздражают, не дают сосредоточиться.

Четвертый держит в руках лист белой бумаги. Как он не видел раньше? По листу мерным шагом движется военный оркестр! Надутые щеки трубачей, быстрые руки барабанщиков, серые мундиры, стандартизирующие фигуры идущих. А если лист поднести к уху? Слышен грохот оркестра! Барабан, геликон, труба.

Между двумя светлыми окнами больничной палаты — чистый пустой простенок, заклеенный обоями нехитрого рисунка. Из простенка непрерывно слышатся голоса. Они угрожают, критикуют, издеваются, смеются. Они обсуждают предыдущую жизнь больной, осуждают ее, обещают, что еще придет расплата. Больная стучит в стену кулаками, плачет, просит, чтоб ее хоть на минуту оставили в покое. Голоса не унимаются, порой тон их становится повелительным, и сопротивляться бесполезно. Больная сидит на кровати и без устали монотонно кричит. На вопрос «зачем?» отвечает, что должна кричать — так велел голос.

А рисунок обоев на стене превратился в седого угрюмого старика. Старик размеренно перечисляет преступления, которые совершила больная, внимательно слушает ее возражения и оправдания и начинает с прерванного места. По комнате причудливым роem кружатся черные и белые мухи.

Психиатр Кандинский, идя по коридору клиники, увидел одного из своих больных, судьба которого особенно интересовала его: предвиделось просветление. Грамотный и наблюдательный, хорошо излагающий свои мысли и ощущения пациент мог по выздоровлении рассказать много ценного лечащему врачу (впоследствии так и произошло).

А сейчас больной, согнув колени, всем корпусом яростно подавшись вперед, почти на корточках двигался по коридору, с таким видимым усилием работая локтями, будто преодолевал вязкую густую среду. На оклик врача он не ответил. Широко открытые, куда-то пристально уставленные глаза просто не видели врача.

Позднее он рассказывал: одной из частей его бреда была уверенность, что в канале, с двух сторон огибающем больницу, живет огромный крокодил. Задумав побег, он более всего боялся попасться в зубы чудовищу, которому расстроенное воображение придало облик и размеры дракона. И вдруг среди бела дня ощутил, что заживо проглочен! Локти его упирались в скользкие покатые бока, тело с трудом протискивалось между непонятным нагромождением внутренностей, было душно и трудно дышать, впереди виднелся какой-то свет, казавшийся выходом. Самое поразительное, что больной отчетливо помнил: он видел в то же время стены больничного коридора, но они проходили мимо его сознания, и он не узнавал их.

Галлюцинации. Многовековая загадка психики. Они так достоверны, что реальны и явственны, что им нельзя не верить. Психиатры знают: больного бесполезно уверять, что призраков нет, — все его внимание поглощено ими, органы чувств фантазируют и лже-свидетельствуют убедительно и ошутимо.

Они обманывают сознание коллективно: зрение, слух, осязание, вкус, обоняние и десятки приборов слежения за внутренним состоянием тел.

Среди многочисленных голосов мнимых преследователей больной услышал повелительный голос: «Перемени подданство!» — и послушно подумал, что примет английское гражданство. Неведомые механизмы ассоциаций тотчас породили новую галлюцинацию: по комнате мягко прошел огромный лев и вскинул лапы на плечи больного, тот явственно ощутил тяжесть и почувствовал смрадный запах пасти.

Это галлюцинации сложные, они встречаются несравнимо реже, чем простые: крики, шумы, слова, искры, цветные пятна, светящиеся шары, странные запахи, мурашки по коже — следы быстрых прикосновений. В сознание те и другие врываются внезапно, властно завладевают ими. Больные по-разному относятся к галлюцинациям: со страхом, безразлично, с любопытством.

Особенно часты голоса. Громкие и тихие, угрожающие и дружеские (порой одновременно), знакомые и незнакомые. Большей частью это угрозы, брань, обвинения и упреки. В редких случаях необъяснимая раздвоенность сознания сказывается и на голосах: в одно ухо больной шептали проклятия мнимые враги, а через другое неизвестные друзья говорили слова поддержки и одобрения. Иногда больные слышат собственные мысли — голоса издевательским тоном излагают велух самое сокровенное из того, что думает больной. Они настолько реальны, что больные затыкают уши, просят перестать, вступают с ними в беседу.

Когда голоса приказывают, отказать им невозможно, они сильнее, чем реальная обстановка, — они бывают причиной поджогов и убийств. Голоса звучат от стен, радиатора отопления, из подушки, от водопроводных труб и молчащих телевизоров. А зачастую изнутри — из живота или прямо в голове.

То сопутствуют галлюцинациям, то возникают отдельно иллюзии — когда расстроенный мозг улавливает слова и целые фразы в неопределенном, случайном шуме внешнего мира. В тиканье часов слышится ругань или похвала, из грохота трамвая, рокота самолета, хрипов радио, телефонных звонков, случайной музыки, воя ветра и шума машин доносятся упреки, сообщения, окрики, издевательства и приказы. Вода из крана торопила больную на работу, ткацкий станок неустанно повторял, что мастер цеха хочет на ней жениться, скрип форточки монотонно рассказывал об опасности, которая ее подстерегает. Пятна на столе, рисунок ковра или обоев, просто потолок и стены становятся экраном, на котором возникают знакомые и незнакомые лица, страшные рожи, движущиеся фигуры животных.

Черный человек Есенина, ворон Эдгара По, лесной царь Гёте — яркие продукты уставшего или заболевшего воображения. Галлюцинации и иллюзии — результат больного творчества мозга, и реальные образы реального мира служат лишь глиной, из которой лепится нечто произвольное, но воспринимаемое сознанием как реальность.

Невыносимо тяжела жизнь людей, общающихся с призраками: все внимание, все время, само существование их подчинены то равнодушному созерцанию галлюцинаций безобидных, то гнетущим мукам страха и тоски от галлюцинаций угрожающих.

Особенно при искажении ощущений, которые мы обычно не замечаем (пока все нормально): чувства нормального положения тела в пространстве, наличия рук, ног, туловища и головы, равновесия и прочности окружающего мира.

А больные в страхе кричат — на них, раскачиваясь, рушатся потолки и стены. Наклоняется и падает в пропасть кровать, предметы то стремительно удаляются и становятся меньше, то угрожающе вырастают и надвигаются. Маятник от часов идет через всю комнату, прицеливаясь ударить по голове, тело становится невесомым, поднимается и переворачивается в воздухе, вещи и дома движутся, колеблются и мерцают. Ноги тонут то в густом клее, то в вязком песке. Нарушается так называемая схема тела — ощущение наличия и соразмерности его частей. Увеличивается и занимает всю комнату нога, пропадает рука, голова проваливается в туловище, возникает чувство, что внутри нет скелета, желудка, сердца или что там пустота, змея, человек, любые придуманные предметы — архивы памяти услужливо предлагают выбор, соответствующий болевым ощущениям.

Весь строй, содержание и направленность и правдоподобие галлюцинаций определяются памятью и знаниями человека. Но ведь подобным образом часто выглядят сны. Вопрос о сходной причудливости снов и галлюцинаций давно уже волновал исследователей мозга. Ибо трактовка снов только как отходов дневной работы разума малоубедительна — очень уж стройны и жизненны наши сны. Года два назад на группе добровольцев был проделан довольно жесткий эксперимент, проложивший новый путь для сопоставления снов и галлюцинаций, показавший, что их механизм возможно... Впрочем, вот опыт. Людей лишали сновидений. Момент, когда приходят сны, уже научились фиксировать, пользуясь тем, что сновидения сопровождаются активным движением глаз под сомкнутыми веками. Несмотря на то что спящий видит нечто, зарождающееся в глубинах его мозга, мышцы, движущие глаза получают сигналы для сокращения, как будто глаз пытается рассмотреть происходя-

щее внутри. Этим недосмотром природы, забывшей о выключении ненужного в такое время зрительного прибора, и пользуются исследователи для фиксации момента сновидений.

Испытуемых тут же безжалостно будили. Довольно скоро выяснилось, что видеть сны человеку необходимо: в поисках возможности прокрутить ленту сновидений мозг начал запускать ее в необычное время — на других фазах сна, немедленно позасыпая. Его сразу обрывали — как только прибор сообщал о движении глаз, людей поднимали.

Лишение мозга сновидений длилось несколько суток. Мозг ответил на это галлюцинациями! Только наяву, в бодрствующем состоянии, испытуемым являлись видения, которые в нормальных условиях мозг, очевидно, отработал бы во сне. Приступ галлюцинаций проходил безвозвратно, если человеку давали спать, не прерывая приходящие сны.

Столь же убедительны были эксперименты психологов, показавших пути возникновения иллюзий. Было очень точно замечено однажды, что галлюцинации относятся к иллюзиям, как клевета — к злословью; у иллюзий и злословия есть (в отличие от галлюцинаций и клеветы) хоть крохотные, но реально существующие зацепки, которые вкривь и вкось толкует большое или озлобленное воображение.

Иллюзии вызывались у больных с помощью реальных шумов, которые им предложено было описать. За ширмой слышались едва различимые звуки: булькала вода, шелестела бумага, звенели осколки стекла, тикали часы, дерево терли о металл. Больные истолковывали звуки в полном соответствии со своей бывшей профессией, интересами и тревогами, немедленно включая воображение и память. Моряк говорил, что скребут палубу, бьют склянки, бегут по трапу, даже разливают водку — пьют за победу.

Бывший пожарный с первых минут эксперимента воспринимал все как тушение пожара. Лишенный возможности включиться в эту воображаемую работу, он охрип от волнения, потерял голос, метался по комнате. Он слышал, как плакали погорельцы, ломом крушили стену, заливали огонь водой, карабкались по дрожащей лестнице!

Другие, уловив в шелесте бумаги стрельбу из пулемета, активно включались в возникавшую перед ними картину боя: кричали, командовали, бегали по комнате, принимая участие в штыковой атаке.

Для одного больного ширма врачебного кабинета вдруг стала стеной его комнаты, где он жил с семьей. Он слышал, как жена убирала посуду, сын учил уроки, играло радио. Потом кто-то пришел, долго выколачивал золу из трубки, почему-то доставал из-под кровати чемодан. По прекращении опыта больной тоскливо сказал: «Кажется, он ей брошку подарил?»

Записи об иллюзиях, галлюцинациях, расстройстве чувства собранности и целостности своего тела (психологи шутят, что у женщин это ощущение включает даже кончик пера на шляпке) заполняют истории болезни. Они невероятно разнообразны по проявлениям, общее у них — правдоподобие, реальность, четкость и явственность.

После болезни (познав ее на собственном опыте) прекрасный русский психиатр Кандинский, очень много сделавший для изучения галлюцинаций, описал собственные переживания: он летал по комнате в различных направлениях, стены смыкались и наклонялись вслед его движению. Его вертело и поворачивало, обдувал ветер, пол исчезал из виду, комната становилась бесконечной. Мастерская воображения, мобилизуя расстроенные ощущения, работала на болезнь.

Дидро писал, что наши ощущения — это свидетели в суде, а разум — судья, обобщающий их показания. Но если все свидетели лгут и разоблачить их невозможно, какое мнение может возникнуть у беспристрастно подводящего итоги судьи?

И вот уже в присутствии больного нельзя дышать — он невесом, он легок как пылинки, — он просто сам пылинки. Нельзя ставить что-нибудь на огонь — больной, утративший ощущение границ своего тела, слился с миром, ему больно, когда что-нибудь ставится на огонь. А другому огонь опасен: он из дерева — хотите удостовериться?

Вкривь и вкось истолкованные больным разумом и без того ложные сообщения органов чувств порождают бред.

Бредовые состояния

В начале XIX в. был термин для психически больного — помешанный, умалишенный. Бурный рост промышленности и достижения естественных наук привели к росту ценности жизни. Внимание врачей привлекала возможность лечения помешанных, возникли попытки классификации психических болезней. Так, немецкий психиатр Карл Кальбаум описал кататонию у молодых пациентов.

Как правило, психопатология вначале имеет дело с отдельными, изолированными явлениями, — такими, как галлюцинация, скачка идей, бредовые идеи. Мы мыслим эти явления по отдельности, а затем задаемся вопросом о том, что они могут иметь общего — например, при какой болезни они выступают совместно? Но в действительности каждое из них, будучи обнаружено в связи с различными болезнями, вызывает множество разнообразных нюансов. Последние состоят не только в большей или меньшей степени развития — в характере тех изменений, которым подвергаются события психической жизни и которые происходят отчасти из различий между отдельными индивидами, отчасти же — из психических изменений самого общего характера.

Во многих случаях мы скорее чувствуем эти нюансы, нежели можем их внятно сформулировать. Если бы психические явления были структурами, лишенными гибкостями и во всех случаях поддающимися однозначной идентификации, каждую отдельно взятую нозологическую единицу уместно было бы рассматривать как мозаичную картину, составленную из множества элементов, — причем в составе различных «мозаик» обнаруживались бы одни и те же элементы. Нам осталось бы только снабдить эти, в общем одинаковые элементы определенными наименованиями, выяснить, при какой болезни тот или иной элемент обнаруживается особенно часто, и поставить диагноз путем суммирования частотных показателей для всех элементов.

Этот «мозаичный» метод (нередко используемый в рудиментарной форме) ложен, поскольку превращает психопатологическое исследование в диагноз, в нечто сугубо механическое и приводит любые выявленные в процессе анализа данные к безнадёжно «застывшему» состоянию. Многие начинающие исследователи высказывают склонность именно к такому методу, ибо он относительно понятен и ему легко научиться. Очень важно устоять перед соблазном этой слишком легко дающейся простоты и постараться вместо предназначенного для механической зубрежки перечня симптомов разнообразить и дифференцировать точки зрения.

Для незапамятных времен самым важным для клиницистов был вопрос о том, каким именно образом сочетаются отдельные симптомы в каждом отдельном случае? С какой именно болезнью — иначе говоря, с какой нозологической единицей — мы имеем дело? Какие вообще существуют нозологические единицы? Будучи аналитиком, психиатр, так сказать, расщепляет каждый отдельный случай по всем возможным направлениям. Но будучи в то же время клиницистом, он хочет поставить диагноз. Любые явления суть для него симптомы болезней. Конкретная нозологическая единица имеет свои симптомы. Эти симптомы ожидаемы и дают возможность прийти к определенному выводу относительно того, какая именно болезнь кроется за ними. Итак, самое главное — узнать, что кроется за симптомами.

На вопрос о том, что такое нозологическая единица в психиатрии, существует два принципиально различных ответа. Надо сказать, что эти ответы были известны еще в древности.

Один из них исходит из учения о едином психозе: в психопатологии вообще нет нозологических единиц, есть только бесчисленные, повсюду и во всех направлениях смешивающиеся друг с другом разновидности безумия с текущими, неотчетливыми дифференциальными признаками. Различные формы безумия классифици-

руются только как типичные последовательности состояний. Так, согласно одной из точек зрения, любая душевная болезнь начинается как меланхолия, затем переходит в стадию буйного помешательства, после которой наступает бредовое помешательство и, наконец, слабоумие. В противовес этой точке зрения было разработано учение об исходной («оригинальной») паранойе.

Второй ответ исходит из предположения, согласно которому основная задача психиатрии состоит в обнаружении естественных нозологических единиц, которые принципиально отличаются друг от друга, характеризуются различной симптоматикой, различным течением, различными причинами и соматическими проявлениями и не могут переходить друг в друга.

Представители двух направлений всячески демонстрировали презрительное отношение друг к другу и непоколебимую убежденность в провале любых попыток, предпринимаемых идейными противниками. Судя по всему, борьба между этими двумя точками зрения все еще не окончена. В позиции каждой из сторон есть нечто новое, и вместо того чтобы враждовать, они могли бы успешно дополнять друг друга.

В ходе исторического развития психопатологии почти за всеми ее единицами хотя бы раз признавался статус нозологических единиц. В давние времена галлюцинации считались одним из психических заболеваний. Аналогично одним из заболеваний считался бред. В качестве отдельных заболеваний трактовались различающиеся по своему содержанию типы поведения (ширмания, клептомания, дипсомания и др.). В настоящее время этих воззрений уже никто не придерживается, поскольку из них нечего извлечь, кроме монотонного и бесконечного перечисления. К тому же они допускают возможность ситуации, когда один и тот же человек одновременно страдает несколькими различными «болезнями». Как бы там ни было, именно из этого взгляда на природу психических болезней развились впоследствии следующие точки зрения, которые служат для определения болезней.

1. Вплоть до 1880-х годов господствующими нозологическими единицами считались группировки симптомов, которые в соответствии с различными точками зрения образовывали особого рода единства — симптомокомплексы (таковы меланхолия, буйное помешательство, спутанность мыслей, слабоумие). Были осуществлены попытки проникнуть в глубь симптомокомплексов и, абстрагируясь от бесчисленного множества деталей, обнаружить фундаментальную психологическую структуру этих аномальных событий психической жизни. Теодор Мейнерт вывел феномен аменции из «бес-связности» или «инкогеренции» (отсутствия ассоциаций). Карл

Вернике продолжил анализ в том же духе. Но оба исследователя исходили из представлений, основанных на анатомии головного мозга и теории ассоциаций, и поэтому все их попытки выявить психологические «фундаментальные структуры» окончились ничем. Пожалуй, это удалось добиться лишь в рамках учения Ойгена Блейлера о шизофрении — самого глубокого описания одной из фундаментальных форм аномальной психической жизни.

2. Пока исследование психологических единств не приводили к убедительным и заслуживающим общего признания результатам, делались попытки выявить «наиболее естественную» структурообразующую единицу. Считалось, что такую единицу следует искать на уровне причин душевной болезни. Все, что обусловлено одной и той же причиной, должно составлять единство. Приоритетное значение данной точки зрения отстаивалось французскими учеными. Основываясь на ней, они разработали учение о предрасположенности и наследственности. Согласно им, подавляющее большинство психозов принадлежит к категории наследственных душевных болезней (болезней, обусловленных вырождением). Введенный ими термин «дегенеративное помешательство» оказался настолько широкоохватным, вобрал в себя такое многообразие гетерогенных элементов, объединенных одной-единственной — и к тому в лучшем случае гипотетической — категорией дегенерации, что больше не может считаться удовлетворительным.

3. Примерно тогда же был достигнут императив, согласно которому единицы должны выявляться исходя из данных анатомии. Нозологическую единицу составляют одинаково протекающие мозговые процессы. Но данная точка зрения есть не более чем императивное требование. Вдобавок к известным в неврологии мозговым процессам — рассеянному склерозу, опухолям, сифилису мозга и другим процессам, вызывающим среди прочих симптомов также и душевные болезни, было выявлено еще одно заболевание нервной системы — прогрессивный паралич. Вначале оно было определено на основании соматических симптомов, а затем на основании характерных изменений, затрагивающих кору головного мозга. Достаточно долго прогрессивный паралич считался своего рода «парадигмой» душевной болезни. Он представлял собой единственную известную в психопатологии нозологическую единицу. Но его симптомы оказались настолько похожи на симптомы других известных заболеваний головного мозга (если не считать более высокой степени разрушения), что его пришлось отнести именно к этой группе, а не к психозам как таковым.

Прогрессивный паралич — это происходящий в нервной системе процесс, при котором в любом случае возникают «симптомати-

ческие» психозы. Но последние вполне схожи с другими психозами, сопровождающими органические мозговые болезни, и сходство это проявляется как в психологической симптоматике, так и на уровне тех закономерностей, которые управляют чередованием психических явлений по мере развития болезни. Итак, прогрессивный паралич — это образец для анатомических исследований и анализа причинно-следственных связей, но — в противоположность распространённому некогда мнению — отнюдь не для клинического психиатрического исследования. По существу, в установлении этой болезни психологические моменты никогда не играли роли. По природе своей она всецело относится к области неврологии.

Ни фундаментальные психологические формы, ни учение о причинах (этиология), ни данные из области анатомии головного мозга не смогли обеспечить нас системой нозологических единиц, в рамках которой можно было бы найти место для всех психозов. Карл Кальбаум, а вслед за ним и Эмиль Крепелин, преисполненные надежды преодолеть любые трудности и прийти к обнаружению искомых единиц, вступили на совершенно новый путь.

Немецкий врач-психиатр *Карл Кальбаум* (1828—1899) сформулировал два главных требования: во-первых, в функции важнейшей основой для определения нозологической единицы должно выступать все течение душевной болезни; во-вторых, следует основываться на целостной картине психоза, полученной в итоге всестороннего клинического наблюдения. Сделав акцент на течении болезни, он, вдобавок к трем предшествующим, выдвинул новую точку зрения, а его второе требование связало все эти точки зрения воедино: теперь они перестали соперничать и перешли к взаимодействию при построении нозологических единиц.

Кальбаум описал кататонию у молодых пациентов. Челюсти прочно стиснуты, кулаки сжаты, веки крепко-накрепко сомкнуты, шея напряжена, голова неподвижна. Попытка слегка сдвинуть с места руку или ногу больного наталкивается на сопротивление. Напряженность подобного рода служит признаком так называемой кататонии. Впрочем, в настоящее время термином «кататонические симптомы» обозначается не только эта напряженность, но и все множество психологически непонятных моторных явлений.

Психическое расстройство в виде неправильных высказываний, суждений впоследствии приводит к заторможенности, скованности, подчас невозможности движений. Иногда развивается двигательное возбуждение, с однообразными движениями, с проявлениями агрессивности или нелепыми действиями. Кататоник на время застывает в фиксированной позе, иногда причудливой и необычной. Общение с ним затруднено или невозможно, он погружен в собственный мир.

Затем *Эвальд Геккер*, ученик и друг Кальбаума, описал гебефрению, также связанную с шутовским поведением, кривлянием и гримасами, — возбуждение с элементами клоунады. Бесконечное хихиканье и ужимки ограждают гебефреника от окружающей действительности. Великий Гёте проявил интерес к физиогномическим штудиям Ж.Г. Лафатера. Он расширил рамки физиогномики до такой степени, что включил в нее любые проявления человеческого:

Физиогномика выводит внутреннее из внешнего, но что есть «внешнее» в применении к человеку? Это явно не его голая форма, не те непреднамеренные движения, которые служат знаками действующих внутри него сил и взаимовлияний! Существует столь великое множество вещей, под воздействием которых человек меняется и которые окутывают его своеобразной пеленой: это его положение в обществе, его привычки, его имущественное положение, его одежда! Судя по всему, очень сложно, если не сказать невозможно, проникнуть сквозь все эти многочисленные слои в глубину его существа или даже обнаружить среди всех этих неизвестных и чуждых нам величин хоть какой-нибудь устойчивый опорный пункт. Но не будем отчаиваться! Человек не просто подвергается воздействию того, что его окружает, он и сам воздействует на все это и, значит, на самого себя. Изменяясь сам, он изменяет окружающее. Одежда и утварь человека помогают нам сделать вывод о том, каков его характер. С одной стороны, человека формирует природа; с другой же стороны, человек естественным образом преобразует сам себя. Помещенный в обширную Вселенную, он строит в ее пределах собственный мирок; он устанавливает свои ограды и стены и обустраивает все по собственному образу и подобию. Его общественное положение и внешние обстоятельства могут во многом определять характер и облик его среды; но важнее всего то, что именно он позволяет собой управлять. Он, подобно иным своим собратьям, может отнестись к обустройству своего мирка безразлично, посчитав, что ему достаточно того, что безразличие может продвинуться на высшие уровни или (что менее обычно) отступить. Я надеюсь, что мне не поставят в вину эту мою попытку расширить область физиогномического исследования.

Этот органический, всеохватывающий взгляд на человека и его поведение в собственном личностном мире обеспечивает необходимую основу для любого частного анализа. Чтобы такой анализ был результативным, необходимо прежде всего дифференцировать наши понятия. Рассматривая данные по отдельности, мы различаем: поведение в форме устойчивых повадок, жестов и движений, посредством которых человек «подает» себя окружающим и себе же самому; способ формирования человеком своей среды: одежды, жилища и других компонентов; образ жизни в целом — образ действий человека и из-

бираемые им пути, характеристики его поведения и сформированной им окружающей среды как целостных феноменов, постоянные, повторяющиеся изо дня в день формы поведения человека; преднамеренные действия: присущие данному и только данному индивиду волевые акты, направленные на достижение определенных целей и осуществляемые с полным сознанием всех возможных последствий.

Психиатр О. Дим выделил простую форму слабоумия, деменция симплекс, заключающуюся в постепенном оскудении психической жизни с последовательным затуханием интересов, побуждений и активности.

Влияние идей Кальбаума резко возросло после того, как они подхвачены *Эмилем Крепелином* (1856—1926), учеником В. Вундта, автором первой классификации психических заболеваний. Следовавшие друг за другом издания его учебника «Психиатрия» могут служить свидетельством пройденного им пути: от первых попыток преодоления разного рода эфемерных и односторонне трактуемых единиц — к плодотворному усвоению кальбаумовских идей. Он проявил немалое упорство в формировании и реформировании этих идей, на основании которых ему в конечном счете удалось реализовать свое понятие нозологической единицы в применении к специальной психиатрии.

Клинические картины заболеваний, вызванных одинаковыми причинами, имеющих одинаковую фундаментальную психологическую форму, одинаковые развитие и течение, одинаковый исход и одинаковую мозговую патологию — т.е. картины, в полной мере согласующиеся друг с другом, — представляют собой настоящие, естественные нозологические единицы. Обнаружение таких единиц возможно с помощью всестороннего клинического наблюдения. Согласно Крепелину, особенно плодотворных результатов нужно ожидать от исследования исходов болезней. Его основная предпосылка состояла в признании принципиального различия между полностью излечимым и полностью неизлечимым заболеваниями. Во-вторых, Крепелин полагал, что знание психологической структуры исхода болезни позволит распознать фундаментальную психологическую форму болезненного процесса даже в самых малозаметных признаках, выявляемых на ранней стадии психоза.

Итогом этих исследований стало разделение всех психозов, которые не поддаются объяснению в терминах осозаемых мозговых процессов, на две большие группы. Первую группу составляют маниакально-депрессивные психозы, тогда как вторую — деменция прекокс (включающая кальбаумовские кататонию и гебефрению, а также бредовое помешательство). Кроме того, все относительно легкие аномалии были отнесены к группе помешательств, обусловленных

вырождением. Крепелин в течение продолжительных, многолетних наблюдений установил, что различные по симптомам расстройства развиваются по сходной схеме в рамках деменция прекокс, раннего слабоумия, и приводят к злокачественному поражению психики, впоследствии названному психиатрами ядерной шизофренией.

Позднее было установлено, что наряду с юношеской, наиболее тяжелой и отчетливо диагностируемой формой существует расстройство, симптомом которого является бред преследования, воздействия, отношения и др., которые развиваются в зрелом возрасте, в 25—30 лет, это и есть параноидальная форма шизофрении.

Метод Крепелина состоял в обзоре целостных биографий на основе катамнезов. Задача в каждом случае заключалась в целостном охвате клинической картины. В результате все попытки разграничения отдельных психозов, направленные на их отделение от шизофрении или систематизацию внутри группы шизофрении, окончились неудачей. Все отрицательные поначалу случаи (пресенильный бред уперба, парафрения и др.) в конечном счете все равно приходилось возвращать обратно в группу шизофрении. Если после сопоставления нескольких биографий картина отдельно взятой болезни сохраняет ее характеристики, которые делают ее уникальной, значит, мы имеем дело не с нозологической единицей, а с частной причинной связью, с изолированным явлением.

Существуют странные личности, у которых внешне высокоразвитая способность к тем или иным интеллектуальным проявлениям сочетается с поразительной неспособностью в других отношениях. Он назвал такую ситуацию «относительным слабоумием», поскольку умственные способности человека находятся в не распознанном им самим противоречии с уровнем его устремлений, что неизбежно и систематически приводит к неудачам. Имеет место нарушенная связь между интеллектом и теми задачами, которые человек ставит перед собой. Непропорциональность побуждений приводит к постановке таких задач, с которыми при данном уровне интеллекта личность не в состоянии справиться.

Люди, о которых идет речь, часто бывают наделены прекрасной механической и вербальной памятью. Поверхностному наблюдателю они могут показаться «разносторонними мыслителями», но при более внимательном взгляде оказываются «мастерами путаницы». Они неспособны «извлекать из опыта такие указания, которые были бы полезны для осуществления их задач». Они страдают от несправивимой переоценки своих возможностей, от полного отсутствия критического отношения к себе. В их разговорах выплывающие на поверх-

ность бесчисленные ассоциации текут свободным потоком. Этот результат их стремления что-то собой представлять и производить впечатление на других находит свое проявление в форме так называемого салонного слабоумия. Может показаться, что речь идет о скачке идей, но в действительности это не так. На самом деле мы имеем дело с психологически понятной экспансией Я, сочетающейся с огромной массой «идей», натиск которых ограничивается только возможностями речевой деятельности и механической памяти.

Идеи не развиваются. Нет ничего, кроме проявлений хаотического знания. Плоские, чисто словесные «остроты» занимают место ответственных оценок и установок; ведущий принцип — говорить, а не думать. Опьяненный собственным умом (который на самом деле есть не что иное, как повторение прочитанного), человек перестает мыслить самостоятельно в каком бы то ни было направлении. Люди этого типа могут производить на окружающих обманчивое впечатление из-за своей убежденности, будто все, что они говорят, в большей или меньшей степени исходит от них самих. Для разговоров они обычно избирают «высшие» проблемы.

Эйген Блейлер, швейцарский психиатр и патопсихолог (1857—1939), стал автором термина «шизофрения». В 1911 г. он предложил разделить «деменцию прекокс» на четыре подгруппы: параноидная форма, кататония, гебефрения и простая шизофрения. Блейлер также исследовал латентную форму шизофрении, описанную им впервые у родственников больных. Именно он предложил название «шизофрения», что в переводе означает расщепление ума.

Время от времени, более или менее «на полях» других исследований, осуществлялись попытки понять содержательный аспект бредовых идей (в числе других психотических симптомов) исходя из желаний и стремлений человека, из его переживаний. Исследователи цюрихской школы (Э. Блейлер, К. Юнг) распространили этот подход на шизофрению. Они не остановились на самоочевидных, постижимых содержательных элементах, а, следуя за Фрейдом, интерпретировали их как символы. В итоге они пришли к почти стопроцентному «пониманию» содержаний шизофренических психозов. Но использованная ими для этой цели процедура, как нетрудно убедиться на основании полученных результатов, ведет в бесконечность.

Выражаясь буквально, они вновь открыли «смысл безумия» — или, по меньшей мере, они уверены, что сумели сделать это. Полученные ими результаты не могут быть здесь представлены в конспективном виде. Приведем один из множества примеров: голоса упрекают больного в проступке сексуального свойства. Значит, вступление в половую связь соответствует вытесненным желаниям больного.

Блейлер и Юнг понимают шизофренические психозы, содержательный аспект бредовых идей, кататонического поведения и ложных восприятий исходя из вытесненных комплексов расщепленного типа. Такая «интерпретация» симптомов кажется сомнительной, но может быть предметом дискуссии. Примечательно, что, согласно Блейлеру, комплексы не обязательно должны быть вытеснены. Они могут сохраняться в сознании и в то же время доминировать в шизофреническом бреде. При таком понимании иногда возникает удивительная в своем роде аналогия между истерией и шизофренией (Юнг не упускает ее из виду). Интерпретация в целом сводится к переносу в область шизофрении тех понятий, которые возникли в связи с анализом истерии. И все же следует помнить о существовании принципиального различия между истерией и шизофреническим процессом. Различие это проявляется, в частности, в том, что больные шизофренией в противоположность истерикам не поддаются гипнозу и характеризуются крайне низкой степенью внушаемости.

Доступные пониманию содержательные элементы присутствуют в любых формах объективного. Даже содержание галлюцинаций следует рассматривать с этой точки зрения. Содержательные элементы галлюцинаций не абсолютно случайны. В какой-то своей части они выказывают те или иные психологически (генетически) понятные связи и в форме приказов, удовлетворения желаний, гнева и насмешки, страданий и откровений соотносятся с переживаниями личности. Фрейд называл галлюцинации «мыслями, которые превратились в образы».

Шизофрения — психическое заболевание, которое проявляется в расщеплении мышления, чувств, восприятий, взаимосвязей с внешним миром, приводящее к построению причудливой картины мира, связанной в подобие целого необычной логикой. Необычность восприятия порождает неадекватные эмоции. Шизофреник отличается алогичностью мышления и абсурдностью высказываний.

Некорректируемость бреда — это нечто существенно большее, нежели некорректируемость ошибок здорового человека. Тем не менее нам все еще не удается с точностью определить, что именно отличает один тип некорректируемости от другого. Мы можем либо говорить о «стабильности аффекта» (Э. Блейлер), либо подчеркивать тенденцию бреда к разрастанию и распространению, либо рассуждать о непродуктивности в своем роде логики на службе бреда. Но во всех этих случаях мы просто даем какие-то наименования тому, что в принципе невидимо и непостижимо. И все же проблема некорректируемости бреда не дает нам покоя. Бред, в особенности в форме бредовой системы, представляет собой целостный, связный мир, целостную систему поведения человека с нормальным рассудком, которую во всех остальных отношениях,

согласно общепринятым стандартам, отнюдь не приходится считать больной. Именно это и зовется в обиходе «безумием» и представляет особую опасность потому, что очень часто окружающие демонстрирует готовность следовать той же бредовой системе. В принципе — пусть далеко не всегда на практике — все неистинное может быть преодолено благодаря великому движению человеческого разума, который сквозь массу ошибок, извращений, неясностей, софизмов и проявления злой воли стремится прорваться к правде. Но бредящий необратимо теряется в том, что неистинно; и если мы не в силах исправить эту ситуацию, мы должны постараться хотя бы понять ее.

Литература

1. *Блейхер В.М., Круг И.В., Бокор С.Н.* Клиническая психопсихология. М., 2002.
2. *Поляков С.Э.* Мифы и реальность современной психологии. М., 2004.
3. *Психологическая диагностика: Учеб. пособие* / Под ред. К.М. Гуревича и Е.М. Борисовой. М., 2001.
4. *Спотниц Х.* Современный психоанализ психотического пациента. СПб., 2005.
5. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1994.
6. *Техэ В.* Психика и ее лечение. Психоаналитический подход. М., 2001.

Вопросы для повторения

1. Почему безумие только кажется одноликим?
2. Каковы формы современной неадекватности поведения?
3. Отчего галлюцинации — многовековая загадка психики?
4. Какие художественные образы расстроенного воображения вы можете назвать?
5. Чем иллюзии отличаются от галлюцинаций?

Темы для докладов и рефератов

1. Галлюцинации как продукт больной психики.
2. Безумие как феномен.
3. Современные формы неадекватного поведения.
4. Отношение к безумию: исторический подход.
5. Многоликость безумия.

Психопатология обыденной жизни

*Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя:
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.*

Осип Мандельштам

У каждого времени — свои безумцы

Человек — единственная особь на земле, способная жить в ситуации абсурда. В фильме Феллини «Голоса Луны» сумасшедший музыкант спрашивает: «Куда деваются ноты после того, как они уже отзвучали?» Безумие многолико. Это только кажется, что сумасшествие всегда тривиально. На самом деле в нем столько граней, оттенков. Пожалуй, не меньше, чем в обнаружениях ума. Африканцы сходят с ума не так, как эскимосы. Юные девы теряют разум иначе, чем старики. У богатых тоже слетает крыша, но совсем не так, как у бомжеватых нищих. Простые кочегары теряют рассудок не по той же канве, что и соискатели Нобелевской премии. Первобытный дикарь, окосевший от причуд природы, не похож на современного компьютерного безумца.

В 60-е годы больницы были переполнены «женами» и «невестами» Гагарина, — пишет А.И. Белкин. — В 40-е — «родственниками» Рокоссовского (почему-то к нему питал особую слабость наш контингент), Жукова, Конева. Но никогда ни мне, ни коллегам, которых я расспрашивал, не встречались «сыновья» или «братья» Сталина. Двух «сыновей» Ленина я помню: один из них поражал фантастическим сходством с вождем. Что касается Сталина, то ужас перед ним был так велик, что корректировал даже бредовые идеи¹.

Согласимся с автором. В наши дни объявляются даже родственники Путина. Но в годы тоталитаризма не имели права свободно высказываться даже умалишенные. Боялись провокаторов, а еще больше тех еретических суждений, которые слетали с уст повредившихся рассудком. Соответственно и отношение к сумасшедшим было жестоким. Их

¹ Белкин А.И. У каждого времени свои безумцы // Психоналитический вестник. 2004. № 12. С. 9.

старались изолировать от общества, упрятать подальше. Побег безумца из больницы рассматривался как чрезвычайное происшествие.

Могут сказать: «про тоталитарное общество мы все знаем: не смешно». Ну, что ж, возьмем современную реальность. У моего шефа украли машину. Он звонит знакомому генералу и говорит:

— Помоги по-родственному. Не останусь в долгу.

А тот отвечает:

— Если украли с нашего ведома, мы тебе машину вернем, а если это неорганизованная преступность, извини, не сможем...

Но время поменялось. Ушел в прошлое тоталитарный строй мысли. Изменилось и отношение к тем, кто повредился рассудком. Их перестали прятать в палатах. Какой смысл изолировать больного, если он социально не опасен. Оказалось, что некоторые причуды ума достаточно расхожи и совсем не воспринимаются как болезнь. Вот босс взял на работу в банк не вполне адекватного человека. Никто и не вслушивается в то, что он там бормочет, когда раскладывает ведомости. Зато босс в восторге, когда его сотрудник разворачивает шизофренические возможности своего интеллекта. Какие неслыханные финансовые комбинации. В этом что-то есть. Конкуренты никогда не додумаются до такого. Нет, что ни говори, но определенная доза неадекватности может и пригодиться.

Зато «нормальное» сумасшествие как-то ступсешалось, стерлось, перестало привлекать внимание. Более того, страшно подумать, постепенно становится нормой. Несколько десятилетий назад я работал в Совете по проблемам зарубежных идеологических течений, который возглавлял академик Марк Борисович Митин. Однажды, открывая совещание, он сказал: «Внимание, внимание, товарищи! Прошу внимания, сегодня у нас ответственный день. На повестке дня два вопроса: как будет называться моя книга и кто будет ее писать».

В этот момент меня прожгла мысль, что я в сумасшедшем доме. Я стал осторожно оглядывать коллег, но никто из них не выражал никакого смущения. Напротив, черкали что-то в блокноте, изображая служебную полноту. А ведь то, что мы слышали, похоже на шизофренический бред, по крайней мере, отдает поврежденностью рассудка.

В Русском психоаналитическом обществе работала долгое время одна женщина по имени Ирина Ивановна Каслова. Мы были знакомы много лет и даже жили по соседству, иногда встречаясь на автобусной остановке. Однажды я узнал, что у Ирины Ивановны появился муж: этот человек, кстати опытный клиницист, приехал в Москву, и здесь возник новый брачный союз.

Когда я организовал курсы по психоанализу, мне пришла в голову мысль, пригласить Ирину Ивановну вести на занятиях клиническую практику. В самом деле, подумал я, для чтения лекций кандидатов немало, но кто сможет показать на деле, как работать с па-

цистами. Через некоторое время слушатели стали жаловаться мне, что Ирина Ивановна не знакомит их с клиническими историями, а просто читает вслух работы Фрейда. Я решил поговорить с Ириной Ивановной на эту тему, но события приняли неожиданный оборот. Она позвонила мне и сказала:

— Павел Семенович, я видела расписание, и вы там обозначили меня как Каслову. А ведь у меня другая фамилия...

— О, — сказал я, — конечно, конечно, надо было мне это учесть. Но ведь я столько лет знаю вас как Каслову.

— Но и что! Ведь я же теперь Радаева... Разве я не показывала вам брачное свидетельство?

— Показывали, но вышла ошибка. Думаю, ничего страшного...

— Как вы можете так говорить? Придут студенты слушать Каслову, а там Радаева. Это что, нормально?

— Разумеется, неувязка. Но что делать? Завтра я приду раньше и исправлю в расписании вашу фамилию.

— Павел Семенович, мне кажется, вы не понимаете суть дела. Ведь я теперь не Каслова, а Радаева...

— Это я уже усек. Но что вы предлагаете?

— Не следовало допускать такой оплошности.

— Ирина Ивановна, я уже покаялся. Сколько можно меня ваять?

— Павел Семенович, завтра, когда вы успокоитесь, вы поймете, про что я вам говорю.

— Ирина Ивановна, в конце концов я вам не мальчик...

— А я вам не девочка... Радаева я...

— Знаете что, — сказал я, — с этой минуты вы меня не интересуете ни как мальчик, ни как девочка, ни как Каслова, ни как Радаева. Вы уволены.

Читатель, теперь вам предстоит поставить диагноз. Мне кажется, в этой беседе присутствует элемент сумасшествия...

Теперь можно, пожалуй, привести еще примеры и из статьи А.И. Белкина. Он пишет:

Попадаю на академическое заседание. На трибуне женщина. Говорит, что ежедневно связывается с космосом и космические силы сообщают ей обо всем, что будет. Данное явление в психиатрии имеет точное название — парафренный бред. Но серьезные люди, собравшиеся в зале, внимают ей, затаив дыхание. А выслушав, начинают засыпать вопросами: что там, наверху, говорят о нашем президенте? И каковы прогнозы на предстоящую зиму и в отношении погоды, и в отношении голода¹.

¹ Белкин А.И. Указ. соч. С. 16.

Или так:

Как бы вы восприняли доклад, прочитанный в центре народной медицины? В нем шла речь о Тибете, о чудодейственных возможностях его климата, трав. Люди там живут по 700, 800 лет, говорил докладчик, он сам имеет дело с такими, и это не предел — спокойно можно продлить век и до 1000 лет и более. В отличие от «космической дамы» речь этого человека выглядела самой обычной. Но опять меня больше всего поразила простодушная неразборчивость слушателей. Их только одна проблема занимала: как проехать на Тибет. Если бы я осмелился проявить недоверие к сказанному, меня бы просто растерзали¹.

Некий ученый, имеющий академические звания, собирает свои приборы из обломков космического корабля пришельцев. Он называет себя «резидентом цивилизации Ориона на Земле». Всю жизнь он борется с тайными представителями других цивилизаций на Земле, которых называет «космическими недоносками»... В Таллине в свое время пытались открыть летающую тарелку Орион, которая попала туда «во время последней великой войны космических цивилизаций за передел планеты Земля...». Война эта относилась к временам Ивана Грозного. Ученый в газетном интервью сообщает, что он вместе с другими агентами из созвездия Орион (их на Земле 40 тысяч) втайне управляет землянами

Как вы оценили такой, скажем, пассаж: «По сути, все, что нас окружает, — это энергии, и ничего более. Но для неподготовленного человека понять суть энергий и как они движутся крайне сложно, а вот маги отлично владеют управлением потоком энергии...»? Какая-то полоротая наивность, правда? Но это напечатано в газете.

Одна магически оснащенная дама обещает за 500 долларов вернуть в семью загулявшего мужа. Это пускай... Но дальше: за 1000 долларов можно, оказывается, приворожить любого мужчину. Вы сидите дома, не о чем не ведаете, а некая-то незнакомка, положившая на вас взгляд, выплатив означенную сумму, ведет вас, покорного и безропотного, куда ей хочется. Рассудите по разуму: после такого объявления должен не на шутку взъерепениться комитет по правам человека. Что же это делается на белом свете. Всего за тысячу долларов. Однако мы перестали удивляться. Свыклись как-то...

Моя соседка по даче — врач. Каждый год она с мужем отправляется за границу. Отдыхает в новых местах и на престижных курортах. Вполне современная дама...

¹ Белкин А.И. Указ. соч. С. 17.

Но вот каждую субботу на соседнем участке происходит некое действие. На середину двора выставляется ванна, ее заполняют водой. Затем появляется соседка, она в халате, пританцовывает и постепенно обнажает собственное тело. Стриптиз сопровождается нахальными телодвижениями, именуемыми в народе дриблингом. Завершается раздевание погружением в воду. Но что самое удивительное, за всем этим спектаклем наблюдает сын дамы — скромный подросток. Как в анекдоте: правильно говорил наш парторг, форменное безобразие.

Есть у американского фантаста Роберта Шекли роман «Обмен разумов». Речь там идет, в частности, о возникновении Искаженного Мира, который выполняет нужную, но отвратительную роль. Он привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая Вселенную теоретически и практически самодовлеющей. В Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и наше определение, подтверждающее правило. В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно). Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир. Другой похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности. Третий похож на наш мир во всем, кроме двух частности. Подобным же образом один-единственный мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и т.д. Труднее всего прогнозирование. Как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

Итак, рано утром я, как обычно, надеваю на себя лучшие бриллианты и отправляюсь в лес слушать пение птиц. Лесная прохлада остуживает иступленный, измученный мир. Затеиливый узор паутины на древесной коре постепенно приводит мысли в порядок. Хорошо бы, конечно, стать дубом или белочкой, у которой надежно встроен инстинкт. Но я-то человек. Мне нужно покинуть поляну и отправиться в мир, где катастрофы стали нормой жизни, безумие — имитацией разума, тщеславие — приметой быта, а абсурд — способом существования. Старик Зигги называл это психопатологией обыденной жизни. Он учил видеть неразумное за случайными оговорками, осколками жизни, обыденностью, которая стала привычной.

Человек — загадочное создание. Он рвется в мир трансценденции, но торопливо съедает яичницу и растворяется в потоке рутины. Смещение крыши, которое обозначил Фрейд, чаще всего обнаруживается в мелочах. Однако захваченные эпохальными планами, опытом партийного строительства, укреплением вертикалей, мы

пропускаем их мимо сознания. Несомые вихрем жизни, потоком сознания, не успеваем осознать, как затейливо и упрямо проступает повсеместно мир Абсурда...

Продвигаюсь не спеша вдоль проселочной дороги. А вот и знакомая табличка, закрепленная на дереве: «Дамы и господа! Здесь нет свалки. Не бросайте мусор. Рядом — колодец». Мысленно приподнимаю воображаемый котелок, чтобы поприветствовать рассеянных джентльменов, которые оставляют у светлого родничка продукты своей жизнедеятельности.

А вот и поселковая школа. Не стану открывать дверь. Мне хорошо знакома надпись, которой снабжен транспарант. Эта запись одухотворена уверенностью и оптимизмом: «Чтобы сохранить редкие, исчезающие цветы, мы делаем из них гербарии».

Знакомый бож с пустой сумкой в руке уныло плетется мне навстречу. Рано утром он собирает бутылки. Сегодня он взял на себя роль изобличителя общественных язв. «Спивается народ, — сокрушенно говорит он, — нет ни одной бутылки. Небось, собрали с утrenchка, да, поди, и пропили все... Конкуренты хреновые...»

Я вспоминаю, что выбросил в мусорный ящик нужную мне газету. Спешу отыскать ее в груде хлама, но встречаю резкий отпор:

— Тебе что, других ящиков нет? Ступай, это наш участок...

Ладно, обойдусь без газеты. Боже, спаси наши души. Надеваю кипу и заглядываю в синагогу. Рослый охранник у подковки бдительно оглядывает мой дипломат и мысленно берет меня на мушку:

— К кому идете? С какой целью?

Отвечаю простодушно:

— Иду к Богу. Цель пока неясная... Возможно, попросить благословения...

Ну, вот я и дома. Включаю телевизор и вижу загорелого чиновника. Александр Починок рассказывает о повальной нищете государственных служаек. Есть и дельное предложение. Надо немедленно увеличить достаток служащих, многократно повысив служивым жалованье. В этом случае в душа чиновников с грохотом и свистом начнет произрастать нравственность. Возникнет брезгливость к взяткам. Укрепится чувство взыскательности. Государственная машина, выплевывая ржавчину и смазочные материалы, придет в движение. Итак, чтобы не брали, надо дать. Если дать, то не будут брать... Куда там Аристотель с его унылыми канонами логики.

Реформаторский пыл заразителен. Вижу, как на полосе некий страдалец среднего образования в письме к бывшему президенту предлагает увеличить зарплату учителям. Однако не без государственного интереса. Пускай, получив воздаяние, перестанут ставить

двойки. Боже мой, какие невероятные социальные перспективы открываются во всех сферах общественной жизни, если одновременно, так сказать, симультанно повысить всем оклад. Гаишники станут приветливо улыбаться автомобилистам. Армейские «деды» попросят прощения у новобранцев. Чиновник с негодованием выбросит ваш конверт с долларами в урну, где лежат неудачные проекты реформирования школы.

Недурно окунуться и в мир газетных публикаций. В этой центральной газете изливает душу ученый муж. Он опечален разрастанием синдрома разрушительности. Однако подходит к проблеме не с пустым черепком. Эти люди, сообщает он о террористах, социально искалеченные экземпляры. Общество виновно в том, что в детстве лишило их возможности поиграть в досталь. А ведь это естественно, что им хотелось позабавиться войнушкой. Можно, вообще говоря, исправить ошибку и искоренить зло. Всем, кто в свое время недоиграл, надо выдать холодное и горячее оружие, пусть выплеснут свои подавленные влечения. И потом перейдут к спокойной сублимированной жизни... Депутат от ЛДПР господин Митрофанов тоже требует вооружить население против бандитов. Именно так, разъясняет он, в Америке навели порядок... Кипит наш разум возмущенный.

Ну что ж. Недурно выпить утренний кофе и вместе с завтраком досыта поесть нитратов. Газета не мешает насыщению. Вот Виктор Аксютин рассуждает о глобальном проекте национального возрождения. Без приворотного слова «менталитет» здесь не обойтись. Оказывается, для русских очень важно, чтобы жизнь была пронизана смыслом... Этот самый смысл, просвещает автор, имеет обыкновение проявляться в пограничных ситуациях. Прямо так и сказано: «Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится». Одним словом, побольше экстремальных ситуаций для кристаллизации менталитета. Впрочем, мечтаемое, кажется, уже стало реальностью. Реки заливают города, инфляция пожирает доходы, террористы расстреливают мирных жителей.

Идеологическое обеспечение этой программы отыскиваем у Тютчева. Вот оно, искомое — «Гремят раскаты грозовые...». Прямотаки гимническая строчка. Итак, суммируем: как только история предподнесет нам очередной погромный сюрприз, так сразу должны проявиться лучшие черты русского характера. На этой основе грезится даже идеология мирового лидерства. Через катаклизмы — вперед к новым парадигмам мироустройства...

Чешский писатель-сатирик Карел Чапек углядел в газете такую заметочку: «Вчера вражеская артиллерия зверски обстреливала наши самолеты, которые мирно бомбили их города...» Как точно. Одно и

то же событие выглядит в разных газетах в разных ракурсах. Одна пишет: «Лихой рейд», другая — «Наглая вылазка»...

Крупный государственный деятель в огромной статье рассуждает о том, что Россия никогда не поднимется к высотам экономического развития, если она не встанет с колен. Хватит каяться, искать в истории наши прегрешения: расстрелы, геноциды, кровавые расправы. Где их не было? Нечего нам каяться и стыдиться. Ну, совсем как у Талейрана: «Пусть мучаются совестью те, у кого она есть...»

Измученно убираю со стола разнообразную рекламу, которая уговаривает меня повысить мою половую потенцию и иду на службу. У тупика в проходе толпятся люди. Испуганно жмусь к стене. Но нет, это продают что-то печатное и, надо полагать, сенсационное, выставляю локти и крайне заинтересованно включаюсь в систему распределительных отношений. Сняв дозоры и опрокинув авангард, протискиваюсь к лоточку и получаю в обмен на «полтинник» какое-то шрифтовое полотно, загадочно и предусмотрительно сложенное пополам.

Только на эскалаторе удается развернуть приобретенное. Читаю: «Сексуальное влечение является глубинной, трудноутолимой потребностью всего живого... Для реализации этой потребности требуется партнер или партнерша...» «Гляди-ка, — думаю я, — верно соображают...»

Но мое восхищение оказалось преждевременным. «Впрочем, — читаю я дальше, — это вовсе не обязательно, ибо сексуальное наслаждение может быть чисто сублимационным. В современных условиях, — продолжаю я чтение, — частая смена партнеров чревата грозными последствиями. Гораздо правильнее, сохраняя верность объекту, добиться все новых и новых ощущений...»

Сидя за рабочим столом, думаю о личном. Я женился на ней по любви, потому что ее отец был руководителем фирмы. Да и она питала ко мне самые бескорыстные чувства, поскольку рассчитывала через меня поступить в аспирантуру. Поначалу мы жили дружно, так как старались не замечать друг друга. Она любила меня пылко, хотя и не проявляла взаимности. Но мы умели прощать взаимные ошибки и стали подумывать о разводе. Случайно я встретил ее с посторонним мужчиной. Странно, но я почему-то не смог полюбить ее сильнее, хотя, как я понял, она мне изменила. Вот уже пять лет как мы в разводе. Она уехала в другой город. И как сейчас отчетливо помню, название этого города память не сохранила. И вот недавно я встретил ее у метро. Можете мне не верить, но она совершенно не изменилась. Только очень постарела.

Рабочий день кончился. За неимением пенсионного удостоверения предъявляю свое лицо в развернутом виде. Надо побывать еще в ЖЭКе. Там сегодня собрание.

— В нашем доме приключился страшный, можно сказать, злодейский поступок, — произносит, поднимаясь с места, пенсионер Авдеич.

— У вас вопрос или выступление? — предупредительно спрашивают из президиума.

Собрание жильцов клонится к закату, но послушать про злодейский поступок никто не возражал.

— Живет в нашей доме летчик тропических рейсов, — говорит пенсионер, оглядывая зал. — Вот он отправляется как-то вечером на работу.

— Это какая улица? — не утерпев спрашивает начальник эксплуатационной конторы, проглядывая списки района.

— Да не улица... — Авдеич укоризненно посмотрел на президиум. — Рейс этот в Лиму отправился. Но полет в тот вечер отменили... Погода теперь, сами знаете, какая... Да еще угоны... Возвращается летчик домой...

— А район-то наш? — опять спрашивают из президиума.

— А то чей же? Ну, вот... Дверь в комнату вроде не заперта, а там посторонний мужчина обнимает его жену. Тут такое...

— Бытовое разложение, надо же, — радостно квалифицирует главный техник.

— Выхватил наш летчик пистолет и сразу двоих прикончил.

— Ах, — на одном выдохе выстреливает зал. Начальник поднимается из-за стола.

— Адрес спрашиваю...

Авдеич непрерываемо выбрасывает руку.

— Убил их значит, и, понятное дело, пошел в милицию. Так, мол, и так... Повинился, одним словом. Милиция приезжает на место злодеяния, открывает картину, а там стоит жена и спокойно мужнины брюки гладит...

Зал опять ахает:

— Живая, стало быть...

— Да в нашем ли районе это было? — не выдержав, кричит начальник конторы.

Авдеич спокойно отпивает воду из стакана, откашливается, и говорит:

— Так вот я и спрашиваю, когда наша контора наконец прибудет номера на двери квартир. Уж сколько говорено...

Пенсионер разочарованно машет рукой и идет к дверям.

Кстати, про Шекли. Про Искаженный Мир, который отличается от нормального только отдельными частностями. Герой романа вернулся, как ему казалось на Землю. Он лежал под привычным зеле-

ным небом... Дубы-гиганты перекошевывали на юг. Исполинское красное солнце плыло по небу в сопровождении темного спутника.

Может, и мы с вами попали в Искривленный Мир, в искривленное пространство?

Феномен абсурда

Французский философ *Альбер Камю* (1913—1960) в книге «Бунтующий человек» показал роль абсурда в современной жизни. Речь у него идет о чувстве абсурда. Оно поджидает нас на каждом углу. Это чувство, по его словам, неуловимо в своей скорбной наготе, в тусклом свете своей атмосферы. Заслуживает внимания сама эта неуловимость. Люди сами являются источником нечеловеческого. В немногие часы ясности ума механические действия людей, их лишенная смысла пантомима явственны во всей своей тупости. Человек задает себе вопрос: зачем он живет?

Я говорил, что мир абсурден, но это сказано чересчур поспешно, — пишет А. Камю, — Сам по себе просто неразумен, и это все, что о нем можно сказать. Абсурдно столкновение между иррациональностью и иступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души. Абсурд равно зависит и от человека, и от мира. Пока он — единственная связь между ними. Абсурд скрепляет их так прочно, как умеет приковывать одно живое существо к другому только ненависть. Это все, что я могу различать в той безмерной вселенной, где мне выпал жребий жить¹.

Камю отмечает, что решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Самоубийство всегда рассматривалось исключительно в качестве социального феномена. Но можно поставить вопрос о связи самоубийства и мышления индивида. Самоубийцы часто уверены, что жизнь имеет смысл. Мы постоянно сталкиваемся с подобными противоречиями. Невозможно быть логичным до конца. Родословная абсурдного мира восходит к нищенскому рождению. Подъем, обед, трамвай, работа, сон, ужин — вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос: «зачем?»

Миф душевной болезни

Идея о том, что психозы представляют собой душевные болезни, которые можно адекватно понимать с точки зрения медицины и следу-

¹ Камю А. Указ. соч. С. 34.

ет лечить биологическими средствами, хотя и является широко распространенной и весьма влиятельной, но отнюдь не принимается всеми без исключения. Многие клиницисты и теоретики предложили важные объяснения психотических процессов на чисто психологической основе и разработали немедицинские стратегии лечения.

Другие предположили, что доминирующая роль медицинской модели в подходе к психозам не может быть научно оправдана, поскольку для большинства состояний, с которыми имеют дело психиатры, не было найдено никаких специфических биологических причин. Таким образом, текущая ситуация не отражает реального положения дел, но вытекает из ряда факторов исторической, политической, юридической и экономической природы. Томас Заз, один из наиболее смелых представителей этой точки зрения, довел ее до крайности, говоря о «мифе душевной болезни».

Шотландский психиатр *Р.Д. Лэинг* в своем уникальном подходе к психозу соединяет пронизательную критику западного общества с новаторским психологическим пониманием и лечением этого состояния. Будучи, вероятно, наиболее радикальной и противоречивой фигурой в психиатрии, он написал ряд книг, которые ставят под сомнение сами основы современной психиатрической мысли. Лэинга обычно считают представителем «антипсихиатрии», движения, основанного южноафриканским врачом и психотерапевтом Дейвидом Купером, хотя сам он отвергает этот ярлык.

Согласно Лэингу, психозы не могут быть поняты с точки зрения аномальных биологических процессов в организме человека, но являются следствием нарушения структур человеческого общения. Они отражают проблемы важных взаимоотношений индивида с другими людьми, малыми группами, наподобие семьи, и с обществом в целом.

Идеи Лэинга представляют собой радикальный и революционный отход от основного направления психиатрии. «Душевно здоровые» люди в действительности не являются здоровыми, а психотики не так безумны, как это кажется. Современное общество основано на отрицании души и субъективного опыта, ценности переживания; оно опасно больно, и психотики, которые находят его нормы и ценности невыносимыми, неспособны к ним адаптироваться.

Психотики — это индивиды, весь жизненный опыт которых фатально расщеплен, поскольку у них неудовлетворительная связь с миром и человеческим обществом, равно как и разрушительная взаимосвязь с собственной самостью. Их уход в мир фантазии, обусловленный их подсознанием, — это бегство от реальности, которую они не могут принять. Это приводит к неполному существованию, характеризующемуся страхом, отчаянием, одиночеством и чувством изоляции.

Такие люди ощущают себя нереальными и оторванными от мира здравого смысла, равно как и от своих собственных тел, до такой степени, что их самотождественность и автономность всегда находятся под вопросом. Их страх потерять самих себя является столь поглощающим и подавляющим, что приводит к озабоченности самосохранением, а не самоудовлетворением. Лэинг называет это «онтологической неуверенностью».

Согласно Лэингу, психиатры не уделяют должного внимания внутренним переживаниям психотиков, поскольку считают их неразумительными и патологическими. Однако тщательное наблюдение и изучение показывает, что эти переживания имеют глубокий смысл и что психотический процесс может быть целиком целительным. Лэинг полагает, что психотики во многих отношениях могут научить психиатров большему, чем сами психиатры своих пациентов. «Психиатрическая церемония» обследования, диагноза и лечения унижает клиента как человеческое существо и препятствует целительному потенциалу его процесса.

Разработанная Лэингом стратегия психотерапии, заменяющая биологическое лечение, делает особый акцент на важности человеческих взаимодействий и взаимоотношений, как на уровне индивидуального общения клиента с психотерапевтом, так и в более широком масштабе — всего психотерапевтического персонала. Переживания, всплывающие из бессознательного, рассматриваются как обоснованные, важные и полные значения. Принятие их и уважительное к ним отношение облегчают коммуникацию и прокладывают путь к исцелению. Согласно Лэингу, необходимы специальные места, где люди могли бы получать поддержку и взаимопонимание, облегчающие процесс исцеления.

Лэинг родился в 1927 г. в г. Глазго, в Шотландии, и получил образование и медицинскую степень в местном университете. Его знакомство с миром душевнобольных пациентов состоялось, когда он два года служил психиатром в британской армии. С 1952 по 1965 г. он был руководителем клиники Лангама в Лондоне; именно в это время он основал клинику Кингсли Холл, где проводил уникальный эксперимент по лечению психотических пациентов без подавляющего медикаментозного воздействия. Он продолжал эту деятельность, основанную на собственной психотерапевтической философии, в Филадельфийской ассоциации — организации, занимающейся проблемами психозов и сосредоточивающейся на терапии, а также на образовательной деятельности среди профессионалов и широкой общественности посредством лекций и публикаций. Особого упоминания заслуживает то обстоятельство, что 1973 г. Лэинг

провел на Цейлоне, изучая буддизм Тхеравады и технику Випассана-медитации. В последнее десятилетие его профессиональная активность включает в себя писательство, частную практику, консультирование и чтение лекций.

Лэинг:

Мы должны помнить, что живем во времена, когда смещается фундамент и потрясаются основы. В этих обстоятельствах у нас есть все причины не чувствовать себя в безопасности. Когда глубинная основа нашего существования оказывается под вопросом, мы бежим к разным нормам в земле; мы убегаем в роли, статусы, идентичности, межличностные отношения. Мы пытаемся жить в замках, которые могут быть только воздушными, потому что в социальном космосе отсутствует твердая почва, на которой их можно было бы строить. Как священники, так и врачи являются свидетелями этого положения дел. Временами каждый из нас по-разному видит один и тот же фрагмент целой ситуации; нередко мы озабочены различными представлениями исходной катастрофы.

Некоторые психиатры начинают отказываться от своих клинико-медицинских категорий понимания безумия. Основные клинические термины для обозначения безумия, которое до сих пор не удалось связать ни с какими органическими повреждениями, — это шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и инволюционная депрессия. С социальной точки зрения они характеризуют различные формы поведения, считающиеся в нашем обществе отклонениями от нормы. Люди ведут себя так потому, что их переживание самих себя различно. Именно на экзистенциальном значении такого необычного переживания себя я и хочу сосредоточиться.

Переживание безумно, когда оно выходит за пределы нашего здравого, т.е. нашего общепринятого, смысла.

К каким областям опыта это ведет? Это влечет за собой утрату обычных основ «смысла» окружающего мира, который мы все разделяем. Прежние значения вдруг оказываются бессмысленными; существовавшие различия между воображением, сновидением и внешним восприятием кажутся более неприменимыми. Внешние события могут казаться магически вызванными в воображении. Сны могут восприниматься как прямые сообщения от других; воображение может восприниматься объективной реальностью.

Но наиболее радикальным является потрясение самих онтологических основ. Бытие феноменов сдвигается, и феномен бытия может более не представлять нам, как ранее. Человек погружается в пустоту небытия, в которой он тонет. Ему не на что опереться, не за что уцепиться, за исключением разве что каких-то обломков крушения — немногих воспоминаний, имен, звуков, одного или

двух объектов, остающихся связующим звеном с давно утраченным миром. Эта пустота не может быть пустой. Ее могут населять видения и голоса, тени, странные формы и призраки. Ни один человек, который не пережил на собственном опыте, насколько невещественным может быть показной блеск внешней реальности, как он может блекнуть и угасать, не способен полностью представить себе возвышенные и гротескные проявления, которые могут замещать ее или существовать с ней бок о бок.

Когда человек сходит с ума, происходит глобальное смещение его позиции по отношению ко всем областям бытия. Центр его переживаний смещается от Эго к Самости. Мирское время становится всего лишь сюжетным, только Вечное имеет подлинное значение. Однако сумасшедший пребывает в смятении. Он путает Эго с Самостью, внутреннее с внешним, естественное со сверхъестественным. Тем не менее он часто может быть для нас — даже через посредство своего жалкого, раздробленного состояния — глашатаем сакрального. Изгнанник со сцены бытия, какой мы ее знаем, он чужак, иноземец, подающий нам сигналы из пустоты, в которую он погружается. Эта пустота может быть населена сущностями, которые нам даже во сне не могут присниться. Когда-то их называли демонами и духами, которых люди знали «в лицо» и по имени. Человек утратил ощущение себя, свои чувства, свое место в мире, каким мы его знаем. Он говорит нам, что он мертв. Но этот безумный призрак отвлекает нас от нашей уютной безопасности, преследует нас своими видениями и голосами, которые кажутся столь бессмысленными и от которых мы чувствуем себя обязанными его освободить, очистить и излечить.

Сумасшествие вовсе не обязательно должно полностью быть крушением — это также и прорыв. Оно в такой же мере является потенциальным освобождением, как и порабощением, и экзистенциальной смертью.

Из Ясперса:

Думаю, я сам вызвал эту болезнь: в своей попытке проникнуть в иной мир я встретился с его природными стражами, воплощениями моих собственных слабостей и недостатков. Сначала я думал, что эти демоны были низшими обитателями иного мира, которые могли играть мной, как мячиком, потому что я попал в эти области неподготовленным и потерял путь. Позже я думал, что это отколовшиеся части моего собственного разума, страсти, существующие возле меня в свободном пространстве и питающиеся моими чувствами. Я думал, что каждый человек имеет их, но не воспринимает благодаря защитному и успешному обману чувства личного существ-

ования. Я полагал, что это последнее — артефакт памяти, структур мысли и т.п. — кукла, на которую достаточно приятно смотреть снаружи, но у которой внутри нет ничего реального.

В моем случае из-за затуманившегося сознания личность стала пористой. Через нее я хотел проникнуть ближе к высшему источнику жизни. Мне следовало бы готовиться к этому в течение долгого периода времени путем вызывания в себе к высшей, безличной самости, так как этот «нектар» — не для смертных уст. Он разрушительно подействовал на животное-человеческую душу, расщепив ее на части. Эти части постепенно разрушались, кукла была действительно сломана, а тело повреждено. Я преждевременно форсировал доступ к «источнику жизни», а на меня пало «проклятие богов». Я слишком поздно заметил, что в игру вступили темные силы. Я опознал их лишь после того, как они уже набрали слишком большую силу. Обратной дороги не было. Теперь я был в мире духов, который мне так хотелось увидеть. Из бездны выходили демоны, подобные стражам-Церберам, не разрешая войти постороннему. Я решил принять эту борьбу не на жизнь, а на смерть. В конечном счете это означало для меня решение умереть, так как я должен был отбросить все, что поддерживало силу врага, но это также было и все, что поддерживало жизнь. Я хотел уйти в смерть, не сойдя с ума, и стоял перед Сфинксом: либо ты канешь в бездну, либо я!

Затем пришло просветление. Я постился и так смог проникнуть в подлинную природу моих искусителей. Все это были иллюзорные и обманчивые аспекты моего драгоценного личного «я», которое оказалось столь же пустым, как и они. Во мне возникла более масштабная и всеобъемлющая самость, и я мог отказаться от прежней личности со всем ее антуражем. Я ясно увидел, что личность никогда бы не смогла войти в трансцендентные сферы. В результате этого я почувствовал страшную боль, подобную уничтожающему удару, но я был спасен, демоны съжились, поникли и исчезли. Для меня новая жизнь началась, и с этого момента я чувствовал свое отличие от других людей. Душа, состоящая из общепринятой лжи, притворств, самообманов, образов памяти, точно такая же, как и у других людей, снова выросла во мне, но позади нее и над ней стояла большая и более всеохватывающая Самость, которая впечатляла меня чем-то вечным, неизменным, бессмертным и нерушимым и которая с того времени всегда была моей защитой и моим убежищем. Я верю, что для многих будет благом с такого рода высшей Самостью и что есть люди, которые действительно достигли этой цели более мягкими средствами.

Ясперс комментирует это так:

Подобные самоинтерпретации, очевидно, возникли под влиянием псевдоманиакальных тенденций и глубинных психических сил. Они происходят из глубоких переживаний, и богатство такого шизофренического

опыта призывает наблюдателя, равно как и рефлектирующего пациента, не считать это просто хаотической мешаниной разнородных содержаний. Разум и дух в той же мере присутствует в больной психике, как и здоровой. Но интерпретации подобного рода должны быть лишены какой-либо причинной зависимости. Все, что они могут, — это пролить свет на содержание и поместить его в некий контекст.

Лэинг:

Я бы скорее добавил, что пациент с ясностью, к которой мне нечего добавить, описал духовные искания со всеми их ловушками и опасностями, которые он, по-видимому, в конце концов сумел превзойти. Даже Ясперс все еще говорит об этом переживании как о патологическом и не принимает в расчет собственное построение пациента. Мне же и само переживание, и это построение представляются по-своему ценными и обоснованными.

Мне следует ясно дать понять, что я говорю об определенном трансцендентном опыте, который представляется мне источником всех религий. Подобного рода трансцендентный опыт бывает у некоторых психотиков. Чаще всего (насколько они сами могут вспомнить) у них никогда не было переживаний прежде, и нередко они больше никогда не повторяются снова. Я, однако, не утверждаю, что психотический опыт обязательно содержит в себе элемент в более явном виде, чем обычный опыт.

Человек, попадающий в такие области, склонен вести себя довольно странно. В других работах я уже достаточно подробно описал обстоятельства, которые, судя по всему, способствуют переносу в эти области — по крайней мере, в некоторых случаях, — так же как и великую мистификацию, которую создает язык и образ мышления медицинской клиники, когда дело касается феноменов безумия как общественного факта и экзистенциального опыта.

Шизофреник может быть действительно безумен. Он сошел с ума. Но он не болен. Люди, прошедшие через опыт безумия, говорили мне, до какой степени то, что им открывалось, было для них истинной манной небесной. Вся жизнь человека может перемениться, однако трудно не усомниться в значимости такого видения. К тому же не каждый, прошедший через это, снова возвращается к ним. Являются ли эти переживания простым следствием патологического процесса или умопомешательства? Я так не думаю.

Если учесть все недостатки различных школ психоанализа и глубинной психологии, то одно из их великих достоинств состоит в открытом признании решающего влияния внутреннего опыта человека, в особенности так называемого «бессознательного», на его внешнее поведение.

До сих пор бытует представление, что существует определенная корреляция между душевным здоровьем и полным или по крайней мере частичным отсутствием осознания «бессознательного» и что некоторые формы психоза являются поведенческими нарушениями, вызванными ошеломляющим вторжением «бессознательного».

И Фрейд и Юнг называют «бессознательным» просто то, что мы не осознаем в силу нашего исторически обусловленного отчуждения. Это вовсе не является обязательным или по самой своей сути бессознательным. Я не просто жонглирую бессмысленными парадоксами, когда говорю, что мы, будучи душевно здоровыми, пребываем не в своем уме. Мы не осознаем наш собственный ум. Наш ум — это не бессознательное. Наш ум осознает нас самих. Спросите себя, кто или что видит наши сны. Наш бессознательный ум? Тот Сновидец, который видит наши сны, знает о нас гораздо больше, чем мы знаем о нем. И лишь с замечательной позиции отчуждения Источник Жизни, Родник Жизни, переживается как Оно. Ум, о котором мы сами не осведомлены, осведомлен о нас. Именно мы — не в своем уме. Нам нет необходимости быть неосведомленными о своем внутреннем мире.

Большую часть времени мы вообще не отдаем себе отчета в его существовании.

Но многие люди входят в него — к несчастью, без проводников, путая внешние реалии с внутренними, а внутренние с внешними и, как правило, утрачивая способность нормально функционировать в обыденной реальности.

Это не обязательно должно быть так. Процесс вхождения в иной мир из этого мира и возвращение в этот мир из мира иного столь же «естественны», как смерть, роды или собственное рождение. Но в нашем сегодняшнем мире, который столь же ужасается внутреннего мира, сколь его не осознает, неудивительно, когда «реальность», ткань этого мира прорывается и человек входит в иной мир, он полностью теряется и путается, встречая у других людей одно лишь непонимание.

В некоторых случаях человеку, слепому от рождения, удается вернуть зрение с помощью хирургической операции. В результате нередко возникают болезненные ощущения, смятение и дезориентация. Свет, который освещает безумца, — это неземной свет, но я не думаю, что это проекция или эманация его мирского Эго. Его озаряет свет, больший, чем он сам. Этот свет может сжечь его.

В сущности, этот «иной» мир вовсе не является полем битвы, где психологические силы, производные и отвлеченные, вытесненные или сублимированные из их первоначальных объектных инвестиций, во-

влечены в призрачную борьбу, хотя подобные силы могут затенять эти реалии точно так же, как они могут затенять так называемую реальность. Когда Иван в романе «Братья Карамазовы» говорит: «Если Бога нет, все дозволено», он отнюдь не говорит: «Если существует только моя совесть, то нет никакого высшего обоснования для моей воли».

Подлинная задача врача (психотерапевта, аналитика) должна состоять в том, чтобы в избранных случаях выводить человека из этого мира и вводить его в иной мир; быть для него проводником в том мире и уметь привести его обратно.

В иной мир попадают, прорывая оболочку, или же через дверь, через ширму, через поднимающийся и раздвигающийся занавес, через поднимающийся покров. Это не то же самое что сновидение. Это «реально» совершенно по-другому, чем во сне, в воображении, в восприятии, в фантазиях. Семь покровов, семь печатей, семь небес.

Это — инструмент, необходимый для жизни в этом мире. Если Это разрушено или повреждено (непреодолимыми противоречиями определенных жизненных ситуаций, ядами, химическими изменениями и т.п.), человек может быть открыт этому иному миру.

Мир, в который входит человек, и его способность переживать этот мир, судя по всему, отчасти зависят от состояния его Это.

Наше время больше, чем что-либо иное, отличается овладением и управлением внешним миром и почти полное забвение мира внутреннего. Если оценивать эволюцию человека с точки зрения познания внешнего мира, то мы во многих отношениях переживаем прогресс. Но если мы в своей оценке становимся на точку зрения внутреннего мира и единства внутреннего и внешнего, то результат должен быть совершенно другим.

Феноменологическая значимость терминов «внешний» и «внутренний» весьма невелика. Но во всей этой области человек ограничен чисто вербальными средствами — слова — это просто палец, указывающий на луну. Одна из трудностей обсуждения этой темы в наши дни заключается в том, что само существование внутренних реалий ставится под сомнение.

Под «внутренним» я подразумеваю все те реалии, которые обычно не имеют «внешнего», «объективного» существования, — реалии воображения, сновидений, фантазий, трансов, реалии состояний медитации и созерцания, реалии, о которых человек, по большей части, не имеет ни малейшей непосредственной осведомленности.

Например, в Библии нигде нет ни одного довода в пользу существования богов, демонов или ангелов. Людям не было необходимости сначала «верить» в Бога — они непосредственно переживали Его Присутствие, и то же самое справедливо в отношении иных духовных существ. Вопрос был не в том, существует ли Бог, а в том, является ли этот конкретный бог величайшим Богом из всех, или

единственным Богом, а также в том, как соотносятся друг с другом другие духовные агенты. Сегодняшние же публичные дебаты вовсе не о том, можно ли верить в Бога, не о конкретном месте или иных духах в духовной иерархии и т.п., а о том, существуют ли вообще Бог или духовные сущности и существовали ли они когда-либо.

Сегодня душевное здоровье, судя по всему, в значительной мере определяется способностью адаптироваться к внешнему миру — межличностному миру и сфере человеческих сообществ. А поскольку этот внешний человеческий мир почти целиком и полностью отчужден от мира внутреннего, то любое непосредственное осознание внутреннего мира заведомо чревато серьезными опасностями.

Но поскольку общество, само того не ведая, испытывает голод по внутреннему, то потребность людей в вызывании этого внутреннего «безопасным» образом, так, чтобы все это не нужно было принимать всерьез, поистине огромна, — в то время как амбивалентность в равной степени сильна. Что же тут удивляться, что перечень людей искусства, потерпевших кораблекрушение на этих рифах за последние, скажем, 150 лет, столь длинен — Фридрих Гёльдерлин, Джон Клэйр, Артур Рембо, Винсент Ван Гог, Энтонин Арто, Фридрих Ницше, Август Стриндберг, Бела Барток, Роберт Шуман, Георг Бюхнер, Эзра Паунд.

Те, кто выжил, обладали значительными качествами: способностью к соблюдению тайны, к хитрости, к лукавству — к сугубо реалистической оценке того риска, которому они подвергались не только со стороны духовных сфер, посещаемых ими, но от ненависти сограждан ко всякому подобного рода исканию.

Давайте же их вылечим. Поэта, который ошибочно принимает реальную женщину за свою Музу и соответственно поступает... Или юношу, отправляющегося в плавание на яхте в поисках Бога...

Внешнее, лишенное всякого света внутреннего, пребывает во тьме. Мы живем в эпоху тьмы. Состояние внешней тьмы — это состояние греха, т.е. состояния отстранения, или отчуждения, от Внутреннего Света. Некоторые действия приводят к большему отчуждению, некоторые другие помогают нам не быть столь отчужденными. Первое — зло, второе — благо.

Способен потерять свой путь — легион. Из них безумие — определенно не самый однозначный. Анти-безумие психиатрии Крепелина является точным двойником «официального» психоза. Буквально и абсолютно серьезно, оно столь же безумно, если под безумием понимать любое радикальное отчуждение от субъективной или объективной истины. Вспомним объективное безумие Кьеркегора.

Мы действуем в соответствии с тем, как мы воспринимаем мир. Мы ведем себя в соответствии с нашим представлением о том, что так, а что не так. То есть каждый человек является более или менее

наивным онтологом. У каждого человека есть своя точка зрения относительно того, что есть, а чего нет.

Мне представляется несомненным, что за последнюю тысячу лет произошли глубокие изменения в человеческом опыте. Есть все основания полагать, что в прежние времена для человека было естественным непосредственное переживание Бога. Вера была не вопросом уверенности в Его существовании, а доверием к Его Присутствию, которое переживалось и познавалось как существующее в качестве самоочевидной данности. Представляется весьма вероятным, что в наше время гораздо больше людей переживают не Присутствие Бога и не Присутствие его Отсутствия, а отсутствие его Присутствия.

Нам требуется история феноменов, а не просто большее количество феноменов истории. Пока наши светские психотерапевты часто оказываются в роли слепцов, ведущих тех, кто слеп наполовину.

Фонтан еще не перестал играть. Пламя еще сияет, Река продолжает течь, Родник еще не иссяк и Свет не померк. Но между Ним и нами — покров, больше похожий на бетонную стену в пятьдесят футов толщиной. Бог сокрыт. Или мы сами сокрыты.

Почти все в наше время направлено на категоризацию и изоляцию этой реальности от объективных фактов. Это действительно бетонная стена. Интеллектуально, эмоционально, в межличностном взаимодействии, организационно, интуитивно и теоретически нам приходится пробиваться через эту стену, хотя и с риском хаоса, безумия и смерти. Ибо с этой стороны стены это риск. Нет никаких гарантий, никакой уверенности.

Многие люди готовы иметь веру в смысле научно необоснованного доверия к непроверенной гипотезе. У очень немногих хватает веры, чтобы эту гипотезу проверить. Многие люди принимают на веру то, что они переживают. Но лишь очень немногих их переживания сделали верующими. Павел из Тарса был схвачен за шиворот, брошен оземь и ослеплен на три дня. Непосредственный опыт был само-подтверждающим.

Мы живем в светском мире. Чтобы приспособиться к этому миру, ребенок отвлекается от своего экстаза. От нас ждут, чтобы мы были верующими, утратив непосредственное переживание Духа. Но эта вера становится убеждением в неочевидной реальности. Существует пророчество, что придет время, когда на земле настанет голод, «не голод о хлебе и не жажда воды, — но голод услышать Слово Божье». Это время пришло.

С отчужденной точки зрения нашей псевдонормальности все двусмысленно. Наше здоровье — это «не истинное» здоровье. И безумие наших пациентов — это не истинное безумие. Это продукт разрушения, причиняемого им нами и ими самими. Нелепо

думать, что мы имеем дело с «истинным» безумием в скольконибудь большей степени, чем сами являемся «истинно» нормальными. Безумие, с которым мы встречаемся у наших пациентов, — это великая пародия, насмешка, гротескная карикатура на то, чем могло бы быть естественное исцеление той отчужденной интеграции, которую мы называем душевным здоровьем. Подлинная нормальность, здравомыслие так или иначе влекут за собой разрушение, смерть нормального Эго, этой ложной Самости, полностью приспособленной к нашей отчужденной социальной реальности. Возникновение «внутренних» архетипических проводников божественной силы и, через эту смерть, — возрождение и в конечном счете восстановление нового типа функционирования Эго, которое теперь будет не предателем Божественного, а его слугой.

Литература

1. *Белкин А.И.* У каждого времени свои безумцы // Психоналитический вестник. 2004. № 12.
2. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
3. *Лэинг Р.* Расколотое Я. М., 1995.
4. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. М., 1995.
5. *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. Почему у каждого времени — свои безумцы?
2. Какую роль в жизни людей играет ситуация абсурда?
3. В чем смысл концепции Р. Лэинга?
4. В каком смысле душевная болезнь может оказаться мифом?
5. В чем обнаруживает себя психопатология обыденной жизни?

Темы докладов и рефератов

1. Чувство абсурда.
2. Гениальность и помешательство.
3. Антипсихиатрия как феномен психологии.
4. Шизофреник безумен, но не болен.
5. Психопатология обыденной жизни.

Часть IV

Пациент и аналитик

Тема 15

Терапевтический сеанс

*Сколько же нравов людских, столько есть и путей исцеления:
Там, где тысяча зол, тысяча есть и лекарств.*

Овидий

Как проходит психоаналитическая встреча?

Что нужно знать начинающему терапевту? Как строятся отношения между аналитиком и пациентом? Итак, вы сидите в собственном кабинете. Вид у вас слегка надменный и загадочный. Входит пациент. Кто, к примеру? Ну, допустим, принц Гамлет. Вы сажаете его в кресло и интересуетесь, что привело его в клинику.

— С некоторых пор, — отвечает Гамлет совсем по Шекспиру, — я утратил веселость и привычку к занятиям...

Ага, соображаете вы про себя, что-то вроде депрессии...

— И когда это случилось?

— Сравнительно недавно. Ведь я только что вернулся домой, завершив обучение.

— Хорошо, — говорите вы. — В доме, который вы оставляли, произошли какие-то перемены?

— Боже, еще какие... У меня умер отец. Причем совершенно неожиданно.

— Еще как! Он человек был в полном смысле слова.

— От чего же он скончался?

— В том-то и дело, что его убили. Злодейски, в саду, когда он спал.

— Просто детективная история.

— А вы как думали!

— И кто же убийца?

— Этот, как его. Словом, мой дядя. Родной брат отца.

— Какой ужас.

— Вы полагаете? Дело в том, что мой отец спал в саду, а его родной брат влил ему яд в ухо. И тот скончался.

— Боже мой! Какие страсти, ну прямо Шекспир. А что же ваша мама?

— Она вышла замуж.

— Сразу?

— Вот именно. «На свадьбу прямо с похорон пошел на стол пирог поминный»

- Неплохо сказано. За кого же?
- За кого же? Так за убийцу.
- Не может быть. Что-то я смутно припоминаю...
- Мне кажется, что у меня поехала крыша. Теперь о главном.

Вчера в полночь, когда я с приятелем гулял возле замка, неожиданно появилась тень моего отца. Он строго наказал мне отомстить за предательство и собственную смерть.

— Одну минуточку, дорогой, я возьму в руки психиатрический справочник. Так, так... Сейчас — вот бредовые состояния, галлюцинации, парейдолии. Ну, и как выглядел ваш отец?

- Он был в плаще. Разглядел я плохо...

— Простите, у вас не возникает ощущение, будто вы разговариваете с прокурором?

- Ну что вы? Я понимаю, что вы доктор, а не сотрудник правосудия.
- Но вы же обдумываете планы мщения?
- Вот именно. Последние месяцы я вообще не в себе. У меня навязчивые идеи, будто все женщины — подлые. Это особенно относилось к моей невесте. Ее звали Офелия.

- Хорошее имя.

— Хорошего мало. Я так замучил ее своими вопросами и подозрениями, что она буквально свихнулась. Стала раскладывать цветочки, а потом и вовсе утопилась.

— Какой кошмар. Мне это напоминает какую-то клиническую историю.

- Теперь мне хочется убить всех... А дальше — тишина.

— Вы знаете, очень сложный клинический случай. В нашей практике, пожалуй, уже несколько веков не было такого...

Мои студенты, начинающие психоаналитики, полагают, что терапевт задает вопросы и все они полны значения, поскольку он так просто ничего не спрашивает. Посидишь на таком сеансе и получишь полное впечатление, будто побывал в следственном отделе. Однако психоаналитик не дознаватель. У него совсем иные цели. Прежде всего, научитесь слушать. О, какое это сложное искусство. Человек рассказывает, а вы почему-то молчите. Нет, это нехорошо. Ведь у вас в запасе еще столько умных вопросов. Но почему разговор вдруг заходит в тупик? Почему пациент испытывает плохо скрываемую досаду?..

В самом деле, с чего начать разговор? Какие существуют правила? Правило, пожалуй, только одно — будьте естественны, органичны, оставайтесь самим собой. Не выстраивайте барьер между психологом и посетителем. Мы начинаем учебное занятие, и моя студентка, которой поручено вести сеанс, сразу превращается в отстраненное, менторское создание. Она слегка постукивает пальцами и с легкой иронией слушает признания. В подтексте слышится что-то вроде:

— Ну, давай рассказывай, как ты дошел до жизни такой? У меня-то все нормально, а вот ты колись?..

Нет, такая тональность убивает исповедальность. Чтобы разговор не увял, вам необходимо сострадание.

Однажды к нам на занятие пришла юная девушка. Замечательная, скромная. Ее воспитывала бабушка, в семье вечно не хватало денег. Когда все шли в буфет, Тая искала благовидный предлог, чтобы остаться в стороне. И вот на одном занятии Таня вызвалась рассказать о себе, а студентка Люся вызвалась сыграть роль психоаналитика. Рассказ Тани был потрясающим. Она говорила о первой любви, о первом предательстве. Таня поехала в пионерлагерь и там влюбилась в пионервожатого. Тот сказал ей как-то: «Таня, дети тебя так любят, и ты с ними умеешь общаться. На следующий сезон я тебя возьму пионервожатой и дам тебе первый отряд». Таня радовалась как ребенок, ей казалось, что ее любовь нашла признание. Но однажды он увидела, что пионервожатый в кустах целует другую девушку. Она убежала, как чумная...

Моя студентка изредка бросала на меня беспомощный взгляд, как бы спрашивая, когда наконец она должна задать какой-нибудь вопрос. Но Люся помнила мои наставления: надо научиться слушать, и она не прерывала собеседницу. Та еще долго толковала о подлости и коварстве. Сама же Таня действовала как во сне. Закончился сезон, стали разъезжаться. Таня никак не могла найти свой чемодан. Она отчаянно подумала о том, что, возможно, ее вещи отвезли в другой лагерь, где ей обещали работу.

Тут я заметил, что моя студентка уже вполне созрела для вопроса. Она открыла рот, но Таня продолжала рассказывать, как она вернулась домой и бабушка спросила: а где же чемодан?

Потом мы стали разбирать этот сеанс. Целый час пролетел как одно мгновение. Столько искренности, столько интересных психологических подробностей. Одна студентка сказала, что ей очень понравилась Люся как психоаналитик. Она все время слушала, хотя о чем-то постоянно хотела спросить. Мы дали Люсе возможность задать вопрос, и она сказала:

— А чемодан-то нашелся?

Начиная терапевтический сеанс, психоаналитик пытается проникнуть в бессознательные сферы психики. Однако это не так просто. Многие пациенты вообще мало что помнят из своего детства. Они предельно рациональны, все негативные переживания надежно спрятаны в глубинах психики. Опыт бессознательной жизни утеснен, задавлен. Требуется значительные усилия, чтобы каким-то образом воскресить этот опыт.

Григорий, мой пациент, многие годы был наркоманом. С помощью специалистов ему удалось «соскочить с иглы». Ко мне в клинику он пришел крайне ослабленным. Деньги на существование давала ма-

ма, которая работала главным бухгалтером в крупнейшем издательстве. Григорий с утра не мог подняться с постели, мучительно пытался хотя бы приготовить себе кофе. Жизненные соки, казалось, оставили его...

Вскоре один из приятелей стал привозить Григория в клинику. Встречаясь с ним, я пытался получить хоть какой-нибудь клинический материал о детстве, о семье, об истоках наркотического наваждения. Пациент охотно откликался на мои вопросы, но положительно ничего не помнил о детстве. Все прошлое было окутано каким-то маревом. Время шло, и я уже почти потерял надежду на возможность клинической работы, как вдруг однажды в рассказе Григория стали проступать первые подробности прожитого. Словно прорвало какую-то плотину.

Постепенно тело Григория стало оживать. Энергетика начала возрастать. Он и сам удивлялся происходящим с ним переменам. Неожиданно одна дама, которой итальянский поклонник купил машину, попросила Григория доставить ее в Москву, пообещав неплохой гонорар. Григорий согласился, но мне было трудно представить, как он справится с этой задачей. Однако вопреки моим сомнениям Григорий сумел доставить машину заказчице. Он рассказывал: «Однажды на пароме со мной произошла какая-то странная метаморфоза. Неожиданно нахлынули детские воспоминания, словно кто-то повернул кран. Ведь я был женат, даже венчался. Но это воспоминание жило во мне странной, мутной картинкой. И вот в это мгновение на пароме я так отчетливо увидел это событие: кто стоял справа, слева, как была одета невеста... Что это за прозрение?

Сидящий напротив меня пациент убийства не совершал. Моему пациенту около 60 лет. Он хорошо сложен, упитан. Живет один, несколько лет назад похоронил жену. Дети выросли, живут в других городах. Повод, который привел его в клинику, связан с какими-то неприятными чувствами. С некоторых пор он поймал себя на странных ощущениях. В момент половой близости, ближе к финалу, на него накатывает желание задушить свою партнершу. Иногда воображение рисует кровавые картины насилия. Нет, преступление он еще не совершил, но очень боится, что «странность» получил развитие. Не хотелось бы на закате дней стать убийцей.

Мой пациент благовоспитан. Вот уже третий месяц мы блуждаем с ним по закоулкам памяти моего подопечного. Факты биографии обыкновенны. Воспоминания примечательны, но не «ключевые». Строгая фиксированность детали. Здоровая потребность в сне, еде и других телесных радостях. И неожиданные пароксизмы жестокости, наплывы удушающей жажды крови.

И вот что поразительно. Опасные, мучительные симптомы появились у него недавно. Вид чужой крови рождает ощущение неизъяснимого блаженства. Желание половой близости накатывает вме-

сте с готовностью растерзать жертву. Нет, приводов в милицию пока не было — пациент на грани преступления. В графе «характерологические особенности» записываю: «Садистские наклонности». Это мало что проясняет в духовном мире моего пациента.

Никто не приходит к аналитику с готовым признанием. Вот, мол, в детстве со мной произошло то-то и то-то, и именно поэтому я впал теперь в депрессию или ощущаю в себе грозные эмоции. Выявить такую связь пациент не способен, потому что детская травма покоится в его бессознательном, а на сознательном уровне он говорит только об актуальных трудностях.

Разумеется, аналитик тоже не обладает особыми знаниями или интуицией, чтобы сходу объявить готовый диагноз или назвать причину его состояния. Мы обсуждаем некоторые детали его интимной жизни. Я расспрашиваю о партнерше, интересуюсь ее отношением к нему. Время от времени ощущаю возможный тупик. Но разговор продолжается.

Я знаю, что бессознательное, о чем бы ни шел разговор, будет кружить и постепенно вытолкнет на поверхность сознания детскую травму. Но пациент не торопится с признаниями, которые могли бы открыть в его детстве истоки жестокости. Он рос в полной семье, первые годы жизни, еще до войны, были абсолютно светлыми, благополучными.

Обычно те, кто жаждет психического исцеления, легко вспоминают благостные эпизоды детства. Через них, однако, можно искать полярное — то, что оказало травматическое воздействие на личность. Мой пациент рассказывает о себе без утайки, бесхитростно. Однако зарождается подозрение: он затрудняется в оценке какого-то воспоминания. Какого? Было ли оно доброй мечтой детства? Само собой понятно, нет... Мы снова погружаемся в извивы психики...

Садист, как правило, вовсе не воспринимает собственные свойства как преступные. Это нормальная психологическая характеристика. Никто ведь не казнится, к примеру, что он сангвиник или холерик. Но мой пациент живет в предощущении катастрофы. Ему кажется, что он на пороге злодеяния. Пациент хочет понять себя, осознать темные силы, которые поднимаются из глубин его существа. Он явно ищет опоры. Что-то подсказывает мне, что за банальным признанием последует необычный анамнез.

Я прошу моего пациента вспомнить самый приятный эпизод из далекого детства. Он долго рассказывает о голодных военных годах. Неожиданно заикливается на одном вечере. Мама раздобыла муки и испекла калач. До сих пор помнится ощущение неожиданной и приятной сытости. Калач, ясно дело, ничего мне не раскрывает. Радость, блаженство могут появиться из другого источника. Отчего же пациент толкует только об исчезновении голода?

Обычно те, кто жаждет психического исцеления, легко вспоминают благостные эпизоды детства. Через них, однако, можно искать полярное — то, что оказало травматическое воздействие на личность. Мой пациент рассказывает о себе без утайки, бесхитростно. Однако зарождается подозрение: он затрудняется в оценке какого-то воспоминания. Какого? Было ли оно доброй мечтой детства? Само собой понятно, нет... Мы снова погружаемся в извивы психики...

Человек подвержен влечению мучить и убивать. При этом он испытывает удовольствие. Такая агрессивность присуща только человеку. Он — единственное живое существо, способное уничтожать себе подобных без всякой для себя пользы или выгоды. Злокачественная агрессия свойственна только человеку. Она не порождается животными инстинктами. Это одна из тех страстей, которая в отдельных культурах или у отдельных индивидов доминирует, а у других вовсе отсутствует.

Первая часть нашей работы получила отражение в записанном рассказе пациента, которое можно назвать «Все для тебя, Солнышко!» («Один день из моего счастливого детства»).

Утро наполнилось солнечным светом, ветка сливы предлагала мне свои плоды. Они были прекрасны, с легким беловатым налетом. Это был след от ушедшей Луны. Слива сильно подросла и поднялась выше нашего второго этажа. Застелив постель и накинув зеленое покрывало с попугаями, я пошел умываться. На большой веранде отец готовил завтрак, его красивые волнистые волосы были зачесаны назад, он был строен, и от него вкусно пахло одеколоном. Он очень хотел бы летчиком, но его почему-то не брали, рана на спине не хотела заживать. Мама была давно на работе, и в садик меня поведет папа. Папа, я тебя очень люблю. Возможно, сегодня ты опять посадишь меня на свои могучие плечи, я возьму шлем с наушниками, и мы полетим навстречу Солнцу. Завтрак был поспартански прост — кружка чая, бутерброд с маслом, присыпанный сверху сахаром. Мы шли между домами, на одном из поворотов папа спросил: «Дойдешь?» — «Конечно, пап, я обязательно дойду!» — я был горд, сегодня я самостоятельно пройду огромное расстояние.

Это был наш бесконечный и солнечный рай, дети его почему-то называли детский сад № 29, нас приводили туда мамы и папы, затем убегали по своим очень важным делам. В тот день играли в нашу любимую игру — в солнечного зайчика. Маленькая девочка держала в руках небольшое зеркальце, и солнечный зайчик радостно и игриво скакал по глинобитному дувалу. Я носился за солнечным отраженьем, пытаюсь предугадать, куда в следующее мгновение метнется этот маленький луч света. Никто не мог сравниться со мной по скорости и виртуозности, я выписывал замысловатые кренделя руками и ногами, мне казалось, что я также быстр, как луч света. Я был талантлив, и порой мне удавалось накрыть ладошкой солнечного зай-

чика. В этот момент я поворачивался к существу с косичками и говорил: «Я поймал его!» Но она не соглашалась, и я радостно продолжал погоню за отражением звезды по имени Солнце...

У границы нашего мира раздавались звуки подъезжающей машины, и я вместе с другими обитателями сада выбежал за ворота нашего волшебного сада. Судя по всему, это было что-то интересное. Большая серая машина с огромной бочкой и длинным шлангом подъехала к воротам, окутав все вокруг облаком пыли. Когда пыль улеглась, мы увидели человека в сером комбинезоне. Он вылез из кабины и внимательно посмотрел на нас, как бы желая удостовериться в том, что все собрались. Водитель открыл люк в земле и сунул в зловонную черную дыру старый гофрированный шланг, соединив автомобиль с массой предметов, составляющих единое целое. Композиция была почти завершена, не хватало только движения.

Машина загудела, в воздухе поднялось стеной зловоние, стало немного не по себе. Мы стояли совершенно завороженные и видели что-то еще помпознее того, что видели наши глаза... Звуки, издаваемые машиной, становились все громче и выше, в какой-то момент стало совершенно страшно и невыносимо, нас могли наказать, мы нарушили запрет, мы вышли за ворота! От всего этого можно было избавиться только бегством, но оторваться от этого зрелища было невозможно. В тот момент, когда я готов был сорваться и убежать, визг двигателя сменился на добродушное урчанье, водитель понажимал на специальные, волшебные ручки, свернул мягкую и податливую трубу со стекающей жидкостью. Глянув в окошко с грязно-желтой жидкостью, водитель весело и жизнерадостно заявил: «Молока больше не будет!»

Тяжело груженная машина, на прощанье выстрелив пару раз хлопотной трубой, укатила в клубах пыли. Что-то менялось в этом мире, но понять, что это, было невозможно. Только легкое ощущение смутной тревоги и далекий звук рвущейся ткани.

Мы вернулись к нашим играм, я был по-прежнему игрив и неутомим, но предугадать поведение солнечного зайчика я почему-то не мог. Он был по-прежнему божественно прекрасен, виртуозен и недоступен. Я подошел к любимому созданию, управляющему лучом света, и сказал: «Я не успеваю, я не могу угнаться за зайчиком! Прошу тебя, давай договоримся о правилах, иначе наша игра станет неинтересной. Зайчик должен бегать от этого и до того угла и не выше, чем я могу подпрыгнуть. Ведь ты же понимаешь, что я никак не смогу прыгнуть выше вот этой черты». Я взял палочку и прочертил линию на заборе. Любимое создание радостно кивнуло головой, она, конечно, все поняла. Когда я вернулся к стене, то зайчика было не узнать, это был не мой зайчик. Совершенно ошавевший заяц метался от земли до неба, заглядывая в столовую, откуда летел в баню, по пути отражаясь в лицах наших соплеменни-

ков. Я с укоризной посмотрел на это чудо с косичками, пытаюсь внушить ей простую мысль: «Мы же договорились!» Небесное создание фыркнуло и показало мне розовый язык, радостно перелезло через скамейку и, сверкнув своими смятыми белыми трусиками, побегало в столовую. Наступало время долгожданного обеда.

Перед обедом всем нам, как и всем другим детям в детских садах остального мира, раздавали очищенные морковки и кочерыжки от капусты. Из столовой вышла необъятных размеров тетя Маша в не-свежем белом халате, с облупившимся эмалированным тазом в руках и приговаривала: «Ешьте, деточки, ешьте». Соотношение морковок и кочерыжек всегда было разным, посмотрев на это можно было догадаться, что будет на обед. Но я промедлил с предсказаниями. В тазу сиротливо лежало только несколько кочерыжек. Я слишком долго топтался у забора и никак не мог понять, почему люди не понимают простых вещей. Грызя свою кочерыжку, на которой были остатки листьев, я посматривал на своих собратьев-кроликов, соображая, будет ли сегодня солянка из капусты? Любимое создание грызло огромную сочную морковь, с которой оно вряд ли могло справиться, и продолжало показывать мне время от времени свой язык. Со временем цвет языка и овоща совпал, а большой огрызок был выброшен, делиться своим счастьем никто не собирался. Всех нас впереди ждала солянка из капусты, которую никто не любил и потому не хотел.

Как обычно после обеда, ведомый воспитательницей, я думал о том, что буду рассказывать сегодня обитателям детских групп. Каждый вечер я просил бабушку, и она милостиво соглашалась, прочитать мне мою любимую или новую сказку. Для этого доставалась огромная толстая книга, по краям обложки шел витиеватый рисунок из цветов и змей, а в центре — Василиса Прекрасная. Начало и середину сказки я слушал внимательно и жадно, окончание порой ускользало от меня. Я же сладко спал. Сновидение и счастливое окончание сказки объединялись, и я чувствовал, что продолжение сказки чудесным образом связано и со мной.

Воспитательница открыла во мне дар сказочника, это помогло ей в ее непростой работе. Я садился на стул и начинал свое повествование и о лягушке-квакушке, и о других обитателях сказок. Непослушные дети, лежащие на своих кроватках, хитро выглядывали из-под одеял и жмурились, спать никто не собирался. Только присутствие воспитательницы и ее суровое лицо останавливало индейцев от прыжков на кроватях и метания предметов друг в друга. Пожалуй, я расскажу про спящую красавицу, решил я, но окончание сказки никак не мог вспомнить. Не беда, я придумаю такое окончание, что вот это, милое моему сердцу создание, изменит отношение ко мне. Я начал свой рассказ и благополучно добрался до того момента, когда злая ведьма подсунула свое веретено и принцесса, уколов палец, уснула, колдовство свершилось. Что-то кольнуло в груди, я поднял голову — все уже спят, спала и она... Воспитательница тихонько взяла меня за

руку и повела в другую группу, там «тихий час» грозил перерасти в час веселого разгула. В тот час я так и не заснул, ведь абсолютно все должны были попасть в объятия Морфея, и я им должен был помочь.

После стремительного и вкусного подника, с киселем и ватрушками нас ждала баня. Воспитательница делила нас по одному известному ей принципу. Одни должны были пойти мыться в первую очередь, а другие — во вторую. Меня отделили от Адюль, и она ушла вперед в компании других личностей. Оставшаяся часть публики нетерпеливо стояла за зеленым деревянным забором, поплеывая сквозь зубы и подглядывая в щели забора. Там была тайна, и видеть это нам почему-то не разрешали. Публика разволновалась — совершенно голые девочки шли от раздевалки в предбанник. Раздалось улюлюканье и свист, одна из девочек, почувствовав себя на детском утреннике, показала все то, что могла показать. Моя скромная Адюль быстро прошла, прикрыв что-то руками, она что-то защищала и берегла. Она бросила на меня короткий взгляд, нет, я ошибаюсь, она быстро прошла, наклонив голову. Но Нечто вошло в меня и осталось там. Я был ошарашен, единственное, что я смог понять, — ты не такая, как я. Мы разные! Когда мы играли, то все было просто, мы вместе — ты и я, — мы были одним единым и целым.

Относиться к тебе так же, как и раньше, я уже не мог. Ты была другая! Это мешало и мучило. Мы разные, в это было трудно поверить, но мои глаза видели...

Да, мы с тобой играли, иногда дрались, ты плевала в мою сторону, а я грозил тебе кулаком. Но мы мирились, медленно и нехотя, соединяя наши мизинцы и приговаривали: «Мирись, мирись и больше не дерись...» Да, мы снова любили друг друга, твоё божественное лицо весело смотрело на меня, но что-то снова разлучало, мучая и терзая. И я снова что-то придумывал, залезал на самые высокие деревья и прыгал вниз, дергал тебя за косички и приносил самые вкусные морковки, и мы снова разлучались...

Я не помню, как мыли нашу хвостатую группу, моя любимая Адюль всегда называла это хвостиком, я был слишком взволнован своими мыслями. Застывшая в голове мысль никак не смогла найти свое место во мне. Почему, почему все так устроено? Ведь хвостик — это то, что растет сзади!

После бани все были абсолютно чисты и свободны. У большинства из нас появилось пристрастие — мы все что-то плели, вязали и вышивали. Девочки что-то сооружали из клубков шерсти и ниток, они это делали при помощи иголочек, спиц, легкого сопения и высунутого языка. Адюль, туго натянув белую ткань между колец, старательно вышивала цветными нитками «Витязя в тигровой шкуре». Она была окружена плотным туманом вдохновения, я понял, к ней лучше не подходить — маленькая и острая игла может легко впиться в мое тело. Интересно, где водится это чудовище — тигр? Впрочем, пора было бы заняться и собой.

Мальчики занимались плетением из проволоки, больше всех цепился телефонный кабель, в его черном теле было множество разноцветных проводов, и все это у меня было. Размышляя о том, из чего можно сделать пряжку к ремню, который я увлеченно сплетал, я видел красивый белый ремень. Он одиноко валялся за тумбочкой, на которой стоял очень старый телевизор. Проволочная вязь была затейлива и необычна, ничего подобного раньше я не видел. Чей это ремень и как он сюда попал? Все это нужно было выяснить и, самое главное, разобраться, как можно создать подобный сказочный узор. Ремень благополучно перекочевал под мою рубашку.

Сегодня за мной пришла мама, от нее пахло чем-то родным, но здесь был и запах, который я не любил. Это был запах ее работы, где она постоянно пропадала. Этот запах олицетворял больше двухэтажное серое здание со странным названием — «Столовая». Однажды, преодолевая свой страх и ужас, я помогал маме таскать головы и хвосты каких-то животных. «Холодец будет замечательный», — сказала она, поверить в это было невозможно.

«Здравствуй, мое солнышко!» — мама протянула ко мне руки, я обнял маму, и мы дружно пошли домой. Я скакал вокруг мамы, заглядывая ей в глаза, и рассказывал, как прошел день в нашем волшебном саду, — я ее очень любил, моя мама самая красивая и замечательная. Мы дошли до перекрестка, вокруг было много людей и машин, нам нужно было на ту сторону. Мама взяла меня за руку и спросила: «Что это?» Кончик ремня предательски торчал из-под рубашки. Она достала ремень и безжалостно стегала меня по ногам. Я удивленно посмотрел на нее, не почувствовав боли. «Я просто, я хотел, там узор, мне надо...» — кричал я. Но ремень методично и безжалостно стегал меня по ногам. Я прыгал от боли, стараясь ей как-то объяснить, вокруг нас собрались люди. В какой-то момент я замолчал, ремень ударил меня еще несколько раз, медленно упал на асфальт. Моя мама была права — я не должен быть вором! Мама заплакала.

Хор мальчиков поднялся на сцену, все заняли свои места. Зрители начали дружно и резко соединять ладони, слышались звуки, напоминающие аплодисменты. Женщина-дирижер, держа палочку в правой руке, взмахнула крыльями, и мы дружно запели:

Пусть всегда будет Солнце,

Пусть всегда будет небо...

Я был сообразительным мальчиком и совершенно точно знал, что самое главное — это Солнце и Мама, а я должен сделать все, чтобы она улыбалась и была счастлива.

В голубом Небе тарахтел кукурузник, звуки то пропадали, то появлялись снова. Казалось, что он может сорваться в штопор, и я очень просил его о продолжении полета!

Рассказ по существу идилический. Но суровое наказание матери врывается в него диссонансом. Пациент продолжает признания...

Мы толкуем о том, как многолика жестокость. Накануне в клинику пришли две дамы. Одна из них выражала нетерпение. Мне следовало немедленно поехать с ней в больницу. Там умирает одна женщина. Мне не придется там задерживаться. Всего несколько минут, и затем меня ждет щедрое вознаграждение. Суть дела в том, что двадцать лет назад эта женщина, как она выразилась, «заполучила себе в мужья» одного известного академика. Он ушел от жены к юной сотруднице, которая отдала ему все свое сердце. Детей у академика не было, и поэтому, когда он умер, все имущество досталось ей, его избраннице.

Все бы хорошо. Но, уходя от жены, академик не оставил свою спутницу без вознаграждения. У нее осталась квартира, часть нажитого имущества. Сейчас его бывшая жена лежит в больнице. Она умирает. Никакого завещания нет, и, стало быть, все нажитое уйдет государству. Это несправедливо. Ведь она, моя посетительница, столько юных сил отдала академику. План у нее созрел такой. Оказывается, умирающая может передать наследство ей, второй жене. Это справедливо. Юрист сказал, что волю женщины можно оформить нотариально в присутствии врача и психолога. Итак, мы едем в больницу и быстренько решаем назревшую проблему.

Я сказал посетительнице, что никуда я не поеду. Разве она законная наследница? Кто разрушил семью, кто принес той женщине столько горя? Так по какому праву она рассчитывает на свою долю? А потом смерть всегда смерть. Она приходит к каждому. Насколько уместно терзать агонизирующую женщину, которая наполовину уже в другом мире?

Посетительница стала нервничать. В ее голосе появились угрожающие интонации. Внезапный звонок по сотовому прервал наш спор. Сообщили о смерти той, которая не успела распорядиться имуществом.

Мой пациент не садист. Его визит к психоаналитику — это явка с повинной. Он пока не преступник. Однако спазмы садизма одолевают его. Мы продолжаем разматывать витки памяти. Отчего садистские наклонности обнаружились внезапно, недавно? Нервный срыв? Истощение защитных ресурсов? Нечто дремлющее в сознании до срока?

Мой случайный вопрос, кажется, ухватывает некую нить.

— Домашних животных не держу! Не могу заставить себя погладить собаку.

— Почему?

— В детстве была дворняжка... Началась война, отца зачислили в летчики. Наша семья оказалась в эвакуации. Рядом квартировал немецкий офицер. Он пристрелил собаку...

— Просто так?

— Нет, он пришел к нам. Мама увидела его из окна. Испугалась. Затолкала под кровать меня и собаку. Там мы и сидели.... Однако собака тявкнула, обнаружила себя, а офицер ради забавы взял и пристрелил ее.

Мы крутимся вокруг этого эпизода, обсуждаем детали. Неожиданно на лице пациента появляется улыбка.

— Кровь разлилась прямо у сапога. Образовалась такая лужица... Я не испугался. Совсем другое. По телу разлилась истома. Я почувствовал прилив... радости. А ведь я любил собаку. Но то, что произошло, вдруг вызвало во мне что-то близкое к блаженству. Я впервые испытал то, что во взрослой жизни называется оргазмом.

Пациент замолчал. Я тоже сидел тихо.

— Павел Семенович, вы спрашивали меня о самом счастливом эпизоде жизни. Я колебался рассказывать ли вам про гибель собаки. Какое превратное впечатление от детства, не правда ли? Три года назад случилось нечто, что заставило меня вспомнить про это...

Я встал со стула. Пожалуй, на сегодня хватит.

Литература

1. Гуревич П.С. Психология. М., 2005.
2. Жибо А. Всемогущество и завершенность: сексуальное и творческое у господина А. // Психоналитический вестник. 2006. № 15. С. 65—82.
3. Егоров Б.Е. Российский клинический психоанализ — новая школа. М., 2002.
4. Менинджер В., Лиф М. Вы и психоанализ. СПб., 1998.
5. Старовойтов В.В. Современный психоанализ: интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного подходов. М., 2004.

Вопросы для повторения

1. Как начинается терапевтический сеанс? Существуют ли правила его ведения?
2. Почему многим пациентам трудно вспомнить прошлое?
3. Ощутили ли вы иронию в эпизоде с Гамлетом, который пришел на сеанс?
4. Почему пациенты затрудняются в оценке воспоминаний?
5. Каким образом идиллия и кошмары соседствуют в признаниях пациентов?

Темы рефератов и докладов

1. Особенности терапевтического сеанса.
2. Работа с воспоминаниями пациентов.
3. Интерпретация клинического материала.
4. Круги бессознательного.
5. Поиск причинно-следственных связей в психоанализе.

Феномен бессознательного

*Милый друг, или ты не видишь,
Что все видимое нами
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

Николай Некрасов

Живые картинки прошлого

Ирина Аскольдовна слушала мои лекции. Однажды попросилась на индивидуальную встречу. Она была стройной, худощавой женщиной, с прямой спиной и предупредительной улыбкой. Оказалось, что Ирина Аскольдовна почти с детства страдает кишечными проблемами. Запоры мучительны и болезненны. Пациентка нигде не работает, занимается домом, муж — весьма обеспеченный человек. Она, естественно, может позволить себе любую диету, может купить дорогие лекарства. Но толку чуть...

Мы начали с ней «воспоминательную» работу, однако сразу же натолкнулись на огромные трудности. Ирина Аскольдовна мало что помнила, отвечала скупо, искренне пыталась передать какие-нибудь подробности, но это ей не удавалось. «Протокол» бессознательного случился как всегда неожиданно. Сначала в памяти пациентки возникла странная сцена. Мама ругает старшую сестру Полину, а за что — непонятно... Ира путается под ногами и все время задает вопрос: «А что она натворила? Разбила окно, да?» Мама говорит: «Тебе здесь нечего крутиться, мала еще...»

Ирина Аскольдовна задумалась: в самом деле, что это было? И с этим вопросом она поехала к Полине. Та, выслушав ее, неожиданно стала печальной, строгой. Она спросила:

— А ты разве не догадывалась?

Моя пациентка страшно удивилась: о чем речь. Оказалось, что отец целенаправленно занимался растлением старшей сестры. Он касался ее гениталий, ласкал их и готовил ее к любовным утехам. Когда Полина сказала об этом маме, та ужасно рассердилась и стала ругать девочку: «Сама виновата, ведь я тебе говорила...» Кончилось все это разводом. Но когда дети были маленькими, отец купал их

сам. В доме имелось огромное деревянное корыто. Папа преследовал не только гигиенические цели. Полину пытался возбудить, а Ире просто засовывал пальчик в анус... Так постепенно мы стали припоминать детали детства, истоки давнего недуга. Через год Ирина Аскольдовна окончательно избавилась от кишечных проблем.

Психоаналитик придает огромное значение воспоминаниям пациента. Без них невозможно отыскать источник психической травмы, которая откладывает отпечаток на всю человеческую жизнь. Но в том-то и дело, что память человека капризна. Лев Толстой неожиданно видит себя грудным младенцем на руках у матери. Кто-то отчетливо помнит, как он, суча ножками, пытается догнать материнскую юбку. У другого в голове — неотвязный эпизод. Отец наказал его. Он стоит в углу, тшедушный, маленький. Ему безумно смешно.

Вот обозреватель «Московского комсомольца» Юлия Калинина пишет:

Все, что случалось в жизни, помнится потом короткими живыми картинками — будто фрагментами фильма. А сам «фильм про жизнь» — так, чтоб целиком, с начала и до конца, — забывается. Сюжетные линии, сложности взаимоотношений, пробелы и провалы со временем пропадают, растворяются в темноте. При желании, конечно, можно восстановить, вспомнить, в чем было дело. Но для этого надо прикладывать усилия. А без усилий — само собой — из памяти выплывают только разрозненные живые картинки, сохраняющие запах и смысл «той» жизни....

Вот зимнее утро, тусклый рассвет. Больно левую руку. Это мама тянет меня на улицу Бахрушина, торопится отвести в детский сад и успеть на работу, а я телепаюсь за ней в неспигаемых валенках и думаю: «Почему я — это именно я, а не кто-то другой? Почему именно меня тащат за руку?» И ощущаю такую бесконечность этого вопроса, что дух захватывает.

А вот другое утро, тоже зима, темно, я веду сына в детский сад на Профсоюзной, но он не хочет идти, упирается, и мне приходится брать его на руки — тяжеленного и неповоротливого в валенках и шубе. Он тут же прекращает ныть, выгибается, упираясь затылком с подвязанным шарфом воротник, замирает и молча смотрит в синее небо с гаснущими звездами.

Что происходило между двумя этими утрами? Каким сюжетом они оказались связаны в единое целое? На самом деле не важно. Важно, что две картинки хранятся в памяти парой, в одной ячейке, и в этой парности есть некая внутренняя логика, гармония жизненной материи, ее подлинность, истинность, правота и целесообразность¹.

¹ Юлия Калинина. Причуды памяти // Московский комсомолец. 2001. 28 апр.

Каждый человек хранит собственные кольца припоминаний. То, что жизнь казалась бессмысленной. Ликование, обретенное душевное спокойствие, готовность катапультироваться в прошлое. А ведь это были годы террора, войны, геноцида.

Что такое бессознательное? Приведем наиболее распространенные значения:

- (1) совокупность активных психических образований, состояний, процессов, механизмов, операций и действий человека, не осознаваемых им без применения специальных методов;
- (2) самая обширная и наиболее содержательная часть (система, сфера, область, инстанция и т.д.) психики человека;
- (3) форма психического отражения, образование, содержание и функционирование которой не являются предметом специальной внеучной рефлексии;
- (4) состояние человека, характеризующееся отсутствием сознания.

В европейской рациональной традиции идея о бессознательном психическом восходит к эпохе создания философии (к учению Сократа и Платона об анамнесисе — знании как припоминании и др.) В той или иной форме проблема бессознательного ставилась и разрабатывалась в философии и психологии на протяжении всей их истории.

Существенный подход в изучение проблемы бессознательного внесли Б. Спиноза (неосознаваемые «причины, детерминирующие желание»), Г. Лейбниц (трактровка бессознательного как низшей формы душевной деятельности), Д. Гартли (связь бессознательного с деятельностью нервной системы), И. Кант (связь бессознательного с проблемами интуитивного и чувственного познания), А. Шопенгауэр (идеи о бессознательных внутренних импульсах), К. Карус («ключ сознания — в подсознательном»), Э. Гартман («философия бессознательного»), Г.Т. Фехнер (представление о «душе-айсберге»), В. Вундт («неосознаваемое мышление», «неосознаваемый характер процессов восприятия», «неосознаваемые логические процессы»), Г. Гельмольд (учение «о бессознательных умозаключениях»), И.М. Сеченов («бессознательные ощущения или чувствования»), И.П. Павлов («бессознательная психическая жизнь»), В.М. Бехтерев (активность бессознательного), А. Льебо и И. Бернгейм (постиппнотическое внушение и поведение), Ж. Шарко (идеи о невидимой и неосознаваемой психической травме), Г. Лебон (бессознательное как доминирующая совокупность психических процессов, всегда преобладающая в толпе и управляющая «коллективной душой» толпы), П. Жане (психические автоматизмы и бессознательные факторы неврозов) и многое другое¹.

¹ См. обзор концепций бессознательного в статье В.И. Овчаренко «Бессознательное (бессознательное психическое)» (*Популярная энциклопедия. Психология*. М., 1997).

В XX в. наиболее подробно и систематически представление о бессознательном разрабатывается в границах психоаналитической традиции. Принципиально важные результаты были получены З. Фрейдом, создавшим психологическое определение бессознательного и учение о бессознательном; К.Г. Юнгом, развившим идеи о психоидном, личном и коллективном бессознательном; Дж. Морено, разработавшим концепцию «общего бессознательного», и Э. Фроммом, развившим идеи о «социальном бессознательном». В целом эти психоаналитически ориентированные дополнительные идеи и концепции дают определенное представление о природе и сущности бессознательного и его проявлениях на индивидуальном, групповом и социальном уровнях.

Структура бессознательного

Согласно З. Фрейду, бессознательное — это:

а) психические процессы «которые происходят активно и в то же время не доходят до сознания переживающего их лица»;

б) основная и наиболее содержательная система психики человека (бессознательное — предсознательное — сознательное), регулирующаяся принципом удовольствия и включающая в себя различные врожденные и вытесненные элементы, влечения, импульсы, желания, мотивы, установки, стремления, комплексы и пр., характеризующиеся неосознаваемостью, сексуальностью, асоциальностью и т.д. По мысли Фрейда, в бессознательном идет постоянная борьба Эроса (влечений и сил жизни, сексуальности и самосохранения) и Танатоса (влечений и сил смерти, деструкции и агрессии), использующих энергию сексуального влечения (либидо).

С точки зрения психоанализа содержание бессознательного включает в себя: (1) содержание, которое никогда не присутствовало в сознании человека, и (2) содержание, которое присутствовало в сознании, но было вытеснено из него в бессознательное (желания, воспоминания, образы и т.д.). Рассматривая бессознательное и его содержание как источник неврозов и личностных конфликтов, З. Фрейд создал психоаналитическую терапию, ориентированную на познание бессознательного и излечение пациентов через осознание этого бессознательного (вытесненного).

Трактуя бессознательное как «истинно реальное психическое» и подчеркивая, что все душевные процессы по существу бессознательны, З. Фрейд вместе с тем обращал внимание на борьбу бессознательного и сознательного (сознания) как одну из атрибутивных и базисных основ психической деятельности и поведения человека.

Корректное определение бессознательного, исследование его, создание учения о бессознательном и внедрение представлений о

нем в психологию и другие человековедческие науки были выдающимися достижениями Фрейда.

По К.Г. Юнгу, бессознательное состоит из трех слоев:

- (1) «личностного бессознательного», т.е. поверхностного слоя бессознательного, включающего в себя преимущественно эмоционально окрашенные представления и комплексы, обозначающие интимную душевную жизнь личности;
- (2) «коллективного бессознательного», т.е. врожденного глубокого слоя бессознательного, общего центра, или ядра, психики, имеющего не индивидуальную, а всеобщую природу, сконцентрировавшую в себе опыт всех предшествующих поколений людей. Это ядро психики включает в себя сверхличное универсальное содержание и образцы как всеобщее основание духовной жизни. Содержаниями коллективного бессознательного в основном являются архетипы — наследуемые всеобщие образцы, символы и стереотипы психической деятельности и поведения;
- (3) «психоидного бессознательного», т.е. наиболее фундаментального уровня бессознательного, обладающего свойствами, общими с органическим миром, и относительно нейтральным характером, в силу чего оно, «психоидное бессознательное», не будучи полностью ни психическим, ни физиологическим, практически полностью недоступно сознанию.

Согласно Дж. Морено, существенно важным основанием и механизмом общения и взаимодействия людей является «общее бессознательное», возникающее при продолжительном контакте между партнерами и содействующее снятию межличностных (интерперсональных) ролевых конфликтов.

По Э. Фромму, значительную роль в организации человеческой жизнедеятельности и механизмов общения и взаимодействия людей играет «общее бессознательное», представляющее собой «вытесненные сферы, свойственные большинству членов общества» и содержащие то, что данное «общество не может позволить своим членам довести до осознания».

Непосредственные и опосредованные действия индивидуально-го, коллективного и социального бессознательного проявляются в предельно широком диапазоне — от элементарных психических актов до творчества — и оказывают влияние на все стороны жизни людей в норме и патологии.

В современной психологии обычно выделяют несколько классов проявлений бессознательного:

- (1) неосознаваемые побудители деятельности (неосознаваемые мотивы и установки);

- (2) неосознаваемые механизмы и регуляторы деятельности, обеспечивающие ее автоматический характер (операционные установки и стереотипы автоматического поведения);
- (3) неосознаваемые субсенсорные (подпороговые) процессы и механизмы (восприятия и пр.);
- (4) неосознаваемые социальные программы (ценности, установки, нормы и т.д.).

В психоанализе и постфрейдизме в качестве основных методов познания бессознательного (а также диагностики и терапии) используются: анализ свободных ассоциаций, сновидений, ошибочных действий повседневной жизни, исследование мифов, сказок, фантазий, символов и т.д.

Существующая фрагментарность представлений о бессознательном и весьма значительная роль этой проблемы дают основания полагать, что создание общей теории бессознательного психического является одной из наиболее важных задач теоретической психологии.

Разумеется, не Фрейд первым обнаружил, что в нас глубоко таятся мысли и стремления, которые мы не осознаем, т.е. бессознательное, что наша психика живет своей скрытой жизнью. Но Фрейд был первым, кто сделал это открытие основой своей психологической системы и стал изучать бессознательные феномены скрупулезно и с поразительными результатами. Фрейд исследовал главным образом несоответствия между мышлением и существованием. Мы полагаем, к примеру, что наше поведение мотивировано любовью, привязанностью, чувством долга. Но мы не осознаем, что на самом деле оно обусловлено желанием властвовать, мазохистскими импульсами или неспособностью быть самостоятельным.

Фрейд открыл, что наше представление о себе не обязательно соответствует реальности. То, что человек думает о себе, может отличаться и обычно отличается от того, что он есть на самом деле. Большинство людей живут в мире самообмана, нам только кажется, что наши мысли соответствуют действительности. Фактически историческое значение фрейдовской концепции бессознательного заключается в том, что Фрейд отбросил традиционное отождествление мышления и существования, доходящего в строгих формах философского идеализма до утверждения, что только мысль (идея, слово, символ) реальна, и в то же время до отрицания реальности чувственно воспринимаемого мира.

Фрейд, сведя роль сознательной мысли в основном к рациональному объяснению влечений, шел к разрушению основ рационализма, выдающимся представителем которого он сам являлся. Его открытие, что между мышлением и существованием существует несоответствие, не только подорвало западную традицию идеализма в его философской и общепринятой формах, он также сделало далеко идущее открытие в области этики. До Фрейда искренность

можно было определить как высказывание того, в чем человек убежден. Разница между тем, что я говорю, и тем, в чем я убежден, приобретает новое измерение, а именно мою бессознательную веру (belief) или мое бессознательное стремление (striving). Если в дофрейдовские времена человек, убежденный, что он наказывает своего ребенка потому, что хочет воспитать его лучше, мог считать себя честным, пока он действительно верил в этом, то после открытия Фрейда закрадывалось сомнение, а не является ли подобное убеждение рациональным объяснением его садистских желаний, т.е. что ему доставляет удовольствие бить ребенка и что он использует как предлог идею, что такое наказание идет на пользу ребенку.

С точки зрения этики следует предпочесть того, кто, по крайней мере, честно признает свой действительный мотив — он не только более честен, но и менее опасен. Нет такого зла или жестокости, которые не объяснялись бы благими намерениями как в частной жизни, так и в исторических событиях. Со времен Фрейда фраза «Я желал добра» утратила свою оправдательную силу. Желание добра — это одно из лучших объяснений для дурных поступков, и нет ничего легче, чем убедить себя в справедливости такого объяснения.

Есть и третий результат открытия Фрейда. В культуре, подобной нашей, в которой слова играют огромную роль, придаваемое им значение часто не учитывает, если не искажает, опыт. Если кто-то говорит «Я люблю тебя», или «Я люблю Бога», или просто «Я люблю свою страну», он произносит слова, которые, — несмотря на то что он полностью убежден в их истинности — могут быть совершенно неверными и являться рациональным объяснением стремления человека к власти, успеху, богатству или выражением его зависимости от своей группы. Они могут не содержать и обычно не содержат даже частицы любви. Еще не нашло широкого признания открытие Фрейда, что люди инстинктивно критически относятся к высказываниям о благих намерениях или рассказам о примерном поведении, тем не менее остается фактом, что теория Фрейда — это критическая теория. Фрейд не принимал высказывания за чистую монету. Он рассматривал их критически, даже когда не сомневался в сознательной искренности говорящего. Но сознательная искренность мало что значит в общей структуре личности человека.

Великим открытием Фрейда, существенно повлиявшим на философию и культуру, было обнаружение конфликта между мышлением и существованием. Но Фрейд ограничил значимость своего открытия, сведя сущность конфликта к подавлению младенческих сексуальных стремлений, предположив, что конфликт между мышлением и существованием — это по сути конфликт между мышлением и младенческой сексуальностью. Это ограничение неудивительно. На-

ходясь под влиянием материализма своего времени, Фрейд искал содержание подавляемого в тех стремлениях, которые не только имели одновременно и психический и физиологический характер, но также — что очевидно — подавлялись в том обществе, к которому Фрейд принадлежал, т.е. к среднему классу с его викторианской моралью, из которого вышли Фрейд и большинство его пациентов.

Он нашел доказательство тому, что патологические явления, например истерия, иногда являются выражением подавленных сексуальных желаний. Он отождествил социальную структуру и проблемы своего класса с проблемами, присущими человеческому существованию. Это одно из уязвимых мест в теории Фрейда. Для него буржуазное общество было идентично цивилизованному обществу, и хотя он признавал существование своеобразных культур, они представлялись ему примитивными, неразвитыми.

Материалистическая философия и убеждение в широком распространении подавления сексуальных желаний явились фундаментом, на котором Фрейд возвел теорию бессознательного. Вдобавок он проигнорировал тот факт, что очень часто наличие или интенсивность сексуальных импульсов не зависят от физиологической основы сексуальности, а наоборот, весьма часто они являются производными совершенно иных импульсов, несексуальных по своей природе. Так, сексуальное желание может порождаться нарциссизмом, садизмом, склонностью к подчинению, просто скукой; хорошо известно также, что власть и могущество — важные составные составляющие сексуальных желаний.

В наше время, когда после открытий Фрейда сменилось два или три поколения, стало очевидно, что в культуре больших городов сексуальность не является главным объектом подавления. Поскольку в своей массе человек становится Homo consumens, секс стал одним из основных предметов потребления (и фактически самым дешевым), создавая иллюзию счастья и удовлетворенности. В человеке можно увидеть различные конфликты между осознаваемыми и неосознаваемыми стремлениями. Вот список наиболее часто встречающихся душевных конфликтов.

Осознание свободы — бессознательная несвобода.
Сознательная чистая совесть — бессознательное чувство вины.
Сознательное чувство счастья — бессознательная депрессия.
Сознательная честность — бессознательный обман.
Сознание индивидуализма — бессознательная внушаемость.
Сознание власти — бессознательное чувство беспомощности.
Сознание веры — бессознательный цинизм и полное отсутствие веры.
Сознание любви — бессознательное равнодушие или ненависть.
Сознание активности — бессознательная психическая пассивность и лень.
Сознание реалистичности — бессознательное отсутствие реализма.

Вот противоречия, которые подавляются и рационализируются. Они существовали и во времена Фрейда, но некоторые из них не были настолько очевидны, как сейчас. Однако Фрейд не обратил на них внимания, поскольку сосредоточился на исследовании сексуального влечения и его подавления. Младенческая сексуальность остается краеугольным камнем всей системы ортодоксального фрейдовского психоанализа. Таким образом, психоанализ обходит реальные и весьма серьезные конфликты как внутри человека, так и между людьми.

Жуткая исповедальня

По вагону электрички пробирается бомж. Он держит в руках рваную шапку и надсадно поет: «Но фашистская пуля злодейка, оторвала способность мою...» Особых пожертвований не заметно. Но слушают серьезно, мрачно. Да уж, говорит поливатая дама рядом, действительно злодейка...

В свое время Илья Ильф подметил, что если в прессе появился кочующий образ одинокой обиженной старушки — это неспроста. Между тем на отечественном экране обозначилась фигура невротика. Появились телевизионные передачи «Про это», «Я сама», которые как бы взяли на себя роль, сходную с психоанализом: толковать про запретное, анализировать смутные чувствования, оценивать собственные жизненные поступки. Люди пытаются с помощью общественности решить свои жизненные проблемы. Они толкуют о брачном контракте, о муже-тиране, о собственной свободе, рассказывают о том, как мать и дочь выбрали одного сексуального партнера, обосновывают право женатого мужчины иметь любовниц, посещать публичный дом.

Много лет назад, проводя социологическое исследование, я включил в анкету вопрос: «Как вы оцениваете супружескую измену?» Анкету выловили партийные аппаратчики. Прикочился громкий идеологический скандал. «Как вы вместе, — кричали партэксперты, — провоцировать советского человека на аморальный поступок?» Сейчас, когда на экране резвятся гетеры и герои передач рассказывают об интимных подробностях, трудно поверить в том, что в те годы за невинный вопрос пострадали десятки специалистов.

И вот все переменялось. Кажется, нет таких тем, которые невозможно обсудить. Здесь и исповедь гомосексуалиста, и агрессивность сексуально неудовлетворенной женщины. Что можно сказать про эти программы, если смотреть на них глазами психоаналитика? Русские люди по природе сдержанны, целомудренны и застенчивы. Они иступленно охраняют свой внутренний мир от ненужного любопытного взгляда, от досужего любопытства, от нескромного посягательства.

Человеку свойственно проявлять обостренный интерес к собственным внутренним переживаниям. Однако далеко не каждый из нас готов при этом распахнуть душу. И не всякая культура помогает человеку выплескивать свои эмоции. Иногда люди из всех сил пытаются уберечь свою интимную жизнь от грубого вторжения. В американском лексиконе есть такое понятие — «прайвеси» — частная жизнь священна. Недавно про это напомнил гнев против папашки, погубивших Диану...

Но разве можно согласиться с тем, что русские православные люди чужаются исповедальности? Ведь церковь тоже занимается целительством души. Девочка идет к священнику и рассказывает ему о своих прегрешениях. Речь-то идет о конфетке, тайком взятой из сахарницы. Неважно, что грех невелик. Зато пестуется привычка делиться сокровенным.

В XIX в. родился еще один исповедальный жанр — эпистолярный. Люди писали друг другу о смутных, неуловимых переживаниях. «Вчера я вышел в сад. Луна бросала таинственный ответ... Мне стало мучительно тоскливо...» И тот, другой, получив такое письмо, не смеялся над романтическими чувствами. Не сетовал, что послание не содержит деловых сведений. Он знал: придет время и его потянет к такой незатейливой исповеди.

Русский народ вовсе не отверг психоанализ по побуждениям собственной души. Издавались книги, создавались общества, открывались консультационные пункты... Но в советские годы психоанализ оказался репрессированным. Его изобличали по идеологическим мотивам. Можно говорить об искусстве прерванной традиции. В нашей стране рождалась тоталитарная культура. Обнаружить собственные чувства стало опасно. Об этом нам напомнили с экрана в кадрах фильма «Москва слезам не верит». Патруль гневно бросает колкую фразу. «Перестаньте обниматься, вы что, забыли, что вы находитесь в общественном месте?»

То, что происходит сегодня, можно назвать реакцией на тоталитарный синдром. Желание выговориться напоминает паранойю. Что заставляет людей бежать в студию, подниматься на подиум? Бессознательное переживание избранности, тяга к публичности, радостное предвкушение встречи с теми, кто станет следить за малейшими извивами вашей души. Но главное — обостренное желание выговориться. Оно плохо удовлетворялось предшествующей культурой. Теперь — реванш.

Фрейд оказался прав. Все вокруг пропитано пряным ароматом Эроса. Он многолик, его присутствие обнаруживается далеко за пределами эрогенных зон — в политике, в молитвенном экстазе, в житейской суете. Эрос — глубинная трудноутолимая потребность человека и общества в целом. Он неизбежен, неисчерпаем.

Однако вчерашний «совок» еще робок. Ему не хватает раскованности. Он провинциален по уровню половой просвещенности. Организаторы программы «Про это» хотят его растормошить, избавить от «комплексов». Правда, делается это прямолинейно. Девушка просит у мужчины разрешения оседлать его. Она сейчас покажет, как можно «завести» партнера. Она ищет его эрогенные точки. Он, впрочем, невозмутим и монументален. Сексуальная революция еще не приобрела тотального размаха. Об этом свидетельствует и реакция зрителей на программу. Многих она шокировала...

Судите сами. Мужчина рассказывает о том, что, будучи женатым, посещает публичный дом. Между прочим, с согласия жены. Она чит сексуальные потребности и аппетиты мужа. Общественное мнение на этот счет формируется мучительно. Кто-то упрекает героя программы в отсутствии романтических чувств. При любви к жене такое невозможно.

Конкуренцию составляют мыльные оперы. Всенародно решаются одни и те же вопросы. Кто действительный отец ребенка? Имеет ли героиня полное оргазменное удовольствие? Верно ли, что и тропиканки умеют любить? Тут тебе и проблемы с импотенцией, и комплекс Эдипа, и содомные страсти, и кровосмесительные импульсы... Без этих коллективных галлюцинаций нельзя и представить нашу теперешнюю реальность.

Но кое в чем, клянусь Юнгом, мы уже преуспели. Ученый Игорь Кон первым обратил внимание на сексуализацию нашей речи. Она полна намеков, подмигиваний, откровенной вульгарности. Выражение «он меня совершенно затрахал» следует понимать как образное потрясение. Участница программы «Я сама» сообщает всем городам и весям, что сексуальная мощь ее мужа достойна преклонения. Она гордо добавляет: слава Богу. И все радостно кивают: «Воистину так!» Нечего таить восхитительные радости бытия. Неожиданно в программе появляется и сам муж, объект неподдельной гордости. Чего недостает этой сцене? Пожалуй, разве только прилюдных манифестаций. Дождемся, пожалуй, и такого...

Однако в программе обсуждаются не только эротические проблемы. Чаще всего мы видим человека, выбитого из всех позиций. Жизнь изменилась до крайности. Разительно поменялись ценностные ориентации. То, что было свято, поругано. То, что подавлялось, стало нормой. Люди не могут мгновенно адаптироваться к новым нормам. Они находятся в душевном смятении. Представьте себе девушку, которая поступила в фирму. Ей говорят: «Сегодня твоя очередь спать с шефом!» «С какой стати?» — спрашивает он. Отвечают: «Ты больная или ненормальная?»

Но люди неожиданно для себя открывают, что у них есть права, пространство, свобода выбора. Вот героиня одной из передач

«Я сама» не захотела довольствоваться ролью домашней хозяйки. В результате благополучная семья оказалась порушенной. Зато героиня ощутила глоток свободы, получила образование. Другая женщина (это уже иная передача) обрушилась на мужа-тирана, который, впрочем, хотел лишь развить ее личность. Пути разорваны. Женщина освободилась от деспотической опеки.

В том, как строятся программы и как работает психоаналитик, есть и существенная разница. Но в телевизионной практике присутствуют и опасные тенденции. Психоаналитик по своему призванию пытается высветить глубинные переживания, которые травмируют душу. Он поэтому предельно внимателен к тончайшим нюансам неосознаваемых эмоций.

Парадокс названных передачи заключается, пожалуй, в том, что они пытаются смутно, неосознанное тотчас же подвергнуть бесстрашной аналитической процедуре. Это в значительной мере опасно, потому что скорее создает разлад в душе, нежели помогает освободиться от психологической проблемы. Синдромы и комплексы мгновенно становятся объектом рассудочного поведения. Еще полнее обнаруживает себя моральная агрессивность. Сведущие нередко произносят окончательный приговор. Они осуждают, вразумляют, избалачивают...

Современный человек считает, что жизнь дана для утех и наслаждений. Он агрессивно гедонистичен. Но такое убеждение показалось бы диким, скажем, человеку Средневековья. Разве мы знаем, зачем Бог вручил нам дар целомудрия? Участники программы «Моя семья» слушают рассказ о том, как мать и дочь спят с одним мужчиной. Ну и что, рассуждают другие, пускай, ведь они счастливы. Допустимо и нравственно все, что приносит людям наслаждение! Раздается только один отрезвляющий голос: «Не дурдом ли это»?

Россия изо всех сил пытается стать цивилизованной. Но вот парадокс: когда зерно прорастает на нашей почве, оно неизменно дает странные всходы. Мы хотели приобщиться к психоанализу, но получили его сразу в диком, варварском варианте. Сложилось что-то несуразное, нечто вроде помеси Кашперовского с ветеринаром. Никто даже не подумал о том, какие неожиданные и тяжелые последствия в общественном сознании может вызвать такой малограмотный психоанализ.

Когда психоаналитик ведет индивидуальный прием, во дворе дежурит карета «Скорой помощи». Мало ли какие необузданные силы поднимутся со дна души! В России интимность психоанализа порушена тотчас же. Дело приобрело вселенский характер. Некая дама идет в студию, чтобы обсудить вопрос о том, откуда у ее мужа взялся триппер («Я сама»). Желание обманутой жены покалякать на эту тему вполне объяснимо. Но ведь телевидение — публичное зрелище. Что отзовется в душах миллионов людей — об этом подумать некому.

Чаще всего эти темы уместны на съезде психопатологов, а вовсе не в ночном эфире. Скажем, некая пара, прикупив сырого мяса, отправилась домой и возжелала совершить соитие на этой сырой плоти («Про это»). Психолог Р. Крафт-Эбинг мог бы включить данный факт в свою работу «Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства». Однако нашим неокрепшим душам предлагают поразмышлять над этим фактам, оценить его и даже примерить себя к этой ситуации. Обсуждаются проблемы бисексуальности. Женщина из зала неожиданно заявила: «Я тоже хочу девочку...»

Какую цель преследуют организаторы программы? Может быть, хотят просветить целомудрие? Но ведь буреветники сексуальной революции реют на каждом шагу. Можно без труда составить библиотечку сексуального маньяка. Тогда, может быть, другое? Освободить массы людей от проклятых комплексов, которые объединяют их жизнь? Однако большинство героев передач типичные невротики. Неврозы в названных программах не изживаются, а, напротив, загоняются вглубь. В душах тех же людей, которые случайно или по выбору оказались у экрана, такого рода зрелища рожают смятение, глубинную закомплексованность, перерождение жизненных и практических установок.

Мы долго полагали, что человек живет одним разумом. Теперь обнаружилась иная тенденция: культ бессознательного. Люди заворочены извивами собственной души. Внутренний мир выставляется напоказ. Однако голос совести, нравственности, религиозного смирения почти не слышен. Можно ли на этом пути исцелить душу?

Менее всего психоанализ можно рассматривать как забавную игрушку, удобный случай «вздыбить» наши чувствования, приобщить к тайнам эротики, погоняться за скабрезными сюжетами. Дело гораздо серьезнее и тоньше.

Ступени аналитической работы

Юнг в работе «Проблемы современной психотерапии» задает вопрос:

Впрочем, почему человеческая душа сегодня стала вдруг столь интересным для познания фактом? Ведь на протяжении тысячелетий она такого интереса не вызывала. Я только хочу задать этот, по-видимому, непреложный вопрос, но не ответить на него. Очевидно, последние цели психологического интереса подспудно связаны с этим вопросом¹.

¹ Юнг К.Г. Проблема современной психотерапии. М., 2007. С. 6.

Швейцарский психиатр выделяет несколько ступеней терапевтической работы. Как только человеческому духу удалось выдумать психически сокрытое, на аналитическом языке — вытесненное, началась терапевтическая работа. Юнг подчеркивает: в целом вред бессознательной тайны больше, чем осознанной. Всякая личная тайна действует подобно вине и греху, независимо от того, является ли она таковой или нет с точки зрения общепринятой морали. Другая форма сокрытий тайны — сдержанность. Тем, что обычно сдерживается, являются аффектами.

Разумеется, сдержанность не является пороком. Можно считать самодисциплину одним из наиболее ранних искусств уже у первобытных народов, у которых она является частью ритуала посвящения, главным образом в форме стоического перенесения боли и страха и аскетического содержания. Но часто сдержанность оказывается невротическим фактором. Преобладание тайны или аффекта обуславливает, вероятно, различные формы неврозов. Юнг показывает, что они являются вредными в тех случаях, когда оказываются исключительно личными.

Истоки психоанализа, по Юнгу, не представляют собой ничего иного, как по-научному заново открытую старую истину. Само название, которое было дано первому методу, а именно катарсис — очищение, есть известное понятие античных посвящений. *Катарсис* — глубинное душевное очищение, важнейший момент развития действия в античной трагедии, предполагавшей эмоциональную разрядку. У древнегреческого философа *Аристотеля* (384—322 до н.э.) находим эстетическое определение катарсиса. В «Политике» он писал, что под влиянием музыки и песнопений психика человека начинает преобразоваться. В ней рождаются сильные чувства — жалость, страх, энтузиазм, сочувствие. Так слушатели получают некое очищение и облегчение, связанные с удовольствием. В «Поэтике» Аристотель показал катарсическое действие трагедии, определив трагедию как особое рода подражание посредством не рассказа, а действия, в котором благодаря состраданию и страху происходит просветление подобных аффектов (аффект — всякое эмоционально окрашенное состояние (приятное или неприятное, смутное или отчетливое), которое проявляется в общей душевной тональности или в сильной энергетической разрядке).

Цель трагедии — обеспечивать катарсис души, «очищение от страстей». Трагедии великих древнегреческих трагиков (V—IV вв. до н.э.) Еврипида, Эсхила и Софокла заканчиваются гибелью героев и самым, казалось бы, безнадежным отрицанием жизни. Однако трагедия не вселяет в нас отчаяния, а, напротив, очищает душу и примиряет с жизнью. Как, каким образом безобразное и дисгармоничное, составляющее содержание трагического мифа, может примирять с жизнью? Достигается это той таинственной силой, которая

скрыта в искусстве, — силой, претворяющей в красоту жизненный ужас и делающей его предметом нашего эстетического наслаждения. По Аристотелю («Поэтика», гл. VII), зритель, следит за событиями трагедии, испытывает душевное волнение: сострадание к герою, страх за его судьбу. Это волнение приводит зрителя к катарсису — очищает его душу, возвышает, воспитывает его.

Понятие «катарсис» вызвало к жизни огромное количество различных интерпретаций, среди которых основными являются религиозно-ритуальное прочтение термина, медицинско-физиологическое, эмоционально-психологическое и интеллигентное как рационально-интеллектуальное¹. По мнению некоторых исследователей, глубокий смысл греческого слова утерян. По мнению Н. Гринцера, не случайно Аристотель говорит о том, что эмоции, возникающие в душе зрителей, сродни психологическим характеристикам описываемых действий, но им не тождественны. Страх зрителя подобен, но не равен страху героического героя. Об этом, возможно, говорит терминологическое разграничение у Аристотеля эмоциональных переживаний героя и зрителя. Аристотель подобным образом подчеркивал отличие подвергшихся катарсису зрительских чувств от сходных с ними претерпеваний характеров в драме, составляющих суть трагического сюжета².

Катарсис символизирует новое рождение. Вот как это описано в книге Светланы Макуренковой:

Зритель в театре испытывает симпатию (букв. Сострадание) и жалость к героям... Через симпатию и жалость герой и зритель становятся одним существом, одним целым, подверженным общему старению (патосу). В момент катарсиса происходит *разделение единого сложного субъекта*. Изображаемое, сцена, а там находятся и души зрителей, разом отсекается, и тут — о, ужас! — на какой миг человек оказывается *нигде*: душа была там, а там все уже *кончилось*. Но в следующий же миг душа находит свое тело, входит в него и осознает — не разумом, а всем своим существом, — что она на месте, что она спасена, а то, что *там*, — отделено, отсечено и закончено, в то время как *здесь* все продолжается. Там — смерть, здесь — жизнь, хотя в первый миг казалось, что смерть — везде. Происходит уход от смерти, новое рождение. Это и есть катарсис³.

Стало быть, настоящий катарсис — особый, а вовсе не обыденный опыт, о котором можно вскоре забыть. Душа возвращается в тело, обновленная и измененная, и требует обновления и изменения

¹ См.: Макуренкова С. Онтология слова: Апология поэта. Обретение Атлантиды. М., 2004. С. 139.

² См.: Гринцер И.П., Гринцер П.А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000. С. 293.

³ Макуренкова С. Указ. соч. С. 177.

самой жизни. Феномен катарсиса непосредственно связан с измененными состояниями сознания. Невозможно обрести преобразование души без трагического обретения иного мира, иной реальности.

Итак, понятие «катарсис» впервые использовалось в древнегреческой культуре для характеристики некоторых элементов мистерий (об этом чуть позже) и религиозных праздников. Оно было унаследовано древнегреческой философией и употреблялось в ней в различных значениях (магическом, мистериальном, религиозном, физиологическом, медицинском, этическом, собственно философском и пр.).

Первоначальный метод катарсиса, в сущности, заключается в том, что больной посредством гипнотического воздействия или без него перемещается на задний план своего сознания, т.е. в состояние, которое в восточной системе йоги считается состоянием медитации, или созерцания. Но в отличие от йоги предметом созерцания является спорадическое появление сумеречных следов представлений, будь то образы или чувства, которые отделяются от невидимых содержаний бессознательного, чтобы хотя бы тенью предстать перевернутому вовнутрь взору. Таким образом, вытесненное и потерянное вновь возвращается назад.

Бессознательное также принадлежит моей целостности. Но стоит ли обращаться к этому неосознаваемому материалу, который отражает прошлые впечатления? Это зависит от ваших взглядов. Вы можете довериться только своему сознанию и пренебречь тем, что теснится в глубинах вашей психики. Однако все, что там содержится, тоже относится к вашей жизни. Разумно ли, имея две руки, пользоваться только одной? Целесообразно ли отключить и изолировать то, что осталось в нижних слоях психики? Все равно оно живет в вас и оказывает воздействие на ваши мысли и поступки. Метод катарсиса предполагает полное признание, т.е. не только констатацию сущности дела умом, но также и разрешение сдержанных аффектов, констатацию состояния дела сердцем.

Бабушкин сундук

Не лазай в бабушкин сундук,
не вороши чужие вещи.
Там притаилась тихо вечность,
в полынном запахе уснув.
Меж делом в праздной суете,
зачем касаться жизни прошлой
и горьких дней, и дней хороших,
хранимых скрытно в темноте?
Чужая жизнь давно прошла.

И в сундуке чужие тайны
как о былом воспоминанья,
как отторевшая зола.
Забавный плюшевый жакет,
полусапожки на шнуровке
не вороши рукой неловкой,
не трогай память прошлых лет.
Для нас как выцветший лубок
все эти ветхие вещицы.
А им сейчас, возможно, снится
И жизнь, и слезы, и любовь.

Никола Цветоватый

Итак, мы получили от пациента определенные признания. Но многие пациенты так цепляются за сознание, что не могут от него оторваться. Они развивают сильнейшее сопротивление всякой попытке оттеснения сознания. Они хотят беседовать с аналитиком только на уровне сознания. Им кажется, что они способны изложить свои трудности разумно и обсудить их с психологом. Теперь можно перейти на другую ступень анализа. Назовем ее проработкой. Юнг предпочитал проблематику второй ступени именовать разъяснением. Допустим, что в одном клиническом варианте состоялось катарсическое признание. Невроз исчез, симптомы стали невидимыми. Пациент вроде бы здоров и, следовательно, может прекратить лечение. Но он — или особенно она — не может уйти. Факт признания, по-видимому, связал пациента с врачом. Если эта кажущаяся бессмысленной связь насильственно разрушается, то возникает рецидив болезни. Знаменательно и даже удивительно то, что во многих случаях связь с психологом может не возникнуть. Пациент уходит внешне здоровым, но отныне он настолько околдован теневой стороной своей души, что продолжает постоянно заниматься с помощью катарсиса издержками своего приспособления к жизни. Он связан бессознательным с самим собой, но не с врачом. С такими пациентами, замечает Юнг, случается, очевидно, то же, что когда-то произошло с Тесеем и его спутником Пейрифоем, которые, спустившись в царство Аида, чтобы поднять наверх богиню подземного мира, и устав от спуска, присели отдохнуть и больше уже не могли встать из-за того, что крепко приросли к скале.

Эти удивительные и непредвиденные случаи требуют такого же тщательного расследования, как и случаи, упомянутые вначале, т.е. истории, оказывающиеся недоступными добрым намерениям катарсиса. Хотя обе категории пациентов, по-видимому, абсолютно раз-

личны, однако и те и другие нуждаются в разъяснении, как это правильно признавал Фрейд. Совершенно очевидным этот факт становится в случаях второго рода, особенно если после успешного катарсиса пациент оказался связан с психоаналитиком. Последняя связь уже наблюдалась в качестве нежелательного последствия гипнотического лечения, но внутренние механизмы такого соединения оставались невыясненными.

Сейчас известно, что интересующее нас соединение по своей сути тождественно своеобразной детской зависимости, от которой он не в состоянии защититься с помощью разума. Подобная фиксация может быть чрезвычайно сильной, причем сильной настолько, что можно, пожалуй, предполагать здесь совсем уж необычные мотивы. Соединение такого рода представляет собой процесс, протекающий вне сознания. Поэтому сознанию пациента ничего о нем не известно. Возникает вопрос: как же подступиться к этой новой проблеме? Очевидно, речь идет о невротической картине, о новом симптоме, который был просто спровоцирован лечением. Несомненным внешним признаком здесь является то, что эмоциональное насыщенное воспоминание об отце перенесено на врача, из-за чего он кажется отцом, и как таковое в известной степени превращает пациента в ребенка.

Разумеется, детскость пациента не возникала только теперь, а существовала всегда, но до этого она была вытеснена. Теперь же она всплывает на поверхность и стремится воссоздать детско-семейную ситуацию, ведь вновь нашелся давно утерянный отец. Фрейд назвал этот симптом *переносом*. То, что возникает некоторая зависимость пациента от готового помочь врача, есть, в конце концов, вполне нормальное и по-человечески понятное явление. Ненормальное и неожиданное здесь — только необычайная стойкость и недоступность сознательной коррекции.

Юнг отмечал, что самые чистые и самые святые наши воззрения покоятся на глубоких, темных основах и, в конце концов, дом можно объяснять не только от конька крыши вниз, но также и от подвала вверх, причем последнее объяснение имеет еще и то преимущество, что генетически оно более верное, ибо дома строят не с крыши, а с фундамента и, кроме того, строить всегда начинают с самого простого и грубого¹.

Нет ничего бесплоднее интеллектуальных идей. Но если они поддержаны эмоциями, тогда они являются фактами нашей души.

¹ Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. С. 16.

Еще одна ступень — воспитание социального человека. Простое понимание, обладающее достаточной побудительной силой для многих чувствительных в моральном отношении натур, оказывается несостоятельным для людей с незначительной моральной фантазией.

Основной фрейдовский объяснительный принцип удовольствия, как показало дальнейшее развитие, является односторонним и поэтому недостаточным. Допустим, голодный человек получает в подарок красивую картину, но он предпочел бы получить горбушку хлеба. Или, например, влюбленного выбирают президентом Америки, но он бы предпочел заключить в объятия свою возлюбленную.

Каждая ступень развития нашей психологии обладает своего рода завершенностью. Катарсис, в основе которого лежит изливание души, позволяет некоторым людям думать: теперь это здесь, все происходит из этого, все известно, весь страх позади, все слезы пролиты, теперь все должно быть лучше. Разъяснение говорит столько же убедительно: теперь мы знаем, откуда взялся невроз, самые ранние воспоминания раскопаны, последние корни найдены, а перенос был не чем иным, как чувственной фантазией рая детства или возвратом в семейный роман. Путь к безыллюзорной жизни, т.е. к нормальному существованию, открыт. И наконец, воспитание указывает на то, что криво выросшее дерево не вытянется в прямое благодаря признанию и разъяснению, а теперь только благодаря искусству садовода может быть подведено под норму. Теперь только достигнуто нормальное приспособление.

Четвертая ступень — преобразование. И она не должна претендовать на то, чтобы быть истиной в последней инстанции. Эта ступень восполняет пробел, оставленный предыдущими. Она просто удовлетворяет еще одну потребность, которая распростерлась над прежними. Понятие «нормальный человек», как и понятие «адаптация», является ограниченной желанной целью, например, для тех, кому тяжело дается умение ладить с миром или же кто из-за своего невроза не в состоянии вести нормальное существование.

«Нормальный человек» — идеальная цель для неудачников, для всех тех, кто находится ниже общего уровня приспособления. Однако для людей, которые способны на большее, чем средний человек, для людей, которым совсем нетрудно добиться успеха, обрести более чем скромные достижения, для них идея или моральное принуждение ничем не отличается от «нормальных» людей является, по сути, прокрустовым ложем, непереносимой смертельной схваткой, бесплодным, безнадежным адом. Поэтому наряду с тем, что присутствует много невротиков, которые заболевают потому, что они

просто нормальные, есть и такие, которые, напротив, больны из-за невозможности стать нормальными. Мысль, которая могла бы прийти кому-нибудь в голову, — сделать первых нормальными — была бы воспринята этими людьми как дурной сон, ибо самая глубокая их потребность на самом деле состоит в том, чтобы вести ненормальную жизнь.

Человеку свойственно искать удовлетворения и исполнения желаний как в том, чего он еще не имеет, так, впрочем, и в том, что есть в избытке и чем он никак не может насытиться. Достижение социальной адаптации не является стимулом для людей, которым она дается с детской легкостью. Правильные поступки для того, кто неизменно ведет себя правильно, будут всегда скучны, в то время как для поступающего вечно неправильно дальней целью, тайным стремлением является научиться действовать правильно.

Литература

1. Гуревич И.С. Клиническая психология. М., 2001.
2. Макуренкова С. Онтология слова: Апология поэта. Обретение Атлантиды. М., 2004.
3. Психоанализ. Популярная энциклопедия. М., 1997.
4. Хиллман Д. Миф анализа. М., 2005.
5. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 2007.

Вопросы для повторения

1. Кто открыл феномен бессознательного?
2. Как Юнг описывает ступени аналитической работы?
3. Почему метод Фрейда называется катарсическим?
4. Какова структура бессознательного?
5. Почему человеческая память избирательна?

Темы докладов и рефератов

1. Феномен бессознательного.
2. Бессознательное и память.
3. Этапы аналитической работы.
4. Катарсический метод.
5. Строение бессознательного.

Защитные механизмы

*О делах подобных не размышляй,
Не то сойдешь с ума...*

В. Шекспир. Макбет

Сублимация

Почему же механизмы, о которых пойдет речь, называются защитными и какую роль они играют в жизни людей? В ходе эволюции сложились такие психические устройства, которые помогают выжить человеку в ситуации, когда требуется предельное душевное напряжение. Аналитiku приходится порой разрушать действие этих защитных механизмов, указывать пациенту на его оборонительные реакции, чтобы добраться до сути психологической проблемы. Однако без этих механизмов психика беззащитна и уязвима.

Сублимация (от лат. *sublimo* — возвышаю) — переключение психической энергии с одного состояния на другое; процесс, в ходе которого инстинктивные энергии переключаются в неинстинктивные формы поведения. Сублимация, по мнению Фрейда, открывает путь к преобразованию сексуальной энергии в других областях. Одни из источников художественного творчества можно найти здесь. Анализ характеров высокоодаренных людей раскрывает различную смесь работоспособности, пerversии и невроза. Особым видом сублимации является подавление посредством реактивного образования. То, что мы называем характером человека, создано в значительной степени из материала сексуальных возбуждений и составляется из фиксированных с детства влечений, из приобретенных благодаря сублимированию и из таких конструкций, которые имеют своим назначением энергичное подавление пerversных, признанных недопустимыми движений. Фрейд ссылается на Э. Золя, который в романе «Радости жизни» описывает девушку. Она в радостном самопожертвовании отдает любимым лицам все, что имеет и на что может претендовать, свое имущество и свои надежды без награды с их стороны. В детстве эта девушка находилась во власти ненасытной потребности в нежности,

которая превращается в жестокость, когда в одном случае было оказано предпочтение другой девушке.

С помощью теории сублимации Фрейд пытался объяснить образование высших форм деятельности человека, связывая их с первичными сексуальными побуждениями. Сублимация происходит тогда, когда эти побуждения направлены на объекты или цели, не имеющие никакого отношения к сексуальной сфере, но обладающие решающим значением и ценностью для жизни человеческого рода.

При этом либидозная энергия остается количественно постоянной, но ее качество коренным образом меняется, потому что ее объекты и ее способы действия иные. Человеческая деятельность, по Фрейду, обусловлена сексуальными влечениями, которые требуют удовлетворения. Но всегда ли можно реализовать свои сексуальные побуждения? Разумеется, нет. В этом случае психическая энергия сублимируется, т.е. преобразуется в какие-то иные формы.

Допустим, молодая мама осталась без мужа. Ее сексуальность не реализовалась. Запасы ее энергии требуют выхода. В этом случае она может перенести свою нежность на сына, разыгрывая с ним драматургию невоплощенной чувственности. Бессознательно она будет рассматривать своего сына как сексуального партнера. Как же в этом случае она будет воспринимать появление молодой соперницы? Тут уж вряд ли можно ждать беспристрастности.

В той же мере мама может сублимировать свою чувственность в неприязненное отношение к дочери. Возможно, она бессознательно будет считать свое дитя виновницей ее собственного горя-злосчастья. А может быть, станет испытывать чувство зависти к молодой жизни. Наконец, психическая энергия способна выплеснуться в убеждение: именно она является идеальной матерью, благой наставницей, достойным примером для подражания.

Термин «сублимация» первоначально содержал представление о превращении инстинктивного влечения в нечто социально значимое. Главным образом слово выражало превращение «догенитальных» влечений в несексуальные установки. По Фрейду, причина навязчивого желания сдерживать свои чувства лежит в неспособности предаваться своим сексуальным страстям. Изначальная половая холодность (фригидность) также приписывается последствиям ранних сексуальных травм или кровосмесительных фиксаций, гомосексуальных наклонностей, садистских или мазохистских элементов. Причем последние рассматриваются как сексуальные по своей сути феномены.

Сексуальное влечение способно менять свою ближайшую цель на более высоко оцениваемую в обществе. Вот почему, по замеча-

нию Шекспира, мы становимся нравственными, когда слабеет плоть... Подавленная сексуальность находит воплощение в общественно значимых действиях. Она выступает во всеоружии моральной агрессивности, воспитательного пафоса, нравоучительной экзальтации.

В конце 1950-х годов американское телевидение показало цикл передач для молодых родителей. В них демонстрировалось, как пеленать ребенка, как его кормить. Самые известные в стране специалисты давали советы молодоженам. Затем был проведен опрос аудитории, чтобы выявить популярность цикла. Оказалось, что многие родители вообще не имели представления о программе. Зато бездетные телезрители смотрели телеуроки с нарастающим увлечением. Именно те, у кого не было детей, с наслаждением пеленали младенца, играли с ним, приобщались к азбуке родительского чувства.

Пример с телевизионным циклом способен обескуражить самого увлеченного теоретика. Ведь подразумевалось, что тот, кто творит себе кумира, в меру сознателен, по крайней мере, отдает себе отчет в своих поступках. А тут обнаружилась совсем иная картина. Оказывается, зритель живет в мире интенсивной, неосознанной мотивации: он радуется и страдает, одержимый подавленными влечениями, желаниями, стремлениями. Именно эти побуждения, а вовсе не критическое мышление обуславливают его поступки.

Между тем на практике мы уже учитываем данные психоанализа. Когда полярники уходят в рейс, для них снимают специальные фильмы, которые рассказывают о детях, о семье: пусть там, в далеком одиночестве, в условиях сенсорного голодания (дефицита эмоций) они всматриваются в разные лица на экране. Так же поступает и служба психологической поддержки, провожающая в рейс космонавтов. Прибыв на место катастрофы, спасатели обязаны не только оказать первую помощь, но и позаботиться о том, чтобы люди, попавшие в бедствие, имели возможность, как можно скорее, переключить свою психологическую энергию в иное русло. Возможность позвонить близким, послушать легкую музыку, вызвать в памяти светлые образы — таков диапазон данного защитного механизма.

На уровне здравого смысла это было известно давно. Представим себе вдову, которая идет за гробом любимого человека. Она окаменела, застыла в своем горе. Кажется, все жизненные силы покинули ее... Люди, которые поддерживают ее, шепчут ей: «Плачь, дорогая!» Все знают, что слезы могут смягчить горе, поскольку и являются тем спусковым механизмом, который вводит в действие сублимацию.

Спасатели, прибывшие на место бедствия, работают в режиме цейтнота. У них мало времени. Прежде всего, нужно нейтрализовать тех, кто, как говорится, совсем потерял голову. Эти люди совсем обезумели. Они мчатся в самое пекло, суетятся в местах массового скопления, теряют чувство опасности. Их нужно успокоить, отвести от того, что угрожает их жизни, снять синдром панической суеты. Но есть и такие люди, которые впали в ступор. Они не мешают работе, не лезут под руку, не топчутся в особо аварийных местах. Однако их психическое состояние тоже нуждается в переключении. Важно вывести этих людей из состояния коллапса. Длительное психическое онемение приводит к разрушению психики. Поэтому нельзя оставлять таких участников бедствия без внимания.

Помню в юности, когда я работал в Улан-Удэ, в здание нашего учреждения на всех порах ворвался трамвай, у которого отказали тормоза. Продвигаясь со значительного возвышения, трамвай, утратив управление, впечатал в стену трех прохожих, которые проходили мимо зданий в этот момент, и, взломав постройку, остановился у стола одного из редакторов. Когда мы вытаскивали этого человека из-под обломков, он был совершенно спокоен, невозмутим и отчужден. Убедившись в том, что его тело не пострадало, ему вызвали его родных и отправили домой. Однако через полчаса он появился на месте аварии и сказал: «Ребята, где-то тут должны быть мои галоши, я их тут оставил». Пострадавший все еще находился в состоянии ступора, из вагона вытаскивали фрагменты человеческих тел, из здания тащили раненых. А этот человек, который, по счастью, легко отделался, невозмутимо искал галоши. Кто-то прикрикнул на него, подтолкнул к переулку. Через несколько дней после аварии сотрудники убедились в том, что у редактора действительно «поехала крыша». Осознав, что он мог оказаться жертвой, этот человек не сумел переключить свою психическую энергию в спасительное русло. Его потом долго лечили.

Часто на месте аварии спасатели говорят: «Отойдите от пострадавших, им сейчас тяжело». Это, разумеется, верно. Нельзя перегружать психику подробностями бедствия, не следует дергать и без того обезумевших людей. Словом, в доме повешенного ни слова о веревке. Однако это только половина правды. Есть возможность помочь пострадавшим, «разгрузить» их психику, сублимировать состояние ооченелости, закрытости, цепкой фиксированности.

Сублимация — это зрелый механизм защиты. Это ориентированная на перспективу неконфликтная эволюция раннего детского импульса к зрелому уровню выражения. Например, художник или керамист может использовать сублимированное желание растирать

экскременты, фотограф может использовать вуйеризм, танцовщики и актеры — сублимированный эксгибиционизм. Политическая активность может открыть канал к сублимированной агрессии. Здоровая дружба между взрослыми людьми может частично поддерживаться гомосексуальными и кровосмесительными импульсами.

Перенос

Когда я вошел в аудиторию, мое внимание привлек молодой человек, который сидел на последней парте. Одетый в потертый джинсовый костюм, он все время переставлял на столе свой портфель, который тоже служил хозяину не первый год. Мне подумалось: наверное, этот человек страдает комплексом неполноценности.

Шло время, и однажды после занятий Сергей остановил меня и попросил выслушать. Он рассказал о том, что всегда страдает от комплекса неполноценности и хотел бы избавиться от него.

Вскоре мне пришлось убедиться в том, что данный комплекс действительно мешает Сереже жить. Он оказался человеком весьма способным. Часто брал у меня книги по философии, и по отдельным репликам я понимал, что он не пролистывает тексты, а старательно изучает их. Однако на экзаменах Сережа впадал в ступор и производил впечатление человека беспомощного и неподготовленного.

Однажды во время тренинга Сережа продемонстрировал полное смущение, которое вызвало недоумение в группе. Студенты условно изображали различные персонифицированные состояния, свойственные внутреннему миру одной студентки. Один член группы, к примеру, который воплощал уверенность, советовал девушке не падать духом и проявить стойкость. Другой — живое олицетворение любви — обращался к девушке со словами нежности. И вот дошла очередь до Сережи. Он выбрал роль преданности, но не мог произнести ни единого слова. Группа одобряла его, подсказывала возможные уверения, но Сережа смущался еще больше.

Некоторые студенты упрекали меня в том, что я слишком высоко оцениваю его способности. «Вот вы его хвалите, — говорили они, — а он скрытный. Вы, например, знаете, где он работает?» Я не знал и получал в ответ: «Вот видите...»

В группе у Сережи не было симпатии. Он замыкался, как только чувствовал, что кто-то проявляет к нему интерес. Несколько лет назад Сережа пережил своеобразную жизненную драму. Он встретил в Москве девушку, которая произвела на него сильное впечатление. Когда он увидел ее на автобусной остановке, то сразу понял: «Вот его идеал!» Несколько дней они были вместе, казалось, их

счастью не будет конца. Но вот девушка сказала Сереже, что она уезжает, кончились дни ее пребывания в столице. Это ее последняя вылазка перед замужеством. Она живет на Украине и выходит замуж. Перед свадьбой будущий муж санкционировал это посещение Москвы. Но теперь все, надо ехать...

У Сережи это вызвало сильный травматический эффект. Она отказалась от его любви, но ведь предала же... Он ни о чем ее спрашивал. А она могла исчезнуть без всяких объяснений. Но она рассказала все, как есть... Нет, это не отступничество и не злоумышленный расчет. Там, в Днепропетровске, уже все готово к свадьбе, а он остается здесь один...

Перед весенней сессией Сережа исчез. Домашний телефон не отвечал, а в институте он не показывался. Через полтора года Сережа сам позвонил мне и попросил о встрече. Я узнал такие подробности его жизни, которые повергли меня в смятение. Дело в том, то еще в школе Сергей дружил с одним парнем. И вот этот человек не стал гоняться за высшим образованием. Он создал странный бизнес, нечто вроде дальних перевозок и «крышевания» других фирм. Деньги шли огромные. Вспомнили еще про одного парня из их класса и тоже позвали в общий бизнес. Тот, новенький, обладал крутым нравом и владел приемами восточного единоборства. На бандитские «стрелки» посылали именно его, как самого крутого. Сереже досталось другое амплуа. Когда в ход не шли ни пули и ни ножи, нужен был вот такой, тихий, интеллигентный, полный контраст «братве».

Стало понятно, почему Сережа ходил на занятия в потертых брюках и приносил портфель, заимствованный среди хлама старых вещей. Такой не привлекал внимания и не вызывал подозрений. Но вот того, крутого, вдруг убили. Сережа пришел на службу и застал секретаршу в слезах, а шефа с игрой желваков на скулах. Однако началось следствие, и вскоре оказалось, то это убийство заказал шеф. Именно он все и подстроил. Сережа не знал, что и делать. Пойти на суд, поддержать друга-убийцу. Но какие найти слова. И он принял решение «спрыгнуть с телеги».

Фирму прибрали к рукам, а Сергей заперся в своей квартире. Деньги есть, но страхи преследовали отчаянно. Рассказывал, что иногда видит во сне, как за ним гонятся, идет стрельба. И он, едва пробудившись, с трудом убеждает, что это сон, а не недавняя реальность. Еще одна беда: Сережа усыхал, терял вес. Квартира была завалена разнообразными деликатесами, экологичными продуктами. Питался Сережа нормально, съедал, как ему казалось, много, а тело нишало.

Инстинкт подсказывает каждому человеку, сколько и как нужно съесть. Именно невротичный человек не слышит голоса инстинкта. Животное не питается про запас. Сытый медведь не станет задирать корову, которая оказалась на его пути. Заболевшее животное не переедает, потому что соотносится с голосом плоти. Ребенок играет во дворе, а мама зовет его обедать. «Я еще не голоден!» — кричит ребенок. «Все равно пора есть», — настаивает мама. Ребенок ближе к природе и уверен в том, что организм лучше знает, когда нужно принять пищу. Нормальный человек ест, потому что голоден, а невротик — потому что уже 12 часов.

Бедствия, которые испытал мой пациент Сергей, расшатали его инстинктуальную природу. Пригнулся инстинкт самосохранения, инстинкт питания испытал бой. Я как-то спросил Сергея, что он намерен делать, когда вылезет. Он сказал: скорее всего, женится на одной девушке, которая ему нравится. «Вы поддерживаете контакты?» — спросил я. «Нет, — ответил он, — мой телефон выключен». Через некоторое время Сергей перестал ходить ко мне в клинику. Что с ним случилось? Жив ли он? Телефон молчит, но я жду продолжения этой истории.

Другое основополагающее понятие системы Фрейда — *перенос*. Это понятие появилось в результате клинических наблюдений. Фрейд обнаружил, что у пациентов возникает очень сильная связь с личностью психоаналитика. Эта связь имеет сложную природу. В ней находит отражение любовь, восхищение, привязанность. Но в негативном переносе — это смесь ненависти, противодействия и агрессии. Если психоаналитик и пациент принадлежат разным полам, суть переноса можно легко описать как влюбленность пациента в психоаналитика (если пациент гомосексуалист, то же самое происходит, если психоаналитик того же пола). Психоаналитик становится объектом любви, восхищения, зависимости и ревности в такой степени, что всякое другое лицо воспринимается как возможный соперник.

Другими словами, пациент по отношению к психоаналитику ведет себя точно так же, как влюбленный человек. Особенно интересен перенос тем, что он обусловлен ситуацией, а не качествами психоаналитика. Ни один психоаналитик не может быть настолько туп и непривлекателен, чтобы не оказывать какого-то воздействия на неглупого пациента, который, может быть, и не взглянул бы на него, не будь он ее или его психоаналитиком.

Хотя перенос можно обнаружить в отношении ко многим врачам, Фрейд первым обратил на это явление серьезное внимание и проанализировал его природу. Он пришел к выводу, что в процессе психоаналитического лечения у пациентов появляются многие чув-

ства, которые у него или у нее были в детстве по отношению ко одному из родителей. Он объяснил феномен влюбленной (или враждебной) привязанности к фигуре психоаналитика тем, что это воспроизведение более ранней привязанности к отцу или матери. Другими словами, чувства к психоаналитику были «перенесены» с первоначального объекта на личность психоаналитика. Как полагал Фрейд, анализ переноса позволил выявить — или воссоздать — отношение младенца к родителям. Этот ребенок в пациенте переживал свои перенесенные чувства так интенсивно, что ему часто было трудно понять, что он любил (или ненавидел) не реальную личность психоаналитика, а родителей, которых психоаналитик для него представлял.

Это открытие было одной из великих оригинальных находок Фрейда. До него никто не удосуживался заняться изучением аффективного отношения пациента к врачу. Обычно врачи с удовлетворением воспринимали тот факт, что пациенты их «обожают», а если это было не так, часто их недолюбливали и не считали «хорошими пациентами». Фактически перенос способствует профессиональному заболеванию психоаналитиков, а именно подтверждает их нарциссизм, питающийся влюбленным восхищением пациентов, независимо от того, насколько они его заслуживают. Гениальность Фрейда в том, что он заметил этот феномен и истолковал его не как выражение заслуженного восхищения, а как выражение восхищения ребенка своими родителями.

Возникновению переноса на сеансах психоанализа способствовала необычная обстановка, которую Фрейд предпочитал в работе. Пациент лежал на кушетке, психоаналитик сидел, невидимый, сзади него, в основном слушая и время от времени вставляя слова. Однажды Фрейд признался, что настоящей причиной такой обстановки было то, что он не выносил, когда другие люди смотрели на него помногу часов в день. В качестве дополнительной причины психоаналитики указывают, что психоаналитик должен быть чистым листом бумаги для пациента, чтобы все реакции на психоаналитика можно было рассматривать скорее как выражения переноса, чем выражение его чувств к реальной личности психоаналитика.

Разумеется, последняя аргументация — это иллюзия. Просто взглянуть на человека, почувствовать его рукопожатие, заметить его отношение к тебе, когда он говорит, — все это дает достаточно материала, чтобы вы могли многое узнать о психоаналитике, и мысль, что психоаналитик остается невидимкой, очень наивна. Здесь может быть уместна толика критики этой обстановки. И сам молчаливый, якобы невидимый психоаналитик, который даже не отвечает на вопросы, и

его местоположение сзади пациента (повернуть голову и посмотреть на психоаналитика — это табу) — все это в конечном счете приводит к тому, что пациент чувствует себя маленьким ребенком.

Где еще взрослый находится в таком абсолютно пассивном положении? Все преимущества на стороне психоаналитика, и пациент должен рассказывать о своих самых сокровенных мыслях и чувствах призраку; и это становится не добровольным действием, а моральной обязанностью с тех пор, как он согласился подвергнуться психоанализу. С точки зрения Фрейда, эта инфантилизация пациента была самому пациенту на пользу, поскольку основной задачей психоаналитического сеанса было выявить или реконструировать детство пациента.

Эту инфантилизацию можно критиковать главным образом за то, что, если пациент превращается в ребенка во время сеанса, взрослый человек, так сказать, изгоняется с места действия, и пациент высказывает все свои детские мысли и чувства, минуя взрослого человека в себе, который мог бы обратиться к личности ребенка с позиции взрослого. Другими словами, он практически не чувствует конфликта между его младенческим и взрослым Я, а именно этот конфликт способствует развитию или изменению. Когда слышен голос ребенка, кто может возразить ему, ответить ему, сдерживать его, если не голос взрослого, который пациент также имеет в своем распоряжении?

Фромм считал, что Фрейд ограничил опыт переноса своим объяснением, что характерные для этого состояния чувства и отношения переносятся из младенческой жизни. Если отвлечься от этих замечаний, мы увидим, что Фрейд обнаружил явление, которое имеет гораздо большее значение, чем он думал. Феномен переноса, а именно добровольная зависимость человека от других людей, имеющих власть, ситуация, в которой индивид чувствует себя беспомощным, нуждается в сильной авторитарном лидере, готов подчиниться этому лидеру, — это одно из наиболее часто встречающихся и важных явлений общественной жизни, выходящее за рамки отдельной семьи и психоаналитических сеансов.

При желании каждый может увидеть огромную роль переноса в общественной, политической и религиозной жизни. Достаточно взглянуть на лица в толпе, аплодирующей харизматическому лидеру, вроде Гитлера и де Голля, и можно увидеть то же выражение слепого почитания, обожания, любви, превращающее озабоченного повседневной жизнью человека в страстного почитателя. Это даже не обязательно должен быть лидер с голосом и выправкой де Голля и или с напором Гитлера. Если изучать лица американцев, смотрящих на кандидатов в президенты, можно обнаружить то же самое выражение

лица, которое можно назвать почти благоговейным. Как и в случае психоаналитического переноса, это не имеет почти ничего общего с реальными, человеческими качествами обожасмой личности. Само положение или просто униформа делают его «культовой» фигурой.

Вся наша социальная система основывается на этом необыкновенном влиянии людей, обладающих в большей или меньшей степени притягательностью. Перенос на психоаналитических сеансах и поклонение лидерам во взрослой жизни имеют одну природу: они основаны на чувстве беспомощности и бессилия ребенка, приводящего к его зависимости от родителей, или в ситуации переноса — от психоаналитика, заменяющего родителей. В самом деле, кто станет отрицать, что младенец не мог бы прожить и дня без заботы и защиты со стороны матери или того, кто его замещает? Какие бы нарциссические иллюзии ни имел ребенок, нельзя отрицать, что в целом он беспомощен и нуждается в помощнике.

Однако часто остается без внимания тот факт, что взрослый человек тоже беспомощен. Во многих ситуациях, с которыми ребенок бы ни справился, взрослый знает, что надо делать, но в конечном счете он так же беспомощен перед ними, как ребенок в своем мире. Да, он научился защищать себя во многих случаях. Он может устанавливать отношения с другими, чтобы лучше противостоять нападкам и опасностям, но все это не меняет того факта, что он остается беспомощным в своей борьбе против природных катаклизмов, в борьбе против лучших вооруженных и более сильных общественных классов и народов, в борьбе с болезнями, наконец, в борьбе со смертью. У него есть лучшие средства защиты, но и видит он больше опасностей, чем ребенок. Следовательно, контраст между беспомощным ребенком и сильным взрослым в значительной степени мнимый.

Взрослый, как и ребенок, стремится к кому-то, с кем бы он чувствовал себя уверенно, спокойно, в безопасности, и по этой причине он желает и склонен подчиняться личностям, которые являются или хотят казаться спасителями и помощниками, даже если в действительности они наполовину безумны. Социальный перенос, порождаемый тем же чувством беспомощности, что и психоаналитический перенос, — это одно из наиболее важных общественных явлений. Открыв перенос в психоаналитической ситуации, Фрейд сделал еще одно универсально верное открытие, но из-за своих взглядов не смог в полной мере оценить большую социальную важность своего открытия.

Эта дискуссия о переносе нуждается в одном дополнительном замечании. Даже если человек беспомощен не как ребенок, а как взрослый, эту взрослую беспомощность можно преодолеть. В рационально организованном обществе, где нет необходимости зату-манивать глаза на реальное положение вещей, в обществе, которое

поощряет независимость и рациональность человека, исчезнет чувство беспомощности и с ним необходимость в социальном переносе. Обществу, члены которого беспомощны, требуются идола. Эту потребность можно преодолеть только в той степени, в какой человек полностью осознает действительность и собственные силы. Мысль, что он в конце концов умрет, не делает его беспомощным, потому что его знание — это также часть действительности, с которой он может справиться.

Применяя этот принцип к психоаналитической ситуации, можно полагать, что, чем более реальным видится психоаналитик пациенту, чем больше он теряет свой призрачный характер, тем легче пациенту избавиться от состояния беспомощности и справиться с действительностью. Но разве желательно и даже необходимо, чтобы пациент на психоаналитических сеансах возвращался в состояние детства, чтобы он мог выразить те желания и тревоги, которые его учили подавлять для того, чтобы его могли считать взрослым?

Да, но с существенной оговоркой. Если пациент на психоаналитическом сеансе становится ребенком, он с тем же успехом мог бы спать. Ему будет недоставать рассудительности и независимости, которые ему нужны, чтобы понять смысл того, что он говорит. Пациент по время психоаналитического сеанса постоянно колеблется между младенческим и взрослым существованием. Именно на этом процессе основана эффективность психоаналитической процедуры.

В книге французского философа Андре Глюксманна «Философия ненависти» также анализируется механизм проекции. Он отмечает, что странной способностью кристаллизовать единые безумства, гетерогенные проявления бешенства вокруг коллективной линчующей ярости и делать из нее превосходную социальную связь славится — загадка загадок — ненависть к евреям¹.

Эта разрушительная страсть пронизывает тысячелетия, ридится по моде, беспрерывно возрождается из пепла разных видов фанатизма, которые, похоже, питают ее.

Она притворялась христианской, но когда Европа расхристианизовалась, она достигла своего расцвета. Думали, что она утасла после Гитлера, и вот она становится всемирной. Надеются, что она гнездится в каких-нибудь обскурантистских или ксенофобских экзессах, но ежедневные новости показывают Иерусалим и окрестности, вынуждая каждого обитателя планеты определиться и выбрать своей лагерь².

¹ Глюксманн А. Указ. соч. С. 84.

² Там же.

Глюксмани показывает, что для антисемита предмет его неприязни остается тайной за семью печатями. Антисемит не знает, о ком и о чем он говорит. Когда юный Гитлер впервые встретил в Вене странные фигуры в черных кафтанах, в шляпах, с кудряшками по бокам головы и длинными бородами, он спросил себя: «Это люди или существа с другой планеты?» Со временем его познания в этом предмете нисколько не продвинулись. Когда Эйхман берется за «Окончательное решение», он выставляет себя экспертом по иудаизму, но выкручивается только потому, что его начальники и подчиненные еще невежественнее.

Как, к примеру, объяснить, что антисемитизм процветает в современной Японии, когда японцы почти никогда не видели евреев на своем острове? У человека может болеть фантом ампутированной ноги, а дурные чувства — крутиться вхолостую.

В Древнем Риме, как и везде, расизм был ненавистью к «другому». «Другой» предстал в образе низшего существа или просто — животного.

Ключевое отличие между подходящими и не подходящими для психоанализа пациентами Фрейд видел в их способности устанавливать *перенос* на аналитика. Фрейд, по всей видимости, считал, что переносы, вызываемые анализом, менее могущественны и более управляемы, чем те, с которыми он сталкивался во время своих ранних экспериментов с гипнозами. Хотя практика психоанализа способствует высвобождению могущественных эмоций, он писал, что во время лечения «одной из самых податливых своих пациентов» гипнозом, «однажды пробудившись, она обвила руками мою шею. Непредвиденное появление кого-то из обслуживающего персонала избавило нас от тягостных объяснений, но мы тогда по молчаливому согласию отказались от продолжения гипнотического лечения». В отличие от Брейера Фрейд не винил себя за то, что произошло, и даже не воспринимал это как нечто личное:

У меня хватило трезвости не объяснять этот случай своей личной неотразимостью, и я решил, что теперь понимаю природу мистической стихии, которая таилась за гипнозом. Чтобы исключить ее или, по крайней мере, изолировать, я должен был отказаться от гипноза.

Разрабатывая свой метод лечения, Фрейд полагался на силу человеческого эгоизма; он считал, что именно центрированность пациента на Собственном Я делала нейтрального аналитика такой важной фигурой в его мыслях. Психоанализ стремился обеспечить внутреннюю переделку в способе восприятия пациентом своих вещей. Когда Фрейд писал, что психоаналитическое лечение «по своей сути... обусловлено любовью», он имел в виду не чувства анали-

тика к своим пациентам, а, скорее, способность пациента наделять фигуру аналитика эмоциональной энергией. Реакции переноса являлись повторением неприемлемых ситуаций фрустрации из прошлого пациента, и Фрейд полагал, что аналитический процесс окажется в состоянии вновь вернуть его к этим проблемам. Как результат, «в ходе прогресса психоанализа набирается храбрости не только пациент, но также его болезнь...».

Шандор Ференци и Отто Ранк настаивали в 1920-х годах, что все в лечении имеет смысл феномена переноса. Но Фрейд был первым, кто воспринял перенос как путь к тому, чтобы он считал более ранним и истинным:

Пациент не вспоминает ничего из того, что он забыл и вытеснил в своей психике, но действует в соответствии с этими воспоминаниями. Он воспроизводит ситуацию из прошлого не в виде воспоминания, а в виде действия; он повторяет ее, не зная, что он ее повторяет ... повторение является переносом забытого прошлого не только на врача, но также и на все другие аспекты текущей ситуации.

В анализе «перенос возникает как наиболее могущественное сопротивление лечению»; «все те силы, которые вынудили либидо регрессировать, будут выходить на поверхность в качестве "сопротивлений"» против работы анализа, для того чтобы сохранить старое положение вещей». Отталкиваясь от анализа переносов взрослых, Фрейд выработал свою точку зрения на детство человека.

Фрейд предпочитал лечить пациента, когда его «патогенные переживания принадлежали прошлому, так что его Эго могло находиться от них на некотором расстоянии». В особенности это касалось приходивших к нему учеников-иностранцев, чье прошлое резко контрастировало с чуждым для них настоящим. Фрейд пытался принимать во внимание критику Юнга, который подчеркивал «склонность невротиков выражать свои текущие интересы в воспоминаниях и символах из отдаленного прошлого». Но Фрейд не оценил по достоинству, сколь удобно может быть для некоторых пациентов проецировать свои текущие затруднения в прошлое, и поэтому он мог проглядеть много трансферентных черт, которые могут видеть терапевты в наши дни. Часто Фрейд вместо того, чтобы давать интерпретацию взаимодействий между собой и пациентом, говорил с ним о далеком прошлом, потому что так было легче для них обоих. Однако в целом Фрейд принимал в расчет многие реальности сегодняшней жизни своих пациентов; например, он обычно знал их окружение. Однако в целом Фрейд принимал в расчет многие реальности сегодняшней жизни своих пациентов; например, он обычно знал их окружение. Однако он не придавал большого значения текущему контакту со своими пациентами.

Говорят, что в 1890-х годах Фрейд позволял себе не ограниченный рамками сессинга социальный контакт со своими пациентами, а с некоторыми из них продолжал поддерживать излишне фамильярные отношения на протяжении всей своей жизни — хотя другим он рекомендовал нейтральность: «Врач должен быть непроницаемым для своих пациентов и подобно зеркалу не должен показывать им ничего, кроме того, что показывают ему», «Эмоциональная холодность у аналитика... создает наиболее благоприятные условия для обеих сторон...» Фрейд мог даже разделять трапезу с пациентом, но это, по его мнению, никак не связано с анализом; он считал само собой разумеющимся, что аналитик должен оказывать поддержку пациенту, и не писал об этом аспекте своей техники.

Фрейд очень долго не затрагивал в своих трудах тему воздействия личности на терапевтический процесс. Ибо допустить возможность влияния непосредственно личности аналитика в противовес его роли как специалиста, разработанной Фрейдом, означало возвращение к старому вопросу о внушении. В 1956 г. один аналитик писал: «Широко распространенное и все возрастающее осознание значения личности аналитика в природе индивидуального переноса также подразумевает признание неизбежности суггестивных тенденций в терапевтическом процессе».

Ранее Фрейд советовал аналитику сохранять эмоциональную холодность и тем самым побуждать пациента к аналитической работе, чтобы, воспроизводя историю своей жизни, тот добивался от аналитика внимания и интереса к ней. Самому Фрейду сразу удавалось пробуждать многочисленные переносы. Благодаря только своей репутации, без каких-либо особых усилий, он становился для пациента той силой, с которой приходилось считаться. При отсутствии такой вовлеченности со стороны пациента аналитик вынужден функционировать довольно странным образом, полагая, что все, что говорится в анализе, имеет отношение к нему.

Реальность, однако, может быть столь заполнена переносом, что для пациента даже самый бесталанный аналитик станет подобным Богу. Для аналитика заманчиво считать такое инфантилизированное отношение к нему вполне оправданным, а враждебные чувства пациента воспринимать как выражение негативного переноса. Фрейд, однако, высказал оптимистическую мысль: «Врач достаточно скромн, чтобы связывать высокое мнение о нем пациента с теми надеждами, которые он мог пробудить в последнем, и с тем, что благодаря лечению, удивительным образом принесшему прощение и освобождение, перед человеком открылись новые интеллектуальные горизонты».

Все же чистый экран аналитического подхода имеет очевидные преимущества, и не только в отношении проблемы переноса. Аналитическая нейтральность может блокировать спонтанность реакций терапевта, но она также может защитить пациента от садизма аналитика. Модель активной интервенции, если она противоположна нейтральности, может стать основой для нанесения намного более обширного вреда, чем любое другое техническое средство. Но существуют методы работы, в которых пассивность аналитика на деле может быть агрессивной, а классическая аналитическая ситуация содержит скрытые суггестивные элементы, которые могут быть манипулятивными.

Пациенты Фрейда подтверждают, что при работе с ним испытывали чувство безопасности. Фрейду, вероятно, лучше всего работало с теми пациентами, кто испытывал по отношению к нему разумное восхищение, кто осознавал привилегию находиться в присутствии великого человека. Некоторым людям Фрейд казался спасителем. Один человек высказал предположение, что без Фрейда он был бы неудачником или покончил жизнь самоубийством.

Но длительные анализы в течение многих лет способны приводить пациентов к ситуации регресса, для выхода из которой может потребоваться долгое время. Ранее Фрейд упоминал о «трудной задаче разрушения этого переноса, чтобы снова сделать пациента независимым». Можно предположить, что преодоление пациентом чрезмерно высокой оценки своего анализа является для аналитика естественным событием; но хотя Фрейд был «свободным и раскованным» как аналитик, он не ждал того же самого от других аналитиков. В 1930-х годах на небольшом совещании в доме Фрейда Хелен Дойч высказалась в том смысле, что к концу анализа было бы неплохо, если бы аналитик предпринял некоторые активные шаги для разрушения переноса. «Как? — спросил Фрейд. «Показав ему, что и аналитик несовершенен», — ответила она. «Вы имеете в виду показат, что не только пациент свинья, но и я тоже?» Однако пациентка, которой восхищался Фрейд, сообщает, что в определенный момент в анализе Фрейд укорял ее за потерю способности критически мыслить, требуя не поддаваться наиболее очевидным суггестивным опасностям его формы лечения.

Контрперенос

У Славы внимательный, цепкий взгляд. Челюсть неподвижна, будто закреплена. Он слушает лекции: вопросов не задает, не отвлекается. Лишь порой можно ощутить реакцию — отдаст должное ироничной фразе или нестертому слову. Однажды он попросил меня об инди-

видуальной встрече. Детство у Славы оказалось очень тяжелым. Отец пил и вследствие этой причины умер рано. Мама вынуждена была пойти работать, но дети еще маленькие, кто присмотрит. Нашли няню, но однажды, отлучившись с работы, мама застала в квартире не только своих ребят, но еще и других, словно в нагрузку. Няня, хватившая лишку, с трудом могла объяснить, что тут происходит. Пришлось с ней расстаться...

Слава, еще сам маленький, вынужден был оставаться за старшего. Няньчить младшего брата, следить за домом. Его детство не состоялось. Ребята, оценивая его вечную угрюмость, называли его «маленьким старичком». Слава научился плакать. Его рыдания никто не слышал, он привык плакать «в себя», не слышно. Лицо его приняло медальные очертания, застыло...

На встрече со Славой я провел с ним упражнение, в котором можно было бы вспомнить один из школьных дней. Текст, который я наговаривал, был настолько не совпадающим с жизнью Славы, что он заплакал. Это было едва ли не первые слезы в его жизни. Когда мы поднимались по лестнице, он попросил меня никому не рассказывать про эту его минутную слабость, про слезы.

С течением времени лицо Славы стало меняться. Оно утрачивало свою угрюмость, глаза приобрели особое выражение, в котором пряталась улыбка. Слава закончил наш университет, в котором я руководил кафедрой психологии. У него обнаружился литературный талант. Вот одна из его записей, которую я назвал «мантрой Славы»:

Человек приходит в этот мир чистым и невинным; широко раскрыв глаза, смотрит он на окружающее. Первые прикосновения, первые улыбки, первые шаги... Вскоре после рождения он начинает узнавать маму и папу, и мама — та, через которую он познает мир. Мама и есть для него — Мир, и отношения с матерью он переносит впоследствии на отношения с миром.

Он ведь не знает еще, что если мать кричит на него или от него уходит, он может замкнуться в себе и впоследствии отгородиться от мира; не знает этого, к сожалению, и мать. Он не знает, что если родители ссорятся, то не из-за него — и думает, что причина в нем, присваивая уродующего его сознание и последующую жизнь установку: «Я недостаточно хорош». Не знают этого и родители.

Сколь многое изменилось бы в нашем мире, если бы для начала каждый из родителей усвоил одну-единственную мысль: все, что нужно ребенку, — это любовь. Нежность и ласка, терпение и понимание, внимание и поддержка.

Сколь многие дети приходят в этот мир не по недоразумению, через не готовых к тому родителей, которые сами еще психологиче-

ски являются детьми? Родители эти не готовы взять на себя ответственность за собственные жизни — так что же говорить об ответственности за жизни детей? И так продолжается из года в год, из поколения в поколение — рождаются и умирают люди, увязнувшие в невежестве, не имеющие понятия о том, как сделать свою жизнь и жизнь своих детей счастливой.

Они продолжают совершать одни и те же ошибки, воспитывая детей в русле собственных ценностей, не желая замечать того простого факта, что сами они не удовлетворены своей жизнью, — но упорно вбивая подрастающим чадам свои ошибочные взгляды, уродуя и калеча их психику.

Ребенок приходит в этот мир чистым и невинным и полным любви.

Глаза его широко раскрыты, и сердце распахнуто навстречу миру.

Сможем ли мы сделать так, чтобы он сохранил свое здоровье и открытость, радость и откровенность? Сможем ли мы одарить его Любовью — раскрывая в его душе бесконечный источник Любви?

Станет ли он — Человеком?

Уже в 1910 г. Фрейд говорил, что ему известно о «контрпереносе», который возникает у аналитика «как результат воздействия пациента на его бессознательные чувства...». Фрейд был «почти что склонен настаивать на том, что (аналитик) должен осознавать этот контрперенос в себе и преодолевать его». В то время Фрейд считал, что самоанализа может быть достаточно для контроля пристрастий аналитика, хотя в 1920-х годах формальные учебные анализы для будущих аналитиков стали правилом. По крайней мере, в течение некоторого времени Фрейд полагал, что для аналитика «недостаточно... чтобы он сам был относительно нормальным человеком. Скорее следует настаивать на том, чтобы он прошел психоаналитическое чистилище...». Но нельзя полностью искоренить склонность к контрпереносу, как бы хорошо ни был обучен аналитик, ибо аналитик и пациент, как два человеческих существа, склонны взаимодействовать неожиданным и часто иррациональным образом.

Фрейд надеялся на то, что «интерпретации аналитика не будут зависеть от (его) черт характера и будут достигать цели». Фрейд знал, что личность аналитика «имеет значение» и что личностный фактор всегда будет играть в психоанализе большую роль, чем где-либо еще». Но его аналогии были некорректными, когда он, например, говорил об этом индивидуальном факторе как о чем-то «сравнимом с "поправкой на особенности личности астронома" в астрономических наблюдениях». Даже когда он признавал определенную ограниченность возможностей аналитического воздействия, он иногда основывался на утопических нормах; он допускал, что при лечении пациентов могут возникать «моменты, неправильно

воспринимаемые по некоторой личной причине — т.е. когда уровень аналитика намного ниже стандарта идеального аналитика». Однако, по крайней мере, под конец своей жизни Фрейд все же пришел к пониманию того, что особые условия аналитической работы приводят к тому, что дефекты аналитика становятся помехой для вынесения правильных суждений о состоянии пациента и правильного реагирования на них».

Хотя Фрейд указал на существование контрпереносных чувств, он не развивал эту мысль. Возможно, его точка зрения заключалась в том, что единственными важными эмоциональными затруднениями были эмоциональные проблемы у его пациента, а не его собственные. Возможно, нынешний интерес к контрпереносу чрезмерен, но Фрейд пришел к другой крайности. Он считал перенос одним из видов ошибки, которая по логике не должна была иметь место у аналитика. Фрейд однажды сказал: «Этот контрперенос должен быть полностью преодолен аналитиком; лишь это сделает хозяином психоаналитической ситуации...»

Психоанализ в наши дни не требует столь полного успеха, но если аналитик становится серьезно подвержен контрпереносу, его пациент... является не реальным объектом, а используется лишь в качестве случайного инструмента для решения конфликтной ситуации самого аналитика. Следовательно, будут иметь место помехи «способности аналитика понимать, реагировать, обращаться с пациентом, интерпретировать правильным образом».

Наиболее обширная фрейдовская история случая заболевания, хотя была написана как реакция на его полемику с Адлером и Юнгом, дает нам некоторое глубинное понимание его политики как клинициста. Так называемый «человек-волк» находился на лечении у Фрейда с 1910 по 1914 г., после безуспешных попыток терапии другими методами. Хотя выбранное для него Фрейдом имя может напоминать о человеке-оборотне, в действительности история такова: будучи маленьким ребенком, пациент чрезмерно боялся волков. Фрейд лечил его от тяжелых ограничений дееспособности в зрелом возрасте, но в истории случая описывается детская фобия этого человека. Таким образом, Фрейд пытался доказать не то, что особая значительность для пациента периода детства была не продуктом невротического желания убежать от реальности сегодняшнего дня, а скорее то, что структура инфантильного невроза может быть понята на языке теории влечений Фрейда.

В период анализа пациент был богатым русским помещиком; позднее в результате революции в России он потерял свое состояние. В 1918 г. он возвратился в Вену, и Фрейд посоветовал ему продолжить анализ, который длился несколько месяцев (и был бесплат-

ным). В 1920-х годах человек-волк обвинил Фрейда в том, что тот посоветовал ему не возвращаться в Россию, чтобы спасти его имущество. (Фрейд считал такое желание сопротивлением против повторного анализа.) Однако неясно, было ли какое-либо основание для этой жалобы. Приспосабливаясь к новому материальному положению, человек-волк устроился на скромную должность в венскую страховую компанию и с этого времени стал частью психоанализа.

После двух анализов у Фрейда человек-волк прошел два дополнительных анализа у Рут Мак Брунсвик. После Второй мировой войны он проходил лечение еще у двух аналитиков в Вене. Он поддерживал контакты еще с некоторыми аналитиками, интересующимися ранней деятельностью Фрейда, и в течение последних 15 лет каждое лето к нему приезжал аналитик из Америки для проведения с ним ежедневных сессий. Потом вышел в свет сборник его автобиографических эссе о детстве и более поздних годах жизни, в сборник вошли воспоминания о Фрейде, фрейдовское описание знаменитой истории случая заболевания и дополнение к этому описанию, сделанное Рут Мак Брунсвик, а также Мюрисл Гардинер о человеке-волке.

Из всего этого материала самым интересным до сих пор остается блестяще написанная и глубокая история случая заболевания, написанная Фрейдом. Он характерным образом анализирует детское расстройство, основываясь на воспоминаниях взрослого человека, и демонстрирует громадное уважение к запутанностям детской картины мира. Фрейдовские толкования сновидений выполнены мастерски, а его реконструкция первых лет жизни человека-волка если не убедительна, то, по крайней мере, представляет для того времени смелый набор гипотез. Справедливо утверждение, что «подлинная история, описанная посредственным писателем, будет казаться вымышленной, тогда как самая неправдоподобная история, вышедшая из-под пера великого мастера, может казаться подлинной». Типичным образом Фрейд воспринимал человека-волка как опутанного амбивалентными конфликтами со своим отцом и со всеми последующими отцовскими заместителями. Фрейд считал, что страх пациента перед отцом и одновременно желание получения от него сексуального удовлетворения доминировали в последующей жизни человека-волка. (Однако Фрейд странным образом игнорировал взрослую практику человеком-волком анального полового акта.)

Фрейд объявил об «окончательном прояснении» симптомов человека-волка в 1914 г. и сказал, что «распростился с ним, считая его излеченным». Однако Фрейд — в отличие от некоторых своих более поздних учеников — допустил возможность того, что у пациента с таким тяжелым расстройством, как у человека-волка, «пси-

хоаналитическое лечение не может произвести никакой немедленной революции или привести его к уровню нормального развития: оно может лишь устранить препятствия и расчистить путь, так что жизненные воздействия могут позволить дальнейшее развитие вдоль более предпочтительных линий».

Первоначальное четырехлетнее лечение Фрейдом человека-волка было необычно длительным для того времени, и если бы Фрейд был просто скрупулезным исследователем, нетерпимым к любой иррациональности, он никогда бы не завоевал пожизненную благодарность со стороны этого пациента. Несмотря на собственный атеизм и убеждение, что в основе всех религий лежат амбивалентные чувства к отцу, Фрейд в полной мере признавал полезность религии в ранний период жизни человека-волка. (Фрейд однажды написал Пфистеру: «С терапевтической точки зрения, я могу позавидовать Вашей возможности сублимации, которую представляет религия».) Кроме того, будучи поражен воспоминаниями человека-волка о его чувствах в связи с самоубийством единственной сестры, ему в голову приходили мысли о том, насколько большую сумму денег он унаследует теперь от своих родителей — Фрейд великодушно интерпретировал эту жадность как защиту от других чувств, которые в это время были для него непереносимы.

Рут Мак Брунстик была одной из наиболее талантливых учениц Фрейда, и в 1926 г. Фрейд направил к ней человека-волка, когда тот все еще страдал от параноидной бредовой идеи по поводу своего носа. Как психиатр, особо интересующийся психозами, она предположила, что, возможно, первый анализ человека-волка Фрейдом «лишил его обычных невротических способов решения», сделав возможными более примитивные типы реакций. Она считала, что утрата пациентом душевного равновесия в середине 1920-х годов была вызвана серьезным раковым заболеванием Фрейда, и это наводило на мысль, что несмотря на цели анализа человек-волк не освободился от влияния личности Фрейда.

История случая заболевания человека-волка, написанная Брунстик, богата искусными толкованиями сновидений; однако при ретроспективном рассмотрении она задается вопросом о том, насколько, при всем ее интересе к событиям детства человека-волка, ей удалось понять собственные чувства по отношению к нему. Ясно, что, направляя к ней этого знаменитого пациента, Фрейд делал ей личный подарок, подтверждая ее высокую репутацию в его глазах и приглашая написать дополнение к его собственному длинному эссе. В анализе она умышленно подрывала фантазии человека-волка о его положении в качестве любимого сына Фрейда; она подчеркивала исключенность пациента из социальной жизни Фрейда, чисто профессиональное от-

ношение Фрейда к своему бывшему пациенту, отсутствие у человека-волка сведений о семье Фрейда, а также тот факт, что другие пациенты лечились у Фрейда длительное время. Помимо своих профессиональных целей, Рут Брунстик, которая сама длительное время была пациенткой Фрейда, возможно, испытывала интенсивные чувства соперничества по отношению к человеку-волку. Ее взаимоотношения с Фрейдом были столь близкими, что ей было трудно понять, какую роль они играли в лечении ею данного пациента.

Поразительно, но то, что, вероятно, было главным романом в жизни человека-волка, его роман с Фрейдом и психоанализом, остается необсужденным и непроинтерпретированным. В воспоминаниях о своем детстве у человека-волка вызывал недоумение тот факт, что «без какого-либо усилия с моей стороны я столь легко отказался от своей религии. Встает вопрос о том, что заполнило создавшийся таким образом вакуум?». Человек-волк высказывает предположение, что, возможно, заполнить этот вакуум могли литература или живопись, однако не упоминает свое продолжавшееся всю взрослую жизнь погружение в психоанализ.

Человек-волк писал статьи по философии и искусству. Основываясь на психоаналитической точке зрения; он даже продал несколько своих картин аналитикам. Годами Фрейд собирал деньги для этого своего бывшего пациента, который, по словам Рут Брунстик, «столь хорошо послужил теоретическим целям анализа». (Возможно, Фрейд также испытывал некоторое чувство вины по поводу потери человеком-волком имущества.) Эти деньги шли на оплату квартиры и медицинских счетов, благодаря им человек-волк мог совершать короткие путешествия. Даже теперь, когда из-за преклонного возраста его жизнь стала менее гармоничной, описание переживаний, связанных с Фрейдом, придает ей смысл.

Мюрисл Гардинер утверждала, что «анализ Фрейда спас человека-волка от ущербного существования, а повторный анализ д-ра Брунстик помог ему преодолеть серьезный острый кризис, что в целом позволило человеку-волку прожить длинную и достаточно здоровую жизнь». Однако в отличие от некоторых своих учеников Фрейд был в достаточной мере ученым, чтобы интересоваться как терапевтической неудачей, так и успехом, поэтому вполне в духе Фрейда будет, рассказывая о тех преимуществах, которые человек-волк получил от психоанализа, упомянуть и о тех затруднениях, которые он так и не смог преодолеть. Он добился большего прогресса в лечении у Фрейда, чем у других врачей того времени, но можно ли утверждать, что в конечном счете ему помог аналитический инсайт, или же, скорее, непрестанная эмоциональная поддержка со стороны Фрейда и психоаналитического движения.

Желая учиться на своих ошибках, Фрейд написал подробный отчет о терапевтическом тупике — случае, известном под названием «Дора». Фрейд заключил: «Я не знаю, какую помощь она хотела от меня получить, но я пообещал простить ее за то, что она лишила меня возможности помочь ей достичь намного более радикального решения ее проблем».

Трудно реконструировать клиническое протекание данного случая заболевания, так как Фрейд выбрал «фрагментарный способ представления» материала, акцентируя лишь некоторые особые проблемы, над которыми он в то время работал. Например, обсуждая проблему телепатии, Фрейд дважды упоминает о случае, когда он активно вмешивался в дела своего пациента по поводу его брака, что в наше время могло бы показаться странным. Фрейд писал: «...молодой человек, (который) обратился ко мне, произвел на меня особо благоприятное впечатление, так что я отдал ему предпочтение перед многими другими». Этот пациент имел длительную связь с женой своего брата (в своей публикации Фрейд называет ее «замужней леди из его ближайшего окружения»). Как сказано в истории данного случая, с помощью анализа пациенту удалось освободиться от текущей связи с девушкой из более низких слоев общества, которая «служила ему лишь мальчиком для битья, чтобы удовлетворять чувства мести и ревности, которые в действительности относились к другой даме». Затем данный пациент влюбился в свою племянницу, дочь своей бывшей любовницы. Когда пациент решил жениться на этой девушке, Фрейд, который мог с легкостью отвергать ценности среднего класса, «поддерживал его намерение, так как это давало возможность выхода, хотя и необычного, из затруднительной ситуации».

Девушка, однако, противилась предложению своего дяди. Поэтому Фрейд порекомендовал ей пройти анализ. (Согласно собственному описанию Фрейда, «было принято решение, что она должна быть проанализирована».) Аналитику девушки (Хелен Дойч) Фрейд сказал, что в данном случае имеет место секрет и что, когда он будет открыт аналитиком, она должна сообщить о нем Фрейду. Примерно через неделю Дойч возвратилась с новостями, что раскрыт не только этот секрет, но что был еще один секрет, о котором Фрейд не знал.

Молодой девушке действительно было известно о длительной связи между ее ухажером и ее матерью. Это было как раз то, что Фрейд хотел узнать. Но он не знал о фантазии девушки, будто она сама была плодом незаконной связи между ее дядей и матерью, что полностью объясняло ее сомнения по поводу вступления в ним в сексуальные отношения. (Фрейд писал: «Девушка обладала полным бессознательным знанием взаимоотношений между своей матерью и своим женихом и испытывала к нему привязанность лишь по

причине своего эдипова комплекса».) После оценки Фрейдом внутреннего мира девушки он отказался от идеи этого союза.

Однако, готовя описание данного случая для публикации, Фрейд старался скрыть, несомненно из осторожности, семейную связь между партнерами в предполагаемом союзе. Но в самом конце описания данного случая мы видим возвращение вытесненного. Согласно Фрейду, пациент в конечном счете выбрал себе в жены «приличную девушку вне семейного круга...». До этого момента Фрейд никоим образом не намекал на то, что какие-либо из любовных связей пациента имели место внутри «семейного круга». Относительно того, что Фрейд хотел сказать по поводу телепатии, — ранее его пациент проконсультировался у графолога — описание Фрейда было достаточно полно, но как история случая данное описание осталось лишь изысканным литературным наброском. Все это свидетельствует о том, сколь активным был Фрейд в качестве врача. Как он однажды написал, то, что «может достичь пациент, зависит также от комбинации внешних обстоятельств. Должны ли мы сомневаться относительно собственного вмешательства с целью изменить эту комбинацию?». Однако сокрытие Фрейдом деталей семейных взаимоотношений делает фактически невозможным понимание того, что же происходило на самом деле.

В 1915 г. Фрейд провозгласил в качестве принципа то, чему он не всегда мог сам следовать. Прежде чем продолжить описание другого случая он написал в скобках: «Я должен сознаться, что в данном случае изменил окружение людей, о которых идет речь, чтобы сохранить их инкогнито, но больше я ничего не изменял. Я считаю ошибочной практику изменять какую-либо деталь в описании случая, сколь бы уважительны ни были мотивы этого. Никогда нельзя сказать, какой аспект случая может заинтересовать читателя с независимым суждением, и подвергаясь риску ввести его в заблуждение».

А в 1924 г. Фрейд добавил построчное примечание к одному из своих самых ранних случаев заболевания, когда искадил материал: «Катерина была не племянницей, а дочерью... Девушка заболела из-за сексуальных домогательств со стороны собственного отца. Искращения, подобные сделанным мною в данном случае, должны быть полностью исключены при сообщении истории болезни».

Однако сколь бы большой вред ни могли нанести искажения клинических случаев научному будущему психоанализа, движению Фрейда пришлось бы столкнуться с еще большими трудностями, если бы можно было показать, что терапевтическая техника оказывает негативное воздействие. Фрейд признавал законность вопроса, может ли психоанализ нанести вред. «Если нож не может резать, его также

нельзя использовать в целях лечения». Но так же как психоанализ может принести лишь ограниченную пользу, точно так же, по мнению Фрейда, он может причинить лишь ограниченный вред. Подобно хирургии, он причиняет боль для конструктивной цели; кроме того, Фрейд утверждал: «Деятельность необученного аналитика приносит меньше зла его пациентам, чем деятельность неумелого хирурга... Я считаю, что не следует опасаться тяжелых или постоянных ухудшений патологического состояния, даже при неумелом использовании анализа. Неблагоприятные реакции прекращаются спустя некоторое время... Дело просто в том, что неподходящая попытка излечения не принесла пациенту ничего хорошего».

Фрейд был уверен, что «не следует опасаться причинить пациенту какой-либо вред, если лечение проводится с должным пониманием». Тем не менее аналитикам известны пациенты, состояние которых ухудшается под воздействием лечения. Фрейд считал, что такие пациенты испытывали сильные мазохистские стремления, которые одержали верх над аналитической целью; для характеристики их состояния он изобрел категорию «негативная терапевтическая реакция».

Даже подробный список причин неудачного хода психотерапии нельзя считать окончательно утвержденным, он в любой момент может быть подвергнут дополнительному пересмотру. При оценке проблем техники супервизирующие аналитики часто ссылаются на ригидность в подходе аналитика как на причину большинства психоаналитических затруднений. Могут накапливаться негативные переносы или же может установиться не поддающаяся лечению негативная терапевтическая реакция; если аналитик чувствует свое бессилие, лучше не занимать на этот счет оборонительную позицию, а честно сказать об этом пациенту. Здесь всегда будет играть роль характер конкретного аналитика. Аналитик, который не страдает чрезмерным нарциссизмом, может рекомендовать пациенту лечение у другого практикующего врача.

В ранний период работы аналитиком Фрейд мог быть недостаточно осторожным в обращении с собственным творением, однако его ошибки часто являлись издержками техники. Воздействие Фрейда в качестве врача могло быть громадным. Он знал свою силу: «Я обнаружил у себя одну крайне важную черту: разновидность смелости. На которую не влияют условности». Его замечания на всю жизнь оставались в памяти пациентов. Замечание, высказанное им в конце короткого трехмесячного анализа перед Первой мировой войной, весьма характерно: он похвалил пациентку и сказал, что ему нравилось с ней работать, потому что она, как только что-

то понимала, сразу старалась это использовать. Фрейд утверждал, что его пациенты по существу обладают здоровой психикой, что, подобно ему, они будут получать пользу от критики, когда она необходима. В одном письме Фрейд заметил: «...наилучшие условия для (психоанализа) существуют, когда в нем нет надобности — т.е. среди здоровых людей».

Несмотря на глубинное погружение в «подземное царство» бессознательного, Фрейд сохранил свойственную философам века Просвещения веру в силу разума. «Ничто в жизни не является столь дорогостоящим, как болезнь — и тупость». Для Фрейда идеал исследователя полностью соответствовал идеалу аналитика:

То, что сообщается пациенту, никогда не должно быть вызвано спонтанным аффектом, но должно всегда сознательно выделяться, а затем в большей или меньшей мере сообщаться пациенту, когда это необходимо. Иногда очень много, но сообщаемые сведения никогда не должны обуславливаться собственным Без (бессознательным). Такова формула. Другими словами, всегда необходимо помнить о собственном контрпереносе и преодолевать его. Лишь тогда человек становится свободным.

Фрейд начал свою работу со сновидениями, считая, что «толкование сновидений похоже на окно, сквозь которое мы можем получить мимолетное впечатление о внутренности этого (психического аппарата)». Хотя с течением времени менялись как терминология, так и понимание Фрейда, его базисный рациональный склад ума оставался тем же самым. В «Толковании сновидений» он писал, что «психотерапия не может следовать никаким другим курсом, кроме приведения Без (бессознательного) под власть Пез (предсознательного)». Знаменитые слова, сказанные им в преклонном возрасте: «Там, где было Ид, должно стать Эго».

«Основным инструментом» психоаналитического лечения были «слова», через достижение рационального осознания пациент мог достичь умения владеть собой. Фрейд, как мы видели, в конечном счете стремился скорее к внутренней перестройке жизни пациента, нежели к какому-либо бихевиоральному показателю изменения:

Невроз представляется результатом некоторого неведения... Знание... не всегда является одним и тем: есть разные виды знания, которые далеко не равнозначны психологически... есть также разные виды неведения... Нам требуется лишь добавить, что знание (о психоанализе) должно основываться на внутреннем изменении в пациенте...

Когда Фрейд занялся проблемами социальной философии, он сказал (в соответствии со своей верой в терапевтическую мощь рациональности), что идеальным будет, конечно же, сообщество людей, которые подчинили свою инстинктивную жизнь диктату разума».

Фрейд первоначально считал, что психоанализ является «искусством толкования». Со временем его интерес постепенно сместился со специфического воспоминания событий и сосредоточился на сопротивлениях пациента. Он утверждал: в 1890-х годах «моя точка зрения заключалась в том (хотя я впоследствии понял, что она была неверной), что моя задача будет выполнена, когда я сообщу пациенту скрытый смысл его симптомов...». Фрейд заключил, что «пациент не получает никакой выгоды, когда врач напрямую конфронтирует пациента с его комплексами...». Однако даже в 1920-е годы мы можем встретить у Фрейда такую ошеломляющую пациента реконструкцию, которая делает его неспособным к продолжению лечения. «Экстравагантный рассказ Фрейда о событии, о котором я никогда не подозревала (по крайней мере, на уровне сознания), оказался верным... Фрейд переоценил меня. Он полагал, что может рассказывать мне все что угодно».

Фрейд хотел от людей максимума возможного, и его неявно выраженный наказ всегда состоял в том, чтобы предпринимать больше усилий, быть лучше в следующий раз. Пациент однажды купил за четырнадцать долларов чудесную книгу о Риме и показал ее Фрейду, который согласился, что книга превосходная. «Смотрите, чтобы вы оказались достойны этой книги!» — сказал он. Несмотря на свои моральные установки, Фрейд мог быть прагматиком, и тому же самому пациенту он говорил, что мастурбационные фантазии в половом акте допустимы, если они содействуют гетеросексуальности.

Анализ означал вскрытие проблем по частям. «Единство этого мира казалось мне чем-то само собой разумеющимся, чем-то не стоящим того, чтобы останавливать на нем внимание. Что интересует меня, так это разъединение и разделение на составные части того, что в противном случае сливается в одно целое в первозданной бесформенной массе». В противоположность типу лечения, который предпочел Юнг, Фрейд утверждал, что «в технике психоанализа нет надобности в какой-либо особой синтетической работе; индивид осуществляет ее для себя лучше, чем это можем сделать мы». Фрейд считал необходимым дать ответ тем людям, которые опасались, «что пациент может получить чрезмерно большое количество анализа и слишком малое — синтеза...». Он полагал, что «психосинтез... достигается во время аналитического лечения без нашего вмешательства, автоматически и неизбежно». В психоанализе имплицитно присутствовала свойственная ему этика. Как Фрейд

однажды сказал пациенту, «моральное Я является сознательным, дьявольское Я — бессознательным». (Своим читателям он объяснил, что это лишь приблизительно верно.) В другом месте читаем:

Мы освободили сексуальность посредством нашего лечения, однако не для того, чтобы человеком, начиная с этих пор, управляла сексуальность, а для того, чтобы сделать возможным подавление — отказ от инстинктов под руководством высшей силы... Мы пытаемся заменить патологический процесс отвержением.

Фрейд воспринимал аналитическую ситуацию как «борьбу между врачом и пациентом, между интеллектом и инстинктивной жизнью, между пониманием и попыткой действовать...».

Механизм идентичности

*Я разный —
я натруженный и праздный.
Я целе —
И нецелесообразный,
Я весь несовместимый,
неудобный,
застенчивый и наглый,
злой и добрый.*

Евгений Евтушенко

Самочувствие моего пациента еще незавялое. Он находится пока на попечении кардиологов: месяц назад перенес микроинфаркт. Судя по всему, лечиться придется еще долго. Однако настало время и для психологической реабилитации. Воспоминания, травмировавшие его, еще не стерлись. Медперсонал жалуется: опять отказался от еды... Каждого, кто заходит в палату, старик встречает враждебно. Разглядывает прищурясь, точно берет на пробу... Но чаще агрессивность сменяется полной апатией. Лежит на спине, закрыв глаза, то ли спит, то ли вообще устал от этого кошмарного мира.

Тогда было праздничное ликующее утро. Однополчане звонили, спрашивали про здоровье. Кое-кто оказался в Москве. Интересовались, пойдет ли он на парад. Старик ухмылялся: отчего же не пойти, ноги, слава Богу, еще носят. Разглаживал китель. Открывал коробку с орденами. Накануне решил прогуляться с друзьями к Поклонной горе, покрасоваться среди таких же, как и он сам...

В парке столкнулись с группой подростков. Выглядели вполне благопристойно, ясное дело, не из шайки. Их, спешащих, только раздражало, что вся аллея перекрыта ветеранами. Когда поравнялись, один из них с вызовом спросил:

— Эй, солдат, не надоело носить железки? Небо-то мирное... Сгупай к Вечному огню, там и погрей старые кости...

В другое время старик, может быть, и не обратил бы внимания на эти обидные слова. Сколько раз, предъявляя удостоверение, он слышал в очередях колкие реплики. Но в этот день — и такое. Железки... Между прочим, у него два ордена Боевого Красного Знамени. Старик развернулся, чтобы сказать обидчику несколько яростных слов, и рухнул на молодую траву...

«Скорая», слава Богу, прибыла во-время: к ветеранскому дню готовились основательно. Кардиограмма в целом неплохая. Только в душе пациента произошли перемены, потребовавшие психологического целительства. За несколько дней он превратился в невротика, который утратил привычные представления о мире, о себе самом, о людских связях...

Психологи знают, как важно для самоощущения человека глубинное представление о самом себе. Это внутренне устойчивое ядро служит ему жизненной опорой. Человек постоянно задает себе вопрос: кто я? Всю жизнь он корректирует тот образ, который складывается в его сознании. Разумеется, реальность вносит серьезные поправки в самоопознание. Юноше не стоит воображать себя аксакалом: известно, что молодые люди стараются быстрее освоить взрослые роли, в том числе и почтенные. Поэт заметил: «Смешон и ветреный старик». Не сразу человек ощущает печать возраста. Да и ценности внутри общества меняются. То, что было значимым, ветшает...

Человеку патриархальной культуры легче приспособиться к наличному порядку вещей. Традиция закрепляет не только внутренний образ, но и способы реализации жизненных представлений. Однако коловорот образов — норма общественной жизни, где все-таки обнаруживается динамика. Приходится приспосабливаться к новому возрасту, профессиональному занятию, смене общественных ролей.

Жить на семи ветрах не только опасно. Возможности человеческой психики не беспредельны. Когда рушатся привычные связи, трудно оставаться самим собой. Одно из занятий психотерапевта — помочь пациенту обрести более устойчивый образ самого себя, особенно в условиях массового невротизма. Однако здесь возникают свои проблемы. Вот, скажем, мой пациент, перенесший инфаркт. Какой образ желательно сформировать в его психике? Тот, прежний, который помогал жить, или новый, адаптированный к иным ситуациям? Корректировка образов нередко происходит стихийно. Но она может оказаться и прудумывленной.

Кстати, геронтологи, ищущие тайну долголетия, сделали парадоксальный вывод: что касается, скажем, Грузии, то здесь продолжительность жизни напрямую зависит от национальной традиции. Откровение

в том, что устойчивость психики — залог психического здоровья. Старость здесь никогда не считается ни смешной, ни эксцентричной, ни презренной. «Мои года — мое богатство...» Что бы ни случилось, образ почтенного, житейски зрелого, выдавшего виды человека остается стойким. Это важно не только для уникальности самой культуры. Оказывается, это средство сохранить в каждой отдельной душе покой, благоденствие, примиренность с ходом времени...

Александр Лоуэн начинает свою книгу «Предательство тела» так:

Обычно люди не спрашивают себя: «Кто я?» Человек принимает свою личность как нечто само собой разумеющееся. У каждого есть удостоверение личности, по которому его можно идентифицировать. Сознанием человек знает, кто он, но существует более глубокая проблема отождествления. На грани сознания человека тревожит неудовлетворенность, он испытывает беспокойство по поводу принятия решений и мучается чувством, что жизнь «упущена». Когда неудовлетворенность перерастает в отчаяние, а небезопасность становится паникой, человек начинает задавать себе вопрос: «Кто я?»¹

Мне кажется, что Лоуэн не прав. Разумеется, можно предположить, что человек имеет какое-то относительно целостное представление о себе. Он, скажем, не сомневается в том, что он мужчина или женщина, молодой или старый, женатый или холостой. Но вопрос «кто я?» возникает отнюдь не только в критической ситуации, когда, по словам А. Лоуэна, разрушен «фасад», с которым он был отождествлен. Человек постоянно и мучительно задает себе вопрос: «кто я?» Даже ребенка беспокоит, каков он и чем отличается от других. Поразительно, что он даже может отождествлять себя скорее с животным, нежели с человеком. Это ли не свидетельство постоянно возникающих ситуаций, когда надо снова и снова уточнять свой образ?

Допустим, девочка гордится тем, что она не мальчик, а именно девочка. Но сколько может продержаться такое представление? Она растет, становится барышней, и то же самое ее личностное ядро снова испытывает преобразования. Потом она вдруг влюбилась, и теперь ее гордость за принадлежность к женскому полу приобретает иное содержание.

Классический психоанализ исходил в целом из представления о конфликте личности и общества. Разделяя фрейдистские воззрения на бессознательное, Эриксон раскрывал биосоциальную природу и адаптивный характер поведения человека. В качестве центрального, интегративного понятия у него выступает идентичность. Это слово

¹ Лоуэн А. Предательство тела. Екатеринбург, 1999. С. 7.

в психоанализе выражает психологическое самоощущение человека. Оно показывает, как личность воспринимает индивидуальную самостождественность и целостность.

В работах Э. Эриксона основное внимание уделяется психосоциальной идентичности. Так он обозначает совокупность базовых психологических, социально-исторических и экзистенциальных характеристик личности. Каждому человеку весьма трудно составить ясное представление о себе самом. Ведь его внутренний мир противоречив.

Никому не дано раскрыть внутреннее ядро своей личности. Казалось бы, чего проще? Повторим вслед за И. Бродским: «Что, в сущности, и есть автопортрет — бег в сторону от собственного тела». Но как сделать такой шаг? Нас одолевают различные страсти, мы сотканы из иллюзий. Одна из персонажей кинофильма «Покровские ворота» говорит: «Я вся такая несурзная, угловатая, такая противоречивая, и вся такая внезапная...»

В своих работах Эриксон показывает, как сопрягаются психологические и социальные параметры человеческого бытия. Внутренние запросы взыскательной, растущей личности примеривают себя к духовному содержанию исторического времени. Но лишь в редкие миги голос, идущий из глубин естества, выражает состояние напряжения и восторга, когда человек может сказать: «Это Я». Только так достигается психосоциальная идентичность.

Это ощущение самого себя субъективно воспринимается как «чувство непрерывной самостождественности». Но чтобы личность переживала себя как целостную, неразъемную, она соотносит себя с многочисленными социальными связями. Но ведь социальная среда постоянно меняется. Как удержать собственный образ? Есть только одна возможность: нужно формировать новую идентичность взамен той, которая уже не соответствует социокультурным условиям.

Эгопсихология — одно из направлений, которое направлено на изучение человеческого Я (Эго). Когда Фрейд раскрывал структуру личности, он показал, что Эго находится под тяжким игом бессознательного и Сверх-Я. Уже А. Адлер поставил вопрос: если Эго столь мощно детерминировано, то о каком реальном содержании Я можно говорить. С этого времени психология бессознательного внутри психоаналитической традиции вытесняется психологией Я.

Эгопсихология как самостоятельное направление родилось в конце 30-х годов. Идеи А. Фрейда и Х. Хартманна нашли отклик в трудах Р. Спиза, М. Малера, Э. Эриксона и других психологов. Едва возникнув, эгопсихология стала сразу изучать защитные механизмы Я. Особое внимание эгопсихологи уделяли проблемам «оживления» человеком реальных социальных и культурных условий человеческой жизни. Эго всегда рассматривалось при этом как инструмент индивидуальной адаптации личности.

По сути дела, Э. Эриксон открыл роль целостности Эго при адаптации человека к культуре, к социуму. До сих пор психоанализ мало внимания уделял приспособлению к реальности. Он интересовался в основном патологией индивидуального развития. Меньше его привлекали механизмы эффективного функционирования человека в конкретной культуре и конкретной эпохе.

Развитие Эго представляет собой процесс усиливающейся интеграции и дифференциации психического аппарата, который продолжается в течение всей жизни человека. Однако он может быть прерван в случае невроза или психоза уже в период эдипова комплекса. Еще одна значительная консолидация обнаруживает себя в конце подросткового периода. Менее значительные упрочивания происходят и в последующие периоды жизни.

Однако не следует рассматривать социализацию как линейный, спокойный процесс. В его развитии есть паузы и откаты. Позднейшие консолидации сменяются временем относительной дезорганизации Эго, которая влечет за собой необходимость реорганизации.

Эриксон назвал некоторые подобные периоды регрессии Эго, — пишет Г. Левадьд, — с последующим образованием новых консолидаций «кризисами идентичности». С этой точки зрения анализ можно считать вмешательством с целью стимуляции развития Эго, независимо от того, осуществляется ли он при относительной задержке в развитии или в тех случаях, когда это развитие, по нашему мнению, носит здоровый и полноценный характер. Подобное достигается при помощи управляемой агрессии, которая представляет собой важный аспект понимания сущности невроза переноса¹.

Эриксон вводит понятие «диффузия идентичности». Он обозначает этими словами слабоинтегрированные представления человека о своей личности, нестойкие зыбкие отношения индивида с другими людьми. Диффузия идентичности фактически является синдромом пограничной организации личности, который не так заметен при менее тяжелых патологиях характера. У невротических пациентов «диффузия идентичности» выражает прямое следствие активного расщепления интроекций (т.е. включением индивидом в свой внутренний мир фрагментов внешнего мира — образов, взглядов, мотивов, установок других людей) и идентификаций. Но именно синтез интроекций и идентификаций (т.е. уподоблений себя другим) обычно приводит к образованию стабильного и целостного Эго.

Если проводить различие между психотическими, пограничными и невротическими пациентами, то можно утверждать, что у психотиков (психотик — человек, у которого нарушена связь с реаль-

¹ Левадьд Г. О терапевтической работе в психоанализе // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000. С. 302.

ностью) Эго развито намного слабее. Образы себя и объектов в основном смешаны друг с другом. Соответственно границы Эго у них носят неопределенный характер. Пограничные пациенты обладают более целостным Эго, чем психотические.

Они называются пограничными, потому что находятся между неврозом и психозом. Образы себя и объектов у пограничных пациентов в основном отделены друг от друга. Границы Эго выражены у них достаточно четко во всех ситуациях, кроме случаев тесных межличностных контактов. У них обычно присутствует синдром диффузии идентичности.

Невротические пациенты обладают сильным Эго, в котором образы самого себя и объектов полностью отделены друг от друга и четко обозначены границы Эго. Синдром диффузии идентичности у них не выражен. У них развито стабильное Эго с уровнем интеграции, деперсонификации, индивидуализации структур Эго, зависящих от состояния объектных отношений. Их Сверх-Я может быть угнетающим и садистским, но обладает достаточной степенью интеграции для обеспечения условий развития Эго и хотя бы частичной возможности бесконфликтного функционирования психики.

Эриксон не ставит под сомнение роль сексуальности в возникновении психических расстройств. Но он полагает, что изучение идентичности становится такой же важной проблемой, какой она была в эпоху Фрейда. Психоанализ, по мнению Эриксона, мог сказать лишь немного по поводу того, каким образом, исходя из социальной организации, осуществляется или нарушается синтез Я.

Первые работы Эриксона были связаны с так называемым игровым анализом. Затем у него сложились тесные исследовательские связи с американскими антропологами. Он начал полевое исследование индейского племени сиу. Некогда это были могучие укротители мустангов и охотники на бизонов. После исторической катастрофы, которая разразилась в середине XIX в., представители сиу стали жить в резервациях.

Здесь у творчества Эриксона складывается психонисторическое мышление. Он творчески применяет изучение психологических факторов при осмыслении истории. Эриксон соблюдает корректное отношение к выработанным Фрейдом понятиям. Однако вместе с тем он придает немаловажное значение и историко-культурным феноменам. Психоаналитическая интерпретация истории постепенно становится модой.

Чтобы понять сущность психонисторического метода Эриксона, поставим вопрос: как сказывается на динамике исторических процессов устремленность в будущее? Ответ кажется ясным. Безусловно, ориентация на грядущее содействует историческому прогрессу, раскрывает возможности общественного развития. Именно так

сложилась европейская история. Идеал социальных отношений обычно усматривался на Западе в будущем. Отсюда характерные для европейской истории войны и социальные катаклизмы.

Иначе воспринимается история в восточных культурах. Здесь ощутима ориентация на прошлое, на традиции. В современном Китае человек, предложивший какое-то техническое или социальное нововведение, не приписывает его себе лично. Он пытается доказать, что это придумал не он, а некие социальные герои прошлого. Только так можно присягнуть ее величеству Традиции.

Но какой путь более продуктивен? Европейский? Но он оказался чреватым потрясениями и катастрофами, которые, возможно, перечеркивают достоинство устремленности в будущее. Восточный? Но он несет в себе иную опасность — склонность к патриархальности, архаике. Да, уважение к традиции не развязывает разрушительные силы истории. Но зато парализует прогресс...

Изучая образ жизни в двух индейских племенах, Эриксон приходит к неожиданному выводу: идеального сценария для исторического процесса нет, каждый народ вырабатывает собственную стратегию выживания...

Идентификация с агрессором — это такой защитный механизм, который реализует тенденцию к имитированию того, что пациент воспринимает как агрессивную и устрашающую манеру внешнего авторитета. Маленькие дети, которые только начинают обучаться контролю за своими собственными импульсами, часто прибегают к подражанию, подвергают суровой критике своих сверстников или даже выставляют в карикатурном свете своих строгих родителей. Пациенты также могут маскировать свой страх перед каким-то авторитетом, усваивая гиперкритическую манеру, присущую этому авторитету.

Другие механизмы

Соппротивление — общий термин, относящийся ко всем силам в психике пациента, которые противодействуют психотерапевтической работе, связанной с неизбежностью болезненных ощущений. Существуют различные категории сопротивления, включающие общий страх перед любым изменением, слишком «жесткое» сознание, которое наказывает пациента непрекращающимися невротическими страданиями, а также настойчивое влечение к удовлетворению детских импульсов, которые формируют эмоциональный компонент заболевания. У пациента может возникнуть эротический трансфер по отношению к терапевту, и пациент надеется больше на удовлетворение его желаний, чем на понимание. У пациента может

возникнуть трансфер, исполненный ненависти, и желание унижить терапевта, вместо того чтобы попытаться понять источники своей агрессии. Два последних примера — это две особые формы сопротивления, называемого трансферным сопротивлением. Другой вид сопротивления является результатом страха, испытываемого перед опытом выражения мощных детских импульсов, которые терапия может открыть.

Удовольствия, связанные с отреагированием чувств, могут также способствовать сопротивлению при лечении. Это реализуется во вредных привычках и извращениях, через которые пациент стремится удовлетворить конфликтующие импульсы. Пациент с отвращением отвергает всякую возможность сдерживания и интерпретации этих импульсов. Такое стремление наблюдается и у более тяжелых больных, которые могут действовать импульсивно. Например, во время прилива враждебного или эротического трансфера по отношению к терапевту такие пациенты могут найти партнеров за пределами лечебного процесса, на которых они перенесут и реализуют свои чувства вместо того, чтобы обсуждать их, интерпретировать и овладевать ими во время терапевтических сеансов. Всплески отреагирования возникают и в периоды проявления интенсивных эмоций в отношении терапевта. Пациент может постоянно ездить на машине возле дома терапевта или же собирать о нем различную информацию. Такая разновидность отреагирования — еще одна форма трансферного сопротивления.

Вторичная выгода от заболевания тоже является сопротивлением выздоровлению. Некоторые пациенты настолько привыкают к создаваемым для них другими удобствам, к проявлению особой заботы к ним из-за заболевания, что они не желают расстаться с «чашечкой кофе в постели», о чем, несомненно, придется забыть после выздоровления. Кроме того, эмоциональная и финансовая зависимость.

Защита — это специфические дискретные «маневры», способы мышления, к которым прибегает мозг, чтобы избавиться от болезненного эмоционального материала. Анна Фрейд в книге «Эго и защитные механизмы» (1936) описала функционирование таких защитных «маневров».

Вытеснение — активное выталкивание из сознания болезненных воспоминаний, чувств и импульсов. Например, истерик, страдающий от фригидности, подавляет в себе чувства сексуального возбуждения, а также утрачивает воспоминания о сексуальных чувствах, которые привели к возникновению конфликта в раннем детстве.

Отрицание — как и подавление, отрицание отвлекает внимание пациента от болезненных идей и чувств, но не делает их абсолютно недоступными для сознания. Пациент, который прибегает к отри-

цианию, просто игнорирует болезненные для него реальности и действует так, словно они не существуют. В качестве примеров можно привести случаи со смешанным и впадшим в немилость лидером, который все еще продолжает подавать себя так, словно он по-прежнему выдающийся государственный деятель, или случай, когда в семье избегают разговоров о больном или умирающем родственнике, чтобы избежать болезненных чувств.

Формирование реакции проявляется до определенной степени у всех пациентов и особенно у пациентов с обсессивно-компульсивными расстройствами. Оно состоит в преувеличении какого-то одного эмоционального аспекта ситуации, чтобы с его помощью подавить противоположную эмоцию. Обсессивный пациент может проявлять пунктуальность, бережливость и опрятность ради защиты от желаний быть свободным со временем, экстравагантным и не заботящемся о порядке.

Перемещение — это просто смена объекта чувств, перенос с реального объекта на какой-то иной, более безопасный. Рабочий, который разгневан на своего босса, приходит домой и начинает изливать свой гнев на собаку, кричать на членов своей семьи. При лечении пациенты часто перемещают трансферные чувства, которые они испытывают в отношении терапевта, и выражают их по отношению к другим людям в своем окружении. Когда такие пациенты начинают говорить о любви, ненависти, гневе, соперничестве и т.д. по отношению к другим людям, они часто выражают свои чувства именно к своему врачу.

Обратное чувство — это изменение импульса, превращение его из активного в пассивный (и наоборот) или направление импульса на себя, а не на другого (и наоборот). Маскировка активных мазохистских желаний — распространенный пример. Упреки в свой адрес вместо того, чтобы выразить разочарование кем-то другим, — другой пример обратных чувств.

Подавление — это ограничение мыслей или действий для того, чтобы избежать тех из них, которые могут вызвать тревогу. Подавление часто встречается у фобических пациентов, которые опасаются таких ситуаций, как высота, полеты на самолетах или бояться каких-то животных. Оно также проявляется в пациентах, которые, например, подавляют свою напористость или сексуальность, чтобы избежать тревоги.

Аскетизм — Анна Фрейд определила аскетизм как защитный механизм, используемый главным образом подростками для контроля над интенсивностью сексуальных влечений, обнаруживающихся после достижения половой зрелости. Аскетизм — это отрицание, отказ от удовольствия. Такой отказ может касаться пищи, сна, физических упражнений, сексуального удовлетворения. Все это обычно отрицается с видом полного превосходства, словно в результате достигается что-то весьма полезное.

Интеллектуализация — это основанный на фактах, излишне умственный способ переживания конфликтов и их обсуждения, без переживания связанных с ним аффектов.

Изоляция аффекта — это защитный механизм, родственный интеллектуализации, представляет собой подавленное чувство, связанных с какой-то определенной мыслью. Как интеллектуализация, так и изоляция аффекта являются типичными признаками у обсессивных больных.

Регрессия — это возвращение к свойственным более раннему возрасту методам психосексуального функционирования с целью избежания конфликтов, переживаемых на более поздней стадии развития. Регрессия к оральным и анальным отношениям, чтобы избежать эдиповых конфликтов, — весьма распространенное явление в клинике.

Интерпретация сопротивления и функционирования защитных механизмов

В психодинамической психотерапии терапевт стремится понять бессознательные конфликты, которые привели к возникновению у пациента эмоциональных симптомов заболевания. Такие конфликты возникают обычно в детстве, когда нормальные импульсы у него ассоциируются с неприятными чувствами, такими, как страх перед наказанием, неодобрением или разочарованием. Каждый отдельный человек рождается с определенными конституционными данными — например, с определенной силой инстинктов, желаний и способностью выдерживать фрустрацию. У каждого человека к тому есть своя единственная в своем роде личная история, которая коренится во взаимодействиях с родителями и другими членами семьи и прочими людьми, которые осуществляли уход за ребенком, в контексте социальной структуры и более широких социальных категорий. Никто не может стать взрослым, не изведав этих конфликтов, — этих столкновений между импульсами и запретами, — которые становятся бессознательными благодаря действию различных защитных механизмов и которые потенциально являются источниками проявления невротических симптомов.

В психотерапии терапевт стремится интерпретировать защитные механизмы, которые затемняют старые конфликты, так, чтобы пациент мог вновь на собственном опыте, но уже сознательно пережить старые запретные импульсы и воспоминания, страхи и разочарования, а также все болезненные аффекты, связанные с ним. Терапевт диагностирует сопротивление, выявляя то препятствие, которое стоит на пути его свободных ассоциаций. Эта трудность предстает в виде тривиально звучащих ассоциаций, которые пред-

ставляют собой лишь обычный пересказ повседневных событий, не затрагивающих глубин личности, и не отличаются эмоциональной напряженностью или информативностью. Сопротивление также проявляется в приглушение или вообще в отсутствии аффекта, в атмосфере скуки, в избегании эмоционально насыщенных подробностей, отсутствии мысли или молчании.

Когда бы пациент ни проявлял сопротивление, в какой бы форме оно ни делал, — все это объясняется тенденцией защитить себя от воспоминаний и повторного переживания старых опасностей, ассоциируемых с запрещенными импульсами.

Литература

1. *Гюксманн А.* Философия ненависти. М., 2006.
2. *Гуревич П.С.* Психология. М., 2005.
3. *Лоуэн А.* Предательство тела. Екатеринбург, 1999.
4. *Толстых А.* Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000.
5. *Урсано Р., Зонненберг С., Лазар С.* Психодинамическая психотерапия. Вып. 3. М., 1992.

Вопросы для повторения

1. Какую роль в жизни людей играют защитные механизмы?
2. Чем перенос отличается от контрпереноса?
3. Как защитные механизмы проявляют себя в социальной жизни?
4. Отчего защитных механизмов много?
5. Как складывается устойчивое ядро личности?

Темы докладов и рефератов

1. Феномен защитных механизмов.
2. Перенос и контрперенос.
3. Идентичность как защитный механизм.
4. Диффузия идентичности.
5. Роль механизма сублимации в искусстве.

Часть V

Теория сексуальности

Испорченный ребенок

*Все слова, какие мучат
Воспаленные уста.
В час, когда бесстыдству учат
Темнота и нелюбовь.*

Валерий Брюсов

Непризнанный вектор

Вовочка, придя из школы, говорит родителям: «Я хочу уведомить все заинтересованные стороны, что я, Вовочка, показал себя перед всем классом полным идиотом, когда на уроке по половому воспитанию я повторил истории про анстов, рассказанные мне некоторыми лицами, проживающими в этой квартире».

Моя студентка Женя пришла ко мне на индивидуальный психологический анализ. Она сказала:

— Павел Семенович, мне двадцать один год. Недавно в моей жизни произошло огромное событие: впервые в жизни я поцеловалась с юношей. Теперь у меня масса вопросов.

— Каких? — спросил я. «Кто, к примеру, должен протягивать губы, когда девушка целуется с представителем противоположного пола? Как вести себя сексуально и целомудренно одновременно? Потом, говорят, есть еще сексуальные отношения, так об этом даже страшно подумать».

— Женя, — сказал я, — быюсь об заклад, что вы спите в одной кровати с мамой

— Да, этот так, — ответила Женя, — у нас с мамой отношения как с подругой. Она все про меня знает. А папа спит на раскладушке...

Развитие каждого ребенка предполагает несколько векторов. Прежде всего, он преобразуется физически: у него меняется вес, осанка, растут мышцы. О телесном преобразовании чада родители заботятся отменно. «Мой-то, — говорят они, — прибавил в весе». Но дите становится другим и в интеллектуальном отношении. Это тоже понятно. Вот начал произносить первые слова, вот стал думать о разном, задавать вопросы. Еще один вектор — социальный. Сначала ребенок жи-

вет в семье, потом, возможно, ходит в садик. Но вот настало время, и он в школе. Надо научиться соблюдать социальные нормы, общаться со сверстниками. Психология развития все это, разумеется, учитывает. Специалисты отмечают, чем примечателен тот или иной возраст. При этом учитывается, какая деятельность оказывается ведущей, какие личностные новообразования возникают у ребенка.

Но чадо развивается еще и сексуально. Но тут у родителей срываются обычные социальные предрассудки. Это еще что такое? Предполагается, что, чем позже ребенок узнает про интимную жизнь, тем лучше. Это вообще дело далекого будущего, сейчас главное приучить ребенка к учению, к игре, к работе. Такие стереотипы — и это поразительно — разделяет и возрастная психология. О развитии сексуальности ребенка — ни слова... Как будто не было на свете ни Фрейда, ни Ференци, ни Райха. И вот Женя, моя студентка, хорошо сложена, учится на красный диплом. Умна, склонна к юмору. Но родители долго воспитывали ее как бесполое существо.

Однако, как ни оберегают родители своих детей от интимной темы, она врывается в жизнь неожиданно и часто скандально. Шандор Ференци спрашивает родителей мальчика, который вообразил себя петухом (история мальчика-петушатника): как вы воспитывали сына? Они ответили: мы сторонники свободы и открытости во влиянии на мальчика. Но что это означает? Ну, разрешали мальчику ходить босиком по холодному полу. Но вот гувернантка однажды сорвала с ребенка одеяло и застала его за мастурбацией. «Ну, погоди, сказала она, сейчас пойду на кухню, принесу нож и отрежу кос-что, чтобы ты не баловался».

Когда ребенок «свихнулся», стал проводить время в курятнике, требовать казни куриц и даже настаивал на своем участии в экзекуции, родители испугались. Мы так тщательно оберегали его от взрослых отношений, а тут такое... — сказали они. Но городской мальчик быстро прошел школу жизни в курятнике, где петух правил бал, где открыто совершались некоторые действия. Что говорить? Сегодня у любого ребенка огромные возможности приобщиться к тайному знанию.

Девушка, которую воспитывали как «спящую красавицу», неожиданно обрела сексуальный опыт. Однако ничего, кроме разочарования, она не испытала. Было больно, страшно. «И ради этого люди сходят с ума», — подумала она, разглядывая спящего дружка. Понятно, скажут иные родители, — надо помогать ребенку в его сексуальном развитии, приносить книжки, показывать картинки, поощрять интимные ласки. Ничего подобного! Это как раз глупость. Речь идет вовсе не о том, что провоцировать сексуальность ребенка. Природа сама сделает свое дело. Родителям же важно осознавать, что без сексуального развития ребенок в будущем никогда не станет зрелым мужчиной или полноценной женщиной.

Молодая мама привела ко мне в клинику дочь-пятиклассницу. Тут тоже ужасный поворот событий. Девочка росла в неведении и целомудрии. Но однажды он пришла к подруге и там увидела порножурнал. Картинки так поразили пылкое воображение девочки, что она «заболела». «Я тоже хочу так... — повторяла она родителям. — Как на картинке. Я же видела...» Потрясенные родители бросились к психоаналитику, чтобы тот вытравил начисто эту блажь.

Теория сексуальности З. Фрейда — самая эпатазирующая часть фрейдовского наследия. Кто только не пытался «подправить», «подкорректировать» основателя психоанализа!

Против теории сексуальности прежде всего выступил К. Адлер. Он восстал против всеисия этого инстинкта и на место «первичного феномена» поставил «стремление к превосходству» и связанный с ним «комплекс неполноценности». В той же мере мысль К. Хорни о том, что характер невроза зависит в первую очередь от социальных факторов, от культурных ценностей, показала серьезные размежевания в сфере психоанализа. Так, оказались отвергнутыми теория сублимации и учение о либидо. С самого начала К.Г. Юнг пытался убедить Фрейда использовать какое-нибудь другое слово, только не «сексуальный». Он был убежден в том, что пациенты часто придумывают детские сексуальные травмы, чтобы устранились от собственных жизненных проблем. Русские психоаналитики тоже критиковали Фрейда за пансексуализм.

Но вот прошло столетие. Можно ли считать, что учение Фрейда о сексуальности отвергнуто? Разумеется, нет. Напротив, исследователи получили новые материалы о детской сексуальности. Теперь известно, что психосексуальное развитие ребенка начинается еще в утробе матери. Значительное обогащение получила так называемая райхианская типология характеров, в основе которой лежит идея психосексуального развития детей. Современный психоанализ невозможен без своеобразной адаптации теории сексуальности Фрейда.

«Великий совратитель»

Но его по-прежнему считают «великим совратителем». Влиянию Фрейда продолжают приписывать многие беды современной жизни, даже папа Павел VI считал Фрейда главным виновником современной сексуальной распущенности. Когда Фрейд в 1890-х годах начал описывать роль вытесненных чувств и в особенности подавленной сексуальности в качестве первопричины невроза, он полагал, что не сообщает ничего существенного нового.

Зигмунд Фрейд — несомненно, один из величайших психологов в истории человечества — заставил нас иначе посмотреть на самого

себя. Идеи Фрейда распространялись по всему миру многочисленными путями, как явными, так и скрытыми, так что признание его заслуг вряд ли означает преданность его идеям. Особенно велико влияние идей Фрейда в США, где несколько последних десятилетий люди воспитывали своих детей согласно наставлениям доктора Спока. Он открыл для науки полную смысла жизнь во сне и таким образом выявил те механизмы, посредством которых мы обычно обманываем себя. Разработав серию концепций о нашей бессознательной жизни, такие, как перенос, детская сексуальность, агрессия, защита, идентификация, регрессия, а также технику свободных ассоциаций, Фрейд изменил наше представление о человеке.

Даже если мы достаточно низко оцениваем его значимость, мы должны согласиться с тем, что человек, исправление ошибок которого требует столь же длительного времени, безусловно крупная фигура в интеллектуальной истории¹.

Фрейд был пессимистичным относительно возможности сексуального удовлетворения: «Есть нечто в природе самого сексуального инстинкта, что неблагоприятно для осуществления полного удовлетворения». Он считал, что «для усиления либидо требуется препятствие...». Он даже писал, что одна из целей аналитической терапии заключается в «освобождении невротика от цепей его сексуальности». В то же самое время Фрейд хорошо знал, что «чувство счастья, протекающее от удовлетворения бурного инстинктивного импульса, не укрощенного Это, несравненно более интенсивно, чем удовольствие, полученное от удовлетворения инстинкта, который был укрощен». И он также писал:

Сексуальная любовь несомненно является одной из главных вещей в жизни, и объединение душевного и телесного удовлетворения в наслаждении любви — один из кульминационных моментов жизни. Исключая немногих странных фанатиков, весь мир об этом знает и соответствующим образом строит свою жизнь; одна лишь наука слишком деликатна, чтобы это признать.

Фрейд бесстрашно указывал на ту роль, которую детская сексуальность может играть во взрослой жизни. Он утверждал, например, что мастурбация была «самым ранним пристрастием», в отношении которого более поздние пристрастия — курение, морфий или азартные игры — являются заместителями. Бытует мнение, писал он, что «постоянное ослабление потенции является одним из результатов мастурбации», и на основании своего медицинского опыта Фрейд не исключает такой возможности. Но он предстает

¹ См.: Розен П. Указ. соч. С. 34.

сухим и циничным, когда говорит о преимуществах такого сокращения потенции:

Некоторое уменьшение мужской потенции и вовлеченной в нее животной агрессивности очень кстати с точки зрения цивилизации. Оно заставляет цивилизованных мужчин обратиться к добродетели сексуальной сдержанности и верности, которые от них требуются. Следовать этой добродетели при неукрошенной потенции обычно считается трудной задачей.

Фрейд полагал, что «с развитием цивилизации именно сексуальная жизнь должна становиться жертвой подавления», в то же самое время он разделял недовольство человечества ограничениями цивилизации¹.

Наиболее известный пример, в котором самоанализ Фрейда переплелся с его клинической работой, заключался в принятии им на веру небывлиц его пациентов о соращении: одна из великих ошибок Фрейда, которую он позднее назвал «своей первой великой ошибкой», заключалась в представлении о том, что источник затруднений его пациентов заключался в детской сексуальной травме, обычно наносимой им их родителями. Фрейд считал собственного отца виновным в этом отношении, хотя и не в связи с собой, а со своими сиблингами. Потребовались годы, чтобы он публично признал эту ошибку, и это вполне могли быть годы, когда он приобрел сомнительную репутацию в венских медицинских кругах.

Окончательное решение Фрейдом данного вопроса состояло в том, что эти рассказы о соращении были скорее фантазиями, продуктами инцестных детских желаний, чем действительными событиями. Раз Фрейд к 1897 г. мог воспринимать данную проблему как часть внутреннего мира своих пациентов, значит, уже разрабатывалось то, что нам известно как наиболее характерная черта психоанализа: терапевтическая цель заключается в раскрытии детских фантазий, скрывающихся за невротическим фасадом. Внутренний мир пациентов Фрейда, а не внешние события, рассматривался как главный источник невротических затруднений. «Травмы» становятся травмами тогда, когда на первый взгляд вроде бы безобидные инциденты могут субъективно переживаться как вызывающие дистрессы кризисы.

Фрейд обнаружил, что утверждение о том, что детей совратили в сексуальность, не соответствует действительности, но они сами могут быть достаточно сексуальны. Как позднее выразил Фрейд: «Мы слишком низко оценивали возможности детей, и... что нет никакого знания, которое мы не могли бы им приписать». Рассказы его пациентов о соращении были выражением их детских желаний, которые они не осознавали. Эти стремления были пробуждены в терапевтических взаимоотношениях, так как пациент перено-

¹ Розен П. Указ. соч. С. 83.

сит на врача суррогат родительских фигур, все те детские чувства, которые с тех пор стали известны как эдипов комплекс.

Отношение Фрейда к *сексуальности* как к главному источнику невротической тревожности подкреплялось рассказами пациентов об их соблазнении, ибо они, по всей видимости, сохранили фантазии о сексуальном удовлетворении, проистекающие из раннего детства. Это наблюдение привело Фрейда к осознанию «факта *детской сексуальности*», к понятию о том, что «человеческая сексуальная жизнь не начинается с наступлением полового созревания, как это могло показать на первый взгляд». Фрейд ранее открыл эдипов комплекс: «Первая привязанность девочки направлена на отца, а первые детские желания мальчика — на его мать». Конфликты между отцом и сыном всегда обладали наивысшей значимостью, по мнению Фрейда, и он помнил из греческой мифологии, что «Кронос пожирал своих детей... в то время как Зевс кастрировал своего отца и сделал себя правителем вместо него». Эдипов комплекс, открытый Фрейдом, приобрел широкий смысл, он стал означать «эмоциональное отношение человека к своей семье, или, в более узком смысле, к своим отцу и матери...».

Фрейд заявлял, что сексуальность следует принимать такой, какова она есть. Однако сам он не был полностью свободен от предубеждения на этот счет и, по-видимому, испытывал чувство, что секс до некоторой степени является чем-то постыдным, как тогда, когда в подлинно викторианском духе писал по-латыни о «*vita sexualis*». Но для того времени это расширение обычной концепции сексуальности было радикальным новшеством: «ребенок, сосущий материнскую грудь, стал прототипом каждого любовного отношения. Нахождение объекта является в действительности его повторным нахождением». Клинический интерес Фрейда к сексуальности был вызван нечестностью его пациентов в сексуальных вопросах, что, как он стал считать, являлось главным фактором в их затруднениях. «В вопросах сексуальности, как они рассматриваются в настоящее время, все мы являемся лицемерами».

Один из подразумеваемых выводов из фрейдовской детской сексуальности состоял в том, что дети ведут крайне сложную эмоциональную жизнь, заслуживающую самого большого уважения. Конечно, Фрейд непосредственно не лечил детей и даже не наблюдал пристально за их жизнью; его наблюдения были скорее реконструкциями на основании воспоминаний и ассоциаций его взрослых пациентов. Так что для него было громадным триумфом, когда «спустя годы стало возможным подтвердить почти все умозаключения прямым наблюдением и анализом очень маленьких детей...». Он считал, что детское «развитие протекает столь быстро, что нам никогда не удастся получить прочное знание посредством прямого наблюдения его скоротечных проявлений». Фрейд признавал, однако, что окольные пути психоанализа были его недостатком в исследовании детей.

Полиморфно-перверсный

Фрейд шокировал многих читателей, говоря о ребенке не только как о сексуальном, но и как о «полиморфно-перверсном» существе. («Отклонившийся» от принятого пути ученик Фрейда Вильгельм Штекель впоследствии использовал более мягкий термин — «панэротический».) Он часто обсуждал детскую сексуальность и взрослую пerversию на одном дыхании: «сексуальные действия первертов, ранее это делалось с негодованием и без понимания». Взрослые пerversии, считал Фрейд, были просто результатом особого развития, неудачей интегрирования различных компонентов влечений детства в гетеросексуальном направлении. Невротики были в определенном смысле противоположны первертам, ибо их тревожности были вытеснены вместо их отреагирования. Фрейд пытался достичь понимания первертов (под которыми он обычно подразумевал гомосексуалистов) на основе событий их детства: «Если... образование перверсий из Эдипова комплекса сможет быть повсеместно установлено, наша оценка его значимости получила бы добавочное подкрепление».

Инфантильное предстало перед нами, — пишет А.И. Сосланд, — не просто как наполненное сексуальным содержанием, а просто не осталось места ни для чего другого. Резервуар чистоты и аллегория возвышенного — малютка — превратился в *агрегат, состоящий из эрогенных зон*. Каждая из зон актуализировалась в определенный промежуток времени, этот промежуток играл особую роль в отношениях ребенка с миром. Неадекватное обхождение с этой зоной вело к патологическим последствиям. Инфантильная сексуальность определена З. Фрейдом как полиморфно-перверсная. Ребенок оказался не просто испорченным, а испорченным многократно и разнообразно¹.

Несмотря на личную неприязнь к первертам и нежелание принимать их на психоаналитическое лечение (которое было, по его мнению, наиболее подходящим для невротиков), Фрейд неоднократно настаивал на том, что «сколь неподходяще использовать слово «пerversия» в качестве осуждающего термина». Фрейд был ярким противником присущего его эпохе особого лицемерия:

Должно быть создано место в общественном мнении для обсуждения проблем сексуальной жизни. Также должно стать возможным говорить об этих вещах без того, чтобы на тебя навесили ярлык озабоченного этим предметом или наживающего себе капитал на низших инстинктах. Так что в последующую сотню лет предстоит проделать много работы — нашей цивилизации придется прийти в согласие с требованиями нашей сексуальности.

¹ Сосланд А.И. *Imitatio Freudi* // Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд — основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике. Т. 1. М., 2006. С. 346.

Нет надобности говорить, что такая широта взглядов никоим образом не подразумевала защиту «свободной любви». Напротив, Фрейд считал, что «прогрессивное отречение от природных страстей... представляется одним из основных факторов культурного развития человечества».

То, что мир связал имя Фрейда с сексуальностью, определено не было ошибкой: он утверждал в 1898 г., что «самые непосредственные и самые важные для практических целей причины каждого случая невротического заболевания следует искать в факторах, возникающих из сексуальной жизни». Когда Фрейд говорил о сексуальной жизни пациента, он имел в виду его *«текущую сексуальную жизнь»*, а также *«важные события в его прошлой жизни»*. В каждом случае невроза имеется сексуальная этиология; однако в неврастении это этиология текущего времени, тогда как в психоневрозах вовлеченные факторы имеют инфантильную природу. Фрейд знал, что может казаться научно постыдным следовать этому пути мышления, но он зашел так далеко, что стал утверждать, что «различия между нормальным и ненормальным могут заключаться лишь в относительной силе индивидуальных компонентов сексуального инстинкта и в том использовании, которому они подвергаются в ходе развития». В то же самое время Фрейд иногда устанавливает пределы, сколь далеко может быть применена его сексуальная теория:

Мне никогда не приходило в голову заменить сексуальной этиологией в неврозах любую другую этиологию и, таким образом, утверждать, что последняя не имеет никакой действительной силы. Это было бы неправильным пониманием. Скорее мне кажется, что вдобавок ко всем известным этиологическим факторам, которые признавались — и, вероятно, справедливо — специалистами, приводящим к неврастению, сексуальные факторы, которые до сих пор не оценивались должным образом, также должны приниматься во внимание.

И опять:

Сексуальная потребность и депривация — лишь один действующий фактор в механизме невроза; если бы не было других факторов, результатом был бы разгульный образ жизни, а не заболевание. Другой, не менее важный фактор, который слишком легко забывается, это отвлечение, испытываемое невротиком к сексуальности, его неспособность к любви, та черта психики, которую я назвал «вытеснением».

Во всех трудах Фрейда по сновидениям и симптомам он полагался на одно центральное предположение о функционировании того, что он назвал «психическим аппаратом», а именно что «наша тотальная психическая активность направлена к удовольствию и избеганию неудовольствия».

«Неудовольствие связано с увеличением возбуждения, а удовольствие с его уменьшением... психический аппарат пытается удержи-

вать количество возбуждения на как можно более низком уровне или, по крайней мере, удерживать его константным... в психике существует сильная *склонность* к принципу удовольствия...»

Фрейд считал, что основная задача психики негативная — осуществлять уменьшение напряжения; напряжение означало «неудовольствие», порождая потребность в разрядке и облегчении. По мере старения Фрейда и постепенного ослабления контакта с миром для него становилось все более и более справедливым, что «*защита от стимулов* играет едва ли не более важную роль для живого организма, чем *восприятие стимулов*».

В то же самое время Фрейд ощущал себя, подобно Мефистофелю, выходящим из глубин человеческой психики; он часто говорил о себе как о исследователе, откапывающем остатки погребенных археологических сокровищ. Ницше с одобрением воспринял бы настойчивое утверждение Фрейда, что «наши высочайшие добродетели выросли, в качестве реактивных образований и сублимаций, из наших наихудших склонностей». Неизвестно, испытывал ли и сколь долгое время Фрейд колебания по поводу названия для человеческого «дна». Жане предпочитал термин «подсознательное», чтобы отличать его от метасихологических побочных оттенков значения в немецком мышлении относительно «бессознательного». Но Фрейд выбрал в качестве термина «бессознательное», потому что этот термин придавал особое значение эмоциям и чувствам, к которым не только не было прямого доступа, но которые, самое главное, не были осознаваемыми. Как это выразил Фрейд, «мы вынуждены прийти к неизбежной гипотезе о том, что у людей имеются цели, которые могут становиться действенными, без знания людей об этих целях».

Благодаря своим идеям Фрейд в его более ранние годы мог казаться людям просто еще одним сексологом и, учитывая его ошибку относительно рассказов о соблазнении, не заслуживающим большого доверия. Но присущая Фрейдлу точка зрения всегда была точкой зрения психолога. Он пытался проникнуть в тайны памяти, амнезий и ложных припоминаний («парамнезий»). Те компромиссы, которые вырабатывает психика в своих конструкциях памяти, похожи на компромиссные образования, лежащие в основе невротических симптомов.

Проблема детской сексуальности

Когда Фрейд описывал детскую сексуальность, он не считал нужным особенно основательно обсуждать проблемы «целесообразности» эротического воспитания. Казалось очевидным: если ты родилась девочкой, ты должна превратиться в будущем в женственную привлекательную особу. А если ты родился мальчиком, тебе

суждено стать сексапильным мужественным мужчиной. Однако в наши дни все это не так бесспорно. Сегодня мало кого удивит желанием обмануть природу. Девушка рассказывает: «Год назад я вышла замуж. Мы с мужем сразу договорились, что детей у нас не будет. А зачем? Хочется пожить в свое удовольствие... А дети — это обязанности, забота...»

Толкуя о сексуальном воспитании, специалисты, как правило, подробно останавливаются на том, что и как следует растолковывать ребенку. Взрослые убеждены в том, что, чем позже узнает чадо о тайнах секса, тем лучше. Они также считают, что если ребенок прознает про «это» раньше срока, то в результате его инстинкт будет искривлен, уродлив, болезнен. Но это все предрассудки. На самом деле никакой зависимости между ранним знанием и извращением инстинкта нет. Некоторые родители, выслушав такие рекомендации, сразу встают в позу. Выходит, нужно развращать ребенка, показывать ему картинки...

Нет, о нормальном сексуальном развитии ребенка позаботилась природа. Он и так без родительских ухищрений постепенно раскрывается для себя тайны человеческого бытия. Хуже всего, когда родители, застав ребенка за мастурбацией или эротической игрой, учиняют такой скандал, что добиваются психологического шока. Тем самым они и обрекают будущего мужчину или будущую женщину на сексуальную пerversию. Сексуальное воспитание не сводится только к «разговорам» и «разъяснениям». Огромное значение имеет опыт жизни в семье. Если ребенок видит, как самозабвенно родители любят друг друга, ему легче понять и тайну пола, тайну взаимного влечения мужчины и женщины. И наоборот, если родители постоянно ругаются, унижают друг друга, но зато пространно рассуждают о «грязных» отношениях между людьми, эффект оказывается не таким, как рассчитывали...

Девочка Яна учится во втором классе. Она довольно способная, получает только пятерки, если учительница ставит «хорошо», то это редкость, и школьница мгновенно старается исправить случайную погрешность. И вдруг Яна заявила, что не пойдет в школу, ей там страшно. Бабушка пыталась выведать, что случилось, но ответа так и не получила. Мама только вернулась из поездки, она работает в туристическом агентстве, часто сама уезжает в поездки, оставляя дочь на попечении бабушки. Теперь, едва вернувшись из поездки, она сразу пытается найти ответ у Яны.

— Девочка, дорогая, что там в школе случилось?

Яна стоит на своем:

— Страшно...

Когда Яна появилась в клинике, я начал беседу с ней с того же вопроса.

— Яна, почему ты не в школе?

Яна отвечала в манере пафосной, страстной:

— Страшно...

— Почему?

— Не знаю...

Я передал Яну детскому психоаналитику Вике Ризвановой. Мы решили не мучить девочку вопросом, на который она все равно не отвечала. Перебрали разные версии: кто-то напугал девочку, особенно долго расспрашивали про странную пожилую учительницу, похожую на Бабу Ягу. Просматривая отчеты аналитика, я высказал предположение, то таинственная интонация Яны, ее мелодраматический испуг свидетельствуют об истерической структуре ее характера.

В семье Яны — три женщины. Дедушка давно умер, к тому же бабушка успела разойтись с ним еще до его ухода из жизни. Мама Яны замуж не выходила. Было много разных временных романов. Узнав о беременности, решила ребенка родить и воспитывать одна. Семья живет в достатке, а муж, как известно, лучше всего приходится. Жизненные судьбы с отцом Яны давно разошлись. Осталась одна проблема — как объяснить девочке, кто ее отец. Думали вдвоём с бабушкой и наконец нашли, как им показалось, чудное решение. Папы нет вообще. Он уехал и живет в другой стране. Вопрос закрыт, о нем надо забыть.

Однако объяснение, которое нашли женщины, Яну не удовлетворяло. Если он живет в чужой стране, то почему он не пишет? Почему не приезжает хотя бы ненадолго. Девочка страдала, но никогда не делилась своими соображениями с мамой.

Случай, который произошел в школе, сам по себе был незначительным. Директор взяла на работу нового охранника. Тот начал борьбу с курильщиками и во время урока забегал в школьный туалет, чтобы подергать двери кабинок. Не таится ли там курильщик? Борьба с прогульщиками была поднята на такую высоту, что энтузиаст забежал и в комнату для девочек. Дернул дверь, крикнул: «Не курить!» — и умчался.

Яну это происшествие сильно испугало. Кто это был? Почему кричал про папиросы? Фантазия девочки выдала различные картины. Каким-то образом вплеся в этот страх и образ пожилой учительницы.

Бабушка, которая приводила Яну в школу, постоянно задавала один и тот же вопрос: «Ну, когда Яна пойдет в школу? Когда избавится от страха?»

Я сказал, что терапия требует времени. Бабушка с тревогой сообщила о разговоре с завучем. Та строго сказала, что, если девочка не придет в класс до конца четверти, придется ее отчислить.

Бабушка стала советоваться со мной даже по поводу частного обучения. Я пытался объяснить ей, что дело не столько в страхе, который сейчас преследует девочку. Гораздо важнее, что у нее сложилась структура истерического характера. Это и неудивительно, поскольку в фантазиях Яны образ отца занимал огромное место.

Прошло еще несколько недель, и Яна отправилась в школу. Визиты в клинику прекратились. Прогулы — вещь конкретная и безотлагательная. А истерический характер — это некая абстракция. Жаль, что ни мама, ни бабушка не подумали о будущем своей Яны.

Литература

1. Гуревич П.С. «Величайшее доступное нам наслаждение...» // Либи́до. М., 1996.
2. Лейбин В. Постклассический психоанализ: Энциклопедия в двух томах. Т.1. М., 2006.
3. Романов И.Ю. Психоанализ: культурная практика и терапевтический смысл. М., 1994.
4. Сосланд А.И. *Imitatio Freudi* // Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд — основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике». Т. 1. М., 2006.
5. Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. В чем суть теории сексуальности З. Фрейда?
2. Почему детская сексуальность считается открытием Фрейда?
3. Что в теории Фрейда позволяет полагать ребенка полиморфно испорченным?
4. Что такое перверсия?
5. Как детская сексуальность связана с сексуальностью взрослого человека?

Темы докладов и рефератов

1. Детская сексуальность.
2. Критика пансексуализма Фрейда в истории психоанализа.
3. Современные представления о психосексуальном развитии ребенка.
4. Линии развития ребенка.
5. Специфика сексуальной перверсии.

Эротическое влечение ребенка к родителю

*Предайся жениху в преступном злом блуде,
Пусть искушает он тебя наедине;
Свои клейменные поруганные груди
Ты принесешь потом, заплаканная, мне.*

Шарль Бодлер

Прегенитальная сексуальность

Я рассказываю спутнице про свою трудную жизнь. Она вежливо слушает. Неожиданно бросается к кусту в поисках уцелевшей ягодки. Потом в середине моей фразы вдруг говорит: «Какое красивое здание, не правда ли?»

Я подавленно замолкаю. Действительно, кому интересно слушать про событийный ход чужой жизни. Давно уже нет в живых тех людей, про которых я рассказываю. Честно говоря, непонятны и многие подробности той каждодневности.

Читатель, если тебя раздражают детали постороннего бытия, пропусти строчки, которые следуют далее. Скушай ягоду или полюбуйся архитектурой. Остальным, как в названии давнего фильма — «За мной, каналы!». Однажды я даже вел в одной газете рубрику: «Это было со мной, и совершенно непонятно тем, кто живет сейчас». Но вот один рассказ навскидку. Руководил я социологической лабораторией в Гостелерадио. Нам очень хотелось составить психологический портрет разных групп телезрителей. Пытаясь «оконтурить» типаж «консерватора», мы даже придумали такой вопрос: «Как вы относитесь к супружеской измене?» Далее следовали возможные ответы: а) считаю ее совершенно недопустимой, б) полагаю ее возможной, в) все зависит от обстоятельств.

Так вот это анкета попала в отдел пропаганды ЦК КПСС. Что тут грянуло! «Как вы посмели, — кричали нам, — провоцировать советского человека, у которого даже нет и помышления об измене, предлагать ему такой вопрос?» Далее последовали многочисленные кадровые решения. Сейчас, когда на экране резвятся гетеры, этот рассказ совершенно не понятен никому. Он даже неинте-

рессен. Боже мой, какие дураки жили в то время. Причем с той и другой стороны...

Вот еще одна подробность. Когда в советские годы кто-нибудь из моих коллег по институту выезжал за границу, ему писали служебную и партийную характеристику. Если он был в разводе, шансов на поездку было мало. В этих случаях в характеристике надо было написать: «обстоятельства развода известны партбюро и препятствием для заграничной службы не может...» Какие подробности интимной жизни были ведомы партбюро, трудно сказать. Но ведь была такая стандартная приписка.

Одним из великих открытий Фрейда было осознание значения раннего детства. Это открытие имеет несколько аспектов. У младенца уже имеются сексуальные (либидные) стремления, хотя это еще не генитальная сексуальность, а, по определению Фрейда, «прегенитальная сексуальность», которая концентрируется на «эrogenных зонах» рта, ануса и кожи. Фрейд признавал ложность буржуазного представления о «невинном» ребенке и показал, что с самого рождения маленький ребенок наделен многими либидными стремлениями прегенитальной природы.

Во времена Фрейда все еще был распространен миф о невинном ребенке, который ничего не знает о сексуальном влечении, к тому же не осознавалась важность переживаний ребенка, и особенно очень маленького ребенка, для развития его характера и всей его судьбы. Фрейд изменил это представление. Он смог показать на многочисленных клинических примерах, как события раннего детства, особенно травмирующие события, формировали характер ребенка в такой степени, что, полагал Фрейд, за редкими исключениями задолго до достижения зрелого возраста характер человека фиксировался и не претерпевал дальнейших изменений.

Фрейд показал, как много ребенок знает, как сильно чувствует, как иногда незначительные, с точки зрения взрослого, события глубоко влияют на развитие ребенка и последующее формирование невротических симптомов. Впервые к ребенку и к тому, что с ним происходило, стали относиться серьезно, поскольку казалось, был найден ключ ко всему последующему развитию в событиях раннего детства. Многочисленные клинические данные подтверждают справедливость и мудрость выводов Фрейда, но, по мнению Фромма, они показывают также определенную ограниченность его теоретических положений.

Прежде всего, Фрейд недооценил значение конституциональных, генетических факторов для формирования характера ребенка. Теоретически он отмечал, что и конституциональные факторы, и переживания одинаково важны для развития ребенка, но на прак-

тике он и большинство психоаналитиков не учитывали генетической предрасположенности человека. В ортодоксальном фрейдизме только семья и переживания ребенка в семье важны для развития ребенка. Это зашло так далеко, что психоаналитики, как и родители, полагают, что невротический, или плохой, или несчастный ребенок имеет родителей, которые привели его в такое состояние, и наоборот, счастливый и здоровый ребенок имеет счастливое и здоровое окружение. Фактически на родителей возлагают всю вину за нездоровое развитие ребенка, равно им приписываются все заслуги за счастливо прожитое детство.

Все данные говорят о том, что это неверно. Вот показательный пример: психоаналитик видит невротического, несчастного человека, у которого было ужасное детство, и говорит: «Ясно, что переживания детства дали такой плачевный результат». Но если бы он только спросил себя, сколько он видел людей, вышедших из того же типа семьи и оказавшихся вполне счастливыми и здоровыми, у него бы появились сомнения относительно столь простой связи между переживаниями детства и психическим здоровьем или неблагополучием человека.

Первый фактор, объясняющий причину этого теоретического разочарования, видимо, заключается в том, то психоаналитик игнорирует различия в генетической предрасположенности. Фромм приводит такой пример. У новорожденных младенцев можно наблюдать разную степень агрессивности или робости. Если агрессивный ребенок имеет агрессивную мать, ее влияние не будет для него неблагоприятным, а возможно, даже благотворным. Он научился противостоять ей и не бояться ее агрессивности. Если же такая мать будет у робкого ребенка, агрессивность матери будет пугать его, а он скорее вырастет запутанным, покорным человеком, а позднее, возможно, и невротиком.

Фактически Фромм затрагивает старую и много раз обсуждавшуюся проблему «природы против воспитания», или генетической предрасположенности против окружающей обстановки. Обсуждение этой проблемы еще далеко не завершено. На основании своего опыта Фромм пришел к выводу, что генетическая предрасположенность играет гораздо большую роль в формировании конкретного человека, чем полагают большинство психоаналитиков. Фромм считал, что одной из целей психоаналитика является воссоздание картины характера ребенка, когда он был рожден, чтобы исследовать, какие обнаруженные в пациенте черты характера являются частью его натуры, а какие приобретены в силу важных обстоятельств; далее, какие из приобретенных качеств конфликтуют с генетическими и какие обретают их.

Часто мы обнаруживаем, что по воле родителей (личной или в качестве представителей общества) ребенок вынужден подавлять или ослаблять свою природную предрасположенность и заменять ее теми чертами, которые он него ждет общество. В этой точке Фромм и находил корни невротического развития; у человека появляется чувство ложной идентичности. Если истинная идентичность основывается на осознании себя таким, каким человек был рожден, псевдоидентичность основывается на типе личности, который нам навязывает общество. Поэтому человек в этом случае постоянно нуждается в одобрении, чтобы почувствовать себя стабильно. Подлинная идентичность не нуждается в таком одобрении, потому что человек себя оценивает идентично его подлинной структуре личности.

Открытие важности событий раннего детства для развития человека легко приводит к недооценке более поздних событий. Согласно теории Фрейда, характер человека более или менее полно формируется в возрасте семи — восьми лет, и, следовательно, предполагается, что в более позднем возрасте серьезные изменения практически невозможны. Однако эмпирические данные показывают, что эти предположения преувеличивают роль детства. Разумеется, если условия, которые способствовали формированию характера человека, сохраняются, структура характера, скорее всего, останется прежней. Следует признать, что это относится ко многим людям, которые, повзрослев, продолжают жить в детские годы.

Но это предположение Фрейда отвлекает внимание от случаев радикальных перемен в людях под влиянием радикально новых переживаний. Возьмем, например, людей, у которых в детские годы сложилось убеждение, что они не нужны никому до тех пор, пока кому-нибудь из них что-то не понадобится, что симпатия и любовь — это только плата за услуги, которые они должны оказывать. Человек может прожить всю жизнь, не почувствовав, что кто-то беспокоится за него или интересуется им, и не ждет ничего взамен. Но если вдруг такой человек убедится, что кто-то другой им действительно интересуется и не хочет ничего от него получить, это может реально изменить такие черты характера, как подозрительность, страх, чувство заброшенности. Фромм неправомерно считал, что Фрейд с его буржуазной точкой зрения и неверием в любовь не предполагал возможности такого переживания). В случаях очень сильного изменения характера можно говорить даже о настоящем преображении, что означает полную смену ценностей, ожиданий и установок под действием абсолютно новых событий, произошедших в жизни человека.

И все же подобные превращения невозможны, если человек не обладает определенным потенциалом, проявляющемся в таком превращении. Фромм допускал, что на первый взгляд для такого предположения недостаточно доказательств, потому что люди обычно не меняются, но следует учесть, что большинство людей не переживают ничего по-настоящему нового. Они обычно находят то, что ожидают найти, и поэтому далеки от возможности действительно нового переживания, вызывающего серьезные изменения характера.

Обнаружить, каким был человек в момент рождения и в первые месяцы или первый год жизни, трудно потому, что вряд ли кто помнит, что чувствовал в то время. Первые воспоминания обычно относятся ко второму или третьему году жизни, и в этом заключается одна из основных проблем теории Фрейда о важности раннего детства. Он постарался справиться с этой проблемой изучением феномена переноса. Иногда это дает результаты, но, изучая истории болезни, описанные фрейдовской школой, мы вынуждены признать, что переживания раннего детства в большинстве случаев являются лишь реконструкциями. А на эти реконструкции нельзя полагаться. Они основаны на постулатах фрейдовской теории, и убежденность в их подлинности часто является результатом искусного промывания мозгов. Хотя предполагается, что психоаналитик должен оставаться на эмпирическом уровне, в действительности он незаметно подсказывает пациенту, что тот должен был переживать, и в результате долгих психоаналитических сеансов, находясь в полной зависимости от психоаналитика, пациент очень часто заявляет или, как иногда пишут в психоаналитических историях болезни, «признает», что он на самом деле чувствует то, что должен чувствовать теоретически.

Разумеется, психоаналитик не должен ничего навязывать пациенту. Но чувствительный пациент, и даже не очень чувствительный, начинается через какое-то время понимать, что психоаналитик ожидает от него услышать, и соглашается с таким объяснением, которое признает правильность реконструкции того, что должно было случиться. К тому же следует учитывать, что ожидания психоаналитика основываются не только на требованиях теории, но также и на буржуазном представлении о том, каким должен быть «нормальный» человек.

Предположим, что в человеке стремление к свободе и протест против подчинения чужой воле развиты особенно сильно, тогда будет считаться, то бунтарский характер этого человека имеет иррациональную основу и его следует объяснить Эдиповой ненавистью

сына к отцу, берущей начало в сексуальном соперничестве за мать-жену. Тот факт, что детьми управляют и манипулируют в детстве, и в дальнейшей жизни принимается как норма, а отсюда бунтарство считается выражением иррациональности.

Фромм обращает внимание еще на один фактор, на который мало обращают внимания. Отношения между родителями и детьми часто представляются как улица с односторонним движением, а именно что родители влияют на детей. Часто игнорируется тот факт, что это влияние ни в коей мере не одностороннее. Родители могут естественным образом не любить ребенка, даже новорожденного, не только в силу причин, которые часто обсуждаются, — нежеланный ребенок или деструктивный, садистский характер родителей и. т.п. — но и вследствие того, что родитель и ребенок несовместимы по своей природе, и в этом смысле их отношения не отличаются от отношений между взрослыми людьми. Родитель может просто не любить тот тип людей, к которому принадлежит собственный ребенок, и ребенок может чувствовать это с самого начала.

С другой стороны, ребенок может не любить таких родителей, как у него, а поскольку он слабее, его за это наказывают всевозможными более или менее искусно скрываемыми способами. Ребенок — а также мать — оказывается в ситуации, когда мать должна заботиться о ребенке, а ребенок должен терпеть мать, несмотря на то, что они совершенно не любят друг друга. Ребенок не может выразить это словами; а мать будет чувствовать себя виноватой, если признается себе, что не любит ребенка, которого родила, поэтому оба испытывают особого рода напряженность и наказывают друг друга за то, что должны находиться в нежеланной близости. Мать делает вид, что любит ребенка, и незаметно его за это наказывает, ребенок делает вид, что так или иначе любит мать, потому что его жизнь так сильно зависит от нее. В такой ситуации много обмана, против которого дети часто бунтуют тем или иным способом и который мать обычно отрицает, потому что ей стыдно не любить своих детей.

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

Идея эдипова комплекса родилась у Фрейда еще в конце XIX в. Но само понятие появилось в 1910 г. С тех пор он стало одним из ключевых в психоанализе. Этим комплексом Фрейд обозначил эротическое влечение ребенка к родителю противоположного пола. Австрийский психиатр воспользовался древнегреческим мифом о царе Эдипе. Это один из самых трагических героев греческих мифов и драм.

Судьба Эдипа была предопределена страшным проклятием, которое навлек на себя его отец Лай, похитивший юного Хрисиппа, сына элидского царя Пелопса, и ставший причиной его смерти. Это проклятие должно было преследовать род Лая до третьего поколения, и первой его жертвой должен был стать сам Лай, обреченный пасть от руки собственного сына.

Поэтому, когда у Лая родился сын, он велел рабу бросить его в лесу на склонах Киферона, чтобы дикие звери растерзали его. Для большей верности он проколол ему ноги у лодыжек и связал их ремнем. Но раб пожалел ребенка и отдал его пастуху, случайно встретившему в лесу, а пастух принес мальчика своему господину, бездетному коринфскому царю Полибу. Тот усыновил мальчика, дал ему имя Эдип (Ойдипус, т.е. опухший ногами) и вместе со своей женой Метропой воспитал его так, как подобает наследнику трона.

Эдип, конечно, считал Полиба и Метропу своими родителями, пока один подвыпивший коринфский юноша не назвал его подкидышем. Эдип рассказал об этом Полибу и Метропе и по их реакциям догадался, что они скрывают от него правду. Тогда он отправился в Дельфы, чтобы узнать от оракула, кто же его настоящие родители. Однако пифия ничего не сказала Эдипу о его прошлом, зато предсказала его будущее: он убьет своего отца, женится на своей матери, и она родит ему сыновей, которых он проклянет, желая им смерти.

Потрясенный Эдип решил сделать все, чтобы не сбылось пророчество. Пифия не назвала ему имена родителей, значит, ими вполне могли быть Полиб и Метропа. В этом случае Эдипу нельзя было к ним возвращаться — и он предпочел остаться безродным бродягой, только бы не подвергать жизнь своих родителей опасности. Но может ли человек избежать своей судьбы? Эдип не вернулся в Коринф и пошел прямым путем — в Фивы.

В узком ущелье над Парнасом Эдип повстречался с колесницей, на которой восседал какой-то знатный старец. Эдип уступил дорогу, но возникшему этому показалось мало. Он грубо велел Эдипу сойти в придорожную канаву и для большей убедительности хлестнул его бичом. Эдип ответил ударом на удар и хотел продолжать свой путь, но тут поднялся достойный старец и ударил его своим посохом. При всем уважении к сединам Эдип не удержался и ответил ему тем же, к сожалению, удар оказался слишком сильным, и старец скончался на месте. Его спутники набросились на Эдипа, но он перебил их всех, за исключением одного раба, сбежавшего в самом начале боя. Первая часть пророчества сбылась: незнакомый старик, убитый Эдипом, был его отцом Лаем, который направлялся в Дельфы спросить оракула, как избавиться Фивы от чудовищной Сфинкс. Вместо Лая в Фивы вернулся раб, который сообщил, что царь погиб от рук разбойников.

Придя в Фивы, Эдип избавил город от чудовища, разгадав его загадки. Благодарные фиванцы провозгласили его своим царем, так как брат Иокасты Креонт заявил после смерти Лая, что царем станет тот, кто избавит Фивы от Сфинкса. Все шло так, как было предсказано пророчеством. Эдип поселился в царском дворце и женился на Иокасте. На двадцатом году благополучного правления в Фивах начала свирепствовать мировая язва, сопровождавшаяся неурожаем. По просьбе Эдипа Креонт отправился в Дельфы, чтобы узнать, как избавиться от этого бедствия. Ответ пифии был таков: фиванцы должны изгнать из своей среды того, кто убил Лая и навлек на город кару богов. Но как найти убийцу? Эдип обратился к слепому прорицателю Тересию, который наотрез отказался назвать имя убийцы, хотя и не отрицал, что оно ему известно. Эдип умолял, но старец был непреклонен. Наконец, уступая настояниям народа и угрозам Эдипа, Тересий заявил: «Так знай же, Эдип, что ты убийца своего отца! И ты по неведению женился на своей матери!»

Эдип пришел в неопределимую ярость. Он решил, что Тересий по наущению Креонта оклеветал его, чтобы вернуть себе власть. Сурового правдолюбца Тересия он назвал продажным лжецом. Тересий же спокойно добавил: «Знаешь ли ты, что Фивы — место твоего рождения, хотя ты и пришел к нам как чужестранец. Ты слеп, хотя у тебя есть глаза — но скоро ты их лишишься, так же как своей власти и богатства, и станешь изгнанником».

Спокойная уверенность Тересия встревожила Эдипа. Он призвал к себе Иокасту и спросил, был ли у Лая сын и мог ли он вернуться в Фивы, как утверждает пророчество? Да, отвечала Иокаста, она родила Лая сына, но Лай велел отнести ребенка в лес, испугавшись пророчества. Раб, который отнес ребенка, еще жив и может подтвердить ее слова. Когда после разных расспросов выяснилась правда, Эдип вне себя от отчаяния бросился в спальню Иокасты, он нашел ее уже мертвой. Он выдернул из платья Иокасты золотую булавку и выколол себе глаза. Он не хотел видеть солнечный свет, который показывал ему всю глубину его падения, не хотел больше видеть ни своих детей, ни родные Фивы. В борьбе с судьбой он лишился всего, в том числе и надежды.

Миф об Эдипе обязан своей известностью Софоклу, который, используя древние фиванские предания, в двух своих трагедиях создал образ Эдипа с непревзойденным мастерством. Благодаря этому Эдип и сегодня остается одной из величайших фигур греческой и мировой драматургии. Эдип в трактовке Софокла напоминает нам об извечном непостоянстве человеческого счастья и предстает доказательством неотвратимости судьбы, которая внушает ужас.

Предание об Эдипе раскрывает важные аспекты человеческой судьбы. Древний эллин внутренне, насущно покорен року, косми-

ческой судьбе справедливости. Как отмечает отечественный философ В.С. Библер, древний грек обреченно избирает предначертания судьбы — предопределены и рождения, и смерти, и жизни родов, племен, полисов. Эллин должен честно знать свою судьбу и тайный смысл своих поступков. Он должен честно играть свою роль в космической трагедии. Но одновременно древний эллин целиком отвечает за космический рок, за его завязку и развязку. Это индивид, могущий и долженствующий судить самого себя, индивид, способный сосредоточить однажды — в акте героического поступка все прошлое и будущее многих поколений¹.

Именно так и осмысливал Фрейд эту трагическую судьбу. Когда он смотрел спектакль, в котором разыгрывалась суровая драма Эдипа, он обратил внимание на тот факт, что Иокаста покончила с собой еще до того, как открылась правда. По-видимому, она догадывалась о том, что живет с сыном. И вот Фрейд приходит к убеждению, что в трагедии Софокла раскрыта общечеловеческая сюжетика. Каждый из нас, родившись, несет в себе зародыш такой драмы. Он невольно попадает в любовный треугольник — родители и он сам (или сама). Фрейд считал, что эдипов комплекс — это судьба всех мужчин. Мальчики испытывают сексуальное влечение к матери, воспринимая своего отца как сексуального соперника. По мнению австрийского психиатра, эдипов комплекс достигает вершинных значений в детском возрасте (между 3 и 5 годами жизни). После некоторого угасания он возрождается в период полового созревания, в процессе которого преодолевается тем или иным выбором эротического объекта.

Фрейд был убежден, что личность человека в значительной степени формируется в зависимости от переживания данного комплекса. Вот что писал по этому поводу Фрейд:

На основании многих многочисленных наблюдений родители играют преобладающую роль в детской душевной жизни всех позднейших психоневротиков; любовь к одному из них и ненависть к другому образуют неизменную составную часть психического материала, образованного в то время и чрезвычайно важного для симптоматики последующего невроза. Я не думаю, однако, что психоневротики резко отличаются в этом от других нормальных людей. Гораздо вернее — это подтверждается случайными наблюдениями над нормальными детьми, — что они со своими дружелюбными и враждебными желаниями по отношению к своим родителям воплощают лишь процесс преувеличения, который более или менее интенсивно и отчетливо совершается у большинства детей².

¹ Библер В.С. Культура, нравственность, современность. М., 1991.

² См.: Лейбин В.М. Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство. М., 2000. С. 380.

Древность, подмечает Фрейд, в подтверждение этой истины заведает нам чрезвычайно убедительный миф, глубокое и всеобъемлющее значение которого становится понятным лишь при помощи установления вышеуказанных черт детской психологии. «Царь Эдип» — так называемая трагедия рока. Ее трагическое действие покоится на противоречии между всеобъемлющей волей богов и тщетным сопротивлением людей, которым грозит страшное бедствие. Подчинение воле богов, бегство и сознание собственного бессилия — вот в чем должен убедиться потрясенный зритель трагедии. Но причина популярности античной трагедии, считает Фрейд, не в изображении противоречия между роком и человеческой волей, а в особенностях самой темы, на почве которой изображается это противоречие.

Судьба его, согласно Фрейду, захватывает нас потому, что она могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул снабдил нас до нашего рождения таким же проклятием, как и Эдипа. Всем нам, быть может, суждено направить наше первое сексуальное влечение на мать и первую ненависть и насильственное желание на отца. Наши сновидения убеждают нас в этом. Царь Эдип, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, представляет лишь осуществление желания нашего детства. Но более счастливые, нежели он, мы сумели отщепить наше сексуальное чувство от матери и забыть свою ревность по отношению к отцу. Человек, осуществивший такое первобытное детское желание, вселяет в нас содрогание, мы отстраняемся от него со всей силой процесса вытеснения, которое претерпевают с самого детства эти желания в нашей душе.

Напомним, что в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» Фрейд рассказывал о страхе перед лошадьми, вследствие которого мальчик отказывался выходить на улицу. Он выражал опасение, что лошадь придет и укусит его. Оказалось, что это было наказанием за его желание, чтобы лошадь упала (умерла). После того как мальчик, подбодренный, освободился от страха перед отцом, оказалось, что он борется с желаниями, содержание которых составляет отсутствие отца (отъезд, смерть отца). Он чувствовал в отце, показывая это совершенно ясно, конкурента в симпатиях матери, на которую в темном предчувствии были направлены зарождающиеся сексуальные желания. Он находился, следовательно, в состоянии типичной направленности ребенка мужского пола к родителям, которую мы и называем «комплексом Эдипа».

Вытекающая из соперничества по отношению к матери ненависть не может свободно распространяться в душевной жизни у мальчика, ей приходится вступить в борьбу с существующей уже

нежностью и преклонением перед отцом. Ребенок, стало быть, находится в действительной — амбивалентной направленности — чувств к отцу и находит облечение в этом амбивалентном конфликте, перенося свои враждебные и боязливые чувства на суррогат отца. Сдвиг, однако, не может разрешить конфликт таким образом, чтобы привести к полному разделению нежных и враждебных чувств. Конфликт переносится на объект сдвига, амбивалентность передается на этот последний. Вполне очевидно, по мысли Фрейда, что маленький Ганс проявляет к лошадям не только страх, но также уважение и интерес. Как только его страх уменьшается, он сам отождествляет себя с внушающим ему страх животным, скачет как лошадь и кусает со своей стороны отца. В другой стадии развития фобий ему ничего не стоит отождествить родителей с другими большими животными.

Фрейд отмечал, что мы называем мать первым объектом любви. Мы говорим именно о любви, когда выдвигаем на первый план душевную сторону сексуальных стремлений и отодвигаем назад или хотим на какой-то момент забыть лежащие в основе физические или «чувственные» требования влечений. К тому времени, когда мать становится объектом любви, у ребенка уже началась такая психическая работа вытеснения, которая лишает его знания какой-то части своих сексуальных целей. К этому выбору матери объектом любви присоединяется все то, что под названием эдипова комплекса приобрело такое большое значение в психоаналитическом объяснении неврозов и, может быть, сыграло, как отмечает Фрейд, не меньшую роль в сопротивлении психоанализу.

Фрейд показывал, что в эдиповом комплексе можно видеть один из самых важных источников сознания вины, которое так часто мучает невротиков. В работе «Тотем и табу» Фрейд высказал предположение, что, возможно, человечество в целом приобрело свое сознание вины, источник религии и нравственности, в начале своей истории из эдипова комплекса. В работах Фрейда показано, что значение эдипова комплекса как центрального феномена сексуального периода, относящегося к раннему детству, возрастает все больше и больше. Затем он погибает, он подлежит вытеснению, а за ним наступает латентный период. Однако, по Фрейду, до сих пор неясно, отчего он погибает. Анализы как будто учат — от наступающих болезненных разочарований. Маленькая девочка, которая считает себя любимицей, предпочитаемой отцом, должна пережить однажды строгое наказание, наложенное отцом, и чувствует себя сброшенной с небес. Мальчик, рассматривающий мать как свою собственность, узнает однажды, что она лишает его люб-

ви и заботливости, направляя их на нового пришельца. Размышление, показывает Фрейд, углубляет ценность этих моментов, подчеркивая, что такие мучительные открытия, противоречащие содержанию комплекса, неизбежны. Даже в тех случаях, где не имеют места особые события, отсутствие ожидаемого удовлетворения, постоянный отказ в желанном должны привести к тому, что маленький влюбленный отворачивается от своей безнадежной склонности. Таким образом, эдипов комплекс погибает из-за своей внутренней невозможности.

Согласно другому взгляду, эдипов комплекс должен погибнуть, так как наступило время для его распада, подобно тому как выпадают молочные зубы, когда вырастают постоянные. Если эдипов комплекс и переживается индивидуально большинством людей, то он является тем не менее предопределенным наследственностью, ею заложенным феноменом, который должен сообразно с законами развития исчезнуть, когда наступает ближайшая, заранее предопределенная стадия развития. Тогда абсолютно безразлично, в силу каких причин это происходит и можно ли вообще найти эти причины.

Каждый из этих взглядов по-своему справедлив, однако они не исключают друг друга. Наряду с глубоким филогенетическим взглядом остается место и для онтогенетического. Ведь индивиду в целом предназначено уже при рождении умереть, и, быть может, это органическое предрасположение уже содержит в себе указание, от чего он должен умереть. Однако не лишено интереса, как показывает Фрейд, проследить, как осуществляется эта привнесенная закономерность и каким образом предрасположение используется случайными вредными моментами. Фрейд пишет:

Я не вижу никаких оснований для того, чтобы отказать отчуждению Я от Эдипова комплекса в названии «вытеснение», хотя более поздние вытеснения осуществляются при участии сверх-Я, которое лишь теперь образуется. Однако описанный процесс является чем-то большим, нежели вытеснение; в случае идеального осуществления он равнозначен разрушению и упразднению комплекса. Мы можем, очевидно, предположить, что мы наткнулись здесь на границу между нормальным и патологическим, которая никогда не бывает резко выражена. Если Я на самом деле не добилося ничего, кроме вытеснения комплекса, то последний продолжает бессознательно существовать в Оно и впоследствии обнаружит свое патогенное значение¹.

¹ Цит. по: *Лейбин В.М.* Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство. С. 404—405.

Итак, Фрейд считал, что эдипов комплекс у мальчиков первичен, относится к фаллической стадии и погибает вследствие комплекса кастрации и нарциссического отношения к гениталиям. У девочек эдипов комплекс оказывается вторичным образованием. Он становится возможным и возникает благодаря подготовительным воздействиям комплекса кастрации. Эдипов комплекс в значительной степени определяет формирование желаний и позднейшее поведение взрослого человека. В частности, например, в зрелом возрасте человека он оказывает значительное влияние на выбор сексуальных партнеров, который связан с образом и подобием одного из родителей.

Признание или отвержение эдипова комплекса Фрейд считал важнейшей демаркацией, которая разделяет сторонников и противников психоанализа. Однако далеко не все психоаналитики признавали наличие этого комплекса. Некоторые авторы внесли существенные исправления в истолкование этого комплекса. Другие внесли коррекции во временные рамки его развития и разрушения. Наконец, многие культурологи подвергли сомнению исторические параллели З. Фрейда, согласно которым лежащее в основе эдипова комплекса отцеубийство было действительным событием истории. Французские психоаналитики, частности, утверждали, что во многих культурах эдипов комплекс не просматривается.

Но, в частности, и В. Райх утверждал, что эдипов комплекс сохраняет свое значение только в западной культуре с присущими ей ценностями господства и подчинения. С преобразованием социальной организации людей этот комплекс должен исчезнуть. Возражали против фрейдистской трактовки мифа об Эдипе также и О. Ранк и Э. Фромм. Ранк считал, что миф об Эдипе рассказывает о травме рождения человека и его желании вернуться в материнской лоно. По сути дела, Эдип реализует свое стремление и на реально-жизненном уровне. В качестве мужа он входит в материнское лоно. Но тяга к дородовому состоянию воплощается также и на символическом уровне. Бросаясь в бездну, Эдип одновременно исчезает в лоне природы.

Э. Фромм не согласен с трактовкой сюжета мифа, потому что Фрейд, как он считает, основывал свое толкование только на трагедии Софокла «Царь Эдип». Но ведь у Софокла есть трилогия, она включает такие части, как «Эдип в Коломне» и «Антигона». В интерпретации Фромма миф о Эдипе можно толковать не как символ incestуозной (кровосмесительной) любви между матерью и сыном, а как символ протеста сына, восставшего против власти отца в патриархальной семье.

Однако в книге, которую мы предлагаем читателям, речь идет о первоначальной фрейдистской трактовке эдипова комплекса. Правда, авторы сборника вносят и определенные коррективы в его трактовку. Как известно, лидер британской школы психоанализа М. Кляйн обращает особое внимание на самые ранние стадии детства, не называя доэдиповской ни одну из этих стадий. Для сторонников Кляйна эдипов комплекс связан с так называемой депрессивной установкой, при которой ребенок вступает в отношения со взрослыми как с цельными персонажами. На самом деле она расширила понимание эдипова комплекса, как это и подмечает Майкл Фелдман, разработав понятие внутреннего мира ребенка, населенного образами из раннего жизненного опыта, на качества и функции которых повлияли проекции и искажения.

Известно, что М. Кляйн была одной из тех, кто стоял у истоков объектных отношений. Так в психоанализе называют бессознательные ментальные представления объектов, которые складываются из межличностных взаимодействий по мере развития личности. В них обнаруживаются представления значимых связей и опыта детства. Они глубоко затрагивают межличностные взаимодействия человека и выбор им объектов. Ее теория возникла во многом из наблюдений за ее собственными детьми и из анализа других детей, многие из которых были, по ее мнению, психотиками. В своих работах она показывала значение ранних доэдиповых отношений в развитии и обнаружения психопатологии, бросая тем самым вызов классической теории Фрейда в понимании комплекса.

Ее теория основывается в основном на травматической и топографической моделях Фрейда. Иначе говоря, она придерживается расширенного толкования теории инстинкта смерти и развивает свою собственную комплексную терминологию. Одно из базовых положений ее теории — конфликт, исходящий из первоначальной борьбы между инстинктами жизни и смерти. Этот конфликт оказывается врожденным и проявляется с момента рождения. Кляйн разделяла идеи О. Ранка, который считал акт рождения феноменом катастрофы, дающей начало постоянно сопутствующей тревожности в отношениях с окружающим миром. Первым объектом ребенка, который он воспринимает как нечто отделенное от Я, оказывается материнская грудь, которая в силу сопровождающей ее тревоги воспринимается как враждебный объект. Кляйн в своих работах подчеркивает первостепенную важность влечений, которые представляют собой объектные взаимоотношения.

Ортодоксальная психоаналитическая теория характеризует первый год жизни в качестве периода начального формирования Эго.

Супер-Эго, как считается, в это время отсутствует. М. Кляйн допускает функционирование хорошо развитых Эго и Супер-Эго на первом году жизни. Она утверждает, что функции Эго, бессознательная фантазия, способность формировать объектные отношения, переживание тревожности, применение защитных механизмов, — все это доступно ребенку с самого рождения. Кляйн рассматривает фантазию как ментальную репрезентацию инстинкта. Таким образом, получается, что любой инстинктивный импульс имеет соответствующую ему фантазию, и функция фантазии заключается в обслуживании инстинктивных импульсов.

Система Кляйн основывается на интерпретации бессознательных фантазий при психоаналитической работе с детьми, страдающими неврозами. Эти бессознательные фантазии, по ее мнению, являются первоначальным содержанием всех психических процессов, они лежат в основе бессознательного и сознательного мышления. Если клинические доказательства существования фантазий у детей общепризнаны, то допущение значимости фантазий в первые месяцы жизни — вопрос доверчивости. Как отмечает Джеральд Блюм, некоторые бесцеремонные индивиды стремятся охарактеризовать шестимесячного младенца как неблагодарного негодяя, готового расчленив маму на части. Большинство из нас, однако, предпочтет подождать с этим прозвищем один из два месяца, пока намерения младенца не выявятся¹.

Кляйн усматривает доказательства широкого спектра высокодифференцированных отношений к объектам, отчасти либидных, отчасти агрессивных, в первые месяцы жизни. Ребенок шести месяцев уже любит, ненавидит, желает, атакует, хочет разрушать и готов «разорвать мать на части». В страхе перед своими деструктивными влечениями он приписывает и внешним объектам и в фантазиях проглатывает объекты, чтобы их разрушить. Противовесом деструктивным влечениям выступает строго Супер-Эго, или сознание. В результате возникают многие осложнения, например расщепление Супер-Эго или его неприятие.

Поскольку ребенок постоянно воспринимает мать с новой позиции или другим способом, Кляйн использует слово «позиция» для описания того, что аналитики, не разделяющие ее взглядов, называют стадией развития. Первая позиция, от рождения до трех месяцев, обозначается как параноидно-шизоидная позиция. Параноидна она в силу того, что у ребенка существует устойчивый страх преследования со стороны внешнего плохого объекта, груди, которая

¹ Блюм Д. Психоаналитические теории личности. М., 1999. С. 75.

интернализирована или интроецирована ребенком, пытающимся уничтожить ее как объект. Внутренний и внешний плохой объект возникает из влечения к смерти. Идея пизонидности исходит из склонности ребенка к расщеплению «хорошего» и «плохого».

Кляйн вводит термин *проективная идентификация* в контексте действий ребенка по отношению к самому себе и по отношению к своей матери. В фантазиях ненавистная и угрожающая часть расщепляется (в добавлении к более раннему расщеплению объектов) и проецируется на мать, для того чтобы повредить объект и завладеть им. Ненависть, ранее направляемая на часть себя, теперь направляется на мать. Этот процесс ведет к частичной идентификации, которая устанавливает прототип агрессивных объектных отношений. Для описания этих процессов и предлагается термин «проективная идентификация».

Вот что пишет Е. Спиллиус: «Кляйн определила термин... почти случайно, в паре параграфов и, согласно Ханне Сегал, сразу же пожалела об этом». Этот термин стал повсеместно использоваться в расширенном значении и часто равнозначен проекции». Так же как и влечение к смерти, влечение к жизни или либидо связано с грудью, с первым внешним объектом. Эта хорошая грудь также интернализуется и сохраняется с помощью интроекции. Так борьба между влечением к жизни представляется как борьба между питающей и пожирающей грудью. С двух сторон формируется сердцевина Супер-Эго в его хорошем и плохом аспектах. Страх в первые три месяца характеризуется угрозой вторжения плохого преследующего объекта внутрь Эго, разрушением внутренней идеальной груди и уничтожением собственного Я. С этим связана и роль зависти, которая, по Кляйн, существует у ребенка от рождения. Так как идеальная грудь принимается теперь как источник любви и доброты, Эго старается соответствовать этому. Если это не представляется возможным, Эго стремится атаковать и разрушить хорошую грудь, чтобы избавиться от источника зависти. Ребенок пытается расщепить болезненный аффект, и, если эта защита оказывается удачной, благодарность, интроецированная в идеальную грудь, обогащает и усиливает эго.

Если развитие происходит благоприятно и, в частности, происходит идентификация с хорошей грудью, ребенок становится более терпимым к инстинкту смерти и все реже прибегает к расщеплению и проекции, одновременно уменьшая параноидальные чувства и двигаясь к дальнейшей эгоинтеграции. Хорошие и плохие аспекты объектов начинают интегрироваться, и ребенок воспринимает мать одновременно и как источник и получатель плохих и хороших чувств. В возрасте приблизительно трех месяцев ребенок минует

депрессивную позицию. Теперь основная его тревожность связана со страхом, что он разрушит или повредит объект своей любви.

В результате он начинает искать возможность интроецировать мать орально, т.е. интернализовать, как бы защищая ее от своей деструктивности. Оральное всемогущество, однако, ведет к страху, что хороший и внешний и внутренний объект каким-либо способом могут быть поглощены и уничтожены, и таким образом даже попытки сохранить объект переживаются как деструктивные. В фантазиях куски мертвой поглощенной матери лежат внутри ребенка. Для этой фазы характерны депрессивные чувства страха и безнадежности.

Развитие и мобилизация Супер-Эго и эдипов комплекс углубляют депрессию. На пике орально-садистической фазы (в возрасте около восьмидесяти месяцев) под влиянием преследования и депрессивных страхов и мальчики и девочки отворачиваются от матери и ее груди к пенису отца как к новому объекту орального желания. В начале эдиповы желания фокусируются на фантазиях лишения матери пениса, телесности и детей. Очевидно, все это происходит под влиянием мощных тенденций, таких, например, как консолидация структур Супер-Эго, стремление скомпенсировать депрессивную позицию, чтобы, таким образом, в фантазиях восстановить мать.

Теория Кляйн скорее топографическая, чем структурная (т.е. базируется на поздней теории Фрейда), поэтому ее понятия не связаны с эгофункционированием, как мы себе его представляем. К примеру, Эго в понимании Кляйн ближе к Я, в котором отсутствуют саморегулирующие функции, обозначенные Фрейдом в его структурной модели. Далее, фантазия в ее понимании — это прямое выражение влечения, а не компромисс между импульсами и защитными механизмами, которые следуют из эгофункционирования, соответствующего реальности. Ее убежденность, что фантазия доступна ребенку от рождения, не соответствует данным когнитивной психологии и нейродисциплин. Тревожность для нее — это постоянно угрожающее травматическое влияние, сокрушающее Эго и не несущее сигнальной функции, как предполагал Фрейд в своей структурной теории тревожности. Хотя Кляйн и описала широкий набор защитных механизмов, преобладание «хорошего» опыта над «плохим» более важно для ее теории для поддержания внутренней гармонии, чем использование эффективных защитных механизмов, как это понимается в структурной теории.

Согласно Кляйн, основной конфликт, присущий от рождения, происходит между двумя врожденными влечениями, а не между разными психическими структурами, и это не связано с эгофункционированием. Соответственно интерпретация бессознатель-

ных агрессивных и сексуальных импульсов с объектом является центральным моментом в практике Кляйн. Более того, согласно ее взглядам, как отмечают Ф. Тайсон и Р. Тайсон, конфликт существует между двумя определенными врожденными влечениями, и, кроме как по своей форме, он вряд ли зависит от условий последующего развития. То есть влияние среды и индивидуального опыта имеет небольшое значение для развития. Ее взгляд на развитие сильно отличается от принятого нами¹.

Литература

1. Библер В.С. Культура, нравственность, современность. М., 1991.
2. Блум Д. Психоналитические теории личности. М., 1999.
3. Лейбин В.М. Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство. М., 2000.
4. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.

Вопросы для повторения

1. Когда и почему сформировался миф о «невинном ребенке»?
2. Почему, по мнению Фромма, психоаналитик игнорирует различия в генетической предрасположенности?
3. Отчего у людей появляется чувство ложной идентичности?
4. Почему отношения между родителями и людьми воспринимаются как улица с односторонним движением?
5. Как понять суждение о том, что теория М. Кляйн скорее топографическая, нежели структурная?

Темы докладов и рефератов

1. Миф о невинном ребенке.
2. «Эдипов комплекс» как феномен.
3. Фобии пятилетнего мальчика.
4. Бессознательные фантазии ребенка.
5. Развитие и мобилизация Супер-Эго.

¹ Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоналитические теории развития. Екатеринбург, 1998. С. 91–92.

Сексуальное программирование

*Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушной с каждым днем.
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.
Запрещаешь пить и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобой не расставаться,
Остальное все равно!*

Анна Ахматова

Судьбические сценарии

Моя пациентка Лера поехала к бабушке навестить ее после долгой разлуки. Мама Леры — успешная журналистка, бизнес-леди. Когда Лера была совсем маленькой, пришлось отдать ее бабушке на воспитание. Та оказалась весьма заботливой, постоянно опекала ее. И все бы хорошо. Но вот только бабушке всегда казалось, что девочка совсем беспомощная, ничего не умеет, ни к чему не приспособлена. Это она постоянно и проговаривала: «Что ты, Лера, разве ты можешь?»

А вот прошли десятилетия. Теперь Лера замужем. Она явилась в деревню и сказала: «Бабушка, я беременна». «Ты? — бабушка не скрывала своего крайнего удивления. — Разве ты можешь?» «А почему нет? — ответила Лера. Это так естественно, выйти замуж, родить ребенка». «Так у тебя есть муж? — бабушка продолжала находиться в смятении. — Ты смогла выйти замуж?»

С самого рождения человек делает то, что ему велят, чего нельзя сказать о животных. Это реальное различие, и, как нередко бывает, оно противоположно тому, что на этот счет люди думают. Про сексуального человека могут сказать: «Он просто животное», в то время как человек по своей природе более сексуален, чем животные. Несексуальное животное никогда не назовут человеком. Жестокое человека также могут именовать «зверем», хотя животные большей частью не жестоки, они лишь бывают голодными. Челове-

ка называют свободным, хотя на самом деле он — самое зависимое и угодливое из всех животных. Человека считают социальным существом. Однако при известных обстоятельствах люди теряют человеческий облик.

Некоторых животных можно научить выполнять трюки, но не приручить. Других животных можно приручить и научить выполнять трюки. Но человек приручен с самого начала, и он проводит все свое время, выполняя трюки для своих хозяев. Сначала это папа и мама, потом учитель, затем начальник, который тоже выглядит дрессировщиком. Но человек может оказаться поживой и других людей, которые зовут его на тропу войны или революции. Человек как социальное существо постоянно программируется. Его обучают быть послушным, покорным, конформным. «Заруби себе на носу — делай так, как тебя учили», «Не умничай, поступай, как все», «Запомни: шаг влево, шаг вправо, считается побегом», «Равняйся на грудь четвертого человека...»

С первых месяцев жизни ребенка учат не только что делать, но также и что видеть, слышать, трогать, думать и чувствовать. И кроме того, независимо от того, совершает ли он хорошие поступки или ведет себя как неудачник, ему предрекают судьбу, объясняют, как он закончит свой жизненный путь. И все эти инструкции программируют его ум и его мозг так же жестко, как карточки — работу компьютера. То, что в более позднем возрасте человек считает своей независимостью, — это не что иное, как свобода выбирать определенные компьютерные карточки, дырочки же по большей части остаются там, где они были пробиты с самого начала.

Некоторые люди обретают возбуждающее чувство свободы через бунт. Что это означает? Одно из двух: либо они берут стопку карточек, впечатанных в раннем детстве, которыми они до сих пор не пользовались, либо они переворачивают некоторые из карточек вверх тормашками или справа налево и делают нечто противоположное тому, что там написано. Часто это означает просто следование инструкции специальной карточки, которая гласит: «Когда тебе будет 18 (40), используй эту новую стопку карточек или переверни вот эти карточки». Другой род бунта тоже вырастает из инструкции: «Когда тебе будет 18 (40), выброси все карточки серии А и останься в пустоте». Эту пустоту надлежит заполнить стремительно, нередко подвертываются случайные программы, которые могут исходить от мага или бунтовщика, наркомана или харизматического лидера.

В любом случае каждый человек к пяти или шести годам оказывается уже послушным обладателем *скрипта*. Именно так амери-

канский психолог Э. Берн обозначал жизненный сценарий. В значительной степени этот скрипт продиктован родителями. В этом плане указано, как он собирается провести свою жизнь, как он ее завершит, будет ли он триумфатором, не-победителем или неудачником. Умрет ли он в большой комнате в окружении близких и любимых или закончит ее на больничной койке, а может быть, умрет налету, как птица. Совсем как у Пушкина: «И где мне смерть пошлет чужбина, в бою ли в странствиях, в волнах, или соседняя долина мой охладелый примет прах?»

В пять-шесть лет ребенок еще не знает всего этого. Но у него уже есть кое-какой жизненный опыт: он знает о льве, который выходит победителем из любой схватки, о рыбе, которая плавает мертвой в холодной воде. «И он знает достаточно, чтобы прийти первым или вторым, как его отец, его папочка, или последним, как "мой старикан — уж он удержит свой стакан!". Это свободная страна: но не глазей на людей. У нас свобода слова, так что слушай меня. Если ты не позаботишься о себе, никто другой о тебе не позаботится, но 1) нет, нет, не трогай, или 2) убери свои лапы от моих денег, или 3) ты что, вором хочешь вырасти?»¹

Ну-ка, дай ему сдачи! Задай ему хорошенько! Извинись сейчас же. Даже не смей думать об этом. Я тебе покажу. Ты еще поплачешь у меня, скотина. Позлись, позлись. Поплачь, поплачь. И тебе не стыдно! Разве так делают? Ну почему ты такой неумеха? Что ты такой пришибленный? У всех дети, как дети, а тут... Я научу тебя, как думать и как чувствовать. Не думай, а делай так, как тебе говорят. Почему ты не хочешь сначала все как следует обдумать? Чтоб я больше не видела тебя таким беспомощным. Не смей показываться мне на глаза. Будь всегда хорошим. Чего ты такая паинька? Не задавай лишних вопросов. Делай, как тебе сказали.

Так, наученный на что не смотреть, чего не слышать, чего не трогать, что не думать, кем не быть, ребенок отправляется в школу. Здесь он встречает учителей и детей, таких же, как он. Это называется начальной школой, в действительности же это школа законничества. К десяти годам, по мнению Берна, он становится совершенным сутягой в самозащите. И это для него необходимо, в особенности если он относится к трудноподдающимся или непослушным детям. Вы сказали не замазывать то, что написано на доске, но не сказали, что нельзя стирать (или наоборот). Ты сказал, чтобы я не отнимал у нее пирожное, а про жевательную резинку никто ничего не говорил. Ты сказал, чтобы я не говорил дурных слов кузине, но ты не сказал, чтобы я ее не раздевал.

¹ Берн Э. Секс в человеческой любви. М., 1997. С. 165.

Позже, в старших классах, рождаются уже реальные скрипты. «Не стой с ребятами, ты что, хочешь стать плохой?», «Не позволяй себе лишнего, иначе забеременеешь». До сих пор она не знала, как можно забеременеть, теперь она получила четкую установку. Но она еще не готова. Она должна дожидаться сигнала. «Не позволяй себе ничего лишнего — забеременеешь! — пока я не дам тебе сигнала». Девочка знает, что матери было шестнадцать, когда она родилась, и без труда соображает, что была зачата вне брака. Конечно, теперь, когда дочь достигла названного возраста, мать испытывает беспокойство. Однажды мать произносит: «Лето — самое плохое время. Вот когда старшеклассницы беременеют!» (Мама обобщает свой собственный опыт, но девочка получает долгожданный сигнал и наконец оказывается беременной.)

«Не заходи в мужской туалет, там может оказаться дурной человек, который сделает с тобой нечто отвратительное», — говорит отец своему восьмилетнему сыну. Он повторяет это регулярно раз в год. В итоге у мальчика рождается любопытство: а что это «нечто отвратительное»? Однако он знает, куда надо пойти, чтобы получить ответ на этот вопрос. Мальчик отправляется в мужской туалет и там встречается наконец с грязными приставаниями.

Отец другого подростка вкладывает в одно предложение не только сексуальные инструкции, но и целый жизненный скрипт: «Смотри у меня, если я поймаю тебя на дороге, где на обочине стоят женщины, готовые за деньги сделать с тобой все что угодно». Денег у парня еще нет, но он роется в мамином кошельке, находит кое-что достаточное для того, чтобы отправиться к «тем» женщинам. Однако мама решила пересчитать деньги, обнаружила недостачу. Мальчик получил наказание. «Надо было идти сразу, а не откладывать на завтра. Тогда все было бы нормально». Итак, все ясно: надо всегда побеждать. Деньги нужно тратить без промедления.

А вот как звучит инструкция для неудачника: «Если тебе не удастся сразу же, пробуй снова и снова. Даже если ты немного выиграешь, не оставляй попыток, и ты в конце концов проиграешь, потому что ты не можешь побить их всех». Инструкция для победителя: «Зачем вообще терпеть поражение? Если ты проиграл, значит, ты плохо играл. Так что давай еще раз, пока не научишься делать это хорошо».

Если не вмешается какая-нибудь решительная сила, скрипт будет доведен до своего счастливого или печального конца. Можно назвать три значительные силы, которые действуют на скрипт. Во-первых, крупные социальные потрясения: война, голод, эпидемия, революция, террор. Эти события способны круто изменить направ-

ленность жизненного сценария. Во-вторых, психотерапия, которая способна превратить неудачника в непобеждающего, если речь идет о значительном улучшении, а тех, в свою очередь, в победителей. В-третьих, сам человек способен разрушить скрипт собственным решением. Это касается в особенности тех людей, жизненный сценарий которых позволяет им принимать самостоятельные решения.

Э. Бери отмечает, что скрипт не «бессознателен». Он нередко отражает автоматический, но сознательный выбор. Задавая человеку те или иные вопросы, мы видим, что тот способен оправдывать и даже защищать свой сценарий. Проблема заключается в том, что на основании этих сознательных действий и мыслей человек приобретает уверенность в том, что никакого скрипта нет, что он поступает независимо, самостоятельно и критично.

Посмотрим, как Э. Бери описывает типы скриптов. Он показывает, что скрипты создаются, что «жить», «существовать». Они основаны на твердых детских решениях и родительском программировании, которое имеет свойство постоянно возобновляться. Такое «повторение» может принимать форму ежедневного контакта, как у мужчин, которые работают на своих отцов, или у женщин, которые ежедневно звонят матерям по телефону, чтобы поболтать. Это можно происходить также в тонкой и властной форме и с помощью постоянной переписки. Когда родители уходят из жизни, их инструкции могут обрести еще большую реальность и обязательность.

На языке скриптов проигрывающий может именоваться «лягушкой», «козлом», а победитель — «принцем» или «принцессой». Родители хотят, чтобы их ребенок был или победителем, или неудачником. Они хотят, чтобы дети были «счастливы» в избранной для них роли, но не хотят их преображений, кроме, разумеется, некоторых исключительных случаев. Мать, воспитывающая лягушку, может желать дочери быть счастливой лягушкой, но оборвет любую ее попытку стать принцессой («Кем ты себя возмнила?»), потому что сама мать запрограммировала воспитывать лягушку, а не принцессу. Отец, воспитывающий принца, хочет, чтобы его сын не был «козлом». Но он же предпочитает видеть сына «несчастливым козлом», нежели принцем («Мы давали тебе самое лучшее»).

Победитель определяется как человек, который выполняет свой контракт с миром и с самим собой. Иначе говоря, он принимается за то, что он говорит, что он собирается это сделать, и в конце концов делает это. Его цель по контакту может состоять в том, чтобы обзавестись четырьмя детьми, стать президентом фирмы, прыгнуть выше других, опубликовать хороший рассказ, создать искусст-

венный ген или сбить дюжину вражеских бомбардировщиков. Стоит ему достичь названных рубежей — и он победитель.

Иное дело, если он не имеет детей, остается дворником, вместо рассказов пишет газетные репортажи, не получает доступа к науке, оказывается сбитым в первом же полете — ясные кегли, это неудачник. Если он воспитывает трех детей, становится вице-президентом фирмы, открывает новую аминокислоту, публикует простенький детектив или сбивает всего два бомбардировщика, — такой человек не победитель, но и не проигравший. Он «все-таки» и «несмотря ни на что».

Важно, что цель устанавливает он сам, обычно на основе Родительского программирования, но окончательное решение принадлежит Взрослому. Нужно иметь в виду, что тот, кто собирается иметь двух детей, сбить пять бомбардировщиков — добивается цели, это победитель. Но тот, кто хотел иметь четырех детей и сбить дюжину бомбардировщиков, а получилось все чуть хуже — это уже не победитель. На более коротких, чем весь жизненный путь, дистанциях победитель тот, кто становится капитаном команды, назначает свидание недоступной девушке. Неудачник вообще не попадает в команду.

Типичный, классический неудачник — это человек, которого настигла болезнь или который попал под автобус случайно. Если же у него есть основательная причина, он превращается в успешного мученика. Это лучший способ победить посредством поражения. Первое, что должно быть выяснено относительно скрипта, — кому он принадлежит — победителю или неудачнику. Это можно выяснить, послушав, что именно говорит тот или иной человек. Победитель произносит что-либо вроде: «Я ошибся, но больше этого не случится», «Теперь я знаю, как это делать правильно», или «Мне следовало бы...», или «Да, но...». Что касается не-победителей, то скрипт требует от них серьезной работы не в надежде победить, чтобы остаться при своем. Эти люди «по крайней мере я не-» или «Нужно сказать спасибо, что хотя бы...». Не-победители обычно — прекрасные работники, члены группы, слуги: они лояльны, усердны и благодарны, они не склонны чинить неприятности другим. Это приятные во всяком обществе люди.

Победители доставляют беспокойство остальному миру лишь косвенно, когда они сражаются между собой, вовлекая невинных окружающих — иногда миллионами. Они нередко кажутся в противополоственных наклонностях, извращениях, в личной жестокости, в искушении разделиться со своими противниками. Неудачники создают больше всего беспокойства, поскольку даже если они по-

падают на вершину, они по-прежнему остаются неудачниками и стаскивают с собой вниз всех, когда приходит миг расплаты.

Лучший способ отличить неудачника от победителя таков: победитель — это человек, который знает, что он будет делать, если проиграет, но не говорит об этом; неудачник — это тот, кто не знает, что делать, если он проиграет, но говорит о том, что он будет делать, если выиграет. Так что достаточно несколько минут, чтобы отличить победителей от проигрывающих у игорного стола или конторки маклера.

Следующая тема — это структура времени. Есть несколько типов скриптов, структурирующих время всего жизни пути индивида. Шесть основных классов — Никогда, Всегда, Пока Не, Но Потом, Снова и Снова и Открытый Конец. Это лучше всего понять, ориентируясь на греческую мифологию, поскольку греки хорошо чувствовали ритм времени.

Скрипт «Никогда» представлен Танталом, который вечно страдает от голода и жажды, видя пищу и воду и никогда не имея возможности есть и пить. Людям с таким скриптом запрещено родителями делать вещи, которые им больше всего хочется делать; они проводят свою жизнь в искушениях и танталовых муках. Они несут с собой Родительское проклятие, потому что Ребенок в них боится вещей, которых они больше всего хотят.

Скрипт «Всегда» представлен в истории Арахны, посмеявшейся бросить вызов Минерве в рукоделии и в наказание превращенной в паука, всю жизнь вынужденного ткать свою паутину. Такой скрипт создают злобствующие, недоброжелательные родители, говорящие: «Если ты хочешь делать именно это, ты можешь провести оставшуюся жизнь за этим занятием».

Скрипт «Пока Не» соответствует истории Язона, которому было сказано, что он не сможет стать царем, пока не выполнит определенных поручений. В положенное время он получил свою награду и прожил десять лет в счастье. Подобный скрипт был также и у Геркулеса: он не мог стать богом, пока не пробыл перед этим двенадцать лет рабом.

Скрипт «Но Потом» восходит к Дамоклу. Дамоклу было дано наслаждаться счастьем и быть царем, пока он не заметил, что над его головой висит меч, подвешенный на единственном конском волоске. Тема скрипта «Но Потом» такова: «Ты можешь повеселиться пока, но уж потом начнутся твои неприятности». Страх перед надвигающимися неприятностями делает, разумеется, веселье сомнительным. Такие люди говорят: «Если все идет слишком хорошо, обязательно случится что-то нехорошее».

Скрипт «Опять и Опять» представлен Сизифом. Его проклятием было тащить тяжелый камень на гору, причем как раз тогда, когда он был за шаг до вершины, камень падал вниз, и ему приходилось начинать все сначала. Это классический скрипт: «Я почти что сделал это», где одно «если бы только следовало за другим».

Скрипт «Открытый Конец» — это скрипт не-победителя, сценарий «Пирога в Небесах»; ему следует история Филемона и Бавкиды, превращенных в лавровые деревья за добрые дела. Старые люди, выполнившие свои родительские инструкции, не знают, что им делать дальше, после того как все это закончено, и проводят остаток дней в растительной жизни или в болтовне, которая напоминает шелест листьев. Это судьба многих матерей, чьи дети выросли и разбежались кто куда, и мужчин, которые провели тридцать лет, выполняя задания компании и родительские инструкции, а теперь живут в одиночестве, на пенсии, в забытых комнатах. Общества «пожилых людей» переполнены парами, которые завершили свои скрипты и теперь пытаются заполнить свое время, ожидая Обетованной Земли. Папа говорит: «Я сам любил пошалить, когда был подростком, но теперь...», а мама добавляет: «Вы просто не поверите, какая нынче молодежь. Мы все-таки были не такими...»

Все эти скрипты имеют свои сексуальные аспекты. Скрипт «Никогда» может запрещать любовь, или секс, или то и другое. Если запрещена любовь, но не секс, — это лицензия на неразборчивость в связях, та самая, которой широко пользуются моряки, солдаты и бродяги и из которой проститутки и куртизанки получают средство к существованию. Если запрещен секс, но не любовь, получают священники, монахи и монахини и люди, которые делают добрые дела, например воспитывают сирот. Людей, неразборчивых в сексе, мучает вид влюбленных и счастливых семей, тех же, кому доступна любовь, но не секс, порой беспокоит странное желание прыгнуть через стену.

Скрипт «Всегда» представлен юношами и девушками, которых родители прогнали из дому за грехи, самими родителями подсказанные. «Ты забеременела, так иди и зарабатывай себе на жизнь на панели» или «Если ты собираешься пить, это твое дело» — вот типичные примеры. Отец выгоняет дочь на улицу под дождь, может быть, тайл по поводу ее развратные мысли, когда ей было десять лет, а тот, кто выгоняет сына из дома за курение наркотиков, может быть, ночью напьется, чтобы облегчить горе. Родительское программирование в скрипте «Пока Не» представлено наиболее ясно, потому что обычно состоит из явно выраженных приказаний: «Ты не должна иметь половых отношений, пока не выйдешь замуж, и

ты не должна выходить замуж, пока тебе нужно заботиться о матери (или пока не кончишь колледж)». Родительское влияние в скрипте «Но Потом» почти так же ясно выражено — висящий меч подавляется в осязаемых угрозах: «Вот когда выйдешь замуж и пойдут дети, тогда хлебнешь горя». В действии это означает: «Добрые времена пройдут, как опадают лепестки роз, спеши насладиться цветами: то, что есть сегодня, завтра превратится в ничто». Так что молодая жена проводит свои дни, беспокоясь о беременности с первого дня медового месяца. Однако в наши дни фармацевты создали надежную защиту от этой нависающей опасности, так что она может быть хозяйкой положения, и счастье ее не висит на волоске, а ждет, когда она будет готова им насладиться.

Скрипт «Опять и Опять» создает вечную девушку на выданье, никогда не становящуюся невестой, и во всех других отношениях он заставляет пробовать снова и снова, стараться, но никогда не достигать. Скрипт «Открытый Конец» создает стареющих мужчин и женщин, теряющих витальные силы, но не слишком жалеющих о прошлых победах. Женщины с таким скриптом с нетерпением ждут климакса, ошибочно надеясь, что после этого с их сексуальными проблемами будет кончено. Мужчины сходным образом надеются на освобождение от сексуальных обязательств, рассчитывая посвятить свое время работе.

На более интимном уровне каждый из этих скриптов по-своему влияет на оргазм. Скрипт «Никогда», помимо того что он создает старых дев и холостяков, проституток и альфонсов, создает также женщин, которые никогда не переживают оргазма, ни одного за всю жизнь, а также мужчин-импотентов, у которых может быть оргазм, только если нет любви, — классический случай, описанный Фрейдом, случай мужчины, который оказывается импотентом со своей женой, но не с проститутками. Скрипт «Всегда» порождает нифманток и донжуанов, которые проводят жизнь в погоне за надеждой на успех.

Скрипт «По Не» порождает задерганных домохозяек и усталых бизнесменов. Она не способна к сексуальному возбуждению, пока не будет сделано все по дому. У него это связано с тем, в какой мере будут улажены дела в фирме. Но даже если возбуждение возникло, оно может быть прервано играми «Дверца холодильника» или «Записная книжка» — мелочами, которые необходимо проверить немедленно, что и заставляет выскакивать из постели. Скрипт «Но Потом» мешает сексу из-за опасности последствий. Страх беременности, например, мешает женщине пережить полноценный оргазм, а мужчину может заставить поторопиться с оргазмом. Прерванный половой акт, когда мужчина прерывает его перед самым оргазмом, чтобы не допустить беременности, держит обоих партнеров в на-

пряжении с самого начала и обычно оставляет женщину без удовлетворения, если чара слишком стыдлива, чтобы использовать дополнительные средства для ее удовлетворения. Фактическое слово «удовлетворение», которое обычно употребляется при обсуждении этой проблемы, как раз и обнаруживает, что кое-что не в порядке, поскольку хороший оргазм должен быть гораздо более существенным, чем бледная тень, называемая «удовлетворением».

Скрипт «Снова и Снова» — это плач по многим женщинам, которые с каждым сношением все ближе к оргазму, однако когда они уже почти подошли к нему — мужчина кончает, может быть, не без помощи партнерши, и снова остается ни с чем. Это может продолжаться ночь за ночью, годами.

Скрипт «Открытый Конец» проявляется у пожилых людей, которые расценивают секс как усилие или как обязанность. Соображение, что они «слишком стары», позволяет им дезертировать, и их железы вянут от неупотребления вместе с кожей, а часто и вместе с мозгами. Мужчина, сильно запрограммированный на пунктуальность, проводит свою жизнь в ожидании Санта Клауса, который принесет ему удостоверение «ветерана труда» (за тридцать лет он опоздал на работу всего два раза). Его жена ждет Миссис Санта Клаус, девичье имя которой Минни Менопауза. А теперь им ничего не остается, кроме как ждать, пока их трубы проржавеют, коротая время с обществом престарелых. Если им повезет, он, может быть, подцепит крашеную блондинку в ближайшем кемпинге, которая даст ему совершить последнюю попытку, и в результате он может несколько раз осчастливить жену, — и в конце концов, пусть и на закате, у них это все-таки было. Мораль этого в том, что скрипт не должен иметь временного ограничения, он должен быть создан на все времена жизни, каким бы ни было это время. Он может требовать перемены сюжетов, но не исчезать.

«Целовал лишь только в грудь»

В столичном журнале «РТ», главным редактором которого я был, работала талантливая журналистка Рена Шейко. Однажды она отправилась в Багуми, где Сергей Есенин создал хорошо знакомые всем строчки: «Шаганэ, ты моя Шаганэ».

Ты сказала, что Саади,
Целовал лишь только в грудь,
Подожди ты, Бога ради,
Научусь, когда-нибудь.

Рена задалась вопросом, кто такая Шаганэ? Была ли реальная женщина, или это продукт поэтического воображения? И вот с огромным энтузиазмом она сообщила читателям журнала, что такая девушка существовала, что она до сих пор жива и зовут ее Шагандух Нерсесовна... Возлюбленная поэта подтвердила, что у нее была любовь с Есениным, в процессе которой уточнялись некоторые любовные ласки и выяснялась их предназначенность. Все бы хорошо: только Шаганэ — это мечта, а Шагандух Нерсесовна что-то вроде завуча школы.

Когда мы толкуем о теории сексуальности Фрейда, трудно избавиться от ощущения некоторой непристойности. Об этом и написал Э. Берн в книге «Секс в человеческой любви»: «О сексе нелегко писать, главным образом потому, что это тема скользкая и "влажная". Каждый, кто этого не учитывает, рискует почувствовать себя несколько нелепо»¹. Это ощущается даже на уровне слов, которыми мы пользуемся. Спаривание — звучит тепло и плодотворно. Может быть, более всего по-человечески и наименее вульгарно звучит «заниматься любовью». В этом есть, по словам Берна, нечто теплое, влажное, плодотворное и нечто обещающее — больше, чем сам акт. Никто не может сказать, что будет утром с людьми, которые совокуплялись, имели коитус или половое сношение. Люди же, которые занимались любовью, скорее всего, будут вместе завтракать².

Основное учебное пособие — «Камасутра» Ватсаяны, основателя индийской или «могущественной» школы секса. Она написана то ли в 677 г. до н.э., то ли в 350 г. н.э. К ней можно добавить книгу «Ананта ранга» Калиянамаллы, написанную около 1500 г. Обе книги дают тонкие указания относительно поцелуев, прикосновений, оставления следов зубами и ногтей в правильных местах, соблазнения жены соседа и сохранения спокойной совести. Они, без сомнения, носят характер инструкции, но также и обманчивы, потому что заменяют страсть и творчество технической виртуозностью, а иногда и просто обманом.

К седой древности «Камасутры» примыкает книга «Благоухающие сады» шейха Нефзави, представителя арабской школы 1400-х годов. Это практическое руководство, дающее много предупреждений относительно коварства женщин, советов насчет половых недомоганий, а также описания поз для здоровых пар. Кроме того, шейх описывает специальные позы для особых случаев: для очень толстых людей, маленького мужчины и высокой женщины, для людей

¹ Берн Э. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 15.

с различными уродствами. Он отдает должную дань уважения высоким знаниям и акробатическим способностям индийцев, в особенности восхищаясь женщиной, которая может держать зажженную керосиновую лампу в воздухе на ступнях ноги в течение всей процедуры, но полагает, что многие из этих рекомендаций придадут акту больше неудобства, чем удовольствия.

Можно упомянуть еще одну книгу — «Золотую книгу любви» д-ра Иозефа Векерле, в которой описана 531 поза, больше, чем в «Камасутре», «Ананга ранге» и «Благоухающих Садах», вместе взятых, так что в этом отношении упомянутые книги оказываются устаревшими, так же как Бахаристан, Гулистан и семь эротических руководств Камал Паши.

Фрейд утверждал, что большая часть сновидений взрослых людей имеет дело с сексуальным материалом и дает выражение эротическим желаниям. Он пришел к этому выводу, изучая психологию сновидений, но у него не было конкретных доказательств. Многие люди, включая представителей медицины, сочли это маловероятным, но Фрейд стоял на своем. Сегодня мы этими доказательствами располагаем. Современные исследования сна показывают, что, по крайней мере у мужчин, эрекция предшествует почти всем сновидениям или сопровождает их. То же самое, по-видимому, справедливо и для женщин, хотя это труднее установить. Это означает, что во время фазы сновидений у обоих полов имеет место значительная сексуальная активность. Эрекции возникают примерно каждые 90 минут в течение ночи. Это может происходить годами, даже всю жизнь, хотя человек может и не знать об этом.

Человеческий оргазм — одно из наиболее интимно и восхитительно спроектированных и синхронизированных событий во всей природе. Как анатомически, так и физиологически он демонстрирует великолепный отбор в процессе эволюции. Именно то, в чем нуждается женщина, есть у мужчины, а именно то, в чем нуждается мужчина, есть у женщины. Температура, давление, ускорение ритма настолько правильно соответствуют друг другу, что возносят их на Девятое Небо в момент разряда творческой энергии, электрического и физиологического. Если все было хорошо, каждый из них остается с ясным и свободным умом, очищенным от забот и готовым начать жизнь заново. Кто-то сказал, что люди бывают здоровыми только в течение десяти минут после полового сношения. Или, как сказал кто-то другой, каждая ночь, проведенная в одиночестве, безнадежно утрачена для человека.

Сексуальные реакции обоих полов частично определяются врожденными, биологическими факторами, а частично «мысленным

совокуплением» — психологическими факторами. Если механизм оргазма запущен, встроенные биологические цепочки берут верх и ум остается в стороне; но до этого момента голоса в постели и голоса в голове сильно влияют на то, что происходит и как это происходит, когда и с кем. Но еще более, чем голоса, важны скрытые в уме картины, первичные образы партнеров, определяющие их потенцию и интенсивность желания.

«Заведенность» — это состояние, когда подходящий человек как бы поворачивает выключатель и все тело «зажигается»: от глаз, через мозг вниз, через грудь и живот и ниже тоже. Социальная принадлежность или Родительские предрассудки не могут оборвать провод, а рациональность и предусмотрительность Взрослого не могут выдернуть вилку. «Зажигается» только Ребенок, и это либо происходит, либо нет. Это похоже на импринтинг у птиц. Это скорее чувственная, чем личностная реакция. Она в значительной степени визуальна. Другие чувства могут внести свою лепту, грезы могут ее расцветить, а предыдущие фрустрации — приукрасить, но вспышка узнавания почти всегда определяется зрением.

При импринтинге птенец «включается» посредством визуального образа определенной формы и определенного цвета и начинает реагировать на объект (который в эксперименте может быть куском картона), как будто это его мать. Птенец не принимает решения и не имеет выбора; импринтинг — это впечатывание определенного стимула, которое происходит автоматически. Стимул может быть лишь силуэтом, но реакция осуществляется всем телом. Равным образом, испытав состояние «заведенности», многие люди вынуждены отказаться от иллюзии, что чувства имеют смысл и соответствуют их способу жизни, потому что это автоматическая реакция, которая может идти и против Родительских предпочтений и соображений Взрослого, и против логики «Бремя страстей человеческих» дорогой ценой. Способность разжигать эту реакцию — то, чего ищут кинопродюсеры в старые времена, — называлась разными словами, от «это» до «сексапильность», и это и есть именно сексуальная привлекательность.

Фетишизм — особый род «заведенности», когда мужчина млеет от определенной части женского тела или того, что ей принадлежит: волосинки или шарфа, рук или перчаток, ног или туфельки. Некоторые утверждают, что эти части тела или связанные с женщиной предметы являются «символическим замещением любимого человека»; более вероятно, что это импринтинг раннего детства, возникшие благодаря событиям, происходившим в подходящий момент и в подходящих обстоятельствах, чтобы создать постоянное

замыкание. Фетишизм очень трудно лечить, отчасти (или в основном) потому, что мало кто из фетишистов хочет вылечиться. Многие из них получают такое же возбуждение и наслаждение от вида, прикосновения или запаха своего фетиша, как наркоман от своего героина или метедрина. Перспектива отказаться от этого трепета ради обыкновенной страсти малопривлекательна для них, если только их фетиш не настолько недосыгаем, что приносит им серьезное беспокойство.

Фетиш — не в большей мере символ, чем ружье. Фетиш — реальная мощь для фетишиста, так как ружье — реальная вещь для охотника. Ружье — это не символ пениса, оно используется вместо него, потому что оно убийственное, чем плоть, а именно убийственности жаждет любитель палбы. Вот почему он скорее пойдет на охоту, чем останется дома с женой. Даже игрушечный водяной пистолет больше, чем фаллический символ. Он работает лучше, чем фаллос, потому что Ребенку может нравиться это сходство, во всем этом содержится гораздо больше, чем простое замещение. Один из элементов — мастерство: Взрослый способен оценить качество изделия, будь то винтовка, водяной пистолет, старая тапочка или перчатка.

Многие умеренные фетишисты получают больше удовольствия, чем большинство «нормальных» людей (на вечеринках, например), если им не мешает чувство вины. В случаях более тяжелых фетишистов страдают от некоторой запутанности в любовных взаимоотношениях, если у них таковые имеются, и могут быть отвлекаемы от более серьезных целей своими фантазиями. Они могут также оказаться привязанными к деградирующим партнерам, доставляющим им желаемое, и страдать от этого. Фактические они поработаны своим импринтингом и вынуждены следовать за фетишем, а не за человеком, так что вопрос удачи, с кем они окажутся связанными и к кому привязанными. Увлеченный фетишист будет не очень хорошим мужем, если только ему не повезет найти точно соответствующую жену.

Поскольку до некоторой степени у всех мужчин есть определенные предпочтения и очень многие люди являются по крайней мере умеренными фетишистами, один из самых простых способов для женщины угодить мужчине и привязать ее состоит в том, чтобы тайно выяснить, каковы его фетиши, и потворствовать им или даже стараться доставлять им соответствующее удовольствие. Это то, что создает (создавало на протяжении всей истории) удачливых любовниц. Много войн возникло и много царств было потеряно из-за ленточки или тесемки, помещенной на соответствующем привлека-

тельном месте. Но с этим можно обойтись более честно, а может быть, и более эффективно, спросив мужчину прямо, каковы его фетиши, а затем потакая ему. Но поскольку фетиши фиксируются рано в детстве, они часто на поколение отстают от принятого стиля, что может привести женщину в замешательство. Даже если купальный костюм 40-х годов «заводит» ее мужчину, можно понять, что она предпочитает моду другого времени.

Это приводит нас к часто пренебрегаемой теме: контрфетишистам, которых Э. Берн назвал «фетишерами». Почти все фетишисты — мужчины. Но для каждого мужчины, привязанного к туфелькам, находится женщина, которая показывает их ему и радуется вместе с ним. И для каждого мужчины, который приходит в трепет от волос, находится женщина, которая сама млеет от того, какое впечатление производят ее волосы. Х. Эллис описывает много случаев такой встречи умов: мужчина, который жаждал, чтобы на него наступали высокими каблуками, рано или поздно встречает женщину, которая всю жизнь спит и грезит, на кого бы наступить каблучком. Эти женщины — фетишеры; о них известно очень мало, потому что они не часто становятся объектом внимания профессионалов. Женщин, специализирующихся на волосах, перчатках, туфельках, нижнем белье, так же много, как мужчин, ищущих услужения, которые они предлагают. Это подтверждается не только случаями, собранными Х. Эллисом и другими сексологами, но также и фетишистами, публикующими объявления в подпольных газетах.

Но вернемся к нормальной «заведенности». Есть мужчины, которые «заводятся» посредством женской груди, и мужчины, которые испытывают то же самое, глядя на женские ножки: «мужчины грудей» и «мужчины ног», как они деликатно себя называют, и то, и другое считают нормальным. Однако, строго говоря, такие предпочтения лежат у подножия фетишизма. Истинный фетишист не способен достичь эрекции в отсутствие своего фетиша, как бы ни была привлекательна партнерша во всех отношениях.

Однако если «мужчина ног» и «мужчина груди» будут лишены возможности видеть излюбленные очертания или прикасаться к ним, они могут столкнуться с такой же трудностью. Нормальное же включение основывается на росте, весе, формах, осанке, походке, посадке, чертах лица и фактуре кожи женщины — все это вместе часто называют ее «личностью», т.е. на основных пропорциях тела, на том, как она движется, лице и коже. Вместе с тем фетишизм, предпочтение ног или груди, включение на общие черты личности — все это равно основывается на импринтинге, и в большинстве случаев «впечатывание» осуществляется матерью.

Таким образом, «заведенность» — это в действительности отношение Ребенок—Родитель. «Заведенность» — настолько фундамен-

тальный биологический феномен, что, вероятно, он сыграл основную роль в эволюции посредством полового отбора. Птицы-самки, без сомнения, «заводятся» благодаря блестящему наряду птиц-самцов во время брачного сезона, и чем более привлекательнее оперение петушка, тем больше самок он «заведет». То же относится к окраске задов у обезьян. Это происходит прежде всего через дистантное восприятие: зрение и слух, в некоторых случаях запах. Дикобразов-самцов сильно привлекает запах урикации самок в период течки. Самки моли издают запах, который может привлечь самцов на расстоянии мили. Неясно, действительно ли моль-самец «чует» нечто, или происходит лишь химическое воздействие, которое «заводит» самца без всякого сознания запаха. Тот же вопрос относится и к людям. Есть химические «тумблеры», которые люди осознают, они являются «ароматами», хотя запах пота также может служить этой цели во многих случаях. Но возможно также, что некоторые женщины (а также и мужчины) производят вещества, которые воздействуют на нервную систему других людей без того, чтобы кто-нибудь почуял что-нибудь и осознал, что именно «завело» его.

В подтверждение этого можно заметить, что некоторые полагают, что собаки могут чуеть человеческие запахи, которых другие люди не чувствуют, — запах страха, например. Люди могут не сознавать запаха страха, но, может быть, он воздействует на них каким-то образом теми же веществами, которые собака чует, что бы ни означало «действительное чутье» для собаки. То же может относиться и к сексу. Фактически нет никаких доказательств того, что люди менее чувствительны, чем моль. Вполне возможно, что некоторые мужчины могут чувствовать присутствие сексуальной женщины (и наоборот) на расстоянии мили на открытом пространстве, не будучи способными объяснить это.

Существует также факт, что люди одной расы часто говорят, что могут чутья негров, а некоторые китайцы — кавказцев, между тем как люди одной расы, по-видимому, не чуют друга таким образом. Все это показывает, что «запах без запаха» могут быть важным фактором в делах «заведенности» и «включения». Действительно ли у «запах без запаха» нет запаха, или люди не замечают запаха, потому что долго находились в его присутствии, — такие запахи или химические сигналы могут мощно воздействовать на нервную систему противоположного пола, а в некоторых случаях — и того же пола.

В любой торговле есть свои хитрости, но в торговле «заведенностью» их больше, чем где бы то ни было, поскольку это касается всего, связанного с чувствами, и вообще всего человека. Естественные принадлежности устройства тела — ноги, груди, волосы, яго-

дницы — хорошее начало. У каждого свои предпочтения, и некоторые из этих элементов, которые подходят, могут быть достаточными для визуальной «заведенности». Это обычно зависит от того, какой казалась мальчику мать, когда он был в определенном возрасте: либо в четыре года, когда он впервые стал интересоваться формами тела различных женщин и решал, на какой женщине он женится; либо в 12—14 лет, когда он ощутил первые толчки пробуждающейся взрослой сексуальности. Обычно он прежде всего смотрел на те черты, которые подчеркивались в его семье, — руки, ноги или уши, а не на общие пропорции.

Таким образом, идеальная сексуальная пара для мужчины — это женщина соответствующей наружности, с соответствующим голосом, соответствующим запахом, которая определенным образом одевается, любит секс в определенных специфических позах, свободно используя и предоставляя ему использовать определенные части ее тела. Правильная мера инициативы или активности и податливости или пассивности также очень важна.

Импринтинги «заведенности» столь могущественны и столь глубоко впечатаны, что брак, основанный на полном соответствии такого рода, может выдерживать любые стрессы и напряжения. Но брак, основанный только на «заведенности», может обернуться и другой стороной, что часто обнаруживают мужчины, женившиеся на «девочке по вызову», когда возникают денежные проблемы. Тем не менее важно выбирать себе пару среди партнеров, которые вас «заводят».

То, о чем речь шла выше, можно назвать мгновенной, или первичной, «заведенностью». Есть также две возможные формы отсроченной «заведенности», которые могут значительно укрепить брак, если первичная «заведенность» слаба. Одна — отсроченная обусловленная «заведенность». Мужчина, который любит хорошую еду и заботу, например, может оказаться несколько заведенным каждый раз, когда он входит на кухню и видит свою жену стоящей у плиты и готовящей ему обед.

Чем чаще это происходит, тем более вероятно, что он перенесет эту накопившуюся «заведенность» в постель. Есть множество других ситуаций, которые не имеют отношения непосредственно к сексу, которыми партнеры могут «заводить» друг друга, и чем чаще это происходит, тем более вероятно, что они найдут скрытую сексуальную привлекательность друг в друге. Это нечто похожее на то, что психологи называют обуславливанием, — дальний родственник павловского условного рефлекса по отношению к пище.

Второй вид отсроченной «заведенности» возникает у пар, которые не приводят друг друга в трепет с первого взгляда, звука или

прикосновения, но тем не менее живут в привязанности друг к другу. С течением времени благодаря случайности, смелости, любопытству или психотерапии они находят друг в друге нечто, что «заводит» их, некую скрытую сексуальную привлекательность. Это может состоять, в частности, в определенного рода «недозволенных» желаниях, которые они скрывали друг от друга и которые оказались подходящими обоим. Но обнаружение такого желания, если оно не подходит другому партнеру, может привести к напряжению, так что здесь нужно соблюдать тонкое равновесие между смелостью и осторожностью. Тем не менее вторичное включение часто конструктивно развивается с течением времени. Его нужно отличать от поддельной «заведенности» или одностороннего разврата, поскольку и то и другое кончается отвращением, что хуже, чем ничего.

«Заведенность» — это то, что сообщает приятное возбуждение и радость отношениям и противостоит однообразию совместной жизни с ее заботами о деньгах и хозяйстве, мелким неприятностям на работе и вечеринкам с выпивкой. Некоторые ищут «заведенность» в алкоголе или наркотиках, но тогда это «заведенность» посредством алкоголя или наркотиков, а не в связи с партнером, а это может плохо обернуться в конечном счете. Разумеется, как правило, женщина хочет чувствовать, что она «заводит» своего мужа лучше, чем мартини или марихуана.

Если «заведенность» в браке отсутствует, всегда есть опасность, что она возникнет где-то на стороне. В типичном случае женщина выполняет свой долг и до некоторой степени дает мужу то, чего он хочет, но не способна идти дальше. Он же не смеет просить всего, чему хочется, или даже сознаться в своих желаниях самому себе. Жена очень старается и ожидает благодарности, и он, будучи ей верным, старается почувствовать эту благодарность. Если же он встречает женщину, которая дает ему больше, чем ему снилось, без «старания» и не ожидая за это особой благодарности, тогда жена, которая пожертвовала столь многим в своей гордости, приспособившись к нему, сочтет его неблагоприятным негодяем. Может быть, и наоборот, когда жена находит это в другом мужчине. В обоих случаях брак подвергается большому испытанию в этом сражении воспитания с биологией.

Женщине за сорок трудно принять тот факт, что юная любовница дает ее мужу нечто, что и она сама могла быть дать, если позволила бы себе пренебречь своим воспитанием. Большинство женщин в такой ситуации скорее согласится на развод, чем «предадут» родителей, подавившись сексуальным прихотям, которые после целой жизни подавления кажутся странными, греховодными, ужасными или совершенно развратными.

Литература

1. *Берн Э.* Секс в человеческой любви. М., 1997.
2. *Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции: Материалы Всероссийской психоаналитической конференции. 17—18 декабря 2005 г. М.: Русское психоаналитическое общество, 2005.*
3. *Сексуальная культура современной России: Материалы научно-практической конференции. М., 2006.*
4. *Фрейд З.* Основной инстинкт. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. Что такое жизненный сценарий?
2. Чем отличается образ от прототипа?
3. Почему Фрейд считал, что большая часть сновидений носит сексуальный характер?
4. Кто такие фетишизеры?

Темы докладов и рефератов

1. Эрос как человеческая страсть.
2. Паттерны сексуальной жизни в разных культурах.
3. Многообразие жизненных сценариев.
4. Сексуальная культура современной России.
5. Мужчина и женщина в изменяющемся мире.

Сексуальные перверсии

*Мать греческих страстей и прихотей латинских,
О Лесбос, родина томительнейших уз,
Где, соплеменник солнц и молний испанских,
Был сладок поцелуй, как треснувший арбуз:
Мать греческих страстей и прихотей латинских.*

Шарль Бодлер

Лесбиянство

Трехлетняя девочка Маша подошла к двери и стала подниматься на цыпочках, чтобы нажать на дверную кнопку. Но вдруг из-за угла появился какой-то мужчина. Девочка думала, что он хочет помочь ей, но дядя обнял ее за талию. Руки его скользнули в трусики, и девочка обомлела. Ей хотелось крикнуть, но она не успела даже испугаться. Было приятно и противно. А «дядя» между тем схватил ее на руки и потащил на чердак. Вдруг кто-то вышел на лестничную площадку. Злодей испугался и убежал.

И тогда Маша заплакала. Мама из ее сбивчивых слов уяснила, что она подверглась нападению. Вскоре оказалось, что в поселке это не единственный случай. Маньяк нападал на маленьких девочек, насиловал их и убивал. Пока следователи вели допросы, родители поймали извращенца на месте преступления и расправились с ним.

А Маша? Она редко вспоминала об этом эпизоде. Росла, взрослела. Но неожиданно для себя обнаружила, что прикосновения мальчиков к ее рукам, плечам вызывают у нее неприятное, гнетущее чувство. Внешне Маша производила впечатление девушки страстной, сексуальной. Но только внешне. Никаких романов у нее не было. Родители заметили, что она ни с кем не встречается, но не придавали этому особого значения: годы-то какие...

После школы Маше выпало счастье побывать в Лондоне. С группой таких же сверстников она жила в общежитии. Чувствовала себя одинокой, неприкаянной. Подружки как-то быстро «распределили» парней. Но у Маши не было никаких привязанностей. Только непонятная тоска, сопровождаемая неприятными ощущениями.

Однажды она обратила внимание на девушку Оксану, которая, как ей показалось, внимательно ее разглядывала. Маша стала проводить время с новой подружкой, они заметно отстранились от других сверстников, постоянно бывали вместе. Как-то раз все уехали на экскурсию, а они остались в общежитии. Не интересно, мол, тапиться куда-то всем стадом... В тихой комнате подружка обняла Машу и прижала к себе. Машу охватил озноб. Ей казалось, что новая знакомая знает какие-то тайны, связанные с телесной жизнью. Действия Оксаны были смелыми, но сладкий трепет не оставлял Машу. Она перестала сопротивляться и пошла навстречу ласкам...

Когда Маша появилась на моих курсах, я обратил внимание на ее несомненную одаренность и какую-то особую страстную порывистость. Однажды Маша пришла с волоокой красавицей. Было заметно, что они взаимно привязаны друг к другу. Обычные подруги. Однако некоторые детали, оттенки отношений казались чуть-чуть странными. Через год обе девушки пришли ко мне на прием. Они признались в том, что являются любовницами, что хотят создать семью, безмерно любят друг друга. Но как объяснить это матерям, отцам, родственникам? Они ведь не поймут.

Да, именно таков был первоначальный запрос. Сначала девушки ходили ко мне на сеансы вместе. Но однажды они заявили, что, пожалуй, лучше встречаться с психоаналитиком поодиночке. Мама Маши стала посещать лекции по психоанализу и постоянно приговаривала на лекциях: «Если бы знать все это раньше...»

Любое сексуальное насилие не проходит без последствий. Маньяк не успел причинить девочке телесного вреда. Но серьезно травмировал психику. Нужна была помощь психолога. Но куда могла обратиться в ту пору испуганная мама? Педиатр ограничился бы общим осмотром, а невропатолог не нашел бы никаких серьезных симптомов. Однако событие не осталось без последствий.

Что касается Оксаны, то ее путь к лесбиянству был иным. Родители любили ее безмерно, буквально сдували с нее каждую пушинку. В детстве эти безмерные ласки не тяготили Оксану. Однако, став подростком, она все чаще стала сопротивляться этой гиперопеке. Однажды после семейного скандала, родители рассказали ей о том, что у них уже была девочка, но она умерла. Именно поэтому они дорожили единственной наследницей. Папа девочки, как выяснилось, военный психолог, защитил кандидатскую диссертацию. Но его любовь к Оксане оказалась предельно авторитарной. Он следил за каждым ее шагом, постоянно учил, как жить, контролировал каждый ее поступок. Девушка благодаря его стараниям поступила в Институт международных отношений. Но отец продолжал опекать ее с немислимым усердием. Однажды после очередной семейной ссоры он бросил такую фразу:

— Ты не должна пренебрегать моими наставлениями. Ведь я родил тебя для себя...

Когда возле Оксаны появлялся какой-нибудь парень, отец прилагал огромные усилия для того, чтобы «отвадить» ухажера. Это очень тяготило девушку, но она была вынуждена вести себя покорно. Но внутренний протест все-таки не угасал.

Однажды после новогоднего застолья захмелевший студент овладел ею. Никаких радостей это событие не принесло. Смутно омрачали мысли об «измене» отцу. Да и сама близость не вызвала восторга. Вскоре Оксана заметила, что ее влечет не к парням, а к девушкам. Стоило появиться в группе новой студентке — и Оксану охватывало любопытство: кто она? Каковы ее женские прелести? Так постепенно Оксана втянулась в лесбиянство.

Через год, после многочисленных сеансов девушки расстались. Они оставили всякую мысль о совместной жизни, вернули друг другу вещи, которые были полны значения. Но обе страдали. Эмоциональные связи рвутся болезненно. Однажды после очередного сеанса Маша сказала:

— Я не могу больше приходить в клинику. Мне тяжело. Меня тяготит даже сама мысль о встрече с вами...

Ее состояние мне было понятно. На уровне сознания она понимала, что ей нужно встречаться с ребятами, может быть, в конце концов влюбиться... Но за годы девичьих ласк она совсем разучилась общаться с парнями. То, что другим девушкам давалось легко, вызывало у нее оторопь. Мальчики подчас казались ее существами с другой планеты.

Через полгода я встретил Машу в метро. Она рассказала, что поступила во ВГИК, учится. Я обратил внимание на то, что она очень изменилась, стала женственной. Исчезла трудно уловимая, «порочная» губная гримаса. О других «подробностях» переговорить в вагоне мы не успели... О дальнейшей судьбе Оксаны мне ничего не известно.

Ксюша, дочь известного артиста и режиссера. Ей двенадцать лет. Мама, кстати тоже актриса, привела ее в клинику по настоянию подруги, моей студентки. Вот уже много лет Ксюшу преследуют ночные кошмары. Ей снятся змеи, утром раскалывается голова. На уроках зоологии, когда показывают рисунки пресмыкающихся, она едва не падает в обморок. В чем дело? Что за странные видения?

Увлеченные своим искусством, родители часто водили девочку на вечерние спектакли, задерживались в примерной. Собственно воспитанием Ксюши занимались мало: театр требовал полной отдачи.

Юная девушка охотно ходила в клинику. После нескольких встреч у меня возникло предположение о том, что постоянные сновидения Ксюши отражают сексуальную символику. Я изложил маме примерную версию события, которое могло случиться в их жизни, и вдруг обе женщины испытали некоторое озарение:

— Марина, а помнишь, ты уходила на спектакли, а Ксюшу всегда оставляла на попечение Дарьи.

— Что за Дарья? — поинтересовался я.

— Она наша соседка. Старше Ксюши на шесть лет. Тоже дочь актеров.

Так постепенно стала разматываться нить событий. Ксюша, которая в то время была еще маленькой, всегда находилась на попечении Дарьи. Она очень тосковала об отце, которому просто некогда было воспитывать дочь. В газетном интервью он сказал, что общается с семьей только по телефону. Дарья оказалась девочкой нежной, знающей прелесть ласковых касаний.

Через полгода работы нам удалось избавить Ксюшу от ночных терзаний. Сейчас она уже взрослая девушка. Как-то видел ее на экране телевизора, даже не узнал сначала — красивая. Рассказывала о том, как она любит отца и как мечтает о встрече с ним...

Гомосексуализм

Моя студентка обращается ко мне с просьбой: ее знакомый стал пить, потерял работу, погибает прямо на глазах. Просила взять его на анализ, помочь избавиться от недуга. А вот появился и сам страдалец. Выяснилось, что он весьма образован, умен и обостренно духовен. На первом же сеансе он сделал два признания. Во-первых, он верующий, постоянно ищет диалога со своей совестью. Кроме того, он — гомосексуалист со значительным стажем: семнадцать лет состоял в однополем браке. Недавно расстался со своим любимым, и это сопряжено с особыми мучениями. Никак не может примириться с утратой.

Я спросил:

— Не хотите ли поменять сексуальную ориентацию?

— Ни в коем случае. Это святое. Прошу вас не трогать эту сферу. А болезненная часть психики — в вашем полном распоряжении.

Я пытался объяснить пациенту, что человеческая психика не «разграфлена» с такой обстоятельностью: здесь зона пьянства, а тут по соседку сфера сексуальных предпочтений. Пришлось предупредить собеседника, что терапевтическая работа может вызвать и неожиданные перемены в его психических состояниях. Ведь воздействие на личностный мир — гештальтно, целостно.

Пациент с удовольствием включился в работу. Когда он заговорил о плате, я сказал, что ему не придется оплачивать сеансы, поскольку он сейчас без работы и вообще в мучительных переживаниях. Он стал протестовать:

— Как же так? Всякая работа должна быть оплачена.

Мы все-таки условились, что о деньгах речи пока не будет. Пациент дал мне свой телефон на всякий случай и предупредил, что может ответить девушка.

— Значит, вы имеете и гетеросексуальные контакты.

— Что вы? — оскорбился мой собеседник. — Девушка, которая живет со мной, — лесбиянка. Но хозяйство у нас общее.

Однажды во время сеанса я спросил его: «Были ли у вас контакты с женщинами?»

— Да, — ответил пациент, — один раз в юности. Это была юная девушка, которая со спины показала мне подростком. Но эта близость не принесла мне радости.

Шло время, и постепенно проглядывали и результаты наших встреч. Мой посетитель вышел из запоя и вел трезвую жизнь. Вскоре ему разрешили вернуться и к работе.

Когда я рассказал своим студентам об этой клинической истории, многие стали упрекать меня за то, что работаю с пациентом безденежно. Появились соответствующие цитаты из Фрейда. Запомнили и о том, что Мелани Кляйн, которая работала с детьми, получала от них незатейливые подарки: разноцветные камушки, побрякушки. Дело не в гонораре, а в том, насколько серьезно относятся и сами пациенты к терапевтической работе. Я все-таки не заводил разговора о деньгах.

Но вот неожиданно пациент сорвался. У отца был день рождения. В застолье возникли давние обиды, отец резко отозвался о сыне. Возникла ссора, и мой пациент на очередной сеанс не пришел. Прошло две недели, и вот он появился в мой кабинет смущенный, пришибленный.

Я сказал:

— Поскольку вы по своей инициативе прекратили работу с психоаналитиком из-за очередного срыва, я вынужден сказать вам, что отныне будут брать с вас плату. Пусть это будет символическая плата, но она, я полагаю, обяжет вас помнить о наших взаимных обязательствах.

Пациент засуетился:

— Конечно, конечно... Я ведь с самого начала настаивал на плате, но вы не захотели. Теперь, когда есть и результат, я... Сейчас я пойду в банк и поменяю доллары, купюр у меня нет... Но ведь надо платить. А как же иначе?

Он еще долго уверял меня, что непременно отблагодарит... Уже в дверях он сказал:

— Знаете, что самое поразительное, у меня появилась девушка... Это какое-то наваждение...

Он ушел и больше не появлялся в моем кабинете. Прошло время, и я встретил ту студентку, которая обращалась ко мне с просьбой о лечении этого пациента. Мы обменялись фразами. Она сказала:

— Он теперь не впадает в запой. Очень благодарен вам и постоянно при встречах говорит мне об этом. Кстати, — добавила она, — он женился на той девушке, теперь она следит за его трезвостью.

Гомосексуалов В.В. Розанов называл «людьми лунного света».

Люди, которых сексуально влечет к представителям собственного пола, существовали всегда и везде. В христианской Европе однополую любовь именовали «неназываемым пороком», «педерастией» или «содомией». Педерастией (от греч. *paides* — ребенок) древние греки называли мужскую любовь к мальчикам-подросткам. В современной сексологии педераст — «старший мужчина», имеющий анальное сношение с допубертатным мальчиком или с мальчиком в начальной стадии полового созревания¹.

Случаи гомосексуализма весьма разнообразны и никоим образом не сводимы к общему знаменателю. Существует целый ряд ступеней, от случайной гомосексуальности как способа получить «эрзац» полового удовлетворения (аналогичного мастурбации) до извращения, представляющего собой привычку, глубоко укорененную в личности. Возникает вопрос: нельзя ли говорить и о гомосексуальности совершенно иного типа, основанной не на жизненной истории личности и ее извращенных привычках, а на врожденной половой и соматической предрасположенности.

По всей видимости, должна существовать первичная сексуальность, проявляющая себя в определенной направленности влечения — т.е. как мужская или женская сексуальность — независимо от того, наделена ли личность мужскими или женскими половыми железами. Направленность влечения определяется отнюдь не гормонами половых желез. Последние лишь сообщают ему определенную эротическую окраску. Источник направленности влечения должен находиться в психике или — можно предположить и такое — в каком-либо половом факторе, занимающем определенное место в центральной нервной системе. Проблема состоит в том, можно ли эту направленность влечения рассматривать отдельно от типа половых желез.

Ответ был предложен Р. Гольдшмидтом, которому принадлежит теория «интерсексуальности». Согласно этой теории, мужской и женский факторы наделены «валентностью» разной степени интен-

¹ Кон И. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М., 1998. С. 10.

сивности. Эта «валентность» указывает на энергию, с которой тот или иной из двух альтернативных половых факторов проявляет себя в психосексуальном развитии. При скрещивании генетических данных, наделенных факторами разной валентности, рождаются «интерсексуальные» особи. На ранних стадиях эмбрионального развития у них наступает инверсия сексуальности, обусловленная более сильной валентностью противоположного полового фактора. В итоге первоначальный женский фактор может превратиться в мужской: морфологически индивид представляет собой самца (т.е. наделен мужскими половыми органами), но хромосомный набор клеток его тела специфичен для самки. Первоначальная «женственность» сохранилась, несмотря на то что у особи развились мужские половые органы. Смещение мужского и женского зависит от того, когда произошла инверсия. В исключительных случаях могут развиваться органы обоих полов (гермафродитизм всех степеней). Настоящая гомосексуальность, возникшая как итог событий подобного рода, — это нечто принципиально иное, нежели гормонально обусловленное изменение связанных с полом характеристик.

К. Ясперс отмечал, что истоки гомосексуальности не имеют ничего общего ни с половыми железами, ни с гормональной регуляцией: ни кастрация, ни лечение гормонами противоположного пола никак не меняют гомосексуальной направленности влечения. Вот почему теория Гольдшмидта, объясняющая поведение насекомых, неприменима к людям. Тео Ланг подверг ее всесторонней проверке, он получил результаты, которые на первый взгляд вроде бы подтверждают ее. Но при более внимательном рассмотрении от этой уверенности мало что остается. Ход мыслей Тео Ланга таков: если верно, что часть гомосексуалистов-мужчин — это «превращенные» женщины, можно ожидать, что в семьях с несколькими детьми отношение числа мальчиков (братьев) к числу девочек (сестер) должно быть смещено в пользу первых в еще большей степени, чем в популяции в целом (где она составляет 105 : 100).

Гомосексуалисты противоположного типа при рождении считаются женщинами. Таким образом, в некоторых семьях часть особей, генетически принадлежащих к женскому полу, на основании внешних признаков принимаются за особей мужского пола. Соответственно число женщин, учтенных при статистических исследованиях, оказывается меньше их реального числа. Подсчет зарегистрированных гомосексуалистов в нескольких крупных городах, действительно, однозначно выявляет теоретически ожидаемый сдвиг соотношения в пользу братьев. Все это кажется блестящим подтверждением теории.

Но Ланг продолжает рассуждать дальше: поскольку гомосексуальные мужчины, являющиеся «превращенными» женщинами, должны,

по идее, иметь хромосомы XX, все их потомство непременно должно быть чисто женским. Но статистика, осуществляемая в применении к детям женатых гомосексуалистов, разошлась с теорией: оказалось, что соотношение мальчиков и девочек не отступает от нормы, т.е. имеет место примерное равенство. Понять этот результат можно только так: все женатые гомосексуалисты — это не настоящие гомосексуалисты. По идее, это должно было проявиться в отсутствии среди их братьев и сестер количественного сдвига в пользу первых (в отличие от того, что имеет место у настоящих гомосексуалистов). Впрочем, согласно Лангу, такой сдвиг есть и среди «ненастоящих» гомосексуалистов, просто он не столь ярко выражен и в некоторых случаях почти не отличается от нормы.

Фрейд расширил рамки данной проблемы. Прежде всего он поставил вопрос о том, что сексуальный интерес к противоположному полу тоже загадка, требующая разъяснения. По мнению Фрейда, психофизиологические основания разнополой и однополой любви одни и те же. Поскольку все люди по природе бисексуальны, то соотношение этих разнородных влечений может быть понято только в ходе индивидуального развития. Только среда и воспитание могут определить конечный результат такой динамики. О. Вейнингер в книге «Пол и характер» (1903) отмечает бисексуальность каждого человеческого существа, наличие в нем в разных пропорциях и мужских и женских черт характера. Он ссылается на установленный эмбриологией факт недифференцированности первоначального, эмбрионального строения человека, растений и животных. У человеческого зародыша до пятой недели нельзя определить пол, в который он впоследствии разовьется. Только после пятой недели начинаются те процессы, которые к исходу третьего месяца беременности заканчиваются односторонним развитием первоначально общего обоим полам строения. В дальнейшем процесс приводит к выработке определенного (в сексуальном смысле) существа. Это дуполое, бисексуальное строение всякого, даже самого высшего, организма подтверждает тот факт, что признаки другого пола всегда остаются, а не исчезают и у однополого существа, растительно-го, животного и человеческого. Дифференциация полов, разделение их никогда не бывает совершенно законченным. Все особенности мужского пола можно найти хотя бы и в самом слабом развитии, и у женского пола. «Таким образом, мужчина и женщина являются как бы двумя субстанциями, распределенными в самых разнообразных смешениях в живых индивидуумах, причем коэффициент ни одной из этих субстанций не может равняться нулю. Можно даже сказать, что в области опыта нет ни мужчины, ни женщины. Существует только мужественное и женственное»¹.

¹ Вейнингер О. Пол и характер. М., 1991. С. 9.

По мнению Н.А. Бердяева, один из главных источников одиночества человека лежит в поле. Человек есть существо половое, т.е. половинчатое, разорванное, не целостное, томящееся по восполнению. Пол вносит глубокий надрыв в Я, которое бисексуально. Я целостное и полное было бы муже-женственным, андрогинным. Преодоление одиночества в общении есть прежде всего преодоление одиночества полового, выход из уединения пола, соединение в половой целостности. Сам факт существования пола есть уединение, одиночество и томление, желание выхода в другое. Но физическое соединение полов, прекращающее физическое томление, само по себе одиночества еще не преодолевает, после него одиночество может сделаться более острым¹.

Чрезвычайно любопытно, что, приступая к психологической интерпретации феномена гомосексуальности, Фрейд оставлял небольшой зазор на будущее. Возможно, считал он, наука когда-нибудь сведет сложный спектр сексуальных феноменов к ясным химическим формулам. Для истолкования гомосексуальности неосознаваемые психические процессы, по мнению Фрейда, чрезвычайно важны. В силу врожденной бисексуальности все люди «способны на выбор объекта одинакового с собой пола и прodelьвают этот выбор в своем бессознательном. Большие того, привязанности либидонозных чувств к лицам своего пола играют как факторы нормальной душевной жизни не меньшую, а как движущие силы заболевания большую роль, чем относящиеся к противоположному полу»². Определенная, т.е. скрытая, гомосексуальность остается нереализованной и более того — неосознанной.

Фрейд склоняется к мысли, что изначальный выбор сексуального объекта вообще не связан с половой (гендерной) характеристикой.

По мнению психоанализа исключительный сексуальный интерес мужчины к женщине является проблемой, нуждающейся в объяснении, а не чем-то самой собой понятным, что имеет своим основанием химическое притяжение. Решающий момент в отношении окончательного полового выбора наступает только после наступления половой зрелости и является результатом целого ряда не поддающихся еще учету факторов, частью конституциональных, частью привходящих по своей природе³.

Тем не менее Фрейд считал гомосексуализм перверсией сексуального влечения, имеющий исток в психических травмах двух типов. Первый связан с детским нарциссизмом. У ребенка есть два сексуальных объекта — мать и собственное тело. Чтобы разорвать

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. С. 279—280.

² Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. С. 129—130.

³ Там же. С. 130.

нити, которые связывают его с матерью, трехлетний мальчик ищет объект для идентификации, остро ощущает необходимость еще одной значимой фигуры в семье. Но если отец не может стать объектом отождествления (его нет или он сильно дискредитирован, постоянно пьян и т.д.), тогда объектом поклонения оказывается собственное тело. В дальнейшем детский нарциссизм трансформируется в постоянную погоню за недостижимым фантомом такого создания, который имеет тот же пол. Такой идеальный образ эротизируется и приводит к однополрой любви.

Вторая возможность гомосексуального извращения обнаруживается позже. Нормальное половое отождествление предполагает, что мальчик должен преодолеть свое бессознательное влечение к матери и идентифицироваться с отцом. То же самое относится к девочке, которая в конечном счете отождествляет себя с матерью. Но здесь и скрыта возможность патогенности.

Во всех исследованных случаях, — пишет Фрейд, — мы установили, что инвертированные в более позднем возрасте проделали в детстве фазу очень интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине (большей частью на матери), по преодолению которой они отождествляют себя с матерью и избирают себя самих в сексуальные объекты, т.е., исходя из нарциссизма, ищут мужчин в юношеском возрасте, похожих на самих себя, которых хотят любить так, как любила их мать. Далее мы постоянно находили, что кажущиеся инвертированными никоим образом не были нечувствительными к прелестям женщины, а постоянно переносили на мужские объекты вызванное женщинами возбуждение. Таким образом, они всю жизнь воспроизводят механизм, благодаря которому появилась их инверсия. Их навязчивое стремление к мужчине оказалось обусловленным их тревожным бегством от женщины¹.

Надо отметить, что Фрейд не считал свою концепцию окончательной сложившейся и абсолютно верной. Однако она открывает путь для психосексуального истолкования проблемы.

Вуайеризм

Старик сидит в вагоне метро и внимательно смотрит на девушку напротив. О чем он думает? Может быть, в этом создании он подметил те особые черты, которые когда-то восхитили его в любимой? Возможно, его взгляд — это поцелуй прошлого, рожденный его воображением. А может быть, старик представляет себе, как мог раздеть эту девушку с ее оголенными плечами, почти открытым пупком, как он

¹ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. С. 129.

мог ухватить это крепкое загорелое тело. Или иначе: старик уставился на эту девушку, которая время от времени выдувает из уст жевательный пузырь и бессмысленно таращит глаза. Она даже не замечает этого отвращения, с которым старик глядит на нее.

Немецкий психиатр Р. Крафт-Эбинг в книге «Половая психопатия» описывает такую сексуальную перверсию, как *вуайеризм* (поглядывание). Он рассказывает о пациенте 58 лет, у которого здоровые, судя по всему, родители. Однако уже в молодости он был изнежен родителями, отличался мягким, ленивым характером, любил роскошный образ жизни. Пациент сам сообщил, что с 10 лет занимался онанизмом и даже взаимной мастурбацией с такими же мальчиками, как он. Напротив, к женщинам у него издавна было резкое отвращение, так что он не мог понять, как может кому-нибудь нравиться женщина. До 22 лет он, по собственному признанию, не мог совершить полового акта, несмотря на неоднократные попытки, так как в самый момент акта чувствовал такой страх и отвращение, что его прямо-таки начинало тошнить.

На 23-м году ему случилось однажды в Париже присутствовать при самых непринужденных сценах, происходивших между его друзьями и девицами. Это зрелище, как он сам рассказывал, положительно опьянило его. Он испытал такое чувство блаженства, какого никогда ранее не знал, причем у него несколько раз произошла эякуляция. Под влиянием уговоров и насмешек со стороны друзей он несколько раз пытался совершить половой акт, но, несмотря на содействие женщин, совершенно безрезультатно. Напротив, это вызывало у него еще большее отвращение. С этого времени он искал удовлетворения исключительно в наблюдении за циничными сценами, в которых, однако, обязательно должны были принимать участие вместе и мужчины и женщины. Всеми законными и незаконными путями он старался найти такие зрелища, проделывал отверстия в дверях, за которыми он подозревал что-либо подобное, или пытался получить это удовольствие за деньги. При этом он всегда чувствовал сладострастное ощущение и доходил до оргазма и эякуляции, хотя и без эрекции. Сознывая ненормальность своего поведения и следуя совету врачей, пациент неоднократно пытался перейти к нормальным половым сношениям, но каждый раз единственным результатом было разочарование и отвращение.

На 28-м году пациент вступил в брак по расчету — для улучшения своего материального положения. Половые сношения с женой, которая не отличалась особенной страстностью и к которой он вообще относился хорошо, были для него тягостны и удавались лишь в редких случаях, и то только тогда, когда с закрытыми глазами воображал себе при этом циничные сцены между мужчиной и женщиной. После рождения своего единственного ребенка он, с согла-

сия своей жены, совершенно прекратил с ней половые сношения под предлогом, что это вредит его здоровью, и стал искать удовлетворения исключительно в наблюдении за циничными актами и позами. Для этого он не жалел каких угодно жертв, ибо испытывал при этом несказанное удовольствие.

В момент знакомства с Крафт-Эбингом пациенту было 58 лет, это был человек высокого роста, крепкого сложения, но с необычайной нервной раздражительностью, робкий до лени и щедрый до готовности во всем, что могло обещать удовлетворение его страсти. Физически он был крепко сложен и имел широкие бедра, склонность к ожирению.

Больной жален до всевозможного рода наслаждений, и если речь идет об удовлетворении чувственных влечений, то он может себе отказать даже в малейшем пустяке. В конце концов у него развилось слабоумие, и приблизительно на 60-м году жизни он умер от инсульта.

Фетишизм

При фетишизме нормальный сексуальный объект заменен другим, имеющим к нему отношение, но совершенно непригодным для того, чтобы служить нормальной сексуальной цели. Эта замена вполне правильно приравнивается к фетишу, в котором дикий воплощает своего бога.

Переход к случаям фетишизма с отказом от нормальной или извращенной сексуальной цели составляют случаи, в которых требуется присутствие фетишистского условия в сексуальном объекте для того, чтобы была достигнута сексуальная цель (определенный цвет волос, платье, даже телесные недостатки). Ни одна вариация сексуального влечения, граничащая с патологическим, не имеет такого права на наш интерес, как эта, благодаря странности вызываемых ею явлений¹.

Конечно, известная степень фетишизма свойственна и обычной любви, особенно в тех случаях, когда сексуальная цель кажется недостижимой или достижение ее невозможным.

Достань мне шарф с ее груди,
Дай мне подвязку моей любви.
Göte. Фауст

Фетишистская же патология фиксируется тогда, когда стремление к предмету оказывается обостренным. Фетиш вообще теряет связь с определенным лицом, становится единственным сексуальным объектом. В выборе фетиша огромна роль детских впечатлений.

¹ Фрейд З. Основной инстинкт. С. 37.

Некоторые женщины следуют природе в осуществлении визуальной «заведенности» или усиливают воздействие своей внешности социально-принятым образом, другие же прибегают к обманам. Одна вызывающе садится, другая стоит, раздвинув ноги, около кондиционера, так что ее юбка слегка приподнимается. Некоторые любят наклоняться, так что их ягодницы демонстрируют свою округлость, или закладывают голову за голову. Все это вещи, которые хорошо воспитанные леди не должны делать, нечестные формы соревнования, которые могут вызвать недовольство и раздражение в других женщинах.

«Заводить» мужчин можно не только визуально, но и фетишистски, что в значительной мере зависит от одежды. Здесь мужчина также чаще всего привязан к вещам, которые подчеркивались в его семье, особенно матерью. Фактически основное правило состоит в том, что фетиш мужчины — тот же, каким был фетиш Ребенка у его матери. Если ей по-детски нравилось иметь полный чулан туфель, он может по-детски очаровываться женскими туфельками. И ее дочь — тоже. Он становится фетишистом, привязанным к туфлям, а она — фетишерой, хотя это действует не всегда так буквально.

Но в общем, когда фетишист встречает свою фетишеру и говорит: «У моей мамы всегда был полный шкаф туфель», она, скорее всего, ответит: «И у моей тоже». Он имеет в виду следующее: «Мама любила свои туфли, и я тоже полюбил их; вот почему я так привязан к твоим туфелькам», а она имеет в виду: «Папа любил мамини туфли, и я тоже к ним привязалась, так что я рада, что тебе нравятся мои туфельки». То же относится к размерам груди или ягодиц, длинным волосам, облегающим брюкам, гофрированным юбкам, мехам и прочему. Сочетание импринтингов и сексуальных секретов семейства становится непреодолимым.

«Заведенность» на голос, возможно, имеет те же основы, что и фетишизм. Один обертон может привязать мужчину на всю жизнь. Это может относиться и к другим звукам. Некоторые мужчины «заводятся» на кашель или на плач: в прошлые времена это могли быть вздохи. Если у матери мужчины была астма, сго жена, по странному совпадению, может тоже иметь астму. Этот тип сексуального выбора может, без сомнения, иметь влияние на то, что будет унаследовано потомками, и таким образом определенного типа болезни могут передаваться в третье поколение.

«Заведенность» на запахи тоже отсылает нас к ранним годам жизни. Наиболее распространены запахи кухни, готовки — что часто готовила мать. К этому также относятся духи, запах пота, а также некоторые другие запахи, которые людям трудно признать даже в самих себе.

Вид, звук, запах, фетиши — все это можно обнаружить где угодно при самых случайных встречах. В более интимной обстановке спальни все это может быть усилено мощным влиянием специфических спосо-

бов взаимодействия и зон соприкосновения. Каждый мужчина до некоторой степени предпочитает определенные положения и способы взаимодействия во время акта, и каждая женщина тоже предпочитает осуществлять это определенным образом. Есть много руководств, описывающих различные позы для тех, кому надоело привычные и кто слишком устал, чтобы самостоятельно найти новые.

Точно так же каждый мужчина предпочитает определенные органы или зоны тела, вызывающие максимальное возбуждение, и у каждой женщины есть предпочтения и зоны, где она наиболее восприимчива. В некоторых штатах США всякий иной, чем вагинальный, половой акт считается запрещенным. Между тем многие религиозные авторитеты считают допустимыми любого рода сексуальные прелюдии, если только сама эякуляция осуществляется в вагине, так что даже женщины, которые получают наслаждения от разного рода органических стимуляций, сохраняют хорошее реноме.

Когда мы испытываем сексуальные чувства, у нас нет возможности оценить объект своего вожделения объективно и целиком. Какая-то одна деталь телесности действует на наше воображение и вызывает эротические переживания. Скажем, в Бразилии именно женская попа считается эталоном женской красоты. Не имеет значения, какие у женщины ноги, грудь или лицо. Главное — бум-бум. Идеальная бразильская бум-бум должна быть:

- а) упругая;
- б) высокая;
- в) крепкая.

Когда женщина идет, бум-бум должна играть. Как жизненно важный инструмент бум-бум холят и делят в массажных кабинетах, фитнес-клубах, называемых здесь академиями. Во всемирно известной клинике Иву Пентанги самое большое количество операций делают на бум-бум. Их режут, подтягивают... Дорого, но результаты, говорят, превосходят все ожидания. Чик-чик — и такие прекрасные бум-бум выходят на пляжи Копакабаны¹.

При фетишизме половое возбуждение связывается с определенными неодушевленными предметами. Согласно Фрейд, либидо может быть трансформировано в такие типы влечения и поведения, которые бесконечно далеки от полового влечения в собственном смысле. Фрейд утверждал, что между перверсией и типом поведения существует определенная связь (так анальный эротизм связывается с педантизмом, аккуратностью, бережливостью, упорством и навязчивой чистоплотностью). Свойственный человеку образ поведения во всем бесконечном разнообразии своих проявлений может рассматриваться как следствие перверсий.

¹ Райкина Марина. Русская терапия в Рио // *АиФ*. 2006. 25 авг. С. 11.

Но перверсия как таковая представляет собой не просто нечто врожденное и неизбежное, а результат определенного опыта, привычек, страстей, свойственных данной личности. Поэтому перверсии должны анализироваться для каждого случая в отдельности. В принципе они доступны частичной коррекции. Признаком того, что перверсии связаны не только с половым влечением, но и со всей судьбой души человека, может служить то обстоятельство, что они имеют характер непреодолимой страсти, подобной алкоголизму или наркомании, и по силе своего воздействия, как правило, превосходят естественное, нормальное половое влечение.

По мнению К. Ясперса, извращенное половое влечение может иногда существовать, не оказывая воздействия на сущностные характеристики целостной личности. Но именно в аномальной половой предрасположенности можно усмотреть истоки той глубинной трансформации человеческой природы, которая делает некоторых людей специфически «холодными», асексуальными или же необычайно чувствительными и капризными, наделенными совершенно особым видением мира¹.

Читатель, если вы мужчина, то вспомните, пожалуйста, как однажды мы с вами увидели женщину, которая была облачена в брюки, туто обтягивающие ее зад. Томимые неясным предчувствием, мы побежали за ней. Так мы промчались за ней несколько кварталом, пока не потеряли ее из виду. Впрочем, что касается меня лично, то я бежал за ней исключительно в повествовательных целях.

Экспозиционизм

Экспозиционизм — половое извращение, которое проявляется в публичном обнажении половых органов, чтобы вызвать половое удовлетворение. Отсутствие стыдливости, которое характерно для помраченного сознания. Р. Крафт-Эбинг рассказывает в своей книге о 23-летней девушке прекрасного воспитания и строгой нравственности, которая во время приступов произносила несколько неприличных слов, затем поднимала юбки, делала сладострастные движения и старалась разорвать свои панталоны. Согласно известным фактам, до сих пор только мужчины обнажали свои половые органы перед лицами другого пола, иногда даже преследуя их. Существует несколько разновидностей экспозиционизма. Чаще всего речь идет о нарушении ясности сознания.

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 760.

Однако в современной культуре в связи с распространением нудизма эксгибиционизм принял особые, почти легальные формы. Вот как описывает это явление писательница Дина Рубина:

Передо мной разверзлась... Нет, сначала так: огромную поляну прорезал по диагонали широкий ручей, по берегам которого...(несколько коротких мгновений в торжественном молчании моих Вергилиев я нащупывала по карманам очки, наконец нашла и наде-ла)... по берегам которого лежали на зеленой травке белые тюлени. Словом, это было лежбище нудистов, ничего особенного.

— Ну, полюбуйся, — со смехом процедил муж моей подруги, — вот так они и загорают. Причем течение в ручье сильное, однажды человека отнесло километра на два, он выкарабкался на берег и к своей одежде возвратился в переполненном трамвае... Ну, пойдём...

Мне предлагалось пройти напрямик, к противоположным воротам парка. Но я медлила...

Эта поляна с бледными дряблыми телами произвела на меня потустороннее впечатление... Словно передо мной широким полукругом располагались актеры, отдыхающие от сцен Дантова «Ада». Какая-то девица, вскочив, подала меч сцепленными замком руками и с криком «Гюнтер, Гюнтер!...» побежала куда-то в сторону, трясая на ходу подбитыми ватой ягодицами...

Сразу же моя память явила сельскую баню в киргизском селе на озере Иссык-Куль, куда в детстве нас с сестрой вывозили на летние месяцы; мою ненависть к шайкам, горячей воде, плотному пару, жемчужным скользким телам голых женщин. Но, главное, мою ненависть к публичности голого тела.

И это странно. Ведь я дочь художника, выросшая в семье, где в шкафах стояло множество альбомов с репродукциями картин великих мастеров, писавших обнаженную натуру... И они легко открывались на любой странице.

Никогда тема обнаженности не была в семье запрещенной или стыдной.

Откуда же это тошнотворное пуританство в моей крови, странное, особо крепкое устройство внутренних тормозов, вроде того, как на конвейере по производству автомобилей некий умелец от Бога срывает одну из деталей, тормозное устройство; и вот проходят годы, машина дряхлеет, ржавеет корпус, барахлит мотор... А хозяин, поглаживая баранку, удовлетворенно замечает: «Но тормоза — железные!»

Однако в юности, лет семнадцати, я получила путаное и сдавленное объяснение моему необъяснимому, очевидно, врожденному шоку от зрелища толпы голых людей. Помню — утро, на нашей террасе завтракает приехавшая накануне ночью дальняя родственница с Украины; ее вскрик при виде меня, еще заspanной, с гривой спутанных волос: «Готенно, вылитая Фира!» — и слезы на маминых глазах...

Это был первый и единственный раз, когда глухо и невятно была проговорена история — вековая очередная история! — о семнадцатилетней девушке, чьей-то вековой племяннице, дочери, сестре, расстрелянной под Полтавой (какая разница — где!) вместе с голыми соплеменниками. Правда, предварительно, когда их всех гнали к яме, она пыталась бежать. Но не успела... Боже, как я устала от собственных историй, от историй собственной семьи, которые всплывают в моей памяти в Германии с какой-то безжалостной, ослепительной вещественной обыденностью!¹

И далее:

Мы шли, мои спутники подшучивали над загорающими нудистами, рассуждая: вот, мол, эти искренне полагают, что занимают высшую ступень человеческой духовности...

Пройдя до середины тропинки, я огляделась... Небольшая группа на расстеленных матерчатых ковриках увлеченно резалась в карты... Кто-то валялся с книжкой, кто-то, вполне в традициях рубенсовских полотен, раскинул самобранку на траве... Четверо толстяков играли в волейбол, и один из них, тряся животом и грудями, все время убегал за мячом в кусты... Я пригляделась и обнаружила несколько молодых, хорошо сложенных тел, а одна женская фигура, с великолепными плечами и грудью, с прекрасной линией бедер, выглядела просто сошедшей с полотна Боттичелли... Ни один взгляд не останавливался на этом божественном теле. Да и сама она, тряся на последнем летнем солнышке, с панамой на голове, в темных очках, рассеянно перелистывала страницы книжки...

Что страшилось со всеми этими людьми, смятенно думала я, почему от них отвернулся Эрос, могучий и грозный Эрос, сметающий все преграды на пути и требующий лишь одного — хотя бы лоскутка, хотя б лишь дымки на замкнутых страстью, на вздыбленных страстью чреслах?

Я вдруг вспомнила рассказ моего мужа, подростком покинувшего семью и поступившего в Симферопольское художественное училище. Начинающие художники, как известно, штудируют бесконечные рисунки с натуры. На первом курсе это предметы, а начиная с третьего курса — натура живая... И вот, когда первокурсники бились над очередной постановкой, — натюрморт с вазой и веером на вишневой драпировке со сложными складками, — вдруг рывком отворилась дверь, стремительно вошла женщина в халате и, бросив на ходу: «Привет, мальчики!», скрылась за деревянной резной ширмой, расставленной за подиумом. Борис, сидевший со своими мольбертами сбоку, увидел, как ловко, катящими движениями ладоней, она сворачивала бублик чулка с высокой белой

¹ Рубина Дина. Холодная весна в Провансе. М., 2005. С. 113—115.

ноги. Кровь бросилась ему в голову, тело ослабело... И вдруг кто-то из мальчиков вдруг крикнул истошно: «Тетья, это не здесь!!!»

Она выглянула из-за ширмы простодушным лицом, спросила: «А это что, не третий курс? — и, запахнув халат, выскользнула в коридор...

Через два года, когда за плечами студентов остался уже курс по анатомии, она позировала обнаженной, и ребята спокойно и внимательно вглядывались в контуры женского тела, уверенной рукой растушевывая тени на листе...»¹.

Разумеется, перечисленные перверсии не исчерпывают их множества.

Литература

1. *Берн Э.* Секс в человеческой любви. М., 1997.
2. *Кол И.С.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998.
3. *Лоуэн А.* Секс, любовь и сердце. М., 2004.
4. *Кляйн М., Бриттон Р., Фельдман М., О'Шонесси Э.* Эдипов комплекс и эротические сны. Клиническое применение. М., 2001.
5. *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. М., 1996.

Вопросы для повторения

1. Как формируется сексуальное программирование?
2. Каков генезис сексуальных перверсий?
3. Как Фрейд толковал сексуальные перверсии.
4. Чем объясняется многообразие сексуальных перверсий?
5. Почему можно говорить о парциальности сексуального инстинкта?

Темы докладов и рефератов

1. Импринтинги «заведенности».
2. Программирование сексуального поведения.
3. Однополая любовь как феномен.
4. Особенности психосексуальной терапии.
5. Многообразие сексуальных перверсий.

¹ *Рубина Дина.* Указ. соч. С. 115—117.

Часть VI

Тело, душа, дух

*Дано мне тело, что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим.*

Осип Мандельштам

Нелюбимое тело

Посетительница вошла в мой кабинет и смущенно уселась в кресло. Некоторое время она пыталась разместиться поудобнее, словно боялась, что одна часть тела перевесит другую. Формы ее впечатляли — она явно страдала полнотой...

Мы заговорили о цели ее визита. Вот уже много десятилетий она борется с собственным весом. Испробовала различные средства. Едва вопрос обозначался на моих губах, она уже отметала возможные диагнозы и советы.

Диета? С давних пор вегетарианка, кушает мало и часто. А вес...

Физические нагрузки? Постоянно хожу в тренировочный зал, выполняю сложные упражнения. Делаю это регулярно, без пропусков...

Сеанс уже подходил к концу, а я с горечью ощущал, что не могу проявить хотя бы зачатки профессионализма. Вдруг, непонятно почему, спросил: «А баня?»

— Нет, это не мое, — сказала посетительница. — К бане у меня стойкое отвращение. Когда я была девочкой, мама взяла меня с собой на мытье. Не знаю почему, но это обилие голой плоти повергло меня в состояние ступора. С тех пор я ни за какие коврижки не пойду в такое учреждение.

— Вы не любите свое тело? — выдохнул я.

— Нет, не люблю. Я всегда его стеснялась...

Надо ли комментировать? Нелюбимое тело не может радовать. Оно равнодушно к еде, к физическим нагрузкам. Оно выполняет единственный заказ — быть нелюбимым телом.

Человеческое тело в широком смысле этого слова есть основа душевной жизни. Тело и душа образуют витальное единство в противоположность единству духовному. Тело оказывает влияние на

душевное начало, которое в свою очередь воздействует на тело силой воображения, чувствами, аффектами, настроениями. На свете более шести миллиардов неповторимых человеческих тел. Для человека его собственное тело как синтез телесного и духовного оказывается центральным объектом переживаний, наглядным воплощением его Я, по аналогии с которым он образует свой образ человека и мира. Но много ли человеку известно о своем теле, своем организме? Число открытий в этой области к началу XXI в. достигло значительных величин. И все-таки познание тела и телесности продолжает вызывать обостренный интерес. Это особенно характерно для прошлого века. Данная тенденция сохраняет себя и в наступившем столетии.

Многие феномены, связанные с телесностью, в значительной степени игнорировались психологией, а сейчас стали предметом интенсивного изучения. В связи с постоянным вытеснением из сферы психологического знания таких понятий, как аффект, болезнь, смерть, устранялось и постижение телесности. Конечно, сама проблема имеет в истории психологии солидные традиции. Мы можем рассуждать о постижении человеческого тела в античной философии, в эпоху Средневековья, в период Возрождения.

Однако первым, кто аранжировал эту тематику в современном звучании, был, очевидно, Б. Спиноза. Конечно, телесную организацию человека он объяснял законами механистического детерминизма. Решая проблему соотношения телесного и духовного, Спиноза утверждает параллелизм этих двух субстанций. В «Этике» он пишет о том, что ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому. Человек явлен посредством этих двух атрибутов. Но эти атрибуты не связаны друг с другом, фактически не воздействуют друг на друга. Это означает, что ни тело не может влиять на душу, ни душа на тело. Внутренняя взаимосвязь обусловлена существованием души. Но она не может быть выражена через взаимосвязь частей тела.

Наступил новый этап в рассмотрении телесности, которым ознаменовались последние десятилетия прошлого века. Отличительные черты этого этапа определяются признанием чрезвычайной сложности телесной реальности. Процессы взаимодействия тела и психики теперь не подвергаются сомнению. С одной стороны, выделение и изучение основных признаков телесности как феномена невозможно вне изучения биологических и физиологических механизмов жизнедеятельности тела (организма). С другой стороны, жизнь тела немыслима вне психики.

Множественность потенциальных и уже развернувших свой потенциал подходов в психологии к изучению человеческого тела рождает крайне противоречивые, противостоящие друг другу концепции. Это нередко актуализирует тему тела, придает ей новое звучание или новую аранжировку. Человеческое тело подвергается пуританскому осуждению, но вместе с тем вслед за Ш. Бодлером говорится о «величье наготы». «Человек телесный» противопоставляется «человеку духовному».

Компьютерная революция сопряжена с наступлением на человеческое тело. Белковая форма жизни оказывается под угрозой в связи с массовым внедрением машин и механизмов. Перспективы геной инженерии, совершенствование средств, ведущих к искусственному производству потомства, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, — все это, разумеется, разрушает традиционное представление о биологической природе человека. И вместе с тем, как никогда ранее, показывает чрезвычайную сложность человека, его уникальность как явления природы, хрупкость. Многие исследователи подчеркивают, что бурный натиск техногенного мышления содержит в себе скрытый некрофильский импульс. Некоторые ученые проводят эксперименты, вживляя в биологический организм различные механизмы.

Существует тенденция слияния человека с компьютером. Так, одна американская компания разработала микросхему под названием VeriChip, которую предлагает имплантировать под кожу всем желающим. Такой микрочип способен нести информацию медицинского характера (допустим, попал человек в аварию — врачи считывают медицинскую карту со списком противопоказаний), с его помощью можно проследить за потерявшимися детьми и даже за преступниками. Это, разумеется, не виртуальная реальность, но заметный шаг к тому, чтобы связать все человечество в единую сеть.

Не менее интересен другой проект — MIThril. По существу, он представляет собой персональный компьютер, вшитый в одежду или кожу человека. «Умная» система будет постоянно изучать своего владельца (его привычки, поведение, распорядок дня), вести свой собственный график, входить в Интернет и вовремя делать подсказки. Например, напомнит вам о дне рождения любимой тетушки или подскажет оптимальный маршрут передвижения по городу. Роль монитора при этом будут выполнять очки пользователя. А в перспективе — и сетчатка глаза.

Упомянем также проект, который можно характеризовать как «саморазвивающийся цифровой образ». Встроенная в компьютер видеокамера оцифровывает образ пользователя. Микрофон запи-

сывает его речь. Этот процесс идет постоянно, изо дня в день, и программа начинает выстраивать виртуальный образ, все более приближая его к оригиналу. Машина копирует не только ваш внешний вид, но и мимику, интонации голоса, особенности поведения. Наступает момент, когда кибердвойник становится самостоятельным — теперь он может реагировать на внешнюю ситуацию так же, как отреагировал бы оригинал.

В этом контексте о Майкле Джеконе писали в прессе, что он не простое человеческое тело, а киборг, состоящий наполовину из человеческого тела, а наполовину из компьютерных устройств.

Вообще, — пишет, скажем, В.П. Руднев, — компьютерная революция постепенно корректирует телесность человека. Раньше руки создавали орудия. Но когда они создали компьютер, они перестали быть нужны, теперь нужны только пальцы, чтобы набирать информацию (вот символ постиндустриального общества — общества информации). Но скоро и пальцы не понадобятся, останется только человеческий голос, записывающий в компьютер свою тоску по утраченной телесности¹.

Тело и телесные практики стали играть большую роль в авангардном искусстве XX в., но подлинно философское осмысление тела дали французские философы второй половины XX в., прежде всего Жиль Делез и Жан Бодрийар².

Американский психолог А. Лоуэн пишет:

Есть только одна бесспорная реальность в жизни каждого человека — это его физическое существование, или существование его тела. Его жизнь, его индивидуальность, его личность заключены в его теле. Когда тело умирает, его человеческое существование в этом мире прекращается. Не существует ни одной формы психического существования человека, которое было бы независимо от его физического тела³.

Э.М. Спирова в своих трудах выделяет четыре типологических подхода к проблеме телесности. Некоторые исследователи исходят из примата тела. Они полагают, что именно тело служит фундаментом человеческой идентичности, а телесные органы рожают определенные психологические феномены. Такой подход можно обнаружить у З. Фрейда и других его последователей (В. Райх, Ш. Ференци). Другой подход предполагает примат души. Тело при этом рассматривается как простоеместилище духа, который «облагораживает» тело и позволяет человеку «отличаться» от животного организма.

¹ Руднев В.П. Тело // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1999. С. 317.

² См. об этом: Там же. С. 316.

³ Лоуэн А. Указ. соч. С. 257.

Элементы такого подхода можно проследить в философских работах М. Шелера.

Третий подход к проблеме телесности связан с представлением о дуализме души и тела, своеобразном психофизиологическом дуализме (Б. Спиноза). Наконец, можно указать на своеобразную «диалектику» подхода к этой проблеме. Предполагается, что ни один из названных элементов (душа и тело) не обладает статусом полной суверенности, примата или автономности. Тело одухотворено, а душа телесна, ее невозможно «развоплотить» в научном анализе, а дух «обесплотить».

Разделяя последний (четвертый в этой типологии) подход к проблеме телесности, Э.М. Спирова обратила внимание на тот факт, что в современной психологии сложился длительный этап, который связан с «реабилитацией» телесности, с восстановлением ее прав на обостренное исследовательское внимание. Разумеется, в результате такой установки «душа», «дух» приобрели вторичное значение, уступая место углубленной рефлексии о теле. Пришло время восстановить утраченный баланс, т.е. вернуть духовности ее неоспоримую роль и смысл в определении человеческой целостности и идентичности.

В конце XIX — начале XX в. в концепции Зигмунда Фрейда первостепенное значение обретает телесная сторона личности. Фрейд рассматривает человека как животное, обращая внимание на его телесную природу, биологические потребности. Он много писал о раскрепощении телесности, которая была ущемлена культурой на протяжении нескольких веков. Этому посвящена его работа «Недовольство культурой».

В философской и психологической традиции вплоть до Фрейда никто не связывал соматические болезни и душевные. По работам Франца Александера, основателя психосоматической психологии, видно, что сначала все болезни лечили через душу. Существовал примат души. И первыми врачевателями были шаманы, которые с помощью специальных духовных техник лечили телесные недуги¹. Платон тоже опирался на анимистическую традицию и полагал, что излечение соматических заболеваний возможно только с помощью психотехник. Начиная с эпохи Возрождения стали проводиться аутопсии, появились первые атласы человеческих органов, учение о клетке. Произошел переворот в медицине. Начали лечить тело человека и искать источник всех психических заболеваний в теле. В медицине стало закрепляться представление о том, что причина заболевания — вирус или физиологическая поломка. Против этой установки выступает психосоматическая психология. Причина забо-

¹ См.: Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. М., 2000.

левания может скрываться в глубинах психики, и заболевание будет носить чисто психогенный характер, как, например, у шизофреника¹.

Ф. Александер и его последователи в психосоматической психологии смогли понять аналитический смысл многих соматических заболеваний как выражение психического конфликта на очень ранних стадиях развития («архаическая истерия»), когда у младенца еще не сформирована психика, а соматические реакции являются ее эквивалентом. При такой фиксации раннего конфликта эмоциональная сфера не развивается (телесные реакции заменяют аффект), появляется «алекситимия» (отсутствие эмоций) и «оперантное мышление» (когда человек напоминает робота: не чувствует эмоций людей, с которыми общается, и основывает свое общение только на «информации»). В отличие от времен Фрейда сейчас возможна аналитическая помощь таким пациентам.

Тело — источник телесных и душевных заболеваний. Это и сейчас распространенная точка зрения. Всякое лечение через дух считается возвращением к средневековым суевериям.

Фрейд же показывал, что психические факторы оказывают воздействие на биологические структуры. Неврозы как раз возникают не столько от тех или иных физиологических нарушений, сколько от различных житейских конфликтов, жизненных трудностей, которые способны приобретать острые, клинические формы. Фрейд раскрыл смысл симптома истерии и его роль в психической динамике. Влечение имеет значительную энергию. Но эта энергия блокируется, она не может получить естественной реализации. В этом случае энергия находит окольные пути выражения и проступает в патологических формах.

Фрейд соединяет две субстанции: душу и тело. Он показывает, что между ними существует не противостояние, а зависимость. Нельзя лечить тело и душу отдельно. Леча душу, мы лечим тело. Леча тело, врачеем душу. Это один из выводов, к которым приходит Фрейд в своей книге «Недовольство культурой». При этом он рассматривает проблему соотношения души и тела в широком философском ракурсе. Фрейд начинает работу с вопроса: «В чем смысл жизни?» — и, обращаясь к этике эвдемонизма, отвечает, что смысл жизни в счастье. «А в чем счастье?» — в «психологическом здоровье», которое неразрывно связано с телесным удовольствием, удовлетворением телесных потребностей. Природный человек не был невротичным, так как его потребности удовлетворялись немедленно. Культура наложила на человека целый ряд запретов, прежде всего на проявление сек-

¹ Александер Ф. Указ. соч.

суальности. Таким образом, теорию сексуальности Фрейда, по сути дела, можно рассматривать как культ человеческой телесности.

Функционирование тела

Тело знает, то такое насыщение, трепетность, нега, страстность. Человек прежде всего животное. Он животное, потому что зависим от животного функционирования тела. Однако в нормальных отношениях он с трудом удерживает в уме, что первоначально он — животное. Он понимает, что в культуре доминируют эгоценности и что она организована на основе причинно-следственных взаимоотношений. Если он утрачивает свою животную природу, то становится автоматом. Если он отрицает ее, он становится бесплотным духом. Если он извращает эту природу, то становится демоном. Телесность проявляется в характерных движениях, позах, осанке, дыхании, ритмах, темпах, температуре тела, степени его «протекания», запахе и звучании. На свете много известных людей. Один из них — Джо Видер, отец фитнеса. Именно благодаря Видеру бодибилдинг превратился из странного хобби заикленных на своей фигуре мужчин в настоящий спорт — массовый и уважаемый. С его легкой руки слово «фитнес» вошло в большинство языков мира. Видер привез в Америку Арнольда Шварценеггера и сделал его звездой. Он выпестовал обладателей всех высших атлетических титулов (Фрэнка Зейна, Серджио Олива, Ларри Скотта, Франко Коломбо). Он вынудил серьезных ученых обратить внимание на биодобавки.

Жизнь тела — одна из сквозных тем А. Лоуэна.

Мы должны согласиться с тем, — пишет Лоуэн, — что за несколько миллиардов лет, из которых складывается история эволюционного процесса на земле, тело приобрело настолько мудрый и прочный стержень, что наш сознательный разум в состоянии вообразить этот факт, но в ни в коем случае не способен полностью постичь и охватить его¹.

Недоверие телу и фактический отказ от него делает невозможным осознание значимости телесного опыта. Между тем «телесный опыт — необходимая составляющая человеческого существования, условие его полноты и цельности». Телесный опыт — непосредственно-чувственный опыт. Он начинается прежде всего с регистрации ощущений. Без этого опыта нет и опыта рефлексии. Благодаря непосредственно-чувственной практике расширяются возможности

¹ Лоуэн А. Радость. Минск, 1999. С. 38.

всех органов чувств. Восполняется и увеличивается психический и общенергетический потенциал.

Продуктивна мысль Лоуэна: нашей основной и самой реальной действительностью является наше собственное тело. Наше Я — это вовсе не образ и не представление, обитающее где-то в недрах мозга, а весьма реальный, живущий и пульсирующий организм. Чтобы познать себя, мы должны ощущать свое тело. Потеря чувствительности в любой части тела означает потерю какой-либо частицы самого себя. По мнению А. Лоуэна, самосознание, представляющее собой первый шаг в терапевтическом процессе открытия самого себя, означает, что человек чувствует свое тело — все тело целиком, от головы до пят. Многие люди, находясь в состоянии стресса, теряют ощущение тела. Они уходят от тела в попытке сбежать и укрыться от действительности, что является реакцией шизофренического типа и образуют собой серьезное эмоциональное расстройство.

Как личность воспринимает самую себя? Что является основой ее идентификации? Идентичность — чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности, принимаемый им образ себя во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру. По мнению Фрейда, жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения. Этот принцип главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала; его целенаправленность не подлежит никакому сомнению, и в то же время его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром, как с микрокосмосом, так и с макрокосмосом. Однако можно ли обрести это наслаждение? Фрейд показывает, что страдания окружают нас с трех сторон: со стороны нашего собственного тела, судьба которого — упадок и разложение, непредотвратимые даже предупредительными сигналами боли и страхе; со стороны внешнего мира, который может обрушить на нас могущественные и неумолимые силы разрушения, и, наконец, со стороны наших взаимоотношений с другими людьми.

Источником страдания, по мнению Фрейда, становится наша собственная плоть. Вот почему, чтобы избежать невротических реакций, человек должен удовлетворять позывы тела. Тело является основой его идентификации. В самом деле, разве не тело дает нам реальное представление о себе. Человек не может произвольно менять телесные оболочки. Можно изменить свою внешность. Но тело — это рок, судьба человека.

Проблема отождествления (идентичности) раскрывается А. Лоуэном именно в этом направлении. Он отмечает, что на уровне сознания человек знает, кто он, но он все равно мучается вопросами, кон-

фликует сам с собой, сомневается в своих чувствах. Американский исследователь ставит проблему целостности личности. Разумеется, он не отождествляет человека только с телом. Поэтому много говорит о соотношения тела и сознания, тела и духа. Однако, по его мнению, только витальный аспект существования придает жизни смысл¹. Лоуэн говорит о невротике следующее: этому человеку не хватает отождествленности со своим телом, т.е. того фундамента, на котором выстроена человеческая жизнь.

Эти рассуждения кажутся бесспорными. Человек — это прежде всего тело. Если нет тела, то нет и других феноменов — души, психики, духа... Вот они-то и надстраиваются над телесностью, которая является фундаментом человека. При всей своей кажущейся неопровержимости эти рассуждения далеко не безупречны. Шаткость их в том, что они создают определенную модель человека, которая предполагает неизбежный «базис» и «надстройку», первичное и производное. В этом контексте целостность оказывается не чем иным, как механическим восполнением тела «всем нетелесным, душевным, эмоциональным». Но, во-первых, следует «выправить» логику рассуждений А. Лоуэна. Верно, что без тела нет души и других феноменов. Но в той же мере нет души как «развоплощенной» сущности. Она «телесна». А во-вторых, постижение личности начинается не только с тела. Ведь, как показала трансперсональная психология, человек способен начать «строительство» личности в ситуации трансцендентирования, т.е. временного выхода за пределы собственной телесности.

Можно ли в этом смысле считать тело фундаментом, на котором выстроена человеческая жизнь? Таким фундаментом, строго говоря, может быть и дух, который находится в слабом теле. Разумеется, разум, душа и дух — это аспекты живого организма. Но эти феномены не называются телом человека. Они проявляются в живом теле, но это вовсе не означает, что они выполняют какие-то телесные функции. У них другое назначение и совсем иная роль в постижении человека как целостности. Человек способен расщепляться (феномен шизофрении), но у нас нет оснований полагать, что это относится только к телу. На самом деле человек распадается на бестелесный дух и разочарованное тело. Человек — не агрегат, а тело — не ракета-носитель...

Мы говорим о мертвой личности — теле, и таким же вторичным способом мы можем по меньшей мере думать о личности, лишенной тела. Личность не есть воплощенное Это, но Это может быть бесплотной личностью, сохраняя логическое преимущество индивидуальности

¹ См.: Лоуэн А. Предательство тела. С. 7.

от имевшей его личности. Личность способна терять свои отдельные атрибуты и вместе с тем оставаться личностью. Каждый из нас с легкостью представит себе свое индивидуальное выживание после телесной смерти, здесь не требуется большого усилия воображения. Бесплотная личность может понимать, наблюдать других, думать о них, сохранять память, эмоции и чувства; она теряет только тело, относящееся к ее опыту как ее собственное тело, и способность производить в физическом мире такие изменения, какие в телесном состоянии производит своими руками, ногами, голосовыми связками и т.д.

Тело мертвой личности может быть отождествлено с помощью обычных физических критериев и описано в обычных физических терминах. Но живая личность лишь в особых случаях — например, в физическом эксперименте — может быть описана в терминах, подходящих для описания материальных тел, и только при том условии, если она одновременно не рассматривается как личность. Труп может быть отождествлен двояко; как тело отдельной личности и как особое материальное тело вообще без отсылки к личности.

Репрессированное тело

Однажды к аборигенам далекого острова приехали этнографы — профессор с женой. Они начали изучать традиции племени. Но вот незадача — все островитяне ходили обнаженными. Профессор подумал, подумал над европейскими нравами и стянул с себя одежду. Однако жена, воспитанная в иной культуре, колебалась. Толпы распаленных мужчин ходили за ней, мучительно стремясь выведать тайну скрытой плоти. Это стало невыносимым, и женщина переступила все нравственные устои. Однако, увидев ее обнаженной и без всякой тайны, мужчины сразу потеряли к ней всякий интерес...

Культура оказывает несомненное воздействие на восприятие тела. Древние эллины, как известно, создали культ человеческого тела. Они славили его, восхищаясь этим удивительным созданием природы. Даже боги у греков приняли облик человека.

Перечитайте Гомера, — пишет русский писатель В.В. Вересаев, — откиньте всех богов, которых он выводит. Вы увидите, что, помимо них, божественная стихия священной жизни насквозь проникает Гомеровы поэмы, так проникает, что выделить ее из поэм совершенно невозможно. Ко всему, что вокруг, человек охвачен глубоко религиозным благоговением¹.

¹ Вересаев В.В. Живая жизнь. М., 1991. С. 197.

В греческой философии и искусстве природа человека, его облик, его образ — все это представлялось идеалом совершенства и гармонии. Поскольку сын природы воспринимался как перл создания, искусство стремилось воспроизвести, запечатлеть человеческое тело. Грек созидал мраморное тело бога и распоряжался им, делая его таким, каким хотел...

В Средние века восторженное отношение к телесности утратилось. Однако в эпоху Возрождения опять стали любоваться красотой человека. Но что характерно для восприятия телесности в современной культуре? Нынешняя культура называется «телоцентричной», но такой она стала не сразу. В лучшем случае эта тематика находила свое отражение на полях философских маргиналий (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Арто, Ф. Кафка). Сейчас же наступил новый этап в рассмотрении телесности. Он сложился в последние десятилетия прошлого века. Отличительные черты этого этапа определяются признанием чрезвычайной сложности телесной реальности. Процессы взаимодействия тела и психики теперь не подвергаются сомнению. С одной стороны, выделение и изучение основных признаков телесности как феномена невозможно вне изучения биологических и физиологических механизмов жизнедеятельности тела (организма). С другой стороны, жизнь тела немислима вне психики.

Однако в XX в. проявилась и другая тенденция в осмыслении телесности. Отнюдь не принижая тематики тела, сторонники другой точки зрения полагают, что сводить идентификацию человека к его телесности неправомерно. Отстаивая право человека выступать прежде всего как конкретное тело, многие исследователи в немалой степени элиминировали духовные аспекты человеческой личности. Другая тенденция в оценке понятия «телесности» как раз и выражает стремление преодолеть эту ошибку. Так, французский философ П. Рикер пытается истолковать понятие «личность» в духе «отступления» от диктата тела. Он называет личностями такие существа, которые отличаются от вещей и животных. Рикер показывает, что тела и личности являются фундаментальными конкретностями в картине мира.

Первое: чтобы выступать в качестве личностей, личности должны быть телами. Второе: психические предикаты, отличающие личности от тел, должны быть приложимы к той же сущности, что и предикаты физические, общие для тел и для личности. И третье: психические предикаты имеют одно и то же значение в приложении к самому себе или к другому...¹.

¹ Рикер П. Человек как предмет философии // Вопросы философии. М., 1989. № 2. С. 43.

Сторонники излагаемой мной точки зрения рассуждают так: если кибернетические системы — роботы и компьютеры — могут подражать человеческим процессам и только сложность человеческого мозга делает предсказание и объяснение человеческого поведения более затруднительным, чем поведение какого-либо другого живого существа, то возникает впечатление, что наиболее отличительные и ценные области человеческого существования уничтожены бессердечной наукой. В конце концов, получается, что человек не более чем часть природы, которую он исследует. Или, как выражается французский философ Ж. Деррида, можно сказать, что эти тенденции имеют в виду «вытеснить все метафизические понятия, включая сюда понятия души, жизни, ценности, выбора, памяти, которые до последнего времени, по-видимому, служили разграничению машины и человека»¹.

Но неизбежно ли это? Философы названной ориентации отмечают, что на первых порах мы можем некритически согласиться с дихотомией тела и ума и рассматривать себя как ум, владеющий телом, — в конце концов, понятие самоконтроля — это понятие ума, контролирующего тело. Но иногда мы замечаем, что, кроме того, нам свойственно понятие самих себя, своей личности, которое лежит за пределами как ума, так и тела. И можно воспитывать свой ум так же, как и тело, например учить его владеть собственными мыслями и чувствами.

В философии XX в. стремление реабилитировать тело и телесность оказалось в значительной мере преобладающим. В рамках этой установки сформулированы весьма интересные теоретические положения, связанные с культом тела как основы человеческой идентичности. Однако эта установка в значительной степени исчерпала себя. Отождествляя себя с телом, человек не может достичь предельной самоактуализации. Поэтому в современной философии назрела потребность критического анализа данной установки, что позволяет вернуться к весьма важным традициям философской антропологии, позволяющим осуществлять человеческую идентификацию на уровне души и духа.

Интенсивное изучение человеческой телесности началось в XX в. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, появилась немецкая философская антропология, которая сделала акцент на человеке как природном существе. Во-вторых, практика тоталитарных режимов показала тело как объект истязаний и мучений, что вызвало особое внимание к проблемам насилия над человеческой плотью. В-третьих, тело стало объектом постмодернистской рефлексии.

¹ *Derrida J. On grammatology. Baltimore, 1976. P. 9.*

Остановимся, к примеру, на концепции Мишеля Фуко. Обращаясь к проблеме телесности, этот мыслитель прибегает к медицинскому, этическому и философскому дискурсу. Подобный анализ позволяет ему вводить различного рода классификации сексуальности. Конструкт тела имеет, по Фуко, мыслительную природу, что подкашивается конкретным подходом к телесности. Отсюда возможное положительное или отрицательное отношение к телу. В медицине, согласно Фуко, преобладает пневматическая либо гидравлическая модель, в которой тело представлено как жидкостный агрегат. Все его движения обусловлены течением и давлением жидкостей внутри организма. По меркам гидродинамической модели создаются пневматические либо энергетические модели. Режим сексуальности определяется в работе тела, которая осуществляется только как самодвижение души. Фуко пишет, что в некотором роде само тело устанавливает закон для тела, но душа «беспрестанно грозит увлечь тело за пределы свойственной ему механики и исходных нужд; это она побуждает выбирать неподходящее время, действовать в сомнительных обстоятельствах, противиться естественным предрасположенностям»¹.

В работе «Пользование наслаждением» Фуко отмечает, что термин «сексуальность» появился довольно поздно, в начале XIX в. Данный факт, по его мнению, не стоит ни недооценивать, ни переоценивать. Он свидетельствует не просто о возникновении нового слова или о внезапном появлении того, что обозначается этим словом. Само же слово употребляется в связи с различными явлениями: развитием всевозможных областей познания, включая биологический механизм воспроизводства или же индивидуальные (социальные) варианты поведения; с установлением свода правил и норм, отчасти заданных традицией, отчасти новых, которые опираются на соответствующие религиозные, судебные, педагогические, медицинские учреждения. «Мой замысел, — пишет Фуко, — заключался в том, чтобы построить историю сексуальности как опыта — если под опытом понимать внутрикультурную соотнесенность между областями познания, типами норм и формами субъективности»².

В книге «Надзирать и наказывать» Фуко анализирует политическую историю тела. Тело оказывается местом или пространством представления закона и власти. Фуко стремился «исследовать метаморфозу карательных методов на основе политической технологии тела, которая может рассматриваться как общая история власти и

¹ Фуко М. Забота о себе. М., 1998. С. 198.

² Фуко М. Пользование наслаждением // Эрос. Страсти человеческие. Философские маргиналии профессора П.С. Гуревича. М., 1998. С. 131.

объектных отношений»¹. Технология власти становится видимой на пересечении эпистемологического и юридического дискурсов, которые предъявляются в тюрьме как социальном теле. В системе власти тело становится телом производительным и телом подчиненным. Несмотря на то что технология тела обычно диффузна и не может быть выражена в целостной дискурсивной связности, тем не менее некоторые социальные аппараты и институты «проводят в некотором смысле микрофизику власти, поле действия которой простирается между большими делами власти и собственно телами с их материальностью и силами². Фуко полагает, что «отношения власти проникают в самую толщу общества; они не локализируются в отношениях между государством и гражданами или на границе между классами и не просто воспроизводят — на уровне индивидов, тел, жестов и поступков — общую форму закона или правления»³, но в непрерывности порядков распределения власти предъявляют специфичность ее механизма и модальностей познания. Анализ политического захвата тела и микрофизики власти становится «исследованием» «политического тела» как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания⁴.

Феномен телесности как неразличенности «внутреннего» и «внешнего» стал предметом многих философских рефлексий в прошлом веке (П. Валери, С. Беккет, Ж. Делез). Порой слово «телесность» замещается другими словами («поверхность», «ландшафт»).

Возьмем, к примеру, попытку французского философа Клода Лефора, который в работе «Промежуточное тело» комментирует книгу английского писателя Дж. Оруэлла «1984» с двух главных точек зрения. Лефор выделяет взгляды, жесты, позы, придающие непрерывность реальности, о которой повествует Оруэлл, прошлому, которое вспоминает Уинстон, грезам Уинстона. Нынешние отношения героя с О. Брайеном и Джулием тем самым сплетены с его детством и образом его матери.

Под именем тела Лефор подразумевает все сущности, которые Мерло-Понти пытается совокупно осмыслить в «Зримом и незримом»: узел, который связывает чувствующего с чувствующим, хиазм чувствительности, тело феноменологическое; а также скрытую,

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1998. С. 37.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 41–42.

⁴ Там же. С. 43.

особую организацию пространства-времени, фантазм, тело психоаналитическое. Тело, соединяющееся с миром, которому оно принадлежит, им утвержденное и его утверждающее; а также тело, из мира выбывающее, — во тьме того, что оно потеряло, чтобы здесь родиться¹.

Тема репрессированного тела — ведущая в работах А. Лоуэна. Он пишет:

Человек воспринимает реальность только через собственное тело. Воздействие внешней среды связано с ее влиянием на тело и ощущения. Человек откликается действиями, направленными на среду. Если телу не достает живости, то и воздействие среды, и отклики ослаблены. Живость тела означает живость того, что человек делает, воспринимая реальность и активно откликаясь на нее. У всех есть опыт хорошего самочувствия, когда мы тонко и остро воспринимаем окружающий нас мир, и напротив, когда мы подавлены, мир теряет яркость и словно выцветает².

Однако когда тело «мертво», человек с трудом воспринимает влияние среды, его способность откликаться на ситуации затруднена. Эмоционально мертвый человек, по Лоуэну, обращен внутрь себя: чувства и действия подменяются размышлениями и фантазиями, а реальность компенсируют образы. Чрезмерно развитая ментальная активность, подменяющая контакт с реальным миром, создает фальшивую живость. Несмотря на умственную активность, на физическом уровне заметна эмоциональная «омертвелость», тело остается «мертвым» и безжизненным.

По мнению А. Лоуэна, конфликт между телом и Я может быть незначительным, но может быть и тяжким. Невротичное Я доминирует над телом, шизоидное Я отрицает тело, а шизофреническое — диссоциируется с ним. Невротичное Я боится иррациональной природы тела, пытаясь просто подчинить его. Когда телесный страх выражается паникой, Я начинает отрицать тело для того, чтобы выжить. Если страх тела перерастает в ужас, Я диссоциируется с ним, полностью отрывая личность от того, что порождает шизофреническое состояние.

Лоуэн показывает, что конфликт между Я и телом порождает расщепление личности, влияющее на все аспекты существования и поведения. Эмоциональное здоровье личности невозможно без ее единства и полноценного контакта с реальностью. При шизофре-

¹ Люотар Ж.-Ф. Толкование на сопротивление// Философия. Хрестоматия / Сост. П.С. Гуревич. М., 2002. С. 319.

² Лоуэн А. Предательство тела. С. 12.

нии личность разъединена с реальностью или уходит от нее. Шизоидное состояние лежит между крайними точками здоровья и заболевания; это значит, что единство личности сохраняется благодаря силе рационального мышления, а уход от реальности проявляется как эмоциональный отрыв.

Американский исследователь считает, что предвзятость против тела появляется из-за отождествленности с животной природой человека. Цивилизация прогрессировала, чтобы возвысить человека над животным. Усилия прогресса породили не сравнимое ни с чем Это человека; это должно было освободить его сияющий дух; это расширило и увеличило его сознание. Тело человека должно было очиститься, его чувствительность обострилась, оно стало более разносторонним. Однако в этом процессе тело, как представитель животного, было опорочено. Но область животного включает влечение и вожеление, радость и боль, а ведь именно на этой основе развивается здоровая подвижность организма. Ребенок рождается животным. Если в процессе обретения цивилизованности и приобретения знаний он отвергает животный аспект своего существования, то становится отчаявшимся индивидом с шизоидной личностью. Это и тело образуют единство. Мы не можем отвергнуть одно ради другого, мы не можем быть людьми, если не будем животными.

Таким образом, телесность человека не тождественна телу (соме-биологическому организму), его свойствам и качествам. Телесность — это качество, сила и знак телесных реакций человека, формирующихся с момента зачатия в процессе всей жизни. Она не является продуктом одного лишь тела: это отдельная реальность — результат деятельности триединой природы человека. В этом смысле телесность — дочерний феномен. Телесность образуется в контексте генотипа, половой принадлежности и особенностей индивида в процессе его адаптации и самореализации. Она проявляется в характерных движениях, позах, осанке, дыхании, ритмах, темпах, температуре тела, степени его «протекании», запахе и звучании.

В отличие от индивидуального тела, одного и единственного в жизни человека, телесность переменчива: характер ее меняется в соответствии со знаком телесно-чувственных процессов. Эти изменения не тождественны процессам развития, взросления или старения, но перечисленные процессы влияния на нее в ней и проявляются. Поскольку ее формирование зависит от внешних и внутренних условий, то значительные изменения этих условий влекут за собой изменения телесности человека. На состоянии телесности отражаются мотивации, установки и в целом система смыслов индивида, поскольку она хранит обобщенное знание человека и представляет собой материальный, видимый аспект души.

Так же как и тело, телесность призвана выполнять охранительную и поддерживающую функции в адаптационных процессах, и в этом ее первое назначение. Уровень развития телесности (диапазон) позволяет человеку в той или иной степени «резонировать» с миром и духовно совершенствоваться, что является другим ее назначением. Третьим, последним назначением телесности является обеспечение разъединения души и тела в момент смерти. Телесность сводит воедино «несводимый» дуализм идеального и материального, души и тела, «высокого» и «низкого». Более того, именно наличие телесности как реального феномена делает несостоятельным противопоставление энергий психики и тела, утверждая их синтез и единую биопсихическую структуру «человек».

Равны ли друг другу разум и тело? По мнению Лоуэна, это кажущееся равенство есть результат ограниченности того кругозора, который доступен сознательному разуму, умеющему наблюдать лишь то, что находится на поверхности явлений. Он считает, что именно та часть нашего тела, которая погружена во тьму, т.е. наша бессознательная и подсознательная половина, поддерживает безостановочное течение нашей жизни.

«Возможно, самая большая из всех иллюзий — это вера в то, что сознательный разум контролирует тело и, что изменив характер своего мышления, мы можем изменить и наши чувства»¹. Проблема «забвения тела» поставлена Лоуэном правильно. Откристаллизованный за миллионы лет, свойственный телу принцип природной целесообразности нарушается в угоду представлениям и социальным установкам из-за болезней, нормированности общественной жизни и темпов цивилизации.

Человек подчиняется личностной целесообразности, — пишет Е.Э. Газарова, — и характерные психосоматические паттерны... выполняют определенную роль в контексте этой целесообразности: роль защиты личности. Даже в условиях безопасности человек не может позволить себе проявления непосредственности и спонтанности, и это — тревожный знак: в связи с невостребованностью тело забыло естественные реакции².

Человек выражает свои проблемы смысловыми интеллектуализациями и техническими формулировками. Многие пытаются преодолеть опущение нереальности самих себя и своей жизни. Отчаяние, когда образ, созданный ими же, оказывается пустым и бессмысленным. Отождествление, основанное на образах и ролях, меняется. От-

¹ Лоуэн А. Радость. Минск, 1999. С. 41.

² Газарова Е.Э. Психология телесности. М., 2002. С. 26.

чуждение от друзей, от работы. Отвергнута романтическая любовь, секс компульсивен, работа механистична, а стремления эгоистичны.

Нельзя сказать, что образы нереальны, но их реальность отлична от телесного феномена. Образ обретает реальность, когда объединяется с чувством или ощущением. «Ментальное здоровье» предполагает, что образ совпадает с реальностью. Образ затмевает личностную человеческую индивидуальность. Образ легче убить, чем человека. Образ собственного ребенка — подогнать ребенка под образ, который, как правило, не что иное, как проекция бессознательного отцовского образа себя. Ребенок, которого принуждают измениться, чтобы соответствовать родительскому бессознательному образу, утрачивает ощущение Я, чувство тождественности и теряет контакт с реальностью... Воспитанный на представлениях об успешности, популярности, сексапильности, интеллектуальном и культурном снобизме, статусе, самопожертвовании и т.д., человек видит и других как образы, вместо того чтобы видеть в них людей. Окруженный образами, пытаясь соответствовать своему собственному образу, он переживает фрустрацию и обманчивое эмоциональное удовлетворение. Образ — это абстракция, идеал и идол. Тело попадает в услужение образу. Отчужденные индивиды создают отчужденное общество.

Тема репрессированного тела в полном объеме появляется у М. Фуко. Тема «знания — насилия», «знания — власти» выходит у Фуко на первый план в работе «Надзор и наказание» (1975). Он отмечает, что само явление восходит к XVII в. и достигает полного развития в XIX в. Речь идет о власти, которая репрессирует человеческое тело. Оно порождает промискуитет брачной пары и «сексуализацию семьи», превращение ее в ячейку, открытую потокам сексуальности. В книге «Воля к власти» (1976) Фуко пишет:

Надо отказаться от гипотезы, согласно которой современные индустриальные общества положили начало возрастающей репрессивности в половых вопросах. Мы не просто присутствуем при взрыве еретических видов сексуальности. Главное то, что устройство, весьма далекое от закона, — даже если оно локально опирается на процедуры запрета — обеспечивает с помощью механизмов, сцепляющихся между собой, расцвет особого рода удовольствий и умножение разнообразных видов сексуальности¹.

Много десятилетий назад генетики отказались от понимания жизни как организации, обладающей странной способностью себя воспроизводить. Теперь они видят в механизме воспроизводства то,

¹ Foucault M. La volonté du savoir. Paris, 1976. P. 67.

что входит в измерение биологического, матрицу не просто живого, но самой жизни. И вот уже много веков, как подмечает Фуко, бесчисленные теоретики и практики тела превращали человека в дитя его пола, властного и постижимого, пола как всеобщей причины.

Почему пол столь скрыт, какова его сила, которая столь долго принуждала его к молчанию и лишь недавно начала его отпускать, хоть и позволяя ему задавать вопросы, но по-прежнему исходя из его угнетения? Так ставить вопрос нельзя. Фактически этот часто задаваемый в наше время вопрос представляет собой не более как новейшую форму предписания столетней давности: там в нем истина! Идите ее настигнуть!¹

Целью исследований Фуко является выработка не столько «теории», сколько аналитики власти. Он имеет под этим в виду определение специфической области властных отношений и инструментария, дающего возможность эту область анализировать. Эта аналитика может возникнуть при условии освобождения, отказа от определенного представления о власти, представления, которое он называет «юридически-дискурсивным». От этой концепции зависит как проблематика репрессии, так и теории составляющего желание закона. Другими словами, анализ, который осуществляется в терминах закона желания, и представляет собой способ понимания природы и динамики влечений, но не способ понимания власти.

Проект истории сексуальности, точнее, серия исследований, касающихся исторических отношений власти и дискурса в отношении пола, цикличен в том смысле, что речь идет о двух взаимосвязанных стратегиях. Необходимо, считает Фуко, отделаться от юридического и негативного представления о власти, отказаться мыслить ее в терминах закона, свободы и суверенности. Но как же тогда анализировать изменения, которые в относительно недавний период произошли с сексуальностью, являющейся, по-видимому, одной из самых запретных вещей в нашей жизни и в нашем теле? Как же еще, если не с помощью запрещения, власть получает доступ к сексуальности? С помощью каких иных механизмов, тактических уловок или устройств?

Допустим, пишет Фуко, тщательное обследование покажет, что власть в современных обществах фактически не управляет сексуальностью в модусе закона и суверенности. Допустим также, что исторический анализ обнаружит наличие подлинной «технологии» сексуальности, куда более сложной и, главное, позитивной, чем простой эффект «защиты». Этот пример следует рассматривать как наиваж-

¹ Foucault M. La volonté du savoir. P. 103.

нейший. Ведь в случае сексуальности более, чем в каком-либо другом, казалось, что власть функционирует в качестве запрета.

Молчание и тайна покрывают власть, укрепляя ее запреты, но также разжимают ее хватку и побуждают к более или менее неопределенной терпимости. Представим себе историю того, что считалось самым важным прегрешением против природы. Крайняя сдержанность текстов о содомии, ее почти всеобщее замалчивание в течение долгого времени, позволяли ей функционировать в двойном режиме. С одной стороны, крайняя суровость: за содомию еще в XVIII в. посылали на костер, и до середины этого века не было ни одного сколько-нибудь серьезного протеста против такой практики. Но, с другой стороны, весьма большая терпимость, о чем косвенно можно судить по редкости судебных приговоров, а более прямо — из отдельных свидетельств о существовании мужских сообществ в армии, при дворе.

Появление в психиатрии, юриспруденции и литературе XIX в. целой серии дискурсов о различных видах и подвидах гомосексуальности, инверсии, педерастии, «психического гермафродитизма», конечно же, способствовало значительному усилению социального контроля над перверсиями, но оно же благоприятствовало образованию «ответного» дискурса: гомосексуальность принялась говорить о себе самой, доказывая свою законность и «естественность», нередко используя понятия того же словаря категорий, с помощью которых она обличалась в медицине.

По природе своей сексуальность отнюдь не чужда власти. Более того, Фуко считает, что через нее проходит густая сеть властных отношений между мужчинами и женщинами, младшими и старшими, родителями и детьми, воспитателями и воспитанниками, священниками и мирянами, администрацией и населением. Сексуальность, по Фуко, обладает «максимальной инструментальностью», в силу чего нет единой глобальной стратегии, равно затрагивающей все половые проявления в обществе. Таковой не является ее воспроизводящая функция или ее брачность.

Начиная с XVIII в. наметились четыре основные точки пересечения узловых пунктов власти — знания:

- (1) истеризация женского тела, тела насыщенного сексуальностью, медикализованного, помещенного в женское пространство, погруженного в материнство, несущего биоморальную ответственность за воспитание;
- (2) педагогизация пола ребенка (во-первых, утверждалось, что все дети склонны к сексуальной активности, которая, будучи «противоестественной», может иметь нежелательные последствия, во-

вторых, эта педагогизация проявляется прежде всего в войне против онанизма, которая велась на Западе около двух веков);

(3) социализация прокреативного поведения, воспитание ответственности брачных пар за это поведение, мнимая патогенность контроля за рождаемостью, например;

(4) психиатризация перверсивных удовольствий: сексуальный инстинкт был выделен как биологически и психически автономный после того, как был произведен клинический анализ всевозможных аномалий, которые могут его поразить; ему была отведена роль фактора нормализации или патологизации поведения в целом; наконец, начались поиски средств устранения этих аномалий.

В рамках этого внимание было обращено на четыре фигуры, ставшие привилегированными объектами познания; имеются в виду истеричка, мастурбирующий ребенок, мальтузианская брачная пара, перверсивный взрослый. Начиная с XVIII в. сексуальность захватывает новые области жизни. Исповедальные практики, процедуры покаяния, новая проблематика «плоти», ее вождений, тонких форм удовольствия — вот с чем связана новая стратегия власти — знания. Сексуальность зародилась в лоне власти, первоначально ориентировавшейся на брачность, брачное устройство. Семья, возникающая на месте прежнего брачного устройства, не только не обуздывает сексуальность, но и является привилегированным местом ее функционирования, главной опорой. Семья начиная с XVIII в. становится местом аффектов, любви, привилегированным местом расцвета сексуальности, которая изначально инцестуозна. Возможно, что в обществах, где преобладает брачное устройство, запрещение инцеста функционально необходимо. Но в обществе вроде нашего сама семья является активнейшим очагом сексуальности.

Инцест занимает центральное место как ужасающий секрет и необходимая связка, которая требуется для того, чтобы семья оставалась очагом возбужденной сексуальности. Если, считает Фуко, на протяжении более века Запад столь интенсивно интересовался запрещением инцеста, если, по едва ли не единодушному мнению, в нем видели социальную универсалию, одну из обязательных точек перехода от природы к культуре, то делалось это, вероятно, для того, чтобы найти в этом дискурсе средство защиты не от инцестуозного желания, но от распространения нового сексуального устройства, чьим неудобством — среди стольких преимуществ — было то, что оно как раз не считалось с законами и юридическими формами брака. Это было как бы заклинание, попытка подчинить нарождающееся сексуальное устройство брачности, чтобы сохранить в неприкосновенности право, закон и пр.

Таков парадокс общества, изобретшего столько неправых в основе своей техник, которое оно пытается перекодировать в терминах права. Если признать, что за порогом любой культуры является запрещение инцеста, сексуальность оказывается изначально помещенной под знак закона и права. Тогда как на самом деле сексуальность делает своим центром семью, угрожая брачности. В результате появляются смешанные фигуры, сочетающие в себе отклонения от брачности с аномальной сексуальностью. Ковчег брака — семья становится ядром всех злоключений пола, объектом бесконечного исследования врачей и психиатров. Семья в сексуальном устройстве — это как бы кристалл: создается впечатление, что она испускает сексуальность, которую она на самом деле лишь отражает и подвергает дифракции.

Интересно, что огромное распространение психоанализ получил в обществах, где брачное устройство и система семьи нуждались в укреплении. Теперь уже сексуальность поддерживает брак, а не наоборот, как это было первоначально. Сначала в христианской поведенческой практике закон брачности кодировал «плоть», с появлением психоанализа сексуальность вдыхает жизнь в брачные правила, насыщая их желанием. Семья в новом варианте, по мнению Фуко, не запрещающая, а сексуализирующая сила. Политика тела нуждается уже не в «опускании» пола или в его ограничении воспроизводящей ролью, но в его самой многообразной канализации. Эта политика опирается не на запреты, а на различные техники, производит сексуальность, а не репрессирует ее.

«Репрессивная гипотеза» датирует угнетение сексуальности двумя периодами: это XVII и XX вв., когда гайки начали соответственно закручивать и раскручивать: относительная терпимость к добрым связям, смягчение законов против «перверсий» и пр., снятие табу с детской сексуальности — события прошлого века. Но есть и другая периодизация, куда более полиморфная, не совпадающая с «большим» репрессивным циклом: она включает в себя средневековые христианские техники покаяния, обязательность периодического исчерпывающего признания, аскезы, мистицизм XVI в., протестантскую и католическую технику исповеди.

Это предшественники вышеописанной «медикализации» детства, женщины, выразившиеся в автоматизации пола по отношению к телу в середине XIX в. Моральная категория «излишества», «разгула» сменяется «научными категориями» вроде перверсивности, патологии начинают проходить через пол (проблематика наследственности, вырождения, «дурная наследственность» как источник перверсии). Только психоанализ в конце XIX в. порвал с проблематикой вырождения, с

которым связана новая нерасистская медицинская стратегия нормализации. Фрейд восстал против политических и институциональных эффектов системы перверсия—наследственность—вырождение.

По утверждению Фуко, не было эпохи сексуальных ограничений, допускаемой «репрессивной гипотезой», не было никакой единой политики в масштабах всего общества. Первая экспериментальная лаборатория сексуальности — сама буржуазия, «правлящие классы». С их возрастающей исторической ролью связан не отказ от тела и аскетизм, а, наоборот, «интенсификация тела», здоровье, стремление к максимизации жизни. Сексуальность навязывалась пролетариату медленно и принималась им неохотно. Она навязывалась ему в целях порабощения, поскольку сексуальность изначально, исторически, буржуазна и влечет за собой в результате последующих переносов специфически классовые эффекты.

Буржуазия обеспечивает за собой привилегию «инцестуозной семьи». В эпоху, когда инцест изгоняется как практика в бедных слоях общества, психоанализ сосредоточивает свои усилия на том, чтобы выявить инцест в качестве желания. Открытие эдипова комплекса совпало по времени с юридическим оформлением лишения отцовства. Так символический Эдип вытесняет реального. Те, кто в результате его появления потерял исключительную привилегию заботиться о своей сексуальности, получают с этих пор символическую привилегию владеть методом, позволяющим снимать вытеснение.

История сексуального устройства и есть, строго говоря, археология психоанализа, в рамках которого получает новый смысл древняя техника признания. «Репрессивная гипотеза» развивалась, таким образом, внутри механизма сексуальности. Изменение стереотипов сексуального поведения не привело к реализации тех политических требований, о которых писал В. Райх, потому что следствие не может вызвать столь радикальное преобразование своей причины.

Феномен телесности

В современной философии трактовка понятия «телесность» полемически направлена против позиций классической философской традиции, в которой субъект мысли оказывался как бы бесплотным и бессмертным. Между тем человек переживает реальность мира только через собственное тело. Воздействие внешней среды связано с ее влиянием на тело и ощущения. Человек откликается действиями, направленными на среду.

Живость тела напрямую связана со способностью чувствовать. Когда тело «мертво», человек с трудом воспринимает влияние среды, его способность откликаться на ситуации затруднена. Эмоционально мертвый человек обращен внутрь себя: чувства и действия подменяются размышлениями и фантазиями, а реальность компенсируют образы. Чрезмерно развитая ментальная активность, подменяющая контакт с реальным миром, создает фальшивую живость. Несмотря на умственную активность, на физическом уровне заметна эмоциональная «омертвелость», тело остается «мертвым» и безжизненным¹.

Философы минувшего столетия приложили немало усилий для того, чтобы восстановить в правах «репрессированное тело» человека. Поначалу тело анализировалось с точки зрения физиологии. В 1913 г. К. Ясперс писал о том, что осознание телесности может интерпретироваться исходя из специфических чувственных восприятий, которые составляют его основу. В постижении телесности, по мнению немецкого философа, определенную роль играют все чувства².

Ясперс отмечал, что с феноменологической точки зрения опыт переживания собственного тела связан с опытом чувств, влечений и сознания Я. Вместе с тем становилось очевидным, что феноменологическое описание переживаемой телесности важно отличать от обсуждения того, какое значение она имеет для человека с точки зрения действенных и доступных пониманию взаимосвязей в тех случаях, когда на сознание Я воздействуют нарциссические или символотворческие тенденции.

Осознания телесности как социокультурного феномена еще нет. Однако уже в 1940-х годах обнаруживаются первые подступы к этой проблеме. Ж.П. Сартр анализирует соотношение тела и сознания, указывая на некоторые социальные аспекты телесности. Он отмечает, что проблема тела и его отношений с сознанием часто была затемнена, поскольку тело обычно рассматривали как определенную вещь, имеющую свои собственные законы, тогда как сознание постигают глубокой интуицией, которая свойственна ему³. «Душу легче познать, чем тело», — говорил Декарт. Поэтому он намеревался провести различие между фактами мышления, доступными рефлексии, и фактами тела, познание которых должно быть гарантировано божественной добротой.

¹ Лоуэн А. Предательство тела. С. 12.

² Ясперс К. Указ. соч. С. 124.

³ Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 324.

Действительно, — пишет по этому поводу Сартр, — вначале кажется, что рефлексия открывает нам только чистые факты сознания. Несомненно, что в этой плоскости встретятся феномены, которые, как представляется, включают в себя некоторую связь с телом: «физическая» боль, неприятность, удовольствие и т.д. Но эти феномены являются тем не менее чистыми фактами сознания; будут пытаться сделать из них знаки, проявления сознания по поводу тела, не отдавая себе отчета в том, что таким образом неустранимо изгоняют тело из сознания и что никакая связь больше не может соединить это тело, которое уже является телом — для — другого, и сознание, о котором утверждают, что оно его обнаруживает¹.

По мысли Сартра, каждый инструмент используется и даже постигается только посредством другого инструмента; универсум является объективной и неопределенной отсылкой от орудия к орудью. Здесь рождается уже не столько физиологический взгляд на тело, сколько социокультурный. Каждый переживает свое тело как находящееся в опасности и при угрожающих, и при покорных орудиях. Оно повсюду: бомба, которая разрушает мой дом, затрагивает также и мое тело, поскольку дом уже был указанием на мое тело. Это значит, что мое тело простирается всегда через орудие, которое оно использует; оно находится на конце трости, на которую я опираюсь, на конце астрономических оптических приборов, которые мне показывают звезды, на стуле, во всем доме, так как оно есть моя адаптация к этим орудиям.

Каким выглядит тело под влиянием социальных и культурных факторов?

Включенный в социокультурное пространство, «человек телесный» оказывается под воздействием множества социальных факторов, объективно воздействующих на его тело, на всю его природно-данную основу (нередко вопреки его воле и желанию), делает выбор своего «телесного поведения», осознает характер разнообразных социальных влияний на тело, выбирает системы защиты от них или, напротив, их культивирование, кончая целенаправленным формированием своего физического имиджа в соответствии со сложившимися нормами, традициями или же вопреки им².

В те же годы Э. Кассирер в работе «Опыт о человеке» пытается провести различие между способами символического поведения,

¹ Сартр Ж.П. Указ. соч. С. 326—327.

² Быховская И.М. Телесность как социокультурный феномен // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. М., 1998. С. 249.

которые обнаруживаются в животном мире, и символической установкой человека. То, что в животном поведении можно отыскать сложные системы знаков и сигналов, — это очевидный факт. Тело человека Кассирер рассматривает через мир символов, определяя человека как «символическое животное». Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью — волшебное слово, то самое «Сезам, откройся!», которое позволяет войти в специфический человеческий мир, в мир человеческой культуры.

Французский философ Г. Марсель, возможно, был первым, кто развил представление о теле как способе вхождения в существование мира. С психологической точки зрения, подчеркивал Г. Марсель, без сомнения, ошибочно утверждать, что всякое человеческое существо проектирует собственное поведение в качестве разумного животного. Быть может, это утверждение, независимо от желания того, кто его высказывает, т.е. о человеке как чисто телесном феномене, подменяет некой природой, неким определяемым в терминах биологии комплексом таинственную реальность — человеческое существо. Человек стал проблемой для самого себя, предстает в новом свете¹.

Представители «новой французской волны» также развивали концепцию «репрессированного» тела. Ж. Делёз утверждал, что Б. Спиноза был первым, кто обратил внимание на тело как на нечто логически равноценно существующее без приоритета душевных состояний. Он провел принцип параллелизма душевных состояний и изменений тела. По мнению французского философа, у Спинозы тело выступает в качестве модели, как нечто удивительное, которое имеет состояния, выходящие за пределы нашего разумения. Соответственно принципу параллелизма такие же состояния должны быть и в душе.

Порядок расположения и взаимосвязи внутренних частей тела определяется идеей тела или существованием тела как целого.

Одновременно порядок расположения частей выражается в способности тела к существованию, которая предьявляет сущность тела или силу и способность существования. Тело, таким образом, оказывается некоторой идеей существования и порядком взаимосвязи существенных частей, пропорцией движения и покоя. Порядок взаимосвязи внутренних частей выражается как способность к существованию через взаимосвязь тела с другими телами, т.е. через внешнюю взаимосвязь. Но она же предьявляет тело как целое и

¹ Марсель Г. Указ. соч. С. 139.

выражается идеей тела. Душа как идея этого тела так связана с ним, что она и это тело образуют единое целое. Но при этом роль тела такова, что тело дает душе возможность воспринять его самого и через него и другие тела. Это вызывается не чем иным, как движением и покоем вместе, так как в теле нет других вещей, кроме этих, посредством которых оно могло бы действовать. Поэтому все, что происходит в душе, кроме этого восприятия, не может быть, по убеждению Делеза, названо телом.

При рассмотрении проблемы «репрессированного тела» есть две возможности. Первая — рассматривать тело как «тело мысли» и второе — представлять его как «мышление телом». Если мы обратимся к концепции М. Мерло-Понти, то для него недостаточно представлять тело как пучок пространственных отношений. Он трактует тело как способность видения и движения. Мерло-Понти полагает, что загадочность тела — в способности быть видимым и видящим. Оно видит себя видящим, осязает осязающим, оно видимо, ощутимо для самого себя. Это своего рода самосознание, однако не в силу своей прозрачности для себя, подобной прозрачности для себя мышления, которое может мыслить что бы то ни было, только ассимилируя, констатируя, преобразуя в мыслимое¹.

Мерло-Понти показывает: поскольку мое тело видимо и находится в движении, оно принадлежит к числу вещей, оказывается одной из них, обладает такой же внутренней связностью и, как другие вещи, влетено в мировую ткань. Однако поскольку оно само видит и само движется, оно образует из других вещей сферу вокруг себя, так что они становятся его дополнением или продолжением. Вещи теперь уже инкрустированы в плоть моего тела, составляют часть его полного определения, и весь мир скроен из той же ткани, что и оно.

Возрастающий фетишизм телесного в нашей культуре обнаруживает на самом деле глубочайшее отрицание людьми своего тела. В своем стремлении исправить, подогнать тело под навязываемые обществом стандарты человек по факту отказывается от собственной природы. Нет ничего плохого в стремлении человека заниматься бодибилдингом или здоровым питанием. Это естественная тенденция, исходящая из «биологической мудрости» самого организма, но подключение всего многочисленного современного арсенала «исправляющих» средств, как-то: тренажеры, фитнес, биодобавки, модная одежда и модная еда — это не

¹ Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992. С. 14.

столько здоровое отношение к телу, сколько необходимость соответствовать определенному культурному образу. Тело утрачивает свою подлинность. Диктат и навязывание телу определенных жестких рамок противоестественен самой человеческой природе. Этот диктат и порождает такой социокультурный симптом, как репрессированное тело.

Итак, в той мере, в какой человек выявляет свою специфическую природу, он не может быть сопоставлен с животными. К. Ясперс ставит вопрос: в какой мере уникальность человека определяет природу его болезни? Если говорить о болезнях тела, то наше сходство с животными столь велико, что опыты над последними позволяют познать жизненно важные соматические функции человека — пусть даже применение результатов этих опытов представляет значительные трудности. Но понятие душевной болезни человека, считает Ясперс, относится к совершенно иному измерению. Причиной болезни могут быть такие качества человеческого, как неполнота, открытость, свобода и разнообразие возможностей. В противоположность животным человек не наделен врожденной, совершенной способностью к адаптации. Ему приходится самостоятельно искать путь в жизни. Человек не есть готовая форма, он формирует себя сам. В той мере, в какой он все-таки представляет собой готовую форму, он близок к животным¹.

Однако не все в душевной болезни может быть объяснено с привлечением одних только естественно-научных категорий. Человек как создатель духовных ценностей, как существо верующее и нравственное пребывает за пределами того, что доступно эмпирическому исследованию. Изучение особенностей жизни животных убеждает нас в том, что предков человека среди зоологических форм нет. Как животные, так и человек представляют собой ветви единого древа жизни. Контраст между человеком и животными помогает понять действительную основу человеческого бытия.

Миллионы людей на земле отождествляют свое существование только с телом. Они рассматривают человека по аналогии с вещью. Пока вещь новая, она приносит радость. Но потом она ветшает. И тогда ее существование прекращается. То же и человек. В конце концов, у каждого из нас есть срок годности.

Это, впрочем, сказал не я. Клянусь Лоуэном, эти слова принадлежали теледиве, которая только что появилась на экране с этими словами...

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 33.

Литература

1. *Александр Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и применение. М., 2000.
2. *Лоуэн А.* Предательство тела. Екатеринбург, 1999.
3. *Спирова Э.М.* Клинические и психологические аспекты лечения наркомании. (Критический анализ концепции А. Лоуэна). М.: МГТА, 2003.
4. *Спирова Э.М.* Статьи «Тело», «Телесность», «Лоуэн Александр» // Психологический словарь. М., 2007.
5. *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. Почему тело подвергалось пуританскому осуждению?
2. Что такое «репрессированное тело»?
3. Почему сложилась множественность в изучении человеческого тела?
4. Отчего проблемы телесности игнорировались психологией?
5. С чем связана живость тела?

Темы для рефератов и докладов

1. Наступление на тело в эпоху компьютерной революции.
2. Витальный аспект существования.
3. Ренессанс телесности в современной психологии.
4. Человек как животное.
5. Пересотворение тела.

Душа

*В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.*

Максимилиан Волошин

Не вещь...

Студентка Оля на групповом тренинге постоянно рассказывала одну и ту же историю. У нее чувство безотчетной тревоги. Когда она уходит на занятия в институт, ей кажется, что дома случилось что-то страшное.

— Может быть, ты ревнуешь мужа, оттого и тревожишься? — спрашивали ее.

— Да нет. Мы любим друг друга... А тоска гложет. Мой муж странно любит нашего сына, в нем столько отцовских чувств. Нет, это не ревность...

Оля — мягкий человек, чрезвычайно отзывчивый на чужую боль. Но в ее глазах застыла липкая боль. Иногда поражает ее жесткий прищур. Что же пришлось пережить этому созданию?

Вскоре Оля попросилась ко мне на индивидуальный психоанализ. После ряда сессий я сделал в блокноте запись — «двойное изнасилование» — и поставил знак вопроса. Некое интуитивное предчувствие. Оля рассказала. У нее был жених, сначала все шло хорошо. У парня был даже свой бизнес. Но вот он задолжал деньги своим партнерам. Они сказали: неси деньги или изнасилуем твою невесту. Все произошло внезапно. На девушку напали, отвезли на квартиру, совершили гнусность и любезно доставили ее домой. Оля обо всем рассказала жениху, и тот сказал:

— С ребятами я еще посчитаюсь. Но я слышал, что, если девушку насиловали, она не сможет потом жить с мужчиной. Надо попробовать сейчас же...

Охваченная горем, болью, Оля не помнит, как все происходило. Она ничего не испытала, кроме дополнительного потрясения и тупой боли. Больше она не видела своего жениха.

Но вот пришла другая любовь. А чувство необъяснимой тревоги осталось. Время медленно врачевало душевную тоску. Оля вышла замуж и родила ребенка. Но вот однажды муж сказал ей:

— Прости меня, Оля, я полюбил другую женщину...

— У меня тоже есть известие для тебя, — сказала Оля, — я беременна...

Муж застонал, точно раненый зверь. Ведь он разрывался между вспыхнувшей страстью и отцовским инстинктом. А тут еще новая беременность... Родные и подруги стали уговаривать Олю сделать аборт. Тем более Сергей (муж) сказал:

— Мне стыдно признаться, но то, что у меня с этой женщиной, такого у нас с тобой никогда не было...

Узнав об этом, Олина мама сказала:

— Ну, все. Иди в поликлинику...

В глазах Оли появился знакомый мне прищур:

— Я не смогу совершить эту гнусность.

— Но как ты будешь воспитывать двух детей, да еще без отца?

— Не знаю...

Оля ушла в декретный отпуск и не вернулась в институт... Я часто вспоминал ее горькую судьбу и думал, как же сложилась ее жизнь.

Вскоре мне пришлось побывать на родине, в Улан-Удэ. Меня встретили родственники, и я узнал немало неожиданного. Несколько лет назад моя племянница полюбила женатого человека. Тот ушел из семьи, оставив жене все — квартиру, накопления, одежду. Тогда близкие просили меня:

— Ты в нашей семье уважаемый человек. Отговори, пожалуйста, Люду от этого брака...

— Не вмешивайтесь в чужую любовь, — сказал я. — Чистому сердцу помогает Бог...

В родном городе мне рассказали, что бесприданый муж оказался удачливым. В Улан-Удэ в прошлом был авиационный завод. Сейчас он, как и другие предприятия, лежал в руинах. Толя же взял в аренду один цех, где организовал производство моторов для вертолетов. Дело пошло... Новая семья сумела неплохо устроить свою жизнь. Теперь все родственники работают у Толи. Может быть, и правда, Бог помогает влюбленным...

Вернувшись в Москву, я случайно отыскал телефон Оли. Мне ответил знакомый, мягкий голос:

— Павел Семенович, я узнала ваш голос...

— Оля, как вы живете?

— Нормально. Сама воспитываю своих детей. Конечно, помогает мама. Мне часто приходится ездить в командировки — работаю в центре по чрезвычайным ситуациям.

— Справляется?

— В общем, да.

Я уже хотел попрощаться, но Оля, помедлив, произнесла:

— Я теперь знаю, что такое человеческое горе.

... Утром в кабинет пришла моя пациентка. Она плакала и просила помочь советом. Дочка объявила, что она беременна.

— А вы?

— Я сказала ей: делай аборт... Другого выхода нет.

— И что же?

Дочка разрыдалась и сказала, как можешь ты, мать, женщина, предлагать такое?

— А что я могу предложить? Вы с Димой постоянно ссоритесь. У тебя сейчас нет работы. А ведь я только что договорилась с одной фирмой — и на тебе: беременность....

— И что же?

— В глазах у дочери появился какой-то затаенный прищур.

Я хотел сказать «Бог помогает влюбленным», но подумал: это как-то выспренно. Я произнес: «Оставьте их в покое. Судьба — великий режиссер»...

Перечитываю докторскую диссертацию, посвященную счастью. Она написана так, словно рождена несколько веков назад. Основной пафос — все прекрасно в этом лучшем из миров. Люди должны быть счастливы. Более того, они должны испытывать это чувство постоянно, непрерывно. Есть даже попытка измерить счастье, установить его некоторые «уровни». В опубликованной по диссертации монографии говорится: «Россия, занимающая среднемировой уровень по индексу развития человеческого потенциала, находится на предпоследнем месте по уровню счастья»¹. Проводится также такая мысль: необходимо целостное понимание категории счастья. Это может способствовать единению человечества. Получается, что люди могут быть счастливы только потому, что наконец им предложат окончательное определение счастья.

Все время просыпаясь к теме слова Ф.М. Достоевского: «Чтобы почувствовать себя счастливым, человек должен стать счастливым наполовину, а наполовину несчастливым. Чтобы понимать что почему».

Мы, люди западной цивилизации, живем в такой культуре, которая утесняет душу, но зато открывает пространство для телесных радостей. Первая трудность, с которой сталкиваются философы, — это объяснение души человека. Душа как таковая не есть объект. Что это означает? Она может проступить (объективироваться) бла-

¹ Сидоренко И.В. Указ. соч. С. 4.

годаря сопутствующим соматическим обнаружениям, осмысленным жестам, поведению, поступкам. Она проявляет себя посредством речевой коммуникации. Все эти доступные восприятию феномены — результат действия психической субстанции. Но если мы не воспринимаем психическую субстанцию непосредственно, то, по крайней мере, делаем вывод о ее существовании.

Но психическая субстанция или душа как таковая в итоге не становится объектом. Наш опыт осознанных переживаний, подчеркивает Ясперс, убеждает нас в том, что душа существует. Исходя из объективных наблюдений над сходными обнаружениями психической жизни у других людей или из сообщений этих людей, мы представляем себе, что их переживания должны быть аналогичными нашим. Но эти объективированные переживания также всего лишь внешние обнаружения. Мы можем сколько угодно пытаться объективировать душу посредством символов или аналогий; но она все равно останется не объективируемым до конца обрамлением бытия.

В истории психологии о душе написано немало. Но вот в чем парадокс — в это слово в разное время вкладывался разный смысл. Платон разделял восточное представление о том, что человек много раз живет на земле. По его убеждению, душа бессмертна. Поэтому она хранит в себе опыт многих людей, прошедших через реинкарнацию. В ней выражена жизненная судьба поколений. Аристотель не принял такого истолкования. Его трактат «О душе» отечественные исследователи связывают с появлением психологии. В этом трактате он дал истолкование души, явлений восприятия и памяти. Душа, по мнению Аристотеля, представляет собой высшую деятельность человеческого тела. В душе находится ум (нус), который не возникает и не подлежит гибели, разрушению. Аристотель делает попытку создать теорию растительной, животной и разумной души, лежащей в основе деления живых существ на растения, животных и людей.

В эпоху Реформации и романтизма душа воспринималась как арсенал богатейшего психического содержания.

Когда-то глубинная психология, — пишет Дж. Хиллман, — оперировала живым языком. Первоисточники современной психологии в интроспективе Реформации, в романтическом воображении Кольриджа или в революционной активности Филиппа Пинеля (Пинель Филипп — французский психиатр — настаивал на гуманном обращении с душевнобольными и первым из врачей на свой страх и риск снял цепи с буйнопомешанных. — П.Г.) черпали лексику из души своей эпохи. Венские психоаналитики позволяли душе свободно ассоциировать и выражать свои радикальные, не отшлифованные культурой мысли; их фантазии стремительно набирали вы-

соту. Официальные круги были шокированы такими методами и языком, высвободившими новую психологическую речь. Психология вступила в контакт с душой. У нее появилось воображение¹.

Однако психология нередко говорила языком абстракций. В Новое время и в эпоху Просвещения душа стала отождествляться с сознанием. Решая проблему соотношения духовного и телесного, Декарт признавал независимость первого от второго. Для Декарта мыслительное, интеллектуальное является единственно истинным, начальным и преобладающим. Однако Декарт все же признает, что материальная и духовная субстанции могут повлиять на направление тех течений, которые присущи противоположной субстанции. Более того, Декарт пытался определить центр сосредоточения этой связи чисто механически, а именно в шишковидной железе мозга.

Душа оказывается синонимом психики.

После открытия бессознательного душа стала ассоциироваться с психикой, которая рассматривалась как высшая форма взаимосвязи живых существ с предметным миром. К.Г. Юнг сделал попытку разделить понятия «душа» и «психическое». В «Психологических типах» он пишет:

Душа (психическое, психика, личность, персона, анима). В процессе моих исследований, посвященных структуре бессознательного, мне пришлось установить логическое различие между *душой* и *психическим*. Под психическим или психикой я понимаю целокупность всех психических процессов, как сознательных, так и бессознательных. Со своей стороны, под душой я мыслю определенный, обособленный функциональный комплекс, который лучше всего было бы охарактеризовать как «личность». Для более ясного описания того, что я при этом имею в виду, я должен привлечь сюда еще некоторые точки зрения. Так, в частности, явления сомнамбулизма, раздвоенного сознания, расщепленной личности и т.д., в исследовании которых наибольшие заслуги принадлежат французским ученым, привели нас к той точке зрения, по которой в одном и том же индивиду может существовать несколько личностей².

Юнг поясняет, что у нормального индивида никогда не обнаруживается такое умножение личностей. Однако возможность диссоциации личности, подтвержденная этими случаями, может существовать и в сфере нормальных явлений, хотя бы в виде намека. Действительно, достаточно понаблюдать, как меняется человек при переходе из одной среды в другую. Стало быть, расщепление характе-

¹ Хиллман Дж. Миф анализа. М., 2005. С. 154.

² Юнг К.Г. Психологические типы. С. 507.

ра вполне возможно и у нормального человека. Поэтому Юнг с полным правом обсуждает вопрос о диссоциации личности как проблему нормальной психологии. Если продолжать данное исследование, то можно прийти к выводу, что у такого человека вообще нет настоящего характера, что он вообще не индивидуален, а коллективен. Но в действительности он индивидуален, как и всякое существо, но только бессознательно.

В наши дни душа приобрела еще один синоним — «информация». Многие авторы рассматривают внутренний мир человека как арсенал различных мыслей и чувств, вполне выражаемых через понятие «информация».

О чем свидетельствует такое разнообразие трактовок? О том, что культура накладывает свой отпечаток на представления о том, что такое внутренний мир человека, каково его содержание. Тот же Юнг подчеркивает, что душа как отражение мира и человека настолько многообразна, что существует бесконечное множество аспектов ее рассмотрения. С психикой дело обстоит точно так же, как с миром: тематика мира лежит вне пределов досягаемости человека, и поэтому все, чем мы в этом смысле располагаем, есть лишь кустарные правила да аспекты интересов. Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечно никогда не сможет объять бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта¹.

Еще раз подчеркнем, что психическая субстанция, или душа, не есть вещь. Говорить о душе как об объекте — значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но в той же мере (а с некоторых точек зрения — прежде всего) она означает бессознательность. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как «бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа — это становление, развертывание, различение, в ней нет ничего окончательного и завершенного.

Идею целостности организма К. Ясперс иллюстрирует на примере медицины. В прежние времена, когда причина болезней приписывалась демонам, существовала жесткая дихотомия: человека считали

¹ Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. С. 98.

либо полностью здоровым (т.е. свободным от власти демонов), либо полностью больным (т.е. всецело одержимым демонами). Затем настало время одного из величайших научных достижений в истории человечества: обнаружилось, что организм не бывает болен как таковой, т.е. как некая целостность: заболевание сосредоточивается в том или ином анатомическом органе или биологическом процессе, откуда оно оказывает воздействие на другие органы, функции или даже организм. Были открыты реактивные и компенсаторные отношения между болезненными отклонениями и соматической субстанцией в целом; они были идентифицированы как проявления жизненного процесса, направленного на исцеление организма.

Возникла возможность, как показывает Ясперс, провести различие между чисто локальными болезнями, не оказывающими влияния на остальные части тела, — пользуясь волной терминологией, их можно было бы назвать «изъятиями», — и расстройствами, воздействующими на соматическую субстанцию в целом, которая отвечает специфическими реакциями.

Вместо бесчисленных болезней с неопределенными признаками, которым по неразвитости научных представлений приписывалось поражающее воздействие на организм в целом, удалось описать ряд четко отграниченных друг от друга заболеваний, ведущих свое происхождение из различных источников. Правда, существует достаточно важная группа соматических расстройств, укорененных, казалось бы, в общей предрасположенности (конституции) организма. Но можно утверждать, что в конечном счете любые идентифицированные расстройства всегда так или иначе связаны с конституцией — т.е., в сущности, со сложным, многосоставным единством неповторимого живого организма.

То же самое, по мнению К. Ясперса, относится и к психической жизни человека. Для ее постижения важна эта противоположность частей и целого. Но в этом случае, по его словам, с научной, методологической точки зрения все выглядит куда более неопределенно, многомерно и многогранно. Говоря о «человеке в целом» (или «целостности человеческого»), мы имеем в виду нечто бесконечное и, по существу, непостижимое. В состав этой целостности входит огромное число отдельных психических функций. Возьмем, к примеру, какую-нибудь яркую частности: дальтонизм, отсутствие музыкального слуха или феноменальную память на числа; можно сказать, что во всех подобных случаях речь идет о своеобразных отклонениях души, способных оказывать свое воздействие на личность в целом в течение всей ее жизни.

Аналогично мы можем рассматривать другие частности или изолированные функции души, т.е. как ее «органы» или «инстру-

менты», обеспечивающие личность разнообразными возможностями; связанные же с ними отклонения от нормы (например, отклонения от нормальной функции памяти) мы можем противопоставить отклонениям совершенно иного рода, с самого начала укорененным в личности в целом, а не в какой-то частной области психики. Например, у некоторых больных мозговая травма приводит к тяжелым дефектам памяти, расстройством речи и параличу, явно разрушительным для личности как таковой. Но при внимательном рассмотрении и при некоторых благоприятных условиях можно различить первоначальную, еще не тронутую изменениями личность, лишь на время «выведенную из строя» или утратившую способность к самовыражению. В потенции она сохраняет свою целостность нетронутой.

С другой стороны, нам приходится сталкиваться с больными, чьи «инструменты» (т.е. в данном случае отдельные душевные функции) кажутся достигшими вполне нормального развития, но при этом сами больные как личности выказывают явные (хотя нередко не поддающиеся определению) отклонения от нормы. Именно поэтому, замечает К. Ясперс, психиатры старшего поколения называли душевные заболевания «заболеваниями личности».

Эта противоположность души в целом и составляющих ее частей полностью соответствует человеческой природе. По словам немецкого философа, в процессе психологического исследования приходится сталкиваться с множеством разнообразных элементов и относительных целостностей. Отдельные феноменологические элементы противопоставляются целостности мгновенного состояния сознания, отдельные проявления способностей личности — всему комплексу ее способностей, отдельные симптомы — типичным синдромам. Что касается более многогранных и сложных целостностей, то к их числу относится конституция (строение тела), природа болезни (нозология) и целостная история жизни личности. Но даже эти эмпирические целостности относительны и не тождественны целостности «человеческого». Последняя охватывает все эмпирические (относительные) целостности и проистекает из свободы, трансцендентной по отношению к человеку как объекту эмпирического исследования.

Наука, — подчеркивает К. Ясперс, — всегда должна руководствоваться идеей объединяющей целостности, не соблазняясь надеждой на возможность непосредственного соприкосновения с этой целостностью¹.

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 58.

Без комплексов

Можно ли считать достойной жизнь человека, если он живет только на уровне телесных наслаждений? Вероятно, да. Ведь это индивидуальный выбор. Можно тешить тело, улаживать его, с упоением следовать зову инстинктов. И при этом стараться отодвинуть собственно психологические проблемы. Путь прост, не живи сложно. Не терзай свою психику голосом совести или виновности. Мы живем в эпоху, когда философы и политики стараются помочь нам избавиться от лишних комплексов. Как-то незаметно в наше сознание вошло убеждение, что счастью мешает только излишняя закомплексованность, совестливость.

Известную в стране актрису спрашивают: «Что значит, по-вашему, быть сексуальной?» Она разъясняет: «Сексуальная — значит красивая, вызывающая восхищение. Чтобы быть сексуальной, нужно любить секс, не бояться его, быть открытым, общительным и естественным, искренним. Знать свои сильные и слабые стороны и уметь их выделять или скрывать. Собственно, быть раскрепощенным. Для меня, прежде всего, сексуальны люди без комплексов. Когда человек уверен в себе, когда его ничего не пугает — он сексуален».

Здесь все на месте, все логично, все в духе времени... И все же это сексуальное бесстрашие, открытость «без всяких комплексов» слегка удручает. Действительно ли герой нашего времени — человек без стеснений и страхов, без сдержек и сомнений? Впрочем, похоже: печатно и экранно нам без конца внушают: освободись от внутренней скованности, от предрассудков и комплексов, от ограничений и запретов. Лолита Милявская резюмирует: «Не надо сдерживать чувства, это не мочевой пузырь».

Именно так наставлял Ф. Ницше «белокурую бестию», обустроивая ее пространство по ту сторону добра и зла.

Комплексом называют теперь все архаическое, болезненное, навязчивое. Между тем в трактовке К.Г. Юнга под комплексом понимается эмоционально заряженная группа идей или образов. Далеко не всегда в психоанализе это понятие выражает нечто предсудительное, мучительное, хворое. Ведь речь идет о совокупности бессознательных представлений, аффективно окрашенных воспоминаний. Они связаны между собой ассоциативно и выражают, вообще говоря, разнообразие личностных черт. Фрейд весьма настороженно относился к расхожему употреблению этого слова, позволяющему отождествлять комплекс и «нормальную психику». Он утверждал, что неврозы не имеют какого-либо только им свойственного со-

держания. Иначе говоря, комплексы есть и у психически здорового человека. Андрей Битов справедливо замечает: «Поэзия всегда для меня была областью восторга и комплекса».

Но в нашем массовом сознании произошла некая инверсия. Комплексом стали называть все, что якобы мешает человеку проявлять свои здоровые инстинкты. Идеалом прочного психологического благоденствия оказался человек, который отказался от условностей, склонился вообще к простоте душевных переживаний. Они только усложняют жизнь и мешают наслаждаться ею.

Старик Зигги может ликовать: найдено единственно спасительное и радикальное средство, избавляющее от комплексов: «отринь!». Вместо длительной работы по коррективке личности предлагается предумышленный отказ от затейливой и сложной психики. Пожалуй, и без Фрейда ясно, что это и есть путь к массовой невротизации людей. В этой безоглядности таится грозная опасность. В свое время по рекомендациям Вильгельма Райха в СССР был открыт экспериментальный детский садик Веры Шмидт. Он был призван освободить детей от ранних сексуальных комплексов. Ребята могли играть хоть в «доктора», хоть в «дочки-матери», хоть в причуды взрослых. Девочке следовало с молодых ногтей понимать, что она не станет частной собственностью лишь одного сексуального партнера. Уже маячила соблазнительная «коллективистская психология». Шупать юное тельце не только не запрещалось, но даже и рекомендовалось. Готовили поколение «без комплексов», а получили запуганных, невротичных и насильственно развращенных.

В современном психоанализе описывается более 50 различных комплексов. Эта цифра кажется внушительной. Но ведь имена мифических и литературных героев используются для обозначения и описания различных психических актов. Устрани их, и в психике образуется зияющая бездна. «Без комплексов» — может быть, это и означает распад души? Начинается с простого устранения застенчивости, а завершается полным отпадом.

Вот Евгений Онегин стоит перед Татьяной на коленях. Он говорит ей: «Желать обнять у вас колена и, зарывав у ваших ног, излить мольбы, признания, пени...» А она, Татьяна, ежели она без комплексов, отвечает: «Давай определяйся, дружок, хватит обнимать колени, или продвигайся дальше, или не морочь мне голову...» А вот еще одна простушка: «Ты, говорит, свистни, себя не заставляю я ждать...» А тот, который всегда бесстрашен, заявляет: «Не усложняй, подруга, приходи без свистка, чего уж там...» Боже мой, а тот, который у Шекспира: «Офелия! О, радости! Помяни мои грехи в своих молитвах, нимфа». А сама Офелия, которая не боится секса,

рыдаст: «С кем же я теперь, блин, буду спариваться?» Другая женщина заявляет: «Я не хочу ни трепета, ни боли». А ей в ответ утомленно: «Живи проще, не гони волну, телка...»

Когда же все это случилось? Ведь еще несколько десятилетий назад скромный рабочий паренек из «Карнавальной ночи», пытаясь под Новый год объяснить девушке, которая и сама ему симпатизирует, мучается, страдает: «Я не знаю, как сказать, в общем, значит, так сказать, нет, не получается опять...» Куда исчезли эти муки, тревожность, скромное обаяние признательности, трепетная недосказанность? Отчего обозначился мощный импульс к примитивизации душевного мира?

Фрейд, описывая истерический характер, обратил внимание на сложный замес романтического обожания и сексуального вожделения, свойственный этому психологическому типу. Раскрывая тайны детской сексуальности, австрийский психиатр показал, что девочка, будущая носительница истерического поведения, испытывает к отцу и поклонение и влечение. Отсюда и ее взрослая драма: она обольщает мужчин, но не отдается им. Она женщина-вамп, и ей трудно предать отца и предпочесть другого человека. Однако сексуальная революция многое изменила. Парадоксально, но сегодня, когда секс стал доступным, истерическая женщина больше всего боится трепетного поклонения. Своего взволнованного рыцаря, который намекнул на ее божественность, она горестно наставляет: «Слушай, только давай без этого... Без цветов и признаний. Нам так хорошо было в постели, а ты взял и все испортил... Эх, зануда!»

Сексуальная революция, прогремевшая на Западе и докатившаяся до нас, сделала свое благое дело: она растормошила деловых людей, увлеченных накоплением денег, холодных красавиц, воспитанных викторианским аскетизмом, юношей бледных, со взором горящим. Европа отряхнулась от банальных предрассудков, от вымороженных комплиментов: «Как бы я хотел быть нежным шарфиком, обнимающим вашу лилейную шейку!» Революция показала, какую огромную роль играет сексуальность в жизни людей.

Но, пожалуй, сегодня сексуальная революция переступила за свои пределы. Американская исследовательница Джейн Рейнуотер справедливо отмечает: в наши дни невротиком можно назвать не ту женщину, которая стыдится секса, а ту, которая в отчаянии, что не является рекордсменкой по числу испытанных оргазмов. И теперь психотерапевтам приходится внушать: «Не бойтесь переживать псих, волнение, трепет и даже страх... Это нормально... Когда человек ничего не боится, он далеко не всегда сексуален»

На телевидении обсуждают проблему: должен ли муж присутствовать при родах своего ребенка. Толкуют по-разному. Кто-то даже встревожен: говорят, у таких отцов потом снижается сексуальная потенция. Однако одна из бывших рожениц успокаивает публично: «Мой муж был рядом, когда я рожала, но как мужчина он и сейчас ого-ого». Чего не хватает этим признаниям? Конечно, прилюдной демонстрации постельного героя. И ведущая просит его в студию...

Журналистка модного гламурного журнала прибыла ко мне, чтобы получить «философский» ответ на вопрос: «Что делать женщине, которая бедна, но хочет быть красивой?» Я начинаю тянуть волюнку насчет внутренней озаренности, но собеседница прерывает меня: «Неверно, правильный ответ другой: женщина, которая хочет быть красивой, но не может купить богатую косметику, должна сделать все возможное, но занять эти деньги и воспользоваться рекламой нашего журнала. Усек, профессор?» Женщина рассказывает: «Сейчас я никого не люблю, но с сексом у меня все в порядке». Вы ощущаете несурзность этого признания? Нет? Поздравляю: вы без комплексов...

Итак, я безумно очарователен, вы чертовски милы. Какого черта мы медлим? Своруем, что надо, чуть стемнеет... Отдадимся животной страсти. Отвернемся от слезы ребенка. На корню задавим ростки печали и раскаяния. Мы великолепны. Мы без комплексов.

Один из крупных губернаторов современной России, выступая в «Независимой газете», заговорил о национальном достоинстве. Он призвал всех забыть о трагических страницах нашей истории. До каких пор, спрашивал губернатор, мы будем казнить себя за репрессии, за массовые расстрелы, за прошлые преступления. Разве у других народов не было в истории таких же событий. Нам пора перестать вести расчеты со своей совестью. Иначе Россия никогда не поднимется с колен.

Такая извращенная логика. Если у других народов в истории случались преступления, разве это оправдывает другие страны, вступившие на этот путь. Если этот убил, значит, и я имею право... Сегодня многие политики и публицисты говорят о правомерности убийства. Отчего все так легко — и юристы, и писатели, и жертвы, и убийцы — произносят слово «убить!». От кроткого милосердия мы сразу перешли к неумолимой жестокости. Вор должен сидеть в тюрьме, а насильник — лежать в морге. Убить, а иначе чего толковать о правах человека. Вот оно — неотъемлемое право — убить!..

Вот и М. Веллер, писатель и философ, в книге «Кассандра» пишет:

Если умирающая жертва, зная, что отмерены минуты, убивает убийцу — никто не посмеет отрицать ее право. И обещание, данное

умирающему, всегда и у всех народов почиталось священным. Через него умирающий продолжает жить на земле. Умирая, мы чаем, что наши самые праведные и сильные желания переживут нас — они продлят жизнь. Показать своего убийцу — священное и последнее право жертвы¹.

Все тут правильно. Только ведь библейская заповедь «Не убий!» — вовсе не выражение кротости, жертвенности и кроличьей приговоренности. «Не убий!» — означает прерви цепь убийств. Приостанови вечный круговорот: убийца — жертва — убийца... Но тут у Веллера речь о другом. О вечном отмщении, о зле, которое не утесняется, а множится. Иваницова, защищая свою честь, убила насильника. Ее можно оправдать. Но нельзя сказать, что она имела право на убийство. Так случилось... В жизни все так искусно и замысловато переплетено. Не зарекайся... Несчастный насильник — тоже жертва. И его тоже нужно оплакать. Как жить людям? Правомерно ли убийство? Законно ли возмездие?

Люди сами знают, как жить. Они нарушают закон, грешат. Но они же испытывают муки совести, передают дальше эстафету жизни. Тогда зачем этика? Самое губительное в нашем существовании — торжество простых решений. Зачем слова, сомнения, терзания? Остановить зло не означает просто убить... Почему человек так несчастлив? Ради чего мы страдаем?

Связь поколений

Однако миллионы людей на земле отворачиваются сегодня от массовой культуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. Они наблюдают исчезновение старинных праздников и увядание прежних героев. Они видят, как низвергаются привычные, унаследованные от поколений предков моральные ценности. На протяжении жизни одного поколения, отмечает американский социолог П. Дж. Бьюкенен, многим удалось увидеть, как развенчивают их Бога, ниспровергают их культуру, извращают моральные ценности².

Гедонизм, который устраняет проблемы души, не дает объяснения, зачем продолжать жить. Прирост населения всегда считался признаком здоровья нации и цивилизации в целом. Но вот гедонистическая культура ставит перед женщиной вопрос: стоит ли рожать ребенка, если это чревато отказом от удовольствий? И вот возника-

¹ Веллер М. Кассандра. СПб., 2002. С. 185.

² Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2004. С. 17.

ет угроза сокращения рождаемости. Подобно чуме XIV в. культ неодухотворенного тела может выкосить до трети европейского населения. «Почему я отказываюсь заводить детей? Мне хочется высыпаться. Я много читаю, а чтобы воспринимать книги, нужно как следует высыпаться» — так рассуждает Габриэлла Тангейзер, тридцать четыре года, берлинский предприниматель, живущий в гражданском браке. (Пример взят из книги Бьюкенена, но я мог бы привести и отечественные истории.)

Средняя продолжительность жизни в России сегодня составляет 59 лет для мужчин; две из каждых трех беременностей завершаются абортми. Русская женщина в среднем делает от 2,5 до 4 абортов, а уровень смертности в России сегодня на 70% превышает уровень рождаемости. Даже возвращение в свою страну миллионов русских из бывших союзных республик не может остановить процесс вымирания нации. Что самое угрожающее в данной ситуации — стремительно сокращается население Сибири, при том что населения соседнего Китая растет поистине невероятными темпами.

Почему европейцы отказываются заводить детей и как будто смирились с тем, что они не в столь отдаленном будущем исчезнут с лица земли? Миллионы молодых женщин освободились от «обузы» в лице родителей, учителей и священников. Прежние запреты на промискуитет утратили силу. О запретах природы — нежелательных беременностях и венерических болезнях — позаботились противозачаточные пилюли, услужливые гинекологи и новые чудо-таблетки. Внутренние запреты — чувство греха, нарушения божественных установлений уже не действуют.

С отрицанием прежних запретов возникла новая мораль, оправдывающая «жизнь для себя». Как часто случалось в истории, новая мораль была придумана под новый стиль жизни. Погружаясь в секс, наркотики, новое поколение отвергает сложную и многомерную жизнь души. «О, счастлив тот, кто в эту пору / Был жив и молод!» — воскликнул некогда великий английский поэт У. Вордсворт.

Массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса гораздо выше счастья материнства. Женские журналы, «мыльные оперы», дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм — везде прославляется карьера, секс и независимость (и одиночество) женщин. Заботиться о ребенке — это удел бабушек. Брак и моногамия так же восхитительны, как сэндвич с пюре. Древний триумvirат «мир, плоть, дьявол» не только извлечен из небытия, но и усиленно пропагандируется лучшими рекламными агентствами¹.

¹ Бьюкенен П.Дж. Указ. соч. С. 68.

Что люди на самом деле считают хорошим, а что — плохим, лучше всего определяется по тому, как они живут. Еще в середине прошлого века развод был скандалом, «потрясением основ», достойным разве что отбросов общества, аборт считался преступлением, а гомосексуализм — «любовью, не смеющей себя называть». Сегодня половина всех браков заканчивается разводами, вместо семейной жизни предпочитают говорить об «отношениях», а любовь, когда-то не смевшая себя назвать, ныне громогласно вещает со всех сторон. Человеческая жизнь утратила прежнюю ценность. Стихотворные строчки, созданные после войны, «ну, а тем, кому выпало жить», уже утратили свой сокровенный смысл.

Эвтаназия прижилась в Европе и сейчас проникает в Америку. Люди стали верить в качество жизни, а не в святость. Никто не хочет, чтобы ему рассказывали, как следует жить. Многие люди отказываются от веры в сверхъестественное. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается. Ее цель — наслаждение, доступное в единственном известном нам мире. Каждое общество вырабатывает свой собственный код, у каждого человека есть право выработать аналогичный код для себя самого. Поскольку счастье — венец жизни и поскольку мы сами — существа рациональные, мы имеем право судить самостоятельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать свой собственный путь — то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.

Одна женщина рассказывала мне, что, когда она была ребенком, она росла в семье безлюбой, мама не любила свою девочку, и поэтому девочка всегда говорила: «Когда я стану взрослой, конечно, я буду отчаянно любить своих детей». Теперь эта женщина — взрослая, у нее есть дети, и когда она общается со своей старшей дочерью, она с ужасом обнаруживает, что транслирует в своей жизни тот же самый сценарий. Она может оставить свою девочку среди улицы и с раздражением уйти домой. Она рассказывала, что однажды ей пришлось ехать с девочкой в поезде, и это было для нее мучительно. Чтобы избежать общения, она отвернулась к стене и притворилась больной. На обратном пути ей пришлось, по ее словам, выпить стакан водки, чтобы не проявить своей неприязни открыто.

Мне приходится часто принимать молодых пациентов, которые жалуются на своих родителей, рассказывают, как они их обижали в детстве, какие они странные. Одна пациентка постоянно писала мне в дневнике: «Не-на-ви-жу!» Это о матери. Таких клинических материалов много. Они показывают, как трудно складываются в нашей культуре отношения между родителями и детьми.

Как же решить проблему? Американский психоаналитик Эрик Эриксон, поднимая эту тему, приходит к выводу, что каждая культура выбирает свою стратегию выживания.

Открытие «примитивных» систем детского воспитания ясно показывает, что примитивные сообщества не относятся ни к младенческим стадиям человечества, ни к вызванным задержкой отклонениям от олицетворяемых нами гордых прогрессивных норм. Они являют собой совершенную форму зрелой человеческой жизни, гомогенность и простая цельность которой вполне могли бы вызвать у вас чувство доброй зависти. Давайте заново откроем для нас характерные особенности некоторых из этих форм жизни, изучая образцы, добытые в ходе наблюдений за жизнью американских индейцев¹.

В европейской культуре не было такого культа семьи, как в Древнем Китае. Дети далеко не всегда считались с волей родителей... В результате европейская культура знает такое явление, как конфликт поколений. Родители не считают, что дети должны обращаться к ним только на «вы»: близкое «ты» между родственникам гораздо лучше. Дети могут выбрать иной образ жизни, жениться по собственному выбору. Мы знаем тургеневское «Отцы и дети» и лермонтовское «Человеку свойственно долгое детство», а цивилизованному человеку — еще более долгое. Продолжительное детство делает человека в техническом и умственном отношении виртуозом, но и оставляет в нем пожизненный осадок эмоциональной незрелости. Хотя племена и народности, во многом неосознанно, используют воспитание детей для достижения своей особой формы зрелой идентичности, своего уникального варианта цельности, их постоянно преследуют иррациональные страхи родом из того самого детства, которое они эксплуатировали особым образом.

Один из исследователей — Л. Демоз пришел к выводу, что именно конфликт между поколениями рождает «психогенные» факторы истории. «Центральная сила исторического изменения, — пишет он, — не техника и экономика, а психогенные изменения в личности, происходящие вследствие взаимодействий сменяющих друг друга поколений родителей и детей»².

Индийские дети, которые приезжают в Россию, больше всего удивляются, что наши ребята зовут своих родителей на «ты». В Индии так не принято. К родителям обращаются только на «вы». Давайте подумаем, как лучше строить отношения с близкими. У Пушкина сказано «пустое вы» и «сердечное ты». Выражено это у поэта

¹ Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000. С. 100.

² Цит. по: Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 48.

по другому поводу. Но все же — неужели лучше, общаясь с родителями, сохранять дистанцию?

Какая стратегия лучше? Сохранять эмоциональную близость, обращаться к родителям на «ты» или, рискуя этой дистанцией, нести эстафету уважения к родителям? Каждая культура выбирает свою стратегию. И в ней есть и положительное и отрицательное. Наверное, китайская культура, которая ставила перед семьей проблему сохранения традиций, требовала от детей безоговорочного почитания. Философ Конфуций учил, что общество должно напоминать большую семью, в которой подданные чтят родителей и любят друг друга как братья. Древние китайцы не только с огромным уважением относились к родителям, но и следовали их воле. Девушка не могла выйти замуж, если родители не одобряли ее выбор. Нам, европейцам, трудно представить такую ситуацию, чтобы наши взрослые дети выбирали супруга по совету родителей. Это кажется невозможным. Даже после смерти отца или матери юноша, который хотел жениться на девушке, но не получил согласия родителей, должен был еще несколько лет ждать, когда по традиции можно было бы наконец жениться по своей воле.

Согласно законам средневекового Китая взрослый сын мог поступиться запретом своих родителей только через пять лет после их кончины. Хорошо это или плохо? У каждого народа — свои культурные особенности, свои правила жизни. Человеку европейской культуры может показаться странным, что надо называть родителей на «вы», согласовывать свою любовь с отцом и матерью, чтить их волю даже после их смерти. Однако эти традиции помогали китайцам сохранять высокое достоинство семьи. Наверное, сын или дочь могли видеть у родителей какие-то недостатки. Но они ни на минуту не забывали, что именно эти люди, отец и мать, даровали им жизнь. В китайской культуре не мог появиться такой герой, как Павлик Морозов, потому что по китайским традициям Средневековья, сын, который донес на своего отца, наказывался сурово, вплоть до смертной казни.

В европейской культуре сердечная близость, возможность говорить с родителями как с равными (т.е. на «ты») ценилась выше, чем в древнекитайской. Дети, рожденные в царских или королевских семьях, не могли жениться или выходить замуж без согласия родителей. Считались с волей отца или матери в тех случаях, когда родители располагали капиталом. Но «Печально я гляжу на наше поколение...» Родители часто страдают, что дети живут своей жизнью, даже не посвящая в нее родителей, не оказывают отцу и матери должного уважения. Далеко не все родители проникаются мыслью,

что именно родители подарили им возможность жить на этой земле. Можно, например, услышать и такое: «А я вовсе не просил их рожать меня. Они даже не спросили мое мнение». В древнекитайской культуре такое совершенно невозможно. Юноша или девушка подчинялись воле родителей. Они знали, что сами станут стариками и им будет оказано глубокое уважение, они будут вознаграждены за свое повиновение.

Мне хотелось бы сказать о том, что в нашей культуре действительно распалась связь поколений. Любой человек соединяет в себе прошлое, настоящее и будущее. Своих родителей, себя самого и своих детей. Христианская религия почерпнула это триединство (т.е. целостность трех слагаемых) из этой сути человека. И сделало это священным, чтобы помочь нам понять естественный закон жизни.

Без прошлого нет настоящего, потому что нет Сына.

Без настоящего невозможно будущее, потому что некому будет передать Завет. В религиозной литературе Заветом называют соглашение Бога с человеком. Завет — это доброе согласие...

А если его нет, этого Завета? Если родители не сумели показать детям эту живую связь поколений, близость детей и родителей? Если дети не смогли осознать свое глубинное, святое родство с родителями?

Тогда Завет замещается в душе человека сиюсекундным распоряжением, приказом. Тогда будущему поколению передают не Завет, как надо жить, а правила, как надо выживать. И тогда исчезает преемственность жизни. Остаются люди, которым не надо рисковать жизнью, чтобы отстоять Завет для будущих поколений, а нужно просто воспользоваться моментом, чтобы что-то продать, а что-то купить...

Мы все чаще имеем дело с семьей, которая не передает эстафету. Христианская религия пыталась вбить в наше сознание простую истину естественного человеческого бытия — есть прошлое, настоящее и будущее — есть триединство. Прошлое, настоящее и будущее связаны между собой...

Перечитывая работу русского философа В.С. Соловьева «Оправдание добра», я испытывал недоумение, почему в этой большой работе автор пытается доказать нам простые истины. Речь идет о том, что человека формирует семья, Отечество и человечество в целом. И эта безусловная истина много раз проговаривается, доказывается. Очень долго и обстоятельно философ пишет о необходимости почитания родителей, как будто кому-то неясно, что память о родителях священна. Но если еще в позапрошлом веке это казалось важным пояснить, то в наше время это стало актуальной потребностью.

Без нравственной эстафеты, без передачи опыта поколений воспитание кажется не только не продуктивным, но и бессмысленным. Иногда между родителями и детьми идет настоящая война. Вчера у меня была пациентка, которая рассказывала о том, как мама выгнала ее из дому, когда ей было 16 лет. Выгнала, не дав ей в дорогу абсолютно ничего. Она вышла на улицу, как была одета, и стала спасать себя. Прошло время. Она вышла замуж, сейчас работает. Но у нее есть сестра. Сейчас ей тоже 16, и мама задумывается над тем, не поступить ли с младшей точно так же. Она готова ее выгнать на улицу...

Между прочим, по этой причине в истории исчезали великие державы. Так древние римляне становились итальянцами, древние греки — жителями Пелопоннеса, а великие строители пирамид — сегодняшними египтянами. Народ оставался — он никуда не денется. Но в пучине времен растворялись Отечества.

Литература

1. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2004.
2. Гуревич П.С. Этика. М., 2006.
3. Хиллман Дж. Миф анализа. М., 2005.
4. Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. М., 2007.
5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000.

Вопросы для повторения

1. Почему душу нельзя рассматривать как объект?
2. Как менялось в истории психологии содержание понятия «душа»?
3. Почему счастье не может быть абсолютным?
4. В чем ущербность современного гедонизма?
5. Как обеспечивается связь поколений?

Темы для докладов и рефератов

1. Понятие «душа» в истории психологии.
2. Кризис современной цивилизации.
3. Связь поколений как нравственная идея.
4. Язык психологии.

*Желания земные позабыв,
Чуждаясь их грубого алченья,
Душевных снов, высоких слов призыв
Им заменил другие побужденья...*

Евгений Баратынский

Духовные ориентиры

Есть в пьесе отечественной писательницы Ольги Кучкиной «Страсти по Варваре» любопытный персонаж. Это соседка главной героини, существо юное и рассудительное. Она доверительно сообщает Варваре, что познакомилась с необыкновенным человеком. И тот, оказывается, способен разъяснить любую тайну. Ему понятна связь между фактами повседневности, обо всем он читал и слышал. Восхищенная своим другом, девушка восклицает: «Как все прекрасно, когда все осмыслено, вплоть до интимных отношений!»

Как литератор испытываю чувство зависти к драматургу. До чего просто схвачен образ! Одна реплика — и живой характер. Только вот вопрос — откуда берется такое всеведение?... Не думал я, что жизненная ситуация, обозначенная в одной беседе с пациенткой, может оказаться столь похожей на вымышленную. Тут и девушка, которая ищет во всем некий комментарий к жизни. Тут и всезнающий юноша, возвысившийся над ретроградными представлениями. И нарастающее чувство тревоги перед потоком информации.

Девушка, которая сидит передо мной, беспомощна перед соблазнами духовной моды. Она открыта всем увлечениям. Сегодня — кармическое учение, завтра цигун, послезавтра — экстрасенсы. Девушка рассказывает о том, что постоянно чувствует неприязнь к матери. Она и сама толком не знает, чем это вызвано. Нет, мама не выглядит в этой исповеди злой тиранкой. И все-таки, все-таки... Нет, мама ведет так, словно ее преследует какая-то давняя обида. Кстати, кое-какие подробности постепенно проясняются. Отец девушки сначала «крутил любовь» с маминной сестрой. История получилась сложная и запутанная...

На очередной сеанс девушка приходит радостная, просветленная. Она говорит: «У меня появился друг-экстрасенс. Он-то все и

раскрыл». Стоило ему посмотреть в прошлое, и он обнаружил, что в предыдущих жизнях мама и ее сестра были детьми моей пациентки. И вот что случилось. Оказывается, она отдала их в монастырь, чтобы с ними не возиться. Вот они корни неприязни...

Вполне понятно, каждое увлечение — стремление прокрутить модный диск, переписать у подружки некий таинственный текст о нирване, желание овладеть техникой экстатических состояний — отражает, пусть в забавной или извращенной форме, поиск идеалов, смыслов. Житейский опыт подсказывает: твердые убеждения несовместимы с пестротой увлечений. Плохо, когда, говоря словами С. Цвейга, приходится вынимать веру из души, как прожитый день из календаря.

Человек одержим поиском смысла во всем, что является содержанием его каждодневного существования. Он стремится воссоединить элементы своего социального и индивидуального опыта. Осмысливая сегодня разные грани своего человеческого бытия, мы не можем обойти вниманием эту изначальную особенность личности. В философских умопостижениях, житейской мудрости, художественных озарениях человек хочет обрести оправдание своей неповторимости. В нем неугасим запрос на духовные ориентиры.

Духовность в наши дни одно из востребованных понятий. О ней говорят философы, политики и публицисты. Нередко пишут о бездуховности в обществе, об отсутствии идеалов, как очевидном феномене наших дней.

Но вот парадокс. Ни в одном философском словаре нет статьи, посвященной духовности. Нет этого понятия и в культурологических словарях. Едва ли все осознают, что это важный фактор развития цивилизации, открытия новых форм общественной жизни. Все тоскуют о желаемом преобладании в человеке духовных, нравственных, интеллектуальных ценностей. В то же время дальше общих слов современная общественная мысль не продвигается.

Понятие «дух» весьма многозначно. Некоторые исследователи связывают дух с феноменом запредельного, неземного, отыскивая в нем черты божественности. Светские мыслители отождествляют дух с идеалом, со стремлением человека к совершенству. Нередко с этим словом связывают различные программы нравственного обогащения человека. Разделяют, скажем, «духовность» и «потребительство», стремление к жизненным благам. «Дух» нередко ассоциируют с определенными способностями людей.

В силу такой полисемичности, естественно, необходимо вернуться к истокам, сравнить разные версии слова, его смысла и включенности в различные контексты. В поэтическом обороте речи

и в переносном смысле Дух — это также небесные и демонические существа, даже злой, лживый или нечистый Духи. Существенно, что в Ветхом Завете Бог никогда не отождествляется с Духом. Под влиянием греческой философии понятие Духа становится близким к психофизической проблематике.

Дух и душа стали рассматриваться как религиозно-философские понятия, олицетворяющие, выражающие невещественные начала в отличие от всего материального. Древние представления о духе (атмане, пнеуме, спиритусе, рухе) соотносились с феноменом дыхания: душа связывалась со вдохом, а дух — с выдохом. Древние считали, что каждая вещь имеет собственную душу, способную перемещаться в пространстве и входить в иные тела, влиять на них. К этому воззрению можно отнести доктрины эйдосов, идей, образов, отражения мира человеком.

Понятие трансцендентности

Человек и животные исследуют окружающую среду при помощи органов чувств: они слушают, нюхают, смотрят и трогают. В результате у них формируются связанные представления об этой среде, они запоминают и связывают эти представления, и на основе прошлых впечатлений у них развиваются ожидания.

Исследования человека с течением времени становятся все более методичными, возможности его органов чувств увеличиваются благодаря применению технических средств (например, телескопа или микроскопа), накопленные в результате наблюдений факты объединяются в более крупные блоки (теории) при помощи понятий, которые невозможно наблюдать, и, таким образом, незримо развивается научное познание внешнего мира¹.

Итак, человек замкнут в пространстве физического мира. Он может познавать этот мир и добиваться огромных успехов в познании. Однако люди смутно догадываются, что за пределами физического мира есть какой-то иной мир. Мы получаем сигналы из этого мира. Более того, многие духовидцы, мистики, эзотерики обретали способность выходить в этот духовный мир и передавать собственные впечатления от встречи с ним. В истории философии такой переход из области посюстороннего в область потустороннего полу-

¹ Кохут Х. Интроспекция, эмпатия и психоанализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией // Антология современного психоанализа. М., 2000. С. 282.

чил название «*трансценденция*». В философии так обозначается переход из сферы возможного опыта (природы) в сферу, которая лежит по другую его сторону.

Австрийский психолог Виктор Франкл подчеркивает что

существенное различие между человеком и животным состоит в том, что интеллект человека так высок, что человек в отличие от любого животного обладает еще одной способностью: понять, что должна существовать мудрость, которая принципиально превосходит его собственную, а именно надчеловеческая мудрость, которая вселила в него разум и животных инстинкты и гармонично распределила их между ними¹.

Трансцендентный (от лат. *transcendere* — переступать — «перелетающий») (Кант), выходящий за границы возможного (не только индивидуально и в настоящее время) опыта, выходящий за пределы человеческого сознания. Если говорить о понятии «трансценденция» в онтологическом смысле, то оно выражает признание бытия, которое не оказывается объектом наших мыслей и восприятий.

Люди издавна накапливали духовный опыт — опыт встречи с неземным, запредельным. Многие ученые и специалисты осознали глубокую пропасть, которая отделяет современную психологию от великих древних или восточных духовных традиций — таких, как различные формы йоги, кашмирский шиваизм, тибетская ваджраяна, дзен-буддизм, даосизм, суфизм, алхимия. Накопленное в этих системах за века и даже за тысячелетия богатство глубинного знания о человеческой душе и сознании не получило адекватного признания в западной науке и философии, не воспринималось ими и недостаточно изучалось.

У современных изысканий в области духовного есть исторические предшественники в древней индийской и китайской духовной философии, в работах немецкого философа и математика Готфрида Лейбница. Новые интуитивные прозрения затрагивают такие фундаментальные проблемы, как упорядочивающие и организующие принципы реальности и центральной нервной системы, распределение информации в космосе и мозге, природа памяти и механизмы восприятия, взаимоотношения частей и целого. Чтобы понять это древнейшее различие части и целого, можно обратиться к поэтическому ожерелью ведического бога Индры. В «Аватамсака-сутре» записано: «В небесах Индры есть, говорят, нить жемчуга, подобранная так, что если глянешь на одну жемчужину, то увидишь все остальные отраженные в ней. И точно так же каждая вещь в мире не есть просто сама по себе,

¹ Франкл В. Указ. соч. С. 19—20.

а заключает в себе все другие вещи и на самом деле есть все остальное». Поэт Чарльз Элиот, цитируя этот отрывок, добавляет: «В каждой частице пыли присутствует бесчисленное множество Будд».

Сходный образ древнекитайской традиции можно найти в буддистской школе хуаянь. В ней выражен холистический (целостный) взгляд на Вселенную, воплощающий одно из наиболее глубоких прозрений, когда-либо достигнутых человеческим разумом. Императрица Ву, которая оказалась не в состоянии одолеть сложности хуаяньской литературы, попросила Фа Цанга, одного из основателей школы, дать ей практическую и простую демонстрацию космической взаимозависимости. Фа Цанг сначала подвесил горящий светильник к потолку комнаты, уставленной зеркалами, чтобы показать отношение Единого к множому. Затем он поместил в центре комнаты маленький кристалл и, показав, что все окружающее отражается в нем, проиллюстрировал, как в Предельной Реальности бесконечно малое содержит бесконечно большое, а бесконечно большое — бесконечно малое. Прodelав все это, Фа Цанг заметил, что, к сожалению, эта статичная модель неспособна отразить вековечное, многомерное движение во Вселенной и беспрепятственное взаимное проникновение Времени и Вечности, а также прошлого, настоящего и будущего¹.

Итак, понятие Духа интерпретируется философами в трех значениях: божественном (третье лицо Пресвятой Троицы — Дух Святой), онтологическом (Дух как первооснова мира) и психологическом (дух как выражение определенных психических возможностей и способностей, стремления к идеалу). Последний вариант трактовки духа находим, скажем, в «Толковом словаре» С.И. Ожегова. Там дается такое определение: «Дух — это психические способности (сознание, мышление), то, что побуждает к действиям, к деятельности, начало, определяющее поведение, действия».

Роль духовности

В естественно-научной картине мира, где первична материя, а жизнь и сознание являются ее случайными проявлениями, трудно обосновать развернутое представление о духовности. Перед нами тесты, подготовленные для выпускников основной школы по обществузнанию. Ученику предлагается тест, позволяющий из двух ответов указать один — правильный. Предлагаемые варианты ответов следующие.

¹ Проф С. За пределами мозга. М., 1993.

А. Духовная жизнь общества отражает его материальную жизнь.

Б. Духовная жизнь общества свободна от влияния его материальной жизни.

Правильным объявляется ответ «А». Между тем все тут перепутано. Духовная жизнь общества прежде всего определяется жизнью духа, духовными процессами. Она питается содержанием всей общественной жизни, а не только материальной. Здесь же вообще дается ложная альтернатива: «отражает» или «свободна». Но ведь духовная жизнь может быть и свободной и может отражать материальную жизнь общества.

Материалистическая традиция означает принятие нашей незначительности как обитателей одного из бесчисленных небесных тел Вселенной, в которой миллионы галактик. Приходится признать, что мы являемся не чем иным, как только высокоразвитыми животными и биологическими машинами, состоящими из клеток, тканей и органов. Научное понимание такой традиции предполагает, что сознание есть физиологическая функция мозга и что психика управляется бессознательными силами инстинктивной природы.

Часто подчеркивается, что три главных переворота в истории науки показали человеку его настоящее место во Вселенной. Первым был переворот Коперника, разрушивший представление о том, что Земля есть центр Вселенной и человечество занимает в ней особое место. Вторым — дарвиновская революция, положившая конец концепции уникального и привилегированного места людей среди животных. И наконец, фрейдовский переворот низвел психику к производной от базовых инстинктов.

По словам С. Грофа, западная психология и психиатрия отвергает любую форму духовности как ненаучную, сколь бы она ни была совершенна и обоснованна. В контексте механистической науки духовность приравнивается к примитивному предрассудку, невежеству или клинической психопатологии. Правда, когда религиозное верование разделяется большой группой людей, внутри которой оно увековечено культурным программированием, то это еще более или менее приемлемо для психиатров. В таких обстоятельствах обычные клинические критерии не применяются, общее верование не рассматривается как обязательный признак психопатологии.

Глубокие духовные убеждения в неевропейских культурах, где нет современной образовательной системы, обычно объясняются невежеством, инфантильным легковерием и предрассудками. В современном обществе глубокая интерпретация духовности явно не пройдет, особенно среди хорошо образованных и высокоинтеллектуальных личностей. Поэтому психиатрия прибегает к выводам психоанализа, утверждающего, что происхождение религий уходит

корнями в неразрешенные конфликты младенческого и детского возраста: понятие божеств отражает инфантильный образ родительских фигур, отношение верующих к ним есть признак незрелости и детской зависимости, а ритуальные действия означают борьбу с угрожающими психосексуальными импульсами, сравнимую с тяготами невроза навязчивости.

Прямые духовные переживания, — пишет Гроф, — ощущение космического единства, чувство божественной энергии, струящейся через тело, эпизоды смерти-возрождения, видение света сверхъестественной красоты, память прошлых воплощений или встречи с архетипическими персонажами рассматриваются как серьезные психотические искажения объективной реальности, свидетельствующие о патологическом процессе или о душевной болезни. До публикации исследований А. Маслоу академическая психология не хотела признавать, что любое из этих явлений можно интерпретировать иначе. Теории Юнга и Ассаджиоли, указывавшие в том же альтернативном направлении, слишком удалились от главного течения академической психологии, и их влияние было малозначительным¹.

Современная механистическая наука склонна видеть в духовном опыте любого рода патологическое явление. Главенствующее направление в психоанализе, следуя примеру Фрейда, истолковывает состояние единства и океаническое сознание мира как возврат к первичному нарциссизму и инфантильной беспомощности. Религию Фрейд рассматривает как коллективный невроз навязчивости. Известный психоаналитик Франц Александер опубликовал специальную статью, в которой описал состояния, достигаемые в буддистской медитации, как самопроизвольную кататонию. Великие шаманы различных традиций характеризовались как шизофреники или эпилептики, а пророки и религиозные учителя получали всевозможные психиатрические ярлыки. В то время как многие научные работы описывают сходства между мистицизмом и душевной болезнью, до подлинного понимания мистицизма и до осознания различия между мистическим мировоззрением и психозом еще очень далеко.

Все это, по словам Грофа, привело к странному положению дел в нашей культуре. Во многих сообществах сохраняется значительное психологическое, социальное и даже политическое давление, заставляющее людей регулярно посещать храмы. Библию можно обнаружить в тумбочках многих гостиничных апартаментов, а видные политики и общественные деятели в своих речах воздают хвалу Богу и религии. В то же время, если какому-то представителю ти-

¹ Гроф С. Указ. соч. С. 359.

пичной конгрегации доведется испытать глубокое религиозное переживание, священник, скорее всего, направит этого человека на лечение к психиатру.

Духовный опыт

Моя жена родилась в семье зажиточного литовского фермера. Когда советская власть утвердилась в Литве, отец ее был раскулачен и сослан в Забайкалье. Там позже я и познакомился со своей будущей женой, поскольку трудился там после окончания университета. Прошли годы, мы уже жили в Москве, и в гости к нам приехал брат жены. Ему удалось избежать ссылки, и теперь брат и сестра предались воспоминаниям:

— А как сложилась судьба наших соседей справа? — спросила жена.

— Знаешь, неплохо. Дети подросли. Сын женился, купили «Жигули».

— А те, что жили слева, помнишь?

— А как же? Они вообще живут совсем хорошо, все поженились, купили два «Жигуля».

— А те, что жили перед нами?

— О, тут все плохо. Развелись. «Жигуль» продали...

Мне нравится этот пересчет жизни на карбюраторный язык. Но жена почему-то спросила и про тех, чей дом размещался за их хутором. Какая там жила чудная семейная пара. Что случилось?

Родственник помедлил.

— Они состарились, болели. Потом у хозяина случился инсульт. Он лежал на кровати беспомощный, а у жены не было сил повернуть его. Однажды она взяла топор и зарубила его. А сама повесилась.

Мне в свое время довелось написать немало статей об эвтаназии. Я никогда не был ее сторонником. Но тут, услышав этот рассказ, я оказался в смятении. Страшная, безысходная ситуация. Разом отступают абстрактные, декларативные суждения. Судить о том, что случилось, видимо, имеет право только тот, кто сам имеет трагический опыт.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский утверждает, что человек, который в земной жизни не освободился от той или иной страсти, перенесет ее в потусторонний мир. Там его душа будет пребывать в непрестанной жажде греха и похоти. И он предлагает читателя его книги проделать простой опыт. Пусть курильщик не покурит двое суток. Что он будет испытывать? Известное мучение, смягчаемое еще всеми развлечениями жизни. Но отнимите жизнь со всеми ее дарами. Страдание обострится. Страдает не тело, но душа, жи-

вущая в теле, привыкшая через тело удовлетворять свою похоть, свою страсть¹.

Сама душа, по-видимому, остается для нас непостижимой: мы либо исследуем ее как нечто, обладающее физическим существованием, либо пытаемся понять ее содержательную сторону. В духе же мы усматриваем значащее, осмысленное содержание, с которым душа соотносится и которое ею движет. Сфера духа одушевлена, неразрывно связана с душой и основана на ней.

Основной феномен духа состоит в том, что он вырастает на психологической почве, но сам по себе не имеет психической природы, — пишет К. Ясперс, — это объективный смысл, мир, принадлежащий всем. Отдельный человек обретает дух только благодаря своему соучастию в обладании всеобщим духом, который передается исторически и дан человеку в форме, соответствующей каждому данному моменту... Значимая субстанция объективного духа не подвержена болезни. Но болезнь отдельного человека может иметь в качестве своей первопричины то, как именно человек соучаствует в жизни объективного духа и воспроизводит этот дух².

Еще одно фундаментальное феноменологическое качество духа, по Ясперсу, состоит в том, что он может стать реальностью, только его принимает или воспроизводит душа. В соответствии с клиническим замыслом нашей работы стоит сказать несколько слов о психопатологии духа. Сам дух, как таковой, не может заболеть. Поэтому данное слово — психопатология — содержит в себе некоторое противоречие. Однако носителем духа является наличное бытие. Болезни, которые затрагивают наличное бытие, влияют на реализацию духа.

Люди по-разному оценивают собственное клиническое состояние. Они могут полагать, что ими движут «страсти души». Они способны винить себя и считать свои действия злыми и греховными. Они могут, в конце концов, осуждать не себя, а богов или демонов. Они способны усматривать истоки своих бед в поступках других людей, которые их околдовывают. Поэтому одни видят в духовном опыте покаяние, другие — самовоспитание, третьи — отправление культа, четвертые — молитву, пятые — посвящение в таинство.

Психиатрия и духовное развитие

Ни одна современная школа психотерапии, за исключением психосинтеза и юнгианской психологии, не признает духовность подлин-

¹ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 133.

² Ясперс К. Указ. соч. С. 352.

ной и аутентичной силой психики. Теоретические рассуждения по большей части не учитывают богатства знаний о сознании и разуме, накопленных за века великими духовными традициями мира. Глубокие по смыслу послания этих систем полностью игнорируются и отбрасываются, объясняются как примитивные предрассудки, как вариации детских конфликтов или как культурные эквиваленты неврозов и психозов.

Духовность и религию в современной психиатрии толковали как нечто генерируемое человеческой психикой в ответ на внешние события — ошеломляющее воздействие окружающего мира, угрозу смерти, страх перед неизвестностью, конфликтные отношения с родителями. До недавнего времени единственной структурой, где можно было непосредственно испытывать альтернативные реалии духовной природы, были рамки душевной болезни. В конкретной клинической работе с религиозными верованиями пациента мирятся, только если их разделяют большие группы людей. Идиосинкразические системы верований, отклоняющиеся от регламентированных и культурно приемлемых форм, или прямые переживания духовных реалий обычно истолковываются как патологические, свидетельствующие о психотическом процессе.

Некоторые исследователи сочли традиционную психиатрическую точку зрения на духовность и религию неприемлемой. Основатель психосинтеза Роберто Ассаджоли видит в духовности жизненную силу человеческого существования и самую суть психики. Многие из явлений, которые официальная психиатрия считает психопатологическими, он интерпретирует как сопутствующие духовному раскрытию.

К. Юнг также придавал огромное значение духовным измерениям и импульсам психики, создал надежную концептуальную систему, которая соединяет и интегрирует психологию и религию. Значимый вклад в новое понимание отношений человеческой личности к мистическому опыту принадлежит Абрахаму Маслоу. На основе широких исследований многих спонтанных мистических (или «пиковых», по его определению) переживаний он опроверг традиционное психиатрическое воззрение, приравнивавшее их к психозам, и сформулировал радикально новую психологию. По Маслоу, мистический опыт не следует рассматривать как патологический, гораздо более уместно было бы рассматривать его как сверхнормальный, поскольку он ведет к самоактуализации и происходит у нормальных во всем остальном и вполне адаптированных индивидов.

С. Гроф подчеркивает, что строго персоналистичная концепция бессознательного, ограничивающаяся биографически объяснимыми

элементами, не только менее эффективна и менее ценна, но, в конечном счете, антитерапевтична. Логическим следствием такой теоретической ориентации будет навешивание психопатологических ярлыков на те перинатальные и трансперсональные явления, которые нельзя объяснить в столь узком контексте. Это создает непреодолимое препятствие на пути признания целостной и трансформирующей силы процесса, затрагивающего перинатальную и трансперсональную области. Поэтому в контексте традиционного мышления самоисцеление и духовное раскрытие истолковываются как патология, которую нужно подавить любой ценой при помощи радикальных мер. Из-за такой терапевтической стратегии современная психиатрия встает перед странной ситуацией: совместные усилия психиатров, психологов, нейрофизиологов, биохимиков и других профессионалов по большей части односторонне направлены на вмешательство в процессы, которые имеют уникальный терапевтический и трансформативный потенциал¹.

Русская философия о духовности

Русская философия также уделяла огромное внимание феномену духовности. В.С. Соловьев, размышляя о человеческом духе, подчеркивает его единство. Речь идет вовсе не о том, что он лишен множественности. Нет, духовность выражает бесконечное разнообразие чувств, мыслей и желаний. Но тем не менее, по мысли философа, духовность сохраняет свое единство как феномен². Философ пишет: «Вся природа, все эмпирические элементы нашего бытия должны быть организованы, должны быть внутренне подчинены нашему духу, как наш дух должен быть внутренне подчинен божественному»³.

Подкрепляя эту мысль, философ приводит строчки из собственного стихотворения «Как в чистой лазури затихшего моря»:

Свобода, неволя, покой и волнение
Приходят и снова являются,
А он все один и в стихийном стремлении
Лишь сила его открывается.

В.С. Соловьев имел в виду дух. Он пытался также сопоставить европейское понимание духовности с истолкованием духа в вос-

¹ См.: Проф. С. Указ. соч. С. 398.

² Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал: Соч. в 2-х т. Т. 1. 1988. С. 706.

³ Там же. С. 743.

точной философии. Так, обращаясь к индийскому сознанию, философ отмечает, что в ней чистому духу (Пуруша), существующему только во множестве единичных особей, противопоставляется первома́терия, или природа (Пракрити). Природа при этом рассматривается как временное средство, а не цель духа. Зрячий расслабленный дух должен воспользоваться слепым силачом (природа), чтобы на его плечах достигнуть цели своего странствия. Когда она достигнута, им следует расстаться. Цель духа — познание самого себя как отличного от природы. Характеризуя восточную философию, В.С. Соловьев определяет природу как танцовщицу, а дух — как зрителя¹.

Русские философы рассматривали духовность как выражение человеческого духа, как историю духовных традиций, как становление личности. Так, основная идея Н.А. Бердяева, который и определял свою философию как «философию духа», в утверждении духовности человека, величия его предназначения в трагическом мире. Бердяев возвеличивает духовную реальность. По его мнению, природный и духовный мир несходны. Они нигде не встречаются и не взаимодействуют. Лишь в неизяснимой глубине дух вбирает в себя мир и бросает на него иной свет. «В духовном мире опыту не соответствуют предметные реальности, но самый опыт духовный и есть реальность высшего порядка. Духовная жизнь не есть отражение какой-либо реальности, она есть самая реальность»².

По мнению Бердяева, дух как феномен сложен для понимания. Трудно выработать понятия о духе. Но можно обозначить признаки духа. Н.А. Бердяев называет эти признаки: свобода, смысл, творческая активность, любовь, целостность, ценность, обращение к высшему божественному миру и единение с ним.

По словам Н.А. Бердяева, духовное начало в человеке имеет трансцендентное основание. Иначе говоря, оно не выводится из природы, из окружающего мира. Недовольство человека конечным, устремленность к бесконечному обнаруживают божественное в человеке. Согласно Н.А. Бердяеву, человек не может быть самодостаточен, это означало бы, что его нет.

В этом тайна человеческого существования, — показывает Бердяев, — оно доказывает существование высшего, чем человек, и в этом достоинство человека. Человек есть существо, преодолевающее свою ограниченность, трансцендирующее к высшему³.

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2-х т. Т. 1. 1988. С. 137.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. С. 27.

³ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М., 1999. С. 40.

Бердяев считал, что духовный опыт и есть сама духовная жизнь, сама реальность духа, сама реальность божественного.

Кто живет духовной жизнью и кто имеет духовный опыт, для того нет вопроса о духовных реальностях, для того реальность не означает внеположности, внешней предметности. Ничто не соответствует моей духовной жизни, она сама есть. Моя духовная жизнь ограничена, есть бесконечная духовная жизнь, но эта бесконечная жизнь не есть внешняя для нее реальность. И ничто в мире не может мне доказать, что моей духовной жизни нет. Может быть, мира нет, но моя духовная жизнь есть¹.

Однако в реальной, обычной жизни мы нередко сталкиваемся с бездуховностью. Часто говорят об отсутствии идеалов, о прозаической жизни, лишенной одухотворенности. Не свидетельствует ли это о том, что духовность мираж? По словам Бердяева, низость и отсутствие духовной жизни не могут быть доказательством, что духовной жизни нет. В духовном мире реальность не определяется внешней данностью, реальность зависит от направления и напряжения самой духовной жизни.

Еще одна проблема, которую раскрывает Бердяев, — это соотношение духовного и психического. Не есть ли духовное лишь психическое, а духовный опыт лишь душевное переживание? Может быть, духовная жизнь субъективна и поэтому не убедительна для других, для тех, кто не обладает этим духовным опытом? Духовная жизнь, по его мнению, внеприродна, не связана с определениями времени, пространства, материи.

Реальность духовной жизни не определяется причинным рядом в физическом и психическом мире, она определяется из глубины, из недр собственной первожизни. Если бы у нескольких всего человек в истории мира возгорелась высшая духовная жизнь и пробудилась жажда божественного, то этим уже доказывалась бы реальность духа и Бога, и мир природный перерос бы себя².

Н.А. Бердяев ставит вопрос: как доказать и обосновать само существование духовного опыта? Можно спросить — разве духовность не самоочевидна? Чем продиктован вопрос философа? Но ведь слишком многие отрицают своеобразную качественность духовного опыта. Они сводят его к опыту психологическому. Иначе говоря, речь идет не столько о духе, сколько о душе. Кроме того, нередко ссылаются на тот факт, что у многих духовность отсутствует. Может быть, это вообще химера или в лучшем случае недостижимый идеал?

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. С. 45.

² Там же. С. 46.

Но если кому-то, пусть даже многим, недоступны высоты духа, из этого вовсе не следует, будто духовность — зыбкий фантом.

Если в моей жизни не раскрывается какой-то опыт, это вовсе не означает, что его нет. Нет необходимости возводить свою ограниченность в норму. Иначе, как подмечает Бердяев, может возникнуть тирания «средне-нормального сознания». Этот феномен заразителен. Он проникает даже в религиозное сознание. Замкнутый мир всегда, отмечает Н.А. Бердяев, есть мир душевный, а не духовный. Дух — это всегда устремление за пределы узкого мира, вечное беспокойство внутреннего мира человека. Но разве беспокойство обязательный признак духа? Безусловно, поскольку природа личности динамическая. Если у человека не возникает стремления осмыслить тайны своей внутренней жизни, разобратся в себе и соотнести обретенное знание с порывами духа, стало быть, личность в нем угасает. Глубина всегда есть символ духа. Природный мир, взятый сам по себе, не знает глубины.

Однако зададимся вопросом: нет ли в этих рассуждениях Н.А. Бердяева невыполнимого призыва отвлечься от реальной жизни, от обычных житейских радостей, наконец, от телесных потребностей? Нет, философ предвидит такие возражения. Он пишет:

Дух не совсем противоположен плоти, плоть есть воплощение и символ духа. Духовная жизнь есть историческая жизнь, ибо историческая жизнь есть жизнь конкретная. Но внешняя историческая действительность есть лишь отображение духовной жизни во времени, в раздельности. Все внешнее есть лишь знак внутреннего¹.

Но как соотносится с экспертизой духа психология? Оказываются ли в поле зрения психолога проблемы духа? Несомненно, но важно подчеркнуть, что специфика психологии — в исследовании психических, душевных процессов.

Психология, — подмечает Бердяев, — есть наука о природе, а не наука о духе. Духовная жизнь, как особенное качество жизни душевной, обычно ускользает от психологической науки. Большая часть психологических процессов должна быть отнесена к явлениям природного мира, — эти процессы связаны с телом и материальным миром, происходят во времени, так или иначе относятся к пространству, они протекают в замкнутости, раздельности и внешней связанности. Психология исследует абстрактно духовную жизнь и имеет дело с абстрактной, а не конкретной действительностью. Духовная же жизнь конкретна и требует конкретного изучения².

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. С. 50.

² Там же.

Можно ли согласиться с Н.А. Бердяевым в этом разграничении? Несомненно, материалом духовной жизни людей является человеческая история во всем богатстве ее проявлений. Признание подлинной реальности духовной жизни прошлого — необходимая предпосылка духовности. Когда мы изучаем, к примеру, Платона (последуем за мыслью Н.А. Бердяева), мы живем с ним одним духовным опытом, мы стремимся соотносить свои жизненные представления с тем, что думал о мире античный философ. Эта переключка и создает духовность. Биографии святых и гениев, творения религиозных учителей, великих художников, памятники духовной жизни человечества имеют гораздо большее значение, нежели продукты отвлеченной мысли.

Но как определить дух? Каковы его признаки?

Рациональное определение духа, — подчеркивает Бердяев, — невозможно, это безнадежное дело для разума. Выработать понятие о духе невозможно, но можно назвать его признаки. По мнению философа, в числе признаков духа можно назвать свободу, смысл, творческую активность, целостность, любовь, ценность, обращение к высшему божественному миру. Дух можно осмысливать как свободу, поскольку он независим от велений природы и общества. Дух вообще противоположен идее первоначальной определяемости всех процессов. Дух — это прорыв в этом «отяжелевшем мире».

Итальянский гуманист *Пикко делла Мирандола* (1463—1494) считал, что человеческий дух небесного происхождения, иначе говоря, он не происходит из природного мира. Дух не обусловлен природным миром и есть прорыв в нем. Дух — это целостный творческий акт человека.

Возьмем, к примеру, судьбу народной героини Франции Жанны д'Арк (ок. 1412—1431). Она родилась в крестьянской семье на северо-востоке страны. Победы захватчиков-англичан в Столетней войне (1337—1453) и опасность порабощения, которая нависла над родиной, пробудили в сердце девушки, по ее словам, «великую жалость, кусающую, как змея». Рискуя жизнью, она добралась до резиденции французского дофина (наследника престола) Карла VII. Ее энтузиазм и вера в победу воодушевили армию. Что же руководило поступками девушки? Веления духа, а вовсе не соображения здравого смысла или законы природы. Война — не женское дело. Но кто-то должен спасти Францию. Под Орлеаном Жанна повела в бой своих соотечественников и одержала победу. После этого Карл VII был коронован в Реймсе. Но огромная популярность Жанны в народе не устраивала правителя. И тогда король, за которого она сражалась, предал ее. Было подстроено так, что она попала в плен к бур-

гундшам, которые продали ее своим союзникам-англичанам. Они пытали Жанну, обвинили ее в колдовстве и сожгли на костре в Руане.

Творческая активность, творческая свобода человека первична. Как религиозный философ, Н.А. Бердяев подмечает, что через дух человек все получает от Бога и через дух человек все дает Богу. Дух гуманизирует человеческое понимание Бога и вместе с тем освобождает от примитивного антропоморфизма, т.е. истолкования Бога по меркам человека. Дух — качество, которое стоит за пределами поиска житейской пользы. Жанна д'Арк могла прожить иную жизнь, она не получила никакой выгоды от своего подвига и даже погибла мученической смертью. Но ее судьба до сих пор волнует людей, а ее жертвенность и мужество потрясают своей мощью.

Дух выше жизни. Но это вовсе не означает, что мы говорим о духе как о чем-то, не имеющем прямого отношения к нашей судьбе, к нашей житейской практике. Дух действует именно в жизни, в жизненном процессе мы угадываем признаки духа. Между тем в истории философии и культуры в целом дух часто понимали как отрешенность от мира, как реальность, которая чужда самой жизни. Философы-романтики XVIII и начала XIX в. понимали духовность как феномен, который непосредственно связан с жизнью. Дух не только свободен, он также творчески активен. Всякий дух есть творческий акт. Но творчество требует такой свободы, когда творец выходит за пределы примитивной обусловленности. «Дух есть огонь, — пишет Бердяев, — творчество духа огненно»¹.

Но огромный потенциал духа многое утрачивает, когда он реализуется в истории. Субъективный дух не узнает себя в том, что называют «объективным духом». Иначе говоря, в историческом воплощении дух нередко перерождается в нечто уже не похожее на него. Дух революции нельзя узнать в исторических результатах революции. Лозунги «свободы, равенства и братства» выглядят подчас гротескно, когда мы наблюдаем их реализацию в конкретных обществах. Выходит, высокие порывы духа бесплодны, их нельзя воплотить? Нет, речь идет лишь о том, что дух всегда богаче реальной воплощенности.

Человек имеет глубокую потребность в священном не только на небе, но и на земле. Вот почему в истории священными нередко называли государство, нацию, семью. Немецкие философы признавали, что дух познается не в объективной природе, а в истории и культуре. Романтики связывали духовность с органичностью. Они считали, что дух воплощается не только в органическом теле чело-

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. С. 56.

века, но и в органических телах истории, например в органической народной жизни, в традициях. Вот почему романтики отвергали технику, видя в ней опасность органичности. Техника погружает человека в атмосферу холодного металла. В ней исчезает животная теплота.

Однако никакие изменения условий человеческой жизни, например разрушение органики, не могут убить реальность духа. В такие периоды истории, по замечанию Бердяева, происходит как бы распятие человека перед рождением к новой жизни, перед возникновением новой духовности. Скажем, техника обратилась против человека. Но техника есть одно из вступлений человеческого духа в мировую жизнь. Она свидетельствует о творческом призвании человека в космической жизни. Машина воздействует на эмоциональную жизнь человека. Она все более и более затрудняет возможность созерцания. Власть техники над человеческой жизнью приводит к пассивности человека.

Но есть и другая сторона вопроса. Техника в то же время требует необычайной духовной напряженности и активности, необычайной силы сопротивления. Это великое испытание духовной силы человека. Человек вступил в период более героической, более актуализированной духовности. Техника может стать орудием духа, орудием его реализации.

Образы смерти

Моего соседа по даче звали Николай Васильевич. Жизнь поначалу благоволила к нему. Устроился на работу в Высшую партийную школу, защитил кандидатскую диссертацию по экономике, стал заместителем заведующего кафедрой. Но со временем пошла полоса неудач. На кафедре начались интриги, его отставили от должности. А потом неожиданно умерла жена. Жил Николай Васильевич в основном на даче. Копался в огороде, подсчитывал убытки, допускавшиеся дачным правлением. Председателем ревизионной комиссии он был строгим. Ругал председателя за то, что в лесу много мусора, хотя вроде тот и не виноват. Характер становился все более жестким. Сказывалось озлобление, хотелось мести за все жизненные неудачи.

Дочь Николая Васильевича навещала его редко. Однако стала замечать за отцом отдельные странности. Часто он рассказывал ей одну и ту же историю, словно попавшая в борозду граммофонная игла. Дочь, впрочем, мало интересовалась дачей. Своего мужа она

похоронила, а детей осталось двое — надо растить. У Николая Васильевича появилась пассия, она жила в Солнечногорске, и он часто туда навещался. Но из армии вернулся ее сын, и она сказала Николаю Васильевичу:

— Ты, Коля, сюда больше не приезжай. Живи один. Ни один мужчина на свете не стоит сына. Люблю я его...

Николай Васильевич тяжело пережил эту отставку. Впал в депрессию, стал заговариваться. А однажды и вовсе пропал... Объявили в розыск, но никаких сведений не получили. Исчез человек. Может, убили, а может, живет где-то как бомж, без памяти и трезвого ума.

А дочь Николая Васильевича неожиданно вышла замуж. Ее новый супруг стал появляться на даче, трудиться в парнике и вокруг. Однажды дочь позвали на опознание обнаруженного трупа. Взглянула она на мертвого и сказала:

— Нет, не он...

Служитель морга помрачнел и сказал:

— Советую вам все-таки написать, что отец это ваш. Безымянному трупу все равно, а вам надо вступать в наследство. Без такой справки замучаетесь... Нужна последняя воля усопшего.

Дочь еще раз подошла к трупу, окинула его взглядом, вынула платочек, смахнула слезу и сказала:

— Он это... Смерть всех преобразует...

Самозванного бродягу похоронили с почестями. Отец как никак. Позвали и соседей помянуть. Поговорили о заслугах покойного. Вспомнили, как он хотел докторскую защищать. И защитил бы, если бы не интриги.

Хозяйственный был, трудолюбивый. Подруга его сгубила, вот что я вам скажу. Разве можно так рубить сплеча? Муж сыну не помеха, — эту последнюю фразу дочь повторяла постоянно, нежно глядя на нового супруга. Настоящего, неподдельного...

Люди, столкнувшиеся с феноменом смерти, имеют шанс подняться еще на одну ступень личностного роста — духовность. Но они способны обрести и извращенное представление о жизни и смерти. Все зависит от оптики, от взгляда, от ценностей. Несколько лет назад в столичном журнале было опубликовано письмо одной женщины. Оно дышало непритворным ужасом. Читательница сообщала, что видела на экране телевизора детей, поющих в церковном хоре. Это привело ее едва ли не в шоковое состояние. Не так ли религиозная отравка входит в неокрепшие атеистические души?

Какая, однако, впечатлительная иллюстрация абсолютной вывернутости сознания! Неужели благостные отроки, потрясенные

песнопением, могут вызывать страх, исторгать нечто вроде «чур меня!». Теперь таких писем что-то нет. Едва ли не во всех школах изучают Закон Божий. В детских домах совершают массовые крещения. Священники заседают в парламенте. Члены правительства стоят со свечами у алтаря.

Проблема смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основы бытия. Однако, по мнению Э. Кассирера, осознание феномена смерти произошло в человеческом сознании не сразу. Возвращаясь к «Федону» Платона, мы ощущаем громадные усилия философской мысли, направленные на то, чтобы дать ясное и неопровержимое доказательство бессмертия души.

Бурное оживление в области изучения смерти как феномена вызвало споры вокруг проблемы эвтаназии — намеренного прекращения жизни неизлечимого больного, чтобы избавить его от непереносимых страданий, не поддающихся лечению имеющимися методами и средствами медицины. Во-первых, применение в медицине новейших методов интенсивной терапии сделало массовыми ситуации продленного умирания больных, когда перед врачами встали совершенно новые в философском, морально-этическом плане вопросы — жив или мертв пациент с диагнозом «смерть мозга», подерживать ли его вегетативное состояние. Во-вторых, распространение на сферу здравоохранения правозащитной идеологии обернулось тем, что в медицинской этике и медицинском праве центральной стала категория прав пациента, в том числе и «право на смерть» с достоинством.

Интерес к теме обусловлен также развитием психоанализа и особенно трансперсональной психологии. После работ С. Грофа и других авторов вновь в сферу философского размышления вошла проблема: «жили ли мы раньше?» Известно, что перевоплощение и карма — краеугольные камни главных религий Индии: буддизма, джайнизма, сикхизма и зороастризма. Кроме того, с учением о перевоплощении и карме связаны тибетская ваджраяна, японский эзотерический буддизм и множество буддийских школ южной Азии.

Таким образом, философское постижение феномена смерти актуализирует различные философские традиции, захватывает круг проблем, которые исследуют философы, психологи, культурологи. Тема приобрела несомненную философскую значимость.

В рамках трансперсональной психологии проблемы смерти позволяют раскрыть глубинную связь всего живого, новую парадигмальную картину мира, которая включает в себя смерть как закономерный, но не универсальный феномен мироздания. Изучение смерти, по мнению представителей трансперсональной психологии, имеет ключевое значение для осознания психических процессов.

Без близкого знакомства с переживанием смерти-возрождения невозможно понять религию, мистику, шаманизм, мифологию. Согласно различным мистическим школам, люди, пережившие смерть или смертельную опасность и возвратившиеся к жизни, называются дважды рожденными. Соприкосновение со смертью изменяет отношение к ней независимо от того, является ли данное соприкосновение чисто символическим или происходит в действительности, например, в результате несчастных случаев либо в ходе событий, приводящих к клинической смерти¹.

Фрейд начинал свое осмысление феномена смерти в тот период, когда рождалась и экзистенциалистская версия этой проблемы. В 1913 г. вышла в свет книга немецкого философа К. Ясперса «Общая психопатология». Философ утверждал, что говорить о смерти как об определенном «переживании» нельзя. Переживания могут быть только у живых людей. Как говорил Эпикур, «если я есть, значит, смерти нет; если же есть смерть, значит, нет меня».

Но переживания, — писал Ясперс, — испытываемые в процессе смертельной соматической болезни, принадлежат к тому же роду, что и при болезнях, заканчивающихся выздоровлением (таков, например, невыносимый страх смерти при стенокардии). Этот соматический страх смерти обусловлен соматическими причинами и встречается также у животных; то, что лежит в его основе, часто, хотя и не всегда, бывает смертельно для организма. Смерть познаваема только для человека; и страх смерти, подобно любому другому переживанию, приобретает особый аспект благодаря этому знанию...²

Весьма существенной для Ясперса оказывается парадоксальная мысль: будучи конечен, человек пребывает в бесконечности.

Совпадение конечного и бесконечного во времени не может быть продолжительным. Лишь в отдельные мгновения конечное и бесконечное могут, так сказать, соприкасаться друг с другом, что всякий раз приводит к «взрыву» конечного. Посему человеческое действие и любая человеческая мысль служат чему-то непостижимому, осуществляются в этом непостижимом, поглощаются и подавляются им. Мы называем его судьбой или провидением³.

Философии свойственно неистребимое желание распознать это иное, обнаружить путь, на котором человек мог бы овладеть им — сначала через познание, а затем через планирование и действие. Однако, по мнению Ясперса, человек — особый род сущего. Не-

¹ См.: Проф С. Человек перед лицом смерти. М., 2002.

² Ясперс К. Указ соч. С. 579.

³ Там же. С. 914.

окончательность, незамкнутость, неполнота — это знак бытия мира. Мы можем рассматривать это свойство мира и человека с философской точки зрения. Но мы не можем преобразовать в нечто конечное то, что остается для человека бесконечным, — ибо человек пребывает в бесконечности и принимает конечное на себя, и эта экзистенциальная ситуация в итоге приводит к преодолению конечного.

Начиная с 1920 г. Фрейд приступил к созданию нового теоретического остова для психоанализа. С этого времени ведут свой отчет теория инстинктов Жизни и Смерти, навязчивое повторение, деление личности на Эго, Супер-Эго и Ид, новая теория природы тревоги. Эти искания находились в русле общих для философов и психологов поисков основного инстинкта, который определяет жизнедеятельность людей.

Бог смерти Танатос в древнегреческой мифологии был сыном Никты (Ночи) и братом-близнецом бога сна Гипноса. Его изображали обычно в виде крылатого юноши с погашенным факелом в руке. Иногда в его руках был карающий меч. Танатос, как считали древние греки, обладал железным сердцем, не принимал даров и вызывал ненависть других богов. Культ Танатоса был весьма продолжительным в Спарте.

Существовала и иная мифологическая версия. Согласно ей, Танатос числилась богиней (а не богом) смерти. Она выполняла поручения Зевса. Миф рассказывает, будто Сизиф, за которым была послана Танатос, обманул ее, заковал в цепи и держал несколько лет. Люди в ту пору вообще не умирали. Однако Танатос в конце концов освободилась и увлекла Сизифа в ад. Но тот сумел обмануть ее и вернуться на Землю. Это был единственный умерший, которому удалось вернуться к живым. В дикой и суровой Фракии, которая находилась к северу от Эллады, жили племена, которые, как свидетельствуют историки культуры, поклонялись неведомому богу. На жизнь эти люди смотрели как на тяжкое несчастье. Рождение ребенка встречалось у них плачем. Близкие, рассказывает Геродот, сидели вокруг новорожденного и оплакивали его, и скорбели о несчастьях, которые ждут его в жизни, и перечисляли все человеческие страдания. Умерших же погребали с радостью и ликованием и говорили: «Теперь он избавился от всех зол и живет в блаженстве». Жены умершего ссорились друг с другом за честь быть зарезанной на могиле мужа. Люди с радостным одушевлением шли в бой навстречу смерти, потому что смерть казалась им прекрасной.

Фрейд выделяет дихотомическую пару — Эрос и Танатос. Он считал, что инстинкт смерти направлен против самого живого организма и потому является инстинктом либо саморазрушения, ли-

бо разрушения другого индивида. Если инстинкт смерти оказывается связанным с сексуальностью, то он находит выражение в формах садизма или мазохизма. И хотя Фрейд неоднократно подчеркивал, что интенсивность этого инстинкта можно редуцировать, основная его теоретическая посылка гласит: человек одержим одной лишь страстью — жадой разрубить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать.

В своих ранних трудах Фрейд делал акцент почти исключительно на сексуальности. Страх смерти толковался как производное от тревожности, связанной с разлукой или страхом кастрации, и коренился, с его точки зрения, в предэдиповых и эдиповых стадиях развития либидо. Большинство последователей Фрейда приняли данный подход, внося в него изменения и дополнения.

Суммируя данные психоаналитической литературы, О. Фенихел выразил сомнение в существовании такого феномена, как нормальный страх смерти. С его точки зрения, сама идея собственной смертности является субъективно бессмысленной, и потому этот страх просто скрывает подсознательные идеи. Случается, что последние по своему характеру относятся к либидо, и тогда их можно понять через историю пациента. Чаще всего определенные воспоминания детства трансформировали страх утраты любви или кастрации в страх смерти. Кроме того, идея смерти может отражать либо боязнь наказания за ее пожелание, либо страх перед собственным возбуждением, особенно перед сексуальным оргазмом.

Сам Фрейд в результате клинических наблюдений довольно решительно изменил взгляды на жизнь. Указания на подобную перемену можно обнаружить в его теоретических построениях, выполненных между 1913 и 1920 гг. и особенно в его анализе пьесы Шекспира «Венецианский купец» (тема трех дарцов), а также в эссе, озаглавленном «Мысли на случай о войне и смерти». В этих работах он выказал явную тенденцию к переосмыслению раннего тезиса о том, что «смерть как таковая» не присутствует в человеческом сознании.

В 1920 г. Фрейд свел воедино свои взгляды на смерть и придал им законченный вид, сформулировав обширную биопсихологическую теорию человеческой личности. В работе «По ту сторону удовольствия» он постулировал существование двух типов инстинкта: служащего сохранению жизни и стремящегося вернуть его туда, откуда она произошла. Фрейд видел существование глубоких взаимоотношений между названными группами инстинк-

тивных сил, а также наличие двух противоположных тенденций в физиологических процессах человеческого организма — анаболизма и катаболизма.

Процессами анаболизма называются те, которые способствуют росту и развитию и запасу питательных веществ. Процессы же катаболизма связаны с потреблением запасов и расходом энергии. Фрейд также связал эти два вида деятельности с двумя типами клеток в человеческом организме: половыми — потенциально вечными, и образующими тело, которые неизбежно погибают. Раньше практически все проявления агрессивности он оценивал как форму сексуальности и определял как садистские по существу.

В новой концепции Фрейд соотнес их с инстинктом смерти. Согласно данной точке зрения, такой инстинкт действует в человеческом организме с самого начала, постоянно превращая его в неорганическую систему. Разрушительная сила может и должна быть частично отвлечена от своей основной цели и переключена на другие организмы. Судя по всему, для инстинкта смерти не важно, действует ли он по отношению к объектам внешнего мира или против самого организма, но важно достижение главной цели — разрушения.

Последние замечания, касающиеся роли инстинкта смерти, появляются в последней значительной работе Фрейда «Очерк психоанализа» (1938). В ней коренная дихотомия между двумя могучими силами: инстинктом любви (Эросом) и инстинктом смерти (Танатосом) — становится краеугольным камнем понимания Фрейдом ментальных процессов. Данная концепция была для него ведущей в последние годы жизни. Эта важнейшая ревизия психоаналитической теории не вызвала большого энтузиазма со стороны его последователей и была полностью включена в основное русло психоанализа. Рудольф Браун, выполнивший обширный статистический обзор работ, связанных с теорией Фрейда, предполагающей существование инстинкта смерти, обнаружил, что большинство из таких работ явно враждебны этой концепции учителя.

Многие авторы расценивали интерес Фрейда к проблемам, связанным со смертью, и введение Танатоса в теорию влечений как чужеродное образование в его психологической концептуалистике. Были также упоминания о том, что основой для столь неожиданно-го аспекта мышления Фрейда явились, возможно, личные факторы. Некоторые авторы толковали его поздние идеи как вытекающие из его собственной озабоченности смертью, как реакцию на начавшее-

ся раковое заболевание и гибель близких членов семьи. В своем упомянутом выше обзоре Брун предположил, что на возникновение теории Фрейда о существовании инстинкта смерти, вероятно, повлияла его реакция на Первую мировую войну.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. Гроф С. Человек перед лицом смерти. М., 2002.
3. Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1992.
4. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2000.
5. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

Вопросы для повторения

1. Почему духовность является в наши дни востребованным понятием?
2. Отчего понятие «дух» имеет много значений?
3. Как К. Ясперс разделяет понятия «душа» и «дух»?
4. Что такое «трансцендентность»?
5. Отчего русская философия уделяла большое внимание феномену духовности?

Темы докладов и рефератов

1. Душа и дух: опыт теологического различения.
2. Эрос и Танатос.
3. Проблема смерти в трансперсональной психологии.
4. Духовность в оценке русской религиозной философии.
5. Обнаружение душевных болезней.

Жизнь как сценарий

*Опустошенные словами,
Мы упадем на край судьбы.
И жизнь, как боль, пройдет над нами,
Едва коснувшись головы.*

Валерий Казаков

Куда уходят люди после того, как они умирают? Их жизнь прежде была полна подробностей. Мы помним, как они улыбались, как страдали, как верили. Трудно представить, что все эти неизгладимые частности исчезли навсегда. Попробуйте, склонившись над колыбелью, угадать набросок судьбы. Французский писатель Анатоль Франс вложил в уста своего персонажа простые слова: люди рождаются, живут и умирают. Это сказано историку, который потерял написанную летопись. Не надо печалиться. И так все ясно.

О том, что судьбу не угадать, теперь я буду рассказывать, обращаясь к семейной истории. Жизнь кристаллизует ситуацию, придает им обобщенный смысл, выдает сокровенные тайны... Однажды, вернувшись из заграничной командировки, я рассказывал друзьям про некоторые смешные эпизоды, которые случились во время нашего путешествия. Коллеги смотрели на меня и озадаченно спрашивали: «Что, так и было? А мы-то в это время что делали?»

Не буду скромным — «увидеть» и «услышать» — это своего рода искусство. Разве не смешно, когда на Всемирном философском конгрессе руководитель советской делегации, услышав, как президент Всемирной федерации философских обществ Олвин Димер сказал с трибуны: «Лейдис энд джентльмен», ткнул меня в бок и спросил: «Что он сказал?» «Пока ничего особенного, — ответил я. — Он призывал нас к тишине...»

Можно пройти по жизни и ровно ничего не увидеть и не услышать. Помню, академик Марк Борисович Митин задумал надиктовать свои воспоминания. Мы с интересом ждали пикантных подробностей, интересных исторических деталей. А Марк Борисович на полном серьезе диктовал: «Товарищ Сталин стоял у окна и курил трубку. Он повернулся ко мне, выпустил дым и сказал: "Здравствуйте, товарищ Митин"».

Только и всего. А где же «подробности жизни»? Где рассказы о людях того времени? Где особый аромат эпохи. Один дым из трубки...

Мне кажется, нормальное психологическое состояние — это обостренный взгляд на то, что было, что есть и что будет... Взгляд порой пронзительный, достающий до самой аорты... Как поблекла бы история, если бы исчезли семейные предания, которые мы или еще кто-то слышали в детстве, те самые «конкретности», из которых соткана жизнь. Вот чашка, из которой любила пить чай бабушка... А это подкова. Отец оставил ее на счастье, когда уходил на фронт. А этот альбом остался от дальнего родственника. Сколько раз хотели выбросить эти получужие фотографии. Но этот посланный нам когда-то взгляд?..

Мой дедушка. Он жил долго. Никто толком не мог сказать, сколько ему лет. В свое время, получая паспорт (многие десятилетия вообще жили без паспорта), дед «вернул себе молодость». Помню с детских лет постоянное изумление: «Неужели он еще жив? Ведь он и тогда был глубоким стариком». Дед работал в кузнице, стоявшей на берегу быстрой речки Уды. Живя в Бурятии, я рылся в архивах, пытаюсь узнать, как мои предки попали в те ссыльные края. Однажды наткнулся на ценный документ. Оказывается, их выслали в позапрошлом веке из Литвы. Дед припомнил: я совсем маленький, и мы каждый день идем, идем через города и села. Идем, и кажется, нет конца нашей дороге...

Когда умерла бабушка, мой отец и его сестра звали дедушку жить в их семьях. Дед молчал. И вдруг женился. А жена оказалась совсем молодой. Помню: дедушка совсем старый, еле передвигается, ступает медленно. Он сел в кресло, а там маленькие котятка. Задохлись, родимые. А дед шел в кузницу, там ему помогал мой брат, совсем еще подросток... Но не дед не сдавался...

Моя бабушка. Я плохо помню ее. В комнате висел снимок. Живой вопросительный взгляд, казалось, преследовал меня в каждом уголке комнаты. Мне всегда казалось, куда бы я не двинулся, ее глаза следуют за мной. Она умерла в тот день, когда у меня был очередной день рождения. Час в час. Она ушла из жизни, унося с собой немой вопрос, который вроде был адресован мне. Помню, как неожиданно стали покрывать зеркала черной тканью. Слышал шепот: «Если бы не война, могла бы жить... От голода...» А у соседей от недоедания умерла маленькая девочка Полина. Я даже не могу представить себе горе родителей, которые мучились сами, но не могли сберечь искру совсем юной жизни. Краткий миг моего пребывания на земле уже истекает. Но меня постоянно мучает вопрос: почему ни разу в жизни мне не удалось отметить свой очередной день рождения? Я ловлю загадочный бабушкин взгляд на фото и вдруг осознаю: теперь и в моих глазах можно прочесть недоумение, которое охватывало меня в те далекие годы...

Мой отец. Когда я учился в третьем классе, меня захватила иступленная любовь к поэзии. На каждом уроке я читал стихи, которые заучивал быстро и предельно заинтересованно. Однако запас «мойдодыров» и «бескрайних просторов Родины» быстро истощился. Наступил кризис жанра. Я долго рыскал по книжной полке и неожиданно наткнулся на старую тетрадь. Мой отец, когда был совсем молодой и служил в армии, записывал в эту тетрадь «чувствительные стихи». Я с огромным энтузиазмом читал эти поэтические строчки, а на уроке весьма вдохновенно декламировал:

Бледно луна озаряла,
Старый кладбищенский двор,
А там, на могиле у сына,
Плача рыдал прокурор...

Молодая учительница, спасаясь от ленинградской блокады, застенчиво польхая, сказала:

— Это хорошие стихи, но заучивать их не надо...

Мой отец уходил на фронт много раз. Прощался с семьей и возвращался обратно. Приказы из Москвы шли один за другим. Готовились бои с Японией.

В тот день меня позвали с урока: иди, попрощайся с отцом. Он поднял меня на руки, обнял и шагнул за роковую черту. Уже в самом конце войны наша семья получила извещение: «командир гвардейского взвода погиб во время атаки и похоронен в братской могиле в правом берегу реки Даугавпилс». «Братская могила, — думали мы, — где ее искать?» Но племянница нашла. Оказывается, после боя убитых закопали в пригородах Риги, а позже на гранитном постаменте написали их имена. Рижане привели меня к этому обелиску. Я оценил их деликатность. Они отошли в сторону. И я безмерно благодарен им. Какая щемящая инверсия. Старый кладбищенский двор. А сын рыдает на могиле отца. Читатель, если вам не приходилось плакать по ушедшим из жизни, оставьте меня у холодного гранита и пропустите эти строчки...

Как шел этот последний бой? Мой отец, командир гвардейского взвода, ждал, когда закончился артподготовка... Чуть пригнувшись, он пытался увидеть из окопа расположение противника. И вот стихла канонада. Отец бросился и окопа и крикнул: «Вперед!» Он пробежал всего лишь несколько метров. Пуля ударила в грудь. Он зашатался: свет стал меркнуть, и перед глазами отца встал тот кладбищенский двор и школьная площадка. Теперь уже все вместе.

Моя мама. Она была неграмотной, писала крупными буквами, кое-как. Никогда ничего не читала. К старости слух стал совсем плохой. Жила она долго, но сломанная шейка бедра почти на де-

сять лет приковала ее к постели. Чем жила мама, которая не смотрела телевизор, не слушала радио, не читала? Она лежала в кровати и вспоминала прошлое. Сознание ее до последнего мига была ясным, а воспоминания конкретными и яркими. Какие картины вставали перед ее внутренним взором?

Мама родилась в деревне. Как ей завидовали сельчане. Еще бы, красивый кузнец из города увез ее из деревни Ельцово. Жили мы в собственном доме на берегу реки. Но однажды взбесившаяся стихия унесла дом мощным потоком. Потом мы поселились в деревянном доме, без балконов и удобств. Когда отец погиб, мама осталась с четырьмя детьми. Самый младший — ваш покорный слуга. Образования у мамы не было, профессии тоже. Купили корову, продавали молоко. Перебивались впроголодь. Мама часто бегала к гадалкам. Те, разложив пасьянс или кофейную гущу, причитали: «Жив твой муж, терпи, он в плену». Мама плакала и отдавала последние деньги. Сейчас я, психолог, понимаю: не будь гадалок, не вынесла бы мама тяжелое бремя ...

Мой старший брат. Он умер в армии. Перебирая недавно семейные архивы, я поразился. Ему было только 19 лет. Брат очень хотел, чтобы я учился. Много сил отдал, обучая меня еще до школы. Уже кончилась война, все думали только о том, что смерть отступила. У брата после купания в Амуре воспалились гланды. После операции он не проснулся от наркоза.

Еще брат. Несколько лет назад отпраздновал 75-летие и умер. Всю жизнь с четырнадцати лет работал кузнецом.

Сестра. Всю жизнь жила в бедности. В конце жизни уехала в Израиль и там, радуясь благоденствию, вскоре умерла.

О себе. Тихим неспешным шелестом уходят последние сроки жизни. Она еще здесь, а мысли нередко убегают за дальний окоем. Пришло время отодвинуть свою жизнь на расстояние вытянутой руки и разглядеть ее особость. Она не удалась, пишет сатирик, но попытку зачли. Я был счастлив, хотя судьба отказала мне во многом. Город, где я родился, — окраина пустыни Гоби. Третью своей жизни я был полуголодным. Из четырех детей я последний. Сначала война, потом отчаянная попытка уехать, чтобы учиться. Родня напугивала: «Пей рыбий жир, чтобы выжить...»

Помню, в крутой банной компании уже много лет спустя зашел разговор о еде как радости жизни. Кто-то спросил: «А ты, Паша, что любишь?» Я сказал, что, когда выхожу из голода, люблю разваренную гречку». Братки рассердились: «Плебей, о чем толкуешь?. Бычий глаз.... Суворовская вырезка, а?» Нет, с этим я не очень. Но знаю вкус свежей выпечки, подслащенной воды и разбухшей крупы... Разве этого мало?

Был у меня и духовный наставник. Его звали Сергей Владимирович Каллиоли. Потомок греческой аристократии, жертва войны, он оказался в Улан-Удэ, высокий, красивый и безмерно талантливый. Там в детском радиотеатре мне открылись тайны творчества, муки вдохновения. Однажды в радиокомпозиции, которая рассказывала о встрече Державина с лицеистом Пушкином, я должен был читать текст «от Державина». Передача шла в живом эфире, мы сидели на стульях полукругом. И Сергей Владимирович неожиданно изменил свою роль. Он взял мой текст и прочел его сам. Об усталом, дряхлом Державине, который скорее по обязанности сидел за столом, вяло слушаая выпускников. Но вот прорезался голос еще одного лицеиста. Старый поэт встрепенулся, ожил, а потом и обнял юного Сашу.

Конкурс для поступающих в Уральский университет был серьезным: 25 человек на одно место. Я сдавал литературу молодой женщине, которая поправляла меня на каждом слове. Говоря, «во-первых» или «Бальзака», я ставил ударение на последнем слове. Грязная речь, могла поставить «удовлетворительно» или «хорошо», но поставила «отлично». Ее уже нет в живых. А я до сих пор думаю о ней с благоговением. Думаю, своей жизнью не посрамил интуицию педагога...

Мемориальная доска. В Улан-Удэ был свой цирк и свой драматический театр. Я тоже участвовал в театральных постановках на радио. Молодая актриса театра, которая постоянно играла мальчиков и девочек, однажды позвала меня к себе в гостиничный номер. Это строение мне было хорошо знакомо. Я часто бывал там и, постукивая в дверь, спрашивал: «Молока не надо?» Помню, в одном номере жил страшный негр. Он выступал в цирке и в соответствии с амплуа изображал нечестного и злобного борца. Его партнер, белокурый красавец, стиснутый мощным приемом, мучительно и обреченно извивался, но в последнюю минуту бросал соперника на ковер. Негр вскакивал и требовал немедленного реванша. Но судья был неумолим: завтра, не сегодня... На завтра — аншлаги...

Однажды я постучал в дверь и услышал оттуда злобный рык:

— Сказаль, не надо...

Так вот я пришел к актрисе, вошел в ее номер. Она встала с кресла и, подойдя ко мне, вдруг перешла на страстный шепот:

— Павлик, — сказала она с придыханием, — ты должен знать, что я безумно люблю тебя. Венька — тоже красивый мальчик, но мое сердце принадлежит тебе...

Я выскочил из номера потрясенный и побежал искать Веньку. Потом мы помчались к гостинице, томимые зовом плоти и пред-

вкушением таинств жизни. В номере, кроме актрисы, мы застали пожилого актера, с которым шла неторопливая беседа. Мы остановились крайне раздосадованные. «Что такое фрустрация?» — спросил я как-то своего студента. Он ответил: Ну, это, в общем, облом...» Я шел домой, думая о коварстве женщин. Что это было? Зачем? Ясно одно:

Продолжения не будет.

Михаил Светлов написал замечательные строчки:

Уже на юности пририта

Мемориальная доска...

Шли годы, и я понял: актриса и не думала всерьез объясняться мне в любви. Она репетировала. Боже мой, как все просто, ей хотелось органики, живой человеческой реакции. Интересно, в самом деле, как у подростков рождается ответное чувство, как они реагируют на признание. Одним словом, как говорил один киноперсонаж: «Выпьём за систему Станиславскую...» А я-то...

Да, уже на зрелости пририта мемориальная доска. Уже на старости пририта...

Продолжения не будет...

Жизнь не удалась. Но попытку, по-моему, зачли...

Моя дочь. Кристина буквально росла на моих руках. Ночью, когда она плакала, я вставал и баюкал ее. Однажды я катил коляску с наследницей. В нашем захолустном районе ко мне подошел бомж и, слегка заикаясь спросил:

— М-мальчик?

— Нет, девочка, — сказал я.

— М-мальчик лучше, — ответил бомж.

— Почему же?

Бомж ответил радостно, ликующе:

— А его как-то не видно. То он в тюрьме, то в армии...

Если читатель прочтет и эти заключительные строчки, он, вероятно, подумает вслед за Шекспиром: жизнь — это история, рассказанная безумцем. Но у меня другое мнение, и, если удастся, я постараюсь рассказать и о других судьбах.

Оглавление

Введение	3
ЧАСТЬ I. ФРЕЙД В ПОТОКЕ ИСТОРИИ	11
Тема 1. Что такое психоанализ?	12
Тема 2. Психоанализ в России	27
Тернистый путь 27 Реабилитация бессознательного 31	
Воскрешение психоанализа 34 Так бум или не бум? 39	
Тема 3. Фрейд конечный и бесконечный	43
Глазами пошляка 43 Был ли Миклухо-Маклай папуасом? 48	
Величие Фрейда 51 Бессознательное 57	
Тема 4. Фрейд как философ	64
Специфика любомудрия 64 Новое философское направление 70	
Фрейд среди философов 72	
Тема 5. Тайные страсти Фрейда	82
Либи́до 82 Приватный Фрейд 88	
ЧАСТЬ II. ЧЕЛОВЕК КАК ОСОБЫЙ РОД СУЩЕГО	97
Тема 6. Уникален ли человек? 98	
Выстрел в детскую психику 98 Специфически человеческое 100	
Множественность образов 103 Теория инстинктов Фрейда 107	
Иноприродность человека 113	
Тема 7. Феноменология человеческой жестокости	118
«Жизнь кричит, защищаясь от зла...» 118 Человек — волк или овца? 122	
И это человек? 127 Философия ненависти 130	
Тема 8. Человеческое бытие	135
Мой крест 135 Человеческое бытие 138 Расколотость человеческого	
бытия 141 Экзистенциальная трактовка человеческого бытия 143	
Экзистенциалы 144 Человек — не безличный объект 146	
Ситуация повседневного выбора 147	
Тема 9. Целостность человека	150
Капитуляция перед жизнью 150 Жизненный выбор 154	
Целостность как проблема 155 Однополюшарная неотзывчивость 158	
Интегрированность как проблема 161	
Тема 10. Феномен личностного роста	168
Изобрести человека! 168 Личность как понятие 171	
Индивид как понятие 175 Персонализм 182	
ЧАСТЬ III. ЗДОРОВЬЕ КАК ФЕНОМЕН	185
Тема 11. Клинические аспекты здоровья	186
Мнимый больной 186 Отсутствие болезни 189	
Ускользающее определение 194	

Тема 12. Норма и патология	203
Личностное ядро 203 Что такое Эго? 207 Право на патологию 211	
Феномен вырождения 213	
Тема 13. Сумасшедший, вы безумны...	218
История Артема 218 Безумие 224 Бредовые состояния 229	
Тема 14. Психопатология обыденной жизни	240
У каждого времени — свои безумцы 240 Феномен абсурда 249	
Миф душевной болезни 250	
ЧАСТЬ IV. ПАЦИЕНТ И АНАЛИТИК	261
Тема 15. Терапевтический сеанс	262
Как проходит психоаналитическая встреча? 262	
Тема 16. Феномен бессознательного	274
Живые картинки прошлого 274 Структура бессознательного 277	
Жуткая исповедальня 282 Ступени аналитической работы 286	
Тема 17. Защитные механизмы	294
Сублимация 294 Перенос 298 Контрперенос 309	
Механизм идентичности 320 Другие механизмы 327	
Интерпретация сопротивления и функционирования защитных механизмов 329	
ЧАСТЬ V. ТЕОРИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ	331
Тема 18. Испорченный ребенок	332
Непризнанный вектор 332 «Великий совратитель» 334	
Полиморфно-перверсный 338 Проблема детской сексуальности 341	
Тема 19. Эротическое влечение ребенка к родителю	344
Прегенитальная сексуальность 344 Эдипов комплекс 349	
Тема 20. Сексуальное программирование	362
Судьбические сценарии 362 «Целовал лишь только в грудь» 371	
Тема 21. Сексуальные перверсии	381
Лесбиянство 381 Гомосексуализм 384 Вуайеризм 391 Фетишизм 392	
Экстибиционизм 395	
ЧАСТЬ VI. ТЕЛО, ДУША, ДУХ	399
Тема 22. Тело	400
Нелюбимое тело 400 Функционирование тела 406	
Репрессированное тело 409 Феномен телесности 423	
Тема 23. Душа	429
Не вещь... 429 Без комплексов 437 Связь поколений 441	
Тема 24. Дух	448
Духовные ориентиры 448 Понятие трансцендентности 450	
Роль духовности 453 Духовный опыт 455	
Психиатрия и духовное развитие 457 Русская философия о духовности 458 Образы смерти 464	
Жизнь как сценарий	472